

АБИШ
КЕКИЛЬБАЕВ

АБИШ КЕКИЛЬБАЕВ

3 ТОМ

Алматы
Жазушы, 2001

ББК 84 Каз 7-44
К 28

Кекильбаев А.

К28 Романы, повести, рассказы, драма, статьи в VI томах. – Алматы: Жазушы, 2001. – 496 с.

Т. 3: роман, статья

В романе известного казахского писателя Абиша Кекильбаева показан исторический процесс добровольного присоединения Казахстана к России, осознание казахским народом прогрессивного значения этого политического акта, духовное и культурное сближение двух народов.

Событийный ряд романа основан на историческом материале.

К $\frac{4702230200-28}{402(05)-2001}$ без объявл. – 2001 ББК 84 Каз 7-44

ISBN 5-605-01744-6 (общ.)
ISBN 5-605-01756-X (том 3)

© «Жазушы» баспасы, 2001
© А. Кекильбаев, 2001

POMAH

ПЛЕЯДЫ – СОЗВЕЗДИЕ НАДЕЖДЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТУПИК

*Воспоминания – что заброшенная тропинка
в степи, куда только не заведет...*

Абай

– Бисмилла! – тихонько благословил сам себя Абулхаир-хан и развязал шкурок на шелковом мешочке длинными, ставшими от долгой разлуки с оружием изнеженными пальцами. Чуть помедлил и высыпал из мешочка на большой белый платок джидовые косточки. Их было сорок одна, похожих на темные, отполированные камешки.

Абулхаир-хан разделил их на три части. Посмотрел в раздумье на правую кучку, отсчитал по четыре косточки, подвинул вверх одну оставшуюся. Проделал то же с двумя другими кучками, лишними в одной оказалась одна косточка, в другой – три. Они заняли место рядом с тремя косточками из первой кучки.

Хан сгреб косточки в одну кучку, перемешал их и опять разделил на три части. Теперь в остатке оказались четыре косточки, в середине – две, слева – две. Они выстроились во второй ряд.

Пальцы с едва уловимой нервозностью повторили ту же комбинацию в последний раз. Отчетливо затемнели на платке косточки: справа – три, в центре – четыре и слева – по одной.

Абулхаир-хан впился взглядом в ряды из джидовых косточек. Глаза его выдавали неуверенность и робкую

надежду. Побелевшие губы окаменело сомкнулись. Лицо, обычно бесстрастное и спокойное, сейчас выдавало разыгравшуюся в душе Абулхаира бурю, охватившее его смятение.

Не выдержав напряжения, словно пытаюсь избавиться от роя запутанных, противоречивых мыслей, Абулхаир-хан поспешно накрыл косточки уголком платка. Резко откинулся на пуховую подушку, что была за его спиной, и так же резко выпрямился, будто натолкнулся на что-то острое. Быстрым нетерпеливым жестом откинул уголок платка: рядов и кучек больше не было – косточки смешались.

Хан собрал косточки и положил их обратно в шелковый мешочек.

В просторной белой юрте послышалось легкое движение. Это поднялась с места байбише – старшая жена Абулхаир-хана.

Байбише тихонько приблизилась к мужу и привычным движением подложила ему под спину еще одну пуховую подушку. На их безмолвном, понятном только им языке это означало: «Устал ведь, отдохнул бы немножко».

Абулхаир-хан покосился через плечо на подушку, насупись, будто она с ее бодро торчащими углами вызывала у него раздражение. Он промолчал, остался сидеть в прежней своей позе – прямой, натянутый, как струна. «Ишь как рассыпались... Перепелиный помет – да и только!» – мелькнула у него мысль.

Двадцать одна оставшаяся в остатке косточка, точно наваждение, неотступно стояла у него перед глазами. Хан устало прикрыл веки. Но эти проклятые косточки, как нарочно, не исчезали. Он побледнел как полотно.

«Беда!.. Жаль, очень жаль!.. – подумал хан и с трудом сдержал готовый было вырваться тяжкий вздох. – Был бы сейчас рядом Тайлан!»

При мысли о Тайлане хану стало легче. Он решил, что не станет сам толковать расположение косточек. Опасное это и ненадежное занятие. Особенно когда пытаешься предугадать, как повернется дело такой важности. Дело его жизни.

Абулхаиру пришла на помощь услужливая память. Он вспомнил историю о двух невестках.

Беременная женщина увидела во сне, что два волчонка сосут ее груди. Проснувшись она в страхе и поведала по-

утру сон своей абысын¹. А та и вскричи: «Несчастливая, тебя волки загрызут!..» Пошла бедняжка в степь собирать кизяк, а там волки ее и впрямь загрызли. Похоронили молодку со слезами и причитаниями. Спустя какое-то время невестка рассказала свекрови про дурной сон, который-де навлек на покойницу гибель. Свекровь взвыла: «Ах ты пустоголовая, ах ты безмозглая! Кто же толкует сны в худую сторону? Она, несчастенькая наша, бедняжка наша, двойню ведь родила бы! Сон-то был к этому! Сон-то ведь счастье предсказывал!»

«Да, сам я, видно, мало чем отличаюсь от беременной той женщины! – корил себя Абулхаир-хан. – Тоже перепуган до смерти. Так же жажду ответа на свои вопросы. Нет, нет. Сам не буду доискиваться до смысла гадания. Зачем накликать на свою голову беду? Зачем стараться проникнуть в тайну, которая сокрыта в этих косточках, когда так тревожно на сердце? Лучше послать гонца к Тайлану. Тот не ошибется, все поставит на свои места!»

Абулхаир-хан поднял голову и посмотрел на шанырак². Сквозь него он увидел яркое солнце. «Да, самая жаркая пора лета – шильде – близится к спаду, – подумал хан. – Скоро кончится лето, а там пожалует осень... Как летит время!»

Словно угадав его мысли, легонько вздохнула байбише, потом прислушалась, сдвинула полог юрты. Теперь и хан услышал шаги. Кто-то остановился поблизости от юрты.

– Алдияр! Мой повелитель! – глухо раздался голос.

– Входи, Мырзатай, входи! – живо отозвалась байбише.

На пороге выросла фигура статного мужчины. Переступив через порог, Мырзатай прижал к груди руку, в которой держал длинную камчу, и поклонился. Потом ступил на кошму, что лежала перед расписным ковром, опустился на колени. Сдернул с головы шапку на белой войлочной подкладке, положил ее рядом. От Мырзатая шел кисловатый терпкий запах прокаленной солнцем степи и крепкого мужского пота.

– Все ли в добром здравии? – задал он обязательный вопрос.

¹ Абысын – жены братьев друг к другу обращались: «Абысын».

² Шанырак – деревянный круг, венчающий купол юрты.

– Здоровы, здоровы! Какие вести привез? – ответила байбише.

Сидевший на торе¹ хан по поведению Мырзатая понял, что вестей тот не привез, и тяжело вздохнул.

– Ничего особенного вроде нет, – ответил Мырзатай и принялся вытирать рукавом пот со лба.

– Что говорят башкиры? – спросил нетерпеливо Абул-хаир-хан.

– Что говорят? Ничего! Помалкивают!

Хан шевельнулся, расправил плечи, будто изготовился к прыжку.

– Но хоть что-нибудь ты разузнал?

– Говорят-то разное. Не разберешь сразу, где правда, а где ложь. – Мырзатай наморщил лоб. – Одни говорят: башкиры неспроста ведут себя так нагло, кто-то их подстрекает, ведь сразу пять набегов совершили, разбойники! Другие шепчутся, что мы сами наступили на хвост спящей змеи, отправив послов в Россию. Третьи намекают, что зря мы пошли на поклон к царице. Она хоть и женщина, но прошлое не забыла. А оно всякое было. Она, наверное, не забыла, сколько мы съели из русского котла, – все подсчитала. И теперь, если мы не уберемся подальше от русской границы, покоя нам не будет. Некоторые прямо называют Тургай и Иргиз: лучше бросить нам эти места и откочевать... Говорят и про Улытау...

Ни один мускул не дрогнул на бледном лице хана. Казалось, наоборот, оно стало даже спокойнее.

– Э-э-э! От некоторых аулов только следы остались... Если хан не хочет сдвигаться с места, это его дело! Пусть потом пеняет на себя. Сколько можно сиднем сидеть, ждать, когда русские смилостивятся, облагодетельствуют нас? Нету больше сил терпеть грабежи и разбой от башкир! Нет сил уповать и надеяться попусту отведать молока яловой телки: что толку в мечтах об опоре на сильного? Мечты – они и есть мечты. Как дым – появятся и уж нет их, рассеялись!

– Ладно! Хватит тебе! Что слышно о наших посланцах? – прервала Мырзатая байбише.

Хан нахмурил брови, и Бопай умолкла.

– Если бы слышал, то сообщил бы, зачем мне скрывать? Толком о них никто не знает. Ходят слухи, что ца-

¹ Торь – почетное место в юрте.

рица задержала наших послов, не желает отпускать их домой. Как же отпустит она послов хана, который столько раз нападал на русских, чинил им беды!

Хан удивленно посмотрел на Мырзатаю. Тот продолжал:

– Люди во многих аулах думают, что ничего из нашей затеи не выйдет! Не захотят русские поддержать нас, взять в союзники. Неспроста башкиры так распоясались!

Байбише осторожно покосилась на мужа: продолжать разговор или прекратить. Лицо хана было по-прежнему бесстрастным и спокойным. Самого же Мырзатаю собственный рассказ не радовал. Он умолк, сделал судорожный глоток и обратился к байбише:

– Апа, умираю от жажды! Кумыса бы...

– Эй, там! Принесите Мырзатаю кумыс! – крикнула байбише, слегка повернув голову к двери.

Раздались торопливые шаги. Почувствовав, что хан потерял к нему интерес, Мырзатай стал докладывать байбише о поручениях, которые она давала ему, когда он отправлялся в дорогу. Он принялся рассказывать ей, что видел на базаре, чем базар был богат, что привез, а что – нет. По всему было видно – этот рассказ доставлял Мырзатаю истинное удовольствие. Потому и глаза его блестят, потому и речь его так и льется, так и журчит.

Собравшись уже покинуть ханскую юрту, Мырзатай вдруг повернулся к хану, будто вспомнил с запозданием что-то важное:

– Алдияр, как-то я ночевал у Тайлана. Он сказал мне: «Пожелай своему жезде¹ здоровья!» Не обессудьте, что не сразу выполнил его наказ.

– Спасибо за добрую весть...

– И еще... – Мырзатай замялся, потом добавил: – Еще Тайлан сказал: «Спроси у своего жезде, почему он ведет себя, как жених, тайком прокрававшийся к невесте? Скрылся в своей ханской юрте, никому на глаза не показывается. Человек, правящий народом, – еще сказал Тайлан, – должен хоть иногда появляться на людях...»

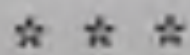
Лицо хана осветила улыбка.

– Сына его видел? Вырос?

– Еще как вырос! Джигит! Любого скакуна оседлать может!

– Так, так...

¹Жезде – муж старшей сестры.

По степи брел одинокий путник, держа под уздцы тощего коня. На голове у него был поношенный лисий трехух, на теле – выдавшая виды одежонка. Путника звали Итжемес, в дороге он был не день, не два, не месяц – почти год. И за этот год отшагал он по бескрайней степи столько дорог и дорожек, троп и тропинок, что не счесть! Итжемес неспроста бродил по степи: он искал своего верблюжонка. Который был единственным его богатством и который однажды исчез из аула.

«Да, – думал Итжемес, – пусто нынче в степи, ни одной человеческой души не встретишь. Одни куланы! Носятся косяками, будто нарочно дразнят меня!.. Эх, как представляю себе казан с дымящимся куланьим мясом, так даже слюнки текут».

Косяки проносились мимо Итжемеса: покажутся, приблизятся и исчезнут, словно мираж. «Чтобы дикие, шальные куланы стали грудями душистого, нежного мяса, – прикидывал в уме Итжемес, – надо сначала их поймать, повалить, связать ноги... А потом уж наполнять казаны и варить. И есть, есть, есть лакомые куски! Насытиться вдоволь!» Глазами Итжемес готов был проглотить всех этих быстрых как ветер куланов. «Да где мне! Вон они опять уносятся, унося с собой мою мечту о еде!» Итжемес глотал слюну, изнывал от бессилья, пытаюсь унять голод, жадно вцепившийся когтями в желудок.

Итжемес так пристально вглядывался вдаль, вслед вольному дикому косяку, что почувствовал головокружение. Перед глазами у него поплыли радужные круги, на него навалилась усталость, ноги и руки стали непослушными, ватными от предательской слабости. Итжемес понял, что если он не отдохнет, то рухнет и едва ли сможет быстро подняться. Он еле-еле дотащился до невысокого бугорка в густо заросшей полынью ложбине. Первым делом спутал ноги коню и отпустил его попасть на воле.

Всюду, куда ни бросал Итжемес взгляд, простиралась степь – голая, равнодушная. «Прямо-таки лицо ворюги, а не степная гладь, – решил Итжемес. – Ничегошеньки в ней вроде нет, пустота и покой, а глядишь, и отнимет у тебя последнее... Эх, жаль, я в низине остановился! Надо было подняться в-о-о-он на ту темную гряду. Там бы и передохнул! – упрекнул он себя. – Недаром степняки с незапамятных времен ищут местечко повыше! Нужду справить и то лезут на холм!»

С трудом преодолев сопротивление ветра, который хлестал его по лицу, по груди, Итжемес добрался до заветной гряды и улегся на землю. Закрыв глаза и, как наяву, увидел казан с молоком и чашку с золотистой жирной сорпой¹. «О, аллах! Уж не бред ли у меня начинается?» – испугался Итжемес.

Он еще крепче сомкнул веки, свернулся клубочком и затих то ли в полусне, то ли в полуобмороке. Итжемес не заметил вдалеке клубы пыли.

Только что пребывавшая в покое земля, на которой Итжемес уснул, как на своем тихом и смирненьком коне, вдруг затряслась, задрожала. Птицы, которые, казалось, вымерли или покинули степь, поднимались словно из-под земли, суматошно били крыльями, в панике устремлялись в небо. Вмиг умолкли суслики. Их писк, услаждавший слух Итжемеса, резко оборвался, будто и не сидели они мирно у своих норок, не торчали, словно свечки, молясь солнцу.

Итжемес никак не мог понять, что же такое произошло. Он стряхнул с себя остатки сна, поднялся и осмотрелся по сторонам. Лошаденка его беспокойно фыркала, жадно ловила ноздрями незнакомые новые запахи, навострила уши. Откуда-то раздался оглушительный топот. Горизонт был во мгле, там, словно грозовые тучи, поднимались аж до самого неба клубы пыли. Серая масса, казалось, сейчас закроет собой весь белый свет. Синее, будто чистое озеро, небо потемнело и, утратив свою глубину и бездонность, стало походить на мелкую лужу.

Чтобы отвести беду, Итжемес схватился рукой за ворот, зашептал молитву. Он бормотал ее дрожащими губами. «Не к добру все это, ох, не к добру! Наверное, опять башкиры или джунгары! – лихорадочно заработали мысли Итжемеса. – Много мужчин, много коней снова потеряем. Сколько людей полегло зимой во время башкирского набега! До сих пор оправиться не можем! Сводим кое-как концы с концами, бедствуем, голодаем... Что нас ждет? Какие напасти? Да, тяжелая у нас доля. Таким, как я, непутевым бедолагам, останется одно: протянуть ноги с голоду».

Облака пыли угрожающе росли, надвигаясь на Итжемеса. Все, что находилось под небом, скрытым густой

¹Сорпа – мясной бульон.

пеленой пыли, ходило ходуном, гудело, хрустело. Степная твердь дрожала, сотрясалась в ужасе. Набравшие силу сочные травы втапывались в землю с хрустом, похожим на всхлипы.

Итжемесу со страху облака пыли показались огромными змеями, извивающимися в дикой пляске. А вдруг это и есть тот самый семиглавый айдахар¹, который должен вызваться из-под земли, когда наступит судный день? Куда же деваться? Кругом голая степь с крошечными кустиками: они не то что человека – зайца не скроют!.. Итжемес зашептал пересохшими губами молитву, уповая на чудо.

Теперь Итжемес ясно услышал стук копыт. «Неужто бывают айдахары с копытами? – сжался он, вобрал голову в плечи. – Бывают, видать, на то и светопреставление! О аллах!»

В панике, озираясь, ища спасения, Итжемес вдруг – о чудо! – заметил вблизи каменистую низинку. Там, обрадовался он, или лощина, или запруда, или канавка для стока дождевой воды. Там, может, удастся спрятаться.

Он пригнулся и побежал. Страх, желание во что бы то ни стало выжить гнали его вперед, к серо-голубым, как головки ящериц, камням, единственному его спасению.

Наконец ноги его ступили на что-то твердое. «Неужели они, камни? Конечно! Вон как врезаются в ступни! Да разве это боль... Это же счастье одно, это же надежда!» – задыхаясь от бега и радости, Итжемес остановился вдруг как вкопанный. Перед ним была не запруда и не канавка. Перед ним зиял ров! Ров, вырытый человеческими руками. Он был глубоким, длинным, имел форму дуги и был обложен с обеих сторон камнями. Раздумывать, доискиваться, почему здесь ров, зачем он да кто его соорудил, у Итжемеса не было ни охоты, ни времени. Он прыгнул в него.

На дне рва торчал остриями целый лес из копьев и пик! У Итжемеса перехватило дыхание: «Бог посылает мне такую смерть за грехи мои, за ненасытность мою! Сейчас пика пронзит мое жадное брюхо!»

Однако Итжемес отделался лишь легким ушибом, так как скатился в ров прямо по стене. Он повел глазами влево, вправо: всюду – у левого локтя, у правого локтя,

¹ Айдахар – дракон.

прямо перед носом – были копыя. Спinoй Итжемес почувствовал каменистую стену с грубыми выступами. Привалившись к ней спиной, Итжемес облегченно вздохнул.

Когда он немного успокоился, пришел в себя, то обнаружил, что принял за копыя и пики острые, упругие, длинные камыши. Кто-то не поленился, поработал на славу! Высушил камышовые стебли, обстругал ножом один конец, приладил здесь. Не одну, не две камышины, а вон сколько, глазом сразу не окинуть! Торчат, выжидают, в кого бы вонзиться, кого бы насадить на себя, чью бы пролить кровушку! Пролить как водицу. «Странно все это, непонятно! А самое удивительное, как это я уцелел, не поранился даже?! – размышлял Итжемес. – Хотя чему я удивляюсь? На то я и Итжемес! Недаром же, о господи, люди нарекают этим именем тех, кто никому не нужен. Итжемес-то на нашем языке одно-единственное означает: «То, что даже собака не ест». Родители же дают имя Итжемес младенцам, которые родились больными, хилыми, одним словом, на этом свете не жильцам!»

Он еще теснее прижался спиной к стене, ощутил ее сырую прохладу. Измученный пережитым страхом, обессиленный голодом, Итжемес закрыл глаза. И опять поплыли перед ним казаны с мясом, чаши с бульоном, чаши с кумысом...

Вдруг, словно ножом, полоснул по ушам Итжемеса пронзительный крик. Он открыл глаза, поднял голову, посмотрел вверх. Над рвом расстилалась пыльная пелена, нависла неопрятной, застиранной скатертью. Итжемес вспомнил впервые, что оставил там, в дьявольском аду, свою кобылу. С запоздалым раскаянием и жалостью он спросил себя: «Как же это я? Совсем лишился разума от страха! Что с ней, сироткой моей?»

И тут, совсем рядом с ним, что-то начало падать с тупым, тяжелым стуком. Хрип, хруст. Топот, стук, треск.

Над головой Итжемеса проносились какие-то вихри, какие-то тени. Из гигантского, напоминавшего свалывшуюся кошму чрева исторгались небывалых размеров камни и один за другим падали, падали вниз тяжеленным черным градом. Но эти камни не были мертвыми и немыми. Были они живыми и крики испускали, и вой, и стоны, от которых леденело сердце, волосы вставали дыбом. Наводящий ужас град не прекращался, а рев, стоны и визги усиливались, сливались воедино, в адский хор, в котором звучали смертельная боль и смертельный страх.

Итжемес подумал, что, может быть, кто-то в один миг, одновременно прирезал тысячу жеребят. Он закрыл ладонями уши, зажмурился. Оглушительный топот и душевраздирающие вопли, однако, не стали тише. Итжемесу казалось, что он сойдет сейчас с ума. Голова его закружилась, к горлу подкатила тошнота, но инстинкт подсказал ему: надо сидеть, не двигаться, не смотреть, не видеть, ждать. Ждать, когда прекратится эта смертоносная стихия, это жуткое нашествие, это дьявольское наваждение. Должно же оно прекратиться когда-нибудь!

Итжемес потерял сознание, а когда очнулся, в нос ему ударил запах крови и пота. Запах был такой сильный и резкий, что Итжемес чуть не задохнулся... Все поехало перед его глазами, завертелось вихрем, он опять впал в беспамятство.

Когда он пришел в себя, то первой мыслью, первым ощущением его было, что сейчас на него упадет что-то огромное, черное и навсегда погребет его под собой. Здесь, в этом рву.

Но время летело, шло, тянулось, а он оставался живым и невредимым. Тогда Итжемес широко открыл глаза. У самого края рва, напротив, выстроились всадники на сильных, сытых конях. Они заглядывали в ров, оживленно болтали друг с другом, скалили зубы.

Итжемес не мог сразу определить, на каком языке говорят эти уверенные в себе, разгоряченные люди. В ушах его еще звучали эхом крики, вопли, стоны, подобных которым ему прежде никогда не приходилось слышать. Единственный тот хор, что чуть не помутил его разум.

Между тем всадники успели заметить его. Они оживились еще больше: стали тыкать пальцами в его сторону, зацокали языками, загоготали.

«Чему они радуются?» — удивился Итжемес. И тут увидел: совсем рядом, слева, справа — повсюду — хрипели животные, пронзенные острым камышом. Их было видимо-невидимо. Одни уже отдали богу душу, другие бились в предсмертных судорогах, третьи силились вырваться из западни. Это были куланы — дикие, быстроногие дети степи. Совсем недавно они проносились рядом, мимо Итжемеса. На них взирал он со злобой, с жестокой мыслью о том, как бы поймать, зарезать, свалить. Набить брюхо их мясом, насладиться свежатинкой.

Он чуть не заплакал от жалости: надо же, нашли, сердешные, смерть от какого-то сухого камыша!.. Куланий

хрип постепенно утихал, животные падали, замирали, становились недвижимыми. Гибель, умирание их развлекали всадников, гордо восседавших на лоснящихся конях. Они растягивали рты до ушей, залихватски заламывали шапки.

«Черная гибель куланов – развлечение, отрада для этих двуногих животных! Жестокие муки одних могут веселить, приносить радость другим!» – возмутился Итжемес, на время забывший о себе и о собственной участи.

Всадники один за другим соскакивали с лошадей и прыгали в ров. Самые шустрые на ходу доставали из ножен сабли, вытаскивали ножи и ловко приканчивали еще живых куланов. Их руки быстро обагрились теплой кровью, но это не мешало им споро и умело делать свое дело. Лезвия мелькали тут и там, поблескивали на солнце, пробившемся сквозь пыль в этот черный ров, в эту кровавую бойню.

Всадников наверху становилось все больше и больше. Прямо перед собой Итжемес увидел крупного серого скакуна, а на нем – светлолицего мужчину. Губы плотно сомкнуты, тонкие, словно пером прочерченные, брови сурово нахмурены. Взгляд больших глаз пронзительный и отрешенный в то же самое время. Он будто выхватил Итжемеса среди кровавого месива, пригвоздил его к мосту. Что копьё или острый камыш по сравнению с таким взглядом?

Итжемес был не в силах оторваться от лица, от глаз всадника на сером коне. Они таили в себе тайну, удивительную загадку. Глаза эти были бездонными и в бездонности своей хранили, прятали не радость, не печаль, не удивление или растерянность, а нечто более сложное и глубокое, чему Итжемес не мог найти названия. Находится, присутствует человек этот вроде бы здесь и не здесь, со всеми вместе, но сам по себе... Нет ему дела ни до Итжемеса, ни до этих убийц, упоенных обильной добычей. Мысли его, устремления его где-то в далекой дали, всматривается он в этом далеке в нечто вedomое, доступное только ему одному.

Человек этот точно околдовал, зачаровал Итжемеса. Он позабыл об опасности и обо всем, что творилось вокруг. Лишь когда лихой джигит играючи прикончил лошаденку Итжемеса, которую куланы вместе с собой низвергли в этот ад, когда она захрипела, выкатив черные блестя-

щие глаза, он вернулся в этот отвратительный, в этот беспощадный мир.

Из глаз Итжемеса брызнули слезы, он застонал, словно теперь пришел его черед подставлять шею под нож, не ведающий пощады и жалости.

Неуклюже пошатываясь, Итжемес начал подниматься навстречу своему палачу. Сверху на него полетел дружный, громкий хохот.

* * *

На степь, серую, будто зола в потухшем очаге, все ниже и ниже, унося с собой последний свет, опускалось солнце.

Вскоре землю окутала темнота. И была она такой густой и черной, какой бывает копоть на казане, с утра до вечера подвешенном над очагом, неустанно кипящем на веселом огне – в доме, где царит достаток.

Но вот разорвали упавшую с небес черную шапку тьмы, запылали в ночи костры – один, другой, третий.

Итжемес издали увидел, что около костров засуетились люди. Они держали в руках копья, на головах у них были шлемы, которые посверкивали в отблесках огня, поверх одежды – кольчуги. В своем железном облачении они не походили на обыкновенных, в муках рожденных женщиной людей. Они казались Итжемесу неживыми, нереальными фигурами, сработанными кузнецами между молотом и наковальней. По его спине побежали мурашки. Ему ближе и понятнее, ощутил вдруг Итжемес, четвероногие, что паслись рядышком, мирно и уютно пофыркивая и похрапывая, чем эти напялившие на себя железо двуногие.

Итжемес не отважился подойти к людям, смешаться с ними, равнодушными, казалось, ко всему на свете. Что им, закованным в железо людям, до него, Итжемеса? Сгинь он, исчезни в объятиях черной ночи, никто из них и шага не сделает, чтобы броситься за ним вслед, помочь, выволить из беды.

Итжемеса одолевали сомнения, он весь был во власти колебаний: как быть, как поступить. Нырнуть в ночь, унести ноги?.. Тогда он свободен. Свободен! Без поводка на шее, без пут на ногах! Иди себе, как ушел из аула его верблюжонок. Мчись без оглядки вперед! Куда-нибудь!.. Но куда? Вместе с вольной волей обретешь и возмож-

ность погибнуть, проститься с жизнью там, куда донесут ноги, умереть от голода и одиночества, а может быть, и от злой башкирской или еще чьей-нибудь сабли? Теперь-то уж чужие, не казахские аулы близко.

Остаться? Смотреть на огонь, вступивший в спор с небесами, ощущать его тепло, видеть его свет. Свет в ночи!.. Среди людей быть, все-таки людей! Хоть и облачились они в железо, хоть глаза у них злые и жадные, подозрительные и хитрые, хоть взгляды их жгут, унижают... Вдруг, однако, и пожалеют, и посочувствуют эти люди?

Итжемес держался в сторонке, но и не уходил. Ноги, казалось ему, вросли в землю. «Почему же я здесь? Почему не бегу прочь от шумной толпы чужих мне людей, страшных и суровых? Непрístupных в их кольчугах и шлемах? Почему? Может быть, меня удерживает трусость? Или эти непонятные люди какое-то колдовство на меня напустили, чары?» Он жадно озирался вокруг в надежде отыскать кого-то, кто помог бы ему разрешить его сомнения. Кто открыл бы ему тайны его собственной души, тайны, которые движут миром на этой грешной земле.

Голова у Итжемеса шла кругом, но он начинал, кажется, осознавать: как ни опасен проклятый этот мир, как ни коварны и жестоки люди, есть в жизни нечто, что делает ее такой дорогой, такой несравненно прекрасной. Итжемес был близок к разгадке того, что же это за нечто такое? Вот, вот она, разгадка, на расстоянии протянутой руки, вот-вот он коснется ее, откроет тайну бытия... Кто-то, обладающий сильной волей, вселился в него, всегда такого вялого, нерешительного, никчемного, и повелевает: «Не уходи! Не уходи! Не уходи!»

Голос, слова эти прозвучали столь явственно, что Итжемес подумал: кто-то подошел к нему неслышно и произнес их. Нет, рядом никого не было, он по-прежнему один. Люди – там, возле пылающих костров. Много людей, много – смеются, радуются чему-то своему, небось тому, что они вместе и что их вон сколько. Но никто из них не станет тратить на него слова: «Не уходи! Оставайся с нами!» Свет земных костров, кажется, затмил небесные звезды: они поблекли, потускнели. Они, звезды, тоже далеко, очень далеко друг от друга. Не то что эти люди...

Итжемес вслушивался, вглядывался во тьму в надежде все-таки обнаружить того, кто нашептывал ему, уговари-

вал его: «Не уходи!» Найти бы, отыскать – пусть самого неприметного, самого скромного!.. Самого доброго и сердечного!

Никого... У Итжемеса перехватило от рыданий горло. Он судорожно всхлипнул, заплакал, слезы принесли ему облегчение, сняли камень с души. Он понял: истосковался по людям. Надоело ему мотаться неприкаянным и одиноким по степи. Без людей, как бы они ни пренебрегали им, он не хочет, не может жить. Человек должен иметь очаг, у которого он мог бы отогреться, который бы манил, ждал его. Где ему мечтать о свободе, если он почти всегда, изо дня в день голоден... А коли он ничего не умеет! Ничему не научился за всю свою не долгую, но и не такую уж короткую жизнь. Как-никак он уже давно отпустил усы.

До Итжемеса донесся аромат дымка от костра, на котором варилась сытная, обильная пища. От этого запаха Итжемес почувствовал сладкую истому, легкое, приятное головокружение. Казалось, сама ночь источала удивительный аромат, этот способный свести с ума запах, а не котлы на кострах, разожженных людьми.

Итжемес не утерпел и робко приблизился к людям. Они приняли его в свой круг.

... Мясо так и таяло во рту, так и таяло. Не успевал Итжемес дотронуться зубами до кости, как мясо отделялось от нее. Итжемес не подозревал, не догадывался никогда прежде, что может существовать на свете такая вкусная пища! Как не подозревал, что существуют разные способы прикончить диких животных, не тратя при этом стрел.

Один из них он узнал сегодня, случайно очутившись во рву. Стоит, оказывается, вырыть около водопоя, в укромном, неприметном месте, рвы и канавы, натывать туда острого, как шило, до звона высохшего камыша – и косяк сам мчится к своей гибели. Человек, как ни странно, от такой охоты не только обретает пропитание, но и получает огромное удовольствие. И эти с ног до головы облаченные в железо странные мужчины смаковали вкусные жирные куски, хвастались друг перед другом тем, кто загнал больше куланов в заранее уготованную западню.

Итжемесу не до их разговоров. Но в душе и он ликует. Ведь ему здорово повезло. Выходит, люди не зря гово-

рят: чего батыр не достигает риском, того трус достигает страхом... Не примчись он, сверкая пятками, к укрытию, смял бы его табун, растоптал, мокрого места не осталось бы... Самое страшное – не оказался бы сейчас на этом пиршестве. А пиршество на самом деле славное!

Удачливые охотники шутливо перебранивались, беззлобно подсмеивались друг над другом: видно, не насытились еще разговорами. Радовались, что через денек – другой аул встретит караван верблюдов, нагруженный куланьими тушами. Бахвалились, красовались перед людьми, кто как умел, чем мог. Спорили, кто самый быстрый и ловкий. Кто шустрее всех сдирает шкуры, зашивает туши гибкими зелеными ветками. Кто кого обогнал, когда рыли квадратные ямы, опускали в них эти туши, вновь засыпали землей. Кто сноровистее всех разжигал на ямах костры... Те самые дьявольские костры, свет которых околдовал, одурманил Итжемеса.

Костры угасали один за одним. Оставались лишь тлеющие угли. Они постепенно серели, превращаясь в золу. Джигиты отгребали золу в сторонку, и как только земля немножко остывала, они раскапывали яму со всей осторожностью: не дай бог, горячий воздух, вырвавшись из ям, сожжет лицо.

Откапывая и вынимая мясо, джигиты обливались потом, от туш исходил терпкий дух, поднимался пар. Мужчины относили туши на зеленую лужайку и разделявали их. И каждый, кто еще не насытился, вынимал нож или саблю, пристраивался и выбирал себе кусок по вкусу. У кого не было ножа, тот довольствовался тем, что достанется. Тушенное в собственном соку куланье мясо просилось в рот само. И не было сил удержаться от соблазна, не положить в рот еще кусочек и еще... И опять начинались разговоры, в которых правду трудно отличить от вымысла, в которых самым храбрым и удачливым оказывался сам рассказчик.

Своей сегодняшней добычей охотники были опьянены больше, чем победой над врагом. Еще бы! Не каждый день степняку, у которого в летнюю пору зубы ноют от тоски по мясу, выпадает такая удача. Летом казахи скот не режут, если нет важного повода: праздника какого-нибудь или особенно дорогого гостя, пожаловавшего издалека. В июне-июле мужчины наполняют желудки кислым молоком, а о мясе лишь мечтают, причмокивая да обли-

зываясь: «Э, отыскать бы да положить на зубок хоть малюсенький кусочек копченого мяса! Жена, может, завалялся где? Пошарь-ка в торбе, может, остался с зимы?.. А женщины вторят им: «Попить бы свежего наваристого бульону, побаловать бы себя!..» Во все времена каждая казашка, каждая женщина перед родами жаждала подкрепиться горячей сорпой, полакомиться куском мяса.

Когда становилось совсем невтерпеж без мяса, аулы посылали на охоту самых поднаторевших в барымте¹.

Если не везло и такой охотничий отряд не встречал табуны или косяки, они не обагрjali свои ножи кровью коз или антилоп. Это добыча для охотника-одиночки, считали они, для которого гоняться по степи с гончими, ловчими птицами или просто с капканом для зверья – занятие привычное. Да и вообще – разве это охота? Так, развлечение!..

Большая настоящая охота – дело серьезное. Тут табунами, косяками измеряется успех! На нее джигитов иной раз ведут предводители, а то и ханы...

У костра Итжемес услышал, что величественный человек на сером скакуне, человек, взгляд которого он никак не мог забыть, – сам Абулхаир-хан.

Узнав же об этом, Итжемес чуть не лишился дара речи... Кого-кого, а знатных да именитых людей у казахов хоть отбавляй – ханы, султаны, бии, батыры, баи. С малых лет усвоил Итжемес, что каждый, кто над народом, – господин, повелитель и что из века в век они правят, властвуют, указывают. Как же ему было не испугаться, не прийти в священный ужас! Он не только никогда не вкушал пищи с ханского дастархана, вернее из котла, общего с ханской свитой, он даже помыслить об этом не смел. Не догадывался помечтать об эдаком счастье! И вдруг оказался среди людей хана! Рядом с ними!.. Теперь насытилось и брюхо Итжемеса и начала насыщаться его душа. «Не многие степняки могут похвастаться тем, что попали на угощение в ставку хана! – ликовала, пела душа Итжемеса. – Такое выпадает, ясно, лишь по воле всевышнего! Такую удачу послал мне бог. Это рука провидения! Это... это божья щедрость, божий дар! Теперь-то я начинаю смеяться: двугорбый верблюжонок, которого подарили мне в

¹Барымта – набеги с целью захвата чужого скота за неуплаченный долг или прошлые обиды.

позапрошлом году родственники с материнской стороны, – сто раз хвала им! сто раз спасибо им! – послан мне богом. И то, что верблюжонок потерялся, а я отправился на его поиски, – в этом тоже перст божий! Пасть мне жертвой за всех, кто в нашей степи во время моих поисков и скитаний не отказывал мне в приюте, давал мне кров и пищу! Будь то казахи или каракалпаки... И землю башкир я должен благословить. Она так далеко, и на пути к ней я повстречался со своей судьбой! Мне выпала удача, какая и во сне не приснится!.. И пыль, что покрыла сегодня всю степь серым саваном и чуть не лишила меня рассудка, и куланов, и этих людей – всех я обязан благодарить! Не зря, нет, не зря не вернулся в свой аул, не потерял надежды отыскать верблюжонка! Оказался здесь, совсем рядом с ханом! Да, да, конечно, это судьба! Божья воля!»

Итжемеса распирала гордость, какой никогда прежде он не испытывал. Он рисовал в своем воображении, как будет рассказывать о своем приключении, о своем счастье аулчанам. Поверили бы только!..

– Эй, джигит, ты что, глухой? – донеслось до Итжемеса. – Как тебя зовут?

Итжемес с трудом очнулся от сладких своих грез. Ответил еле слышно:

- Итжемес.
- Кто твой отец?
- Салпы.
- Из какого ты рода?
- Баимбет.

Вопросы сыпались на Итжемеса как горох, он растерялся, не зная, на какой из них отвечать.

- Откуда путь держишь?
- С Каратау.
- Куда?
- К башкирам.
- Зачем? Что ты у них потерял?
- Ищу верблюжонка.
- Да ну-у-у? Когда же он дал от тебя деру?
- С год уж...
- Ого! Откуда знаешь-ведаешь, что он забрел к башкирам? Ты что, провидец, колдун или болван?

Совсем сбитый с толку Итжемес пожал плечами промямлил:

– Да я не то чтоб знаю, просто...

В ночи покотился мужской здоровый гогот. Потом джигиты начинают гадать: откуда же все-таки и кто этот чудаки?

– Каратау велик. С какого он склона скатился, поди пойми-разбери!..

– У Каратау и вправду склонов ой-ой сколько!

– Он, стало быть, из рода баимбет. А какого же он племени?

– Э-э-э! У какого же племени в степи нет своего рода баимбет! И у аргынов есть, и у кипчаков есть, – перечислял, загибая здоровенные пальцы, пожилой мужчина, – и у алимулинцев, да и у байулинцев найдется, коли пошуровать! Кой пес знает, из какого племени этот безмозглый!

– Вот уж действительно тупоголовый! Усы уже торчат, а он племени своего не знает!

– Будешь подыматься чуть свет да кетменем работать по колено в воде, не то что название племени, имя родной жены из головы вылетит!..

Опять оживились, зашумели мужчины. Смех, гомон со всех сторон; что, кроме смеха, нужно степняку, насытившемуся жирным, свежим, душистым мясом!

– А поведай-ка ты нам, Итеке, каким искусством или ремеслом владеешь? Чем прославился в своих краях? – тихонько, с подвохом обратился к Итжемесу молодец с лихими усами.

Итжемес в недоумении зыркает глазами, молча таращится то на одного, то на другого.

– Искусство!.. Ремесло!.. Нашел: о чем спрашивать у бродяги! Он только и умеет, что прятаться за кустом!

Итжемес почувствовал себя задетым. Погладив реденькие усы, он буркнул:

– Мы тоже, наверное, не хуже других! Что умеет каждый казах, с тем и мы справиться сумеем!

Джигиты примолкли: удивились ответу, но еще больше тому, как сверкнул глазами Итжемес. У них пробудился к незнакомцу интерес.

– Так, так... Ну, что ж, такое может быть тоже... Скажите-ка нам, в чем же искусство ваше, Итеке? В руках или в устах?

Итжемес отрезал не раздумывая:

– В устах!

– Поете?

– Нет...

– Мудрости изрекаете?

– Нет, – набычился Итжемес.

– «Нет, нет и нет!..» Что же тогда? – затаили дыхание джигиты в ожидании новой потехи.

– Подайте мне в-о-он того кулана! Целиком! И я покажу вам искусство, каким владею...

Джигиты чуть не катались от смеха по земле.

– Ну, парень, придется тебе потерпеть, подождать угощения у башкир! – хохотнул молодой джигит с лихими усами. – Это я тебе говорю!

– Мы оставим его у нас! Будет новым обжорой в ханской свите! Место ведь свободно! Пустует! – добавил другой, и мужчины опять загоготали.

... Какой степной воротила едет на празднества или на поминки без лучших своих скакунов, без палванов, певцов, музыкантов и обжор. Важно удивить людей на больших сборищах! Чем, кем, как – не важно! Главное – изумить, заставить говорить о себе всю степь!

Недавно преставился ханский обжора Анапия. На состязании обжор в Хиве объелся урюка и изюма – непривычная это еда для степняка, – промаялся животом полгода и отдал богу душу. Освободилось место...

Скитаясь по степи, Итжемес в каждый аул въезжал осторожно, уезжал тайком. Крепко помнил наставления сородичей, которые они давали ему, снаряжая в путь: «Будь постоянно начеку! Смотри в оба! В наше лихое время немало по степи бродит казахов, которые готовы прибрать к рукам не то что чужой скот – людей других родов и племени». Ни в одном ауле, ни на одной тропке не встретил Итжемес желающих позариться на него, отбить от его рода-племени. Зачем он кому бы то ни было? Казахи уважают отчаянных джигитов! Чтоб и для барымты были гожи, и могли охранять, а при надобности и отбивать табуны от набегов. Казахи уважают руки, которые умеют держать здоровенную дубину и размахивать ею! Ничего этого Итжемес не умеет! Разве что, если выпадет счастливый случай, сумеет слопать один овцу...

Неужели ему наконец привалило счастье и он хоть кому-то понадобился, верил и не верил Итжемес.

Всю ночь он не спал, ворочался с боку на бок, радуясь и опасаясь, не рано ли он возликовал. Благодарил в душе рыжего верблюжонка, раскаивался, корил себя за то, что

целый год посылал ему, приткому и неразумному, проклятья.

В ту ночь лежал без сна не один Итжемес.

На холме, обдуваемом ветерком, белела ханская юрта. Ее охраняли шесть стражников.

Мягкая летняя ночь, земля, небо словно уговаривали хана: «Успокойся! Усни! Отдохни!» Однако проклятый сон никак не шел к хану.

Абулхаир неотрывно глядел на небо. Звезды проступали все ярче и гуще, будто кто-то вновь и вновь зажигал их. Как любопытные дети, сгрудились они над самым отверстием шанырака и, казалось, подглядывали за ханом. Абулхаир представил себе небесную ширь, украшенную сияющими, игривыми звездами. Одна убегает от другой, а вон та несется, несется и, пробивая черное пространство, заполнившее собой мир меж землей и небом, падает с недосыгаемой выси в бездну. Улетает навечно от своих, теперь уже далеких, беспечных подруг и манит их за собой. И они льют ей вслед свой обильный щедрый свет, чтобы она не заблудилась, не ушиблась, не сгинула в мрачном чреве тьмы.

Представив, какая тьма окутывает мир там, сразу же за стенами шатра, хан невольно поежился. Не видно ни зги. Абулхаир поспешил перевести взгляд на звезды, к светлому, вольному, необъятному небу.

Звезды хитро подмигивали хану, точно намекали ему, что владеют какой-то великой тайной. Тайной, которая ведома им, но сокрыта от него, земного существа.

«Все это просто мне мерещится... А вдруг – нет? Затеяли возню, толкают друг друга, теснят, словно им не хватает места на бездонном, бескрайнем небе. Устремились все в центр, в одно место. Чего же они хотят, чего добиваются? – недоумевал Абулхаир-хан. – Уж не твердят ли, как люди: «А меня ты видишь, меня? Я здесь самая яркая и красивая! Нет звезды прекрасней меня! Нет мне равной!..» Приглядишься, и становится ясно: самые яркие, не найдя местечка в центре, улетают подальше, чтобы не затеряться в этом скопище. Интересно, как всевышний создавал небо и эти мириады звезд?.. Если спросить об этом простого смертного, он, конечно же, ответит так: самые большие, самые яркие звезды аллах расположил в

центре небес, вокруг них зажег почти равные им. Почти... Затем – чуть менее яркие, а по краям, у горизонта, разбросал тусклые, бледные звезды.

Однако это только на первый взгляд так кажется. Сколько прекраснейших звезд находится не в центре, а по краям вселенной. Сколько бледных закрепилось прямо на небесной макушке... На небе, похоже, царят те же законы, что и на земле... И звезды тоже делятся на благородные и простые, и у них нет равенства и справедливости. Как у людей... Как у нас, казахов».

Абулхаир почувствовал, что в нем нарастает раздражение. Он стиснул зубы, сжал кулаки: «Откуда это у нас пошло: «Сын, рожденный от старшей жены, сын, рожденный от младшей жены»?.. Однако звезды мудрее людей, они не стесняются, не боятся светить полным своим светом, во всю свою мощь, даже если находятся внизу или с края... От скуки дети играют в альчики и, прежде чем начать игру, они перемешивают их. Так и господь. Для своей вечной игры, для развлечения он смешал всех и вся. Он сотворил сильного и слабого, умного и глупца – и все это перемешал. Ему забава, людям – мука...»

У хана защемило сердце. Ему казалось, будто чьи-то руки тянутся к нему, чтобы схватить за горло, сдавить, задушить. Мысли, которые он гнал от себя, боясь оказаться в их плену, обступали его, что мрак за стенами шатра. Абулхаир знал: стоит им нахлынуть, овладеть его душой – вся она будет изранена, истерзана. Тяжелые думы – как муравейник, в который ступил босиком. Отряхнешь одну ногу от шустрых насекомых, а они уже облепили другую. Убежишь от одной думы, другая – тут как тут: хватает, бередит душу, щемит сердце.

Абулхаир смежил веки, усилием воли направил мысли в другое русло. Однако и это не принесло ему облегчения. Такая уж, наверно, выдалась ночь, когда к человеку не идут легкие, утешительные мысли.

Он вспомнил куланов на дне рва, истекавших кровью, пронзенных пиками. Зловещий, кровавый лес из камышовых копий. Несчастные куланы, бившиеся в предсмертных муках. Их глаза... покрывшиеся мертвой пленкой, с надеждой взиравшие на людей глаза, надежда и недоумение были в этих глазах: «Помогите! За что?.. Почему так неожиданно, так жестоко обрывается жизнь? Где они, наши вольные неоглядные просторы?» Глаза молили дать ответ

— почему? Молили о пощаде, о спасении от грянувшей внезапно беды. Не дождавшись ответа, они постепенно гасли, закрывались.

Абулхаир отвернулся, не выдержав этого зрелища. Он поискал взглядом вожака табуна. Нашел. Кулан бил ногами, залитый кровью. «Господи, — ужаснулся хан. — Сам он привел в эту западню косяк или не смог удержать могучий порыв куланов?.. Куланы своенравны. В них просыпаются древние духи упрямства, когда они слышат шум. Теряют осторожность, ни за что не свернут, не ускользнут от опасности. Будто вступают в единоборство с теми, кто их гонит».

Разом отрезвел хан, разом избавился от безрассудной, рожденной погоней горячки. Охотничий азарт угас.

... Да, воспоминания не принесли облегчения Абулхаиру. Он заново пережил эту бойню, картину за картиной.

Вдруг хана осенила мысль: «Аул Тайлана недалеко отсюда... Какой же тайный смысл был в его словах, которые он передал мне через Мырзатая? Обида в них или намек? Или предостережение? Я должен разобраться в этой загадке. Завтра же».

И внезапное это решение успокоило Абулхаира, вернуло ему силу и уверенность.

* * *

Равнина упиралась в гряду едва заметных белесых холмиков. Издалека они напоминали шрамы на боку заезженной лошади. В ложбинках между холмиками били роднички, и возле них лоскутками зеленела сочная трава.

Юрта Тайлана стояла около родника. Чуть в сторонке — поле, на нем поднялись дружные всходы. На поле вышались фигуры чучел. В зарослях чия — за полем — пасся скот.

Полог юрты был небрежно откинут, точно платок неряшливой молодухи. К коновязи привязана рыжая кобыла.

Когда из-за перевала появились всадники, глухо залажал огромный пес, вертевшийся около юрты. Из нее выскочила женщина. Она увидела быстро скачущих всадников. Женщина повернулась лицом к полю и стала энергично махать рукой. Там двигались двое — Тайлан и сын.

Со вчерашнего дня, пересекая такыр и исчезая в глухих зарослях Иргиза, неслись мимо аула Тайлана дикие

обитатели степи. Чтобы они не вытоптали поле, не повредили всходы, Тайлан не спал всю ночь, отпугивая их криками.

«Уж не грядет ли в степь какая-нибудь беда? – с опасением размышлял Тайлан. – Звери просто так, без причины не покидают верховья, не ищут укрытия в зарослях!

Тайлан издалека узнал внезапно объявившихся гостей, но с места не стронулся. Он был удивлен, пытался догадаться, с чем же они пожаловали к нему.

Спустившись с холма на равнину, всадник остановился, потом спешился. Его примеру последовали остальные.

– Абулхаир! – тихонько, словно сам себе, шепнул Тайлан. Мальчик недоверчиво глянул на отца.

Абулхаир отдал повод коня слуге и, поманив за собой Мырзатая, направился к полю. Тайлан нагнулся к сыну:

– Беги, встречай своего нареченного отца!

Смуглый мальчишка послушно двинулся вперед, к гостям, но поминутно оглядывался на отца, будто призывал его не отставать, не оставлять его наедине с ханом.

Тайлан и Абулхаир-хан приближались друг к другу, широко улыбаясь.

«Парнишка пошел в мать, такой же большеглазый, с таким же прямым носом. Ладный сын у Тайлана», – Абулхаир потрепал мальчика по голове.

– Совсем джигитом стал, вон какой вымахал! – оживленно произнес хан.

Мальчик смущенно потупился.

– Слава всевышнему, что хоть узнал его! – с радостью воскликнул Тайлан.

– Недаром говорят: человек понимает, как стареет, глядя на своих детей, – улыбнулся Абулхаир и раскрыл объятия Тайлану.

Тайлану было стыдно и неловко за свою поношенную будничную одежду. Не так надо бы встречать хана. Он преодолел смущение и бросился к хану. Они направились рука об руку к юрте, одиноко темневшей вдали.

Когда-то юрта была шестикрылой белой красавицей. Теперь же сваялся, пропылился насквозь ее белый войлок, будто покрылся от старости паршой. Жена Тайлана не осмелилась подойти к гостю и приветствовала его низким поклоном: Абулхаир хоть и курдас – ровесник и друг ее мужа, да ханских кровей.

Молодые джигиты приволокли к юрте тушу жирного куланенка.

– С охоты возвращаемся, – пояснил Мырзатай, – хан дарует твоему сыну свою добычу!

Абулхаир прошествовал на почетное место. Убранство юрты свидетельствовало о том, что ее хозяин не копил добра, не гнался за достатком. Выцвели краски на остове юрты, на предметах и вещах из дерева. Циновки из чия поредели, пообтрепались кошмы и коврики. У входа была подвешена торба с творогом, из которой в подставленную посуду лениво падали капли. В юрте было душно от застоявшегося воздуха.

– Наверное, пить хотите? – бросился Тайлан к бурдюку с кумысом. Он суетился, волновался, движения его были нервными. Жена Тайлана от неожиданности не знала, за что братья. На лице ее отражались смятение, растерянность и радость.

– Готовь циновку для барана, – бросил ей через плечо Тайлан.

– Тайлан-ага, давайте я помешаю кумыс, подсоблю вам, – предложил Мырзатай.

Тайлан вышел из юрты и вернулся с крупным валухом, который упирался, никак не хотел идти, будто чуял, какая участь ждет его.

– Повелитель, это дар вам от вашего нареченного сына. Благословите!

Абулхаир опустился на колени и раскрыл ладони:

– Пусть всевышнему будет угодно ваше приношение. Да примет он его! Да пошлет он долгую жизнь вашему сыну! Пусть мальчик станет богатым, влиятельным среди людей! Аллах акбар! – от всей души вымолвил хан. Он провел ладонями по лицу, и все, кто был в юрте, повторили жест хана.

Тайлан оттащил валуха подальше от юрты, вслед за ним отправился Мырзатай. Послышались голоса, какая-то возня; мужчины готовились резать валуха.

Абулхаир сидел на торе, прямой, как тополь, время от времени бросал осторожные взгляды на смуглого мальчика. Тот застыл в сторонке, в его позе были и скромность, и достоинство, и готовность вскочить по первому слову.

«Как же мы тогда называли сорванца? – силился вспомнить хан. – Как же? Вот незадача, вылетело из головы!»

– Сразу видать, валух полазил на камнях! Вон какие у

него истертые копыта! – донесся до ушей Абулхаира голос Мырзатая.

Хан встрепенулся: «Слава богу, вспомнил! Туяк – «копыто» – вот как зовут мальчика! Мырзатай кстати произнес это словечко!.. Как, однако, летит время! В ту пору еще был жив аксакал Матэ!..»

Как и нынче, Абулхаир возвращался с охоты на куланов и завернул по приглашению Тайлана в аул Матэ, в дом отца. Так же одиноко белела у родника юрта, только родник тот был на северном склоне Каратау. Свита Абулхаира была куда многочисленней, чем сегодня. Он оставил ее поодаль. К юрте пошли Букенбай, Есет, Абулхаир и Тайлан.

Старик Матэ обнял Абулхаира на пороге и вдруг смахнул слезу, всхлипнул.

– Что случилось, отец? – в тревоге бросился к отцу Тайлан.

– Схватки у снохи, не знаю, что делать...

– Как не знаете? Наши предки, привычные к одинокой жизни в безлюдной степи – начал было Абулхаир, но прикусил язык. – Что же мы стоим, зря теряем время? В юрте стонала женщина. Вцепившись руками в веревку, протянутую на особый манер, специально для родов, она корчилась от боли. Заметив рядом чужих мужчин, она испугалась, вскрикнула, и через минуту юрта огласилась долгожданным «уа-уа!»

Мужчины растерялись, засмутились, и лишь решительный Букенбай поддержал валившуюся на бок женщину.

– Абулхаир, вынимай кинжал! – скомандовал Букенбай. – Это следует совершить тебе!

К хану пулей подлетел Мырзатай, вытащил у него из ножен кинжал, протянул ему:

– Букенбай говорит, чтобы вы отрезали пуповину ребенку. Это сын вашего курдаса¹, поэтому такая честь вам! – пояснил Мырзатай хану, который не мог сразу взять в толк, чего от него хотят.

Абулхаир покосился на женщину. Из глаз у нее текли слезы, лицо покрылось потом. Мырзатай взял руку хана в свою, сжал ее и стал опускать...

¹Курдас – сверстник: между сверстниками у казахов бытуют шутливые и в тоже время очень дружественные, теплые отношения.

Так восемь лет назад появился на свет этот мальчик. Когда Туяку исполнилось пять лет, хан послал ему в подарок через Мырзатая жеребенка. Сам же давненько не объявлялся у друга. Прав его курдас, упрекая за это. «Жених, тайком пробравшийся в дом к невесте...» Не случайно он при встрече мимоходом обронил: «Слава богу, что хоть узнал сына!..» Прав Тайлан, прав! Абулхаир отвечал на укоры друга, высказанные или невысказанные. Так меж ними повелось. И тот принимал это молчание как извинение и не теребил больше бахрому слов. Настоящий мужчина, настоящий друг... Абулхаир кашлянул, и Тайлан тотчас же, будто ждал сигнала, откликнулся:

– Вы чего-то желаете, алдияр?

– Пусть Мырзатай один доведет до конца дело, которое вы начали. Пока мясо будет готовиться, мы прогуляемся.

– Слушаюсь, алдияр!

Абулхаир, Тайлан и Туяк поднялись на крутой холмик, уселись на зеленой травке. Гость хранил молчание. Он внимательно наблюдал за женой Тайлана, за джигитами, хлопотавшими около очага. Всматривался пристально вдаль, будто хотел навсегда запомнить, сохранить в сердце все, что окружало его сейчас.

Тайлан старался понять, почему хан покинул свою ставку, почему не пожалел своего времени и приехал сюда. Если он собрался в поход, то вел бы за собой большое войско. Может, охота и вправду была единственной его целью? Или хан хочет что-то открыть, доверить ему?.. Неужели Абулхаир-хан нуждается в его совете? Совете голого, босого хлебороба, охраняющего жиденькие всходы на единственном своем поле. Вон они торчат, как боро денка у молодого козла! «Вряд ли, – думал Тайлан, – вряд ли. Я не баловень судьбы, не храбрый военачальник, за плечами которого войско... Скорее всего хан пожаловал ко мне погадать. На бобах или бараньей лопатке. Так оно и есть. Недаром со вчерашнего дня у меня стянуло мышцы на спине, да так, что больно было рукой двинуть. У меня всегда это служит предзнаменованием того, что кто-то приедет и попросит погадать».

– Ты пожаловал, чтобы я погадал или растолковал сон? – решил наконец Тайлан нарушить затянувшееся молчание. Спросил и потянулся к сыну, убрал со лба мальчика волосы.

– Я сам гадал на джидовых косточках. Остались справа три в остатке, в середине одна и слева тоже одна. Потом так и дальше рассыпались, как помет куропатки... К чему бы это?

– Это зависит от того, на что ты гадал. Что это значит?.. Если ты гадал на беременную женщину, то родит она сына, но роды будут тяжелыми. Если же искал пропажу, то весть о ней ты получишь, обязательно получишь, а вот вернешь ли ее – неизвестно... Если же забота твоя, дума твоя о путнике... – Тайлан остановился и после паузы закончил: – Путник уже на подходе. В сердце у него, сдается мне, неразбериха – то ли от радости не находит себе места, то ли от сомнений, колебаний каких-то... Но он близко, уже близко.

– Хм-м-м! – глухо выдавил из себя хан и легко поднялся. Стряхнув ладонью траву с кожаных, с разрезами, брюк, Абулхаир решительно, бодро двинулся назад, к юрте. Взяв за руку сына, удивленный Тайлан поспешил следом.

* * *

Хан огрел камчой коня – спешил скорее добраться до своего аула.

Попрощавшись с Тайланом, он сел на коня веселый, энергичный. Еще вчера сковывала его то ли грусть, то ли усталость. А сегодня душа его ликовала, кровь бурлила, словно пена на кымране – кислом верблюжьем молоке. «Дом друга... Очаг друга... Там я был бодр, полон сил и светлых надежд!» – Хан потом вспоминал о Тайлане и его юрте как о чем-то утраченном навеки.

Да, надежда, рожденная толкованием курдаса, окрылила его в тот памятный день, сделала его таким счастливым, каким он давно себя не помнил.

Не помнил себя таким, не узнавал себя хан. Не узнавали его люди. Все, кроме верного его друга и наперсника Тайлана. Всегда сдержанный, молчаливый, неприступный, хан, оказывается, может быть благодушным, оживленным, искрометным в разговоре. Сам в мгновение ока очистил чашу с горой мяса, угощал щедро своих спутников.

Жена Тайлана отводила в сторону, опускала лучистые глаза, но не могла скрыть широкую улыбку. Туяк смотрел во все глаза на своего нареченного отца! Он словно впервые видел хана. Тайлан же сидел как вбитый в землю кол

и с великим тщанием очищал ножом берцовую кость. Он прерывал свое занятие лишь тогда, когда жена передавала ему чаши с сорпой да полотенца для гостей.

Отведав мяса, согрев душу беседой, гости поднялись как по команде вслед за Абулхаир-ханом, высыпали из юрты. Тайлан подсадил курдаса на коня. Абулхаир склонился с седла, погладил Туяка по голове и бросил Тайлану:

– Заезжай! Показывайся!

– Что я? Ты показывайся народу! Ты!.. – моментально отреагировал Тайлан.

– До скорой встречи!

– Будь здоров! – В голосе Тайлана была особая теплота, и она еще больше согрела Абулхаир-хана.

Резвые кони уносили всадников все дальше и дальше от одинокой юрты, от ее обитателей, живущих, казалось, по своим собственным, отличным от других, законам на краю земли. И вдруг Абулхаир опять сник, сердце его будто завяло, сжалось в крошечный печальный комок. Чем больше отдалялся Абулхаир от этого кусочка земли, тем тоскливее сжималось у него сердце. «Наверное, я оставил там способность радоваться, быть сильным, молодым, оставил уверенность в себе и в своих деяниях!» – сокрушался он.

Горбатые гряды высоких холмов, низкие холмики-одиночки, которые казались холмиками только издали и сравнивались с землей, как только всадники к ним приближались, и небо, терявшее за полдень свою голубизну, – все, казалось, обращалось к хану со словами утешения: «Не печалься! Не поддавайся тяжким мыслям! Не терзай себя понапрасну! Нет причины для этого, нет!»

«Что это я впадаю в тоску, хандрю, паникую. Ведь не малое дитя, чтобы на дню по десять раз то плакать, то смеяться! – пробовал успокоить себя Абулхаир-хан. – Тайлан вроде не сказал мне ничего такого, что могло бы выбить меня из колеи, насторожить... Наоборот! Он предсказал, что близится мой день, которого я ждал так долго! Близится! Значит, вместе с ним настанет избавление – от сомнений, от неопределенности, хуже которой нет, кажется, ничего!.. «Прочь неуверенность, прочь бездействие!» – смогу тогда сказать я себе. Смогу обрести себя вновь, стать самим собой!»

Абулхаир воспрянул духом, повеселел. Но... но опять подкралась к нему тревога, у путника беспокойно на сер-

дце. От радости или от горя? «Тайлану не было ясно... Значит, значит... Что же я скажу народу?»

Опять беспокойно застучало его сердце, будто сжала его чья-то холодная недобрая рука.

«О аллах! В прошлый раз я тоже ликовал. Промучился год в ожиданиях и надеждах, двенадцать месяцев изо дня в день не знал покоя! Будто из меня душу вынули... Как же было не вознестись от радости на седьмое небо, как не потерять голову не поверить, что желания мои исполнятся! И тогда, в прошлый раз, я приезжал к Тайлану, чтобы погадать...» – терзал себя Абулхаир-хан воспоминаниями.

Перед ним, как живая, встала картина того июльского гадания...

Тайлан старательно очистил от мяса лопатку жирного ягненка. Вынес из юрты железную треногу, щипцы для углей, чугунный кумган. Укутал наглухо верблюжьей попоной казан, валявшийся у двери. Огляделся по сторонам. Убедившись, что рядом нет ни одного металлического предмета, а те, что есть, надежно прикрыты, приступил к ворожке.

Повторив несколько раз «бисмилля», Тайлан бросил лопатку в огонь. Юрта стала наполняться едким запахом жженой кости. Как орел навис Тайлан над огнем. Похожая на совок сероватая лопатка начала темнеть и вскоре совсем почернела. Потом чернота эта стала приобретать светлый оттенок и скоро сделалась серебристой. Кость почти сгорела.

Тайлан всматривался в напоминавшие паутину линии, черточки на поверхности выгоревшей добела кости. Сосредоточенное его лицо омрачилось. Среди сплетения паутин Абулхаир заметил только одну – прямую. В одном месте она раздваивалась.

– Путник в дороге. Спешит. Но брови его нахмурены, радость не переполняет его. Точнее сказать не могу, не очень ясен для меня рисунок линий...

Нерешительность в голосе, неопределенность слов Тайлана, пользовавшегося славой ясновидящего, обожгли Абулхаира, будто к сердцу приложили раскаленные уголья. Приложили – и забыли убрать.

Потом Абулхаиру казалось, что уголь этот жег его грудь каждый день, не давал ему ни сна, ни покоя... И лишь вчерашняя встреча с курдасом, толкование Тайлана будто ~~залили этот уголь водой.~~

То было вчера, а сегодня уголек опять начал тлеть. Тлеть, чтобы разгореться и мучить, мучить... Абулхаир поник, словно кто-то взвалил на него непомерную ношу. Ему вспомнилось лицо Койбагара Кубекова¹, его кошачьи, точно смазанные маслом, усы, вспомнились и его слова: «Алдияр! Хан! Зачем бежать от правды? Год пропал! Пропал!..» И хоть бы малейшая горечь или боль прозвучала в голосе Койбагара...

Воображение услужливо дорисовало хану то, что происходило тогда... Произнося страшные для Абулхаира слова, Койбагар схватил чашку с кумысом и жадно, хищно поднес ее ко рту. Шея, подбородок посла были рыхлыми, как бурдюк с творогом.

Абулхаир с неприязнью следил за послом, знакомым и будто незнакомым. «Что же в Койбагаре почудилось такое, что делает его не просто неузнаваемым — чужим? Новехоньякая одежда из русского сукна, не успевшая потерять щегольского вида в суетном степном существовании?.. Чистенький, нарядный, лоснится от сытости и довольства. Будто посылали его на год к тестю и теще в гости... Двигается легко, точно пританцовывает. При каждом шаге хромовые его сапоги поют свою песню: «скрип, скрип»...

То ли этот звук как песня услаждал слух Койбагара, то ли он перед всеми хотел похвастаться своей необычной одеждой, приобретенной в Российской державе, — не сиделось ему на месте, носился туда-сюда... «Скрип, скрип». Вразвалочку входил и выходил из ханской юрты. «Скрип, скрип»... Куда-то гордо удалялся. «Скрип, скрип»... Словно дразнил Абулхаир-хана.

Хану казалось тогда, что чертов этот скрип издают не сапоги его собственного посла Койбагара. Из недостижимой дали, из дремучих лесов, где гордый, ныне покойный, русский царь Петр построил крепости, недоступные для конницы, летит к нему этот проклятый звук. От русской царицы, которая своими сафьяновыми сапожками равнодушно, как бы мимоходом, топчет нижайшее прошение Абулхаира. Безжалостно топчет. «Скрип, скрип»...

Ужасный этот звук вдруг переходил в ехидное хихиканье толстопузых, разряженных степных воротил. В злоб-

¹Койбагар Кубеков — казахский посол, побывавший в Петербурге в 1726 году в царствование Екатерины I.

ный смешок пустозвонов, мечущихся по дикой казахской степи под напором многочисленных врагов. Хихикают, потешаются глупцы над ним, над несбывшимися его надеждами.

«Пусть себе насмежаются, пусть злорадствуют «отцы народа», баи... Но больнее всего, что в издевательской усмешке рот до ушей растянули голодранцы, не вылезавшие из бедности, из грязи, – негодовал Абулхаир. – Жалкие шавки с пустым брюхом... Радуются безмозглые дурни, будто отцы привезли им с базара гостинцы.

Это такая вот темнота шепчется по всем углам: «Охо-хо! Вы только подумайте, люди, о чем возмечтал чудак! По его же вине от него отвернулись каждые два казаха из трех! А поди ж ты, хочет найти общий язык с русскими владыками! Они рычат в своем лесу, что львы!..»

Не повезло мне, ясное дело, не повезло! Можно сказать, собрался в набег в светлую ночь! Все видно как на ладони. Другие казахские владыки тоже посылали своих гонцов – с протянутой рукой, со склоненной головой! – к русским. Кто только не посылал, почитай, все!.. Но в ночь безлунную, темную. Тайком! Но разве можно их осуждать за это? Как не послать?..

Был ли у казахов за сто, за двести лет хоть один спокойный день? Они нуждались в помощи, нуждались и поэтому тянули, в мольбе простирали руки. Просили то о пощаде, то о поддержке, то о милости.

Что оставалось делать бедным кочевникам? Недаром гласит народная мудрость: у нас только пар над пищей свой, а казан, стоящий на очаге, чужой... Счастье нашего народа на острие пики, а достаток на конце курука¹. Поэтому казахи не раз и не два оказывались в тупике. Поэтому не раз, и не два – много раз – казахи оказывались в поисках покровителей!..

Обо мне судачит всяк, кому не лень! Я-де помощь у чужих ищу. Кто, хотел бы я знать, из вожаков кочевий, которым доверили пустобрехи свои поводья, не делал того, что делаю я? Кто?.. – Гнев и обида Абулхаира росли как снежный ком. Он находил в них даже некую отраду, некое успокоение. – Людишки с нравом непостоянной, вздорной бабенки... Все, что случилось давным-давно,

¹Курук – шест с петлей для ловли лошадей.

вызывает у них восторг и умиление. Что ни сделай для них сегодня, все вызывает у них отвращение. Как у жены – приставаания постылого мужа... Послушать их, так в прежние времена народ жил до того мирно и беззаботно, что жаворонки вили гнезда прямо на спинах овец... А теперь-де все не так.

Мудрецы недаром изрекли когда-то: даже рукоять у ножа, который потерялся, из настоящего золота.

Избави бог, если те, кого я послал в Россию, привезут вести, подобные вестям Койбагара. Тогда... тогда... Что тогда?

Будь что будет! Лишь бы настал скорее день, когда они вернутся. Радость привезут они из дальней дороги или печаль – только бы кончились наконец муки неопределенности!

Что же ждет меня? Золотая корона на голове, корона всего Казахского ханства? Могущественное русское покровительство? Или же... или же упадет моя голова, покатится под ноги разъяренной толпы. Поволокут ее по пыли на волосяном аркане...»

Абулхаир вздрогнул и точно пробудился от страшного сна. Вдали все так же маячили гряды холмов. Только теперь хану показалось, что они скорчились от боли. По небу скользили унылые облака. За спиной бодро постукивали копытами кони, почуявшие, что держат путь к родному стойлу. «Да, не я один спешу домой. И там, наверное, томятся люди в ожидании вестей. – Абулхаир-хан, может быть, впервые по-настоящему осознал, что вести, которых он ждет, могут перевернуть не только его жизнь, но и судьбу всего народа. – Народ – это отдельные люди, хотя бы вон те, что за моей спиной трясутся на лошадях. Каждый из них, возможно, думает сейчас о том, что же у них впереди, какая выпадает им судьба, какая доля!..»

Когда солнце склонилось к горизонту, окрасив небо прощальными красками, всадники увидели свой аул. Большой аул в легкой пелене. Издалека казалось, что разбросанные на широком пространстве юрты сбежались, образовали тесную кучку, прижались одна к другой.

Абулхаир заметил рядом со своей майханой – ханской юртой – привязанных к коновязи лошадей. У гостевых юрт его зоркие глаза насчитали с десятков лошадей. Они не были расседланы, стало быть, всадники подъехали недавно.

Сердце Абулхаира бешено заколотилось. «О аллах, неужели прибыли?» – ахнул он. Хан слегка натянул поводья своего серого коня. Свита тут же сменила стремительный бег на шаг.

* * *

Прошло пятнадцать дней после возвращения Абулхаир-хана с охоты.

Его аул по-прежнему жил в ожидании вестника, не отрывал глаз от горизонта, боясь лишиться долгожданной радости. Аул не трогался на новое кочевье, хотя земля, на которой он располагался, зияла проплешинами. Под толстым слоем пыли посерели белые юрты.

Абулхаир-хан безмолвно сидел на торе. Казалось, он окаменел. Никто не слышал его голоса. Под полосатой подушкой скучал забытый им шелковый мешочек с косточками джиды.

Долгожданный путник так и не объявился. Лошади у коновязи, при виде которых бешено заколотилось сердце Абулхаира, принесли к нему в аул башкира Алдарбая и его свиту.

В прошлом году этот самый Алдарбай явился к хану как посол русского царя и увез с собой в Уфу Сейткула и Кулымбета. Отчаянный когда-то, лихой бий не выдержал, устал от бесконечной борьбы с русскими и перешел на сторону царя. Год назад Абулхаир и Алдарбай приоткрыли друг другу свои замыслы. Гость одобрил желание хана снарядить к царю послов.

«Может, – не раз думал потом Абулхаир, – Алдарбай хотел выслужиться перед русскими? Потому-то охотно согласился проводить казахских послов к своим хозяевам?..»

Когда-то башкирский бий был товарищем хана по оружию, по барымте. Не раз скакали они – стремя в стремя – в поисках общей добычи. Затем Алдарбай превратился в сотоварища Абулхаира по камче¹. Не исключено, что им предстоит идти рядом по стезе власти.

Полмесяца назад он явился сюда неспроста, хотя и придумал незамысловатый повод: спор, мол, возник в

¹ Камча – плетень из сыромяти; у кочевых народов служит и символом власти.

Среднем жузе из-за лошадей, пришлось отправиться туда, вот и завернул на обратном пути к другу...

Погостив у хана пару деньков, Алдарбай отправился в Уфу. Абулхаир послал вместе с ним Мухамбетжана-ходжу.

Как хан ни ломал голову, стараясь понять цель его приезда, никак не мог разгадать ее. Алдарбай сообщил, что о послах хана пока ничего не известно. И еще он сказал: «Задержка путника в дороге вселяет надежду». Так, кажется, выразился Алдарбай. «Успокаивал он меня или насмеялся? – путался о догадках Абулхаир. – Ничего нельзя понять по его бесстрастному лицу, по холодным как лед глазам. Все чего-то высматривал вдали, все тянул длинную свою шею. Пялился на коновязь. Будто намекал: поредели кони у твоей юрты, не спешат что-то к тебе гости».

За два дня в ауле не показалось ни одной посторонней души. «Что, если пройдоху этого подослали ко мне русские, чтобы выведал, какие речи ведет Абулхаир-хан. Сам додумался до своего решения или сообща с другими казаками?»

Абулхаира бросало то в жар, то в холод: этот хитрый рябой лис приметил да намотал на ус немало! В Среднем жузе, наверное, Абулхаира не очень-то превозносили – честили вовсю! Как бы Сейткул и Кулымбет не вернулись ни с чем, как Койбагар!.. Уж кого-кого, а охотников оговорить Абулхаира, извратить его слова и поступки найдется достаточно!

Мысли, тревоги, подозрения накиннулись на него, словно только и ждали момента, чтобы искусать, ужалить, вынуть из него душу.

«Но, может быть, мне не следует бояться этих мыслей и треволений? Не убегать от самого себя? Лучше ответить себе на вопрос: когда, почему я решился на это? Что, если честный ответ избавит меня от неуверенности и колебаний, от бесчисленных дум и вопросов, которые преследуют меня много лет, преследуют неотступно, как заклятые враги. Продирают меня до костей, что январская стужа, припирают к стене, будто секира кровожадного, не знающего пощады палача. Являются когда хотят, переступают священный порог дома нагло, как разбойники с большой дороги...

О аллах, всетворящий и всемогущий, о пророк всеви-

дящий, о ангел всемилостивый, о аруах всепомнящий, помогите мне вспомнить, когда, когда же меня впервые посетила эта шальная мысль-мучение, мысль-наваждение? Вспомнить тот день, который я, если быть честным до конца, не знаю, должен благословлять или клясть! День и час, когда я дерзнул отважиться на такой шаг!

Какой же дьявол подпалил мне подошвы, что я бросился за спасением к русским? Теперь и ночной мой сон, и дневной смех, и само существование – все уперлось для меня в то, какой я получу от них ответ... Разве не правда, что взлет шаткого, ненадежного, непостоянного моего счастья или падение связаны с тем, как будет решен русскими вопрос жизни и будущего казахов. Сколько времени понадобилось мне, чтобы осознать неотвратимость этого пути? Чем завершатся мои замыслы, мои планы?.. Счастьем, благодеянием для меня самого или злой бедой? Неужели не заслуживает лучшей доли мой народ, заботы о котором навязала мне судьба?»

Впившись взглядом в одну точку, Абулхаир словно решал для себя важнейшую в данный момент задачу: выйти ли ему за порог юрты навстречу ветру, вольному воздуху? Шагнуть ли к необозримому горизонту? Вон он, совсем близко, в легком волнующемся мареве. Абулхаир понимал, конечно, что влекут его к себе не ветер, не простор, не обманчивая пелена на горизонте. Воспоминания о былом окружают его. Он и боится их и не в силах оторваться от них.

Волны воспоминаний колышутся, зачаровывают, сулят ему: «Вот сейчас мы вынесем на поверхность, покажем тебе – только будь внимателен – то, что ты ищешь! Ты найдешь ясный ответ на твой вопрос, вопрос твоей жизни... или смерти!..» Абулхаир ждал и надеялся, что волны воспоминаний смоют камень с его души, смоют, как накипь, с его сердца сомнения, подозрения, горечь, что носит он годы. Годы... Абулхаиру порой казалось, что он варится в черном котле треволений, разочарований, смуты всю жизнь. Сколько себя помнит!

Набегавшие и исчезающие волны воспоминаний увлекали Абулхаира за собою к событиям прошлого. Событиям, о которых было известно лишь ему и раскинувшемуся перед ним простору, свидетелю и хранителю его тайн. Ибо не было и нет у хана ничего более дорогого и близкого, чем безмолвная широкая степь, далекий необъят-

ный горизонт. Они, его молчаливые друзья, ведают, что он пережил за эти годы, что его терзало, вдохновляло, к чему стремился.

Абулхаир не любил изливать душу перед людьми, никому не позволял проникать в тайное тайных. Привык держать себя в узде, а язык за зубами. Люди вообще о нем мало знали, а еще меньше знали его самого. Только самое очевидное. Например, что родом он из тюре¹. Никто, пожалуй, не был особенно сведущ насчет былых его радостей и огорчений, взлетов и падений, светлых минут прозрений и мрачных месяцев потрясений.

Абулхаир делился своими тайнами только с природой, степью, с землей и небом. Они умели слушать и не умели говорить. Они были неспособны предать.

Иной раз вообще вся жизнь олицетворялась для Абулхаира в этой степи: нескончаемая, куда ни кинешь взгляд, равнина несбывшихся мечтаний, с редкими холмиками случайных везений. Но и холмики эти вскоре сливаются с наводящей скуку гладью тщетных надежд... «Да, жизнь моя, — не раз вздыхал Абулхаир-хан, — не имеет других заметных примет, кроме разве томительно долгого ожидания да опустошительной горечи разочарований. Однако скорее всего та же участь и у других людей... Они не случайно не любят ворошить прошлое. Кому охота вновь возвращаться на пугающее холодное пространство, что осталось у тебя позади? С высоты лет все кажется чужим, не тобой содеянным: уж больно много совершено ошибок! Не знаешь, с какого боку посмотреть на события, творцом или виновником которых был ты сам. Страшно беречь душу, страшно раскаиваться в том, что сделал или не сделал, а мог бы, да пороху не хватило!..

Наверное, поэтому, оберегая себя, многие никогда не оглядываются назад, плетутся себе вперед, глотая дорожную пыль, до того дня, когда придет пора самим превратиться в прах. Пока не останется от человека могильный холмик и ничего более...

Это и есть существование — не жизнь, — когда дни твои проходят бездумно. Когда нет желания и смелости оглянуться на прошлое, на себя, задуматься о чем-то бо-

¹ Тюре — династия казахских ханов, ведущих свой род от Чингисхана.

лее высоко, более важном, чем ты сам и твоя жизнь. Принцип: день и ночь – сутки прочь – не для человека. Не может человек ограничить себя, свой мир бездумием или одной заботой: как утолить голод и жажду, как спастись от зимней стужи, от летнего зноя?..

Жизнь... жизнь... Несмотря на ее бренность, неуловимость, быстротечность, жизнь – это нечто другое. Она определяется иным содержанием. Стремление к цели, желание постичь ход времени, связь времен, извлечь уроки из прошлого... Это отличает жизнь от существования, человека от бессловесного животного. В сущности, удовлетворить незамысловатые потребности человеку не так уж и сложно. Они просто-напросто сохраняют его для пребывания на земле. Живот полон, голова пуста, совесть спит... Нет, нет! Это не для человека, одаренного разумом.

Не может, не должен человек бояться правды! Бояться оглянуться, если даже это не сулит ему покоя. Иначе поглотит его пыль дороги, по которой он влачился, – жалкий, бескрылый и бездумный... Никогда не поздно найти в себе мужество стряхнуть с себя эту пыль, выпрямиться, восстать против собственной слабости. Если человеку суждено чего-то бояться, то пусть боится забвения со стороны себе подобных. Пыль забвения – она страшнее, чем тревоги сердца, чем муки раскаяния».

Абулхаир почувствовал себя путником, который обнаружил нечаянно, что обронил по дороге что-то очень ценное для него и вынужден теперь поворачивать назад своего коня, чтобы найти, отыскать, обязательно отыскать...

«Где оно, мое начало, где оно? Не в самом же факте появления на свет, конечно нет! Жизненный путь начинается в тот день, в тот момент, когда с глаз человека спадает пелена бездумья, когда он перестает упиваться земным своим бытием. Когда он начинает метаться в поисках смысла жизни, цели его появления на земле, все-терпящей нашей земле. У каждого человека такой момент, такой день – свой, неповторимо свой.

Что вынудило меня покинуть благодатную ниву нехитрых, наивных желаний и отрад, праздных наслаждений и забот? Почему я решительно и бесповоротно ступил на каменистое плато деяний, обременительных усилий, запутанных дел? Что толкнуло меня на тернистый путь, ко-

торый никогда не сулил мне ничего, кроме волнений и тревог?

Когда, с чего началась для меня суровая стезя, когда-то кем-то замысловато названная сознательной жизнью?..

Мое прошлое петляет вкривь и вкось, как след путника, случайно забредшего в незнакомые края: остановился в растерянности, не зная, по какой дороге ехать дальше, как выбираться? И носит его, кружит по разным дорогам и тропам!

Куда только не заводила меня судьба! В какие только передрыги я не попадал, желая того или не желая!.. Достойн ли мой путь того, чтобы пройти по его дебрям еще раз, нужен ли кому-нибудь еще?.. Не наскучит ли он размеренной своей поступью, похожей на поступь навьюченного дромадера, другим людям, другим седокам, которые согласились когда-то разделить со мной невзгоды дальней дороги? История моей жизни не богата увлекательными приключениями. Способна ли она воодушевить кого-то, стать поучительной?»

Природа наделила Абулхаира упорством и цельностью характера. Потрясения не раз чуть не разбивали ему сердце – яростное, трепещущее, беспокойное... Не раз тщетные ожидания, жестокие разочарования брали его в свой безжалостный плен. Но он вырывался из него снова и снова, вырывался, чтобы оказаться опять в плену и опять вырваться к свету и надежде.

И кто же у него впервые зажег этот неугасимый огонь надежды? Кто?

Абулхаир вдруг вспомнил Матэ. Вот он потягивает душистый индийский чай. Рядышком хлопчет Патшаим – невестка Матэ, – разливает чай по пиалам, слегка оттопыривая при этом мизинец. Ее пухлые свежие губы тайли гордую и милую усмешку, а взгляд лучистых глаз обжигал сердце, как тлеющий уголек. Передавая Абулхаиру пиалу, Патшаим зарделась от смущения. Он и сам-то залился краской... Несколько дней не мог он забыть этот взгляд, эту усмешку, все ломал голову – почему да отчего?...

Оба – Матэ и Патшаим – связаны для Абулхаира с событием, которое воистину перевернуло его жизнь, нарушило привычный ее ход.

«Вот когда все началось, – осенило внезапно, как све-

том молнии, Абулхаира. – То, что я считал когда-то пустым, ничего не значащим, вдруг обрело глубокий смысл! Как интересна и загадочна жизнь! Сколько в ней неожиданностей!.. То, что казалось когда-то важным, достойным внимания, утрачивает значение и ценность.

Время, быстротекущее, неуловимое, – вот единственный судья нам! Оно определяет, что было и есть добро, а что зло, что правда, истина, а что ложь. Время – самое незримое, бестелесное, неосязаемое из всего, что есть на свете, – наш судья, защитник, обличитель, свидетель. Самый высший и беспристрастный.

Если не понять этого, можно отчаяться раньше срока, потерпеть крах. Не схватишь, не уразумеешь, течение и... и веление времени – учливого, как молодая сноха, коварного, как тигр, обманчивого, как мираж, беспощадного, как смерть, – погрязнешь в ошибках, попусту растратишь собственную жизнь. Стремясь к добру – содеешь зло. Пытаясь быть честным в поисках истины – окажешься нежданно-негаданно в путях лжи. Вместо счастья и благоденствия – принесешь людям горе и смуту.

О аллах! Все началось в знойный июльский день, в полуденный час. Как и сейчас, на далекой холмистой гряде колыхалось обманчивое зыбкое марево. Меня, тогда еще молодого джигита, предупреждали: полуденная пора неблагоприятна, опасна для путника. Все живое в палящий зной прячется, забивается по норам. Выбирается же отовсюду в разных обличьях всякая нечистая сила, устраивает неистовые игрища. Уговаривали меня: «Воздержись, не ездь, пережди полдень! Не дай бог, привяжется какая-нибудь нечисть, век от нее не отделаешься! Ну а уж коли ты такой упорный, такой неслух – не гляди хоть долго на кромку горизонта и на марево! Будешь глядеть – померещатся тебе чудища небывалые, овладеет твоей душой шайтан!» Путники всегда делают остановку, отдыхают в тенечке, в лощине, пока не истечет время бесин-намаза¹. Так они избегают беды...

В тот день, видно, меня бес попутал: не сделал я остановку, тряся на своем саврасом коне в самый зной, да такой, что мозги чуть не закипали. Выехал я к речушке. Берега ее заросли тростником. Остановился около самой воды напоить коня. Едва он сделал несколько глотков,

¹Бесин-намаз – послеполуденная молитва.

как оторвался от воды и заржал тревожно. Я прислушался, до моего слуха донесся легкий шелест. Кто-то приближался ко мне, сминая камыши. Камышинные головки-метелочки задвигались, закружились, будто на них налетел вихрь. Я не почувствовал страха, взялся рукой за колчан. Пустил стрелу в то место, где камыши склонились к реке. Раздался рев, кто-то подскочил, и я снова натянул тетиву и пустил стрелу. Камыш заколыхался, заходил волнами, потом остановился, выпрямился, будто никто и не мял его.

«Что же это могло быть?» — одолело меня любопытство, и я осторожно, стараясь не шуметь, подошел к тому месту. Вытянувшись во всю длину, передо мной лежал полосатый тигр. Я быстро выхватил длинный нож, нагнулся к тигру и вдруг откуда-то из-под него, будто прямо из живота, выскочил матерый волк с прижатыми ушами. Одним прыжком перемахнул он через камыши и понесся к далеким холмам. Я помню все это отчетливо, будто случилось все это только что. Потом я огрел коня плетью и погнался за волком. Зверь теперь шел таким ходом, что казалось, выскочит сейчас из собственной шкуры. Мой конь загорелся азартом погони и поскакал за ним вслед, будто решив во что бы то ни стало настичь волка. Почувяв, что мы его настигаем, волк оскалил клыки, прилег на бугор. Когда я был совсем близко от него, волк бросился на меня стрелой. Хорошо, что я успел вовремя отстегнуть литое стальное стремя и ударить зверя на лету прямо в лоб. Волк обмяк, словно тесто, распластался у ног коня. Я вытащил нож и собрался было спрыгнуть на землю. И тут-то прямо из волчьей шкуры вылезла рыжая лиса и, волоча хвост, помчалась от меня прочь. Огромный матерый волк превратился в пустую серую шкуру, ее будто кто-то бросил на пыльной тропе, оставил за ненадобностью... Было чему изумляться, да только времени у меня на изумление и другие чувства не было.

Помню, как я волновался: а вдруг лиса вот-вот исчезнет в степи, выжженной солнцем! Стал неотступно преследовать ее. Хитрая лисица не давалась в руки, неслась по оврагам, ложбинам, по узким тропинкам, потом резко изменила направление и побежала к белевшей вдалеке юрте. Саврасый почти настиг ее, вот-вот растопчет копытами. Лиса оглянулась на меня и вдруг, гляжу, уже лежит плашмя! Я на скаку вытянул ее тяжелой камчой.

«Ну, какой бы ты живучей ни была, – уже торжествовал я, – теперь тебе конец! Небось лежишь, раскрыв пасть, как лягушка». Посмотрел я на лису и в ужасе, чтобы отворотить беду, схватился за воротник. На месте, где валялась лиса, темнела большая куча навоза. Я не верил своим глазам! Повернул коня и подъехал к заколдованному этому месту. Куча заворошилась, зашевелилась и как поползли-побежали от нее во все стороны разные гады: скорпионы, пауки, гусеницы мохнатые, сороконожки, жуки желтые, черные, лиловые! Больше от страха, чем по необходимости, я огрел камчой неповинного коня, и тут неподалеку на бугорке взметнулась пыль. Это была рыжая лиса! И она мчалась к юрте!

Я решил, что не стану догонять ее. Мне не хотелось выглядеть неучтивым перед обитателями юрты – кто же летит как безумный к чужому дому? Точно смекнув в чем дело, догадливая лиса потрусилась теперь тихой рысью. Она часто оглядывалась на меня, будто хотела убедиться, не отстал ли я от нее. Мало того, каждый раз обнажала зубы в ухмылке.

Лиса достигла наконец белой юрты, исчезла за кучкой кизяка, припасенного на топливо. Конь мой внезапно споткнулся, по крупу его пробежала дрожь. И тут я очнулся... Впереди – на самом деле юрта. Я не раз слышал: когда конь спотыкается в пути, это хорошая примета. Быть удаче! На радостях я погладил саврасого: «Какую же удачу предвещает мне мой верный конь?»

Приблизился к юрте, подал голос:

– Есть тут кто, с кем можно словом перемолвиться?

– Пусть путь твой будет благословенным! Сходи с коня, путник, добро пожаловать к нашему очагу! – раздался из юрты звонкий знакомый голос.

Я шагнул в юрту и увидел Матэ. Обливаясь потом, он пил чай. Неподалеку от Матэ – принаряженная Патшаим. Я растерялся, не знал, что сказать, как себя повести.

– А, султан, проходи, проходи, садись рядом! – пригласил меня приветливо Матэ.

Патшаим посторонилась, пропуская меня на тору. Когда же я расположился там, Матэ начал расспросы о том о сем. Густой чай, заправленный гвоздикой, корицей, душистым перцем и верблюжьим молоком, – я и сейчас будто ощущаю его аромат – влил в меня силы, снял тяжесть с души. Я еще тогда поблагодарил про себя черно-

бородых, осанистых купцов из Индостана. Это они торговали божественным, чудодейственным чаем на базарах! Напиток этот еще был внове для степняков. Его прелесть вкусили пока только те, кто кочевал неподалеку от больших базаров.

Я будто ожил, кровь прилила к моим щекам, посветлело на сердце. Потом и перевернул пиалу: спасибо, мол, напился. А Матэ опустошал одну пиалу за другой! Знай себе отдувался и посапывал.

– Матэ-ага, – я все-таки решился начать разговор о том, что меня взбудоражило. – Не знаю, что это было со мной? Сон ли привиделся странный, явь ли то была удивительная, но случилось со мной какое-то диво! Загадочное событие... – Я вытер лицо и шею полотенцем, которое протянула мне Патшаим.

– Что же это? – коротко спросил меня Матэ.

Я подробно во всех деталях описал ему свое приключение, странные свои видения. Матэ лениво кивал головой, словно я излагал обычные, приевшиеся ему аульные сплетни. У Патшаим в уголках губ затаилась необыкновенная ее улыбка – милая, лукавая, умная. Меня поразило не событие, которое я изложил им, не пропустив ни малейшей подробности, а спокойствие и невозмутимость моих слушателей!

Матэ прикрыл ладонью пиалу. Неспешно, задумавшись, вытер длинным полотенцем лицо и шею.

– Султан, ты из высокого рода, человек благородной кости. Ты – не простой смертный, Абулхаир... И потому видел ты не сон. – Матэ сделал паузу, посидел с закрытыми глазами. – По-моему, было тебе видение. Аллах послал тебе знак. Предзнаменование.

Патшаим слегка кашлянула, и Матэ умолк.

– Ата, позвольте мне истолковать султану знамение, явившееся ему? – скромно потупилась Патшаим.

– Говори, говори, доченька, а мы послушаем! – одобрительно согласился Матэ.

Белое лицо Патшаим зарделось, глаза заблестели, но она не оробела и обратилась прямо ко мне:

– Султан, вы отправились на охоту. Но даже когда султан охотится – за дичью ли, за диким ли зверем, – разве для него охота только развлечение, только радость бездумная? Никогда не оставляют его заботы о подвластном ему народе, никогда не перестают тревожить его

превратности нашего переменчивого времени. Бремя власти всегда давит на его плечи. Простолюдин пройдет, никто не заметит. Облеченный же властью человек будит своей поступью даже аруахов – духов предков. Услышав вашу поступь в столь неурочный час, они проснулись и решили явить вам свое расположение, послать знак... – Патшаим помолчала, вид у нее был сосредоточенный. Продолжала свою речь она уже смелее. – Когда вы встретили тигра среди густого камыша, это... это духи наших предков показали вам символ давней нашей истории, когда народ был знаменит и славен силой, отвагой и бесстрашием. Кто мог в те давно ушедшие времена остановить наш народ, сдержать его неудержимый бег? Никто и ничто! Пришли другие времена: и он оборотился злым, матерым волком, и волк этот бросился на вас как разящий меч. И в этом тоже есть глубокий смысл... Когда со всех сторон наседают враги, у бесстрашного батыра глаза наливаются кровью, а сердце его переполняется гневом. И он, как лютей зверь, бросается навстречу собственной смерти. Наш народ еще в недавнем прошлом был неукротимым и безрассудным, как матерый волк. Однако ничего не добился угрозами, злобой и нападками. И перешел тогда на легкую рысь хитрой лисы... Что оставалось ему еще, как не это? Если не выйдет ничего, не поможет ему лисья повадка, народ разбежится, расползется, подобно жалким насекомым! Если же... если куча с насекомыми опять превратится в лису, это значит: народ наш не потерял еще веры в свое будущее! Вопреки страданиям и невзгодам, которые выпали на его долю! Духи предков не оставят своих потомков, подскажут народу выход из тяжелого положения. Выведут его предводителя на достойную, верную дорогу. – Патшаим глубоко, с облегчением вздохнула, собралась с мыслями и добавила, – народная мудрость учит: аруахи-покровители есть у каждого, кто живет на земле. У тех, кто понимает жизнь как сплошное веселье, кому ничего не нужно, кроме беззаботности, кроме того, чтоб поплясать да песню спеть или послушать. У отчаянных батыров, льющих чужую кровь как воду. И у задир, и у конокрадов, рыскающих по ночам в поисках добычи... Тем более есть аруахи у вас, рожденного для того, чтобы держать повод народа в руках! – Патшаим бросила на Абулхаира быстрый взгляд и повернулась к Матэ, словно искала у него одобрения и подтверждения своему толкованию.

Матэ слушал сноху с закрытыми глазами, на лице его было довольство, почти блаженство.

– Верно, верно, доченька! – кивнул старик головой.

Пошевелил беззвучно губами, потер подбородок и повел свою речь: – Казахи и правда славились когда-то неустрашимостью и отвагой. Управлять ими мог только такой богатырь, сердце которого не задрожало бы, встретить он даже самого страшного тигра. Потом... потом народ стал отчаянным, как волк. Он бросался на всякого, кто становился на его пути. В ту пору народу больше подходил правитель с иным характером. Упрямый нужен был правитель, упорный, ох, упорный, которого в его действиях ничто не могло остановить. Ничто, кроме смерти. Да-а-а, были времена... Нынче же народ наш и легкомыслен и неразумен – стало быть, слаб, что правда, то правда! Вот и петляет, вот и изворачивается он подобно твоей рыжей лисице. Вот и подметает лапами чапана степную пыль, как та лисица хвостом. Вот и мечется по степи – неприкаянный, суматошный. Какой правитель нужен в такие времена, какой правитель способен защитить и спасти страну? Который наделен хитростью. Кто может в нужный момент и вильнуть, и ускользнуть, и слукавить, и притвориться... Правитель, знающий шестьдесят две хитрости!¹ Только такой способен страну и народ сохранить и себя не погубить... Ну, а если правитель дурак, то забредется народ, словно те насекомые, куда глаза глядят, куда ноги поведут, а то и сгинет совсем. Мудрецы, султан, говаривали в старину: время диктует выбор действий. То есть, султан, в смутную пору действиями народа должен руководить не отчаянно смелый, не упрямый да упорный, а хитрый как лис муж...

Ехал я от Матэ и Патшаим по безбрежной голой степи, и все вспоминалась мне Патшаим. Ее прекрасное, как весенний мак, лицо, алые пухлые губы, в уголках которых затаилась загадочная, особенная ее улыбка – то ли одобряла Патшаим меня улыбкой этой, то ли осуждала... Я остановил коня на холме, оглянулся назад: стройная, будто лань, гибкая, будто веточка деревца, Патшаим двигалась около юрты. В каждом движении ее было что-то колдовское. «Господи, – мучительно пытался я вспомнить у кого

¹ По казахскому верованию, у лисы шестьдесят два способа спастись от преследователя.

же я видел такую же загадочную улыбку, кто же двигался так же гибко, плавно? Когда и где я видел?.. Когда и где?»

Прямо передо мной была блеклая, выцветшая степь, словно чья-то рука разбросала повсюду ветхую одежку дочери бедняка. Не на чем взгляд остановить. Исчезло, будто испарилось, марево. Лишь на юге возвышался Каратау, затянутый синеватой дымкой. Вечерний воздух был прозрачен, словно озерная вода на рассвете.

Я долго-долго вглядывался вдаль, меня почему-то не оставляла надежда, что я еще раз увижу рыжую лису, что она вот-вот мелькнет где-нибудь, покажется мне. «Куда же сгинула эта нечистая сила? – в смятенном ожидании спрашивал я себя. – И почему в моей памяти запечатлелась именно лиса? Не тигр или волк, а лиса?» И тут-то меня осенило!

Велика же сила твоя, о всевышний, если ты можешь создать такое! Одну и ту же улыбку дать человеку и зверю!.. Но зачем тебе понадобилось это? Какая может быть связь между лисицей, завораживающей своими хитростями одинокого путника, и цветущей, как тюльпан, молодой женщиной? Уж не помutilа ли мой разум, как и мои глаза, колдовская сила, испугался я. Что со мной творится? Тигр, волк, лиса – Патшаим и лиса. В ухмылке зверя и улыбке женщины одна и та же завораживающая сила. Да еще какая! Способность сбить любого человека с пути, пробудить неведомые ему ранее страсти, подавить его волю, подчинить своей. Нечистая сила прячется, ужаснулся я, не только в степной лисице, но и в украшении юрты – женщине?.. Но, но... Так ли? Только ли в женщине?.. Разве я не встречал мужчину с завораживающей улыбкой, таившую в себе некую таинственность? Да, встречал... Это же Тауке... Тот самый пречистый хан¹. Однако зачем ему, мужчине, зачаровывать людей? «О аллах, помоги мне понять, уразуметь, разобраться во всем, что меня окружает», – взмолился я и почувствовал, что вот-вот передо мною откроется что-то важное. Конечно, я много раз видел подобную улыбку на бледных, бескровных губах Тауке. Они мне всегда почему-то напоминали мясо для охотничьего беркута, отмоченное в воде. Реденькие усы и бороденка. Седые виски, маленькие уши, будто обрубленный слегка нос, узкие глаза, длинная шея,

¹ Годы правления Тауке-хана – 1680–1715.

– воображение рисовало мне в подробностях лицо Тауке. Длинная его шея казалась еще длиннее, когда на голове Тауке красовалась расшитая яркими узорами островерхая шапка... Если ты встречался с ним глазами, казалось, он видит тебя насквозь, видит самое потайное, заветное. Улыбался он так, что не разберешь – одобряет или осуждает он тебя... Нет, улыбка у Тауке скорее теплая, ласковая... Люди, наверное, любят его именно за эту улыбку. А задержался на ком-нибудь взгляд Тауке – каждый счастлив! Надеется, что взгляд Тауке принесет ему удачу. Загадывает желание, шепчет: «Господи, благослови!» Улыбка и взгляд Тауке не гасят надежду, а, наоборот, зажигают ее... Человек с чудотворной улыбкой не завоевал ни одной страны, не громил сам вражеские войска, не привез ни разу богатой добычи из какого-нибудь похода. А им, несмотря на все это, восхищаются, ему поклоняются разные роды и племена... Лютые враги обложили со всех сторон казахов, то и дело суют нам в бока острые пики... Вместо того, чтобы посадить всех, кто зовется мужчиной, из коней и повести их за собой на кровавую битву, Тауке прячется под каждым кустом, петляет как лис. Мысли мои бежали одна за другой, какие-то странные, непривычные для меня, молодого совсем джигита, мысли. С бесстрастного, потемневшего, точно сухая почва, лица Тауке не сходит улыбка. Та самая, которую я узрел сегодня на узкой лисьей морде. Потом – на прекрасном лице Патшаим... Вот тебе в пречистый Тауке!

Не знаю чему, но я обрадовался, помню это очень отчетливо. Выходит, думал я, то, что принимал я всегда за нерешительность и слабость нашего хана, есть та самая необходимость, о которой толковал мне Матэ... Чего, однако, добился хитростью Тауке?»

Абулхаир вернулся из воспоминаний о своей молодости, о вещем том дне, в день настоящий. Но нить их не прерывалась. Она вела его к выводам, открытиям, которые он был в состоянии сделать теперь, уже зрелым человеком.

За ту пору, что Тауке был на троне, в соседней Джунгарии сменились два правителя – два контайджи. Оба не давали казахам жить в мире и спокойствии. Тауке вел себя тихо. Его военачальники отвечали набегами на короткие набеги джунгар. Какая бы опасность ни угрожала народу, из уст Тауке ни разу не вырвался боевой клич:

«Аттан! По коням!». Целых тридцать пять лет казахи не садились на боевых коней ради большой, великой битвы – весь период правления Тауке. Прежде казахи не знали такого длительного затишья. В былые времена вспылчивые степняки даже на окрик отвечали ударом. Их словно подменили: они стали вялыми, равнодушными.

Утихли раздоры с соседними народами, среди самих казахов разногласия стали менее заметными... Тауке каждый раз вещал о мире и спокойствии. С уст биев тоже не сходили два этих слова. Посиживали себе, будто кто приклеил их задницами к месту. Будто камчи им были даны лишь для того, чтобы бросать в круг на советах, прося слова, а не боевых коней нахлестывать. Остальные казахи брали с них пример, тоже сидели будто в дреме. Боевые пики, похоже, только для того и существовали, чтобы, переломив их о колено пополам, погонять ленивых и упрямых ишаков... Люди же обряжались в кольчуги ради щегольства, стрелы брали в руки с единственной целью – стрелять по мишеням на празднествах в честь обрезания младенцев или на свадьбах. Изнывающие от безделья джигиты не находили для себя иного занятия, как шастать по аулам, в которых расцветали смазливые девушки.

Оттого что меньше стало набегов, а стало быть, и убитых, реже совершались долгие обряды жаназы – похорон. Косяки и отары тучнели, разрастались. Начали казахи богатеть на глазах. Только не очень-то верили они в свое богатство: считали, что враги завтра угонят его в свой дом.

Чем больше становилось врагов, чем сильнее наглели они, тем чаще собирались люди на совет у своего хана Тауке. Бывало, целый месяц бушевали, гудели на этих сборах люди. Того и жди, что примут решение: «Завтра же отправляемся в поход, готовьте оружие!» Ан нет! Опять во весь опор, развевая полы чапанов, скачут послы Тауке на Тобол, к русским воеводам. И так каждый раз – пока одно из посольств Тауке не попало в руки джунгар. Это событие настроило многих против велеречивого Тауке, вроде бы потеряли смысл сборища на Куль-тобе... Абулхаир, и не он один, тогда злился в душе на Тауке, на его нерешительность.

У Тауке же, оказывается, просто не было тогда иного выхода. Не на кого ему было больше надеяться, не на кого уповать! Только на русских, расположившихся вдоль

Тобола! Лишь они, был уверен Тауке, могут остановить, пресечь отчаянные набеги врагов, которые каждый день разминали своих коней под боком у казахов! Другие соседние народы и ханства поменьше, чем казахское, сами надеялись на казахов!

Небось Тауке раздирали противоречия! Наверное, и он не спал ночами, искал выход... Пойти войной на врага? Что это дало бы казахам? Они и так еле-еле оправившись от набегов и смертей, от междоусобиц! Если будет мир, стада их увеличатся еще больше, раздоры и распри, может, совсем прекратятся. После того как народ окрепнет, его легче будет сплотить. Ввязаться в битву раньше срока – враг разгромит казахов. Пусть набираются сил, растят детей – народу нужны воины крепкие, сильные... Вот и выжидал Тауке, тянул и хитрил.

Однако враги не дремали. Они мешали Тауке осуществлять его замыслы. Не велось – что правда, то правда – битв, которые как клещ впивались в тело народа. Такие битвы остались в прошлом, при долговязом Есиме¹ в страшном Жангире². Не налетали джунгары лавиной – крались мелкими кошачьими шагами, но успели вон сколько сделать их! Раскинули хищные свои крылья над огромной казахской землей. Враг, вкусивший радость победы, награбивший много добра, не будет довольствоваться малым не будет впредь продвигаться мелкими кошачьими шагами! Прыгнет однажды на грудь, вонзит в горло степнякам острые когти. Много ли толку будет от хитростей да лисьих повадок, если враг поглотит всю степь?.. Матэ, почитавшийся среди казахов как мудрый оратор, внушал Абулхаиру: надо следовать примеру лисы, держать в голове шестьдесят две хитрости... Разве одними хитростями да уловками укроешь народ от ветра войны?

Матэ хотел, чтобы он, Абулхаир, как можно раньше понял, накрепко усвоил науку: «Юные годы следует употреблять не на битвы с врагом, а на то, чтобы обучиться хитростям, гибкости, даже изощренности! Потому что не будет толку от бессмысленного риска, от безрассудного гнева. Надо искать свой путь. Время диктует выбор действий!» Матэ хотел помочь ему советом! Знал проница-

¹ Годы правления Есим-хана – 1598–1628.

² Годы правления Жангира – 1628–1652.

тельный аксакал: позиции Абулхаира не так уж сильны. Не очень-то народ жалуется молодого тюре почтением да вниманием. Как же иначе! Аллах не дал ему удачи родиться от старшей жены. Уготовил ему долю всегда оставаться сыном из младшей ветви рода... Умудренный богатым жизненным опытом, Матэ намекал ему: противопоставь сильному грозному роду хитрость! Лишь с ее помощью ты вырвешься вперед, одержишь победу! Для этого всегда будь на виду у всех, встань в полный рост, покажи, на что способен, – но только умно, осторожно!..

Совет Матэ дорогого стоил! В былые времена этот аксакал владел умами всего степного народа. Это потом он, как летучая мышь, схоронился в одинокой своей юрте. Но ум его всегда оставался высоким и зорким... И всегда Матэ, сколько помнит себя Абулхаир, относился к нему с отцовской теплотой. Султан не сразу понял, в чем причина этого. Только после того как Матэ и Патшаим разгадали ему предзнаменование, он догадался: «Значит... значит... аксакал уже тогда догадался о моих тайных думах и желаниях. О глубоко сокрытых от людей стремлениях. Ну и старик! Все прочел в моей душе, до самых ее тайников добрался! Неужели такое возможно? Возможно, значит! Чему же я удивляюсь теперь? Ведь моя еще самая первая с ним встреча осталась неизгладимой в сердце и памяти Матэ!»

Да, эту встречу не забудет и он, Абулхаир. Разве такое забудется!

* * *

Дети Осеке – одного из младших сыновей Джанибека, основателя Казахского ханства, всегда были ущемлены в правах, обойдены в почестях. Как представители младшей ветви династии, они вынуждены были терпеть немало обид. Свои обиды они вымещали на четвероногих обитателях степи. Все они отводили душу на охоте. Все были отменными охотниками; о еде забывали, когда заходила речь об охоте...

Не было иных развлечений и у юного Абулхаира. В охоте, в скитаниях по степи, в поисках добычи Абулхаир открыл для себя множество незнакомых мест, познакомился с новыми людьми. Среди них были джигиты, принадлежавшие к белой и черной кости. Дорога свела его с

людьми, никогда не выпускавшими из рук соилы¹, на которых, казалось, кровь не успевала высыхать... Абулхаир не чванился, не заносился перед лихими джигитами, не похвалялся своим происхождением. Ночевал в их тесных лачугах, спал прямо на разостланных жестких шкурах. Ел из одного котла с ними сорпу, хотя сорпа из архара была ему непривычна, ее резкий, буйный какой-то запах ужащающе бил в нос. Он смешивался с простым людом, как молоко в одном казане.

У юного Абулхаира еще усы толком не пробились, а он уже понял: в тяжкие времена эти отчаянные люди с увесистыми дубинками, с хлесткими камчами в руках – защита от врага. Раньше их посылали на барымту во враждебные аулы, когда казахи вели распри из-за всякой мелочи. Когда же в степи запахло кровью и дымом, когда табуны и отары казахам приходилось погонять не хлыстом, а копьем, эти люди были самой прочной и надежной опорой для народа, для ханов, султанов и биев. И для него, Абулхаира, тоже.

Абулхаир не возил за собой свиту, когда был юношей. Какая свита у султана из захудалого, не имевшего реальной власти рода? Злобных опасных врагов, которые могли бы подстеречь его на узкой дорожке, тоже не было: кому он нужен?

Абулхаир натягивал на ноги башмаки из грубой сыромятной кожи, накидывал на плечи старый чекмень, вешал на луку седла мешочек-талисман и отправлялся куда глаза глядят. Мешочек при нем не простой – с сорока высушенными костями: по древним преданиям, они обладают волшебной силой, оберегают путника от напастей и бед – ничего с ними не страшно! Попробуй разбери – султан он или простолюдин, в одиночестве странствующий по степи!

Абулхаир любил ездить тихой рысью, от которой, как в народе говорится, и конь не взмокнет, и всадника не растрясет. Так ему хорошо думалось, легко было примечать все, вплоть до мелочей, что попадалось в пути.

Как-то дорога вывела Абулхаира к тесному ущелью, которое пряталось среди гор. Справа и слева от тропы серели настороженные, будто опасавшиеся друг друга,

¹ Соил – тяжелая дубинка.

скалы. Рядом с тропкой – быстрый певучий ручей. Своей легкой непритязательной песней он, казалось, пытался развеселить мрачные скалы. С их вершин неторопливо, точно приветствуя путника, проделавшего долгий путь по скучной и сонной степи, взлетали птицы. В отдалении куковала кукушка.

Абулхаир осторожно продвигался по узкой тропинке, огибая огромные валуны, уткнувшиеся своими массивными телами в землю и в ручей. Абулхаир заметил на валунах чьи-то свежие следы – они были влажными. Конь не ленился, резко устремился вверх по тропинке. Вдруг слева от Абулхаира раздался шорох. На тропинку посыпались камни. Конь остановился как вкопанный. Абулхаир поднял голову. Над ним были две скалы, напомилавшие двух сказочных птиц. И они будто тянулись одна к другой. На вершине левой скалы надменно и гордо застыл громадный рогач. Он стоял так, будто был хозяином всего сущего.

С детства Абулхаир ненавидел надменность, ни с того ни с чего выпяченную от самодовольства грудь колесом, у людей ли, у животных ли – все равно. Ему претили чванство и самоуверенность. Когда Абулхаир сталкивался с теми, кто как бы олицетворял эти качества, он едва сдерживался, чтобы не сказать им что-нибудь резкое и обидное. Он всегда сдерживался, гасил свои чувства, и они оседали в его сердце. Он схватился за колчан, вытащил стрелу. Стремительной змеей устремилась она вверх, разрезая своим свистом застоявшуюся тишину ущелья. Заполнявший собой небо рогач рухнул в ущелье. Четыре его ноги вскинулись, поднялись вверх, будто одновременно взметнувшиеся копья.

Абулхаир почувствовал смятение: он и жалел красавца-рогача, погибшего так нелепо, и гордился своей меткостью.

Вдруг на вершину скалы выскочил, как горный орел, всадник на чубаром коне. Выскочил и помчался вниз, увлекаемая за собой камни, прямо к подстреленному рогачу.

Всадник остановился рядом с добычей Абулхаира, спрыгнул с коня, полоснул неистово бившееся рогами о камни животное ножом по горлу. Потом наклонился к ручью, стал смывать с ножа кровь и тут же резко отдернул руку, чем-то пораженный.

Абулхаир с интересом наблюдал за джигитом: «Кто

же этот человек на коне тигровой масти? Верно, какой-нибудь баловень, любимец благородного отца?» Внимание султана привлекла необычная одежда незнакомца – вся она была из выделанных звериных шкур. Всадник на чубаром коне, в этаких странных одеждах...

Абулхаир громко кашлянул. Джигит уставился на него. Глаза его сверкали злым огнем. Абулхаир рассмотрел его лицо – широкий лоб, зазорный нос, круглое лицо.

– Почему ты набрасываешься ястребом на чужую добычу? – спросил Абулхаир и сделал навстречу джигиту несколько шагов. – Мне известны обычаи! Уж если встретил я тебя, путника, то уступлю свою добычу – сыралги!

И не попросишь, все равно уступлю – древние не зря придумали сыралги!

Джигит вспыхнул до ушей. Теперь его глаза метали молнии.

– Не пойму я что-то! Ты что, с неба свалился? И о чьей это добыче ты тут говорил?

– О той, что у твоих ног. – Абулхаир оставался невозмутимым.

– Кто, по-твоему, ее подстрелил?

– Я! Кто же еще?

Джигит насупился. С нарочитой медлительностью он вытер о рукав нож, засунул его в ножны. Сначала он, потом Абулхаир взглянули на убитого козла. В его теле торчали две стрелы, кровоточили две раны. Одна стрела торчала под мышкой, другая выбила глаз. В той, что попала в глаз, Абулхаир узнал свою стрелу.

Незнакомец махом вскочил на коня.

– Эй, почему же ты не забираешь? – удивился Абулхаир.

– Тебе дарю! – в звонком голосе джигита прозвучала гордость и насмешка. Огрев плетью коня, он поскакал прочь.

Абулхаир смотрел всаднику вслед, сожалея, что не смог задержать его, завязать разговор. Станный джигит, чем-то он заинтересовал Абулхаира. «Однако, сколько можно торчать над козлом, вывалившим язык! – подсадовал на себя Абулхаир. – Что я в самом деле как полуденная тень, застыл, с места не могу сдвинуться!» – Он взгромоздил козла на лошадь и двинулся в том же направлении, что и незнакомец.

Когда он выбрался из ущелья, то увидел впереди всад-

ника на чубаром коне. Так и скакали они вроде бы вместе и вроде бы врозь, пока не приблизились к одинокой невзрачной юрте.

Юрта была раскинута в прохладной и широкой ложбине. Всадник спешился и скрылся в юрте. «Ясно, это его дом! – решил Абулхаир. – Иначе, прежде чем войти, он спросил бы разрешения. Однако странно, что никто не вышел, не встретил его. Нигде не видно пасущейся скотины, не слышно собаки!»

Абулхаир тихонько подъехал к юрте и подал голос:

– Есть с кем поговорить?

– Пойди-ка, встретить гостя! – донесся до него усталый голос.

Из юрты показался все тот же джигит. Он молча взял у него из рук повод, стал опутывать коня. Абулхаир стащил с коня рогача, опустил справа от входа в юрту, оглядевшись прежде по сторонам: нет ли все-таки поблизости пса, не дай бог попортит добычу!

За порогом темнели два громоздких предмета, по форме напоминавшие чашу. Для кого такие чаши могли предназначаться? Для собаки – чересчур велики, из них и льва накормить можно. Молодого султана разбирало любопытство. Он вгляделся попристальней и понял, что это не чаши, а старые изношенные ичиги.

Теперь, кажется, Абулхаир начинал смекать, где он, у кого в гостях оказался: «Люди говорят, у него даже пса нет...»

Джигит поджидал его у входа, перекинув чиевый полог, служивший дверью, за плечо.

– Ассалаумалейкум! – вежливо вымолвил Абулхаир и вошел с поклоном в юрту.

– Аликсалам! – ответил ему тот же немолодой усталый голос.

В центре юрты стоял медный таз с раскаленными красными углями. На углях кипел чугунный кумган с кривым носиком. За очагом белел дастархан из джейраньей кожи, на дастархане – две щербатые пиалы. Вдруг к одной из них протянулась огромная лапища.

Тут Абулхаир заметил смуглого, богатырского сложения человека. Он горой возвышался на торе.

На великане были кожаные штаны, они доходили ему до колен. Могучая грудь, волосатые руки и ноги, тело в буграх мышц. Высокий выпуклый лоб, лошадиные скулы, брови выступают над глазами, как дозорные. Аллах не

поскупился, когда создавал этого человека: щедро вылепил его. И лишь поскупился, когда дело дошло до ушей великана: они были совсем крохотные.

«Какая-то волшебная сила есть в этом лице! Она собирает воедино все обилие, все излишества тела, освещает этого человека изнутри... – Абулхаира охватило волнение, предчувствие чего-то светлого, доброго. Он будто понял, что встреча эта неспроста, что она начало начал чего-то важного в его жизни. – Ой, а глаза какие большие, как испытующе смотрят, прямо в душу заглядывают!»

– Проходи, проходи, дорогой! – пригласил великан и слегка подвинулся, уступая гостю место на торе.

Абулхаир уселся на кожаной подстилке. Он был высокого роста, но сейчас, рядом с великаном, почувствовал себя совсем маленьким. К Абулхаиру подошел джигит. Он полил ему на руки воду.

– Добро пожаловать, да благословит тебя аллах! – приветливо вымолвил старый богатырь и отхлебнул из пиалы чаю.

– Пусть так и будет, аксакал, – почтительно ответил Абулхаир.

– Ну, путник, поведай мне о себе, – начал беседу старик и протянул пустую пиалу джигиту. – Кто ты?

– Охотник.

– Ну и как, торока в крови?

– Вроде да, – ответил, поколебавшись, Абулхаир.

– Тогда с тебя сыралги! – едва заметно улыбнулся старик.

Абулхаир бросил взгляд на джигита. Он с угрюмым видом разливал чай.

– Тебя, сынок, что-то смущает? – догадался старик.

Опорожнив пиалу, Абулхаир накрыл ее ладонью.

– Есть отчего смутиться! – пробормотал Абулхаир. – Вот мы с моим сверстником не знаем, кто кому должен дать сыралги. Не часто такое случается, что случилось с нами... Два стрелка наповал уложили одного козла!

Джигит насупился еще больше, но опять смолчал.

– А как вы сами, каждый из вас, думаете, чья же это добыча? – старик с легкой усмешкой посмотрел на них.

– Чья стрела долетела первой, тот и хозяин! – задиристо, с вызовом произнес джигит.

– А как ты считаешь, путник?

– По-моему, будет справедливо рассудить так: хозяин добычи тот, чья стрела сразила козла! – улыбнулся Абулхаир.

Старик поморщил нос, с трудом удержался, чтобы не улыбнуться.

– Где поразили козла? – обратился аксакал к джигиту.

– В ущелье, он на скале красовался...

– Э-э-э. Куда же угодили стрелы? – старик перевел взгляд на гостя.

– Одна в подмышку, другая в глаз. – Этот допрос забавлял Абулхаира, настроение его отчего-то все улучшалось.

Аксакал вновь поочередно оглядел джигитов.

– Ну и что же, не сумели опознать свои стрелы?

– Я-то опознал! Моя попала в подмышку, во-о-о-н на сколько вошла! – джигит отмерил пальцами немалое расстояние.

Старик не сдержал улыбку, покачал головой:

– И вы до сих пор не сообразили, кто свалил козла?

– Мне-то ясно – кто! Чего тут соображать да гадать? Я... – поспешно вставил слово джигит. – Убила стрела, вонзившаяся на целую пядь, а не та, что скользнула по глазу едва-едва!

Старик бросил на джигита снисходительный взгляд, хмыкнул:

– Вы слышали когда-нибудь такую поговорку: скотина принадлежит тому, кто ее пас, а зверь – тому, кто его встретил? Слышали небось? – обратился аксакал к джигитам. Лицо его излучало доброту и ласку. Оба дружно закивали, у соперника же Абулхаира победно вздернулся нос...

– Козла первым увидел ты, сынок! Судя по тому, что стрела вошла в зверя на целую пядь, как ты тут показал нам, ты долго и старательно целился.

Довольный джигит с облегчением вздохнул.

– Однако... однако... нельзя сразить матерого рогача стрелой, угодившей ему в подмышку. Торжество, вспыхнувшее было на лице джигита, мгновенно угасло. Старик продолжал раздумчиво: – Если козел стоял на вершине скалы, то его сразила стрела, пущенная в глаз. Сразила сразу же! Так что, сынок, хотя твоя стрела и вылетела первой, но сразила козла стрела путника. К тому же... видишь ли... он выстрелил не целясь... – аксакал выдержал красноречивую паузу. – Не стоит, наверное, всту-

пать в спор из-за добычи со стрелком, который не целясь поражает жертву в глаз, – многозначительно закончил он.

Оба охотника вспыхнули. Старик помолчал, дал джигитам возможность прийти в себя – одному от смущения, другому от радости. Потом речь его потекла дальше:

– Думаю я, сынок, наш гость – один из сыновей Абдуллы. У кого еще в степи найдутся такие зоркие глаза и такая точная рука? Мне известно, что все сыновья Абдуллы, кроме одного, любят носиться по степи и горам со свитой, с собаками да соколами. Шум поднимают во время охоты, аж земля дрожит... Ты, дорогой мой, думаю я, султан Абулхаир.

Джигит вскочил с места. Старик сказал сыну сурово:

– Сын мой, благодари всевышнего за то, что не лишился коня, вступив из-за зверя в спор с султаном. За то благодари аллаха, что он избавил меня от позора... Знаешь, что причитается мне за твое глупое поведение? За то, что седобородый отец вырастил сына-невежду? Посадить могут задом наперед на ишака и провезти по аулам...

Абулхаир сделал попытку остановить старика:

– О аллах, каких страстей вы тут наговорили, Матэ-ага!

– А как ты догадался, что я Матэ, султан?

– По тому, какой меткий стрелок мой курдас!

Старик от души расхохотался:

– Ты небось имел в виду другое! Одежду его, а?

К лицу джигита снова горячей волной прилила кровь. Абулхаир поспешил ему на выручку:

– Матэ-ага, мы оба встретили этого рогача на счастье. Я давно мечтал увидеть вас!

Старик долго хранил молчание, будто хотел проникнуть в истинный смысл слов Абулхаира.

– Гость мой, – наконец нарушил он тишину, – твои слова свидетельствуют о том, что ты умный юноша. Жизненный опыт, и это печально конечно, учит, что ум редко приносит людям счастье. Почему это происходит? Да потому, что умный действует! Без неудач и срывов дела не бывает, как не бывает речи без ошибок. Разумнее всего, казалось бы, вообще ничего не делать, бездействовать и помалкивать... Но это, верь мне, – только на первый недалекий взгляд... Та же жизнь, настоящая жизнь доказывает: за человеком, дело или слово которого не затрагивает

человеческие души, не пойдут не то что люди – скот и тот не поплетется... Наше время, убежден я, помимо ума требует от человека чести. Чести! Слышишь – чести, а не того, что нынче именуют знатностью! В чем разница между честью и знатностью? Я объясню тебе. Знатность – это злой кобель, который сторожит вход в дом. И бывает, знатность приживается совсем как злой кобель, у того, кто купается в достатке. Она как бы прилипает к тому, кто обжирается жирным куском... Сынок, береги честь! Тогда тебе легче будет править народом. Уважай старших, не пренебрегай сверстниками, будь добрым к младшим! Вот что такое честь правителя! Вот чего ждет от него народ, вот за кем пойдет он с охотой с надеждой. – Матэ мельком глянул на Абулхаира, желая убедиться, доходят ли его слова до молодого султана. – Не забудь еще один мой совет. – Аксакал улыбнулся, хитро прищурился. – Мы, ворчливые старики, доживаем свой век. Эх, долгонько тянули мы за вымя паршивой козы, которая называется «словом», – что она перестала доиться. Понимаешь меня, сын мой? Держись ближе к горячей, ищущей признания, славы и богатства молодежи. Держись ее! Будь с ней! Молодежь – твоя опора, с ней тебе свершать твои замыслы. Большие дела у тебя впереди... – Старик умолк, закрыл глаза, давая понять, что он сказал все.

Абулхаир переночевал в этой юрте, постелив под себя попону, положив седло под голову, рядом с Тайланом – сыном Матэ.

Не такое уж на первый взгляд примечательное событие, как встреча с Тайланом и Матэ, стало для него началом многих и многих событий в его жизни, началом бед и радостей, которые то приходили к нему, то уходили от него. Встреча эта стала тем, с чего начинается его судьба, самостоятельный путь человека, с чего начинаются его поступки и его известность...

«Нельзя, оказывается, предугадать заранее, что может прославить джигита, – не раз впоследствии размышлял Абулхаир. – Кто бы мог подумать, что известность мне принесут не просторная и богатая юрта да полный дастархан, не шумная родня, а гордый дикий зверь, вставший, как памятник, на скале, похожей на орлиный клюв!»

В этом Абулхаир убедился в тот день, когда он однажды с всенародного собрания – маслихата – возвращался

вместе с Айтеке-бием и высококочтимый в степи старец задал ему вопрос: «Откуда у вас с Тайланом дружба?»

* * *

Абулхаир с самого детства не пропускал ни один маслихат, который ежегодно весной проходил на Мартюбе, неподалеку от города Сайрама¹. Там стелились рядышком дастарханы, там клались рядышком камчи² всех трех жузов³.

Абулхаир попадал на эти всенародные сборы и праздники вместе с многочисленной свитой своего отца Абдуллы Хаджи-султана, который был сопровителем Старшего жуза. Светлыми праздниками остались эти сборища в памяти Абулхаира, самыми прекрасными, самыми счастливыми. Все, что происходило перед его глазами, он впитывал жадно, затаив дыхание. Наверное, никто не обращал на него внимания: стоит в сторонке молчаливый тихий мальчуган с красной стрелой в колчане. Но он был весь – внимание, весь – восторг...

За шумным, многолюдным Сайрамом, поднимавшим в небо в те времена пятьдесят тысяч дымов, гордо высился одинокий холм. Если на этот, словно созданный по доброй воле волшебника, холм поднимался человек, он мог увидеть обширные просторы казахской степи. Мог ходить по холму, длиной в пятьдесят шагов, шириной в сорок шагов, и радоваться мощи и красоте своей земли.

На востоке зимой и летом маячил в дымке распрос-тершийся, как барс, Алатау.

Ближе к югу чернела гора Казыкурт. Она всегда напоминала Абулхаиру вожака, который ищет своему кочевью место для привала.

На северо-западе синел, соединяя собой небо и землю, Каратау.

Три горных кряжа лежали на земле, притулившись друг

¹ Сайрам – древний город, который находился в окрестностях современного Чимкента.

² Предводители родов, каждый оратор в знак того, что он просит слова, бросали камчу на землю или на дастархан.

³ Казахское ханство делилось на три улуса – округа, называемые Старшим, Средним и Младшим жузами, объединявшие население исторически сложившихся трех хозяйственно-территориальных обособленных районов – Восточного, Центрального, Западного Казахстана.

к другу, как вскормленные одной грудью братья, как сыны одного отца. А если поднимутся, казалось, то заключат друг друга в объятия... За тремя неразлучными этими горами обитали три казахских жуза, три главных орды, объединившие степные племена.

Заполняя округу, точно весеннее половодье, высыпали из-за отрогов Алатау всадники из Старшего жуза, на землях которого когда-то было основано Казахское ханство.

Обогнув Каратау с севера, спешили на Мартюбе на маслихат родовитые люди и джигиты Среднего жуза. Племена Среднего жуза кочевали на прохладных перевалах и вдоль студеных озер между Тургаем и Иртышом. Было их видимо-невидимо, как деревьев в лесной чащобе.

С южной стороны Каратау выскакивали бесстрашные и стремительные отряды Младшего жуза. Табуны этого жуза паслись на берегах Яика и Эмбы, верблюжьи стада – на Амударье и Сырдарье, а несметные отары – вдоль Илека и Иргиза.

Когда к Мартюбе со всех сторон тянулись ярко-красочные кочевья, в глазах Абулхаира это были не кочевья! Его воображение рисовало яркие-яркие цветы, которые рассыпал, устлав ими весь белый свет, могучий добрый великан...

Кочевья всегда останавливались чуть в стороне, чтобы не топтать зеленые сочные луга Мартюбе. Точно грибы после теплого дождя, выросли вдоль Кошкар-Аты, рядом с рекой Сайрам и около горы Казыкурт белые юрты... В глазах начинало рябить от поставленных коновязей. Склоны сопок, пригорки расцветивались пестрыми шатрами и юртами знатных людей степи.

Поселения трех жузов стремились превзойти друг друга своей красотой, многоцветьем и гостеприимством. Самые лучшие юрты самых знатных аулов занимали места на виду у всего народа. На Мартюбе прибывали самые ловкие и умелые джигиты, здесь расстилались самые обильные и щедрые дастарханы. Сюда съезжались самые прекрасные девушки, пленявшие гостей нарядами и умением ловко, быстро разлить чай по пиалам. Здесь в нужный момент рядом оказывались расторопные, услужливые джигиты: помогали сойти с коня, лили из кумгана воду на руки, провожали в юрту, одним словом, угадывали, предвосхищали любое желание гостя.

У каждого аксакала был целый аул сыновей, внуков и

правнуков – на то он и аксакал! И когда их юрты ставились тоже, Абулхаир замирал от восторга, ему чудилось, что белоснежный город опустился на степь прямо с небес.

Все степняки стремились попасть на великое собрание в Сайраме. Где еще можно было показать всему народу, какой ты богатый и влиятельный. Где еще можно было прославиться сразу на все три жуза?

«Ах, какой нарядной была юрта того-то!»... «Какое угощение отведал я у такого-то!»... «Конь такого-то летел на байте как птица»... «Борец такого-то не знал поражения, всех победил, всех уложил на землю!»... Подобные разговоры годами не угасали в разных уголках бескрайней степи, годами воспоминания о собраниях на Мартюбе грели душу степняков.

Потому-то и старался каждый украсить свою юрту лучше соседа. Потому-то, готовясь к маслихату на Мартюбе, старухи месяцами не расставались с веретенами, молодухи – с ножницами, дочери – с наперстками... Ревниво следила любая хозяйка, чтобы ее юрта была самой нарядной, а кошмы и циновки в ней – самыми узорчатыми... Все не жалели сил, чтобы пошла громкая слава об их достоинствах и искусности, чтобы осталась добрая память об их угощении и щедрости... Все добивались, чтобы люди разнесли по белу свету слух: «Юрта у такого-то что дворец! Украшала собой весь горный склон!»

Аулы старались первыми тронуться на маслихат. Каждый же аулчанин стремился первым раскинуть юрту, когда его аул останавливался на новом стойбище. Если какой-нибудь молодухе удавалось первой сесть на покрытого текеметом верблюда, когда аул снимался с насиженного места, да еще к тому же первой настезь распахнуть тундик юрты и разжечь огонь в очаге, не было тогда никого счастливее, чем она. Лицо ее покрывалось румянцем, глаза сияли, будто у девушки, на которую обратил внимание завидный джигит.

Снохи себя не жалели, с ног сбивались, чтобы держать дом чистым, постель мягкой, дастархан обильным, а еду вкусной. Соперничали друг с другом во всем, даже в искусстве помешивать кумыс. С замиранием сердца ждали, что изречет гость после того, как со вкусом опорожнит огромную чашу кумыса. Ну, а если гость – из тех, что сидят недолго, да видит много, – скажет кому-ни-

будь: «Вай-вай, как же вкусно стряпает сноха в доме такого-то, из такого-то рода – пальчики оближешь!», то весь род ликует. Когда же доходила похвала до аула, откуда сноха была родом, – а она обязательно доходила, – аул радовался так, что небеса слышали его радость: «Оказывается, наша-то дорогая – самая-самая искусная, самая-самая лучшая сноха в ауле такого-то!»

Не было у казахов иной цели, иного смысла в жизни, как прославиться своим гостеприимством. Каждый казах умножал свой скот, чтобы в досталь угостить случайного, богом посланного путника. Потомкам своим оставлял в наследство как самое ценное достояние восторженные отзывы о собственной щедрости!

Как легенды расходились по степи рассказы о том, чья юрта на Мартюбе отличалась отменным кумысом, чья – душистым чаем, чья – наваристой сорпой. Эти легенды, эти рассказы, верили казахи, приносят удовлетворение духам семи поколений предков, а в будущем наполнят гордостью сердца семи поколений потомков, когда они явятся на свет божий.

Слава не дается легко: надо попотеть, побегать, приложить старание. На место прибывали за неделю до собрания, не позже, – чтобы выбрать самое выгодное, то есть на виду у всех, место для юрты. До хрипоты спорили из-за того местечка, если кто-то, не дай бог, опередил кого-то. Если же, не приведи господь, кто-то опаздывал, то прямо-таки из кожи вон лез, чтобы оправдаться перед каждым встречным, перечислял причины и доводы, доводы и причины, почему да отчего припозднился...

В детстве Абулхаир думал, что, собираясь на Мартюбе, народ вообще не спал – ни днем ни ночью. С утра дотемна кипели над очагами казаны с мясом жеребят и овец; непрерывно неслись отовсюду гулкие звуки, знакомые каждому казаху – это помешивали кумыс. В главные юрты, которые ставились в центре каждого из поселений, приглашались на мясо самые достойные и уважаемые люди племени. Тут они и строили планы, прикидывали, о чем будут держать совет на общем собрании, что будут предлагать, что поддерживать, а что отвергать.

Остальные юрты тоже не пустовали. Уж кого-кого, а гуляк на подобных сборищах, любителей вкусно поесть, обильно попить, сказать и услышать острое словцо, соленую шутку бывало предостаточно. Из стойбища в стой-

бище, из аула в аул мотались на богато украшенных конях удалые джигиты, поигрывая камчами, украшенными серебром и резной костью.

Всюду толпятся люди, всюду скопища коней, всюду кипят котлы, вьется дым, что шерстяная нить из-под веретена щеголихи, горят в ночи яркие свечи костров. словно переселились на землю, покинув свои привычные места, мириады звезд.

Куда Абулхаир ни бросит взгляд – цветут радость, красота и свет.

Куда ни поведет носом – стелются дразнящие запахи и ароматы.

Куда ни нацелит ухо – несутся гулкие голоса, слышатся горячие споры, взмывающие в поднебесье раздольные песни, звонкий смех, крики верблюжат, ржание коней...

Придет пора разъезжаться собранию – на обширном этом пространстве, уверен Абулхаир, и завтра, и через месяц будет пахнуть кумысом и мясом, будет звучать веселый, беззаботный смех...

В Сайраме люди на целый месяц забывали о своих заботах и невзгодах. Все они казались Абулхаиру добрыми и славными. Разве у человека, окунувшегося в такую полную развлечений и гостеваний жизнь, может быть настроение плохим или закрасться в сердце грусть? Не только о заботах и невзгодах забывали люди – о дастанах и сказаниях забывали! Ибо какое сказание или дастан могли сравниться с весельем и оживлением, что бурлили вокруг, с праздником, что услаждал глаз и душу!

Сказочный, придуманный рай, на описания которого из века в век не жалели слов акыны и сказители, устанавливался на исходе мая здесь, на земле под Сайрамом.

Древний кряжистый Каратау разделял с людьми радость. Он словно оживал, молодец, захваченный ликованием, становился выше, тянулся вверх, точно желал в одиночку подпирать небесный свод – вот, мол, каков я!

С нежностью старой матери Каратау взирал на людей, наслаждался тем, что его потомки раскинулись мощной кроной векового дерева – раскинулись дружно, за одним дастарханом.

Из бесед и разговоров старших Абулхаир усвоил: для казахских племен Сайрам был материнским очагом. Туркестан же, где был ханский дворец, – отчим домом, куда надо входить на цыпочках, по-сыновьи почтительно и

любовно. Совместные решения племена выносили на Сайраме, а благословение эти решения получали в Туркестане. Каждый казах, называвшийся мужчиной, приезжал на Мартюбе с копьем наперевес, словно был готов в любой момент броситься в бой с врагами. Мужчина без оружия не имел права встать в один ряд с вооруженными. Собрания-маслихаты на Мартюбе являли собой проверку не только разума народного, но и доблести, силы народной...

Сюда стекались со всей степи лучшие ораторы, батыры, наездники и даже обжоры – у них тоже были свои состязания: кто больше опорожнит казанов с мясом и саб с кумысом...

Потому и пошла такая молва: если хочешь узнать, что за народ казахи, приезжай на исходе мая на Мартюбе.

Здесь ты узнаешь: нет народа красноречивее, чем эти степняки! Их слова, их речи берут за сердце, бередают душу.

Здесь ты убедишься: эти степняки – лучшие музыканты на свете! Они умеют вместить все звуки мира в маленький, как тельце осиротевшего ягненка, инструмент всего с двумя струнами.

Здесь ты придешь к выводу: степняки эти – самые голосистые из всех певцов, которых ты когда-либо слышал! Их голоса способны не только юрту заполнить до самого ее купола, но они достигают аж до поднебесья, баюкают небо, нежат его слух, а также утишают полет птицы и бег дикого зверя.

Здесь ты решишь: нет народа мудрее и проницательнее, чем эти степняки! Их бии хранят в памяти все, что происходило на земле аж с сотворения мира, и видят далеко-далеко вперед, даже в будущее заглядывают!

Здесь тебе станет ясно: нет народа рассудительнее, чем эти степняки! Решения они принимают без лишних слов, полагаясь на совет и опыт бывалых седобородых старцев, на мудрость искушенных умов.

Здесь тебе откроется: нет народа дружнее, чем эти степняки! Не только мужи, но и кони у коновязи радуются встрече, утыкаются мордами друг другу в гривы...

Здесь ты изумишься щедрости этих степняков, у которых от зари до зари не сворачиваются дастарханы, не истощаются чаши с кумысом, не гаснут огни под котлами!

Здесь тебя поразят в самое сердце красота девушек и лихость джигитов!..

На Мартюбе родились пословицы и мудрые изречения, прославлявшие казахов, вселявшие в них гордость. И казахи любили повторять их вновь и вновь: «Старшему жузу дай в руки посох и доверь пасти скот. Среднему жузу дай в руки перо и поручи рассудить тяжбу. Младшему жузу дай в руки оружие и пошли на врага».

А как же не повторить то, что делает тебе честь! Если главное богатство народа – скот поручали старшему жузу – это значит воздавали должное его доброте. Если народ передавал тяжбу на суд Среднему жузу – значит, полагался на его мудрость. Если дать отпор врагу, несущему бедствие всему народу, доверяли Младшему жузу – стало быть, ценили его отвагу.

Каждый из трех улусов занимал на Мартюбе подобающее ему место. Каждому оказывались почести и уважение, однако проявлялись они по-разному.

Когда на маслихат прибывали люди из Старшего жуза, все – от мала до велика – приходили в движение, суетились, мельтешили, словно встречали отца.

Когда показывалась группа всадников из Среднего жуза, к ней устремлялись навстречу, как к старшему брату.

Когда же до Мартюбе добирались представители Младшего жуза, ими умилялись, ими не могли налюбоваться, словно объявился любимец и баловень семьи – младший брат...

Все начиналось с того, что зажигали свечи над мавзолеями и мазарами святых и мучеников – прежде всего над могилами отца Ходжи Ахмеда Яссави, пресвятого Азизбабы Ибрагима и матери его Карашаш.

Лишь после свершения этого обряда начиналось веселье. Шутили, смеялись, поддразнивали друг друга все кому не лень. Оседлый подтрунивал над кочевником: зимой-де и летом не расстнешься с шапкой на голове, вроде бы не маленький, а тыкву от дыни отличить не можешь! Лопнешь тыкву, а уж так рад, будто дыней лакомишься! Кочевник не лез в карман за словом, отшучивался: эх ты, и зимой и летом тянешь простую водичку и принимаешь ее за кумыс!..

Люди из трех поселений – Старшего, Среднего и Младшего жузов толпами валили друг к другу в гости –

поздороваться с родственниками и близкими, которых не видели с прошлой встречи на Мартюбе, узнать о здоровье, о житье-бытье, перемолвиться словечком о том о сем. Младшие по возрасту преподносили старшим в знак уважения сыбагу¹ в объемистых чашах. Старшие не оставались в долгу и одаривали младших чашами с саркытом². Кажется, у всех без исключения усы блестели от жира, никто не был обделен. Насытившись, люди на перебой хвалили несравненные овечьи курдюки Старшего, медовый кумыс Среднего, терпкий кымран Младшего жузов.

Наступал день, когда вершину Мартюбе застилала яркими коврами: начиналось собрание, и длилось оно полмесяца – не меньше.

На самом дорогом ковре устанавливали золоченый трон, и на него величаво усаживался хан, увенчанный короной из золота. Поджав под себя ноги, по обе стороны от хана сидели правители улусов – тюре и султаны, чуть ниже, напротив хана, располагались верховные бии³ трех жузов с камчами в руках – символами власти. Пониже собирались кучками самые знатные бии племен и самые известные в степи батыры.

После того как лучшие, уважаемые люди занимали свои места на склонах, у подножия холма устраивался простой люд.

Бии выносили на обсуждение внутриплеменные споры и распри; сообща решали, где кому летовать, где зимовать, к какому из соседних народов послать гонца, а куда – посла.

Голосистые глашатаи сообщали народу, какое решение приняли красноречивые и мудрые бии после долгих словопрений. Неправая сторона платила правой стороне штраф конями и чапанами. Хан получал ханский налог, бии – бийскую плату.

Подходил конец длительным бдениям. Ничто из слож-

¹ Сыбага – пища, которую младшие преподносят старшим в знак уважения.

² Саркыт – пища, которой старшие потчуют младших в знак благосклонности.

³ Верховные бии – предводители родов и племен, отличавшиеся не только богатством и отвагой, но мудростью и красноречием.

ностей внутри казахской степи и вне ее не оставалось, кажется, без общего обсуждения. И вновь люди гостили друг у друга, потом прощались, наказывали передать поклоны и приветы тем, кто остался дома, не забывая при этом упомянуть и старых, и малых.

Во все края, во все уголки бескрайней степи снова тянулись вереницы всадников и верблюдов, опять поднималась пыль к самому солнцу.

Затихала Мартюбе. Базар в Сайраме вымирал, пустел, будто кто-то начисто его вымел. Веселье, оживление из Мартюбе и Сайрама перекочевывало, перемещалось на всю казахскую землю, во все казахские аулы. С великим терпением, любопытством и жадностью ждали аулы возвращения своих посланцев. Радовались, когда они прибывали в добром здравии, гордились, что не забыли о них, аулчанах, — вон сколько гостинцев и подарков навезли, сколько хороших новостей сообщили! Степь наполнялась вестями, слухами, былями и небылицами. До небес возносились неизвестные прежде борцы-палуаны, златоусты, певцы, домбристы, скакуны.

Девушки и молодухи щеголяли друг перед другом в обновках. Давние враги возвращались примиренными, а то и друзьями, а то и в сговоре о свадьбе! Не обходилось, разумеется, и без того, что неразлучные друзья превращались в непримиримых, заклятых врагов. И уж костерили, смешивали с грязью один другого, не отставая в красноречии от прославленных ораторов.

О великих собраниях на Мартюбе их участники и свидетели слагали — всяк на свой лад — новые сказания, дастаны, песни. Они потом передавались из уст в уста целый год. Мартюбе прославлялась в тех рассказах-дастанах как бурная, кипевшая задором ярмарка единодушия и согласия. Ярмарка богатства и искусности народа — вольного, беспечного, живущего на земле, обдуваемой ласковыми ветрами.

В детских воспоминаниях Абулхаира Мартюбе — это корона казахского величия, это праздник, нескончаемый праздник!

... Прошли годы, и умудренный жизнью Абулхаир пережил вместе со своим народом страшное несчастье: корону эту дико и безжалостно растоптал враг.

На вершине Мартюбе, раздвинув бесстыдно задние ноги, подставив ветру алчные ноздри, ржет толстобрю-

хий джунгарский жеребец, разомлевший от обильной майской травы. Но жилам этого жеребца течет дьявольская кровь, она будоражит его, извергает из него грубое, режущее слух ржание. И в ржании том, несущемся окрест, слышится наглое его намерение, ненасытное желание полакомиться и еще чем-то, не только травами и водами казахской земли. Он провозглашает на весь мир: «Я утолю свое желание! Обязательно утолю-ю-ю!»

Казахам осталось лишь предаваться воспоминаниям о славном их прошлом, лишь в грезах видеть священный этот уголок их земли...

Мучительная, острая боль как ржавый гвоздь засела в груди Абулхаира и терзала его.

Терзался не один Абулхаир. Терзались те, кто пережил светлые дни на Мартюбе, и те, кто знал о них понаслышке. Будут и те терзаться, кто придет на эту землю спустя много-много лет, но кому невыносимы рабство, унижение и неволя, кому дороги свобода, честь и достоинство. Во все времена.

Здесь, в дорогом для каждого степняка Сайраме, была наброшена петля на шею строптивой степной вольницы.

Пал под напором джунгар шумный, богатый Сайрам, над которым некогда вились пятьдесят тысяч мирных дымов, и с его падения началось смутное время в великой степи.

Сайрам – это гордо сверкавшее, драгоценное ожерелье на груди бескрайней степи – первым попался на глаза хищному врагу. Давно пожирала эти глаза казахские земли и алчно блестели из-за полога полосатого шелкового шатра, поставленного на снежных отрогах Тарбагатай. Однако больше всего разжигал у джунгар жадность и ненависть Сайрам. Его базары, его лавки пестрели, ломились от китайских и персидских шелков, от индийского чая, специй, пряностей и лекарств, от серебряных, украшенных алмазами ножен, от булатных кинжалов с Кавказа, от полосатых бухарских тканей и самаркандских дынь, от ворсистых ковров и поджарых скакунов из Мерва и Хивы, от ярких ситцев, чугунных котлов, сафьяновых кож, железных гвоздей, от мехов – из русских земель.

Манил-то злые, ненасытные глаза волшебный город Сайрам, на базары которого тянулись купцы из дальних и близких стран, куда перекочевали самые красочные, самые завидные товары со всех уголков света.

Джунгары не раз налетали на Сайрам как дикий табун или голодная, томимая жаждой отара, готовая уничтожить зеленый луг, выпить целое озеро. Они однажды здесь захватили в плен сына Тауке-хана и отправили его в Лухас к своему далайламе. Был у них какой-то хитрый замысел: может, хотели обратить в свою веру ханского сына, а потом посадить его своим единоверцем на казахский трон?

Нападая на Сайрам, джунгары покушались на мирную жизнь и свободу казахов. Они рассчитали точно: отняв у казахов сказочно богатый город, джунгары смогут вытрясти беззаботный народ, как овчину, подмять под себя, как подушку.

Когда Сыбан Раптан стал контайджи, он первым делом захватил Сайрам. Город был разгромлен до основания, разграблен до нитки. Если в нем что-то и осталось целым и непорухенным, то разве только площадки, из которых ели собаки. Все добро и богатство перекочевало в корджуны джунгарских воинов. Много людей погибло — от мечей, голода и болезней.

Да только оставшиеся в живых скоро пожалели, что они не распрощались с белым светом...

Джунгарский военачальник Кулеке в один проклятый день велел построить их перед собой. Начался допрос. Первыми подверглись мужчины, стоявшие, как ягнята на привязи:

- Ремесло?
- Кузнец.
- Твое?
- Портной.
- А ты?
- Ювелир.
- Ты?
- Пекарь.
- Ну, а твое ремесло?
- Маклер.
- Кожемяка.
- Мясник.
- Аптекарь...

Сидевшие на конях джунгарские воины презрительно и кичливо поглядывали на дрожавших от страха босых, полуодетых пленников. Они гоготали над каждым, кто называл свое ремесло, гоготали высокомерно и вместе с

тем униженно. Многие из них, видно, впервые узнали, каких только ремесел нет на свете! Кочевники – они ведали только о ремесле скотовода, мясника или воина. Поначалу им казалось смехотворным, что взрослые, сильные мужчины, не моргнув глазом, произносят: «портной, аптекарь, маклер...» Постепенно притихли и удивленно, даже недоверчиво пялили глаза на своих поверженных врагов.

Кулеке стал сам обходить ряд за рядом, с любопытством вслушиваясь в ответы испуганных людей.

- Мельник!
- Сапожник!
- Мулла!
- Повар!
- Варю бузу!
- Каменотес!
- Лекарь!
- Продавец пуговиц!

Когда всех мужчин опросили, Кулеке отдал приказ: всех сильных, мускулистых, способных руками разогнуть подкову джигитов уничтожить. Их отвели к дувалу и забросали стрелами. Остальных – двадцать тысяч изможденных мужчин – Кулеке распорядился отогнать в ставку контайджи. Пусть сам решает, как распорядиться со всеми этими ремесленниками – кузнецами, горновыми, кожемяками, каменщиками...

Угрожающе поигрывая копьями и хлыстами, захватчики отогнали их в сторону.

В рядах остались до смерти напуганные женщины. Враги не задавали им вопросов. Они молча направились к своим жертвам и так же молча стали ходить между рядами женщин: джунгары прощупывали глазами каждую из них.

Тишина стояла мертвая. Сначала быстро вытащили за руки всех, у кого были хотя бы чуть-чуть вздутые животы. Беременных женщин грубо, тычками привели к каменному дувалу. В них дождем посыпались стрелы: джунгарскому ханству не нужны женщины, в поганых чревах которых потомки врагов.

Холодные зоркие глаза есаулов продолжали шарить по лицам. Каждую, у кого в волосах оказывалась хоть одна-единственная седая волосинка, взашей выгоняли из строя. К зловещему каменному дувалу приволокли новых

смертниц: brave джунгарские воины не нуждаются в старухах, не способных днем держать в руках кочергу, а ночью – согреть в постели!

Пытливые узкие глаза принялись шнырять опять – на этот раз по лицам. Они впивались в глаза, губы, носы несчастных горемык, словно пиявки. Каждую, хоть с крошечным изъяном, женщину решительно отделяли от остальных. Они тоже остались лежать возле того страшного дувала: всяким уродинам не должно быть места на земле, которую вот-вот завоюют, покорят себе джунгары, их ханству нужно отборное потомство!

Женский строй поредел. По нему вновь, как черви, поползли мерзкие взгляды палачей. Женщин тонкой кости, с узкими бедрами, с кривоватыми лодыжками забраковали и забили стрелами. Зачем такие джунгарам? Они не в состоянии будут родить детей от рослых, крупных джунгар. На свете не должно быть народа крепче костью, красивее сложением, чище телом, чем джунгары. Остальные народишки имеют только одно право: быть рабами у порога джунгар, а их женщины – наложницами джунгар!

«Этих, тщательнейше отобранных женщин тоже потом прогоним перед очами контайджи, прогоним, как скот, вслед за их мужчинами, отныне и навсегда рабами джунгар!» – решил Кулеке.

Оставалось сделать еще одно дело. Чтобы казахи не вздумали мстить джунгарам за Сайрам, стертый с лица земли, были необходимы именитые заложники. Шестьдесят семей из знатных родов, правивших этим легкомысленным народом, повелел Кулеке переселить в джунгарское ханство! Шестьдесят семей и все их чада и домочадцы! «Пусть прихватят добро и живность, если таковое у них осталось!» – захохотал военачальник.

Высокородные заложники и сорок тысяч рабов и рабынь с плачем и причитаниями отправились в неволю. Беспощадные джунгары гнали их перед собой со связанными руками, издевались, заставляли безропотно сносить тяготы и лишения долгого пути.

Около года держали пленников на Или, потом переправили в древний Турфан. До казахов потом доходили вести, а может, то были слухи, что в далекой Кашгарии эти пленники возвели новый город и назвали его Сайрам. В нем они навсегда и осели...

Со дня падения Сайрама счастье отвернулось от казахов, кажется, навсегда.

Свои собрания-маслихаты они стали теперь созывать два раза в году – в мае и августе. Только не около Сайрама, на Мартюбе¹, а неподалеку от Ангрена, на Культобе².

Встретившись на Культобе, степняки всякий раз выпускали из груди единый тяжкий вздох. Не было на Культобе трех вершин, гордо возносившихся над вольной землей. Караваны трех жузов будто тонули в синем маре-реве гладкой, как скулы безбородого евнуха, равнине, когда шли на Культобе. Точно не славный своей отвагой и силой народ собирался на отчей земле, а сползались какие-то беженцы из чужих земель, чтобы пошептаться меж собой.

Когда Абулхаир глядел на все это, глаза его невольно наполнялись слезами, а сердце изнывало от горечи и обиды. Жалкое существование! Прежней гордости как не бывало, поникли головы, опустились руки... Прежняя сила растаяла как мираж...

Возвращаясь с собраний на Культобе, казахи стали заезжать на базары Шаша³. Да разве могли они разгуляться здесь, как некогда в Сайраме? Степняки привыкли шагать по базару в пыльных своих сапогах вразвалочку, в одежде и с душой – нараспашку! Между знакомыми много лет рядами и лавками они чувствовали себя как дома. Здесь, в Шаше, они терялись, почесывали смущенно затылки: не знали, какому из советов, расточаемых юркими, услужливыми торговцами, внять, какому – нет. Что может быть обременительнее, что может быть тягостнее для привыкших шагать широко, говорить громко людей, чем держаться с оглядкой, двигаться осторожно, быть натянуто вежливыми?..

Безбрежный мир для казахов стал – с овчинку.

Причиной этому были джунгары...

Оба народа следили за каждым движением друг друга, прислушивались к каждому шороху, доносившемуся к ним

¹ Мартюбе – название холма, где проводились раньше съезды степняков; созвучно со словом «мартебе» – честь, величие.

² Культобе – сочетание слов: «куль» – пепел, «тобе» – холм, т. е. холм, воздвигнутый из пепла.

³ Шаш – старое название Ташкента.

с вражеской стороны. Мало тайн было у джунгар, неизвестных казахам, у казахов — неведомых джунгарам.

Однако казахам необходимо было знать не только тайны, не только секреты джунгар: куда они собираются — в набег или поход? В какую сторону, против кого? Казахи должны были узнать своего врага, понять, кто они такие? Откуда идет их история? По каким законам и установлениям они живут?.. Сами джунгары, прослышали казахи, называют себя ойратами. Свою родословную они ведут со времен Чингисхана. Своими предками ойраты считают шесть племен: кошаутов, койытов, шоросов, дурбитов, торгоутов, елеутов. Эти шесть племен составляли когда-то левое крыло монгольского войска Чингисхана. Впоследствии правили этими шестью племенами не потомки великого Чингиза, как у остальных монголов, а потомки ноянов, темников. Правда, они были в зависимости у чингизидов.

Пятый после Чингисхана — хан Хублай сделал своей столицей завоеванный им город Пекин. Потомки Чингиза, вместе с подвластными им южными и восточными монголами, переняли обычаи и образ жизни чужого народа, подпали под китайское влияние... Не все монгольские племена были довольны этим.

Для недовольства имелись веские причины. На китайских базарах, в китайских городах встречали южных и восточных монголов, тянувшихся к оседлости, с распростертыми объятиями, встречали как дорогих братьев. Стоило же китайцам завидеть западных монголов, они воротили нос, отворачивались от них как от недостойных себя. Старались всячески показать свое превосходство, выказать пренебрежение. Смотрели на них так, как будто они не люди, а трещина на земле... Это оскорбляло гордых ойратов.

Может ли бедный кочевник прожить без базара? Нет! И все же пришлось ойратам прощаться с китайскими базарами, где они меняли мясо и сало на зерно, а шерсть и шкуры на ткани. Воинственный народ, привыкший поклоняться лишь копьё, стал жадно, как молодой волк в поисках ягненка, озираться по сторонам... Вот только волку легко схватить ягненка за горло и унести на спине. А целому народу такой добычи мало... На глаза ойратам попало Казахское ханство, преграждавшее им путь на Самарканд, Бухару и Хиву...

Руки казахов и джунгар вцепились друг другу за ворот.

Жуткие истории рассказывали люди о джунгарах. Такие жуткие, что те, кто потрусливее, при одном только упоминании о джунгарах начинали дрожать мелкой дрожью, а храбрецы стискивали кулаки от гнева.

Есет, к примеру, который давал Абулхаиру самые интересные и верные сведения, не из робкого десятка, но и он не может без содрогания вспоминать о том, что пережил в плену у джунгар. Они держали его четыре года закованным в кандалы в ставке джунгарского правителя – контайджи. Рассказы Есета заставили Абулхаира крепко задуматься над тем, что происходило у них под боком.

Есет был доставлен в ставку контайджи в качестве драгоценного подарка. Знали подданные слабость своего владыки. Со всех уголков и стран контайджи собирал мужчин-воинов, мастеров, чудодеев, ученых. У него была цель: мужчины эти должны оплодотворить чрева ойратских женщин, чтобы Джунгария в скором времени превратилась в страну самых доблестных, мудрых людей в мире.

Ойраты собирались на курултай, так они называли свои маслихаты. На курултай прибывали все тайджи Джунгарии, Кукенура, Халки и Едия. Джунгары тоже любили свои курултай, радовались им. Но радость их была какой-то чрезмерной, будто они внезапно получили благую весть и теперь, согласно древнему обычаю, должны всенародно вспороть брюхо белой верблюдице...

Когда радовался казах, он суетился, спотыкался в спешке о полу собственного чапана. Ойраты же были особенно страшны в часы ликования: они делались угрюмыми, мрачными, грозными, глаза их метали молнии, а глотки исторгали гневные воинственные кличи.

«Не бывает зрелища более жуткого и угнетающего, – вспоминал Есет, – чем великий пир по окончании курултая».

На большой нетронутой лужайке ставился огромный шатер, способный, кажется, вместить в себя аул. Вход в шатер – это та же пасть дракона. Через него свободно пройдет верблюд. Дверь завешивалась темно-бурым китайским шелком с бахромой по краям. Перед шатром сооружалась высокая круглая площадка...

Замкнутый, хмурый, будто обиженный на весь свет, Есет становился неузнаваемым, когда заводил речь о джунгарах. Он как-то лихорадочно, болезненно оживлялся, из него извергался поток слов, с которым он едва-едва справлялся, которым он словно хотел захлестнуть, смести своих заклятых врагов. Сбивчивое, нервное его повествование лишь постепенно входило в русло, становилось плавным и зримым.

Абулхаир каждый раз слушал Есета затаив дыхание. Сам необщительный и скрытный, Абулхаир понимал Есета. Воображение помогало ему дорисовать картину, которую живописал Есет. Юноша мысленно переносился в далекий загадочный край, где происходили события, которые холодили кровь и которые спустя годы продолжают бередить сердце батыра Есета как опасная болезнь.

Перед Абулхаиром воссоздавалась жизнь ойратов, в чем-то близкая и узнаваемая, в чем-то совсем другая, с трудом представляемая...

Большая поляна с огромным шатром посередине. Вокруг тесное кольцо гор. Склоны их заросли стройными смолистыми соснами и непролазным кустарником. В зарослях бьют родники, бегут ручьи. Когда на них попадает солнечный луч, они сверкают как драгоценные камни.

Краснеют и желтеют островерхие шатры, такие же, как у волжских калмыков. В них обосновались на время курултая посланцы разных улусов. У каждого шатра лежат зарезанные жеребята, подвешены бурдюки с кумысом.

Все вроде бы должно радовать глаз праздничностью и пестротой красок... Однако с самого начала в сердце поселилась тревога.

Солнце отражалось, играло на железных наконечниках копий, на алмазных лезвиях мечей. Заунывно звучали длинные карнаи, надменно и гулко грохотали большущие барабаны и литавры. Тяжело, как-то угрожающе, прохаживались, разминались борцы, громадные, как верблюды, ретивые, как тигры, с натянутыми, будто луки, мышцами.

Голос Есета поднимался все выше и выше. Грудь в рубцах и старых ранах распрямлялась. Абулхаиру казалось: когда Есет рассказывает свою печальную историю, вспоминает о годах, проведенных в стане ойратов, невольно думается, что мучительные эти годы были для Есета са-

мыми яркими в его жизни. И оставили навсегда след в его душе...

Абулхаира завораживали картины чужого блеска, чужого могущества...

На поляне начинался парад.

Впереди шли знаменосцы в темно-красных одеждах, по три человека в ряду. В руках у них черные бунчуки – знамена из конского волоса.

За ними, гордо возносившими в небо знамена, шагали трубачи с огромными и тяжелыми медными трубами. Каждую трубу несли четыре человека. Трубач же дул, извлекающая из необъятных ее недр оглушительные звуки. За трубачами – двумя колоннами шествовали ламы в длинных, подметавших землю желтых балахонах. Вслед за ламами – сорок барабанщиков в светло-желтых епанчах.

Шествие лам имело назначение поднять дух джунгар. Парад воинов, которые шли за ламами, демонстрировал силу и мощь джунгарских племен.

Первыми проходили отряды воинов – по двадцать человек в каждом – с литыми щитами в одной руке и с копьями, украшенными кисточками, – в другой. Потом в строгом порядке сменяли друг друга мечники с обнаженными мечами, стрелки в многослойных кольчугах, лучники с натянутыми тетивами, сабельщики, махавшие над головами кривыми саблями...

Затем наступала минута особого торжества: перед праздной толпой, играя длинными, тяжелыми кнутами, конвойные гнали пленников, захваченных в победных набегах. Казахи и китайцы брели, шатались на подгибавшихся от слабости и страха ногах, голые по пояс. Их спины и лица были обожжены жарким солнцем и злыми хлыстами.

Однажды в такой вот группе плелся Есет. Ему было, возможно, тяжелее других. Своим ростом он, как заблудившийся дромадер в стаде смирных овец, выделялся среди пленных и привлекал к себе всеобщее внимание. На него сыпались злобные насмешки, оскорбительные шутки...

Потом все останавливались перед полосатым шатром и начиналась церемония совершения обряда. Все одновременно делали три земных поклона и опускались на колени.

Вперед выступали ламы, одетые одни архарами, другие быками, с рогами на головах. Начинались их ритуальные пляски. Ламы прыгали, скакали то на одной, то на

другой ноге, кружились – группками и поодиночке, руки их выделяли причудливые движения. И хоть бы пылинка поднялась с плотной, как кошма, травостойной земли Тарбагатая! Пляски лам продолжались долго, пока не перевалило за полдень. Джунгары следили за ними притихшие, будто во сне...

После плясок три ламы отделились от остальных. В руках они держали, тесно прижав к груди, какие-то белые свертки. Они поворачивались лицами к пылавшему рядом с шатром костру и делали к нему несколько шагов. Швыряли в огонь свертки, которые только что, будто младенцев, нежно прижимали к груди. Спустя мгновение раздавался оглушительной силы грохот – словно кольцо гор разорвалось и обрушилось на крышу шатра, на поляну. Ламы с рогами на головах устремлялись к костру, окружали его и опять продолжали свои пляски.

Между тем другие ламы выстраивались в ряд и трубили в медные трубы, трубили тревогу. Толпы, облепившие склоны гор, вмиг сдвигались с места, приходили в движение, пускались бежать, обгоняя друг друга.

Со всех сторон начинал раздаваться треск: как по команде вспыхивали стога из сухого камыша. Их пламя служило сигналом к новым взрывам. Тарбагатой, казалось, вот-вот взлетит на воздух. Всюду – огонь, дым, взрывы, гарь, отовсюду – крики, завывания, вопли.

Это светопреставление, этот ад не пугал джунгар. Наоборот, будто вдохновлял и веселил. С гиканьем неслись они туда, где грохотало громче всего, где пылало ярче – на восток. Все сметая на своем пути, вихрем летели они на восток. Впереди возбужденной толпы, вошедшей в раж, бежал сам контайджи.

Недаром трубы протрубили: «На нас напал враг!..» Джунгары полны решимости разбить, уничтожить внезапно обрушившегося на них врага...

Разгромив коварного, вероломного врага, возвращаются на свои места джунгары в еще большем возбуждении. Под звуки труб они трясутся, вертятся в диком танце. Потом расстилаются дастарханы, подаются наполненные мясом чаши, сабы с пенящимся кумысом.

После пиршества контайджи обычно отпускал в родные края пленников, изведавших силу и жестокость джунгарских плетей. Его расчет был прост: пусть эти люди, ошеломленные мощью и непобедимостью ойратов, понесут по свету молву о величии джунгар.

И правда! Горемыки, которым удавалось вернуться домой, наперебой, не жалея красок, рассказывали о том, что видели, что слышали в краю ойратов. Их муки, их тяжкие испытания вызывали у людей ужас, исторгали слезы жалости и сочувствия. Да и как было не заплакать слушателям, когда плакали сами рассказчики!

У Есета глаза всегда оставались сухими, только блестя яростным, сухим блеском. Суровое, словно высеченное из камня, лицо еще больше суровело. Расправлялась грудь, крепче сжимались тяжелые, как кувалды, кулаки. Своими рассказами он стремился не страх вызвать, не ужас перед джунгарами, а ненависть, непримиримую ненависть к лютому врагу. Он старался внушить сородичам, что джунгары опасны не одними только своими набегами, желанием устрашить другие народы, навязать им свою волю, а себя поставить над всеми, над всем миром – вот чем они опаснее всего. Тем, что хотят, чтобы все остальные племена и народы почувствовали себя лишь пылью на джунгарских сапогах...

Слушая Есета, Абулхаир испытывал противоречивые чувства.

Каждое слово о могуществе джунгар вбивалось в его сердце колючкой, вызывало досаду, и зависть, и страх, и стыд. «Народ, который живет у тебя под боком, осуществил то, о чем ты можешь только мечтать! Как хищный ястреб, народ этот сидит на высоком горном пике, готовый в любую минуту к полету, к схватке. Твой же народ, твои же сородичи пребывают в беззаботности!» – на душе у Абулхаира становилось так муторно, что хоть кричи в полный голос!

На курултаях джунгары разбирают не только распри и мелочные споры между родами, племенами. На курултаях они обсуждают, как им дальше жить, строят планы на будущее, принимают разные установления, которым обязан следовать каждый джунгарин.

В этих размышлениях Абулхаир обращался невольно к своему народу. Сравнивал, прикидывал, вспоминал, осмысливал.

«Наверное, со дня сотворения мира, – думал он, – с тех пор как появилась на земле жизнь, не было народа, который больше, чем мы, разглагольствовал о своем единстве и братстве! Еще с тех времен, когда наши предки поселились на берегу реки Чу, отделившись от потомков

Шайбана, и развели свой собственный, отдельный огонь, любили они порассуждать: «Мы покинули отчие степи, отделились от сородичей, нашли приют под чужим крылом. Отныне нам чужие и те, кто перед нами, и те, кто позади нас. Мы сможем стать сильными и самостоятельными только при одном условии – если будем дружными и сплоченными, если будем высовывать руки из одного рукава, а головы из одного ворота. А начнем раздоры, начнем грызню – опять окажемся в зависимости, попадем под чужую пяту».

Сколько десятилетий раздаются подобные заверения среди наших родов и племен! Восходит на трон новый хан и твердит о единстве и сплоченности. О единстве и сплоченности захлеб толкуют перед людьми наши бии. Измученный жестокими разбойничьими набегами народ мечтает о том же. Отправляясь сам в разбойничьи набеги, кричит все и том же!

Все разговоры – на пиршествах и на тризнах – сводятся к одному: «Будем жить в мире и согласии!» Эти слова для степняков что молитва. А молитву произносят часто машинально, не вдумываясь в ее смысл, – и превращается она в пустой звук...

Казахи не осознают, что произносят все бесценные, святые слова... По легкомыслию своему они думают, что слова: «покончим с раздорами», «не доведут нас до добра наши распри», «вечно жалеем для своих, а достается злобным псам» – способны сами собой склеить единство народа. Ими же нарушенное единство!

А между тем никто пальцем не шевельнул, чтобы люди жили в мире и согласии. Свергают хана с трона, а он рыдает: «Ох, позавидовали моему счастью мои же близкие, мои же подданные! Навалились разом, стащили меня с трона за полы ханского халата! Эти людишки без меня и через тысячу лет не станут единым народом!» Вот так стенает всякий, кто, садясь на трон, призывал к единству! Но в голову ему не придет мысль: «А что я сделал сам для этого единства? Для всеобщего согласия?»

Как псами, велеречивые пустомели травят суесловием единство своего народа. Будто им невдомек, что к единству ведет не слово, а дело.

Дела, а не слова. И джунгары доказали это. Между тем – они тоже кочевники! Раздоров да распрей у них тоже хватало! Но они не твердили, подобно кукушке, вьющей гнездо где попало, с раннего утра до ночи: «Давайте

жить в согласии, давайте жить в согласии!» Они решили: сразу сечь голову тем, кто осмелится замахнуться на единство, посягнуть на согласие народа.

Если – постановили джунгары – один улус совершит набег на другой, все добро, все имущество у него отбирается. Половина идет потерпевшей стороне, другая делится поровну между остальными улусами. Если же потерпевшие – слабое, малочисленное племя, то в его пользу с виновных сверх того взимается плата в сто щитов, сто верблюдов, тысячу коней... Мало найдется охотников до чужого добра под угрозой такого наказания! Бога молить будешь: «Господи, помоги, чтобы какой-нибудь дурень ограбил нас!»

Испокон веков известно: людей объединяет дело, а разъединяют слова, и все никак не можем забыть, простить другому пустячную обиду. Лелеем ее, бережем, как драгоценность! Опору для сегодняшнего дня, истину ищем в ссорах и спорах давно минувших лет: «Тогда-то твой отец замахнулся на моего отца! А мать оскорбила тогда-то мою мать!..» Сами приносим в жертву старым дрязгам необходимость объединиться.

Джунгары положили конец и этой глупости. Объявили во всеуслышанье: «Все споры и обиды, имевшие место до 1627 года, предать забвению! А кто вздумает ворошить их – тот заклятый враг ханства!..» У ойрата не должно быть чувства мести по отношению к своему единокровному брату – ойрату. Утолять жажду мести следует на врагах! Если ойрат отважен, пусть покажет свою храбрость, сражаясь с врагами. Если ойрат оскорблен, пусть обрушит свою ярость на тех, кто находится за пределами Джунгарского ханства!

Из всего сущего на земле для ойрата не должно быть никого ближе, чем человек одной с ним крови. Ойрат должен просить бога в своих молитвах не только о своем благе, но и о благе всех джунгар. Он должен не только заботиться о том, как осуществить свои чаяния, но и чаяния других ойратов.

Лишь тогда желания каждого ойрата совпадут с общими желаниями, а заботы и думы сольются с заботами и думами всего народа.

Лишь тогда ойраты станут многочисленным и сильным народом и будут способны дать отпор любому врагу. Есть-де среди врагов и такие, что плодятся, как щенки, несутся как куры...

Даже если у тебя голова золотая, а зад серебряный, даже если ты самый храбрый из храбрых, а родичей у тебя мало, потомство твое скудно – ты ничего не добьешься. Жизнь признает один закон – закон силы. Богатство страны – в табунах и отарах, счастье же, слава и авторитет – в многочисленности потомков.

Коли так, то для маленького народа, каким пока являются ойраты, нет и не может быть человека презреннее и ничтожнее, чем бесплодный мужчина и бесплодная женщина. Счастье, радость народу приносит не смазливое лицо бесплодной красавицы, а выпирающее пузо беременной женщины, способной приносить потомство.

В глазах ойратов нет и не может быть родителей глупее и недалевиднее, чем те, которые позволяют созревшей для материнства дочери в одиночку нежиться в постели. Каждые сорок ойратских шатров, доходили слухи до казахов, каждый год устраивают свадьбы четверем холостякам. Каждые десять домов должны женить одного юношу, снабдив его добром и скотом. Если же это правило нарушалось, ослушники обязаны были заплатить штраф.

Самый тяжкий позор для ойратов – не получить потомства от достигших зрелости дочерей и сыновей. Самое тяжкое преступление убийство ойрата ойратом.

Смертной казнью ойраты карались также в строгом соответствии с уложением. Прежде всего – тот, кто убил ойрата... Кто узнал о приближении врага, но скрыл это... Кто не явился на войсковой сбор, хотя и слышал тревогу... Кто не подал на поле брани в минуту опасности руку помощи своим оглану, тайджи, зайсану, нояну – словом, сотоварищам и военачальникам.

Смертный приговор мог выносить только контайджи. Это было его право.

Если воин не выполнял приказа, ноян имел право отрезать ему руку или ухо, но не имел права посягнуть на его жизнь...

Никому не дозволялось лишать жизни ойрата, а также раба, способного сражаться, и рабыню, способную понести от ойрата...

Число людей, поголовье скота могут расти и увеличиваться там, где царит мир и согласие. Мир и согласие, единство достигаются железными законами, суровыми порядками. Для малого народа излишнее приволье да

беспредельные просторы – губительны. Разве могут насытить считанные куски, брошенные на широкий дастархан? Для большого народа губительна теснота, когда нельзя ни повернуться, ни шевельнуться. Измученные жаждой кони топчут друг друга возле узкого корыта с водой...

Прозорливы, джунгарские правители, хитры! – рассуждал Абулхаир. – Расчетливы!.. Хочешь, чтобы малый народ, считают они, не отставал от других – не позволяй ему жить на длинном поводу и в длинных путях, заставь подпоясаться потуже! Только тогда выведешь его на верную дорогу.

Если же хочешь, чтобы большой народ стал великим – не томи его на привязи, дай простора!

Мои сородичи никак не хотят понять этого, не желают! Не хотят протягивать ножки по одежке. Широта и бескрайность наших степей хороши только для скота. Для нас же, людей, это обернулось бедой. Мы кичимся: «У нас каждому хватит не то что по холму – по гряде холмов хватит! Ставь юрту, где душе угодно! Пускай скот на пастбище, коней на луга и – лежи себе, полеживай, в небо поплеывай! Степь – во-о-о-н ее сколько и вся твоя! Скот свой, – вода своя, юрта тоже своя! Чего еще надо?»

Всяк, кому не лень, выпячивает грудь колесом: как же, он хозяин всему, что простирается до горизонта. Выпячивает и хромой, и кривой, и ленивый, и недотепа! Даже плешивый, и тот нос задирает: не боится, что шапка слетит, да голова голая обнажится. Кто увидит его плешь в безлюдной степи?

Кто посмеет зажать в кулак земных этих богов? Все уверены, что никто не сможет этого сделать...

Каждый из степняков сам по себе дружелюбен и радушен, никого зря не трогает, не задирает. Соскучится, очумеет от одиночества – садится на коня и пускается в степь на поиски какого-нибудь путника. Встретит – спросит, кто он и откуда, кто его родители, кто деды. Непременно признает в нем дальнюю родню или близкого друга своего закадычного друга, пригласит к себе в гости, зарежет ягненка. Вместе жуют насыбай¹, попивают кумыс, а на прощанье рыдают и обнимаются, словно знакомы с пеленок!

¹ Насыбай – жевательный табак.

Однако стоит такому радушному и дружелюбному степняку почуять или прознать, что кто-то намерен сплотить их, объединить, он начинает показывать норов, тянуть в свою сторону. «Собственный теленочек лучше, чем общий бык», – твердят все упрямо.

Соберешь десять степняков за одним дастарханом, так каждый требует себе по бараньей голове и берцовой кости – а как же иначе? Почета не будет!.. Как не существует в природе овцы с десятью головами и десятью берцовыми костями, так не существуют в степи и десятка степняков, которым можно было бы угодить зараз! Десятка! А их – тысячи!.. Свое тщеславие они выдают за свободолюбие, а надменность – за силу воли... «Хотим жить свободно, кочевать вольно!»

А сами живут вразброд.

Жизнь, как жестокий правитель, никого не щадит, не считается ни с казахами, ни с джунгарами, ни с башкирами! Любого заставляет она плясать под свою дудку, любого гонит, куда ей заблагорассудится. Будь жизнь наша беспечной гостьей, которая ночует у бая, обедает у мурзы, – ни один народ, наверное, не был бы ей милее и угоднее, чем мы, степняки...»

Увы, проклятая судьба скручивает тебя в бараний рог, сует обе твои ноги в один сапог: «Подчинись! Повинуйся мне!» Но казахи не умеют, не хотят выполнять чужую волю. Поэтому живут вразлад с эпохой, не понимают веления времени, не могут найти общий язык с судьбой...

Если казах и склонит перед кем-нибудь свою голову – так только перед всевышним. Больше ни перед кем! Еще бы! Бог не стоит у него над душой, не надоедает каждый день поучениями: «Делай так, делай эдак!»

Если казах кого и послушается, то лишь самого пророка – никак не меньше! Пророк не является перед ним в обличье хана, султана или бия. Все, что хотел сказать, чему научить, написал на непонятном для казаха языке. А уж как он будет следовать поучениям пророка, как толковать их – это его дело – послушаться, прислушаться, тем более – подчиниться такому же, как он сам, двуногому существу, другому казаху, который и живет рядом, и ходит по той же грешной земле, и занимается тем же, что и он, – ни за что! Никогда! Одна единственная мысль сверлит его: «А чем он лучше меня?..»

Бескрайняя казахская степь постепенно наполнилась слухами и сведениями о жизни джунгар. Не всем казахам

они нравились. Не многие одобряли их. Ибо был в них вроде бы намек на то, что джунгары живут как люди, а вот... У других эти слухи вызывали горячий внутренний протест, потому что законы, по которым жили джунгары, посягали на святая святых: вольность, свободу жить как тебе хочется, самому по себе... И на то, что перед законом равны и простолюдин и властелин.

Абулхаир же считал, что законы эти разумны и дальновидны...

Ойраты – сородичи на протяжении четырех-пяти колен создавали общину и вели хозяйство совместно. Несколько общин, происходивших из одного колена, создавали аймак, сообща пользовались землей и защищали ее от врагов. Несколько аймаков вставали под знамя одного отока. Отоки в свою очередь образовывали улус, которым правил ноян. Во главе аймака был зайсан, во главе племени – тайджи. Где летовать, где зимовать каждому из этих объединений, решал главный надо всеми джунгарами правитель – контайджи. Он возглавлял советы зайсанов, ноянов, тайджи и судей – заргов – и принимал окончательное решение. Каждый должен знать свои обязанности и не вмешиваться в дела другого.

У казахов, с досадой думал Абулхаир, каждый, кто собрал с десятков голов скота, – уже бай, народил детей с десятков, – уже бий. В степи их – туча!

Ойраты выработали свои установления и правила не случайно. Они смотрят вперед, они дальновидны. Они готовы к неожиданностям. Готовы каждый день, всегда. Они вооружены, у них есть войско.

Каждые сорок дымов, по их законам, в год куют по две кольчуги. Нарушил закон – плати штраф. Вообще нарушение правил карается штрафами, которые идут на нужды войска.

У джунгар никого из своих нельзя обидеть, чтобы потом не понести наказания. Даже если этомышь, прижившаяся в джунгарском шатре. Провинился – отдай коня, верблюда, щит и кольчугу. Для воина нет большего срама, чем не уберечь своего нояна, своего коня, свою кольчугу, щит, саблю, ружье...

Военная дисциплина одинаково строга и к тайджи, и к простому воину. Если рядовой или тайджи самовольно покинул поле битвы, на них налагаются огромные штрафы. Тайджи, например, за такой проступок обязан вне-

сти пятьдесят кольчуг, пятьдесят верблюдов, двадцать пять шатров с чадами и домочадцами, пятьсот коней... Вдобавок ко всему на голову трусу натягивают женские штаны, вымазывают лицо сажей и выводят в таком виде перед народом.

Для ойрата самое дорогое – его ноян, потом оружие и в последнюю очередь – семья. Оружие дороже, чем семья!.. Позаришься на чужое оружие, украдешь у кого-нибудь щит – изволь отдать за него двадцать семь голов скота! За кольчугу – веди из дома девяносто пять, за саблю – девять голов скота!

«Как бы добиться того, чтобы казахи, в конце концов, уразумели: если мы хотим единства народа, согласия в стране, каждый должен подчиниться разумным правилам, принять их всерьез! А озираться по сторонам, выглядывать, вынюхивать, как-де поступает такой да эдакий – последнее дело!.. Если будет в народе согласие, будет в ханстве порядок – придут к ним и сила, и мощь», – эти мысли не оставляли Абулхаира с молодых лет. Но он таил их в себе, скрывал от других: знал – не поймут, не поддержат его! Извратят намерения, припишут такое, что не приведи всевышний! Можешь навсегда лишиться авторитета и поддержки! Он ждал своего часа с терпением, которому могли бы позавидовать зрелые мужчины!..

Все воины во главе с контайджи бросились тогда, во время курултая, на восток, чтобы отразить нападение врага. На восток... Это не случайно. Джунгары поняли, что маньчжуры, убравшие с трона потомков Чингисхана и пришедшие к власти в Пекине, не оставят их в покое. Маньчжуры для них – главная опасность. Джунгары считают маньчжур своими заклятыми врагами и в ненависти к ним растят детей, воспитывают воинов. Ненависть к врагам, согласие и единство меж собой – на этом зиждется их жизнь, их законы.

Но, чтобы быть в состоянии отразить нападение многочисленных, как муравьи, маньчжур, джунгарам необходимо подчинить себе, завоевать казахов. Захватить их необъятную, простирающуюся от Едиля до Енисея территорию. Тогда у них будет вдоволь и пастбищ и базаров... Кто посмеет угрожать джунгарам, если они к тому же возьмут в свои руки шелковый повод караванов, следующих через казахскую степь на базары Бухары, Самарканда, Хивы, Шаша и Сайрама!

Тогда монголы и страны, некогда бывшие под их пятой, выступят в едином строю против маньчжур.

Джунгары не переставали твердить, что потомки Чингисхана происходят от настоящего мужчины, мужа сильного и могучего как лев. Да только сами они родились бабами!.. Необъятные территории, завоеванные некогда Чингизом в битвах и сражениях, утраченные потом его потомками, вернут, монголам не потомки Кубилая, ставшие китайцами, вернут джунгары! Джунгары, которых матери пеленали в конские потники, а укачивали в седлах лошадей!..

Помеха для джунгар – казахи, такие же кочевники, как они сами. Удастся сломить им хребет, раздробить кости – значит, вновь взойдет звезда монголов и ярко засияет на небе... Булатный меч, выкованный для того, чтобы перерезать глотку маньчжурам, надо сначала напоить кровью казахов! Синее копье, которому в будущем суждено возвыситься над вселенной, сначала надо нацелить на обитель степных народов!..

Вот какой замысел вынашивает контайджи, а мы даже перед лицом смертельной опасности не можем объединиться!»

Когда контайджи начал осуществлять свои замыслы, когда был разгромлен и разграблен Сайрам, священный для казахов город, и они были вынуждены перенести свои маслихаты на Культобе, аулы на время забыли взаимные обиды. Стали все вместе думать, что предпринять, как жить дальше...

В тяжкую годину возрос в степи авторитет выходцев из народа. Многие простолюдины получили камчу – символ бийской власти. Высокородные тюре оказались в тени, на втором плане. Самым влиятельным и знатным султанам иной раз не доставался повод даже одного племени. Умным, красноречивым и энергичным биям выпадало порой держать власть в улусах. Камча и повод Старшего жуза перешли к Туле – бию из племени уйсунув. Среднего жуза – к аргыну Казыбеку, Младшего жуза – к алиму Айтеке...

Даже старейшины не могли припомнить подобного – не бии почитали за честь сидеть рядом с тюре, а тюре радовались, что их место рядом с биями.

Абулхаир испытал это на себе. Он хорошо запомнил тот случай, хоть и был тогда совсем юным. Однажды

Айтеке бий оказал ему внимание и после собрания на Культобе пригласил вместе ехать домой. Абулхаир тогда от счастья чувствовал себя на седьмом небе.

Айтеке внешностью и характером больше походил на батыра, чем на бия. Однако бийство дело нешуточное, не каждому под силу. Не каждый выдержит его тяжесть. Повседневная жизнь степи полна запутанных отношений: тайных и явных обид, буйных споров, сложных тяжб. Принять верное, справедливое решение иногда бывает куда труднее, чем совершить набег или потягаться силой и сноровкой на состязаниях батыров. В бийском деле необходимы не только изворотливость и ловкость языка, но и воля, и решительность. У кого из казахов больше воли и решительности, чем у Айтеке?.. Его уважали и знатные, и незнатные, и стар, и млад – для всех он был авторитетом. Никто не смел перечить ему в подвластных ему землях, раскинувшихся между Самаркандом и Бухарой, между Илеком и Тургаем. Молва о справедливости и уме Айтеке шла такая, что и кочевник, и оседлый – каждый степняк – с великим желанием выполняли его приказы и просьбы. Даже самые строптивые не смели ослушаться его. Конечно, была еще одна веская причина. Айтеке был праправнуком родного брата Ялантуша. О Ялантуше среди казахов ходили легенды, в которых воспевались его беспримерная отвага и неслыханное богатство и щедрость. В далекие времена, когда он правил в священной Бухаре и несравненном Самарканде, там были воздвигнуты поражавшие красотой медресе и мечети.

Правитель Старшего жуза Туле-бий происходил из крупного казахского племени уйсунов, из рода дулат.

Казыбек не мог похвастаться знатными предками, был он низкого происхождения. Находились люди, которые пытались корить его этим. Однажды он отбрил обидчика: «Отец мой – черная ночь, мать моя – черная рабыня! Зачем дознаваться у джигита, коли сам он неповторим, о его предках?»

Никто и никогда не видел и не слышал, чтобы три этих бия ссорились или хмурились друг на друга. Если бы между степняками было такое же согласие, как между правителями трех улусов, то счастье не изменило бы казахам.

О биях говорили так: сложный, запутанный узел разрезал Айтеке, разматывал Казыбек, а Туле выпрямлял. Никто не смел ослушаться Айтеке, Казыбека или Туле.

Не мог не признать, что их решения справедливы и мудры.

Тогда сложилась и пошла по степи поговорка: «Айтеке скажет – раскопает, Казыбек скажет – расчистит, Туле скажет – в корень смотрит».

Казахи гордились своими мудрецами – биями. А как они любили послушать их советы и наставления, как, бывало, жаждали, чтобы бии научили их уму-разуму!..

Когда самые неотложные и важные вопросы подходили на маслихатах к концу, люди просили, обращались с поклоном к Тауке-хану: «Пусть Айтеке, Туле и Казыбек скажут нам вещие слова! Мы хотим спросить!..»

– О чем вы желаете спросить биев? – вопрошал Таукехан.

... В памяти Абулхаира запечатлелось и то, о чем спрашивали казахи, и то, какие ответы изрекали три бия.

– Пусть скажут, что нас ждет впереди. Какие грядут времена? – следовал вопрос.

С места поднимался Туле.

– О сородичи и соплеменники. О народ! Не слишком ли часто ржут ныне наши кони, не слишком ли своенравны стали наши жены? – произносил он и садился на место.

Вслед за ним подымался Казыбек:

– Когда часто ржут кони, это значит – быть над степью большой грозе! Засверкают молнии, загремит гром! Если жены чересчур своенравны, значит, поднимется им цена!

Айтеке поднимал над головой камчу и грохотал:

– Если к стране приближается враг, то грива коня становится для мужчин кровом, кольчуга – женой, а копье – сыном! Чело мужа покрывают рубцы от ран, а лицо жены – горестные морщины.

Люди молча и горестно кивали головами.

– О чем еще хотите узнать? – провозглашал хан.

– Теперь пусть бии научат нас, как жить. Что важно для человека, что – нет?

– У каждого есть свой холм, своя вершина, с которой следует смотреть на мир. Для степняка это конь, сядешь на него, помотаешься по белу свету – лучше поймешь, что происходит вокруг... Аксакалы, старцы для народа – что запечатанное письмо: сумеешь раскрыть его – узнаешь, кто тебе друг, а кто враг, – взял первым слово Туле.

– Не кори молодость за то, что сияет, – все мы из нее вышли! Не кори старость за то, что ковыляет, – все мы войдем в нее! – выступил вперед Казыбек.

– Заработанный потом скот лучше славы, купленной ценой чести. Юнец, выставляющий вперед умный лоб, лучше старца, выставляющего вперед бесстыжую бороду! – отчеканил Айтеке.

– Что еще?.. – словно шелестел в мертвой тишине голос Тауке.

– Какая щедрость плоха, какая скупость хороша? Должен ли человек быть уступчивым?

– Плоха щедрость кнута на клятвы, щедрость муллы на проклятья, – мгновенно отозвался Туле.

– Дурная щедрость проявляется в излишней уступчивости. Когда мужчина сдается слепо, а женщина – отдается слепо! – Казыбек в подтверждение правильности своего суждения сделал резкий жест рукой.

– Щедрого на пустые посулы муллу на том свете ждет ад. Плуту не избежать ада на этом свете, ибо бесчестье – тот же ад. Уступчивость женщины ложится позором на ее род, уступчивость мужчины – на весь народ! – Айтеке говорил резко, будто выносил приговор и мулле-обманщику и плуту.

– Когда редко говоришь врагу «да», а другу – «нет»!, то ты, стало быть, очень-очень хороший скупец, – после минутного раздумья отвечал Туле.

– Жадность не порок, когда прелюбодей зарится на твою постель, когда алчный властелин хочет отнять у тебя любимого коня! – не отставал от Туле Казыбек.

– Между людьми хороша скупость на обиды, между народами – на угрозы, – вставлял слово Айтеке.

Люди приходили в волнение, поддакивали, шушукались.

– Ну, имеете еще что спросить у наших биев? – Тауке окидывал взглядом своих подданных.

– Имеем, имеем!.. – неслось со всех сторон. – Что для семьи сын, а что – дочь?

– Сын вырастет – будет потомство, дочь вырастет – появятся родственники! – Туле не заставлял себя ждать.

– Пусть сын умрет, сломав шею от торопливости, пусть дочь умрет, задыхаясь от стыдливости! – отвечал Казыбек.

– Каков у тебя достаток – определишь, когда вырастет сын. Каков авторитет – узнаешь, когда вырастет дочь, – присовокуплял Айтеке.

– А как насчет супруг? Жен, то есть? – полюбопытствовал молодой джигит, вызвав дружный хохот.

– Счастье, когда конь спасает тебя от вооруженного, а жена – от одиночества, – высказался Туле.

– Тому, кто не испытывал наслаждения на ложе, тому и ад не страшен: что может быть страшнее постылой жены? Кто не ласкал горячо жену, тот не будет любить сына! – добавил Казыбек.

– Ретивого жеребца погляди в косяке, горделивого молодца – в семье! – быстро выговорил Айтеке.

Народ снова загудел, зашумел.

– Пусть три бия изрекут нам истины о нравах людских, о поступках человеческих!

Туле сжал в руке камчу, вышел вперед:

– На вершину поднимешься, душа распахнется, с добрым человеком побеседуешь – сердце раскроется.

У кого конь плохой, от того уйдет мечта. У кого сын плохой, тот лишится счастья! – вымолвил Казыбек.

Аптеке сказал так:

– Человека с нечистыми помыслами покидает совесть, мужа, у которого злая жена, – покидают гости! – Он выдержал паузу и продолжал: – Аллах любит азан¹, а народ любит казан. Аулы наши близко от Культобе, пожалуйста к нам, люди добрые, в гости – отведать хлеб-соль.

Собрание одобрительно загудело, со всех сторон посыпались шутки. И вдруг чей-то звонкий голос выкрикнул:

– Эй, братья, уши-то не развешивайте! Этот узкоглазый, видать, замыслил лукавое! Зазовет вас в свой улус, лучших из казахов, да и присвоит себе всю честь и славу!

Туле хотел было дать отпор вздорному крикуну, но его остановил Казыбек:

– Туке, мудрецы говорили: дорога – от старших, служба – от младших! Пора в путь!

Народ прямо с Культобе отправился в аул Букенбая. Три дня гости угощались мясом, пили кумыс, а насытившись, разъехались по своим аулам. Тогда-то, на выезде из аула Букенбая, Айтеке и пригласил Абулхаира:

– Поедем вместе! Нам по дороге!

¹ Азан – утренняя молитва.

... Полынь в степи курчавилась, как шерсть на молодом жирненьком барашке. Теплый, прогретый солнцем воздух колыхался, напоминая легкие волны на поверхности моря. Позади остались дни радости, впереди – словно в густом тумане – маячило будущее...

Привычно развалившись в седле, Айтеке начал напевать какую-то мелодию. «О чем он думает? – гадал счастливый Абулхаир. – Уставился в одну точку, тянет заунывную, как осенний ветер, мелодию, молчит. О чем молчит? Почему-то меня выбрал в спутники, допустил к себе...»

– В каком ты родстве с Тайланом? Откуда у вас с ним такая дружба? – неожиданно прервал бий молчание.

Абулхаир в недоумении поднял тонкие брови и с запинкой, чуть помедлив, ответил:

– Мы курдасы. Ровесники мы.

Бий снова затянул свою песню и после долгой паузы заметил мимоходом:

– Верно! Да, да, правильно...

За весь остальной путь он больше не проронил ни слова. Расставаясь с Абулхаиром, бий прокашлялся и, глядя ему прямо в глаза, веско, со значением произнес:

– По крови ты тюре. Годами молод, многое тебя ждет впереди... Сейчас ты в поре, когда джигит должен уметь, набираться ума-разума. Тяжелые времена для казахов не кончились. Не скоро кончатся... Счастье, успехи тюре в силе и благополучии карачу – простолюдинов. Ты правильно выбираешь друзей. Это хорошо, – сказал, повернулся и уехал.

Абулхаир понял, что стрела, пущенная им в Мамаю, не пролетела мимо, попала в цель. Случилось это год назад.

* * *

Пестрая группа празднично одетых всадников въехала в горное ущелье на резвых конях. Вдруг они услышали топот копыт и лай собак.

Из-за скалы вынырнула ватага удалых наездников – было их не менее сорока. Заметив всадников, удальцы хотели было быстренько ретироваться, да куда тут. Не развернуться в узком ущелье. Нарядные всадники следовали на маслихат, среди них были авторитетные, известные в степи люди. И потому, когда они сделали джигитам

знак остановиться и приблизиться, те не посмели послушаться.

Джигиты приближались нехотя, чем-то смущенные. Все, кроме одного. Впереди был Мамай, младший брат Абулхаира. Лицо его пылало жаром. Рот до ушей. Рыжий чуб лихо торчал из-под куньей шапки.

Среди братьев Мамай отличался своей несдержанностью. Был очень горяч и вспыльчив. Говорил обычно громко, смеялся и того громче, смотрел с вызовом.

Разозлится – так выпятит грудь, так вскинет голову, что, кажется, надменнее его не сыщешь в степи человека!.. Из-за скандального характера народ прозвал Мамай Рыжим Жеребцом.

Больше всего на свете он любил охоту. Не слезал с коня ни зимой ни летом. Налея ему похлебку в одну миску с борзой, он, казалось, не побрезгует, съест все, да еще вылизет миску. Подложи ему вместо подушки капкан, будет блаженствовать, как если бы возлежал на пуховых перинах. Мамай набирал в свиту лихих джигитов и без усталости лазил по горам да камням в поисках добычи.

Сейчас Мамай принял вызывающую позу, уперся животом в серебряную луку седла.

Абулхаир с осуждением взглянул на него. «Что это? Что за конь под ним? Уж не чубарый ли Тайлана?» – сердце Абулхаира сжалось от недоброго предчувствия.

– Чей это конь? Не сына Матэ, случайно? – спросил он брата.

– Да! Конь Тайлана! – нахально улыбнулся Мамай.

– Как он оказался у тебя? – побледнел Абулхаир.

Брат упрямо сжал рот. Всадники увидели, что грива чубарого в крови.

– Эй, отвечайте, в чем дело? – пришпорив серого в яблоках коня, выехал вперед Букенбай. – Где Тайлан?

Джигиты потупились, а Мамай взорвался:

– Жив ваш Тайлан! Ничего с ним не случилось! Лежит вон за тем утесом. Отобрал у него чубарого. За то, что испугнул моего зверя!

– Штраф, значит, взял, – с иронией процедил сквозь зубы Есет.

– Разве штраф не на людях, не при свидетелях берут? – Букенбай остановил коня перед наглым юнцом.

– А вы, что, не люди? – со злобой бросил Мамай, но на всякий случай попятился назад.

Кто-то позади Абулхаира выразительно хмыкнул. Абулхаир оглянулся и увидел, что это Айтеке-бий.

Разве Мамай приструнишь! Вцепился, что клещ, в поводья чубарого аргамака, всем своим видом показывая, что живым не отдаст коня.

— Будет по справедливости, если ты вернешься и сам отдашь коня его хозяину! — небрежно, будто давая мимоходом совет, сказал Айтеке.

— Это почему же? — ухмыльнулся с издевкой Мамай. — Нет такого закона, чтобы бай, а тем более султан не брал положенный штраф с какого-то там оборванца! Такого закона нет! Пусть каждый зарубит у себя на носу: мне лучше знать, как поступать!

— Смотри, не окажись неправым! Штраф — дело не простое, тут ошибаться нельзя! Нельзя никак! — невозмутимо, даже будто бы равнодушно вымолвил Айтеке.

Мамай сверкнул глазами в сторону старшего брата, но Абулхаир хранил молчание. Губы Мамай слились в одну узкую, злобную полоску. Он отступал осторожно и вдруг заорал во всю глотку:

— А мне, бий-еке, плевать на твой совет, плевать! Тюре, султанский отпрыск, вообще не ответчик перед всякой чернью! Хан мне судья, а не все вы, вместе взятые! Не мне уступать да отступать перед каким-то голодранцем, бродячим керейтом! Вот так-то!

Что было сил Мамай огрел коня плеткой. Айтеке сделался белым как полотно. Есет налился кровью, широкое лицо Букенбая потемнело, точно больная печень.

— Господи, что несет, какую хулу изрыгает этот щенок, а? — протянул кто-то с искренним недоумением.

Букенбай не успел еще коснуться рукой колчана со стрелами, как спесивый султан уже распластался на земле.

Люди в растерянности глядели друг на друга. И вдруг все увидели — Абулхаир подхватил повод чубарого и исчез за уступом.

Джигиты из свиты Мамай посыпались с коней как горох, поспешили к своему распростертому на земле султану. На руке у Мамай, которой он держал камчу, был оторван мизинец.

Убедившись в том, что все кончилось благополучнее, чем могло бы, — конечно, стрела Букенбая куда опаснее той, так искусно лишившей Мамай мизинца, — всадники

пришпорили коней и двинулись своей дорогой. Мамай остался со своими удальцами.

В том году, когда приключилась эта история с Мамаем, на собрании, куда следовали всадники, был надрезан еще один гнойник, портивший кровь казахам.

... В те времена в степи жили, не входя в подчинение ни одному из жузов, сами по себе, племена тама, табын, кердери, керейт, жагалбайлы, тлеу, рамадан, керей, уак и таракты.

Так уж повелось, так уж они были устроены, что им мерещилось, будто скот растет, тучнеет, увеличивается числом не там, где обильные, сочные корма, а там, куда они чаще всего обращали свои взоры.

Аулы этих племен разбогатели, разрослись. Это вызвало зависть у других родов и племен. Да такую, что богатые эти аулы не могли обновлять свои кочевья! Их гнали все и отовсюду. Мало того – их стали грабить. Их отары и табуны, заполнившие Кызылкумы, начали беспощадно, жадно доставать своими копьями племена из Младшего жуза. Угоняли, били овец и коней. Разве могли отстать от них в грабеже племена Среднего жуза?..

Рвали на части богатство неприкаянных тех племен, неприкаянных, несмотря на то, что находились они в пределах Старшего жуза.

Ни один маслихат не обходился без того, чтобы представители тама, табына, кердери, керейта, жагалбайлы, тлеу, рамадана, керейя, уака и таракты всенародно не плакались, не жаловались на грабеж и произвол. Без того, чтобы наиболее совестливые люди из сильных родов и племен не краснели от стыда.

Бии, правившие народом, вполголоса осуждали эти разбои, прикидывали между собою, как их пресечь. Молодые джигиты, удалые верховоды, подстрекаемые своими баями, точили зубы на разбогатевшие аулы, желавшие вырваться из-под их курука, угрожали: «Погодите! Доберемся и до вашего скота, и до вас самих!» И свои угрозы приводили в действие: не только стали скот угонять, но начали избивать обитателей этих аулов...

Мамай и его свита тоже были не прочь поживиться за счет табунов табына и тама.

Что для искушенных, опытных биев злость и азарт молодых задир?..

Настал час – и они поклялись на Коране перед всеми, кто способен был носить оружие, прекратить разбой,

восстановить справедливость. Казыбек и Айтеке, бии двух обвинявшихся в разбоях и безобразиях жузов, были вынуждены склонить головы в знак признания вины...

На том собрании речь держал Туле. Молва о ней потом птицей разнеслась по всей степи.

— Были времена, мы обижались, когда нас называли казахами! — так начал он свою речь. — Теперь вот дожили, слава аллаху, до дней, когда гордимся тем, что мы казахи. Откуда мы вышли? Не вылезли мы из-под земли с развевавшимися на ветру волосами. Не спустились мы и с неба.

Вышли мы из шести алашей, истоки которых в горах Алтая. Был у нас древний предок — алаш, единый для всех кочевых племен. Что за слово — «алаш»? Откуда взялось оно? Много есть тому разных толкований. Некоторые говорят: в старину именовалось алачугом жилище кочевников. Покрывался алачуг полосатым паласом — «алашем». Соседние народы и дали имя «алаш» всем племенам, жившим в таких, похожих на чум, жилищах. С древних времен идет о нас поверье, из глубокой старины! — Туле откашлялся, сосредоточился и продолжал: — Ныне алаш имеет шестьдесят две ветви. Нет земли, нет гор, куда не забрасывала бы нас судьба! Нет такой доли, которую бы мы не испытали! В степи нашей между Алтаем и Едилем — каждый испытал капризный и переменчивый нрав судьбы... Сегодня удача выпала одной ветви, завтра — другой. Кто поручится, что послезавтра звезда не взойдет над еще какой-нибудь ветвью? Те, кому привалило счастье сегодня, не должны притеснять других, кичиться своим богатством. Нельзя рассчитывать, если одни из нас сегодня зовутся старшими, другие — средними, а третьи — младшими, что так будет всегда! Не вечно одни будут занимать место на торе, а другие у входа. Не вечно! — Голос Туле дрогнул от волнения. — Все мы, кто входит ныне в три жуза, вылезли не изо рта бога, были зачаты не пророком. Нас вызвала на свет божий, породила любовь таких же смертных, как мы сами, мужчины и женщины. Нечего нам друг перед другом бахвалиться своим родом-племенем!..

Вспомните, сколько раз отворачивалось от каждого из нас счастье, сколько раз оно согревало нас вновь! Мы и вместе и врозь — жили, пасли табуны, поили их водами из одних рек! Кого из нас не постигало горе, которое мы

вместе мыкали? Кого из нас не посещала радость, которую мы праздновали сообща? Оглянитесь в прошлое: как когда-то гремела боевая слава родов и племен, которые нынче присмирели и ослабели! Сколько воды утекло, как мы все перемешались, как сводила и разводила нас судьба, прежде чем мы стали называться Старшим, Средним и Младшим жузами! В былые времена и костры, и дыммы наши, вспомните, пылали вместе. Жили дружно, кочевали вместе, зимовали, летовали вместе... Что же нынче мы забыли о тех благословенных временах?

Будто скверна какая-то к нам прилепилась: не желаем узнавать своих братьев по крови, набрасываемся на них, оскалив зубы, что дурная лошадь! Сами рушим собственный мир и покой! – Лицо Туле загорелось гневом и печалью, в голосе звучала искренняя боль, которая подействовала на людей не меньше, чем слова. – Что же случилось с вами? Почему вы отворачиваетесь друг от друга, презираете собственных братьев? Если мы хотим быть единым народом, а не сбродом, нельзя нам меряться ни ростом, ни богатством, ни силой! Мутные воды Сырдарьи и Чу не райские родники, не каусар¹, испив из которого первым, всякий попадет на самое почетное место в раю! Вчера суждено было пить воду из Яика, сегодня – из Сырдарьи, завтра, может, придет черед пить воду из Иртыша! У каких только вод не ставил свои стольные юрты наш кочевой народ! У каких только вод эти стольные юрты не рушились! Если будем кичиться тем, что главная, стольная юрта казахов находится рядом с нашим родом, а не рядом с другими, мы и сами не возвысимся и братьев наших унизим! Если сегодня поникнут по нашей вине головы братьев, завтра они нас заставят опустить головы! – Туле прервал свою речь, обуреваемый волнением. Справился с собой и уже спокойнее сказал: – Зачем нам быть стервятниками, которые клюют сами себя? Зачем нам рвать на себе воротники своих рубах, если мы мечтаем носить целые рубахи и видеть котлы свои полными? Нельзя за сегодняшним счастьем и достатком забывать о дне завтрашнем. Завтра нам понадобятся сплоченность и единство, завтра больше всего будет цениться братство! Братство! Потому уже сегодня надо заботиться об этом! Ради этого мы обязаны угождать не

¹ Каусар – священный источник.

сородичам, а собратьям... Руководствуясь этим, лучшие умы наших племен приняли решение, которое я объявляю сейчас всем! Если кто-либо из сильных обидит слабые, вернее, смиренные казахские роды – в наказание обидчик будет получать две порки. Одну – за то, что унижил подобного себе человека, другую – за то, что поднял руку на единство народа. Копья, угонявшие вчера направо и налево табуны «чужих» родов, отныне должны защищать их от набегов – чьих бы то ни было! – Туле остановился, давая остальным возможность осмыслить сказанное им. – Это решение согласуется с требованиями святой книги нашего пророка. По обычаю предков, поклянемся на Коране, что будем блюсти этот закон!

Многолюдное собрание шумно одобрило решение биев...

Досадный случай с Мамаем произошел как раз накануне этого великого собрания. Он мог бы стать на этом собрании, призвавшем всех к единству, долгой жвачкой для дотошных ртов. Мог бы, да не стал! Суровый и молчаливый, прозванный «султаном-несмеяном», Абулхаир своим благородным поступком предотвратил возможный конфликт. Люди уже знали, что он заставил своего младшего брата на глазах у всех валяться в пыли! Разговоров, молвы всякой было на собрании больше чем нужно! «Они все разболтанные – эти султанские сынки! А он, этот бледный, скромный юноша, не то что они. Не пустоголовый болтун, как его братцы и другие тюре», – передавалось из уст в уста. И как это свойственно людям, разгорячившись по одному поводу, они начинали вспоминать многое другое. Ругают, хулят – уже не могут остановиться! Восхищаются, хвалят – так уж припомнят все, за что только можно похвалить.

Пошла гулять по кругу другая история, связанная с Абулхаиром. Она произошла несколько лет назад во время стычки казахов с джунгарами. Тогда о ней тоже немало толковали в свое время, а потом забыли. Теперь же тот случай воскрес в памяти людей и в их рассказах засверкал новыми красками. Этому султан был безмерно рад. Ибо знал, что в этой бескрайней степи к человеку слава и известность придут только на крыльях легенд и людской молвы.

* * *

Произошло это на берегу Таласа.

Воды Таласа после той стычки надолго утратили свою прозрачность: много, ох много крови было в ней – казахских и джунгарских воинов.

* * *

...Вся степь кипела от гнева, от ненависти к джунгарам, захватившим лучшие земли казахов. Хан Тауке, тем не менее не спешил начинать войну с джунгарами. Действовали против джунгар, объединившись в небольшие отряды, самые отчаянные джигиты. Они совершали молниеносные набеги на окраинные аулы джунгар. Они не могли вернуть обратно свои земли. Но когда джигиты секли головы своим обидчикам джунгарам, когда самых сильных из них как рабов гнали перед собой, когда самых красивых женщин увозили как рабынь в своих седлах, сердца их наполнялись ликованием от сознания того, что они хоть в какой-то мере отомстили своим заклятым врагам.

В одном таком набеге участвовал и Абулхаир. Он был тогда совсем еще зеленым юнцом. На счету у него не имелось ни одного убитого врага.

Казахские джигиты обрушились на джунгар, которые обитали на побережье Или. Жили они спокойно и беззаботно. Как будто этот благодатный край принадлежал им испокон веков. Никто их там долго не тревожил. Когда в предутренний час на них вихрем налетели отчаянные всадники, джунгары растерялись и не смогли оказать сопротивление. Смельчаки захватили много скота и пленных и отправились с добычей назад. Однако, когда они собирались переправиться через Талас, из лощины выскочил небольшой джунгарский отряд. Враги применили скользящую тактику: налетали и тотчас же отступали, не даваясь в руки казахам. Искать другую переправу, другой брод у казахов не было ни времени, ни возможности. Джунгары трепали их, насккивали со всех сторон, опять скрывались в засаде, но и оттуда их меткие стрелы настигали казахов. Как мешки скатывались всадники с коней. Джигиты сникли, ряды их редели.

Между чем на горизонте показалась туча пыли. Джунгары заметили это и стали отступать к берегу реки, чтобы придержать казахов здесь до прихода неумолимо приближающейся сзади погони. Оба отряда бились отчаянно, джунгары гибли один за другим, но им удалось пе-

реправиться через реку и укрыться в большой пещере. Около входа в нее залег огромный детина с ружьем на ножках. Он снимал всадников, которые лезли под пули, с коней... Нагруженному добычей отряду преграждали дорогу река и пули. Он был вынужден остановиться. Пыль сзади становилась все гуще...

Не решившись броситься в бой или бежать, казахи залегли.

Вдруг от отряда отделился всадник и напрямик направился к броду. Красивый вороной конь шел под всадником пляшущим шагом, на его лоснящемся крупе играли отблески воды. На красавце-коне сидел бледный юноша, сидел беззаботно, спокойно, будто отправлялся на прогулку. Даже лука не держал он в руках. Ехал довольный собой, гордый своим конем.

Смолкло ружье, изрыгавшее пули. Огромный детина раскрыл от восторга и удивления рот: «У того, кто владеет таким конем, исполнились все мечты!» Стрелок затаился, решил ждать, пока всадник переберется через реку и приблизится, чтобы в упор поразить его, надменного и беспечного, упоенного красотой своего коня. Несравненного же скакуна он трогать не станет...

Джигит двигался не спеша, спокойно возвышался на темно-буром своем иноходце...

Казахи замерли: «Господи, что он делает, что с ним будет?» Джунгарский стрелок ликовал: «Цена этому сопляку – одна пуля! Свалю его, вышибу его из щегольского седла, накормлю прибрежным песком. Ну, ну, давай, подъезжай поближе! Конь будет моим! ... Э-э-э, что задумал этот балбес? – удивился он. – К гриве пригнулся, погнал бурого! Вот я тебе покажу сейчас, лихач безмозглый... Сейчас! Сейчас!»

Однако выстрела не последовало.

Молниеносным движением всадник бросил нож и угодил стрелку прямо в сердце. Тот покатился вниз, поднимая за собой облако белого песка, и растянулся огромной глыбой у самой кромки воды.

Одним прыжком конь достиг разинутой пасти пещеры. Встревоженные наступившей тишиной джунгары начали высовываться из пещеры и тут же падали, сраженные летевшими стрелами бледного седока.

Казахи были потрясены смелостью, бесстрашием Абулхаира. Когда их отряд, чуть не сложивший головы на берегу

Таласа, добрался до своих земель, джигиты окружили Абулхаира, закидали вопросами:

– О аллах, как ты решился на этакий поступок? Ведь на верную смерть шел! На верную!.. Как отважился, отчаянная твоя голова?

– А я рассчитал, что джунгарский стрелок zalюбуется моим бурым. Решил отвлечь его, дождаться, пока на фитиле образуется нагар, – отвечал всем Абулхаир.

Джигиты долго не могли успокоиться, шумели, обсуждали его поступок.

– Ты настоящий, ты... ты отчаянный смельчак! – громко похвалил юношу Букенбай.

– И глазом не моргнул, не потерял присутствия духа, когда мы все растерялись! – воскликнул Есет, а про себя подумал: «Как бы этот джигит не оказался из тех, про которых говорят: «За семью печатями молодец!» Не сразу разберешь, что у него на уме!»

– Мы восхищаемся духами твоих предков! – галдели другие. – И у казахов, кажется, родился свой Калдаман!¹

* * *

С тех пор и разнеслась в народе молва об Абулхаире как о бесстрашном батыре. Разнеслась, да иссякла. Теперь вот возродилась вновь, приправленная словесами о мудрости и справедливости юного султана. Подними руку на Мамайя не он, а вышедший из себя Букенбай, нашелся бы повод для нового раздора и опять пошла бы вражда...

Абулхаир и на этот раз старался держаться в тени, всем своим видом показывал, что сам не придает своему поступку значения.

Когда собрание на Культобе закончилось и все разъезжались по своим аулам, Букенбай сказал Абулхаиру на прощание:

– Как это ты не побоялся целиться в брата?.. А если бы ты убил его?

Абулхаир пытался отшутиться:

– Я не хотел разорять род табынов. Не хотел, чтобы они обеднели на семь тысяч коней из-за глупого мальчишки. Конечно, табыны богаты, заполонили своими ота-

¹Калдаман – легендарный джунгарский герой, еще юнцом победивший казахского хана Джангира.

рами и табунами все Кызылкумы. Но плата за убитого султана очень высока!

И Букенбай понял, что совершил ошибку – не надо было тогда ему лезть на рожон. Если бы он покалечил потомка тюре, среди казахов началась бы новая, нескончаемая распря, а она куда хуже любого штрафа за убитого! Букенбай посмотрел на Абулхаира так, будто впервые его увидел. Были в этом взгляде удивление, признательность. Молодой султан, стараясь скрыть волнение, потупился и опять замкнулся в себе.

Однако бии трех жузов не оставили этот поступок Абулхаира без внимания. Он, оказалось, попал в цель точнее, чем любая меткая стрела...

Сколько бы ни старались Тауке и ближайшие его советники сплотить казахов и зажить мирно, их усилия наталкивались на разные препятствия. Главным из них были джунгары. Их острые копья и быстрые кони не оставляли казахов в покое, то там, то сям протыкали кошмы казахских юрт, опрокидывали их...

Настало время, когда всем степнякам – от мала до велика – стало ясно: у власти должны находиться сильные и молодые. Пришел их черед. Старость должна уступить дорогу молодости.

После долгих советов у Тауке семь самых уважаемых, самых мудрых и убеленных сединами биев – жеты жаргы¹ – решили: пока сами они живы и опыт их и советы могут еще быть полезны, передать войска трех жузов под команду трем наиболее способным молодым военачальникам – ноянам.

Военачальником Младшего жуза был объявлен Абулхаир.

Это известие свалилось на Абулхаира нежданно-негаданно на маслихате в Культобе. Он выслушал его спокойно, даже равнодушно.

– Ишь, какой! Ничем его не прошибешь! Не застанешь врасплох ни в радости, ни в беде, – шептались люди.

¹Жаргы – от монгольского слова «зарга» – судья, законодатель. При правлении Тауке была создана своеобразная верховная коллегия законодателей из семи авторитетных биев, и им было поручено разработать свод обычных прав казахов. В народе их и разработанный ими законодательный свод называли «Жеты жаргы».

Этот шепот долетал до чуткого уха Абулхаира. Ему хотелось, очень хотелось крикнуть: «Люди! Не возводите на меня напраслину! Неужели не видите, как я рад? Как я счастлив?»

Однако будто налившись свинцом губы не повиновались ему. Он не мог вымолвить ни слова, не мог улыбнуться – это было выше его сил. В счастливый тот миг торжества он вспомнил мать. Она возникла перед ним с печальной улыбкой на лице, с глазами, мерцавшими, как расплавленное серебро. Остановилась перед ним и пристально вглядывалась в него. Словно не знала, радоваться ей или пугаться. Так же стояла она и смотрела на Абулхаира в детстве, когда его в первый раз посадили на коня и дали в руки плеть.

Сейчас глаза ее вопрошали: «Ну как, сынок, ты доволен, ты счастлив?»

Как и тогда, в детстве, он не мог бы ответить ей однозначно. Конечно, он рад, рад! Но вместе с тем страшно ему. Что будет дальше? Кто знает? Куда его выведет дорога?

Взгляд матери настойчиво требовал от него еще чего-то. Абулхаир в смятении, не понимая, чего хочет мать, схватился за голову и вдруг услышал смех.

Этот смех вернул Абулхаира на землю, словно пробудил ото сна, одолевшего его в неурочный час. Вокруг смеялись, улыбались люди. И Абулхаир впервые в жизни понял, почувствовал всем своим существом, что нет на свете ничего прекраснее, чем улыбка людей, искренне радующихся за тебя... Готовых разделить твой успех.

Вскоре живший доселе без особых забот молодой султан почувствовал, как круто изменилась его судьба... Одно дело – отвечать только за себя. Совсем другое дело, когда ты отвечаешь и думаешь за людей, когда ты на виду у всей степи.

Тот, кто прежде сочувствовал тебе, восхищался тобой, превратился моментально в строгого и пристрастного судью, неотрывно следит за каждым твоим шагом и словом. Будто ждет не дождется, когда ты совершишь ошибку... Хорошо, если ты угождаешь людям, а если нет?..

«Люди похожи на быстро жиреющих и быстро худеющих коней. Из-за малейшего пустяка морщат нос, пятятся от тебя, начинают сомневаться в твоих достоинствах. Забывают хорошее, помнят плохое, – терзался Абулхаир.

– Конечно, если ты из знатного рода, если твои предки с незапамятных времен сидели на троне, то положение твое еще не так шатко. Но если ты потомок боковой ветви, если твои предки всегда оказывались не у власти и лишь недавно с трудом до нее добрались – тогда участь твоя незавидна. Ты, как тот несчастный, у которого, пока он доберется до миски с едой, уж весь нос в крови».

Абулхаир знал это всегда, но особенно остро ощутил теперь. С юных лет превыше всего дорожил он своей честью. Опасаясь, как бы не дали ему по рукам, не оскорбили, он никогда не суетился, не лез на глаза, в середину, чтобы каждый его увидел да приметил. Не заглядывал просительно в глаза сильным мира сего в надежде, что они помогут и поддержат в нужный момент.

Абулхаир страдал от того, что его сородичи готовы были пятки лизать заносчивым и хвастливым потомкам Жадика¹. Он никогда не бил себя в грудь, не доказывал каждому, как это делали его братья, что он тоже тюрк. Абулхаир предпочитал одиночество, избегал пиршеств и гуляний, где люди любили прихвастнуть, покрасоваться перед другими.

И теперь пришла пора – на глаза людям попался он. Он, а не чванливые и горластые его братья. Его приметили, выделили – сначала за скромность, потом – за дела.

Как не остудить восторг у переменчивой толпы?» – с этой мыслью молодой султан засыпал и пробуждался. И все вспоминал слова, некогда сказанные ему мудрым Матэ и проницательным Айтеке, ломал голову над их советами.

После долгих раздумий он пришел к выводу: правы, правы Матэ и Айтеке! Нет у него иного помощника, иной силы, кроме собственных деяний, собственного разума. Его власть, его авторитет могут держаться лишь на его поступках и делах – во имя народа, для карачу – простых скотоводов. Как бы он ни изощрялся, как бы ни лебезил перед теми, кто был взлелеян в шелковых пеленках, кого укачивали в золотых колыбелях с серебряными стойками, они не подпустят его к себе, не посчитают равней.

¹ Потомки Жадика – одна из правивших династий чингизидов, к которой относились почти все политические противники Абулхаира.

Надежная опора для него лишь простолюдины. У них и скота на пастбищах много, и стрел в колчанах хватает. Не найдется среди них такого, кто оттолкнул бы султана. Без опоры на простой люд он не добьется в нынешние переменчивые времена своих целей...

«Взять хотя бы Тауке. Свой род он ведет от могущественного корня потомков Жадика. Сам, можно сказать, родился на троне, считай, пуповину ему отрезали на троне, а как широко раскрывает объятия низкородным, – размышлял Абулхаир. – Понимает – и скот у них, и людей, а значит, и воинов – тьма-тьмущая! А чем владеют тюре, гордящиеся своим знатным происхождением? Чем, кроме молвы, что-де они ведут свой род от самого Чингисхана.

Если не будешь замечать, привечать да ценить тех, кто поддерживает ножки твоего золотого трона, – золотая твоя корона может скатиться с головы на землю, в пыль.

Потому пречистый Тауке и сидит на троне, правит народом тридцать лет, что понял все это с самого начала. Тауке всегда был щедр не только на ласковый взгляд, но и на добрые дела: первым замечал смекалистого джигита, даже если он самый низкородный. Хан знал: погладив по голове одного джигита, он завоюет сердца людей целого племени! Если бы Тауке благоволил только к кучке тюре, то давно пал бы от руки какого-нибудь своего завистливого соперника-сородича. Хан никогда не говорил: «Это свой, а это чужой»...

Много найдется среди родовитых степняков таких, кто злобится, ненавидит Тауке. Но не найдется среди них никого, кто осмелился бы в присутствии народа выступить против него, произнести хулу...

Одобрение, поддержка черни делает слово Тауке решающим, а имя – грозным. Поэтому Тауке не упускает ни одного случая, чтобы заслужить похвалу и одобрение простолюдинов.

Распутывая клубок наблюдений, мыслей о Тауке, о правилах, законах его ханского поведения, Абулхаир постепенно постигал науку правления, ее хитросплетения и секреты. Он готовил себя – по подсказке внутреннего убеждения – к чему-то большему, чем командование войском Младшего жуза. Готовил с молодых лет.

«В окружении Тауке находятся люди из родов, никогда прежде не взбиравшихся так высоко. Кто, например, ко-

мандует огромным войском Среднего жуза? Выходцы из бедных, не избалованных раньше вниманием и доверием, незнатных родов! И, конечно же, сильные роды уступили им дорогу не по своей воле – по необходимости. Потому что так диктовало время.

Выходцев из народа наверх вынесли не только красно-речивые уста и крепкие руки, но и все более частые, все более явственные раскаты надвигающейся грозы. Грозы тревожного, смутного, опасного времени. Лететь навстречу буре, навстречу врагу – это совсем не то, что горделиво восходить на трон.

Мудрость и сила стоили нынче не меньше, чем родословная.

Тауке, как хитрый лис, ловко избегавший на своем пути множество опасностей, поступал дальновидно, приближая к себе простолюдинов. Зачем ему баловни? Чуть не угодишь, погладишь против шерсти – они тебе сразу же воткнут нож в спину, глазом не успеешь моргнуть – свалят с трона. Род, который ты обласкал, вывел их захудалости в знатность, не скажет никогда слова против тебя, будет чтить и поддерживать – во всем...

Неспроста подвалило мне счастье! Неспроста во главе кочевья Младшего жуза Тауке и его соратники поставили именно меня, сына младшей жены Абдуллы, хотя у отца есть сыновья и от старшей жены и вообще в степи хватает отпрысков Жадика. Учли неравнодушие ко мне простого люда. Самым правильным будет, – решал для себя Абулхаир, – делать добро, заботиться в первую очередь о благодарной черни. Она – что сухая, твердая почва у подножья гор: чуть окропишь ее – тотчас насыщается. Не то что именитые родственники, которых томит неимоверная жажда власти, но которые подобны пескам Каракумов – сколько ни поливай их, никогда не насытятся.

С той поры как казахи стали зваться казахами, имеющий копые редко кланялся имеющему скот. Имеющий же скот редко не кланялся имеющему копые. Теперь пришло время, когда все и каждый обзавелись и копыем, и скотом. Защищая свое богатство – свои табуны и отары – казах защитит и свою страну. Народ, который готов пожертвовать жизнью за скот, который готов пойти к врагу в полон из-за скота, народ этот готов и напасть на врага, и крушить его из-за скота... Поэтому первая заповедь для меня – угождать тем, кто имеет и скот, и копые,

то есть народу. Тогда я смогу разбить внешнего врага и сорвать недобрые замыслы своих соперников.

Единственный путь закрепиться у власти, расширить и углубить влияние казахов – это показать, на что я способен в борьбе с джунгарами, в стычках с ними. Однако как это осуществить?» Отправиться к хану Тауке с предложением пойти войной на врага, он, Абулхаир, не мог: рано, неудобно ему вылезать, едва обретя власть. Сделать такое предложение мог лишь старший правитель, находившийся у власти не первый год, либо наиболее влиятельный из простолюдинов.

Как бы ни было, должен он убедить всех в том, что перед кочевниками всегда были две дороги, два пути. Один – защищать землю, другой – защищать народ. Защищать землю – означает биться до последней капли крови. Пока не разобьешь наголову врага, пока не изгонишь его из родной страны... До последней капли крови... Защищать народ – означает оставить земли напористому, алчному врагу, навьючить верблюдов домашним скарбом, чадами и домочадцами, забрать скот и отправиться восвояси, найти пустующие земли, обосноваться на них, или... или же отнять все у более слабого и беззащитного.

«Затевать ныне войну с джунгарами было бы безумием, ибо были они сильны, очень сильны. Если даже предположить невозможное, а именно – что мы победим джунгар, то окажемся лицом к лицу с маньчжурами, а их что муравьев. Их просто так не одолеешь...

Стало быть, выход у нас один: не дать погибнуть народу, спасти его любой ценой. Защитить народ.

Необходимо прежде всего обрести хладнокровие, унять ярость, вспомнить заветы предков. Недаром они учили: повинную голову меч не сечет! И еще они учили: враг, к которому ты привык, удобен для мести...

Как умнее всего вести себя, чтобы избегать ненужных, бесполезных потерь? Может быть, тихо и покорно встречать джунгар, попытаться умиловить их? Зачем нам напрасные, бессмысленные жертвы?

Если непокорная наша душа не в силах смириться с этим, может, нам лучше уйти из этого богом проклятого края, перебраться к северным склонам горы Кап¹? Там в

¹Так раньше называли Кавказские горы.

далеком прошлом не раз обретались наши предки. Вражеские полчища вряд ли доберутся туда, а если и доберутся, то не скоро!»

Однако размышлять, рассуждать с самим собой, строить планы Абулхаиру было куда легче, чем унять свои страсти и чувства. Его мучили сомнения, ущемленная гордость, его одолевали жажда мести, потребность действовать немедленно, сражаться – пусть даже погибнуть, но не дать врагу глумиться над ними! «Неужели мы сломались под бременем бед и напастей? Стали трусливыми как зайцы?» – вопрошал он себя с отчаянием... Однако бед и напастей было действительно столько, что ему, нояну Младшего жуза, следовало учитывать их, осмысливать, а не поддаваться чувствам.

На западе, за спиной у казахов, ощерились жерлами пушки белого царя. На севере башкиры топтали высокие травы, мутили чистые реки, некогда принадлежавшие казахам. На юге находились Хива и Бухара. Тамошние правители, случалось, не пускали степняков на свои базары, чинили им всяческие препятствия. С востока постоянно исходила угроза от джунгар.

Казахи, зажатые со всех сторон в кольцо, не успевали отмахиваться от своих многочисленных обидчиков.

«Что делать, как быть? Обращаться к кому-то за помощью бесполезно: от тебя отмахнутся, как от надоедливой мухи: «Катись-ка отсюда, кочевник, и без тебя голова от забот пухнет!» А попробуй вернуться – опять мы виноваты окажемся, и понесется со всех сторон: «Ах ты, степной разбойник, мотаешься что приبلудный пес! А кто мой караван ограбил, кто потравил мои посевы, угнал моих джигитов, обесчестил наших красавиц?»

Сами же, оскорбив нас несправедливыми наветами, могут на другой день избить, ограбить, вытоптать пастбища, угнать скот... Всадники из казахских аулов стерли в кровь задницы, пытаюсь отбить у врагов длинноколых своих красавиц и длинногривых своих коней!»

После долгих размышлений Абулхаир пришел к выводу: гоняться за противниками, которые ткнут тебя копьем в бок и удирают стремглав, нет смысла: все равно не догонишь, не поймаешь, а догонишь – не отомстишь. Да еще посмешищем будешь! Лучше изловчиться и поймать одного врага, но такого, который причинил больше всего обид. Тогда уж дерись до победного конца, хоть дух из тебя вон! Не отпускай, пока не схватишь его за горло!

Только тогда и остальные враги будут держаться от тебя подальше!

Но надо ждать! Опять ждать!

Молодой султан недоумевал, как такую простую, понятную, кажется, даже ребенку истину не могут уразуметь аксакалы, степные «мудрецы»? Они только и делают, что сокрушаются о разобщенности казахских племен: «Ойбай, разве мы сможем одолеть врага, когда один тянет в воду, а другой тянет в гору! Сначала надо добиться единства народа, а там видно будет, после решим, что делать, как быть!..»

Но объединять народ надо делом, а не причитаниями... Им и невдомек, что пришло время найти среди казахов одного достойного мужа, который сумел бы объединить казахов, повел бы их на большое дело. Если будет вождь, если будет высокая цель, тогда народ пойдет за храбрым, достойным мужем.

«Люди у нас, правда, тоже непростые, попробуй тут разберись! Всему миру готовы до хрипоты расписывать чей-то хороший поступок, рассказывать о нем как о легенде, как о богатырском подвиге. Может быть, так они удовлетворяют свою мечту о мужах, способных вершить великие дела? Но тогда почему народ порой не замечает действительно большое, высокое?»

Трудно представить, чтобы такой быстрый на подъем народ, готовый помчаться чуть ли не за вихрем, не последовал бы за достойным человеком. Если он, конечно, появится среди казахов. И если, конечно, он сможет удивить, поразить своих соплеменников хоть чем-нибудь, ну хотя бы своим обжорством. Если кому-нибудь удастся удивить казахов и этим взбудоражить их – он может вести их хоть на край света! Многие известные в степи люди когда-то добились легкой славы какими-то необычными поступками. Удивили, не совершив ничего достойного, и ходили всю жизнь выпятив грудь, цедили слова сквозь зубы, будто они самого аллаха за бороду ухватили...»

Абулхаир считал все это и несерьезным, и несуразным, и наивным. Такой путь завоевания славы и авторитета был не но нем. Уж если выпадет ему доля вести народ за собой, то он поведет его к большой достойной цели. Например, к единству между собой и к битве с врагами. Да только мечты эти бесплодны: не уступят ему

дорогу надменные потомки Жадика! Ибо они рождены для трона – так думают не только они сами и их приспешники. Немало найдется в степи сторонников того, чтобы над казахами был правитель благородных кровей!.. Таким же, как Абулхаир, не остается ничего другого, как слушаться и повиноваться им.

«Хотя... хотя времена изменились, – вспыхивала в сердце Абулхаира надежда. – Что, если и мне суждена другая судьба? Ведь уступили, вынуждены были уступить мне дорогу, пропустили меня вперед! Всего за два поступка, замеченных людьми! Ведь мне, а не другому отдали бии повод целого войска! Кто знает, может, придет день, когда...»

Мечты Абулхаира были одна радужнее другой... Вот площадь в Туркестане – столице ханства. Она заполнена толпами радостных, оживленных людей. Возносится к небу купол храма Ходжи Ахмеда Яссави. Возле него – люди держат за концы белую кошму. Длина ее – шестьдесят вытянутых в обе стороны рук, ширина – сорок. На кошму сажают не кого-нибудь, а его, Абулхаира. Начинают подбрасывать. Он взлетает выше этого синего купола, осененного счастьем... Вздыхал Абулхаир: «Замыслы человека, поднятого на белую кошму, избранного ханом, способны проломить недосягаемый синий купол неба и устремиться еще дальше и выше...»

К бледным щекам Абулхаира прилиwała кровь, глаза загорались огнем. Всегда сдержанный, он согревался пламенем надежды, честолюбивых устремлений.

«Враг жесток и беспощаден. Но, как говорится, нет худа без добра: против такого врага нужен будет военачальник, способный повести за собой весь народ... Тауке состарился. Кто из близкого его окружения способен на подвиг? На то, чтобы поднять на подвиг народ?.. – прикидывал в уме Абулхаир. – Одного из сыновей Тауке уже нет в живых. Второго – Болат – люди прозвали растяпой. Он и правда хилый, слабый, чахлый какой-то, словно трава, выросшая под намнем. Много лет провел Болат в джунгарском плену. Может, плен его так обломал, но только двигался он вяло, слова веского никто он него не слышал, которое бы осталось в памяти людей. Куда ему держать повод своего народа? Управился бы с поводом своего коня – и на том спасибо!»

Хан Среднего жуза Кайып тоже уже не молод. Чует

Кайып, что старший брат его стареет, а племянник чересчур тщедушен: не зря в последнее время так и лезет повсюду вперед, садится раньше других, говорит громче всех, бороденку свою задирает все выше и выше... Однако, если в сорок лет – в расцвете сил – Кайып не разбил ни одного врага, кого же в таком случае способен он разгромить в свои шестьдесят?.. Другие тюре тоже не очень-то годятся в военачальники – спесивы, болтливы, легковесны в суждениях и поступках».

Абулхаир был уверен: настала пора действовать. Сторожить красивых девушек в аулах да гоняться за зверями на охоте – этим пусть занимаются другие молодые султаны.

Он жаждал дела, подвига и власти...

«Джунгары – враг, которого нелегко одолеть. Отдавать растяпе какому-нибудь или ветрогону восьмидесятитысячное казахское войско, наверное, никто не решится. Для такого войска нужен молодой полководец с сердцем ястреба... Недаром Тауке заменил всех главных военачальников. Теперь необходимо выбрать бесстрашного вожака, который поведет их за собой... Только бы на устах людей, о аллах, оказалось мое имя. Не на устах простых людей, а сильных мира сего...

Мне самому, видно, тоже следует что-то предпринять, не просто услаждать себя сладкими мечтами. «Яблоко, яблоко, созрей, лисе в рот упади!» На кого из влиятельных и красноречивых людей можно положиться в этом деле? Кому намекнуть о своей мечте?.. Ясно, что слово батыров Младшего жуза не многого будет стоить, да и чести мне не прибавит. Батыры Среднего жуза захотят выбрать кого-нибудь из своих, из высокородных, они не станут мне помогать.

Неужто не найдется ни одного человека, который вспомнил бы обо мне, прокричал бы на совете мое имя?» – стоило Абулхаиру задать себе этот вопрос, как он падал духом, сердце его сжималось от обиды.

Он горько упрекал себя за гордый, нелюдимый свой нрав, который мешал ему найти общий язык с влиятельными.

«Хотя, – тут же пытался он оправдать себя, – разве можно положиться на подобных людей в ответственный момент? Они переменчивы, как погода... Рассчитывать можно только на тех, кто сам заметил меня, кто понимает меня. И такие вроде бы есть!..

Тот же Букенбай или Есет. Слава о них гремит сейчас по всей степи. Чьи табуны заволокли Каракумы? Букенбая и Есета... Чьи бесчисленные копыта гоняют эти табуны на пастбища? Букенбая и Есета... Кто натерпелся больше остальных от других казахских родов? Букенбай и Есет... Кто одержал над этими родами верх, заслужил славу и честь у народа? Букенбай и Есет... Лучшие люди трех жузов совсем недавно клялись на Коране, что раскрывают объятия родам Букенбая и Есета, не дадут их больше никому в обиду. Неужели же они теперь не прислушаются к их мнению? Особенно к мнению Букенбая, у которого войско как каменный кулак! И возраст которого самый почтенный среди нынешних батыров!

Если бы Букенбай бросил клич: «Соберем все войско, объединим силы, выйдем против джунгар!», если бы его клич мог пронять твердолобых, причитавших: «О аллах, что же нам делать, как жить-быть в это несносное время?» — тогда, наверное, Букенбай — кто, как не он сам — выбрал бы полководца над всем казахским войском!»

В ушах Абулхаира гулким эхом звучал мощный голос, прославлявший на всю казахскую степь его имя. Другой голос подхватывал его имя и весело добавлял: «Правильно говорит Букенбай! Абулхаир достоин!» Если бы его поддержали Старший и Средний жузы, какое было бы счастье! Если бы его поддержали молодые батыры, звезда которых только начинала восходить, он был бы счастлив вдвойне.

Стремительные, как бег иноходца, мечты молодого султана несли его все дальше и дальше. И вдруг эти сладкие грезы рассеиваются как дым, отлетают куда-то, Абулхаира опять терзает сомнение: «Возможно ли это? Кто бы мог так поддержать Букенбая?» И тут он вспоминает один недавний случай. Перед его глазами, будто воочию, встает Мырзатай. Вот он смахнул со лба рукояткой камчи высыпавший, как просо, пот. Присел рядом, начал неторопливо свой рассказ...

Мырзатай часто ездил из улуса в улус, из аула в аул, с базара на базар, и больше всего он любил рассказывать не о том, что сделал, а о том, что видел и слышал. Тут ему не было равных.

Мырзатай, возвратясь в аул, каждый раз вел себя по-разному.

Если он приезжал с важными новостями, то, едва

спешившись, начинал покрикивать на слуг, хлестал камчой вертевшихся у его ног борзых, со вкусом поругивал тех, кто когда-то чем-то не угодил ему. Вваливался в ханскую юрту важный, величавый.

Абулхаир всегда испытывал радость, когда слышал эти предвещающие интересные вести звуки.

– Ну, явился, баламут? – спрашивал он Мырзатая и указывал ему на место справа от себя.

Мырзатай вразвалочку проходил на торь. Сразу же требовал у старшей своей сестры Бопай кумыса.

Если же он приезжал, не пронюхав ничего интересного, вел себя совсем иначе. Не бранил слуг, не хлестал камчой собак, никого не костерил. Виновато, бочком протискивался в юрту, на торь не проходил. Если Мырзатай не имел вестей, о которых можно было бы рассказывать взахлеб, то, привези он с собой хоть шесть мешков с золотом, ни за что не просил сразу кумыса. Лишь кончив докладывать о делах, о том, как выполнил поручения Абулхаира и его жены, просил кумыса, чтобы утолить жажду, промочить горло.

Тогда и Абулхаир сидел на торе непроницаемый, едва поддерживал разговор. Так и расходились они, приунывшие, грустные...

Недавно Мырзатай поднял гвалт на весь аул Абулхаира! Помянул недобрым словом чем-то обидевший его род туленгутов до седьмого колена, досталось и гончей суке Абулхаира, которую обычно султан брал с собой на охоту. Ввалился с треском в юрту, снял у порога сапоги, небрежно бросил их на пол, решительно прошел на торь к Абулхаиру. Снял шапку, почесал затылок ручкой камчи и спросил, как выдохнул:

– Здоровы?

Абулхаир улыбнулся, сестра закусил губу, чтобы не рассмеяться: уж очень забавен был Мырзатай. Оба поняли, что сегодня он развлечет их какой-то особенной историей.

Мырзатай с удовлетворением подумал, что сегодня уж сестра не будет дуться на него, как обычно. А то, видите ли, ей не нравится, что он не похож на щеголя или на родственника тюре. Откуда у него могут быть привычки и манеры тюре, если ему, Мырзатаю, достаются объедки и обноски от ханов и султанов! Сестра дуется иной раз на него, а его жезде Абулхаиру, кажется, нравится и его безалаберная натура, и простая одежда.

– Рассказывай, степенный джигит, – произнес Абулхаир, слегка коснувшись рукой колена своего балдыза брата жены.

– Апа, дай-ка мне кумыса! Надо смочить горло! Я ведь не рассиживался в тени, вдыхая запах сабы¹! Жара сегодня такая, что язык к нёбу прилипает.

– Эй, принесите Мырзатаю кумыса!

Ему поднесли чашу, до краев наполненную ароматным кумысом. Медленно, с наслаждением Мырзатай потягивал кумыс, словно не он только что жаловался на жажду. Покачивал головой, жмурился от удовольствия. Провел тыльной стороной ладони по усам, вернул чашу сестре. Уселся поудобнее, вынул табакерку.

– Шесть дней не сходил с коня, – начал наконец Мырзатай свое повествование. – Сегодня заночевал в степи. Позавчера встретил табунщиков из племени аргынов. Остался на ночь у них, – докладывал он не спеша, будто кумыс, смаковал каждое слово. – Есть у аргынов один табунщик. Рябой и черный как чугун. Шрам около рта, с детства след от копыта, лягнул жеребец мальчика, когда он объезжал того. Этим своим кривым ртом табунщик много чего поведал мне!.. Я так думаю: кабы не кривой его рот, плохо пришлось бы Казыбеку! Не видать бы ему власти, тогда камча Среднего жуза досталась бы рябому! Молодец, льет словами, что апрельский ливень... Каждый аргын, известное дело, за словом в карман не полезет. Но этот! Даже сами аргыны слушают его разинув рты, не то что другие. Да и то сказать – кому же еще заливаться певчей птицей, как не одинокому табунщику! Коли бог посылает ему случайного путника да у путника этого не так подвешен язык, как у него, если он к тому же не из этого жуза, а из соседнего, так табунщик рад-радехонек!

Такого тебе порасскажет, такого наплетет, что только диву даешься! Ну, я тоже не промах. Узнав, что он из рода, который только-только добился лучшей доли, подлил масла в огонь: ах, ты, мол, из того известного аула... Он и полился рекой...

Мырзатай посмеивался, слегка подтрунивал над рябым табунщиком, хотя сам тоже был человеком словоохотливым. А когда увлекался, глаза его начинали гореть как угли, усы топорщились, будто царапали воздух, и слуша-

¹ Саба – кожаный мешок для хранения кумыса.

тели вслед за ним окунались в поток слов. Однако Абул-хаир знал, что Мырзатай умел поймать, схватить суть чужого рассказа, догадаться о недосказанном, откопать потаенный смысл, скрытый за ничего вроде бы не значащими словесами.

– Стало быть, так. Табунщик этот из рода Дузея, но мне он поведал историю о роде Кушея. У дузеев и кушеев говорят так: самые смышленные и говорливые принадлежат у нас к роду Дузея, а самые смиренные, самые домоседы к роду его брата Кушея. Однако верховодят среди племени аргынов тихие, смиренные кушей. И причина тому – в первой жене Кушея... Глаза ее были как солнце, уста как месяц, в общем, несравненная красавица. – Мырзатай все больше увлекался, рассказывая вздохом. – Если она входила в темную юрту, там становилось светло, если же входила в светлую юрту, то ослепляла всех, так она была красива. Слава о ее красоте достигла ушей одного задиристого джунгарского тайджи. Из тех, что не давал своими налетами покоя казахам. Этот наглец решил выждать, когда храбрый Дузей уедет куда-нибудь из аула и домосед Кушей останется там один. Дождался. Джунгары налетели на аул, разграбили его, забрали себе все, и Кушей остался без жены – ее тайджи схватил в первую очередь. Через несколько дней возвратился Дузей. На месте аула он застал пепелище, кругом были слышны лишь вопли, матери стонали о детях, увезенных врагом.

Дузей сразу же помчался в погоню за врагом. Тот, ясное дело, не дожидаясь Дузея, не медлил. Успели добраться до своего улуса.

Сняв чапан, обрядившись в лохмотья, Дузей прикинулся бродягой. Отыскал давнего своего друга, стал умолять его: «Помоги мне поговорить с моей женге – женой старшего брата!» Джунгарин устроил ему свидание. Женге сказала Дузею: «Если я вернусь, вражда и жажда мести только усилятся. Пострадают люди. Я... я побывала уже в постели тайджи! Если хочешь отомстить моему мучителю, отвези в жены своему брату, моему мужу, младшую дочь насильника! Никто, кроме шального ветра, еще не прикасался к ее подолу. Завтра три дочери тайджи выйдут погулять в яблоневый сад, собирать яблоки! Другого такого случая у тебя не будет!»

На следующий день Дузей взял у своего друга жеребца и кобылу, отправился тайком в яблоневый сад. Когда

спал полуденный зной, в сад и правда пришли три дочери тайджи, одна краше другой... Какая же из них младшая?

«Отпущу-ка я жеребца, – сообразил Дузей, – он потянется к кобыле. Нет среди казахов и джунгар человека, у которого бы не вызвало любопытства свидание жеребца и кобылы... Запретный плод сладок. Девушке от четырнадцати до восемнадцати лет будет особенно интересно наблюдать, как проявляется страсть у животных... Если, впрочем, она уже порченная, если ягодицы ее уже успели голыми прикоснуться к земле, она притворится смущенной, отвернется с возмущением: «Ой, что это они делают!», сама же будет подглядывать исподтишка. Если же она в самом деле девушка, еще никем не тронутый цветок, то она или рассердится искренне на любовную забаву жеребца и кобылы, либо застынет к открытым ртом».

Раздалось страстное, призывное ржание жеребца, и две дочери тайджи закрыли руками лица и отвернулись. Третья же заметалась и начала швырять песок в животных. Дузей метнулся из своего укрытия в сад и, прижав девушку к груди, вскочил на коня.

От младшей дочери тайджи у Кушея родились три сына – Аю, Карабас и Кошкар. Когда она носила их под сердцем, то трижды пыталась убежать к своим. Кушей каждый раз настигал ее и возвращал назад.

В первый раз молодуха сказала так: «Когда я понесла, мне захотелось медвежатины. Если родится сын, мечтала я, то выращу его среди джунгар, чтобы он отомстил вам за поруганную честь моего отца».

Во второй раз молодуха сказала так: «Когда я забеременела, мне захотелось мяса черного валуха. Я мечтала вырастить сына среди джунгар, чтобы он отомстил вам за поруганную честь моего отца».

В третий раз молодка сказала так: «Зачав это дитя, я очень хотела отведать мяса круторогого кошкара. Надеюсь, что сын мой будет батыром. Хоть этого сына, мечтала я, отдам джунгарам, не оставлю постылым казахам».

Дузей долго колебался: «Может, отпустить ее домой? Вот ведь какая упрямая! Родила трех сыновей, трижды подвергала себя смертельной опасности, пускаясь в бега, но не отдала свое сердце земле, куда ее насильно привезли. Все эти годы мечтала о мести!» Однако по здравому размышлению все-таки решил: «Нет! Сжалишься сегодня – завтра горько расскаешься! Набегут джунгары, задерут, что стая голодных волков, казахов!»

Аю, Карабас и Кошкар выросли батырами. Когда же родился у Кушея еще один сын – Калкаман, отчаянная дочь тайджи смирилась. Как раз в то время казахские джигиты вызволили старшую жену Кушея, привезли ее из очередного набега на джунгар. Сорок дней купал ее Кушей в молоке белой кобылицы, и лишь на сорок первый допустил к себе. От нее родился еще один сын Кушея – Тиней. Хотя был он самым младшим по годам, считался самым старшим из детей Кушея: первый ребенок от первой жены.

– Теперь оставим в покое всех остальных сыновей и поведем дальше речь о Карабасе, – продолжал плестить рассказа Мырзатай. – Был Карабас среди батыров первый батыр и полюбил он дочь знаменитого бая рода жаппас из Младшего жуза. Киялды, так звали девушку, тоже всем сердцем полюбила его.

Влюбленные терпеливо ждали, когда родители сосватают их, сыграют им свадьбу. Да только батыр, как гласит народная мудрость, опрометчив и доверчив, а бай жаден... Родители не заметили взаимной склонности своих детей, а вот пронырливый враг приметил красоту Киялды.

Однажды снедаемый тревогой и тоской Карабас рассыпал на белой кошме сорок два боба. И похолодел: гадание открыло ему, что аул Киялды разгромлен, а его возлюбленная вместе с другой добычей увезена джунгарами.

Молнией взлетел Карабас на коня и погнал его, что было мочи. Скакал, пока не увидел вдали врага. Он следовал за джунгарами неотступно так, чтобы они видели его все время. Тайджи кликнул своих воинов и заявил: «Этот всадник едет за нами неспроста. Предполагаю, что это аргын Карабас. Он что-то задумал. Отправляйтесь к нему, выведайте, чего он хочет».

Карабас ответил нукерам: «Ваш тайджи мне дед по матери. Потому-то я и веду себя почтительно. Не хочу оставлять своего деда в поднятой мною пыли».

Когда тайджи передали слова Карабаса, он приказал: «Пусть подъедет, потолкуем!»

Карабас потребовал: «Верни мне Киялды, и я не буду чинить тебе препятствий». Тайджи распорядился, чтобы перед Карабасом провели всех пленных девушек. Любимой Карабаса среди них не оказалось. Тогда батыр взял в

руки домбру и заиграл на ней. Конь подвез его к огромному перевернутому вверх дном котлу. Он валялся в сторонке. Конь остановился возле котла и начал рыть землю передними ногами.

– Странно, очень странно! Ты живой-здоровый, а казан твой почему-то перевернут! – усмехнулся Карабас к кончиком копья перевернул его. Оттуда показалась Киялды. – Эх, мог бы я, мог заставить моего коня лягнуть твою драгоценную голову, да недосуг сейчас мне! – захотел Карабас, посадил на коня свою суженую и поехал своей дорогой.

Тайджи изрек:

– Попав в руки врага, моя дочь однажды уже обломала мне хребет. Родив этого волчонка, она обломала мне хребет еще раз...

Кушею везло на детей – на свет божий появилось еще несколько сыновей. У тех тоже родились, как водится у людей, дети. Из его потомков особенно был известен Жанибек. О нем существовала такая легенда. Когда мать носила его в своем чреве, к отцу Жанибека явились однажды духи предков и повелели: «Твоя жена родит батыра, который затмит всех казахов. Назови его Жанибеком!»

Едва Жанибек подрос и сел на коня, как отправился за благословением к абызам¹ трех жузов. Один из абызов Соқыр² провозгласил тогда:

– Ты возглавишь народ! Ты поднимешь его славу и дух, ты поведешь за собой войско и победишь врагов!

Сейчас не только аргыны, весь Средний жуз гудит: вот наш предводитель! И правда все идут к нему за справедливым судом и поддержкой.

На днях лучшие люди из племени аргынов пришли к нему на поклон. За советом пожаловали.

– Давным-давно, – сказали они, – наши предки отправили в Младший жуз двух мальчиков. От них пошла две большие ветви, стали двумя аулами. Терпят аулы обиды и притеснения в Младшем жузе, ох, терпят! Не хотят там считать их равней себе, никак не хотят! Относятся почти как к рабам. Хотим вернуть эти два аула в родной косяк!

Жанибек рассудил так:

¹ Абыз – святой старец.

² Соқыр – слепой.

– Не будем нарушать обычаи предков. Сначала отправим к Абулхаиру двенадцать биев из двенадцати аулов аргынов. Если Абулхаир не внемлет их просьбе, пораскинем умом, как нам быть дальше. От братьев нам отказываться не следует!

Мырзатай глубоко вздохнул и торжественно возвестил:

– Вскоре сюда явятся двенадцать биев Среднего жуза!

Так вот в чем была, оказывается, суть долгого рассказа Мырзатай! Он умолк и уставился выжидательно на Абулхаира.

Абулхаир задумался, отыскивая самое важное и нужное в шелухе повествования, где сплелись правда и вымысел, истина и фантазия. Он знал – Мырзатай большой мастак делать из мухи слона, из пуговицы верблюда. Не легко сразу разобратся, где легенда, где быль. Чтобы сделать свое повествование более интересным и захватывающим, любой степняк так его приукрасит, так его расцветит, что оно превращается в сказку. Кто может поручиться, во скольких устах, ушах и сердцах переночевал и этот рассказ, пока дошел до табунщика? Сколько отсебятины добавил сам табунщик? Да и Мырзатай небось наврал с три короба и теперь верит в каждое свое слово!..

С другой стороны, пословицы недаром гласят: без ветра даже макушки трав не колышутся! В горе слов всегда есть смысл хотя бы с лодыжку!

И в рассказе Мырзатай есть, конечно же, дуновение того самого ветерка, от которого колышутся верхушки трав.

Среди аргынов есть немало достойных мужей. Слава о Жанибеке в самом деле гремит во всех трех жузах. Жанибек – джигит, каких мало. Когда речь заходит о нем, весь Средний жуз забывает о пище, которая стоит перед ним. Старший жуз тоже с уважением относится к Жанибеку. Значит, следует добиться расположения батыра... Они сверстники, оба заслужили авторитет и уважение. Они могут сблизиться. Если он, султан Абулхаир, покажет свое расположение, то наверняка не отпрянет от него, словно дикий конь из табуна, и преуспевающий джигит. Появится у Абулхаира возможность завязать крепкие связи с Жанибеком, а через него – со всеми аргынами. Если, конечно, и в самом деле пожалуют к нему двенадцать биев.

Однако перед ним не простая задача. Как ее решить? Как должно ему поступить, чтобы честь сородичей не уронить и чужим угодить?

Уступи он сразу просьбе биев, отдай по первому их слову два аула, надменные его гости, гордость которых и так возносится до небес, вернутся домой, кидая вверх шапки, начнут хвастаться: «Разве способен кто-нибудь устоять перед нами? Не выдержал молодой султан, сразу сломался! Не успели мы рта раскрыть, как он, еще не дослушав нас, уже на все согласился! Поднял руки вверх, голову склонил!» Выиграет ли Младший жуз от такой молвы? Нет, тут нужно применить другую тактику: пусть явятся к нам просители, пусть они склонят передо мной головы. И уедут, даже получив желаемое, просителями, которых милостиво наградили... Иначе быть мне посмешищем для всей степи. Слава дарующего, слава благодетеля мне не помешает!

Абулхаир думал день и ночь и нашел наконец выход. Однако никому не открыл, каков его замысел.

Послал во главе с Мырзатаем несколько пронырливых джигитов в аулы Среднего жуза вызнать, едут к нему двенадцать биев или не едут? Когда же Абулхаиру сообщили, что они уже в дороге и им осталось до аула всего два дня пути, он распорядился, чтобы на лужайке со свежей нетронутой травой поставили нарядные гостевые юрты.

— Резать для гостей, потчевать их только полугодовыми жеребятами и жирными годовальными овечками, — приказал Абулхаир. — Поить лучшим кумысом! Стелитесь перед ними пуховиками, склоняйтесь подушками!

Отдал распоряжения, а сам уехал со свитой на охоту.

На второй день из-за холма показались островерхие шапки двенадцати биев. Посланцев встретили с великими почестями. Устроили всех в белоснежных юртах, усадили на мягкие как пух одеяла. Поставили перед гостями блюда с самым вкусным, самым нежным мясом, чаши с пенистым кумысом.

День гостят они, два... Обижаться вроде не на что. Почет и уважение оказывают такие, что не придерешься!

И только одно смущает биев: от хана нет вестей, будто в воду канул хан. Ждут день, другой, третий. Обхаживая гостей, слуги твердят: «Вестовой отправился за ханом. Наверное, вот-вот возвратится!»

Бии в безделье проводили дни в ауле, а хан пропадавал на охоте, словно вознамерился сюда не возвращаться, пока не перебьет всех до единого куланов и сайгаков, обитающих в бескрайней степи.

Абулхаир тем временем высматривал не только зверей. Посылал лазутчиков и в свою орду, и в улус аргынов. Ему привезли известие, которого он ждал, – аргыны начали волноваться: «Как же так? Двенадцать наших биев пролеживают бока в ханской орде, но Абулхаир до сих пор не вернулся с охоты». Абулхаиру донесли также, что аргыны отправились за советом к Жанибеку, но того в ауле не оказалось, и, куда он выехал, никто не знал. Достоверно известно лишь то, что сел он на коня, как только двенадцать биев отбыли к Абулхаиру.

Почему же тогда он до сих пор не встретил его, не обнаружил в степи? Абулхаир не на шутку встревожился: как бы его замысел не провалился!.. Батыр бесследно исчез.

Абулхаир был невесел: неужели все его планы, все надежды были пустыми! Опять не везет ему? До каких же пор?.. Бии вот-вот возмутятся и уедут – и будут правы! Если он еще немного промедлит, то это приведет к осложнениям с аргынами. Абулхаир очень надеялся, что молодой, горячий батыр Жанибек не выдержит и сам поедет вслед за биями. Тут Абулхаир, будто невзначай, и перехватил бы его на полпути, услышал бы из его уст просьбу. И он как гостеприимный хозяин выполнил бы буюмтай – просьбу гостя, прибывшего с добрыми намерениями. Жанибек – ведь молод еще, тщеславен! – стал бы гордиться: «Вот-де, как оно бывает! Знатных биев не жили в орле, ублажали, да только хана они так и не дождались! А я едва успел вымолвить словечко, как дело было решено, да еще какое дело! Из-за которого могла пойти жестокая вражда между нашими жузами». Небось был бы в душе благодарен Абулхаиру за то, что молодой хан так высоко поднял его авторитет перед сородичами. Могущественные же, многочисленные аргыны стали бы должниками не старых, надутых от важности заправил, а молодого батыра: Жанибек стал бы – в свою очередь – должником Абулхаира, был бы ему обязан. В общем, выиграли бы они оба.

Но все надежды его теперь лопнули как пузыри, растворились в воздухе, как пар от закипевшего бульона.

Абулхаир повернул коня и отправился со свитой в сторону аула. Но не успел проехать и нескольких верст, как ему навстречу попался тесть Суиндык-батыр. Абулхаир удивился неожиданному всаднику. Тесть приблизился – было видно, что он чем-то взбудоражен. Они отъехали, и Суиндык наклонился к уху Абулхаира.

Суиндык обнаружил табун в полутора днях езды от ханской орды. Судя по клейму на лошадях, этот табун принадлежал не Младшему жузу. Рядом, в тенистой ложинке, спал джигит, но виду настоящий палуан и щеголь. Сердце подсказало старому батыру, что будить юного богатыря не следует, а сообщить о нем Абулхаиру – следует.

Абулхаир обрадовался: «Это он! Наверняка, это Жанибек! Я слышал, что он щеголь... Вот и тесть говорит: табунщик спит, подстелив под себя красивую зеленую попону, а под головой у него дорогое седло». Настоящий щеголь!»

Абулхаир приказал свите держаться на расстоянии, а сам поспешил к месту, о котором ему рассказал Суиндык.

Он издали увидел табун и джигита на белом аргамаке. На джигите был чекмень из верблюжьей шерсти, в которую были вплетены серебряные нити. Абулхаир подсказал к одинокому табунщику и воскликнул:

– Жанибек! Счастья тебе в пути! Откуда едешь?

Джигит смутился, но ответил бодро:

– И вам того же желаю! Сами откуда?

– Я Абулхаир. Возвращаюсь с охоты. Наша орда недалеко отсюда. Приглашаю отведать нашего угощения. За твоим табуном присмотрят мои джигиты.

Жанибек не мог отказаться и последовал за ханом. Когда они добрались до орды, Абулхаир помог гостю сойти с коня. От коновязи до юрты уже успели постелить ковры, чтобы пыль не коснулась сапог батыра.

Когда пришло время прощаться, Абулхаир спросил дорогого гостя, нет ли у того какой-нибудь просьбы. Жанибек выложил свою просьбу.

– Хорошо! Завтра же два твоих аула отправятся в путь! – пообещал Абулхаир.

Потом он спросил у биев, есть ли у них просьбы. «Наша просьба та же, что и у Жанибека», – отвечали бии.

– Я увлекся охотой и не заметил, как оказался далеко от орды, – сказал Абулхаир. – Заставил вас дожидаться

меня. Виноват перед вами, простите великодушно! В знак того, что не держите на меня сердце, примите от меня по аргаману и парчовому чапану.

С тем и проводил гостей.

Спустя неделю, рассчитав, что болтливые языки сделали за это время свое дело, Абулхаир отправил Мырзатай на базар и к рябому кривому табунщику.

Мырзатай завернул в аул к своему знакомому, побывав прежде на базаре. Одарил его и домашних подарками. Те обрадовались им. Еще бы! Все лето ничего, кроме молочной пищи, не имели, не ели, истосковались по урюку, кишмишу, кукурузе, красному просу и прочему угощению! Полилась речь табунщика, как вода из запруды, которую давно не спускали:

– Ох-хо-хо, как бы не сглазить, мы везучий род! Но, веришь ли, аллах и на этот раз был щедр к нам. Никогда прежде он не оказывал нам такой милости! Хочешь верь, а хочешь – нет, только я тебе скажу так: чего ни пожелает Жанибек – все исполняется! Да, да, истинно так!.. Недавно двенадцать мудрых наших биев отправились к Абулхаиру. Его в орде не оказалось: отбыл на охоту – молод еще, беспечен! Бии день ждут, неделю ждут. Уехать, махнуть на все рукой – негоже, почет им оказывают несравненный. Остаться – тоже вроде бы негоже. Неизвестно, когда хан вернется, удалился, рассказывали, аж до самых туркменских песков, – заливался табунщик, не забывая при этом отправить в рот лакомство. – А Жанибек, оказывается, перед дорогой наказывал биям: «Если хан сразу исполнит вашу просьбу, мы поднесем ему в благодарность косяк из десяти разномастных жеребцов, из тех, что мы угнали в прошлом году у калмыков. Я останусь с табуном как табунщик. Если же Младший жуз запрямится, сообщите мне немедленно!» Жанибек остановился с косяком в глубокой лощине, в полутора днях пути от орды.

Хан Абулхаир забрался далеко-далеко, нашел, говорят, прямо-таки землю обетованную. Куда ногой ни ступит всюду тьма-тьмущая куланов и сайгаков и всякой иной живности степной. Послушай внимательно! Хан взял да повернул назад. Свита, конечно, удивилась, поделаться нечего – повернула вслед за ханом. Хотя жаль было отказываться от такого изобилия, а кому не было бы жаль? Хан летел как ветер, а потом остановился на одном холме, замер как столб и произнес такие слова:

«Есть у меня рыжая лиса; когда я отправляюсь в дальнюю дорогу, она бежит впереди меня и указывает мне путь. Сначала она привела меня на землю обетованную. Но только я успел подумать: «Вот она, земля обетованная», как лиса круто развернулась и побежала обратно. Она указала мне это место. За тем вон холмом есть ложбина, она заполняется водой. Сейчас ее заполнил табун. Пасутся кони, каких нет в нашем улусе. И там спит незнакомый путник. Он подложил под голову седло с костяной лукой, а под себя подстелил зеленую попону. Знайте – сон путника стерегут два тигра. Рыжая лиса испугалась тигров и укрылась в норе. Тигры эти – духи джигита, они поддерживают его всегда и во всем. С наступлением прохлады джигит проснется, и как только он откроет глаза, тигры тотчас же исчезнут. Подождите меня здесь, я поеду и познакомлюсь с джигитом, когда он проснется».

Взял с собой Абулхаир пять джигитов и – к Жанибеку. Тот только глаза открыл, зевает, потягивается... Разве хан – простой смертный?! Абулхаир сразу узнал Жанибека, хотя увидел его в первый раз. «А, это ты Жанибек? Откуда ты? Удачи тебе в пути!» – обнял он нашего батыра и повез к себе гостить. Неделю гостил Жанибек в ауле Абулхаира, а под конец изложил свою просьбу. И отпустил Абулхаир роды таз и тагышы, отпустил! Со скотом и добром. Сам не видел, но свидетели есть: снарядил Абулхаир их в путь, словно девушку замуж отдавал!.. В общем, вернулись бии довольные. «Благодаря Жанибеку, – говорят, – наш спор решился сам собой. Конечно, мы проделали большой путь, не прочь были бы и поспорить досыта, и в спорах отвести душу, но обид у нас нет! Нет у нас обид!»

– Догадываешься, чем теперь заняты аргыны? Помогают устроиться вернувшимся братьям, – Мырзатай в красках расписал Абулхаиру все, что услышал от своего нового друга.

Абулхаиру все это пришлось по сердцу. Лишь бы Жанибек и бии вернулись от него довольные. Лишь бы аргыны считали, что и Абулхаир человек непростой, с головой, к тому же справедливый.

Глядишь, Жанибек в нужный момент поможет ему на большом совете... Хотя его могут опередить другие, более шустрые да напористые. Всем, конечно, хорош Жанибек, да больно медлителен. За то время, что Жанибек гостил у него, Абулхаир пригляделся к батыру. Пока

Жанибек откроет табакерку – целый аул успеет откочевать, пока положит под язык насыбай, кочевье успеет поставить юрты...

Да, не стали они еще такими друзьями, такими близкими людьми, чтобы Абулхаир мог прямо попросить Жанибека о помощи. Поэтому нужно искать к нему еще какие-то тропки. Говорят, Жанибек забывает о пище, завидя быстрого скакуна, породистую гончую и смазливую девушку. «Может, повозить его по нашим аулам, которые славятся красавицами, – строил планы Абулхаир. – А что? Слава аллаху, он посылает нашему племени несказанно красивых дочерей. Что не удалось мне, сделает за меня какая-нибудь красавица?»

Абулхаиру было ясно: надо еще раз угодить батыру. Тогда тот уж точно будет ему поддержкой на большом совете. Если Букенбай, даст бог, назовет его имя, а Жанибек поддержит его, тогда исполнится мечта Абулхаира.

События подтвердили, что его расчеты были правильны. Джунгары зашевелились в самом начале 1710-го года. Они отдохнули, отъелись на привольных, зеленых пастбищах Семиречья. Набрались сил и стали поглядывать на остальные казахские земли.

Участились набеги на казахские аулы, заполнившие своими табунами и отарами просторы Сарысу, раскинувшие белые юрты на берегах Бугена, Бадама, Арыси, Кошкар-Аты, Шаяна. Алчные джунгары охотились не только за добром казахов. Они хотели вызнать, сильное ли у степняков войско, могут ли они оказать сопротивление.

Если приближается враг, ни один казах не усидит дома. Гонцы сновали из аула в аул, из улуса в улус. Совещания аксакалов, казалось, не прекращались ни днем ни ночью, словно каждый день являлись сваты. Чем чаще случались, чем дольше длились эти сборы да советы, тем больше волновался Абулхаир... Если народ поднялся, то не успокоится, пока не посадит на коней своих мужей. А коли так, возникнет необходимость в достойном сардаре – военачальнике.

Ночами он ворочался в постели без сна, вставал, ходил в темноте; на рассвете уже был на ногах, поднимал полог юрты, вглядывался вдаль в ожидании... Ждал гонца с вестью о маслихате.

На этот раз собрание созывалось не на Культобе, а в

Каракумах – аксакалы опасались совещаться прямо перед носом у врага. Самым подходящим для всех трех жузов местом были Каракумы – враг далеко, свои близко.

Травы стояли по пояс, волновались, словно волны на морской глади. По склону холма расстелили радужные ковры. Хан Тауке сидел в центре, в окружении представителей всех трех жузов. Несмелые разговоры, которые велись степняками потихоньку, между собой, по углам, должны были выплеснуться на этом большом собрании.

– Откочуем за гору Кап! – предлагали одни...

– Разобьем врага, который послабее! Надо решить кого, – джунгар или башкир? – горячились другие.

– Покоримся джунгарам, притихнем, затаимся на время. Может, и не станут они отбирать наши земли. Успокоятся за свои тылы и нападут на маньчжур! – кричали третьи...

Абулхаир бросил осторожный взгляд на Букенбая. Огромный, как нар¹, Букенбай, похоже, и не собирался держать речь. Слушал других сосредоточенно, не пропуская ни слова. Уперся кулаком в колено. Что бы ни говорили, ни кричали другие, ни один мускул не дрогнул на его широком лице. Пытливые глаза под мохнатыми бровями, казалось, так и сверлили окружающих.

По правую руку от него восседал Есет. Голова его, насаженная на длинную шею, возвышалась над всеми.

Все знали: судить о настроении Букенбая можно по Есету. Чуть скривил губы Есет – Букенбай, стало быть, недоволен. Чуть хмыкнет Есет – значит, Букенбай сердится. Преданными, самыми близкими друзьями были два этих смолоду росших вместе человека. Потом и вовсе породнились...

Попад в плен к джунгарам, Есет пробыл у них пять лет. Вернувшись домой, не нашел ни дома, ни семьи. Джунгары напали на аул Есета, захватили его беременную жену. Она родила сына – Акмандая – уже в плену. Контайджи разомкнул по этому случаю уста: «Сын его все равно в наших руках. Вырастет Акмандай, станет джунгарским батыром, отсечет в битве голову отцу!»

Букенбай женил друга на младшей своей сестре, красавице Енсеп. Она родила Есету сына и дочь...

Рядом с Есетом расположился рыжий толстяк Балпаш,

¹ Нар – одногорбый верблюд.

богач, каких мало в степи. Балпаш был родным дядей Есета по матери. Если Букенбай отдал другу в жены сестру, то дядя одарил его скотом.

Теперь по богатству Есет уступал немногим. И все же он молча признавал старшинство Букенбая. Всегда был рядом с ним, справа от него. Даже коня на коновязи привязывал справа от коня Букенбая.

Есет нетерпеливо шевельнулся – и все замерли: сейчас заговорит Букенбай! И в самом деле Букенбай бросил в середину свою плетку – доир.

– Братья! Почему мы собрались с вами в этих зарослях, где ворам впору прятаться, а не честным людям! – голос Букенбая звучал спокойно, даже как будто устало. Люди встrepенулись, подались вперед – к Букенбаю. Давайте задумаемся, почему мы притаились среди этого бурьяна, вместо того, чтобы сидеть на священных наших холмах, где испокон веков решались все наши дела и тяжбы?

Не от хорошей, вольготной жизни мы оказались здесь! – голос Букенбая набрал силу, звучал гневно, решительно. Сейчас не время для споров! Не бабы ведь мы болтливые, чтобы бесконечно толочь воду в ступе. Мы говорим тут с вами красивые слова, а кто из нас уверен, что в это самое время враги не налетели как саранча на наши аулы. В дни, когда враг угрожает нам, вонзает свои подлые копья в наши юрты, спорить и болтать попусту – все равно что требовать калым за потерявшую невинность девушку.

– Что же нам делать? Что же ты предлагаешь? – прервали Букенбая наиболее нетерпеливые. Общее волнение нарастало.

Тауке сделал всем знак успокоиться. Недовольный тем, что его прервали, Букенбай нахмурился, выдержал долгую паузу, потом продолжил:

– В двух случаях мужчина не должен спрашивать: что же делать. Первый – когда перед ним злобный враг, обнаживший перед ним меч. Второй – когда миловидная бабенка постелила постель, погасила свет и легла рядом.

Напряженную предгрозовую тишину разрядил смех. Смеялись охотно, до слез.

– Вот что я скажу! – снова обратился Букенбай к собранию. – Некогда нам раскачиваться. Может, кто и видит, а я так нет, ослеп, наверное. Не вижу я соседей,

которые согнулись бы перед нами: «Милости просим, берите наши земли, топчите нас, владейте!»

Глубоко ошибаются те, кто рассчитывает на легкую победу. Ошибаются те, кто думает, что башкиры настолько свихнулись, что просто так отдадут свою землю. Нам, которые... которые... отдали свои земли джунгарам? Башкиры с могучими урусами воюют, не сдаются, так неужели от нас побегут? Да и может ли нас ждать благоденствие на чужбине, когда вы собираетесь драпать, перешагнув через прах павших наших воинов, оставив на поругание святыне могилы предков? – Букенбай расправил плечи, голос его то и дело прерывался от гнева и волнения. – Я так решил: лучше я погибну, но останусь на земле отцов, не покину ее. Но пока буду жив, пусть никто не ждет от меня пощады – ни улепетывающий казах, ни опьяненный победой джунгарин. Буду сражаться, пока не переломится о врага мое копье! Я все сказал! – отрезал Букенбай и сел рядом с Есетом.

Наступила такая тишина, что стало слышно щебетанье птиц. Они будто спрашивали людей, с любопытством поглядывая на них сверху: «Что же вы приумолкли, а?»

– Что толку воевать с врагом, которого все равно не одолеешь? Зачем погибать зря? – нарушил тишину чей-то голос.

Тауке окинул людей вопрошающим взглядом, призывая их высказаться.

Абулхаир поднял над головой камчу, бросил ее в середину.

– Братья! Нет ни одного казаха, который бы не горевал, не печалился в эти суровые дни, дни испытаний. Каждый из нас может обидеться на другого, даже на свой народ, но обидеться на свою землю, на свою родину – нет таких! Враги идут напролом ради бескрайних наших степей. Нигде не найдем мы свободные земли, где сможем обосновываться как у себя дома. Как же нам оставить такую необъятную землю, как наша?.. – Абулхаир забыл о своей обычной стеснительности, он высказывал перед всеми свои сокровенные мысли, и люди почувствовали это, внимали молодому джигиту как равному. – Есть ли они на свете, существуют ли где-нибудь радушные и наивные люди, которые отдадут нам как братьям свои исконные земли? Отдадут без кровопролития. Конечно нет! Зачем обманывать себя? Почему же мы не желаем

пролить кровь за нашу землю, вместо того, чтобы проливать ее, пытаюсь отнять чужие земли?.. Раздаются голоса, призывающие нас покориться контайджи, сдаться ему на милость: не тронет-де он нас тогда, перебросится на маньчжур! Но если бы джунгарам не нужны были наши пастбища, разве пришли бы они сюда?.. Наша покорность не остановит их, а только еще больше раззадорит! Им нужны наши просторные земли! Потому-то они так нагло кромсают наши улусы, отхватывают их себе клочок за клочком. И еще за скотом – богатством нашим – пожаловали джунгары! – Абулхаир судорожно вздохнул и с нажимом, будто вбивая каждое слово своим собратям в головы, отчеканил: – Мы должны разъехаться с этого великого маслихата, приняв единое решение. Во что бы то ни стало! Враги окружили нас со всех сторон. До каких пор мы будем позволять им топтать нашу землю и нашу честь?

– Враг обложил нас со всех сторон! Что верно, то верно. Ну, пошлем мы всех мужчин против джунгар. А как быть, если остальные наши недруги ударят нам в спину? Что, из жен наших да ребятишек устроить заслон, так, по-твоему? Ну, будем мы биться с джунгарами в одном месте, а что, если другие в это время кинутся, разграбят да уничтожат наши беззащитные аулы. Как быть тогда?

Люди глубоко задумались, этот вопрос, кого угодно мог поставить в тупик. Абулхаир, метнув острый взгляд на пожилого мужчину, который только что вопрошал его, уверенный, что ответа не получит, спокойно и веско ответил:

– Не кинутся. Или, думаешь, башкиры и туркмены объелись ослиными мозгами? Что они, не понимают: если джунгары сокрушат нас, контайджи не станет медлить – двинет войско на башкир и туркмен, двинет и сомнет их... Боимся джунгар не мы одни – Бухара и Хива тоже боятся. Если мы хотим показать нашу силу всем, кто угрожает нам, надо в первую голову показать себя в битве с джунгарами. А побежим мы, оставим родную землю – вот тогда мы испытаем, что такое самый страшный, самый опустошительный набег. Тогда нас будет грабить всяк, кому не лень! Все наше добро пойдет прахом, все, чтобы шкуру спасти, побросаем по оврагам да лощинам. Раскачиваться нам нельзя, нет у нас времени раскачиваться да

рассуждать. Я так считаю! Больше чем восемьдесят тысяч воинов мы против джунгар выставить не можем. Ни казашка, ни джунгарка не могут родить готового с пеленок воина. Но чем дольше будем мы колебаться и медлить, тем наглее будут вести себя враги!

Абулхаир сел на свое место. Он напряженно прислушивался к тому, как люди реагируют на его слова. А они говорили все разом, размахивали руками, доказывали каждый свою правоту. Но многие склонялись на его сторону...

— Кто же в таком случае поведет войска? — долетел вдруг до Абулхаира голос Тауке.

Толпа вмиг притихла. Батыры застыли в ожидании, что кто-нибудь из собрания назовет их имя. Люди смотрели на батыров: кто же из них окажется достойным повести за собой воинов? Султаны и бии исподтишка наблюдали за людьми: уж они-то решили помалкивать! Пусть другие ломают головы, принимают решения в столь критический момент.

Тауке переводил взгляд с одного на другого, молчаливо призывая каждого проявить мужество, взять на себя бремя решения.

С удивительной для его громоздкого тела легкостью поднялся Букенбай:

— Если три жуза благославят, то я предлагаю, чтобы знамя тех, чей клич «Алаш», поднял я, а знамя тех, чей клич «Архар»¹, поднял Абулхаир.

Люди сначала замерли, словно пораженные неожиданностью этого предложения. Потом постепенно начали раздаваться выкрики: «Правильно! Правильно!» Жанибек сунул руку в карман, вытащил табакерку, насыпал на ладонь насыбая и прогудел: «Правильно, конечно, правильно!» Его поддержали другие батыры: «Верное решение! Верное!»

К великому собранию с ханским словом обратился Тауке:

— Достоянейшие люди трех жузов! Предки завещали нам не ронять честь перед врагами. Будем сражаться до

¹ В XVIII веке у казахов боевыми кличами являлись: «Архар» (самец горного барана) для чингизидов; «Алаш» — для простолюдинов, карачу.

последнего дыхания! На кровного врага нашего вызываются повести войско Букенбай и Абулхаир. Благословит на поход Суфи Азизходжа. Три верховных бия, которых избрали с Кораном в руках три жуза, одобряют это. Теперь, по закону предков, дадим клятву верности. Пусть сначала предводители трех жузов совершат обряд.

– Да, да! Так! Так! Одобряем, одобряем! – неся мощный, согласный хор мужских голосов.

Начались беготня, суета, крики. В центре оказалась, словно спустилась прямо с неба, белая кобылица. Три батыра трех жузов опутали кобылице ноги. Суфи Азизходжа встал на колени, повернувшись лицом в сторону Мекки, и прочитал молитву, прося аллаха принять в жертву белую кобылицу. Все, как по команде, провели ладонями по лицам. После того как три бия трех жузов приложились лбами к лезвию ножа, они вручили нож Букенбаю. Тот поднес нож к шее белой кобылицы и со словами «Бисмилла!» полоснул по ней. Алая кровь хлынула струей в серебряный таз, который держали три джигита трех жузов. Люди по очереди подходили к серебряному тазу, опускали в него пальцы и мазали себе кровью лоб. Ни одна капелька не упала на землю.

После этого кровь, которая прольется в войне с врагами, будет считаться чистой и святой, как и кровь жертвенной кобылицы, пролитая во имя общего народного дела.

Когда кончился обряд помазания кровью, знатные люди трех жузов поклялись на Коране, что все казахи будут сражаться с врагом плечом к плечу, седло к седлу! Люди снова опустились на колени и вознесли молитву за победу в священной войне.

Букенбай и Абулхаир получили благословение всех трех жузов.

Абулхаиру в те минуты казалось, что от возгласов:

«Абулхаир! Букенбай! Абулха-а-а-ир! Букенба-а-ай!» – голова его кружится вместе с небосводом, вместе с земной твердью.

Эти крики, эти возгласы до сих пор звучат в его ушах, в его сердце. Точно собрание это было не когда-то давно. Уж, почитай, лет двадцать назад, а будто происходит сейчас. Эхом разносится по всей земле, по всему небесному своду его имя: «Абулха-а-ир! Абулха-а-и-ир!»

* * *

«Господи! Что со мной? Уж не схожу ли я с ума, не выдержав потрясений последних лет, печали, погони за бесплодными мечтами? Почему в ушах у меня стоит крик? Кто зовет меня? Кто взывает ко мне? – всполошился Абулхаир. Он с трудом очнулся от воспоминаний, которые поглотили его целиком. – Где я? О аллах, дома! В ханской своей юрте. Но где же Бопай? Почему нет ее на привычном месте?» – И тут Абулхаир услышал:

– Владыка-хан! – Это был голос Бопай и еще чьи-то голоса. – Владыка-хан, владыка-хан! – доносилось до него все отчетливее и отчетливее.

Чуть не сбив плечом косяк двери, в юрту влетел Мырзатай.

– Что случилось? – спросил Абулхаир тихо.

– Вдали показались всадники, человек пять-шесть... – сообщил Мырзатай. – Спускаются с бархана...

Все обитатели ханского аула выскочили из юрт. Все, кроме хана.

Абулхаир застыл как изваяние – лишь мускулы на лице, едва заметно подрагивавшие, выдавали его волнение.

Мырзатай, который вертелся среди аулчан, между тем подал голос:

– А на том во-о-он, глядите-ка правее, башкирский тымак! Что случилось с этими башкирами? Шастают к нам чуть не каждый день? Алдарбай ведь только-только был в ауле!

– Не казах ли там сзади?

– Откуда взяться казаху среди башкир?

Абулхаир сосредоточенно прикидывал: «Зимой башкиры часто на нас нападали. Вряд ли поэтому они решились бы пожаловать сюда маленьким отрядом. Да и как аулы пропустили бы их ко мне в орду целыми и невредимыми?»

– Посмотрите-ка, посмотрите-ка! Казах-то к нам несется, отделился от остальных, вовсю скачет сюда!

– Остальные отстали, едут рысью! Вот чудеса!

– Ойбай, да у этого отчаянного на голове наш шумейский тымак!

– Ну и ну! К чему бы все это, а?

– Вот те на! Это же Рысбай! – возгласы стали еще громче, возбужденнее. – Рысбай! Наш Рысбай!

«Почему он один, где Сейткул и Кулымбет? – все больше

беспокоился Абулхаир. – Или белый царь оставил их заложниками?»

– Суюнши! Суюнши! – раздался чей-то радостный возглас.

«Если не все посольство вернулось, а только один человек, кто же требует суюнши – подарок за радостную весть? Есть ли разум у этих людей?» – готов был взорваться Абулхаир.

– Суюнши! Суюнши, владыка-хан!

Несколько раз Абулхаир порывался встать, выбежать наружу, но сдерживал себя. Сжал похолодевшие пальцы в кулаки, откинулся на подушку.

* * *

После возвращения Рысбая не было дня, чтобы кто-нибудь не примчался в ханский аул. Недавно еще унылый аул ожил, стал краше. Со всех сторон и утром, и днем, и вечером, и ночью ехали сюда нарядные всадники.

Едва завидя аул, слезали с коней, брали в руки повод и направлялись пешими к ханской орде. Когда до орды оставалось расстояние полета стрелы, гостей встречали расторопные джигиты. Подхватывали уздечки коней и вели их к коновязи. Она находилась в отдалении, чтобы до орды не долетала пыль. Когда до орды оставалась сотня шагов, ханская стража отбирала у гостей копья. В сорока шагах – сплошной стеной рослые джигиты. Все, кроме именитых биев и предводителей родов, отдавали им кинжалы и сабли. Когда же входили в орду, гости располагали лишь маленькими ножичками, предназначенными для еды, и имели в руках плети.

Отбирать ножички и плети нельзя. Отобрать ножик – все равно что объявить гостю, доля которого испокон веков хранится в любом казахском доме, что не поставишь перед ним мясистой берцовой кости.

Отобрать камчу – все равно что заранее предупредить гостя: «Не раскрывай рот, сиди и помалкивай! Есть просьба к хану – не смей ее высказывать, а вспыхнет за дастарханом спор – не вмешивайся...» Мужчина, который носит на голове шапку, который оседлал самого быстрого коня, который хочет, чтобы его уважали, прежде чем сказать что-либо на совете, обязательно должен бросить камчу в середину круга.

Не бросив предварительно камчу, может заговорить

пастух или слуга. Знающий же себе цену мужчина не разомкнет уста. Отобрать у него камчу – значит бросить ему в лицо оскорбление: «Ты бродяга, недостойный уважения!» Может ли быть для мужчины оскорбление страшнее? В тысячу раз лучше швырнуть свой тымак в золу, надеть на голову вместо него бабьи штаны, повесить на плечо худую суму и пойти собирать кизяк!..

Нет для казаха никого дороже и почетнее, чем гость, который повернул коня к твоей коновязи, пожаловал к тебе, именно к тебе! Слово под беспредельным этим небом исчезли все аулы, кроме твоего, погасли все очаги, кроме твоего.

В ауле тюре, особенно в ауле хана, каждый казах старался как только мог показать себя. Так повелось среди казахов: хочешь узнать, кто ты в глазах людей, остановись в доме тюре. Войдешь к хану с ножиком и камчой – стало быть, ты ему ровня. Можешь явиться в ханский аул с гончими псами да со свитой – значит, простой народ перед тобой быдло, а ты сам почитаем в степи знатными, именитыми людьми.

Слуги помогали гостям сойти с коней, родные хана провожали к орде, сыновья хана встречали их с поклоном и, подняв полог юрты, вводили в нее.

Просторная ханская юрта была полна съехавшихся со всех уголков степи известных людей. Побеседовав с Абулхаиром, гости направлялись в юрты, поставленные специально для них...

Среди тех, кто сновал среди ханских слуг, был Итжемес. Он радовался каждому новому всаднику, когда тот едва заметной точечкой появлялся на горизонте. В незапамятные еще времена пророк провозгласил, что гость свят и приносит с собой счастье.

Любой казах убежден, что в доме, где не переводятся гости, не переводится достаток. Любой человек, удалившийся от своего дома, – гость. И кто бы он ни был – батыр или бродяга, если удалился на сорок шагов от дома, стало быть, он бедняга, которого нужно приветить и пожалеть. Кто же он еще, как не бедняга, если перед ним не стоит еда, над головой у него нет крова, под ним – постели, на нем одеяла! Все гости – бедняги, а всем беднягам причитается доля от бога. Тот, кто поскупится, не поделится ею с гостем, – тот не человек, скряга, последний грешник и на этом свете, и на том. Казахи разбро-

саны по степи, что перепелиный помет. Пропадет ли скот, заболит ли голова у казаха, вырастут ли сын или дочь, преставится ли старик или младенцу исполнится сорок дней, станет ли казаху скучно, надоест ли пялиться на горизонт или пролеживать бока и отсиживать задницу – любой причины достаточно, чтобы оседлать коня и поехать куда-нибудь. Главное – отправиться в путь! Сколько их, бедняг, каждый день обретается в степи!..

Казах не имеет права быть жадным. Сегодня ты пожадничаешь, завтра сам натолкнешься на жадюгу-грешника, а значит, и на непочтительность! Как же казаху не быть гостеприимным, не почитать, не ублажать гостя?..

Кому-кому, а Итжемесу, который после почти года скитаний в степи попал прямо в ханскую орду, – это известно.

Однако гостеприимство хана нельзя сравнить ни с чем! В ряд над очагами выстроились огромные казаны. Какой ни откроешь, в каждом – мягкое, нежное, тающее во рту мясо барашка, бульон с янтарными кругами жира. Запах идет такой из этих котлов, будто сунул нос в райский сад... Бурдюки с кумысом – гладкие, полные! Вот-вот, кажется, лопнут!

Щедрость, с которой в ханской орде ублажают, угощают прожорливых гостей, в состоянии оказывать не каждый. «Ханом тоже быть нелегко», – думал про себя Итжемес, и в душу его прокрадывалось невольное сожаление, что столько добра исчезает на глазах, поглощается жадными, ненасытными ртами. Сердце у него екало каждый раз, когда ловкие джигиты уносили в юрты блюда с угощением. Ему казалось, что не отыщется на свете ничего более заманчивого, чем чаши и блюда с дымящимся ароматным мясом.

Когда у казанов распорядился Мырзатай, он не забывал Итжемеса. Перепадал Итжемесу кусок казы¹ величиной с ладонь и жирненький кусок курдюка. Когда же Мырзатай сменял Байбек или еще кто другой, они гнали его вместе с псами подальше, да еще приговаривали: «А ну, брысь отсюда! Гостям не хватает, а тут еще вертится всякая шваль под ногами!..» Итжемес в душе костил Байбека вместе с его праотцами и праматерями за черствость;

¹ Казы – конская колбаса.

удивлялся, что безродный этот Байбек бережет ханское добро как свое собственное.

Итжемес понимал, что ему ничегошеньки не достанется, когда у котлов хозяйничает безжалостный Байбек, но не уходил, неотрывно следил за каждым движением поваров и джигитов, носивших гостям мясо. Глотал слюнки, когда чаши и блюда исчезали в разверстых, точно пасти дракона, дверях белых юрт.

Здесь, в ханском ауле, Итжемес узнал и увидел много такого, о чем раньше понятия не имел. Ничего не делалось здесь просто так. Все было исполнено особого смысла и значения. Все! Даже то, где и как посадили человека за ханским дастарханом. Вообще оказаться за столом хана — высокая честь: это все одно что тебя властью наделили. Взять, к примеру, Рысбая. Раньше он был одним из тех, кто находился на побегушках у хана. Теперь его все на руках носили, будто он горы свернул. Раньше вместе с другими гонял на базар продавать ханские табуны, вернее — помогал гонять. А теперь — оказался у Абулхаира за дастарханом, хан накинул на него парчовый халат, не отпускал от себя и заставлял повторять для гостей рассказ о Петербурге, о тамошних чудесах, о блеске и богатстве русской столицы.

Отныне Рысбай определенно крепко сел на коня! Высоко взошла его звезда!

Ночами Итжемесу снился один и тот же сон. Скачет он к ханской орде и просит у хана суюнши. Абулхаир набрасывает ему на плечи парчовый халат, приглашает на большой совет. А там восседают самые уважаемые и знатные люди в степи! Ему подносят чашу с кумысом! Ставят блюдо, где горкой уложены кушанья, причитающиеся почетным гостям. Он готов очистить его до днышка, да опасается: вдруг испачкает жиром рукав своего парчового халата!..

Итжемес бормотал во сне: «О аллах, помоги мне!»

* * *

Опустело место, где все лето находился ханский аул, поблекло, словно высохшая овчина.

Длинное пестрое кочевье отправилось в конце августа в путь. Дыхание осени доносилось до людей колючей стужей, сердитым ветром, паутинками инея, сверкавшими на травах серебром по утрам.

Детей усадили в сундуки и навьючили сундуки на бока верблюдов. Ребята дрожали от холода, однако не хныкали, захваченные новыми впечатлениями.

Бледневшее летом на горизонте марево исчезло, будто его и не было никогда. Два дня моросивший неторопливый, задумчивый дождь омыл травы. Подняла свои ушки полынь, вчера серые, безжизненные холмы снова покрылись зеленью. Ложбины тут и там блестели свежими травами, как озерная гладь.

Небо сияло голубизной. Воздух был чист и прозрачен. Дышалось легко и свободно.

Бодро шагали, взбирались на гривы холмов рыжие атаны и черные дромадеры. Нагруженные до отказа сундуками, юртами, коврами, детворой, верблюды являли собой нечто яркое, разноцветное – то ли гора движется, то ли холм, то ли великан. Резвились, наперегонки скакали вдоль кочевья кони-двухлетки.

Все, на что ни глянешь, радовало глаз, волновало сердце первозданной красотой. И, казалось, нет и не будет ни конца ни края этой радости, этой свежести, этой чистоте.

И, казалось, нет и не может быть на земле вражды, крови, злобы, а есть одна доброта, свет и любовь друг к другу...

Даже псы, которые метались, рвались вперед, будто подгоняя медлительных верблюдов, лаяли, встречаясь с другими кочевьями, так, словно приветствовали своих четвероногих собратьев, радовались встрече.

Абулхаир обогнал кочевье вместе с большой свитой. Он был весел, оживлен. Глаза блестели, победно топорщились усы, рука с камчой ласково щекотала серого красавца коня.

Джигиты из его свиты были оживленны и веселы, настроение хана передалось им. Они говорили без умолку.

– О аллах, день-то какой выдался!

– Если уж везет, так во всем везет: и в делах, и с погодой, и со здоровьем.

– Все сбудется! Все свершится как нужно, если на то будет воля аллаха!

Хан молчал, покоренный красотой земли и какой-то беззащитностью ее...

Впереди Мантюбе. С одной стороны от гряды тянулась цепочка озер. С другой, где плавно, пологими уступами холмы снижались, – заросли темного житняка и

белесого кустарника. Один холм торчит, как грудь кормящей матери. С него вся округа просматривалась как на ладони. Кто, куда и откуда едет – все перед глазами. Тем, у кого коварные, нечистые помыслы, спрятаться нельзя, нет оврагов и щелей.

В синей дали на западе бледнеет горб Кызылайыра, темнеет гора Кабанкулак, похожая на черного, роющего рылом землю кабана... На севере вздымаются ввысь обрывистые скалы Темпе. Там, где Тургай блестит, словно круп тучной кобылицы, покатая возвышенность Каракудук. На юго-западе лежит продолговатый, похожий на коровий язык остров Каракуга.

Ханская орда не раз останавливалась на Каракуге. Абулхаир любил это место не только за редкую красоту, обильные воды и зеленые пастбища. Сюда к его кочевью можно было добраться лишь по узкому как лезвие ножа перешейку. Никто не мог проникнуть на Каракугу незамеченным или непрошеным.

Сейчас для Абулхаира были особенно важны оба эти обстоятельства: безопасность и красота. Каракугу можно было не стыдясь показать царскому послу: «Вот они, мои уголья! Травы – шелк. Речной тростник – мед. Днем и ночью на озерах плещутся гуси и утки. Играют сазаны, щуки и лещи. Земля обетованная наяву, какой ее воспевали в древних дастанах: «Рыба там встает на хвосты, что жеребята на дыбы, лягушки кричат, что лебеди!..»

Когда Рысбай вернулся от русских со счастливой вестью, Абулхаир гонял своих джигитов в разные концы, чтобы они отыскали место, где можно было бы достойно принять почетных гостей из Петербурга. Наконец выбрал это место.

Абулхаир загадал: если удастся договориться с русским послом, все подножье холма он покроет очагами, на вершине постелет самые дорогие ковры, такой устроит пир, что Мантюбе¹ можно будет переименовать в Майтюбе². Отдохнет с гостем, проделавшим долгий путь, чтобы решить дело особой важности. Устроит охоту – и не одну, и праздник – тоже не один.

¹ Мантюбе – дословно: «Холм, напоминающий горделивого красавца».

² Майтюбе – дословно: «Холм, весь облитый жиром».

Абулхаир был доволен: он не ошибся в своем выборе. Он уже прикидывал, где поставят юрты, где расположат кочевья гостей. Ханская орда раскинется в Каракуге. На солнечном склоне Мантюбе хан устроит посольство белого царя, да так, чтобы видеть его постоянно. Никому не позволит он приблизиться туда. На равнине вокруг холма тоже разместит людей. Тогда русское посольство окажется под охраной не только караула, обязанного находиться на посту и днем, и ночью, но и под охраной всех аулов.

Необходимо предвидеть все. Предвидеть, чтобы предотвратить, в случае надобности, любое зло, любое посягательство на русского посла...

Абулхаир понимал, что гости, навестившие его орду после возвращения Рысбая из Петербурга, будут тянуть время, выжидать, чем увенчается его замысел. Все осторожноничают. Как дотошно выпрашивали Рысбая о после, который находится в пути к Абулхаиру. Как дивились, что он ногайский мурза. Хорошо еще, что хан своевременно предупредил Рысбая, запретил ему говорить людям, что ногаец этот человек военный. Отправляя своего тестя Суиндык-батыра проводить башкир, приехавших вместе с Рысбаем, строго-настрого наказал не останавливаться на ночлег в аулах, чтобы башкиры не сболтнули чего лишнего.

Хан рассудил так: пусть посольство явится сначала к нему, пусть он первый своими глазами увидит, что они за люди, какие они. Если степняки узнают, что вместе с послом идет вооруженный отряд, кто может поручиться, как они себя поведут? Те, кто потрусливее, могут испугаться, снимутся с насиженных мест и умчатся куда глаза глядят. А кто позадиристее, не исключено, начнут сабли точить.

Абулхаир решил распустить по степи слух: «Белый царь так нас уважает, что снарядил к нам послом мурзу, говорящего на казахском языке так же чисто, как мы сами. Такого же, как и мы, правоверного мусульманина. За шестимесячный свой путь он ни разу не пропустил пятикратного намаза¹! Да что там в пути! Он и при царе, если пришло время намаза, расстилает молитвенный коврик прямо около золотого трона, а царь, хоть он другой веры,

¹ Намаз – ритуальная молитва у мусульман.

умолкает, застывает как замороженный, пока мурза молится. И в Уфе посол задержался по важной причине: ждет, когда кончится месяц рамазан¹. В путь, заявил он, тронусь, лишь прочитав в мечети специальный намаз, лишь получив благословение самого хазрета!»

Аулы загудели от слухов. Прибыв домой, гости хана раздували ту малость, что услышали в ханской орде, как пожар. Сообщали, что посол человек ученый, прошел науки в Стамбуле. К тому же совершил хадж к святым местам, побывал в Мекке, целовал черный камень нашего пророка.

– А кто же тогда сам белый царь?

– Кем же быть царю кафи́ров, как не кафи́ру?

– Зачем же тогда неверный держит при себе хаджи²?

– У него знаете сколько подданных! Среди них есть и неверные и мусульмане! Поэтому называть русского царя неверным – святотатство. В Коране написано: «Чти царя своего!»

Люди разносили и переваривали слухи, но больше всего ждали – что же будет?

Абулхаир втолковывал Суиндыку: «Встретишь посольство, голову больно не задирай, но и не склоняй низко. Не прибедняйся, скажи, что народ у нас грозный. Но что почтенному послу белого царя уважение будет оказано, достойное его и его державы. Предупреди, что старший мой сын встретит его с пятьюстами джигитами, когда останется неделя пути до нашей ставки!»

Хан чувствовал, что у него появились завистники, которым спать не давала привалившая ему честь. Сколько он твердил им: «Окажем вместе послу белого царя почет, соответствующий его стране и ее повелителю! Пусть навстречу послу рядом с моим сыном Нурали выедут и ваши сыновья! Всех вас приглашаю в мой аул для встречи русского!» Поддакивать они ему поддакивали: «Согласны! Правильно! Хорошо!» – но, уехав, решили, видно, иначе. Сами глаз не кажут, их дети – тоже! Хотя названный Абулхаиром срок уже приблизился...

Что до него, то он выполнит решение, которое принял давно, после долгих, мучительных колебаний и раздумий.

¹ Рамазан – месяц поста.

² Хаджи – лицо, совершившее паломничество в Мекку – святыню ислама.

Народная мудрость гласит: «Раз разделся, надо лезть в воду».

Лишь бы не сорваться, лишь бы нервы не сдали.

Но сейчас, в этом прекрасном, как рай, месте, Абулхаир чувствовал себя счастливым, полным сил и бодрости. И слова ближних его, выражавших надежду, что все замыслы осуществятся, все мечты сбудутся, – не лесть, не желание угодить хану, а мысли и чаяния самих этих людей. А он, хан, лишь угадал эти мысли и чаяния, угадал раньше других.

Хан переживал минуты, напоминавшие ему давнее великое собрание в Каракумах, где состоялось, может быть, первое его торжество. После того маслихата Абулхаир целый год ходил, словно его макушка доставала небо, словно за спиной у него выросли крылья. Он всегда вспоминал те дни с наслаждением. Какое на него свалилось тогда счастье, какая удача. Как бурлила в нем молодая горячая кровь!

Они с Букенбаем выбрали для ставки небольшую высоту западнее Жамашина. Она стояла, как вороной аргамак на привязи, в самом центре темной низины.

Люди называли ее «высотой Букенбая». Ее сторожили, окружали пять взгорий – Кзылаир, похожий на залегшего двугорбого верблюда; Кабанкулак, торчащий, словно уши разъяренного кабана; Жамашин, разрыхленная, как зубы у дряхлого старика; Кзылкабак, багровый, как вечно рассеченные брови у забияки, и Темирастау, темнеющий среди миражей, как переполненное водой железное корыто. Постороннему глазу не было видно, что делалось в этом месте, укрытом горными грядами со всех сторон. Джунгары и калмыки обычно здесь не появлялись.

Всех, кто двигался по направлению к высоте, тотчас замечала стража. Заметив, подавала знак, караульные махали широкими рукавами, как орлы крыльями. Часовые же на высоте Букенбая, получив сигнал тревоги, давали джигитам сигнал к изготовке.

Барабанщики с подвешенными через шею кожаными барабанами становились в ряд и начинали бить тревогу. Казавшаяся пустой, погруженной под ласковым ветерком в сладкую дрему ложбина вмиг оживала, приходила в движение.

Люди появлялись, словно выскакивали из-под земли. Все и каждый, кто только что разжигал горн в кузнице,

плавил свинец, готовил порох для пуль, ковал саблю, соревновался в джигитовке, в стрельбе из лука, метании копья, в бросании петель, — все становились во всеоружии в строй.

«Праздные степняки — да они ли это?» — поражался Абулхаир. С утра до ночи в работе, в тренировке. Стоят грозной, суровой силой. Настоящее войско, застывшее в ожидании боевого приказа. В руках у воинов и за плечами — копья, ружья разных видов и образцов, на штанах — широкие, отделанные серебром ремни с мечами, на груди — разнообразные кольчуги: однослойные — жалакаты, многослойные — зере — и многослойные — береи. На головах — железные шлемы или жаты — каски из высушенной, затвердевшей верблюжьей шкуры.

Красивый и мощный строй воинов — защитников родной земли. Войско трех жузов во главе со своими сардарами-командирами, разбитое на отряды по родам и племенам.

У каждого воина — боевой конь, готовый ворваться, врезаться в гущу боя. Каждый к тому же в запасе имеет два-три походных коня для перевозки кибиток, постелей, одежды. Кони хорошо откормлены, ухожены, лоснятся: кажется, дотронься до такого, потяни слегка за волос — выдернешь, а на его кончике — сало. Заслышав сигнал тревоги, грызут удила, бьют копытами, рвутся в бой.

Над строем развеваются бунчуки из конского волоса — у каждого рода свой. У джигитов на рукавах повязаны кусочки ткани — у каждого рода тоже свои. Завяжется завтра бой, воины перестанут быть джигитами с мирными, привычными именами. Они будут воинами такого-то рода. Проявят отвагу или струсят — все заметят по этим повязкам. Их подвиги зажгут гордостью целый род. Их слабость или промах в бою заставят опустить головы целый род.

Племена прислали на военный сбор самых храбрых джигитов, самых быстрых коней. Чтобы украсить и воинов, и их боевых коней, умельцы каждого улуса проявили и старание и мастерство: снаряжение, сработанное их руками, сверкает на солнце так, будто войско не в бой готовится, а на праздник.

Боевая тревога превращает войско в единое могучее существо, которое понимает без слов легкое движение бровей Букенбая и Абулхаира.

Абулхаир чуть не задышался от счастливого волнения. Перед ним стояли не беззаботные степняки. Перед ним стояли не надутые, чванливые бии и султаны – теперь это был единый и сильный народ. И народ этот начинал осознавать: страна их – это не только беспредельная глухая степь, это не бесчисленные, с хрустом жующие травы отары овец и табуны лошадей; это не войлочные юрты, приткнувшиеся возле этого богатства. Не это, не только это... Страна их – это также они сами, их безудержная молодая сила, способная своротить горы, когда они вместе. Это решимость положить жизнь за родную землю. Это единство, позволяющее без слов понимать и чувствовать друг друга, это железный порядок и дисциплина. Это сжатый кулак против врагов и надежный локоть, на который может опереться друг...

Казахи почувствовали себя народом, а не толпой, которая довольствуется лишь безбедным существованием и сытым брюхом.

Джигиты начинали понимать: только преодолев собственную суетность и тщеславие, можно называться джигитом, только оседлав коня, решившись на битву с врагом, можно считать себя настоящим достойным мужем...

Когда раздираемые склоками и распрями роды и племена сплачиваются, постигают, что они есть единое целое, что у них одни задачи и цели – только тогда они имеют право гордо именовать себя – я народ!

А народу – ничего не страшно, все под силу. Пугавшая Букенбая и Абулхаира гора дел и препятствий уже не казалась непреодолимой.

Редко найдется в доме казаха другое оружие, кроме засаленного черного шокпара¹ и камчи. На поломанную саблю чуть ли не молятся: еще бы, досталась она по наследству, или куплена на базаре в Бухаре, или у кого-то когда-то отнята во время нападения на караван...

Вооружить казахов – нелегкое дело. После маслихата в Каракумах Букенбай и Абулхаир созвали на сбор не только джигитов-воинов, но и мудрых, старых мясаров – оружейников. Поставили им юрты в ущельях и ложбинах Талдысая и Кзыланыра и сказали: войску нужно оружие.

¹ Шокпар – дубина.

И мастера-мясары взялись за дело.

Джигиты по их указке нарезали талу и разложили его на южных склонах холмов. Поставили котлы на огонь и плавил в них верблюжье сало. Когда тал высыхал до черноты, оружейники закаливали его в кипящем жиру. Потом высушивали вновь и лишь после этого надевали на них наконечники, пропитанные смертельным ядом...

Чего только ни хранили в своей памяти старые мастера! Понаделали печей для выплавки свинца и стали. Бросали в печи необработанные рудоносные камни и плавил их на смеси жира, овечьего кизяка и веток. Расплавленный металл стекал по каменным желобам в канавы из глины. Остывал – его несли к кузнецам, а те ковали ножи, сабли и прочее оружие. Потом оружие это опять закаливали в жарком пламени и жидкостью, которая содержала в себе мочу и желчь разных животных, припаивали к нему необходимые части.

Абулхаир прошел здесь целую науку...

Чтобы сабля была острой и прочной, чтобы на ней не появлялось зазубрин, надо, оказывается, смешать желчь овцы и мочу осла и закалить лезвие в этой смеси.

Чтобы лезвие всегда оставалось красным, будто бы только что поразил им врага, следует один золотник красного купороса перемешать с раствором синего купороса, окунуть туда шкуру овцы, потом на сутки завернуть в эту шкуру оружие, и, пожалуйста, получай, что хотел.

Чтобы твое оружие ослепляло каждого, кто на него глянет, необходимо растворить белый купорос в соке чеснока, пропитать раствором тряпку, обмотать ею лезвие и закопать на денек в песок.

Если же ты хочешь, чтобы рана от твоего оружия была смертельной – обработай его кровью осла и соком чеснока. Оно будет убивать мгновенно. В дело истинным мясарам, оказывается, идет все! Все, о чем ты раньше помыслить не мог! Например, вороньи яйца. Оружейники сжигали эти яйца, сыпали золу в ослиную кровь, затем макали туда наконечники копий, поясняя при этом: «Теперь всего один укол, и твой враг окажется в царстве небесном!» Чтобы оружие не ржавело, его следует смазывать раствором олова и волчьего сала.

Чем только мастера не пользовались в своем деле! Кровью собак и ослов, ядом змей и скорпионов, чесночным соком, желчью зверей...

Месяц сарбазы прочесывали окрестности Талдысая,

ловили змей, скорпионов, каракуртов, ставили ловушки на стервятников и снежных грифов...

Верно гласит народная мудрость: умеючи и снег можно поджечь! Войско трех жузов было полностью вооружено за шесть месяцев.

И тогда казахи начали наступать на врага. Два года им сопутствовала удача. Надменные джунгары не выдержали напора казахского войска, побежали, покатались назад...

Сколько рабов досталось баям! Сколько молодых жен старикам! Сколько джунгарских красавиц тряслось в жестких казахских седлах, прежде чем они оказались в мягких постелях.

Человек, которому дует попутный ветер, не жалеет добра! Швыряет доставшуюся ему добычу направо и налево! Не избежал этого соблазна и Абулхаир, и обернулась эта его доброта против него.

Желая угодить самым влиятельным казахам, он навлек на себя их нарекания, вызвал зависть, и пошли гулять по степи недобрые слухи.

В горячие те месяцы военных сборов и два года боевых удач Абулхаир был счастлив, как не был счастлив никогда прежде. Какие джигиты его окружали! Как раскрылись они в ратных делах!.. Тайлан, его курдас, с которым он когда-то встретился в горах и чуть было не поссорился из-за убитого архара, оказался храбрецом из храбрецов. Известный своим скрытным и угрюмым нравом, становился неузнаваемым в бою. Быстрый, как молния, он всегда поспевал туда, где было горячее всего. Таких, как Тайлан, было немало из каждого улуса, племени и рода! Какие легенды сложили о них, какие песни пропели в их честь!

«Каждый народ, наверное, переживает горе одинаково. Но радость каждый народ переживает по-своему. Казахи, если им подвалило счастье, тотчас начинают зазнаваться. Ходят вразвалочку, лезут всем на глаза и... на почетные места, захлеб хвастаются своей отвагой, расхваливают заслуги своего рода, – сокрушался Абулхаир много раз. – После наших успехов закружилась голова у казахов. Да так, что потеряли они голову!»

Будто не они испытывали недавно гордость от того, что были едины, что они – народ. Разгорались споры, склоки о том, какой улус послал на битву самое большое

войско, чей батыр один одолел несметные полчища врагов! Все пошло-поехало вкривь и вкось, только и раздавалось со всех сторон: «Если бы не мы да не наш храбрец. Неизвестно, чем бы кончились наши победные походы!»

Во все времена потомки Жадика не имели себе равных во вздорных и занозистых спорах. А тут им попался на язычок молодой султан, случайно ставший ханом. Случайно, потому что рожден он был простолюдинкой.

До Абулхаира доходили слухи, что больше всех старается Барак. Создавая Барака, всевышний не поскупился: и мужеством его наградил, и смекалкой, и красноречием! Не обошел он его и бахвальством, и хитростью, и завистью, но больше всего – тщеславием... Барак частенько прибеднялся, хотя не был обделен удачей и влиянием. Он сам и его брат Кучук правили племенем найманов, в котором было много отважных воинов.

Храбрость и мужество найманов сделали Барака и Кучука такими заносчивыми, как будто это они совершили все подвиги.

Чем больше расточали люди похвалы и лесть Бараку, тем сильнее раздувался он от самодовольства, тем выше задирал нос, точно в солнце готовился плюнуть. Барак любил покрасоваться перед людьми. Появится вдруг на длинногривом вороном коне, в черном одеянии, со своей черных породистых гончих собак, со свитой, тоже обряженной во все черное. Будто не Барак, а черный смерч налетел на аул невесть откуда! И будет этот смерч целый год трепать кошму на казахских юртах – никак не меньше! Никто из степняков не мог соперничать с Баракком в умении поссорить людей, роды и улусы, посеять рознь между ними... Сидит Барак на торе, перед ним блюдо, полное дымящегося мяса, и как будто не сплетню, не хулу изрыгает, а во всеуслышанье оглашает волю всевышнего:

– Видать, стареют, ох, стареют наши аксакалы. Иначе разве отдали бы знамя трех жузов Абулхаиру, который только благодаря хитрости своей и коварству попал им на глаза!

Обглодав голову ягненка. Барак начинал перемалывать косточки Абулхаиру, всему его роду, начиная с седьмого колена:

– Кто он такой, этот Абулхаир? Его род лишь тем и прославился, что охотился на диких коз. Не в ратных

схватках, а в погонях за козлами, хе-хе! Да, жаль, жаль Кайыпа. Обошли его несправедливо, он-то уж куда достойнее Абулхаира. Кайып правит отчаянными аргынами. Или Самеке, к примеру... Как ни крути, а знатен он и богат! Владеет семидесятитысячным табуном!

Кайып и Самеке, конечно, не оставались равнодушными к похвалам...

У юрт нет каменных стен. Разговоры, которые велись там, доходили до Абулхаира, и не до него одного. Холодные слова, подстегиваемые голодными ушами, которые только и ловили малейшее жужжание в поднебесье, мгновенно разносились быстрыми языками во все уголки степи – даже в самые отдаленные и глухие, куда и птица не долетит, и зверь не добежит.

Абулхаир не пропускал мимо ушей ни одного обидного слуха, ни одного навета, но притворялся, будто ничего не слышит и ничего не знает. Слухи, наветы эти оседали в его сердце жгучей горечью, будили злобу, гасили радость, вдохновение, которые он испытал в дни признания и удачи, в дни побед над джунгарами. Горечь, злоба отравляли ему жизнь. Он страдал из-за того, что людская память так коротка, что люди так неблагодарны... Абулхаир боролся с собой, пытался забыть свои обиды, помнить о главном деле. «Пусть себе болтают, язык без костей! – утешал он себя. – Однако, как я должен вести себя, чтобы утихомирить этих хвастунов, показать людям их ничтожество? Как? Они готовы, едва проголодаются, вилять хвостами, как паршивые псы. А едва они насытятся, рычат, как львы. Я должен выбивать оружие у своих врагов и недоброжелателей – пусть себе помирают от зависти и злобы!»

Сплетники начали подстрекать людей: «Абулхаир всю славу хочет присвоить себе! Он клеветет на батыров, которые добыли ему славу!» Абулхаир решил: «Я должен в первую очередь поладить с батырами!»

Абулхаир всегда держался с Букенбаем так, словно тот был султаном, всегда соглашался с ним на всех советах. Видя почтительное отношение Абулхаира к Букенбаю, Есету и Тайлану, батыры Младшего жуза оценили это, стали относиться к султану теплее и уважительнее. Простые люди говорили о нем так: «Молодец Абулхаир! Не то что другие султанские сынки – те макушками трутся о небеса из-за того, что они тюре. Он ласков с нами. Его

недоброжелатели нарочно распускают о нем дурную славу, специально ведут досужие разговоры, чтобы опорочить его. От одного его слова теплеет на душе, любит его народ. Вот зависть и гложет бездельников!»

Абулхаир старался быть таким, каким казахи его представляли. Он хорошо знал, почему о нем говорят как о скромном, вежливом джигите.

... Как-то казахи совершили еще один набег на джунгарские улусы. Они заполнили базар Туркестана скотом, уведенным у врагов, и всяким другим добром... Все были несказанно рады победному возвращению войска.

Над городом разносился крик муэдзина, летел дальше, в степные просторы, возвещая народ о победе. Этот голос ласкал слух, будоражил сердца и воинов, и жителей города, которые вышли встречать своих храбрых джигитов. Мелодия, которую протяжно тянул муэдзин, была для каждого из них знакомой, близкой, родной. Словно она была обращена только к нему, обыкновенному смертному.

Абулхаиру она почему-то напомнила робкие причитания его несчастной матери над ее неудачливым, обиженным судьбой и людьми сыном. Голос муэдзина проникал к нему в самую душу, в самые потайные уголки его сердца. Из глаз Абулхаира на луку седла скатились скупые слезинки. «О аллах, что со мной? – ахнул он. – Что же это такое? Наверное, то самое, что люди называют – и грусть, и печаль, и радость, и счастье – все сразу!»

С малых лет Абулхаир был скрытным, суровым, упрямым. Никогда не обнаруживал на людях слабость или мягкотелость – считал это великим позором. Держался твердо – как гвоздь. Иначе не мог, не имел права: если сородичи почувствуют в нем слабинку, заметят промах какой-нибудь, тотчас же оттеснят его, перепрыгнут через его голову.

Хотя братья Абулхаира по отцу терпели от других султанских семей немало обид, сами между собой не ладили. В одном лишь объединялись: в придирках и неприязни к сыновьям Абдуллы, рожденным плебейкой. А она, став женой султана Абдуллы, как нарочно, рожала ему детей и рожала. Байбише – из рода тюре – долго не могла зачать. Даже первенца простолюдинки Токтамыса байбише взяла на счастье в свой подол и стала считать мальчика своим сыном. Он вырос баловнем, к власти не тянулся, предпочитая наслаждаться радостями жизни.

Самыми заметными среди детей Абдуллы оказались Абулхаир и Жолбарыс – сын байбише. Он появился на свет спустя три года после Токтамыса.

Жолбарыс обнаружил крутой нрав и неуступчивость чуть ли не с пеленок. Он вымахал в огромного рыжего джигита, но выделялся среди других детей Абдуллы не этим, а неукротимостью, как Абулхаир – хладнокровием. Люди судачили о том, что, если кто и возродит честь потомков Усеке, так это Жолбарыс и Абулхаир... Восхваляя до небес Жолбарыса, братцы всячески изощрялись, чтобы унижить Абулхаира.

Маленький Абулхаир замыкался в себе еще больше, держался скромно, но независимо. Никто даже предположить не мог, что он страдает. Никто кроме матери. Только оставаясь наедине рядом с ней, маленький мальчик давал волю своим чувствам. Она, как могла, старалась утешить, развеять его печали. Но и ей нелегко было с собственным сыном. В тяжелые минуты она гладила его по голове и приговаривала:

– Ох, сынок, упрям ты, неотходчив. Трудно тебе будет жить, с людьми ладить. Как бы с таким характером ты не разбил себе о камень голову! – мать вздыхала и начинала напевать: в ее трудной доле песня была лучшей ее подругой и утешительницей.

Печальный и светлый голос матери снимал камень с души Абулхаира. Он успокаивался, засыпал, а во сне казался себе младенцем. К горлу подкатывал комок, к глазам подступали слезы. Он плакал только во сне – даже в детстве, когда был ребенком...

Проезжая по взбудораженному, ликующему Туркестану, Абулхаир вдруг ощутил, что в нем пробуждаются чувства, забытые с детства. После смерти матери ему казалось: нет никого на этой земле, кому он был бы дорог, считал бы его родным человеком. Теперь среди людских толп он вновь почувствовал себя сыном, а не пасынком этого народа, который сейчас открыл ему объятия.

Словно заново рожденный, с нежностью глядел Абулхаир на город, украсившийся радостными людьми. Где-то среди них, чудилось ему, стоит его мать и тоже машет ему рукой, приветствует его, гордая своим сыном...

Возле мавзолея Хаджи Ахмеда – тьма народу, перед входом в мавзолей – воины, а внутри его – военачальни-

ки и предводители родов. На минбаре стоит аксакал в белом одеянии, на голове его высокая чалма. Словно замороженные, смотрят люди на бледное лицо старца, на его крепко сомкнутые веки, тонкие, бескровные, шевелящиеся в молитве губы.

После того как аллах был возблагодарен за победу, султаны и батыры прошли через дубовую дверь в небольшую квадратную залу. В центре ее высился покрытый золотом трон. На нем сидел хан Тауке, наряженный в ярко-желтый, словно вынутый из чана с золотом, халат. На Тауке все сверкало, только лицо его было каким-то потухшим. Ни радости, ни гнева, ни улыбки, ни огорчения нельзя было обнаружить на этом лице. Застывшая маска, за которой скрыты истинные его чувства и мысли. Зато бии, окружавшие трон, сияли улыбками.

Все заняли причитавшиеся им места, и Тауке открыл ханский совет. Он говорил медленно, тихо, как человек, только что оправившийся от тяжелой болезни. У него был усталый голос. Хан выразил благодарность войску за победу и за то, что оно подняло дух народа. Однако, напомнил Тауке, враг не расседлал коней и может нагрянуть снова. Чтобы навсегда отбить у него охоту посягать на казахские земли, необходимо бороться так же дружно, всем миром, так же хранить и беречь единство народа.

Потом Тауке приступил к дележу добычи. Сообщил, сколько пленных и скота достанется каждому улусу. Наградил воинов, которые особенно отличились в походе. Не были обойдены добычей батыры и султаны. Букенбаю были дарованы пастбища у реки Чу, белый конь и острая сабля. Когда Букенбай опустился перед ханом на колени, Тауке похлопал его по плечу.

Хан назвал имя Абулхаира, и тот робко приблизился к трону. Тауке поздравил его с удачным началом ратного пути и пожаловал пастбища между Иргизом и Тургаем, афганскую саблю и красавицу-пленницу. Абулхаир, как и все остальные, опустился на колени и приложился к руке хана. Тауке поднял его с колен, погладил по плечу и поцеловал в лоб.

В белый зал, где и зимой и летом царила прохлада, словно знойный ветер ворвался. У Абулхаира запылали уши, лицо, шея, плечи. Жаром обдало и других молодых султанов. Люди зашевелились, раздался вздох удивления.

Открылась боковая дверь, и в зал вошли несколько женщин. Они вели укрытую с головы до пят покрывалом пленницу. Просеменили в середину и, упав ниц перед троном, коснулись губами пола. Хан жестом приказал им подняться.

Навсегда запомнил Абулхаир миг, когда шелковое покрывало соскользнуло с девушки. Его словно обожгли два громадных испуганных глаза. Дрожа всем телом, девушка все ниже и ниже опускала голову под жадными, пылавшими похотью взглядами. Они вонзались в нее со всех сторон. Трясущиеся губы, полные то ли гнева, то ли стыда, глаза, тонкие, вцепившиеся в край покрывала пальцы в тщетном усилии удержать его – все помнит Абулхаир, до малейших подробностей. Вот и сейчас все перед его глазами, будто наяву.

Внезапно, напряженный, словно сжатая пружина, Абулхаир почувствовал слабость во всем теле. Горячая волна крови ударила ему в голову, он покраснел, смешался. До него явственно доносились вздохи и учащенное дыхание молодых, стоявших неподалеку султанов и батыров.

Грудь Абулхаира обожгло огнем, и он вдруг совершенно успокоился.

– Разрешите сказать слово, алдияр! – услышал он собственный голос.

– Говори!

– Алдияр, трудности похода я делил с мужчинами трех жузов. Только аллаху ведомо, довольны они мной или нет, я же ими очень доволен. И поэтому хочу поделиться с ними щедрыми вашими дарами.

Тауке посмотрел на биев, те согласно закивали.

– Разрешаю! – произнес хан.

Сначала Абулхаир поднес саблю Саурыку – главному батыру рода ошакты из Старшего жуза. Затем осторожно взял за запястье джунгарскую красавицу и подвел ее к Жанибеку.

– Вот молодец так молодец! – не сдержал кто-то восхищенного возгласа. Абулхаиру даже показалось тогда, что его одобрил сам хан Тауке.

И это прозвучало сигналом. Все разом зашумели:

«Молодец! Барекельды!.. И когда народ выходил из ворот мавзолея, на устах у всех было имя Абулхаира.

Когда-то по молодости лет Абулхаиру представлялось,

что одобрителный этот шум навсегда запомнит не только он, — всегда будут помнить об этом люди. И что из их уст будут исходить лишь добрые слова — как добрая память о том немногом, но достойном, что он успел сделать или сделает еще. Однако вскоре, к своему разочарованию, Абулхаир убедился: рядом со славой обязательно идут злые наветы, злобные сплетни, отравляющие, как принесенный откуда-то ветром гнилостный, затхлый запах, и дыхание, и самоё жизнь.

Абулхаир научился притворяться, делать вид, что они оставляют его равнодушным и холодным. Что он недоступен для зависти людской. Никому не стал он укорачивать язык. Разве возможно внушить завистнику и сплетнику, что он ведет себя, как мелкий пакостник, как баба? С годами он открыл истину, свыкся с мыслью: пока у степняков жизнь спокойная, пока не грянет над их головами беда, они не ценят, не берегут лучших своих людей! Стиснув зубы, Абулхаир про себя задавал гневные вопросы: «Неужели же нам нужны тяжкие испытания, черное горе, чтобы уметь отличать черное от белого?»

Трудные времена не заставили себя долго ждать. Джунгары оправились от поражений и начали новые нашествия на казахскую степь. Они вернули себе почти все, что казахи завоевали. Разобщенные, утратившие единство улусы опять оказались под властью султанов, каждый из которых тянул в свою сторону, и не смогли оказать врагу сопротивления.

Снова полетели по ветру перевернутые врагами юрты, снова зарыдали, застонали казахские матери и жены.

Снова во дворце хана Тауке заседал совет за советом. Тогда-то, в лихую годину, и были впервые произнесены слова о том, что без сильного союзника, своими только силами казахам с джунгарами не справиться. И таким союзником — единственным союзником, под крылом которого народ может найти надежную защиту, — назвали во дворце Россию.

Тауке был очень обрадован этим, но сам не хотел призывать свое окружение: «Давайте пошлем послов к русскому царю!» Он ждал, что кто-нибудь другой сделает это за него.

У Тауке была причина выжидать, пока эти слова сорвутся с чьих-нибудь уст: однажды он уже поплатился за них...

Незадолго до этих событий русские начали ставить свои бревенчатые дома в местах, где было много соленых озер и рек с рыбой. Жадные до всего нового, наивные и любопытные казахи лишь языками цокали, наблюдая за бородатыми незнакомцами. Все вызывало у них интерес и толки! И то, как бородачи пилили деревья, и как ставили каркасы домов, и как заворачивали табак в бумагу и дымили самокрутками, жмурясь от удовольствия. А как они ловили рыбу, на это уж обязательно надо было поглядеть! Одевали длиннющие до бедер сапоги и тащили за собой по воде сети, в которые впору вместить целый аул! Или еще одно диво: выпьют из стекляшек прозрачную водичку – раскраснеются, повеселеют! Будто надулись кумыса.

Несмотря на все их странности, им очень везет на женщин. Полногрудые, белоногие, лунобровые их красавицы достойны любого хана! Так и плывут с коромыслами на плече за водой на речку! Словно гусыни, вышагивают впереди своего выводка! Груды колышутся, белые икры манят, головы величественно подняты, а шеи – лебединые! Как тут не поразиться казахам, как не позавидовать русским бородачам?

Казахи, кроме того, что отсчитывают отцам своих невест калым – не меньше сорока коней, три раза по девять голов всякой иной живности, – опустошают карманы и корджуны на подарки женщинам и детям, тридцать дней справляют той, сорок дней уходит на игрища! А вдобавок ко всему и не знают толком свою будущую жену! Иной раз только и успеют до свадьбы двумя-тремя словами перемолвиться! А тела своей суженой, скрытого под тряпками, за всю жизнь почти ни разу не увидят!.. Ни разу!

Белолицые, игривые русские молодки, не только обнажают всю прелесть своего тела, даже случается, и на мужей бородатых своих прикрикнут! И те – ничего, терпят, не возражают! Каждый может свалить ударом кулака верблюда, здоровяки, налитые мужской силой, а, что удивительно, всю жизнь привязаны к подолю одной жены! Или они, жены, такие у них сладкие! Или и вправду в каждой стране свой закон? Но одна жена – это уже явная несуразица...

Забавные истории приключались из-за того, что казахи не были знакомы с русскими обычаями и нравами. Одна история заставила до коллик хохотать всю степь.

История о том, как некий Кумарбай, один из степных беспечных богачей, по наивности лишился прохладных джайляу, куда еще его предки сгоняли в знойные летние дни свои табуны и отары.

Возвращаясь однажды с базара, тот самый злосчастный Кумарбай попал на свадьбу в русском поселении. Вместо байги, поскольку скакунов у русских нет, бородачи начали бегать наперегонки! Задрали штанины выше колен и бежать, кто быстрее! А жены и дети стоят, кричат что-то, руками машут, подбадривают, видно. Наблюдая эту картину, Кумарбай и его свита животы надорвали от смеха.

Все лето бай скучал, не имел других развлечений, кроме как вдоволь полакомиться мясом молодого барашка, понаблюдать за дракой баранов и стравить мальчишек, чтобы они устроили друг с другом потасовку. Он решил развеять скуку, самому развлечься и сородичей позабавить и пригласил в гости бородачей. Те прикатили в аул Кумарбая на телегах, дымя самокрутками.

Около белой юрты хозяина их с почетом, подобающим ханским отпрыскам, встретили сыновья Кумарбая. Зарезали жеребенка, принесли тугие бурдюки с кумысом, угостили гостей на славу. Дали им слегка отлежаться, остыть и лишь после этого вручили куруки, подвели к коновязи, чтобы бородачи погонялись за жеребятами, размялись после обильной еды. Бай попросил гостей показать аулчанам, как они бегают наперегонки.

Русские согласились, сняли рубахи, закатали штаны. Их повели на широкую равнину, за ними увязался весь аул — от мала до велика.

У зеленого пышного луга все остановились. Гости и говорят баю:

— У нас есть условие... Мы не просим у вас ни скота, ни людей. Договорились так: сначала побежит один из нас. Туда, где он упадет от усталости, вы отвезете на коне второго... С того места, где упадет второй, побежит третий... Сколько мы пробежим втроем, столько земли вы нам отдадите. Такое у нас условие!

— Ну что ж, я согласен! Пусть будет по-вашему! Охотно согласился Кумарбай, а про себя подумал: «Вот чудачки, отар и табунов моих не просят, просят лишь землю! Сколько они смогут пробежать...»

Гости одолели пространство с бег жеребенка и забили

там железный кол с цепью. Накарябали что-то на клочке бумаги и приложили к нему палец Кумарбая. С тем и отбыли.

Как-то бай заскучал опять и послал к своим новым знакомым сына: пусть, мол, приедут еще двое-трое, развлекают нас!

Бородачи не заставили долго себя упрашивать, наведались в аул и к прежней земле добавили участок с бег жеребенка. Так им досталась зеленая равнина между аулом бая и русским поселением.

Любитель развлечений Кумарбай перекочевал на другое место. Потом перекочевал еще и еще раз: быстроногие гости бегали как ветер, без усталости, а бай очень рад был бесплатному удовольствию.

Подошла осень. Насмеявшись всласть, Кумарбай откочевал в Каракумы на свое зимовье. Детишки из его аула забыли свои прежние игры, забросили белые кости и палки, на которых раньше скакали как на лошадках.

Увлечлись новой игрой: стали бегать наперегонки, задрав штаны и виляя задами. Взрослые аулчане больше всего любили вспоминать, как гостили у них русские, как здорово их развлекли.

Наступило лето. Кумарбай отправился на свои сочные джайляу, где табуны и отары пасли еще его предки. И что же он увидел? Луга распаханы вдоль и поперек. Его знакомые бегуны чуть не приставляют дула ружей к его груди: а ну, мол, поворачивай назад, не топчи наши посевы!

Кумарбай хотел огреть наглецов пятихвостой камчой, да устранился нацеленных на него ружей: сам он сроду не держал в руках ружья. Решил убраться от греха подальше! Обматерил бородачей, которые оставили его с носом. Вдвойне обматерил себя за то, что дал провести себя вокруг пальца, за дурость свою! Повернул назад, летовал у своих сватов – кипчаков.

Вот какая цена бестолковому любопытству! Вот какая цена бездумным развлечениям!

А русским, какое дело до степных зевак. Их становилось все больше и больше, и откуда они только брались? Поначалу они были смиреннее овцы. Но шло время, и русские стали выкидывать разные штучки... Вспахали землю, развели какие-то грядки ничуть что, стали хвататься за ружья и кричать: «Не топчите наши посевы, не трогайте

наши грядки». Камчи казахской не боялись, кривые сабли с поясов не снимали, а страшные ружья были всегда при них — за плечами.

Стало казахам не до смеха. Перестали потешаться, наблюдали издали и чесали в затылках: «Надо же, копошатся как муравьи, так их, растак!..» Поняли наконец, что и на божью землю есть, оказывается, спрос!

Начали хорохориться, задирать русские поселения у водопоев и бродов. Уничтожали посевы, выпускали в реки рыбу, пойманную бородачами, — так хохотали, что чуть шапки на землю не падали. Потом степняки разохотились и при случае ловили русских, брали в плен и продавали как рабов на базарах Хивы, Бухары и Самарканда. Заступить за русских было некому — уж больно далеко находились их войска. Это не казахи, джунгары или башкиры: угонишь у них сегодня паршивую овцу — завтра лишишься целого табуна!

Попробовав что-нибудь разок, казах так просто не угомонится!

Нашлись задиры, которые не давали русским даже избы возводить, — налетали, все разносили в пух и прах. Или того хуже: совершали набеги на русские поселения, которые давно и прочно стояли на границе.

Как тут не разойтись, не разгуляться, когда русских этих защитить некому! Нет у них ни родов, ни племен, ни жузов, ни улусов! Русские от них, казахов, впервые узнали, что это такое. Спросишь их о родичах — оказывается: если и есть таковые, то находятся они за тридевять земель, куда ни то что за месяц, за годы не доберешься. Русским, которые обосновались в казахских степях, похоже, вообще дела нет до тех русских, что живут в Петербурге! Иной раз такое скажут о своем царе, такое словцо отпустят, прямо как о дурной жене своего ровесника! Аж страшно! Хватались казахи за ворот и шептали: «О аллах, прости их, грешных! И меня прости за то, что я такое слушал!..»

Когда казахи сообразили, что никто к ним не заявится, не потребует за обиженных своих сородичей кун¹, никто не отомстит, они стали обменивать на базарах этих чудных, безродных русских на материю в пять-шесть обхватов или пару мешков зерна.

¹ Кун — плата за убийство или нанесенное другому увечье.

Однако казахи просчитались. Оказалось, что за проданных в рабство русских и за порушенные их села есть кому спросить – и спросить строго...

В этом убедились и Тауке, и его подданные... Тауке постоянно опасался, что набеги на русских не приведут к добру. К тому же могут вызвать смуту между своими, ведь не напрасно говорят: обнаглевший корсак готов рыть землю ушами.

И потому еще в начале своего правления, в 1680 году, он предпринял серьезный шаг: отправил на Тобол к русскому наместнику посольство во главе с батыром Ташимом.

Тауке поручил Ташиму вызнать, чем дышит Тобольский правитель, и пригласить русских купцов на казахские базары. Если, учил Тауке, русский правитель с сияющими на плечах погонами нахмурится грозно: «Попались, голубчики. Ишь, чего захотели! Прежде чем торговать – покоритесь русскому царю!» – тогда надо не мешкая, не вступая в споры и переговоры, возвращаться домой. Если же русский правитель примет посольство тепло, тогда заверить его, что казахи готовы к добрососедству. Не юлить, не расстилаться чересчур, а высказать надежду, что русские не нападут на казахов с тыла, не упрутся мечом в спину, если джунгары нацелятся копьем в грудь.

Русский наместник выслушал Ташима и отпустил его, не причинив ему ни вреда, ни обиды. Чтобы не дать остыть теплу, возникшему после этого посольства, отправил Тауке в Сибирь в течение последующих семи лет пять посольств.

Батыр Кабан повез в Тобольск дары для царского двора, а также заверения: «Давайте забудем прежние обиды и раздоры! Набеги больше не повторятся! Будем действовать сообща, в мире и согласии». В то же время в 1697 году Сары-Батыр и Кельдей-бий прибыли к другому русскому воеводе на озеро Ямышево. Они должны были вести переговоры о расширении торговли между Россией и Казахским ханством. Казахи попросили татарских и узбекских купцов быть посредниками в этих переговорах.

Оба посольства начались успешно, все шло гладко, пока не стряслось непредвиденное осложнение. Степные султаны, которым союз с Россией был что нож острый, напали на русские поселения, которые располагались на степном берегу Иртыша и занимались соляным промыслом. Напали и разгромили их.

В шатер к Сары и Келдею явился русский начальник. Куда девалась его приветливая улыбка.

— Какому из ваших слов прикажете верить? — с порога обрушился он на послов.

Без вины виноватые, они почувствовали, что попали в западню, пытались оправдаться, что-то объяснить:

— Таксыр, мы многочисленный народ, мы обитаем на землях от Иртыша до Яика! Никто нас не считал, никто толком не знает, сколько на свете живет казахов, сколько имеем мы скота. Среди такого большого народа есть всякие люди — не без этого! Однако нас послали к вам не какие-нибудь безответственные, безмозглые задиры, размахивающие своими камчами и палками. Нас послали к вам лучшие мужи страны, те, которые держат в своих руках повод страны. Сам Тауке-хан направил, перед которым преклоняются все казахи. Мы надеемся, что белый царь не станет гневаться на вас из-за чужих глупостей, из-за дурости разных пустозвонов. Не изменит свое милостивое отношение к нам. Но поверит, прислушается к словам и желаниям самого хана, а также истинных казахских владык!..

Русский воевода видел, как искренне переживают и высказываются послы.

— Господа, я чувствую, что вы прилагаете немало усилий, чтобы между казахами и русскими был мир и согласие, — ответил он. — Не правда ли?

— Истинная правда! — с радостью поддакнули послы. — Зачем же вы, зная, что среди вас, казахов, есть противники русского царя и союза между нами, пригласили на степной берег Иртыша русских промысловиков? Может быть, кому-то из ваших разбойников захотелось легкой добычи? — гневно повысил голос русский.

Послы заволновались, вскочили, заметались в беспокойстве.

— Таксыр, ни хан Тауке, ни мы, его послы, — снова начал оправдываться Сары, — не имеем никакого отношения к этим неслухам. Наш хан, уверяем вас, еще даже не слышал об этом безобразии! До него отсюда шесть месяцев пути! Когда он узнает, то, конечно, не оставит без последствий этот досадный случай! Мы головами ручаемся за это. Нашими головами!

— Ну, что ж, я вижу, мы мыслим с вами одинаково, господа. Однако пока Тауке-хан не утихомирит тех своих

подданных, которые посягают на русских, наш государь считает необходимым повременить и с нашими переговорами, и с договором. Мы приняли решение: пока разбойники не будут наказаны в соответствии с казахскими законами, нашим промысловикам не будут возмещены потери, пока, наконец, не вернут русских, которых угнали в плен, – мы оставляем вас здесь в качестве заложников. Мы выражаем уверенность, что ваш мудрый хан поймет: у нас нет иного выхода. Надеемся, что хан примет наше решение, а также незамедлительно сделает все необходимое, чтобы избавить своих высокочтимых послов от столь неловкого положения, и вызволит вас, – русский начальник выдержал длинную паузу и продолжил чуть более теплым тоном. – Не огорчайтесь. Наша сторона твердо верит, что все образуется в скором времени и тогда мы сможем продолжить переговоры... Увы, здесь вам придется, конечно, испытать некоторые неудобства и трудности, поскольку вы привыкли к другому быту и жизни. Однако согласитесь, ваше положение все же гораздо лучше, чем положение тех русских людей, которых умыкнули разбойники...

Около входа в шатер встали два долговязых вооруженных солдата. Бии поняли, что отныне они не послы, а пленники.

Когда весть об этом дошла до Тауке, он написал Петру Первому послание: «С тех пор как сотворен мир, не было такого, чтобы из-за каких-то разбойников и проходимцев делали заложниками послов. Высокочтимый таксыр, как это понять, как расценить?..»

Кто знает, получил ли царь Петр послание Тауке? Однако с Тобола к Тауке явилось посольство. Оно привезло с собой короткое письмо, написанное витиеватым почерком. В нем содержалось требование к хану Тауке утихомирить тех его подданных, которое посягают на русских людей.

Тауке не стал в отместку задерживать у себя послов и отпустил их с миром. Он уповал на то, что русские оценят его жест и – в ответ – освободят его послов. К тому же казахам было невыгодно обострять отношения с Россией, поскольку опять зашевелились джунгары.

Тауке-хан оказался в весьма щекотливом положении. Влиятельная верхушка казахов разделилась теперь в вопросе о союзе с Россией не на два лагеря, как обычно, а на три.

Одна группа была настроена непримиримо, решительно выступала против каких бы то ни было отношений и сотрудничества с русскими.

Другая группа настаивала на том, чтобы не только просить у царя помощи, но и признать — частично — его власть над казахами.

Третья же во главе с Тауке считала так: не надо надевать себе на шею ярмо, давать обещание покориться России. Иначе можно нажать себе врагов со всех сторон, обрубить связи с другими соседями. Надо установить отношения, заключить союз двух равноправных государств, это самое правильное!

Те, кому союз с Россией был поперек горла, не стали сидеть сложа руки. Они не упускали случая осложнить обстановку и посеять раздор и вражду между казахами и русскими.

Взвесив настроения в своем окружении, Тауке пришел к заключению, что не может выполнить категорическое требование русских, но у него не было желания открыто в этом признаться. Он избрал такую линию: выжидать, тянуть, не подчиняясь, но и не упорствуя, а тем временем дать понять русскому царю, что казахи мощная сила.

В 1691 году Тауке снарядил в Тобольск новое посольство во главе с Туманши и Кабаем. Через них он передал русским, что не имеет никакого отношения к тем казахам, которые занимаются набегами на русскую границу и что он не выразит недовольства, если русские сами будут их ловить и наказывать.

Изворотливый ответ Тауке русские восприняли как насмешку. Русские пошли к Келдею, томившемуся в заключении уже около двух лет. Сары, бедняга, отдал богу душу от тоски и болезней. Они известили Келдея, что Тауке ничего не предпринял для его освобождения и что он не хочет укорачивать своих неслухов.

Тобольские правители потеряли из-за казахов покой, посчитали набеги нажимом со стороны ханства. Терпение их лопнуло, и они в свою очередь направили к Тауке послов.

Тауке принял их в присутствии предводителей всех родов. Совет султанов и биев потребовал посла Неприпасова задержать, пока не будет выпущен на свободу Келдей.

Отношения с Россией запутались, испортились еще больше.

Казахи разгромили и уничтожили русско-татарский отряд близ озера Семиз. Это всполошило тобольских правителей. Они пришли к выводу, что Келдея необходимо освободить, иначе и впредь будут гибнуть ни в чем не повинные люди. Они испросили у Петра разрешения на новое посольство к Тауке. Как раз в эту пору тобольские правители получили от хана Тауке письмо, где было сказано решительно и твердо: пока не вернется назад Келдей, не будет возвращен в Тобольск и русский посол Неприпасов!

Тауке понимал, что столь категорическое требование казахов должно либо окончательно поссорить, либо помирить обе стороны. Царь приказал освободить Келдея и в знак признания вины перед ним подарить ему коня и чапан. Было решено отпустить Келдея в момент, когда доберутся до Туркестана два русских посла – Федор Скибин и Матвей Трошин.

Обычно царские послы были из боярского сословия. На этот раз тобольские правители сочли уместным проявить осторожность и отправили простых казаков.

Скибин и Трошин проделали изнурительный путь в две тысячи верст и прибыли в Туркестан измученные и изможденные. Когда же они очутились в ханском дворце, то горько пожалели о проделанном пути и его тяготах. Нахмуренные лица, недобрые колючие взгляды, застывшие плечо к плечу враждебные люди; копья в руках ясаулов, вытянувшихся за ханским тронном, обнаженные наголо сабли у стражников... Казаков словно обдало январской стужей. Они оробели, сгорбились, опустили перед ханом на колени, словно были не послами, а преступниками, представшими перед судом. Какой-то рыжий детина заорал грубым, хриплым голосом:

– Что это, послы или нищие бродяги?

И тут разом загалдели бии, которые только что сидели прямо, неподвижно, словно проглотили кол.

– Если это послы, где же дары и подношения великому хану?

– Ведь в прежние времена в послах состояли люди одного рода с царем...

– Есть у них тай бойыр или бойыр... Они белой кости, а эти кто такие? Сразу видать – чернопятые!

– Да, вознеслись, без меры возгордились тобольские правители. Надо же, посылают к пречистому Тауке какую-то голь перекадную в стоптанных сапогах...

– Это настоящее оскорбление! Пренебрежение к нам выказывают!

– Да погодите вы, дайте им слово вымолвить!

– Ишь, какой добрый выискался! Не дадим им слова, лишаем! Нечего нам тратить время на них! Они же поганят наш священный Ак-Сарай! Здесь ханский дворец, а не туркестанский базар!..

– Нечего с ними разговоры разговаривать! Ишь как зазнались...

Тауке поднял правую руку с большим перстнем на пальце.

– Все согласны с тем, что вести переговоры не следует?

– Все, все! – рявкнули бии.

– Быть посему. – Тауке вздохнул и слегка повел бровью. Два стражника подхватили послов и увели их.

Федора Скибина и Матвея Трошина заперли в помещении, о котором трудно было сказать – тюрьма это или сарай для гостей. Оно было обнесено высоким дувалом, вокруг ходили ясаулы с копьями. Около двери несли караул ясаулы с алебардами. Послов охраняли так, будто их собирался похитить опасный враг.

На рассвете к русским входил слуга. Он приносил на подносе зеленый чай и лепешки, приговаривая: «Милости просим!» – ставил перед ними еду. В полдень он появлялся опять, на этот раз на подносе были чаши с рисом. На закате показывался снова с чайниками в руках и со словами «Милости просим!» на устах. И так изо дня в день.

С начала марта и до начала июля послов не выпускали за дувал. Им стало известно, что после двух лет заключения Андрей Неприпасов умер от желтухи.

Казахи стали шептаться тайком со слугой, носившим им еду. Однажды в ноябре, слуга вывел их из сарая, вручил бумагу от Тауке-хана, по которой никто не имел права тронуть их. Беглецы добрались до Бухары, затем до Яика и Едиля и через два года возвратились в Тобольск.

Отношения Казахского ханства с Россией были прерваны...

Вот тогда-то казахи узнали, каково оно, нашествие джунгар!

Когда у Таласа и Чу воины контайджи Сыбана Раптана устроили кровавое побоище, истребили тысячи людей

и увели в полон около десяти тысяч мужчин и женщин, казахи начали браться за ум, даже самые лихие и задиристые из них.

Все чаще стали раздаваться голоса за переговоры с русским царем.

Тауке долго колебался, не мог решиться на этот шаг.

Наконец послал в Тобольск посольство, но джунгары на полпути перехватили его.

Хитрый Тауке рассудил, что настал час брать в руки самих казахов. Тогда и пошли в гору дела молодого тюре Абулхаира...

Однако единство казахов, к которому стремился Тауке, оказалось недолговечным. Опьяненная успехами надменная верхушка опять разделилась, опять начала враждовать, склочничать. Тауке никак не удавалось склонить их упрямые головы. Стар стал.

Он мучился, переживал: какой из него вояка, когда из него уже песок сыплется. Где ему поднять знамя казахов, собрать их воедино на борьбу против джунгар! Да и что толку, если он оставит свои старые кости на поле брани? Отправится на войну в кольчуге, а вернется в саване? Разве может кто-нибудь, в том числе он сам, поручиться, что его народ тогда не разбредется куда глаза глядят, подобно косяку без вожака?..

Другого выхода, рассчитал Тауке, кроме как опять обратиться с повинной головой к русскому царю, у казахов не было. Конечно, этот великан, который, по слухам, гнет подковы, будет насмехаться над ним, торжествовать: «Вот то-то, старый хрыч! Так тебе и надо! Заслужил, заслужил унижение!» Пусть насмеваются, пусть торжествуют!.. Станешь посмешищем, когда сил не хватает на то, на что хватает ума! Есть ли на свете большее несчастье и позор, чем когда, будучи львом, ты вынужден вести за собой шайку захудалых, жалких шакалов! Есть ли большая мука, чем править сворой шавок, претендующих на то, чтобы быть тиграми? Сворой шавок, тьявкающих по делу и без дела на каждого встречного. Когда надо склонить голову, они упорствуют: «Держи голову выше!..» Когда их шеи вот-вот переломятся, не выдерживают задравшейся к небу головы, они начинают шептаться и судачить: «О аллах, не погибать же нам, сидючи сложа руки! Где же он, изворотливый ум Тауке? Должен же наш премудрый Тауке найти какой-нибудь выход!

Тауке не знал покоя ни днем ни ночью, сердце обливалось кровью при мысли: а вдруг российский владыка так зол на казахов, что решил отвернуться от них навсегда? Тауке надумал прибегнуть к помощи своих беков, которые обитали вблизи от русских поселений. Он заставил их отбивать у джунгар русских пленных и отпускать их к своим с заверениями в добрых намерениях казахов: «Не будем впредь трогать вас, хотим жить с вами и вечном мире и дружбе».

Зачастили на русскую сторону и гонцы Кайыпа. То ли Кайып хотел завоевать авторитет среди казахов, показать, что брат его настолько одряхлел, что больше ни на что не способен: то ли были у него еще какие-то цели, но действовал он энергично и настойчиво.

Когда заходила речь о союзе с Россией, Абулхаир держался в стороне: «Где мне разобраться в этом клубке, когда сам Тауке запутался в нем, не преуспел в этом деле?» Абулхаир прикинул, что ему лучше проявлять осторожность, не подставлять зря голову под меч разногласий: она и так у него постоянно находилась между двух огней.

Абулхаир не участвовал сам в набегах на русских, но своими джигитами подкреплял чужие отряды. Как-то он отважился примкнуть к очередной вылазке казахов, набегавших на земли, что в окрестностях Казани. И там осознал впервые, как велика страна русских. И еще убедился в том, что русские не дают в обиду народы, находившиеся под их крылом, — калмыков, например, или башкир.

Он решил унести ноги подальше от русской границы и не участвовать больше в подобных набегах. Как никогда ясно стало ему незавидное положение казахов, и в его сердце поселилось смятение.

В один из таких мрачных дней к Абулхаиру прискакал на взмыленном коне гонец и принес — ужасную весть:

— Преставился мудрый хан Тауке!

Со всех уголков степи стали стекаться в Туркестан мужчины в черных траурных одеждах, на вороных конях. Двигались медленно, размеренно, волоча копья по земле.

Туркестан стал черным от траура и горя. Заплаканные лица, охрипшие от слез и причитаний голоса. Весь Туркестан, казалось, предался от скорби земле, все были мрачны и печальны, как грозовые тучи, только бесстыжее солнце сияло на небе.

В мавзолее Хаджи Ахмеда Яссави толпились самые влиятельные казахи. В белом дворце, в зале, где заседал обычно ханский совет, за белым занавесом лежал хан Тауке головой к Мекке. Днем и ночью, не смыкая глаз, несли траурную вахту султаны, бии и батыры.

Лица их были бледны, головы низко опущены – велико горе, тяжело бремя ответственности, которое свалилось на их плечи. Небольшая эта кучка людей – честь, сила, мудрость целого народа. Теперь вся надежда на них, несущих траурную вахту возле останков пречистого Тауке, внука отважного Есима, сына беспечного Жангира, потомка Чингисхана в шестнадцатом колене, отпрыска династии, будоражившей мир более пятисот лет. Великий завоеватель Чингисхан... Уже два века казахский трон принадлежал его потомкам. Что будет дальше, после кончины Тауке, после траурных церемоний, решит ханский совет.

Хмурятся, озабочены султаны, бии, именитые казахи. Потерять такого вожака, как Тауке, – прискорбно, найти ему замену – трудно. Каждый думает, прикидывает, чьи бедра должны коснуться узорчатой белой кошмы, на которой поднимут нового хана? Многих томит ожидание, гложет неизвестность, согревает надежда...

Как решить главный вопрос – вопрос о хане – во времена великих народных бедствий? Оставить ханский трон за представителем той же династии или отважиться и выбрать правителя из других знатных домов?

Все погружены в глубокие и тревожные раздумья. Каждый кроит шубу на свой лад... У Тауке остался в живых единственный сын – Болат, но слишком он безволен, слишком далек от государственных дел. Не годится он в правители в смутные, лихие времена. Старый плут Кайып истомился в ожидании власти. Уж теперь-то, наверное, заблестят его усы от жира, дорвется он до лакомого куска, как-никак он – брат Тауке. Не зря он еще при жизни Тауке суетился, отправляя гонцов во все стороны. Иные рассуждают по-другому: на этот раз скорее всего бии облагодетельствуют потомков Усеке, долго находившихся в опале. Ныне им все карты в руки. Болат размазня, Кайып стар... А забияку Барака никто не хочет подпустить к власти. И никто не забыл еще о вероломстве их с Кучуком деда – Турсын-хана, покушавшегося в свое время на трон находившегося в походе отважного Есим-хана, лю-

бимца казахов. Кому же быть еще ханом, как не Абулхаиру? Настоящий батыр, умеет ладить с народом, умная голова. Сам пречистый Тауке не раз говорил, что прошли времена, когда народом правили силой клетки да дубинки. Теперь для этого нужна сила разума. Неужели аксакалы и бии не вспомнят завет премудрого своего вожака?

Кайып сразу же повел себя так, словно его уже избрали ханом. Никого не подпускал близко, сам возглавлял все церемонии и обряды. Пока Тауке не похоронили, Кайып был на ногах с утра до ночи. Пока не отметили семь дней, суетился больше всех. И лишь после последних поминок на сорок первый день он как-то сник, состарился, под глазами его набрякли лиловые мешки.

Абулхаир знал: если он обнаружит тайные свои надежды перед таким скоплением народа, а они не оправдаются, он потеряет авторитет, покачнется уважение к нему. Вел себя осторожно и расчетливо. Ждал. Внушал себе: надо быть спокойным, хладнокровным. Не захлебнуться от радости, если свершится и он услышит от других: «Ты стал!..» Не пасть духом, если не свершится и он поймет: «Не стал!»

Хотя Абулхаир крепко держал себя в руках, сердце его колотилось, казалось, у самого горла, дыхание перехватывало, и он весь холодел от волнения и ожидал чуда. Чуда!

Абулхаир не совсем-то верил в то, что бии в предстоящих выборах назовут именно его. Однако он утешал себя тем, что грызня между потомками Жадика нанесет им немалый урон, еще больше подогреет презрение к ним. Снова являлась к нему надежда: что, если случится, как в пословице, пока эти вороны будут драться между собой, клевать друг друга, добыча достанется сороке?

Пронзительный, заунывный крик муэдзина призвал наидостойнейших мужчин степи к мавзолею Хаджи Ахмеда Яссави. Торжественные в суровые люди заполнили мавзолей и всю площадь вокруг него. Их собралось так много, что иголку некуда было бы воткнуть.

Предводители родов, бии, батыры, султаны вошли в намазхану¹ и застыли в напряженном ожидании.

Из боковой двери показались батыры — представите-

¹ Намазхана — зал для молитвы.

ли всех родов. Они принесли белоснежную кошму в белый зал.

Все, кто здесь был, кто наблюдал за этим шествием, замерли. Замерли, будто ждали приговора о смерти или помиловании. В ушах Абулхаира стоял звон, а сердце, казалось ему, стучало так оглушительно, будто этот стук многократно усиливался устремленным в небо куполом мавзолея.

Кайып выпятил грудь колесом, высоко поднял голову, всем своим видом говоря: объявляйте, что хотите, называйте, кого хотите! Султаны притихли, как дети на уроке свирепого муллы.

В сопровождении трех верховных биев, а также биев наиболее крупных казахских родов прошествовал хазрет. Он поднялся на михраб. Его мелодичный голос звучал четко, выразительно:

– Правоверные, мусульмане! Лучшие люди трех жузов единодушно избрали нового хана. Главным ханом казахских улусов объявляется сын Тауке – султан Болат. Пусть счастье и мир сопутствуют нашему народу при Болатхане! Аминь!

– Аминь!

– Аминь! Аминь!

– Аминь!.. Аминь... – отдавалось эхом под сводами купола и перекинулось наружу. Толпа подхватила:

«Аминь!» Весь город выдохнул его на едином дыхании.

– Братья! – призвал к тишине повелительный голос.

Из белого зала вышли люди, подняв белую кошму. На ней сидел Болат. Новый хан был в белом чапане, на голове – чалма из белой парчи, которую украшал огромный опал редкой красоты. Болат был привлекателен тонким лицом, доверчивыми глазами, улыбчивым ртом. Люди смотрели на него, как на диво. Затем ринулись к белой кошме и стали подбрасывать ее вверх вместе с новым ханом.

Затаив горечь, Абулхаир пробовал протиснуться сквозь стены! многочисленных крикунов, но рука его так и не дотянулась до белой кошмы. Он видел, как оказавшийся впереди всех Кайып вынул нож и с холодной улыбкой отрезал кусок кошмы, которого хватило бы на подметку. Он удалялся все дальше и дальше, подбрасывая его с отсутствующим, безразличным выражением лица.

Народ вошел в такой раж, что чуть не опрокинул на землю побледневшего, слегка напуганного хана.

– Братья! – воззвал тот же повелительный голос. Кошму послушно опустили на землю, толпа расступилась. Восемь рослых джигитов поднесли к ней занавешенный белой парчой балдахин. Хана усадили на него. Высунув голову из под занавески, Болат крикнул тонким голосом:

– Народ мой, спасибо тебе большое!

Толпа словно обезумела. Белую узорчатую кошму, на которой только что восседал хан, тут же искромсали ножами на куски. А когда хан сошел с носилок на землю, та же участь постигла и балдахин. К хану подвели белого под серебряным седлом аргамака с лебединой шеей. Свита посадила хана на коня, соблюдая при этом все предосторожности, выражая ему низжайшее почтение...

Казалось, люди разнесут сейчас, разберут по кирпичику мавзолей Хаджи Ахмеда Яссави. Наиболее шустрые тянулись с ножами к хвосту и гриве ханского коня.

– Братья! – перекрыл шум властный голос. Хан талапай!

– Ура, ура!

– Грабь хана!

– Хан талапай, грабь хана!

– У-р-р-ра, ур-р-ра!

Те, кто был побыстрее и половчее, первыми вскочили на коней и понеслись вихрем в сторону Каратау, где паслись разномастные косяки и тучные отары ханской семьи. Весь скот был угнан народом, на пастбище не осталось ни одной лошади, ни одной овцы. Однако не пройдет и двух дней, как всю степь, аж до самого неба, заволочут облака, тучи пыли: улусы пригонят в подарок хану Болату отборные табуны и отары...

Так пречистый Тауке, тридцать восемь лет правивший казахской степью, нашел свой последний приют под сводами священного для мусульман мавзолея. Так его сын Болат занял место отца на позолоченном троне из диковинного драгоценного дерева, привезенного в незапамятные времена из далекой страны.

В Туркестане, ворота которого были наглухо закрыты два месяца, опять зашумел, загудел, засиял красками базар. Словно стаи перелетных птиц, возвращающихся в родные места, потянулись сюда длинной чередой караваны из Индии, Китая, Бухары, Самарканда, с Едиля и Тобола. Висевшие сорок дней на всех домах и дворцах траурные бунчуки были сняты. В город хлынули шаманы

и дервиши разных мастей и каст. Тут и там мелькали эти обошедшие полмира босые люди в лохмотьях, с черепашьими панцирями, сушеными змеиными головами, обезьяньими хвостами, птичьими перьями на поясах, головах и запястьях. Они кричали по-петушиному, блеяли по-козлиному, свистели в пронзительные свистульки на всех углах и базарах, предсказывали конец света, вещали, обличали, рассказывали всякие небылицы.

Тысячи и тысячи дымов раскинувшегося в пустыне города снова взвились в синее небо...

Из Туркестана Абулхаир уехал сохраняя невозмутимость, проявив почтительность к старшим. Попрощался со всеми, не подав виду, что пережил крушение надежды. Но в душе у него бушевала буря: точно взвитый вихрем полог юрты бил и бил по сердцу. Сколько ни шептались люди до совета, на нем никто не произнес его имени. Как, по слухам, не назвали и имени Кайыпа. Проницательные, умудренные жизнью аксакалы понимали, какие страсти бушевали во многих сердцах после кончины Тауке. Не желая наступать на хвост дремавшей змеи, они называли имя лишь одного человека – Болата.

«Как же они могли? – недоумевал Абулхаир. – Как могли? Неужели им, в чьих руках судьба трех жузов, безразлично, кто будет править страной, когда она зашла в тупик? Ощерившись, против нас стоят наготове джунгары! Глух к нашим мольбам русский царь!..»

Мудрецы, которые решали, в чьи руки передать бразды правления, обязаны были поставить перед собой, по крайней мере, три вопроса. Поставить и ответить...

Есть ли в ханстве человек, способный отбить нацеленные в грудь казахам копья задиристых джунгар?

Есть ли в степи человек с гибким и острым умом, которому удалось бы склонить русских на сторону казахов?

Есть ли среди казахов человек, который в годы великих бедствий объединил бы народ? Народ, всегда отличавшийся стремлением к мнимой самостоятельности. Как в той пословице: «Лучше паршивого, но своего теленка, чем лоснящегося от жира, но предназначенного всем быка!» Есть ли такой человек, который направил бы его на верную дорогу, не стал тратить время на распри с «храбрецами» и задирами, на словопрения с краснобаями и богачами, которые только и умеют, что хвастать достатком и знатностью?

Они должны были именно эти качества учитывать, такого человека искать. Но почтенные аксакалы, видно, не очень-то утруждали себя! Пошли по проторенной, заезженной дороге. У нас ведь как? Если умирает старший брат, жена его достается младшему брату. Если умрет хан, трон достается его сыну. Забыт, будто его никогда не существовало, неукоснительный закон предков, согласно которому наследник трона – старший или младший брат хана, а если нет братьев, то сын старшего или младшего брата. Но не сын только что умершего хана! Трон казахов давно превратился в игрушечную деревянную лошадку, которой играют дети одного и того же аула. Влезают поочередно и слезают, влезают и слезают...

Люди, которые призваны решать и говорить от имени народа, бредят лишь родовыми и племенными тенями и чучелами, не хотят утруждать тебя раздумьями о том, кто способен вести, а кто – его поддерживать. Ясное дело, тогда будет и справедливость попирааться, и порядок нарушаться. Там, где не чтят порядок и справедливость, нет и не будет покоя и благополучия – ни для народа, ни для вершителей его судеб...

Когда на глазах совершается насилие, творятся злодеяния – и все при этом молчат – кто же внемлет призыву: «Хотите, чтобы в народе было единство? Следуйте за мной, слушайте меня!» Никто! В конце концов, конечно, люди внемлют именно человеку умному и сильному, а не тому, кто сам ничтожен, хотя произошел от отца с золотой головой и матери с серебряной грудью... Но сколько же прежде успеет пролиться крови зря, сколько же будет погублено жизней?» – Абулхаир чуть не плакал от бессилья изменить к лучшему этот мир и людей.

«Простые, очевидные истины преданы забвению. Что было бы с миром, если бы достойные мужи не пренебрегали закостенелыми законами и обычаями? Не переступали бы через них в нужный момент? Жили, покорные и смиренные, во всем поддакивали аксакалам с длинными бородами, но коротким разумом?»

Значит, значит... неправильно это, нельзя все время держаться в тени, оставаться скромным. Глупо излишне петушиться, глупо попусту лишиться головы и даже... уха. Всему свое время: умей только ждать. Но и не прозевай свое, не упусти!

Раз всевышний одарил меня умом, силой и храброс-

тью, я должен постоянно быть начеку, чтобы не оказаться на обочине, чтобы не подмяли меня интриганы и корыстолюбцы. Гляди в оба и будь начеку, Абулхаир! Если хочешь власти, будь хитрым и расчетливым! Иначе пропадешь в неизвестности! Не будь слишком притким, но не будь также излишне скромным! Поистине, я как девушка на выданье: когда надо, умею улыбнуться, когда надо, умею отвернуться! Если это тебе, джигит, в тягость, то ты хуже девки: не одной только чести лишишься...»

После похорон хана Тауке и возведения на трон хана Болат Абулхаир осознал: пришла для него пора действовать.

Спустя несколько месяцев он убедился в том, как он был прав.

Новый хан смотрел на трон не более чем как на мягкую, уютную перину. Люди злословили, что Болат оценивал достоинства трона той частью тела, которая находится в стороне, прямо противоположной голове. Голова его годится лишь для того, добавляли другие, чтобы носить корону, но не шевелить мозгами.

Нового хана и правда ничто не заботило, не волновало. Ни до кого и ни до чего ему не было дела. Почему, например, Кайып перекочевал ближе к русской границе? Почему не кажет глаз в Туркестан Абулхаир, улус которого граничит с калмыками и башкирами? Ни о чем не беспокоился, ни о чем не задумывался новый хан.

Раз солнце, думал, наверное, хан, встает утром и садится вечером, как и положено, раз никто не скачет с топотом к его орде, стало быть, в мире царят покой, порядок и мир...

Вскоре даже слепому стало ясно, что в тени могучего дуба вырос не крепкий дубок, а кривое, уродливое деревце. Нет, не такой правитель нужен казахам.

Абулхаир не проявлял никакого интереса к тому, что происходило в Туркестане. Зато он в оба глаза следил, в оба уха слушал, что творится в соседнем улусе, у Кайыпа.

А там явно что-то творилось. Кайып стал пошевеливаться, предпринимать потихоньку какие-то шаги... Абулхаир горел желанием разузнать, что на уме у его соседа. В планах Абулхаира было поддерживать добрые отношения с Кайыпом. Он надеялся, что как только Болат прослышит про действия Кайыпа, они вцепятся друг другу в горло, эти единокровные дядя и племянничек! Если Болат

не захочет, так его все равно натравят родственнички! Сейчас же Абулхаиру выгодно дружить с Кайыпом: улусы их граничат друг с другом, некоторые из подвластных им родов находятся в близком родстве...

Болат не сделал в течение года ни одного жеста ни в сторону джунгар, ни в сторону русских.

Кайып воспользовался этим. Он решил сам возобновить почти заглохшие накануне смерти Тауке отношения с тобольскими правителями. Ему повезло: однажды он отбил у калмыков русского пленника, который оказался офицером. Он претерпел немало мучений и унижений, был сильно истощен и болен. Кайып отвез его в свой аул, отхаживал его, лечил, поил, кормил, одел, обул, дал ему коня и вместе с биями Бекболатом и Байдаулетом проводил в Тобольск.

Спустя месяц к Кайыпу примчался на повозке Никита Белоусов, сын тобольского воеводы. Видно, офицер еще не добрался до дома, а лед между сторонами не успел растаять. Никита грубо отчитал Кайыпа за то, что тот не сразу осведомился о здравии его императорского величества и всей его августейшей семьи. Так разошелся Никита, что его едва успокоили. И с мест все поднялись, и шапки сняли, и спины гнули.

Не прошло и года, как русские прислали посольство.

Кайып расправил плечи, снова стал разговаривать со всеми свысока. Да и как ему было не возгордиться, если теперь он мог в любое время отправиться на любой русский базар, если он теперь мог перекочевывать всем улусом на зеленые прохладные джайляу близ русской границы.

Абулхаиру хотелось дознаться: что же стоит за этим внезапным просветлением лица русского царя, еще недавно столь грозно нахмуренного.

Тобольский правитель знал, что джунгарские контайджи настырно лезут в казахскую степь. Джунгарам нравится самим вторгаться в чужие пределы, но они страсть как не любят, когда на их земли посягает кто-то другой. «Это русским тоже известно, — размышлял Абулхаир. — Три года назад джунгары за одну ночь разгромили в пути русский отряд, который двигался к истокам Черного Иртыша строить крепость. Джунгары увезли тогда на своих конях иноземных ученых, за золото нанятых русским царем в дальних странах. Люди толковали, что этим ученым открыты все тайны земли...

Тобольский правитель почему-то палец о палец не ударил, чтобы образумить распоясавшихся джунгар. Почему казахам ничего не спускает, малейшей дерзости не прощает. Сгноил в заключении ханского посла – из-за своей черни. Русские не похожи на народ с заячьим сердцем. К тому же их много, не счесть! Раскинули крылья от студеных морей до Иртыша! Все это так – и однако же оставили без последствий это нападение джунгар. Почему? Почему? Что кроется за этим?..»

Ответ на мучивший его вопрос Абулхаир получил случайно. Однажды у него на ночлег остановился калмыцкий посол, который следовал домой от джунгар. В беседе с его уст сорвалось, что шуршиты¹, народ, подвластный цинской династии, собрали войско и начали войну с джунгарами. Смекнув, что проговорился и сообщил казахам тайну, посол поторопился загладить промах, исправить ошибку:

– Разве отважные воины контайджи уступят тонконогим шуршителям? Искромсали их на куски, а как же иначе.

Как только караван посла удалился из его аула, Абулхаир послал гонца к Сеиту и Абдрахману. Они были предводителями беглых башкирских и татарских повстанцев. Когда их народы приняли подданство русского царя, они нашли прибежище у каракалпаков. Руками беглых татар Абулхаир отправил неосторожного посла на тот свет. От каждого не к месту оброненного слова может возникнуть беда аж с гору.

«Да, царь не по доброте душевной, не по незлобivosti прощал контайджи и его разбойникам. Шуршиты – как муравьи, их не счесть! Недаром в народе их так и прозвали – «муравьи!» Шуршитов больше, чем даже урусов. Поэтому в интересах царя и России, чтобы шуршиты не смогли одолеть джунгар. Он, не исключено, и ученых уступил джунгарам с какой-то целью... Зачем царю щелкать по лбу отчаянных джунгар, когда они являются лучшим щитом, надежным препятствием на пути шуршитов?.. Но зачем в таком случае гонцы тобольского правителя снуют так часто в аул Кайыпа? Так, так... Чтобы повернуть назад шуршитов, царю нужны безудержные джунгары. Чтобы сдерживать джунгар, которые не могут жить

¹Казахи население Цинской империи называли шуршителями за их многочисленность.

спокойно, не пуская в ход копья, ему выгодно под рукой иметь казахов. Мы по сорок раз в день получаем тумаки, они так и сыплются на нас со всех сторон. Мы тоже оскаливаемся, показываем зубы... Выходит, царю выгоднее, чтобы три народа – шуршиты, джунгары и казахи – враждовали, грызлись между собой. Белый царь не станет вмешиваться, удерживать всех нас от схваток и вражды... Если каждый из этих народов обратится к нему за помощью и поддержкой, он не обидит никого, всем наденет пустых обещаний, выпроводит с миром... Русские гонцы и гости зачастили к Кайыпу не из-за молодой, душистой баранины и жирных курдюков. Нет, они хотят все знать, обо всем ведать, чтобы проводить в жизнь замыслы царя».

Люди Абулхаира доносили ему, что Кайып безмерно радовался, когда к нему приезжали русские из Тобольска. Надеялся, глупец, что русские отвалят ему войско для походов против контайджи. Но как ни просил Кайып русских, они не спешили давать ему войско, и Тобольские правители, оказывается, себе на уме, плуты прожженные. О чем ни попросишь, что ни скажешь, на все согласно кивают головами. Совсем как бухарские мошенники-купцы. Однако толку от их кивков и обещаний пока никакого, – не без злорадства думал Абулхаир. – И тем не менее Кайып радуется: важно, чтобы другие видели, что синие русские повозки распрягаются у его орды. Свита и аулчане Кайыпа бахвалятся перед всеми: «Куда бухарской бязи до русской!.. Русскую легко принять за шелк! Так и ласкает, так и нежит тело!..»

Будучи до мелочей осведомленным о том, что происходило в ауле Кайыпа, сам Абулхаир притих, затаился в ожидании. Он разгадал цели русского царя, и это хорошо, это важно. Однако теперь для него еще важнее предугадать, в какую сторону склонится в скором будущем его собственный народ. Он изменчив, как весенний день. И готов молиться утром – аллаху, в обед – Тенгри, вечером – Христу. Зачем же ему, Абулхаиру, до времени открывать такому народу свой тайный замысел?..

Постепенно события начали принимать новый оборот. Тобольские чины принимали посланцев Кайыпа по-прежнему благосклонно, но вот казанские воротилы – с холодком. Настал день, когда русские правители Казани так и заявили: «Мы протянем вам руку помощи, если вы примите подданство русского царя! Если нет, то держитесь отсюда подальше, вы нам не нужны!..»

Кайып взбесился. Аул его сразу же опустел, русские больше не навевались туда. Люди Кайыпа, еще вчера чувствовавшие себя вольготно на базарах тобольской земли, через день принимавшие у себя урусов и их зеленоглазого тонкоголосого толмача, готовы были кусать локти от досады и обиды. Крепко они обиделись! И по извечной привычке своих предков они начали нападать на своих обидчиков, начали задерживать и грабить русские караваны.

Абулхаир счел уместным последовать примеру Кайыпа. Никогда не получал Абулхаир даров от царских посланцев а теперь решил вспомнить науку древних мудрецов: «Дашь – возьму из рук, не дашь – отберу силой!»

Ему был нужен союзник: один не многого достигнешь. Его союзником в этой ситуации мог быть лишь один человек – Кайып. Он оскорблен и обижен, живет в треволнениях и одиночестве: знает, что во всех улусах только о нем и злословят, злорадствуют по поводу того, что русские забыли к нему дорожку. Только в одном улусе, улусе Абулхаира, помалкивают, будто воды в рот набрали. Расчет Абулхаира был точен и беспроегрышен: если сейчас кто и поддержит его, так это Кайып. Он единственный, терпящий насмешки от других улусов. Кайыпу, как воздух, необходим союз с Абулхаиром, ибо этот союз поможет ему залатать изодранный в клочья авторитет.

Абулхаир не стал обнаруживать излишней торопливости. После очередного набега своих джигитов на русский караван, едущий к каракалпакам, послал в аул Кайыпа человека, чтобы тот прощупал почву, прислушался к разговорам, пронюхал, чем там дышат. Кайып не мог не заметить этого человека, он тоже к нему пригляделся. И в свою очередь, как конь с натянутыми поводьями, начал наблюдать за аулом Абулхаира.

По прошествии подобающего приличиям времени Абулхаир оседлал коня, прихватил с собой уважаемых людей улуса и взял путь к аулу Кайыпа.

Кайып встретил Абулхаира с распростертыми объятиями. Держа под руку, провел дорогого гостя на торь. В честь дорогого гостя Кайып устроил щедрое угощение, внимательно выслушал Абулхаира. Изменился в лице и все всматривался в лицо гостя испытующе: слова Абулхаира попали в цель, угодили в самое больное, в самое уязвимое место.

«Бывалый человек Кайып! Привык действовать наверняка, все взвесив, выведав твои намерения! Каждое слово твое обмозгует, в душу, кажется, заберется, перевернет ее, переворошит к поискам тайных мыслей. Да разве смутишь меня этим? Теперь уже нет, не смутишь! А главное — в душу свою я не пущу никого. Никого!..» — с торжеством и гордостью думал Абулхаир, не отводя взгляда от глаз Кайыпа...

С тех пор минуло уже тринадцать лет! Было время, когда они с Кайыпом шли рука об руку, стремя в стремя.

* * *

Голая, как лицо евнуха, степь. По ней змеей вьется речка, почему-то народом названная Аякоз — «жалостливые глаза». А что произошло тогда на ее берегу, на самом деле было достойно жалости. Кроваво-красное клокотало в те дни ее русло: словно какой-то дэв уселся на вершине горы, откуда берет эта речка свое начало, и этот дэв, затащив туда жертву, полоснул ее по горлу острой саблей, да не простую жертву — гигантское животное. Крови в нем столько, что течет и течет она в речку, делая ее все темнее и краснее.

На обоих берегах речки сооружены земляные укрепления, насыпаны валы, из-за которых воины выпускают друг в друга тучи стрел. Много уже полегло молодых, сильных джигитов вдоль той кровавой речки.

На одном ее берегу — джунгары, на другом — казахи. В казахском войске, которое с трудом собрали Абулхаир и Кайып, тридцать тысяч воинов.

Они гибнут впустую. Не в состоянии выбраться, высунуться из своих укреплений, они задыхаются, как суслики в норах. Три дня подряд не могут сдвинуться джигиты с места, не могут ступить ни на шаг вперед, посылают во врагов пули и стрелы, сами терпят кровавую баню. Казахские воины сильны, когда они на конях. В канавах, за насыпями они беспомощны, ложатся один за другим как подкошенные под ударами джунгар. А джунгар тех в десять раз меньше.

Бой продолжался и на четвертый день. Гонец Абулхаира несется, пригибаясь, к Кайыпу. Гонец Кайыпа летит, пригибаясь, к Абулхаиру. Кровавое пролитие не прекращается. Река стала совсем бурой...

А какие планы строили Абулхаир и Кайып, как хотели

они после долгого перерыва разгромить врага, поднять дух всего народа!

Они рассчитывали, что Сыбан Раптан, занятый войной с шуршитами, не сможет послать против казахов сильное войско. Уж очень подходящий был момент для нападения на джунгар, вряд ли такой еще представится! Сам аллах, думалось им, сопутствует казахам, сулит удачу!..

Абулхаир и Кайып рассчитывали также на то, что, одержав молниеносную победу, они смогут напасть на контайджи уже большим войском: после такой победы казахи охотнее пойдут на объединение. Сыбан Раптан окажется в тисках! Тогда, возможно, он пошлет к казахам послов, запросит мира, хотя бы временного. Наверное, и джунгарам жить хочется, вон сколько перед ними шуршитов!

Если бы двум ханам удалось осуществить то, чего не сделал, но должен был сделать Болат, то... то переменчивые степняки, еще сильнее разочаровались бы в Болате и пошли бы за ними...

Абулхаира устраивало даже то, что ему пришлось бы поделить славу пополам с Кайыпом. Главное сейчас – объединить народ. Это был бы шаг к тому, чтобы осуществить его собственные замыслы, грандиозные замыслы.

Кайып и Абулхаир дружно взялись за дело. Особенно усердствовал Абулхаир. Его уста не произнесли ни одного слова, которое могло бы показаться Кайыпу неприятным или подозрительным. Абулхаир угождал сородичам Кайыпа, которые в те незабываемые дни в Каракумах были очень сильно уязвлены тем, что ему, Абулхаиру, вместе с Букенбай-батыром, а не Кайыпу была оказана великая честь. И вот теперь Абулхаир проявлял и такт, и почтительность, и внимание к знатым людям из улуса Кайыпа, и они в конце концов оценили это.

В душе Кайып не переставал удивляться простоте и покладистому характеру Абулхаира. Ему самому не оставалось ничего другого, как следовать умному примеру младшего. Он стал советоваться с Абулхаиром даже по пустякам...

Они собрали войско и двинули его к Аягузу. Там и столкнулись с джунгарами.

Джигиты набросились на джунгар с яростью тигров. Но казахам не удалось одним ударом одолеть врага. Он

не сдался, лишь отступил на другой берег. Сгоряча и джигиты бросились было в воду, но поняли: не зная броду, не суйся в воду. Они действительно не знали того берега, да еще темень была кругом, хоть глаз коли... Трупов было столько, что кони о них спотыкались, не могли двигаться.

На другое утро казахи не обнаружили никаких признаков противника, будто они испарились вместе с речным туманом.

Казахи оживились:

– Куда подевались эти... так их, растак?

– Небось в штаны наложили от наших тумачков, вот и удрали.

– Неужели мы всех до единого положили?..

– И как это они за одну ночь умчались?

– Любопытно, что поглотило вражину – земля или небо?

Так рассуждали, красуясь на своих конях, уже считавшие себя победителями джигиты. И тут, как будто комары, зажужжали, засвистели стрелы. Тучи стрел.

– О аллах, что это?!

– Что творят, негодяи!

– Откуда они стреляют?

– Смотрите, смотрите-ка, вон они!

Казахи наконец заметили, что глина на том берегу Аягуза потемнела: джунгары вырыли канавы, насыпали вал, соорудили укрепления за ночь. Из-за них и стреляли теперь в легкомысленных казахов. Один за другим слетали казахские воины с коней.

Ханы срочно устроили совет.

– Джунгары давно изучили конные атаки казахов, – высказал на совете свои соображения Кайып. – Если мы останемся на конях и будем скакать верхом на виду у врага, толку не будет, только людей зря погубим. Давайте тоже укрепимся на этом берегу, будем ждать, будем стрелять. Когда же джунгары вылезут из своих нор, мы добьем их стрелами. Уничтожим джунгар всех до единого.

Абулхаир был согласен с Кайыпом почти полностью. Ему лишь казалось, что лучше на противника напасть до того, как он вылезет из своих нор. Найти какой-нибудь хитрый маневр, подобраться к джунгарам, и тогда можно будет быстро с ними покончить. Абулхаир опасался, что

пока они будут тянуть и медлить, к джунгарам подойдет подкрепление – небольшое, но подкрепление.

Однако на совете Абулхаир промолчал, побоявшись обидеть Кайыпа: зачем, разумно ли вздорить из-за мелочей?

В ходе боев Абулхаир убедился, что его тактика была бы более правильной, но как тут теперь оправдаешься? Раз раньше осторожничал, теперь надо помалкивать! Не ровен час, Кайып подумает: «Вот ведь хитрец! Нарочно дождался трудного момента, умышленно скрыл свой план!»

На четвертый день произошло несчастье.

Казахи не могли больше томиться в сырых рвах. Самые нетерпеливые начали высовываться, а то и вылезать наружу.

Джунгары тоже были на пределе, фланги их почти опустели. Они сосредоточили остатки сил в центре. Однако казахи так ослабели, были так обескровлены, что среди них не находилось смельчаков, которые были бы способны броситься в воду, перебраться на тот берег и добить врага.

После полудня джунгары зашевелились, задвигались. «Собираются сдаваться! – обрадовались казахи. – Или послов своих готовят, или хотят под покровом ночи удрать!»

На землю опустился вечер. Мертвая тишина – не слышно ни голосов, ни выстрелов. Вдруг прямо напротив укрепления казахов показались пять верблюдов. Они шествовали примерно на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга. Между ними семенили по двадцать воинов. Верблюды вышагивали величаво, словно шли на водопой. Дошли до реки, поплыли, только морды над водой торчат, как змеиные головки, да горбы свисают в одну сторону.

Казахи опешили – вроде не послы – белого флага не видно, вроде не атака – никто не стреляет. Между верблюдами плывут воины, часть их осталась на берегу.

Что все это значит? Абулхаир послал гонца к Кайыпу, тот передал: «Подождем, посмотрим!» Верблюды подплыли близко к берегу, где располагались казахи... Между горбами верблюдов взвились облачка синего дыма. Черные, как котлы, шары полетели в казахов.

Их укрепления развалились одно за другим – от каждого ядра в небо взлетали клубы дыма и земли. Казахи метались, им вдогонку летели вражеские стрелы.

Берег поднялся на дыбы, превратился в ад. Укрепления рушились, разлетались, как собачья плашка, на которую наступила копытом лошадь.

Верблюды повернули обратно. Когда они достигли середины реки, казахи вспомнили, что у них в руках есть луки. Два верблюда перевернулись, пошли на дно. Страшные орудия – вместе с ними. Тела джунгарских воиновплыли по кровавой реке. Оставшиеся в живых спрятались в укрытия.

Казахи совсем пали духом.

– Видно, правду говорили, что у джунгар есть рыжебородый колдун, изрыгающий огонь. А еще он умеет выпускать пули прямо из конских копыт!

– Конечно, правду! На своей шкуре убедились! Так оно и есть! Как бы теперь не пустили на нас тех коней!

– Ойбай! Оказывается, тот колдун всесилен! Что пожелает, то и сделает! Реку – и ту может повернуть вспять!

– Разве это река для него? Ручеек!.. Одним глотком осушит и погонит на нас все войско!

– Но ведь, слышать, контайджи ни на шаг не отпускает от себя рыжебородого? Неужто явился на тот берег? Сам контайджи?

– Контайджи один не придет, только со своим несметным войском!

Какой контайджи? Где он? Ему не дают шевельнуться шуршиты. Недаром же нам объясняли, что если уж действовать, так только теперь.

– Имея такого колдуна, контайджи и шуршитов разгромит!

– О святые наши предки, и почему вы отвернулись от нас?

– Спыхватился! Они давно покинули казахов! Эти причитания и вздохи продолжались допоздна. Густая непроходимая мгла окутала все вокруг. Ночь была душная, смрадная.

Едва занялся рассвет, на правом фланге началась паника. Люди кричали, визжали, стонали, наталкивались друга на друга, валили, топтали!..

– Враг, вра-а-а-а-г в тылу-у-у-у!

– Неужто?

– Что же эти проклятые, в комаров, что ли, превратились, перелетели сюда с того берега?

– Они все могут!

– Что же это аллах с нами делает? Или не видит наши муки? – неслось из рядов, еще не атакованных врагом...

Казахи отступили. Бежали. Первыми унесли ноги воины Кайыпа. Сам Кайып чуть не угодил в плен, едва вырвался, пробился к отряду Абулхаира. Потом воины Абулхаира свернули свои смятые, поредевшие ряды.

С трудом, спотыкаясь на каждом шагу, добрался Абулхаир до коня. Он поскакал к реке. Лучи веселого утреннего солнца слепили ему глаза, улыбались ему. Или насмехались... Перед ханом плескалась волнами бурая река. Вражеские укрепления стояли целехонькие, крепкие, словно тучные зайцы на покое.

Ему хотелось кричать, вложить в яростный крик и свою ненависть к джунгарам, и свое отчаяние, и свое бессилие. Но поднявшаяся из самой глубины сердца жгучая волна будто затопила его, лишила голоса. За спиной возвышался на коне мрачный Кайып. Он, наверное, смотрит на него с осуждением. Каждой клеточкой своего тела, каждым нервом ощутил Абулхаир тяжелый, подозрительный взгляд Кайыпа. Хлестнув коня, Абулхаир устремился вслед за остатками своего войска...

Абулхаир и Кайып разъехались, не проронив на прощание ни слова. Оказавшись в своих улусах, затихли, затаились.

В народе росли слухи. Чего только не придумает людская молва? Хань-де отныне не желают видеть друг друга. Особенно недоволен Кайып! Во всем винит Абулхаира: и действовал и бился нерешительно, все чего-то выжидал, медлил.

Абулхаир был уверен: эти слова приписали Кайыпу, сам он не произносил их. Одновременно с этим Абулхаир понял: о причине поражения так думают сами участники битвы. Те, кто были жертвами и свидетелями драматических событий.

Поначалу Абулхаир отчаивался: «Есть ли у этих людей мозги? Как он мог быть нерешительным, если весь план похода исходил именно от него? Если он всеми силами души хотел схватиться с врагом! Уничтожить его! Неужели они не понимают: не мог он идти наперекор Кайыпу, не мог! Будто не ведают они о казахских обычаях и традициях!.. К тому же Кайып вел за собой более многочисленное войско... Джунгары были вынуждены открыть нам, казахам, свой военный секрет. И это дока-

зывает, что им пришлось тяжело. Надо было, конечно, нам самим действовать решительнее, быстрее, смелее, тогда враги не успели бы пустить против нас это страшное оружие. Я был не прав, смолчав на совете. О моих мыслях и намерениях ведь никто не узнал, а о тактике Кайыпа слышали многие... Теперь джунгары возгордятся, ни за что не пойдут на перемирие. Но и нападать на нас у них нет сил. ...О аллах! Но и наш боевой дух сломен, теперь казахи долго не оправятся от поражения». Абулхаира раздирали противоречивые чувства, мучила совесть, он вновь и вновь, шаг за шагом воскрешал в своей памяти эпизоды боев, красно-красную реку, синий дымок между юртами, верблюдов, нечеловеческий грохот и человеческие стоны и крики...

Он извлек еще один урок для себя. Драгоценная мысль — она что шелковая нить, струящаяся из груди одного человека. Попадая в руки другого, нить эта превращается в лохматый клубок шерсти... Абулхаир злился на недалекого Кайыпа, неспособного, подобно стреноженной лошади, сдвинуться дальше чем на расстояние взгляда. Его охватывали боль и раскаяние из-за того, что он был так терпелив. Что позволил из-за дурацкой скромности, из-за дедовских предрассудков погибнуть взлелеянному в душе замыслу.

Абулхаир ощущал в себе и силу, и ум, и способность свершить то, что принесло бы казахам покой, мир и благоденствие. Но сам связал себе руки! Во всем шел на поводу у Кайыпа. Гнев, ярость, раскаяние, жгли и терзали его, как смертельный яд, когда он ехал на коне по берегу кроваво-красной реки. Воды ее словно шептали ему обвинения в том, что по его вине погибли люди. Воды эти, чудилось в тот момент Абулхаиру, не воды вовсе, а его протекающая мимо бесполезная жизнь. Ему хотелось броситься в реку, напасть на джунгар. И только мысль, что это будет бессмысленная гибель, которая прервет не просто его жизнь, но которая погубит его цель, его надежды и мечты, остановила его.

После трагедии Абулхаир молчал целый месяц. Потом стал медленно приходить в себя, раскладывая по полочкам слухи, разговоры. Мнение в степи сложилось такое: Абулхаир и Кайып не нашли общего языка. У Кайыпа-де не хватило умения разгромить малочисленного врага большим войском. Абулхаир-де схитрил, решил — пусть киш-

ка, которая все равно не достанется мне, варится вместе с навозом, и не принял в битве активного участия.

Абулхаир вдруг повеселел, лицо его посветлело. Он понял: если люди разочаровались в Кайыпе, то в нем-то они, видимо, не разочаровались, посчитав хитрецом! Будь его власть, исход битвы был бы иным. Значит, хотя его стрела и не поразила те две мишени, в которые он целился, она все-таки была выпущена не напрасно. Его стрела неожиданно попала в третью мишень, которая оказалась и нужной, и полезной. Может оказаться... Эти мысли исцелили Абулхаира. Энергия и жажда деятельности опять вернулись к нему. Он знал, что не добьется своего до тех пор, пока не отомстит врагу за позор, за гибель джигитов. Но для мщенья нужны сильное войско и единый народ. Единый повод в руках одного человека. Без всего этого казахов ждут новые поражения и, кто знает, возможно, и еще большие потери. Однако... однако как осуществить свой замысел, который он считал единственно правильным?

До Абулхаира дошла весть, что с берегов Тобола в степь движется посольство и что оно не похоже на прежние посольства: едет неспеша, останавливается на ночлег чуть ли не в каждом ауле. Желая убедиться в достоверности слухов, Абулхаир послал навстречу русскому каравану своего младшего брата Мамай-султана. Сам же отправился к каракалпакам. Повод для поездки был – надо было успокоить этих разбойников, не оставивших русских в покое.

Абулхаиру очень хотелось показать русским, что он стремится к миру с белым царем. И что он – не чета Кайып-хану, который уже целый год не отпускает домой русского посла Федора Жилина.

В мае 1718 года русский посол добрался до аула Абулхаира на берегу Арыси. Вечером хан пригласил посла в свою юрту и долго вел с ним беседу.

Абулхаир ждал упреков за то, что в этом году наведывался с недобрыми намерениями к русской границе. Но посол не обмолвился об этом ни словом. Абулхаир знал, что завтра посольство доберется до Кайыпа и потому был очень осторожен в высказываниях. Зачем давать чужим устами возможность носить слова от одной орды к другой? Он обронил, будто невзначай, что на будущую осень собирается в поход на джунгар. О Кайыпе отзывался как о своем старшем брате. О том, что он не прочь

принять русское подданство, Абулхаир умолчал, не желая показывать, что перебегает дорогу Кайып-хану...

Посольство прибыло к Кайыпу. Он стал заверять русских:

— Мы не хотели подвергать опасности жизнь вашего посла Федора Жилина. Кругом свирепствуют джунгары. Вот снова сожгли наши аулы вдоль Бугена, Арыси и Шаяна. Зачем попусту рисковать жизнью? Зачем подставлять под пули голову?

Посол сделал вид, что поверил Кайыпу. В чем поведал русский посол по возвращении домой? Какое-то особое чутье подсказывало Абулхаиру, что он произвел на урусов впечатление человека более надежного, чем Кайып...

* * *

После мая 1718 года мечты и надежды Абулхаира, казалось, начали становиться реальностью. Но сколько поражений и разочарований предстояло испытать Абулхаиру!

* * *

Абулхаир поднял голову. Он и не заметил, как приблизился к заветному месту.

Кочевье плавно стекало в ложбину. Сейчас тут закипит жизнь. На тучном, словно круп жирной кобылицы, зеленом пригорке выроют очаги, рядом поставят юрты, соорудят коновязи. Со всех сторон сюда потянутся цепочкой люди. Тихая равнина заполнится голосами.

«Чем закончится вся эта суета, весь этот шум? Что ждет меня? Слава, которая до небес возвысит мое имя? Или позор, который не даст мне поднять перед людьми голову?.. Что будет вариться в тех котлах? Пища для веселого, раздольного пира в честь исполнения моих планов? Или пища для поминок? Поминок по мне, подставившему свою голову на съедение, потому что взялся за дело непосильное, новое, к которому не готов мой народ? Кто знает? Ждать осталось недолго».

— Владыка-хан, вдали показалась пыль! — услышал Абулхаир крик.

Недалеко от перевала и правда была видна пыль. Натянув повод коня, Абулхаир ждал. Ждал. Ждал. Потом стали отчетливо видны три всадника. Это были гонцы. Они принесли весть:

— Русское посольство уже вышло из Уфы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПОСОЛЬСТВО

...Петр Великий в (1)722-ом году, будучи в Персидском походе и в Астрахани, через многих изволил уведомиться об оной орде, хотя-де она Киргиз-Кайсацкая степной и легкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям она-де ключ и врата: и той ради причины она-де орда потребна под российской протекцией быть, чтоб только через их во всех азиатских странах коммуникацию иметь и к российской стороне полезные и способные меры взять.

Разные бумаги ген. майора А. Тевкелева об Оренбургском крае и Киргиз-Кайсацких ордах. 1762 год. Временник Императорского московского общества и древностей Российских. М., 1852, кн. 13, отдел III, стр. 45.

...Позади еще один перевал. Впереди еще одна гладкая как доска, голая равнина. Вдали – опять блеклая голубизна горизонта.

Двенадцать верблюдов и двести лошадей, навьюченных до отказа, телеги, повозки, всадники движутся и движутся, будто их кто-то заколдовал и ведет за собой в глубину такыров и песков. Сколько дней, сколько ночей они монотонно и упорно идут, оставляя на бесконечном своем пути глубокие и долгие следы!

Болит тело, ноют все косточки от тряски, слезятся глаза от неотрывного вглядывания вперед – до рези в глазах, до головокружения, до отчаяния! – в тщетной надежде увидеть хоть что-то непривычное.

Все напрасно! Глади не глади, напрягай глаза, рви нервы, сколько можешь, – перед тобой все та же картина. Небо – бесконечно синее пространство. Земля – бескрайнее серое пространство...

Миновало пять недель, как караван с посольством вышел из Уфы. И ни разу не появилось ни тучки, ни облач-

ка, не упало ни дождевки. Нависший над путниками белесый небосвод пялился на землю, словно бесстыжая потаскуха. Да и назвали-то небом это тусклое безграничное полотно те, кто в жизни своей, наверное, не видывал настоящего неба! Что с них возьмешь? Кочевники – они и есть кочевники! Напялят на головы лисьи шапки-тымаки и скачут целое лето, вздымая клубы пыли. В этой серой, как шкура издохшего ишака, степи невозможно различить, где небо, а где земля. А может быть, бог умышленно создал это беспределье столь суровым, навевающим тоску, изматывающим душу, ранящим глаза, чтобы чужестранцев мучить томительной скукой, нагонять на них гнетущую тревогу, выводить из равновесия. Чтобы заставить их, чужаков обличьем, одеждой, повадками, речью, горько пожалеть, что отважились пуститься в дорогу, и раскаяться в своих намерениях, планах и желаниях.

«Господи! Хоть бы что-то разломало, сокрушило это жуткое однообразие! – стонал про себя уфимский казак Сидор Цапаев, один из многих, кто сопровождал русское посольство к Абулхаир-хану. – Даже птицы щебечут тут на один лад. И греющиеся на солнце возле своих нор суслики пищат однообразно и тоскливо... Холмы, сколько мы их оставили позади, сколько их еще впереди! Дни наши тоже похожи один на другой. Сегодня – как вчера. И завтра – как сегодня!.. Одно и то же, о господи!»

Так мучился не один только Сидор Цапаев. Всем, кто вместе с русским посольством забирался все дальше в глубь степи, казалось, что караван движется вроде бы – и движется быстро – и вместе с тем будто не продвигается ни на шаг...

Впереди скакали десять дозорных, на флангах находилось также по десять всадников, в центре были сосредоточены люди, а также повозки с разным добром, навьюченные верблюды и лошади. Караван держался как сжатый кулак, никто не отставал. Кони ступали резво и уверенно. Гривы их развевались на ветру, словно боевые стяги... Потряхивая загривками, степенно вышагивали верблюды. И колеса телег вертелись, крутились, не останавливаясь ни на миг. Но ощущение было такое, будто караван не оставил позади ни версты.

«Сколько же можно топтаться на одном месте? Будто нечистая сила привязала нас к одному месту! И место это – унылая, пустая, неоглядная степь! – тоскливо вздыхал

Сидор. – Такой она была вчера и сегодня! И такой будет всегда! Как и двадцать пять дней назад, как и бездну лет назад и бездну лет вперед. Когда никого из тех, кто сейчас в пути, уже не будет, когда превратимся мы в прах!»

Когда кто-нибудь из уфимских казаков не выдерживал и спрашивал степняков, когда же наконец они доберутся до места, те отвечали им:

– Э-э-э, осталось совсем немного. До Иргиза отсюда совсем близко. Будем живы – через недельку доберемся. Эх, там уж нас ждет пир невиданный, большой-большой той! Великий той! Владыка хан ждет нас с нетерпением, уж он устроит нам угощение, какого ни вы, ни мы отродясь не видывали! Отведаете красного куырдака и рыжего кумыса, так забудете о всякой усталости! Станете опять свежими, бодрыми! Как резвые жеребята!..

«Вот болтуны, вот бахвалы! Сулят нам чуть не райские кущи! И на мягкие ковры тебя уложат, и укроют одеялами, и жареным, и вареным мясом до отвала накормят! – глотал слюнки Сидор. – Уже, почитай, шестую неделю слушаем их сказки, а кроме монотонной рыси, от которой аж все косточки болят, – ничегошеньки! Та же противная теплая вода из жестяного котелка. Те же черные сухари, хранящиеся в холщовых сумках. «Через недельку»! Аж кипишь от злости, а на ком ее выместить, не знаешь! Обматерить оставленную дома жену – за ней, бедняжкой, нет никакой вины, кроме того, что она выстирала тебе же одежонку и твои же портянки... Обругать коня – так он, друг сердечный, старается вовсю, обливаясь потом, вон весь в мыле!.. Задеть злым словом царицу-матушку, так это уж совсем грех перед богом! – рассуждал Сидор и этими своими сердитыми размышлениями отвлекался от усталости и тоски. – Да-а-а, интересные события, странные вещи творятся на свете. Гутарят люди, что в царицыной постели, куда может поместиться целый взвод, место есть лишь для немца, который безжалостно коверкает русские слова. Не для русского человека, привычного к водке да соленому огурцу... Уж не эти ли самые немцы, не они ли, проклятые, погнали сюда посла и нас, подневольных, к какому-то неведомому хану этого бродячего народа. Неизвестно еще, существует ли народ этот? Разве могут обитать в голой степи, в этом аду, люди? Тем более – целый народ!.. И что потерял здесь Бирон? Недаром ведь на Руси толкуют нынче: если на

русской сторонешке случился выкидыш у брюхатой коровы, или, например, забрюхателя яловая свинья – стало быть, на то была воля этого пройдохи. И еще добавляют: все, что ни происходит в любом из уголков огромной нашей империи, происходит с ведома и по капризу этого немецкого пса... Эту муку для нас, наивных русских простаков, тоже удумал Бирон. С умыслом – чтобы по одному сжить со свету, погубить доверчивых русских солдат. Несутся они по его приказам, куда ни пошлют, гибнут от кривых сабель кровожадных басурман! – мысли жгли Сидора пуще солнца. – Ходила молва, что недавно сотни русских людей, следовавших в Хиву под предводительством какого-то черноусого, чернобородого нехристя, полегли от злодеев в этой проклятой стороне. Полегли сердечные, лежат в чужой земле, без креста в изголовье! Кто знает, может, и нам уготована та же участь? Эти степняки в лисьих треухах, да и хитрые башкиры тоже, могут в любой момент отрезать нам головушки, оставить бездыханных валяться под кустами! Не верю я им, нет у меня к ним доверия, уж больно добры они и улыбчивы: прямо ангелочки после молитвы!

А посол, вельможа с золотыми погонами, что трясется в карете, и он, слышать, не из русских. То ли калмык, то ли ногаец, то ли татарин или кайсак. Одним словом, проныра, у которого шестьдесят шесть праотцов и семьдесят семь праматерей и русского духа-то никогда не нюхали.. Будто оскудела Россия, не осталось будто в ней русских людей, способных и дела вершить, и головой думать! Кругом одни немцы да туземцы! Будто мы без них пропадем. И-и-и, да что толковать! Разве мало у нас всяких нахлебников, которые, знай себе, сосут нашу кровушку и опустошают нашу казну! Теперь вот эти дикие степняки на нашу голову! Пожелали, видите ли, чтобы мы взяли их под свое крыло да кормили-поили! Что нужно здесь нам, русским людям, в этой пустыне? Разве взяться собирать шкурки дохлых ящериц? Ничего более пригодного я что-то здесь не приметил!

Сколько уже дней едем и едем, не щадя себя и лошадей! Карета тоже катится, ни на миг не останавливаясь! Лисьи треухи говорят без передышки, им все нипочем в этой их бездонной дыре! И как только языки у них не заболят? Вон тот плут опять поднял свою камчу и куда-то тычет ею, показывает что-то петербургскому вельможе,

должно быть, успокаивает: осталось, мол, чуть-чуть, перевалим ту гору и выедем к полноводной реке!.. Может, кто другой и не знает, какие у них горы и реки, но мы-то их видели! С тех пор как из Уфы выехали, переваливали через столько «гор»! Переплыли не одну «реку»!.. Удивительный, чудной народ! «Видите, впереди синее гора? – спрашивают. – Она называется так-то!..» Глядишь издали, вроде и правда – гора. Надеешься, что у ее подножья журчат родники, растут густые травы и кустарники. А приблизишься, «гора» эта – всего лишь пологая сопка: прижалась к земле, как наш брат-солдатушка прижимается к своей ненаглядной бабе после долгого похода! Такие вот у них «горы»!

Реки... Что говорить – лужи это, лужи!.. Которые остаются после привала одного эскадрона. У степняков этих любая лужа, через которую не может перепрыгнуть козленок, – уже озеро! Любой холм чуть повыше кустика – гора. Одному богу ведомо, сколько всего числом этих дикарей, которые именуют себя народом? Кто он такой есть, их «владыка-хан»? Уж больно они им гордятся, все время только и слышно: «Наш владыка-хан, наш владыка-хан!» Небось тоже какой-нибудь разбойник!..

Наши, в царском дворце, тоже хороши! Вместо голов у них – капустные кочаны, ей-богу! Мало им французов, англичан, немцев, шведов... Гонят послов на край света, ведут переговоры с этими треухами! Делать им, ясно, нечего от скуки!

Этот басурман-посол небось кичится тем, что его снарядила сюда сама царица-матушка. Считает, небось, что от его шагов земля содрогается... И эти, такие же, как он, басурмане, вертятся вокруг него, увиваются, в глаза заглядывают, словно встретили одного из апостолов Христа. Ей-богу, забавляются, будто дети. Или юродивыми прикидываются. За что я-то страдаю? И чего это бог так расщедрился ко мне, оказал «милость» стать участником этой торжественной поездки, тьфу, чтоб ее вовсе не было! Предки мои никогда не знавали почета, и кто ведает, из какой русской глуши они вышли. Чего только не вытерпели они, куда только не заносила их судьба!..

Э-э-э, что я себе зря душу растравляю, придумываю сам себе головную боль! До всего-то мой нос дотянуться хочет! – досадливо поморщился Сидор. – Стану богом – исправлю мир! Стану царем – заведу свои порядки в им-

перии! Отосплюсь-ка я лучше, пока мы не добрались до белой орды «великого хана». Наобещали, разбойники, нам, разрисовали тут райские кущи». – Сидор Цапаев прыгнул на телегу, растянулся, прислонился головой к мешку с солью и задремал.

Едва он сомкнул веки – как оказался у себя во дворе, на окраине Уфы. Около избы – Устинья. Расцвела как маков цвет. Щеки пылают румянцем, глаза горят. Место пониже спины, обычно-то неприметное, налилось, округлилось. Сидор глазам не поверил, усомнился – его ли это Устинья? Уж не заглянула ли навестить ее пышная Марфа, жена хорунжего Безрукова?

«Сидор Ефимович, никак вы? Чтой-то быстро воротились! Я и не ждала, и не чаяла...» – нараспев будто завлекая, произнесла женщина. Голос был его жены.

Очень хотелось Сидору обнять сиявшую какой-то новой красотой жену, однако его, как огнем, обожгло недобрим подозрением. Сидор еще крепче сжал в руке плетку, начал грозно надвигаться на жену...

Да разве люди в наше время могут не помешать человеку? Ни за что не дадут ему вытрясти душу из его же благоверной, данной ему богом половины!

Кто-то стал дергать Сидора за плечо. Жены как и не бывало – точно сквозь землю провалилась. Где же она, куда подевалась с ее подозрительной и влекущей, прямо-таки греховной красотой?.. Потеряв надежду еще разок взглянуть на Устинью, Сидор приоткрыл глаза. Над ним навис рыжий казак.

– Сидор Ефимович! Сидор Ефимович! – теребил он товарища.

– Да чтоб тебе провалиться! И тебе, и отцу твоему произведшему на свет белый тебя, рыжего черта!..

– Зачем вы бранитесь понапрасну! Поглядите-ка лучше вон туда! Туда, левее! Там что-то показалось! Что бы это могло быть?

– Пусть себе. Мне-то какое дело? Может, это могила твоего деда, известного бродяги? Ведь он распрощался с жизнью возле костра кочевников...

– Не надо возводить хулу на покойника, Сидор Ефимович! Разве ж не грешно так зло шутить?

Не только Сидор, весь караван уставился в одну точку, устремился к ней. Люди приблизились к небольшой насыпи, которую кому-то пришло в голову соорудить здесь.

Все обрадовались этой насыпи, она ласкала глаза путников, уставших от однообразия. Сложив крылья, на ней восседал степной беркут. Восседал величаво, невозмутимо, словно не было и не могло быть во всей этой огромной степи ни единого существа, способного причинить ему зло. Беркут даже глазом не повел, когда люди подошли к насыпи.

– Ишь какой надменный, чертяка!

– Будто мимо него не караван шествует, а какие-то незримые духи!

– Господи, да зачем мы ему? Табак ему наш не нужен... Он совсем нас не боится! Ни капельки!

– Давайте проверим! Давайте слегка припугнем его! Несколько человек сорвали ружья с плеч. В песок полетели пули. Не понимая, что происходит, беркут лениво повернул шею в сторону всадников, пару раз медленно взмахнул крыльями и опять замер.

– Гляньте-ка на красавца, каков, а?

– Давайте еще постреляем! Может, испугается! А ну, братцы, пали!

Рядом с птицей стали взметываться вверх столбики пыли. Беркут посидел, посидел, потом взмахнул крыльями и, резко оттолкнувшись, взмыл в небо. Он парил высоко-высоко, а потом вдруг камнем полетел вниз, застыл над караваном. Люди были поражены: совсем не боится их птица, ни их, ни темных дул ружейных. Нависает над ними и снова устремляется вверх. Падает вниз и опять застывает над головами.

Испугавшись этой темной загадочной птицы, один солдат не выдержал, поднял ружье и прицелился. Однако выстрелить не успел. К нему подскакал пожилой казах – один из тех, кто неотлучно пребывал возле вельможной кареты, – и наотмашь вытянул его камчой. Солдат упал, выронил ружье, и оно, ударившись о землю, выстрелило.

Солдат вскочил, выхватил саблю, бросился к обидчику. Но хорунжий Безруков преградил ему дорогу.

Казаки не понимали, о чем так гневно говорит широкоплечий смуглый казах, но они видели его яростное лицо и тотчас же схватились за ружья. Лишь рыжий, который недавно тряс Сидора за плечо, оставался безучастным к этой внезапно вспыхнувшей ссоре. Он вынул из-за пазухи тетрадь и начал что-то в нее записывать, время от времени поглядывая на беркута.

Наблюдая за своими товарищами, раскрывшими от изумления рты, и за казаком, который никак не мог успокоиться и дрожал от гнева, Сидор Цапаев покачал головой и усмехнулся горько и недоуменно.

* * *

Был конец августа, и он давал о себе знать. По утрам было прохладно, в полдень сгущалась жара. Запахи степных трав начинали вытесняться душной вонью прогретой солнцем кошмы, тряпья, дегтя на колесах повозок, сырости, лошадиного и человеческого пота, табака.

Посол почти задыхался он этого чужого и неотвязного запаха. Случай с беркутом лишил его сна и покоя. Слава богу, хоть умолкли, притихли словоохотливые казахи, истерзавшие его уши своими разговорами с того самого дня, когда русское посольство покинуло Уфу. Тевкелев совсем истомился от необходимости все время говорить по-татарски и по-казахски.

Казахи сердито хмурились, уставились на высокую гряду вдалеке. Суиндык-батыр и вовсе потемнел лицом после того, как огрел камчой русского казака. Рядом с батыром скакал ясноглазый, с птичьим носом Мухамбетжан-ходжа. Он с беспокойством переводил взгляд со своего мрачного спутника на глубоко задумавшегося русского посла.

Перед мысленным взором Тевкелева стоял Суиндык, его вспыхнувшее яростью лицо в тот момент, когда он увидел, как солдат вскинул ружье. Суиндык резко оборвал разговор с послом и, пришпорив коня, кинулся к солдату.

«Да, печально все это, не случайно и опасно очень! — думал Тевкелев. Сейчас, когда казахи молчали и он получил наконец возможность спокойно поразмыслить, он почувствовал себя легче и непринужденнее. — Этот крошечный, рассыпанный но безбрежной степи народ привык, судя по всему, считать, что обязан оберегать от чужаков дичь, зверье, любую тварь... Все и всех обитающих здесь. Не способны, не могут защитить себя, спасти свои лихие головы от врагов, зарящихся на их землю, вынуждены к российской защите обращаться, и вот выкидывают эдакие штуки! Странные люди, непонятный народ. Обиделись на глупую выходку перетрусившего солдата. Верно говорится: не подходи сзади к коню, нрав которого не знаешь... Пишут прошение: примите, мол, в

подданство, будем друзьями и союзниками, шлют к нам с края земли послов, а сами из-за пустяка выходят из себя! Горячие, необузданные головы...

Чему, впрочем, я изумляюсь? Не только два народа – двух смертных свести трудно, заставить жить в мире и согласии... Однако что же за сила заставляет эти два народа тянуться друг к другу? Облик, язык, вера и корни – все разнится. Что же тогда?»

Тевкелев немало повидал, немало уразумел, находясь на царской службе. Поэтому-то и охватила его дрожь, когда на службе, в Коллегии иностранных дел его известили: «Вас вызывает вице-канцлер Остерман». Первой мыслью Тевкелева было: с кем бы посоветоваться, к кому обратиться за разгадкой этого грянувшего как гром среди ясного неба вызова. Однако, прикинув, что в Коллегии никто из влиятельных людей не благоволил к нему особенно, Тевкелев решил воздержаться от расспросов.

На улице мимо него прошел высокий человек с пышными светлыми усами. Бережно, словно младенца, он нес в руках кипу свитков. Тевкелев тотчас же вспомнил о Кириллове – обер-секретаре правительствующего Сената.

Кириллов был выходцем из бедных крестьян и положения своего достиг трудолюбием, прилежанием и знаниями. Был он человеком осторожным, не всякому раскрывал объятия: жизнь научила.

«Примчусь я к нему взбудораженный, ну и что? Хорошо, если даст совет, – колебался Тевкелев, – а если – нет, ничего мне не ответит, промолчит? Человек он надежный, умеет держать язык за зубами, не станет расписывать другим то, что ему доверишь. Нет, не станет. Ивану Кирилловичу довериться можно!»

Их связывали взаимное уважение, интерес и понимание. Кириллов и Тевкелев никогда не выставляли напоказ свои чувства, но оба ими дорожили. Был и обычай: когда Тевкелев возвращался из дальних странствий, прежде всего он навещал Кириллова, ему первому рассказывал о том, что увидел и услышал в чужих краях.

Дом Кириллова был завален бумагами и книгами. Куда ни взглянешь – всюду свитки, бумаги, книги и географические карты. Больше всего в доме было, пожалуй, карт.

Однажды Иван Кириллович развернул перед Тевкелевым одну из них и сказал:

– Алексей Иванович, вся надежда на вас! Вашим словам и познаниям верить можно. Помогите мне разобраться, где находится река Сагыз – к востоку от Яика или к западу? – Он прервался, загадочно улыбнулся и продолжал: – Приключился тут у меня курьезный случай. Пожаловал ко мне один приятель, просидели мы с ним целый вечер, выпил он отменно. На мой вопрос о Сагызе ответил так: «Сагыз течет на востоке от Яика!..» На другое утро спозаранку кто-то давай колотить в мою дверь. Открываю – а это мой вчерашний приятель. И прямо с порога – каяться: «Иван Кириллович, вчера я, кажется, погрешил против истины. Пришел домой и все думаю: где же она, эта самая, гори она ярким пламенем, река? Вроде бы все-таки – на западе от Яика. Ведь почему я напутал-то? Беда или вина моя проистекает от тамошних казаков. Они, яицкие казаки, когда я был там у них, так мне обрадовались! А все почему? Потому что я христианская душа! Да и то сказать: так им опостылело лопотание басурманов в ушастых шапках, что они досыта наговорились с нами по-русски. А какая беседа без водки?.. Ведрами носили нам черную икру, горами клали ее перед каждым, а уж водки было, водки!.. Столько всего было, что я пожалел: почему бог так неразумно создал нас? Дал бы нам шесть желудков да шесть ртов, тогда бы мы могли управиться со всем этим изобилием!.. Очухался я от жуткого холода. Открываю я глаза – а вокруг вода, да еще с быстрым течением. А я – посредине реки, в одежде прямо, как был. Начал я тонуть, глубока и стремительна была та река! Уж не знаю, в брюхе какого сома очутился бы я и орал там благим матом, только когда нахлебался я воды, эти ироды, которые гоготали на берегу, вытащили меня на берег. Чего только не ляпнешь со стыда! Вот я и ляпнул: «Ох, и студеная вода в этом Яике! Аж ногу судорогой свело!..» Бормочу чепуху всякую, а сам выжимаю мокрую одежду, прикрываю срамное место верблюжьей попоной. А ироды те еще больше потешаются: «Что ты мелешь, Прохор! О каком Яике толкуешь? Это же Сагыз!»

Оказывается, я три дня на арбе дрых, словно на перинах в доме у тещи. Да еще у такой тещи, которая от радости, что я взял в жены ее засидевшуюся в девках дочь, не знала, как угодить мне. Словом, спал, лежал, что бревно, в тряской арбе. Спутники мои потеряли надежду, что я сам приду в себя, взяли меня за рученьки и ножень-

ки и бултых в полноводную реку... До сей поры не могу припомнить, когда все это со мной приключилось – на пути к Хиве или на пути из Хивы...» Вот так-то, Алексей Иванович! – хохотнул Кириллов. – Вы, уверен, не перепутаете, где Яик, а где Сагыз! – от души рассмеялся он...

«Эх, нет сейчас у меня никаких новостей для Ивана Кирилловича, – пожалел Тевкелев. – После кончины царя Петра никуда я не выезжал, лишь однажды дня три сопровождал джунгарских послов. Вот досада, не догадался вызнать у них что-нибудь из географии. Ну ладно, будь что будет!» – решил он и отправился в Сенат.

Палата, в которой располагался Сенат, была полупустой. И тому была причина. В салонах Парижа и Лондона выдавшие виды дипломаты развлекали дам рассказами и анекдотами из русской жизни: «Нет в мире человека, который не был бы осведомлен, что в России есть царица, есть Бирон и есть Сенат. Всем известно, зачем царице Анне Иоанновне империя потребна, зачем потребен Бирон, но ни одна душа не ведает, зачем ей Сенат!» В просторном помещении Сената почти никто не появлялся. На месте всегда исправно был лишь обер-секретарь Кириллов...

Тевкелев застал его задумчиво стоявшим перед развернутыми обшарпанными рулонами бумаги. В одной руке – линейка, в другой – перо. Кириллов не обернулся, пока Тевкелев не подошел к нему почти вплотную.

«Господи, а если бы сюда пожаловала сама царицатаушка, вот был бы конфуз! Как он только достиг своего обер-секретарства?» – промелькнуло в уме Тевкелева.

– Ну, путешественник, и куда же ныне готовитесь вы направить ваши стопы? – приветствовал его Кириллов.

– Что же вы имеете в виду?.. Я еще... – вырвалось у взволнованного Тевкелева.

– Да что это вы эдак всполошились?

– Не всполошился, Иван Кириллович, – обрадовался. Я к вам с известием...

– Тогда докладывайте!

– Меня вызывает Остерман! Теряюсь в догадках, ломаю голову – зачем я ему понадобился?

– Чего же ломать голову, тревожиться! Остерман, слава богу, не Ушаков. В наше время лишь бы начальник тайной канцелярии не вызывал!

Тевкелев огляделся в испуге по сторонам:

– Боже упаси, Иван Кириллович!

– Вот и я толкую о том же... Ну, а коли вызывают, надобно идти. У нас ведь в России как? Дважды вызывать да приглашать не принято. Если не принять, что дают в первый раз, потом можно горько раскаяться...

Тевкелев, пораженный, поднялся со стула. Всегда немногословный на службе, Кириллов сегодня был не просто разговорчив, но откровенен. «Уж не проверяет ли он меня? Сейчас бушует пламя яростное и беспощадное – пламя доносов и оговоров. Достаточно кому-нибудь произнести роковой девиз: «Слово и дело!», как обвиняемый оказывается в застенке или в ссылке. Скольких Ушаков сослал, скольких казнил – среди них вельможи не чета ему, Тевкелеву! Так доверие оказывает мне Кириллов или чинит проверку? Нет, нет, не может быть худого от такого человека, как Иван Кириллович!»

Кириллов же будто забыл о своем госте. Окунул перо в чернила, склонился над бумагами.

Во власти страха, неуверенности и внутреннего напряжения Тевкелев добрался до дома Остермана.

Вице-канцлер был мишенью для шуток и сплетен как в Петербурге, так и в Париже, Лондоне и других европейских столицах. От любой бумаги, исходящей из царского дворца, утверждали острословы, пахнет пирогами, испеченными супругой Остермана. Вице-канцлер выходил из дому лишь по вызову царицы, все дела он вел дома.

Дверь Тевкелеву открыл сутулый бледный юноша. Увидев посетителя, юноша растянул рот до ушей. Сердце Тевкелева екнуло. Жизненная мудрость гласит: не только слуги, даже псы людей, облеченных властью, ничего не делают зря – и лают, и виляют хвостами в зависимости от того, нахмурился или улыбнулся их хозяин. Отчего же у этого бледного юноши с волосами как бесцветная пакля, рот растянут до ушей? Улыбка это или оскал?..

Стуча по каменным ступенькам башмаками, юноша очень долго вел за собой Тевкелева. Когда они оказались перед высокой дубовой дверью, юноша оставил посетителя в одиночестве.

Тевкелев перешагнул через порог, и тотчас же кто-то незримый заиграл на свирели – мелодия была веселая и нежная. Он в растерянности остановился, оглянулся на легкий шум: из глубины зала на него надвигалось громоздкое кресло на колесах.

В кресле сидел человек будто без возраста и пола, бесцветный и неприметный. Какой-то странный, необычный на вид. Худым его не назовешь – он еле вмещался в каталку. Полным тоже не назовешь – лицо костлявое, изможденное. О росте и телосложении судить трудно: руки длинные, а вот шея и голова покоятся на низкой спинке кресла. Глаза в густой сети морщин, но блестят молодо, как и белые зубы.

– Проходите, господин Кутлык Мамет Мамашев! – прозвучал бодрый, энергичный голос.

Собственные имя и фамилия резанули ухо, показались Тевкелеву незнакомыми, чужими какими-то. В столице никто не называл его мусульманским именем, а величали на русский манер Алексеем Ивановичем Тевкелевым. Он не ожидал, что его первородное имя, которое он и сам-то почти забыл, известно вице-канцлеру.

– Я слышал от людей, что вы знаете наизусть коран, ведь вы мусульманин?

– Нет, я христианин, прихожанин православной церкви.

– Да, да, конечно, у нас нет никакого сомнения в том, что вы истинный православный. – Остерман выдержал красноречивую паузу. – Вы, должно быть, недурно знаете и Уфу. Вы ведь из тех мест?

– Да, мои предки – выходцы оттуда.

– Тогда, господин Кутлык Мамет Мамашев, почему бы вам не посетить земли ваших предков, не отдохнуть там, а? – хитро прищурился Остерман и долго не спускал глаз с собеседника.

Тевкелев едва унял нервную дрожь: «Что ответить, как реагировать на слова вице-канцлера? Что это значит – отдохнуть на земле предков? Отдохнуть в пору, когда представители знатных родов, считавшиеся еще недавно золотыми столпами империи, сделавшие Россию великой Россией, гниют заживо в темных подземельях монастырей у Белого моря? Когда ссылка в далекие края почитается благом – все лучше, чем смерть от руки палача... Стало быть, бог не забыл его, приبلудного толмача, сжалился над ним! Значит, он вызван сюда не по доносу какого-нибудь недоброжелателя, не по оговору: «Слышал собственными ушами, как толмач Коллегии иностранных дел господин Алексей Тевкелев в давнем калмыцком и недавнем персидском походе или во время экспедиции

Бековича-Черкасского изрыгал хулу на императора или империю или еще на кого-то или что-то!..»

Тысячу раз благодари, Тевкелев, бога милостивого, милосердного, что направишься не на суровый Север, а под опеку уфимского воеводы. По нынешнем временам – все благо, все удача, кроме топора палача и петли на виселице.

Не тyani, не медли, воскликни: «Слушаюсь и повинуюсь!» Ибо стоишь ты и дрожишь перед Андреем Ивановичем Остерманом, третьим в империи человеком, одним из держателей судьбы России, хоть и сидит он в кресле закутанный в пуховый платок и не поймешь сразу – мужчина перед тобой или баба... Вице-канцлер, граф Андрей Иванович Остерман перед тобой: кланяйся и соглашайся и благодари!..»

– Ваше сиятельство, готов отправиться туда, куда прикажет ее величество государыня!

– Конечно, конечно, – равнодушно обронил вице-канцлер. Закрыв глаза, задумался, будто задремал даже. – Отправляйтесь, голубчик, к себе в Коллегию, – голос Остермана зазвучал неожиданно тепло. – Ступайте, там узнаете обо всем. Будьте здоровы, голубчик!

Тевкелев вышел из зала как во сне. Он тихонько прикрыл дверь, оборвалась игра свирели, и перед ним как призрак возник ухмылявшийся белобрысый юноша.

Когда Тевкелев оказался за узорчатой железной оградой дома Остермана, до него опять донеслась веселая нежная мелодия.

Все, что произошло с ним сегодня, было загадочно, неправдоподобно, нереально. Кириллов начал загадкой, Остерман загадкой и кончил.

Постепенно мысли Тевкелева обрели ясность, и он успокоился: его ждет дальняя дорога по делам и, судя по тому, что беседовал с ним вице-канцлер, по делам важным. Очень важным. Тевкелев еще раз возблагодарил бога за то, что голова его осталась пока целехонькой. Значит – суждено ему еще ходить по этой земле.

...Так вот и привели Тевкелева те загадочные разговоры в эту бесплодную, бескрайнюю степь.

Степи были для него не внове. Его предки вышли из башкирских земель, приняли христианство, постепенно обрусели и уже долгие годы служили русским царям. В любом деле, имевшем касательство к отношениям России

с восточными странами, все Тевкелевы были царям советчиками, ходили в первых толмачах.

Особенно продвинулся по службе Алексей Иванович. Надобно кого послать в Персию, Крым, к туркам, башкирам, калмыкам – первым на ум сиятельным вельможам приходил он. Вот, оказалось, и к казахам, когда возникла к том нужда, послали его.

Куда только не приводила Тевкелева служба! Все дороги от Уральских до Кавказских гор изъездил он. Был и в числе тех, кто сопровождал Петра Великого в Азов, в персидском походе. Шесть месяцев гостил в орде калмыцкого хана Аюке, вместе с мурзой Даулеткереем изучал северное и восточное побережья Каспийского моря. Пролегали его маршруты и через казахские степи. И вот снова он едет по казахской земле. Что ждет его там? Неизвестно. Внимательно, не упуская ни единого слова, Тевкелев слушал рассказы сопровождающих его посланцев хана, их разговоры между собой. Но рассказы рассказами, а он имел обыкновение не принимать на веру чужие слова и чужие суждения. Увидит все своими глазами, тогда и делает выводы.

По прихоти судьбы казахи были народом, с которым Россия имела давние и тесные отношения, и все же народом, мало ей известным. О казахах в России знали мало, даже называли их в империи по-разному: и казахами, и кайсаками, и киргиз-кайсаками. Русские люди, побывавшие когда-то в степи, оставляли о казахах рассказы и суждения противоречивые и путаные.

Одни считали их смелыми и отважными, другие – трусливыми. Одни писали, что казахи искренние и правдивые, другие же, наоборот, ругали за лживость: «О земле недосыгаемой им ничего не стоит сказать – да вот она, под носом!..» Чего только не было сказало об этом народе: опрометчивые, как дети; коварные, как змеи, даже копьем не прощупаешь, что у них на уме; числа им нет; мало их, что волос в жиденской бородачке... И правит-то ими один хан, умный и властный... И ханов-то у них, что холмов песчаных... И живут-то они, не признавая ни хана, ни бога, ни черта, ладят лишь с диким зверьем в своей дикой степи... И вообще-то, хоть сами они двуногие, в развитии своем недалеко ушли от четвероногих...

Поистине, россияне не имели более незнакомого и загадочного соседа, чем казахи. И разгадать этот народ для

империи, понять его судьбу, кажется, поручила ему, мурзе Мамету, Алексею Тевкелеву...

Посол очнулся от задумчивости, поднял голову. Глаза его вновь увидели плоское, голое однообразное пространство. Оно чем-то напомнило ему морскую гладь, наверно, своим полуденным воздухом, дрожащим и колыхающимся. Степь огромна – дух захватывает от этой колыхающейся неоглядной пустоты. Она пробуждает в нем воспоминания о чем-то существенном, важном, что происходило с ним когда-то. И рождает испытанное им когда-то ощущение огромности, необъятности – и страха перед этой огромностью и необъятностью...

Да, да, конечно, было это во время персидского похода, в 1722 году.

Синий простор Каспия закрывали собою белые паруса следовавших друг за другом русских кораблей. Почувствовав дурноту от тошнотворной смеси табачного дыма, лекарств, спертого воздуха, Тевкелев выбрался из трюма, переполненного ранеными, на палубу. Он подставил грудь встречному ветру, жадно дыша свежим воздухом, любясь чистотой, первозданностью моря.

С флагманского корабля спустили лодку. На веслах сидели десять бравых гребцов. Они стали быстро приближаться к носу корабля, на котором находился Тевкелев. Лодка подплыла к самому борту, и один из гребцов закричал во все горло:

– Толмача Тевкелева – к государю!

Сердце Алексея Ивановича бешено заколотилось. Он спустился по веревочной лестнице в лодку. Каждый раз, когда царь Петр вызывал его к себе, Тевкелев испытывал сладкий ужас.

Несколько дней на море штормило, но теперь Каспий успокоился. Еще вчера свирепствовавшие могучие волны ласкали сегодня борта стремительных русских кораблей, льнули доверчиво, как дети... День был на удивление тихий и ясный, море – спокойное и умиротворенное...

Царь был хмур. Уперевшись длинными ногами в борт, сплетя пальцы рук, он стоял в глубокой задумчивости. Однако шаловливому морскому ветру насупленные брови государя, видно, не указ – знай себе налетает, теребит, лохматит его усы и волосы.

– Подойди ко мне! – позвал царь Тевкелева.

– Слушаюсь, ваше величество!

Царь резко вскинул голову. Вперил острый взгляд в обветренное смуглое лицо толмача:

– Что знаешь о том берегу? – спросил угрюмо, показав подбородком на восток.

Тевкелев принялся торопливо перечислять все, что знал о калмыках, казахах, туркменах и хивинцах.

– Мне нужны подробности о киргиз-кайсаках! – еще больше посмурнел государь.

– Ваше величество, они тоже кочевники. Скитаются днем по степи, ночуют в ложбинах. Перекати-поле, а не народ... Слышал, что они еще глупее и более дикие, чем другие кочевники. Скот считают единственным богатством на свете. Сытость – главная их цель...

Усы царя нервно шевельнулись: усмехнулся, то ли киргиз-кайсаки вызвали его усмешку, то ли он, толмач...

– Ну, а земля? Земля какова? Сколько ее?

– Хотя бог во всем другом обделил их, земли отпустил предостаточно. Пески, солончаки хороши для скота... Киргиз-кайсаки не сеют, не землешцы. Зерно они получают в обмен на шерсть и шкуры у оседлых народов в Хиве, Бухаре, Ташкенте и Самарканде. – Тевкелев повторил слово в слово то, что случайно недавно вычитал где-то.

– Значит – граничат с этими странами!

– Граничат, ваше величество!

– А с Яркендом?

– И с ним они близкие соседи.

Царь снова усмехнулся – поддобрее.

– Выходит, как ни глупы эти кочевники, а держат в своих руках ключи от золотых ворот Азии... Уши Тевкелева побагровели, запылали.

– Так точно, ваше величество! – охрипшим от волнения голосом поддакнул он.

– А каковы же они числом?

– Этого я не знаю, ваше величество.

– А надо бы знать, Тевкелев. Если бы нам удалось взять под свою опеку, в подданство российское, хотя бы миллион этих кочевников, у нас не было бы надобности каждый год воевать с этими персами да турками. Ключи от золотых ворот Азии перешли бы в наши руки. Киргиз-кайсацкие степи – это один из прямых путей, к богатствам Индии и Яркенда!.. В будущем, конечно, в будущем... Но не забывай о нашем разговоре, Тевкелев! Не забывай!

Царь удалился широкими шагами.

Не прошло и трех лет, как государь преставился...

Тевкелев крепко запомнил слова великого царя. Все бумаги и книги, где хотя бы упоминалось о казахах, он читал и перечитывал. Об этом знал Иван Кириллович Кириллов. Когда возникла государственная нужда в после к казахскому хану, он назвал имя Тевкелева. Алексею Ивановичу стало известно об этом перед самым отъездом из Петербурга.

...Тряска вконец измучила Тевкелева. Дорога, казалось, никогда не кончится и никуда не приведет... Нет, приведет, приведет всенепременно!..

Сближаясь духовно, люди становятся друзьями. Сближаясь интересами, делаются приятелями. А народы? Что может их сблизить?

Какая есть связь, пусть незримая, между теми народами, посредником которых ему выпало стать? Один исповедует христианство, другой – мусульманство. Один оседлый, другой – кочевой. Один – европейский, другой – азиатский. Один – большой, очень большой, другой – малый. Один известен во всем мире, не только в Европе, другой и в самой-то Азии многим неведом...

Что же тогда может объединить оба эти народа? Они граничат друг с другом. Близость земель, которые пронизывает одна стужа, жжет один зной, не может не сблизить судьбы и интересы двух народов. Там, где нет общих интересов, бессильны родство, язык, вера, традиции...

Если бы решающей была, к примеру, близость языка и веры, то монгольские народы – джунгары и халкинцы – не истребляли бы друг друга так беспощадно, как они это делают. Общность крови, расы, обычаев.

Тогда казахи искали бы союза с джунгарами, а не с русскими... Где нет общих интересов – сопредельные границы и близкое соседство не помеха для междоусобиц и вражды, скорее – наоборот.

К самому надежному единению люди, народы и государства приходят, когда у них есть общие интересы. Если когда-нибудь придут на землю благословенные времена и все человечество станет единой семьей, а все люди – что дети одной матери, они, эти времена и это единство, станут возможными только через общие интересы.

Ремесло, именуемое дипломатией, появилось в мире, когда возникла потребность найти общий язык между странами и народами. Интересы большого и малого на-

родов тоже могут совпадать, как и интересы передового и отсталого. Разумеется, большая держава стремится к преимущественному положению, малую же вполне устраивает быть равной с подобными себе. Большая стремится быть победителем всегда и во всем, малая – выжить, выдержать натиск других. Большая, конечно, может добиться своего силой, малая же – лишь умом, хитростью и гибкостью. И если малая ведет себя мудро, умеет сочетать свои интересы с интересами и стремлениями большой державы, она своего не упустит, будет в выигрыше...

Когда бы в мире решала только сила, разум и знания давно бы уже изжили себя или их сжили бы со свету. Там, где большинство давит числом, меньшинство должно действовать умом, поднатужиться мыслью. Изворотливый ум необходим правителю малой страны не меньше, чем полководцу со слабым войском или купцу с тощим карманом. Упрямый и надменный правитель, не умеющий взвешивать, учитывать свои возможности, не принесет добра и мира своему народу и себе. Непомерная спесь губит даже сильного. Слабый, но с гибким и цепким умом может преуспеть. Недальновидно ставить свои интересы превыше всего, забывая об интересах других. Надо искать пути и тропки к взаимной, обоюдной выгоде...

Две заинтересованные друг в друге стороны не должны считать, что одна из них – корова, а другая – теленок. Если обе они почувствуют себя телятами-близнецами, они смогут дружно припасть к вымени одной общей матери... Если прожорливое меньшинство пытается превратить радушное большинство в смиренную дойную корову, оно непременно потеряет зубы... Если хищное большинство начнет пить соки из слабого меньшинства, от него отвернутся, как от бугая, сующего голову под теленка.

Общие интересы – что единая мать. Она добра и щедра тогда к тем, кто тянется к ней нежными губами, а не острыми зубами...

Государству необходимы и хорошо снаряженное войско, и дальновидная, сметливая дипломатия... Кто в Европе, в начале пятнадцатого века особенно, знал Россию? Та же самая Россия в конце того же века в той же самой Европе обрела славу страны-легенды, не сходила с уст королей, герцогов, князей... Авторитет ее поднялся столь высоко, что дочь византийского императора была отдана в жены русскому государю... Грозная Казань упала к но-

гам Москвы, склонившись до земли. Ливонские рыцари бежали из Московии, словно щенки, огретые дубиной.

Территория Московского княжества в пору Ивана Грозного занимала немногим более полумиллиона квадратных миль. А ныне? Западная граница империи уперлась в Балтийское море, северная – в Белое, южная – в Черное. Недалек час – и восточная пройдет по океану великому.

Неужто все это захвачено, добыто лишь силой оружия? Нет и еще раз – нет! Территория, захваченная силой, дошла только до Урала. Большинство же земель добыто хитростью и дипломатическими увертками. Вон их сколько и сколько еще будет принадлежать Российской империи!

...Неудивительно, что дальновидность и разум обнаружила и проявила Россия. Но откуда они взялись у хана, вожака этих степняков, которые носятся в поисках корма для скота по необъятным их землям, где гибнут от жажды и стужи и птица и зверь?..

Тевкелев вспомнил свой наивный ответ царю Петру: народ-де этот глупый и дикий, единственное богатство для него – скот, а единственная цель – наесться досыта. Вспомнил и густо покраснел.

Зачем тогда дикий и неразумный народ гоняет своих послов за тридевять земель? Народ этот, оказывается, уже давно переступил барьеры веры, языка, предрассудков. И он, Тевкелев, едет сюда не первым послом. Здесь, в этой степи, трескались губы и пеклись на солнце мозги многих российских послов.

Три века находившиеся под Золотой ордой русские люди считали, что все племена на восток от Руси – один народ, татары. Овладев Казанью и Астраханью, они узнали, что народов и племен там множество. И о казахах они услышали впервые в ту пору. Побывавшие в ногайских улусах русские послы утверждали, что есть там сильный народ – казахи – и покоряли они ташкентцев и калмыков, а теперь воюют против северного своего соседа – Сибирского ханства.

Сибирское ханство стало тем местом, той точкой на земле, где впервые сошлись интересы русских и казахов.

Казахам нужен был союзник, который постоянно угрожал бы хану Сибирского ханства Кучуму с тыла: Кучум не прочь был поиграть копьем перед казахами. Русский же царь имел свои цели – обеспечивать безопасность в

азиатских землях своим караванам, развивать там торговлю и к тому же обзавестись союзником против Сибирского ханства, не дававшего покоя русским границам. По совету братьев Строгановых Иван Грозный поручил Третьяку Чубукову договориться с казахским ханом Акназаром о союзе против хана Кучума. Это и было началом дипломатических отношений между царским русским дворцом и ханской казахской ордой.

После покорения Сибири Россией караваны от русских базаров до казахских и от казахских базаров до русских шли не останавливаясь. Однако связь между царским дворцом и ханской ордой прекратилась, будто кто-то ножом ее перерезал. Причин тому было множество.

Россию надолго поглотила смута, разразилась война с Польшей и Турцией. Русские государи были вынуждены надолго отложить все планы и начинания, касавшиеся народов и стран по ту сторону Яика.

Казахам тоже не улыбалась удача. Самый сильный и жестокий враг – джунгары, лишившие казахов покоя, – появился на востоке. Однако те же джунгары вынудили казахов вновь отыскать заросшие было тропы между русской столицей и ставками казахских ханов.

Тевкелев не раз выполнял поручения Коллегии иностранных дел, так или иначе связанные с джунгарами... По велению Петра Великого он месяцами жила в орде калмыцкого хана Аюке, расположенной на берегу Едиля. Там он и выучился калмыцкому языку, узнал этот народ, его характер, привычки и особенности. Алексея Ивановича всегда удивляла скрытность калмыков. Ни перед кем не раскрывали они свои души и свои замыслы, крепко держали язык за зубами. Бывалый, повидавший виды союзник Петра хан Аюке, вместе с русскими воевавший против шведов, забывший кумыс ради французского шампанского, ни разу, даже наедине с Тевкелевым, не сболтнул лишнего слова. Если он задавал хану вопрос, который был тому не по душе, Аюке не хмурился, не суровел, как другие. Прищуривался лишь и хохотал, обнажая полный рот зубов.

Тевкелев часто засматривался на лоб хана – широкий, гладкий и неподвижный, словно панцирь черепахи. Серая калмыцкая степь в ее непроницаемой неподвижности напоминала ему лоб хана. И он думал тогда: «Степь у них такая же, как они сами».

Еще тогда Алексей Иванович изумился и чуть утрашился молчаливой угрюмости степи. Лежит недвижимо как мертвая...

Когда же в Петербурге Тевкелев стал вчитываться в летописи, в документы и книги, вдумываться в обрывки сведений о прошлом степи, он поразился тому, как запутанны и невероятно сложны события, пережитые этой «мертвой», неподвижной степью.

Если верить историкам, а также свидетелям тех событий, то в степи этой случались спокойные дни, недели, а то и месяцы. Но спокойного года не бывало, не выпадало никогда...

Может быть, потому ему чудилось теперь, в многодневной и многотрудной его дороге, что на мгlistом степном горизонте появляется, ощетинивается копьями несметное войско... Мираж, понимал он, исчезнет вместе с полуденным зноем.

Однако не всегда это было миражом. Не единожды появлялись на горизонте несметные войска, ощетинившиеся копьями. Но и они потом исчезали как миражи... Кто только не объявлялся здесь нежданно-негаданно, неся из-за этого мгlistого туманного горизонта смерть и кровь? Кто потом в бегстве не исчезал, не растворялся в нем? Сквозь синее это марево прошли и сгинули, как лавины, гунны, саки, турки, монголы. Лавины эти надвигались и таяли, будто превращаясь в затейливое, таинственное марево, исчезающее бесследно, когда приходил тому час. Оставалась о них лишь память людская, память недобрая, цепкая, страшная. Вечная.

Великие просторы! Здесь не единожды сталкивались лбами запад и восток, яростные захватчики и отчаянные защитники, великие и малые. Сталкивались, расшибали лбы, ломали хребты и оставались здесь навечно, истлевали... Голое это пространство — что гигантская сцена, на которой многие баловни истории прозвенели щитом, пролязгали мечом, просвистели стрелами, протопали копытами. Сцена эта слышала крики и стоны умирающих, последние хрипы сраженных в битвах, яростный скрежет зубов безжалостных убийц...

Неоглядная эта ширь, где отдается малейший звук, привыкла дрожать от страха, когда издали доносился цокот копыт. Сколько раз была она залита кровью, сколько раз омыта слезами!

Нелегко найти в этом мире другое такое же ненасытное место, как эта степь, жадная до крови людской, до человеческих черепов под каждым кустом, до костей человеческих под каждым стеблем полыни!

Неспроста горизонты ее и зимой и летом окаймлены мгlistым маревом, в котором степь – как в плену. Грозит, давит, внушает ужас это марево... В полдень оно вызывает в воображении алчного врага, зарившегося на этот край, когда был он сильным и непобедимым. Вечером же, казалось, враг бежит, как испуганное стадо антилоп, – летит, уносит ноги, спасает жизнь.

Можно подумать, размышлял Тевкелев, что сама история позаботилась о том, чтобы какая-то волшебная сила навеки запечатлела в этом зыбком воздухе картины драматических событий и лет, которые происходили и умирали здесь. Запечатлела замысловатым и таинственным образом, чтобы воскресали они каждый день и каждый день исчезали, чтобы вновь и вновь воскреснуть. Чтобы внушить людям: в этом мире нет ничего вечного и постоянного, кроме бренности... А мгlistое марево, застывшее на горизонте, колыхается вдали, манит, зовет, хочет, чтобы ты распознал его тайны и открыл ему свое, заветное...

Как же все-таки эта степь не превратилась в прах под тысячами и тысячами терзавших ее копыт? Если всматриваться в историю, в прошлое осмысленно, невозможно не задаться вопросом: как не угасла здесь жизнь, как она сохранилась? Как не исчез с лица земли, не вымер кочующий в этой миражной степи народ, которому история уготовила жить на одной из главных своих дорог?

Куда бы ни гнала казахов судьба, они снова возвращались на свою неприютную родину. Выносливый и упрямый народ эти казахи! Подобно степной полыни, они пышно и отважно прорастают вновь, сколько ни заливай кровью, ни вытаптывай копытами. Ведь и полынь годами не цветет, а потом вдруг, вопреки всему, подымается и цветет, да еще пуще прежнего!

Нет в этом мире несчастья, которое обошло бы степняков стороной! Сколько раз по божьей немилости оставались они голыми, с одной лишь уздечкой в руках, без скота – единственного осязаемого своего достояния – на этой пустынной, призрачной, как само небытие, земле.

Удивительный народ! Опустошал норы мелкого степного зверья, собирал корешки, чтобы выжить, не уме-

реть с голоду... Выжил! Сколько раз над казахами нависала опасность раствориться, исчезнуть среди тех племен и народов, потерять свою веру и язык. Хотя казахов вырезали, как овец, выкорчевывали, будто сорную траву, целыми улусами угоняли в неведомые дали, они чудом воскресали, возвращались из самых далеких земель. Пригоняли своих терпеливых, как они сами, овец, ставили черные свои лачуги, качали свои колыбели, уповали на крошку хлеба, на пропитание – от бога. А ведь вымирали они и на своей родной земле от мора, эпидемий и голода. Не теряли надежды, тянулись, рвались в будущее. Поистине нестигаемое, неистребимое племя!

Прошлое казахов – поражения и горе, и слезы, и возрождение, и надежда. Почему – прошлое? А ныне?.. Неопределенность и опасность и борьба. Но они, видно, так созданы: не могут насытиться борьбой. Борьбой, в результате которой оказываются на лопатках! Даже побежденные, не сдаются, кроют на чем свет стоит своих врагов, усевшихся им на грудь!

Теперь он, Тевкелев, едет к этому странному, удивительному народу, который из века в век ждет лучшей доли. Едет российский посол Тевкелев. С особой миссией. Удастся ли ему она? Или из памяти людской исчезнут навсегда эта монотонная рысь лошадей в пене от долгого пути, и непрерывный скрип колес, и печальная песня, которую мурлычат, чтобы хоть чуть-чуть скрасить дорогу, то один, то другой, то казах, то русский; эти пули, которые градом полетели в беркута?.. Забудутся или запомнятся слова, с которыми он обратится к правителям и знатным людям этого края?.. Может стать его посольство превратится в страницу летописи народной, воплотится в дела и события, которые будут из уст в уста повторять поколения людей, разные народы – не только русские и казахи?..

Неизвестно, куда приведет его эта однообразная, наскучившая ему дорога. Счастьем и славой ли обернется для него и для людей и стран? Создаст ли ему репутацию человека и дипломата, сумевшего пройти через ад целым и невредимым? Или же судьба сыграет с ним злую шутку – сбросит с небес на землю. И не его одного!..

В ставке его ждет хан, конечно же измученный сомнениями и ожиданием, не смыкавший глаз многие месяцы, даже годы в ожидании того, как решатся судьбы – его и

ему подвластного народа. Поднимет хана история на гребень или опозорит? Принесут ли переговоры царского посла и казахского хана счастье и благоденствие народу?

Тевкелев огляделся по сторонам словно в поисках ответа на свои вопросы, на мысли свои. Все та же степь, угрюмая и бесстрастная, равнодушная.

...Вдали показались фигуры: будто люди стояли кучками. Посол напряг зрение, стал всматриваться. Степняки спокойно тряслись рядом на конях, некоторые подремывали, уронив голову на грудь...

Караван уперся в поле с надгробными камнями – будто прошел здесь некогда каменный ливень... Могильные холмики почти сровнялись с землей: о том, что на этом месте было кладбище, свидетельствовали остатки костей, белевшие тут и там. Не загадочный каменный ливень оставил здесь след, а кровавая битва. Надгробные камни густо сгрудились в центре, а потом редели, будто лес на опушке. Скорее всего, решил Тевкелев, здесь когда-то неожиданно встретились два вражеских войска, встретились и сошлись в кровавой сече. Воины налетали друг на друга, отступали, вновь сходились, усыпая безлюдную степь своими телами. Воины, солдаты народов, которые признавали лишь один язык – язык силы.

В Киргизской степи, свидетельствовали рукописи, было немало подобных битв. Еще до своего знаменитого западного похода Чингисхан истребил здесь племя меркитов, не подчинившееся ему и откочевавшее от него. К месту жестокого, злодейского того побоища случайно вышел большой отряд хорезмского хана Мухамбета, возвращавшегося с охоты. Хорезмцы завязали бой с упоенными расправой монгольскими карателями... Вдруг эти камни, рассыпанные, словно зерна кукурузы, это кладбище камней осталось от битвы монголов с меркитами и хорезмцев с монголами?

Молчат угрюмые камни. Зловеще мерцает на горизонте марево. Бесстрастен древний лик степи. Нет ей дела до того, с чем этот караван – везет ли кочевникам излюбленные их товары – русские ситцы, французскую бязь, индийский чай, шагреновую кожу из Казани, металлические изделия из Саратова – или несет им смерть и разрушения, которые обернутся еще одним мрачным лесом могильных камней. Тевкелев погружен в себя, думает свою неотвязную думу о том, что несет его посольство для

настоящего и будущего казахов и русских. Интересно, понимает кто-нибудь из его спутников, что они участвуют в событии незаурядном? Не просто в одном из событий? Не в одном из посольств, случавшихся прежде?

Он-то сам понимает, какая миссия выпала на его долю. За нею и за ним, ее вершителем, строго и пристально следят там, откуда он держит путь... Все, что он увидит и услышит здесь, в этой своей поездке, Тевкелев решил заносить на бумагу: потому и везет с собой целый сундук бумаги и мешочек чернил и перьев. Может быть, как знать, человек из других времен, пытливым, любознательным, любящим, как и он сам, будет копаться в старинных рукописях и книгах, прочтет его записи. Прочтет и представит себе как наяву события нынешней смутной эпохи. Потомкам, наверно, будет ближе и понятнее его, Тевкелева, душевное состояние. Его небывалое дело. Метания народа, который находится между двух огней и не знает, что сулит ему день завтрашний.

Скорее всего так оно и будет: первыми оценят это посольство, первыми воздадут должное тому, что оно повлечет за собой, потомки, люди грядущих времен. Они поймут, почему событие, которому он явится виновником, вызовет жаркие столкновения, пробудит противоборствующие интересы и страсти в Киргизской степи... Он и его сотоварищи и та, другая договаривающаяся сторона явятся участниками и свидетелями исторического поворота в судьбе этой степи и ее народа. Ждали его десятилетиями, но свершиться он должен теперь. И войдет это событие в историю не пролитыми морями крови и горами скатившихся с плеч голов. Войдет как начало жизни более мирной и защищенной от злых ветров...

Горьким было для казахов последнее столетие. История была к ним беспощадна, как, впрочем, и ко всем. Беспощадна и бесстрашна — и к победителям, и к побежденным. Теперь и великий, и малый — народ, страна, человек — уразуметь должны, что в этом мире никто не сможет прожить в гордом одиночестве, полагаясь лишь на себя. Казахи... понимают ли это они?

От того, чем кончатся наши переговоры с Абулхайром, будет зависеть многое в судьбе казахов. Джунгары не дают им житья все девяносто шесть лет существования своего ханства. И покушаются джунгары не только на земли, на скот казахов. На их будущее, на их судьбу

покушаются. Ему, Тевкелеву, недурно изучившему джунгарскую историю, это ясно как день.

За эти девяносто шесть лет по всей Азии чаще всего звучало слово «джунгары». Как рыжий скорпион, оно жалило уши народов Китая, Туркестана. Где ступали неказистые джунгарские кони – там оставались мертвые, обездоленные и сироты. Куда вонзались их копья – там рушились троны. Где ныне Турфан, недавно гремевший на весь Восток? Уничтожили джунгары. Или богатый и могущественный Моголистан, соперничавший с империей самого Тимура? Стерт джунгарами с лица земли. Они поглотили страну Алтан-хана, владевшего чащобами Алтая и Сибири, бесчисленными отарами и косяками. А Халка, Кокенур, не только казахским ханствам не уступавшие, но даже одно время не признававшие джунгарского контайджи? И они склонили перед джунгарами свои гордые головы. Ногайская орда, чьи правители сто лет назад бывали непочтительны даже с русским царем, распалась, легла под ноги джунгарскому племени торгоутов. Это торгоугы основали в 1635 году Джунгарское ханство, воспользовавшись тем, что маньчжуры, под властью которых они находились, были заняты войной с Китаем.

Как же казахам не трепетать при одном лишь слове – «джунгары»? Джунгар остерегалась прежде и Россия, чьи восточные границы были не столь крепки и надежны, чтобы противостоять их нашествию. Не случайно царь Михаил Федорович терпеливо снес дерзость контайджи, написавшего ему в послании: «Мы оба единовластные правители наших государств». Дал контайджи понять, что не склонит голову ни перед царем, ни перед богдыханом.

Роясь как-то в архивах, Тевкелев наткнулся на забавный факт. Исмаил – один из последних правителей Ногайской орды, союзник русского царя, способствовавший взятию Казани и Астрахани, допустил оплошность в письме к Ивану Грозному. «Сын мой, – написал он, – я старик, а ты моложе моего сына». Вызвал этим гнев, Ивана Васильевича, который через посла Елизара Мальцева потребовал в официальном порядке, чтобы ногайский мурза отныне величал его не иначе как «милостивый государь». Михаил же Федорович не счел нужным заткнуть рот наглому джунгарскому контайджи... На то он и царь-государь, на то и политик: знает, когда Величие должно уступить взбалмошной госпоже Выгоде! Ради нее –

не ради узких глаз контайджи – пренебрег русский царь непомерной его спесью. Ибо России было выгодно, так диктовали ее государственные интересы, чтобы контайджи не подчинялся китайскому богдыхану, был независим от него. Царь решил еще сильнее распалить гордость и высокомерие контайджи. Без промедления отправлял он в Джунгарию своих мастеров и кузнецов, а также кольчуги, секиры и прочее оружие, как и драгоценности, и деньги из русской казны. Джунгарские племена испытывали острую нужду в русских изделиях, потому что были отторгнуты от китайских базаров, не меньшую потребность в мясе, молоке, масле и шерсти испытывали русские поселения в Сибири, поднимавшиеся день ото дня...

Как и все взбалмошные дамы, госпожа Выгода непостоянна в своих привязанностях. Когда контайджи предложил России вместе выступить против китайцев, она отказалась, сообразуясь с соображениями политики, Россия не хотела, во-первых, ставить под угрозу торговые связи с Китаем. И, во-вторых, – способствовать укреплению могущества и без того опасной Джунгарии. По этой же самой причине Россия не поддавалась науськиваниям китайцев против джунгар. Напрасно старались китайцы. Для большой державы куда выгоднее иметь много малых соседей, чем одного, равного ей.

В этой игре Джунгарское ханство для России – козырь, а казахские ханства – разменные монеты. Степные владыки долго не могли уразуметь, что Джунгарское ханство, противостоящее Цинской империи, для России куда важнее, чем казахские ханы, враждующие с контайджи.

Факты, извлеченные Тевкелевым из пожелтевших бумаг в тихих архивах Коллегии иностранных дел, убедили его в том, что казахские ханы упорно не желали признать свое истинное место во внешней политике, во внешних интересах России. Царский же двор не сразу постиг стратегическое значение казахских территорий.

После смерти Тауке-хана Россия стала пристальнее приглядываться к отношениям между казахами и джунгарами, следить за ходом их развития. Тогда-то русские послы и зачастили к казахским ханам.

Кайып-хан чуть ли не каждому послу предлагал воевать вместе против джунгар, да вот имел неосторожность однажды проговориться, что у него имеется в наличии тридцать тысяч воинов. Послов и след простыл после

этого, больше глаз не казали. Такова уж обычная повадка сильных и могущественных: пока не знают, слаб ты или силен, обхаживают на разный манер, а как узнают, что слаб, – поминай как звали...

И то правда – каждый сверчок знай свой шесток... Умный, но слабый не будет меряться силами с могущественным. Глупый, но слабый не станет просить помощи у могущественного, а как равному предложит жить в дружбе, заключить союз. Зачем сильному слабый союзник?..

Ошибку Кайыпа учел Абулхаир, потому Тевкелев и едет теперь к нему вести переговоры.

Еще в 1726 году Абулхаир снарядил в Россию посольство Койбагара Кубекова с просьбой принять казахов, подобно волжским калмыкам, в подданство России. Он не заикнулся о союзе, дал твердое обещание: если возникнет необходимость идти против общего врага, мы всем сердцем примем царскую волю.

Посольство Кубекова не добилось своей цели: Коллегия иностранных дел нашла предложение казахской стороны бесполезным для Русской империи. К тому же правительство не видело смысла обострять отношения с джунгарами, начавшими вытеснять казахов с их земель. Сославшись на то, что у Койбагара «нет доказательств полномочности посольства», русские отправили его ни с чем обратно.

Однако у Тевкелева удивление вызывало то обстоятельство, что Абулхаир не отказался от своего замысла, не отступился от своих планов, даже получив столь тяжелый удар от царя. Он вступил в схватку с джунгарами, возвратил большую часть своих земель и вновь через Уфимское воеводство отправил своих послов к русским. Он подтвердил еще раз, что вместе с подвластным ему народом просит принять их в подданство белого царя. Это было предложение умного правителя и политика.

Нередко Тевкелев вспоминал, как царь Петр выпытывал у него подробности о казахах и казахских степях. Понимал Великий, что с юго-восточной границы дуют в Россию знойные ветры. И остановить их, сдержать – на очереди государственной политики России.

А одна из особенностей ее политики поочередно поощрять грызущихся между собой восточных соседей, ото всех отделяться обещаниями и посулами. Держать их таким образом под своей дланью, а самой России поско-

рее добраться до золота Яркенда и Индии, опередить англичан, отчаянно рвавшихся к полуострову Индостан...

Какими бы дальновидными политиками ни были русские государи, но они, увы, не боги, что вершат делами всей вселенной. Их замыслы не всегда удавались... Ветер океана по имени Политика вдруг перестал подтолкивать русские паруса сзади, взял да и стал дуть им прямо в лоб. Русский флот все еще не мог выбраться из Черного моря, а корабли иных государств уже оказались в Индийском океане и вольно бороздили его просторы... Упрямые велеречивые политики Китая не соглашались с предложениями России, все делали ей наперекор.

Для себя Тевкелев составил периодизацию восточной политики России. Сначала она ставила целью, как можно скорее добраться до золота Яркенда и Индии, до Среднего Востока, о котором так восторженно рассказывали русские купцы. Петр Первый приложил немало усилий, дабы твердой ногой стать на восточное побережье Каспия, использовать распри между ханствами в Средней Азии, посылать русские военные отряды местным правителям для личной охраны, строить укрепления. Петру не полностью удалось усилить влияние России в Азии.

На ловца и зверь бежит: в 1700 году хивинский хан Шахнияз направил к Петру посла с прошением взять Хиву в подданство. Однако этому, как и другим восточным планам Петра в ту пору, не дала свершиться война Северная... Шло время. На хивинском престоле оказался другой хан. Царь решил направить посольство в Хиву и поздравить нового правителя с восшествием на престол. Осуществить задачу Петр поручил беку Кабарды Даулеткерееву Бекмурзину или, как звали его русские, Бековичу-Черкасскому, которого почитал человеком надежным.

Бек вышел в путь в 1715 году. В его распоряжении были 1760 человек, 200 кораблей и 150 верблюдов. Было объявлено, что целью похода является исследование северо-восточного побережья Каспия.

В этом походе Бекович-Черкасский столкнулся с непредвиденным и очень неприятным обстоятельством. Предводитель кубанских татар Султан-Гирей совершил опустошительный набег на калмыцкие улусы. Аюке-хану удалось вместе с семьей спастись в отряде Бековича-Черкасского. Однако он не желал довольствоваться тем, что остался в живых сам, и стал требовать от Бековича-Чер-

касского повернуть войско против татар. Бек не мог выполнить это требование. Но мог бы заметить, как гневно насупился Аюке-хан, как оскорбился, да не заметил: потом, позже, эта невнимательность принесла Бековичу-Черкасскому несчастье.

О результатах своей первой экспедиции он доложил Петру, находившемуся в Либаведе, в Прибалтике. Царь приказал Бековичу-Черкасскому строить укрепления на восточном берегу Каспия, склонить нового хана Хивы принять российское подданство, а также направить вдоль Амударьи в Индию купцов – разведать, что там и как...

Бекович-Черкасский вернулся в Астрахань и стал готовиться ко второй экспедиции. Снаряжение ее было погружено на сто тридцать восемь кораблей, войску из шести с половиной тысяч солдат было придано 22 пушки. В этой экспедиции участвовал Тевкелев. С октября 1716 года до начала 1717 русские возвели Александровское укрепление у залива Ишана Бектурлы, а также начали строить крепости в других местах побережья.

В начале 1717 года экспедиция возвратилась в Астрахань. Посещавшие в те годы Хиву русские послы привозили оттуда тревожные вести. Вся Хива гудела: «Русские идут к нам не как послы, не с миром! Они хотят захватить нас, поработить!..» Бекович-Черкасский пропускал мимо ушей эти сообщения и продолжал готовиться к новому походу.

11 июля 1717 года экспедиция в сопровождении трех тысяч солдат и тысячи человек при караване тронулась в путь. Экспедиция спокойно продвигалась вперед, попутно очищая занесенные колодцы, строя небольшие караван-сарай.

Заночевали как-то у колодца Шильден. Утром обнаружили: бесследно исчез проводник Менли Каска, которого дал русским Аюке-хан.

Бекович-Черкасский опять не насторожился, не почувял неладное. Через девять дней пути он оставил у колодца Жалгызкудук тысячу человек, чтобы дать передохнуть им и их притомившимся лошадям. Астраханского дворянина Керейтова вместе с сотней казаков послал к хану Шергазы гонцом. Хан обещал встретить царского посла склонив колени, принять как покорный слуга. Сам же, замыслив уничтожить русский отряд, спешно отбыл из Хивы с большим войском.

Весть об этом коварном замысле дошла до Бековича-Черкасского. Он тотчас же приказал рыть окопы и укрепления и отрядить гонца к казакам, которых оставил у колодца Жалгызкудук.

Два дня ханское войско безуспешно атаковало русских и потеряло много воинов. Хивинцы решили пойти на хитрость. Они отправили к Бековичу-Черкасскому парламентария с белым флагом. Тот поклялся, что хан Шергазы ничего об этом сражении не ведает, что все это козни непокорных местных беков. И в доказательство искренности и правдивости своих слов он готов наказать виновных. И в самом деле – намазали золой лица двум людям. Одному проткнули шилом ноздри, другому – ухо, связали их вместе и провели перед всем войском в знак позора и осуждения.

От хана после этого прибыли к Бековичу-Черкасскому доверенные люди, подписали мир. Шергазы пригласил Бековича-Черкасского в свою столицу как почетного и дорогого гостя. Однако, сославшись на то, что для такого большого войска у него не хватит места в городе, предложили часть русских отрядов оставить в лагере.

Бекович-Черкасский принял и приглашение, и предложение. Своему заместителю майору Франкенбергу отдал приказ разделить войско на две части. Франкенберг трижды отказывался выполнить этот приказ. Но под угрозой военного трибунала, он разделил войско на отряды по шестьсот человек и развел их на разные привалы.

Эти небольшие отряды хан Шергазы легко взял в плен. Часть русских солдат безжалостно уничтожил, часть – отдал в рабство. Схватил вероотступника Бековича-Черкасского вместе с его офицерами. Отрубил беку голову.

Царь Петр повелел войскам, располагавшимся у Каспия, выступить против Хивы, отомстить врагу. Однако русских подстерегало одно несчастье за другим. На Каспии разразилась буря, много кораблей затонуло, иные же еле-еле добрались до восточного побережья. Там русских ждал новый удар: местные племена приняли их враждебно, причинили им немалые беды... Были посланы поисковые суда и в 1718 году они доставили оставшихся в живых в Астрахань.

Как уцелел он, Тевкелев и поныне не может понять. Бог уберег, наверное, и случай.

Тевкелев имел поручение отправиться водным путем в

Индию. Корабль, на котором он плыл, тоже попал в бурю. Вынесло его в Астрабад. Путешественникам долгое время пришлось пробавляться хлебом-солью астрабадской тюрьмы. В тюрьме Алексей Иванович услышал о кровавой расправе хивинцев над русскими солдатами и Бековичем-Черкасским. Да, видно, неугодно было богу, чтобы Петр Первый добрался до Индии через Каспий и Хиву.

В неудаче этого похода многие винили Бековича-Черкасского. Одни утверждали, что был он-де перед походом не в себе, потому что незадолго до этого утонули его жена и две дочери. Другие намекали на измену: опять в последнее время обрил голову, вроде бы снова стал мусульманином. Третьи считали, что государь допустил большую ошибку, доверив восточные дела восточному человеку.

Тевкелев был убежден, что все это несерьезно... Просто Бекович-Черкасский оказался человеком, неспособным осилить столь грандиозное дело. Слишком долго крутился со своим огромным войском перед самым носом хивинского хана. Медлительность его погубила. Не стоило долго и нудно, два года, готовиться к полувоенной, полудиبلوماسية миссии. Стремясь выполнить каждую букровку приказа, Бекович-Черкасский чересчур долго сиял белыми парусами русских кораблей перед тьмой хивинских подданных, рассыпанных по побережью. Не затмение же нашло на них, чтобы не заметить солдат и жерла пушек на кораблях. Народ понял, что к ним жалует не посольство, а войско завоевателей.

К тому же – обида давняя, да месть вечная, кровная! Разве мог калмыцкий хан простить кабардинскому беку, что тот когда-то не выполнил его требование – не отомстил обидчикам за его, Аюке, сородичей?.. Атаке послал к Шергазы гонца, сообщил ему все о русском «посольстве»...

Примерно в те же годы подобная неповоротливость не дала русским осуществить план быстрого проникновения в Среднюю Азию со стороны Сибири.

В 1713 году генерал-губернатор Сибири князь Гагарин предложил Петру возвести по Иртышу крепости и двигаться из них дальше, к Яркенду. Этот план пришелся царю по душе. Осуществить его было поручено бригадир Бухгольцу. В 1715 году Бухголец с тремя тысячами человек строил крепость около озера Жамиш. Там на них неожиданно напали джунгары: кого убили, кого увели в

плен, прихватив с собой и ученых, которые были выписаны Петром из Европы.

Эти неудачи заставили царский двор серьезно задуматься и отказаться от поспешных военных операций, вернуться в восточной политике к дипломатическим маневрам. В Петербурге вспомнили испытанный метод – натравливать друг на друга соседние враждующие ханства, а страны, лежащие за ними, – всячески ублажать...

С севера Россию укрывал Ледовитый океан, с запада – Атлантический, с востока – Тихий, а с юга – океан междуусобиц и распрей малых народов и слабых ханств. В отношениях с этим океаном требовалась хитрость. Если в моря и океаны начал входить набиравший силу российский флот, то в океан распрей уверенно врывалась флотилия русской дипломатии...

Строптивый Кавказ сам открыл России дорогу на Ближний Восток. На очереди были – Средняя Азия, Средний Восток, а потом бы Россия яснее услышала шум Индийского океана, дно которого усеяно жемчугом.

Царь Петр умер, не осуществив своей мечты.

Императрица Екатерина Первая принялась за дела, которые ее державный супруг не успел довести до конца. Она послала к новому императору Китая Юнь Джину посольство во главе с графом Саввой Лукичом Рагузинским.

Рагузинский выехал из Петербурга в декабре 1725 года и 21 октября 1726 года добрался до Пекина.

Муки долгого пути оказались пустяком по сравнению с мучениями за столом переговоров. В мире, убедился граф, и слов множество, и способов играть ими.

Русская и китайская стороны предложили и обсудили двадцать различных проектов будущего договора. И все двадцать – после бурных дебатов и споров – были отклонены. Там, где вчера поставили точку, наутро оказывалась запятая, но и она после обеда превращалась в вопросительный знак, к вечеру закорючка вопросительного знака сникала, падала, и он рассыпался многоточием.

Рагузинский испытал в Китае, кажется, все мыслимые беды, кроме разве смерти. Упиравшиеся, упорствовавшие два года подряд стороны 3 апреля 1728 года подписали некое подобие договора. Новый император Китая не оправдал надежд России, связанных с Востоком. Теперь в восточных делах пришлось двигаться кошачьим шагом не только русской армии, но и русской дипломатии...

Местом, где должна быть испытана новая тактика, является степь, по которой трясется Тевкелев и его караван.

Сколько ни присылали казахские ханы послов, сколько ни просили помощи, русские отделялись теплым приемом и ласковыми проводами. Ибо они рассчитали точно: казахам все одно деваться некуда, искать спасения не у кого, кроме как у России, поэтому нужно дожидаться полной их покорности. Метод – не проколоть раньше срока гнойник, чтобы не вызвать заражения, дать ему самому лопнуть, когда придет срок, – хорош не только в медицине, но и в дипломатии.

Абулхаир тоже оказался мастером кошачьего шага: спустя недолгое время после первого неудавшегося посольства снова направил в Россию своих людей, повторив прежние предложения...

Казахам и правда больше не к кому было обратиться, кроме России, но однако их политический вес поднялся: Россия испила горькую чашу неудач. В Петербург к тому же доходили слухи: в правящей ханской верхушке есть сторонники того, чтобы покориться джунгарам. А это означало бы, что Джунгарское ханство еще более усилится, одним плечом станет упираться в Китай, другим – и ощутимо – в Россию. При таких обстоятельствах исход джунгаро-китайского конфликта был неизвестен.

Если конфликт этот разрешится в пользу Китая, то под самым боком у России окажется государство, хоть и слабое, зато уж очень многочисленное...

В любом случае шаг России и на Дальний, и на Средний Восток – укоротится... Ныне казахская орда – это плацдарм, на котором осуществляются или не осуществляются постоянные интересы России. Нужны казахские степи империи. Необходимы!

Как тут не подняться политическому весу казахов?.. Стало быть, отсюда и вывод: действовать без промедления, пока, пусть не все, но один казахский хан тянется к русским... Недаром царь Петр сказал когда-то Тевкелеву: если под клятвой верности окажется подпись хотя бы одного казахского хана, ключ к Азии – давней его мечте – окажется в руках России...

Потом когда-нибудь, понимал Алексей Иванович, на карту будут занесены бескрайние степи, реки и озера, и крепости здесь будут возведены, и поселения. На сей раз было решено: если хан сам не заикнется о возведении

укреплений, то и Тевкелев промолчит. Главная задача посольства – заполучить прошение с ханской печатью. Прошение, документ, условия же и все остальное – после!

Тевкелев осознавал: если ему посчастливится избежать участи Бековича-Черкасского и Бухгольца, если ему удастся заполучить желанную клятву на бумаге с печатью, он станет самой яркой звездой на небосклоне восточной дипломатии России!

Как обрадовался бы этому успеху царь Петр, как дрогнули бы в улыбке его усы... Бог лишил Тевкелева такого счастья, нет больше царя в живых, нет великого государя российского. Хоть бы искорку одобрения заметить в пронзительных, глубоко запрятанных под бровями глазах Остермана...

Радость сменялась тревогой: велика его ответственность перед Россией, очень велика. Восточные интересы государства доверены ему, его мудрости, хитрости, опыту, красноречию, ему в руки отданы. Удача его ждет или неудача?..

Как свои пять пальцев изучила русская дипломатия западное хитроумие. Для россиян оно что пасьянс, состоящий всего-навсего из тридцати двух карт. Сможет ли она освоить и решить восточную головоломку? В ней тысяча уловок, обличий, оттенков, ужимок... Если он погибнет в чужой стране или вернется обратно ни с чем, это будет означать одно: успехи России на Востоке не состоялись, планы ее отброшены на много лет назад.

Если он потерпит провал, найдется немало придворных шаркунов, которые возликуют: «Ну, что предрекали? Что мы предсказывали? Разве можно доверить решение восточных задач восточному человеку!..»

Что же все-таки ждет его, Алексея Ивановича Тевкелева, мурзу Кутлыка Мамет Мамашева, впереди? Знать бы, с чем ждет его, о чем думает Абулхаир-хан?..

Опять и опять Тевкелев вглядывался в степь, в колыхавшееся у кромки горизонта голубое марево.

* * *

На кромке горизонта колыхалось голубое марево. На дозорном холме стоял часовой. Он был едва заметен. Издалека не сразу и поймешь, шевелится эта тонюсенькая, как копье, фигура или нет, подает какой-нибудь знак или не подает? Все еще не подает!..

Абулхаир нетерпеливо поглядывал на дозорного сквозь откинутый полог юрты. Ему показалось, что он сделал какое-то движение. Нет, показалось...» Чуть что – прискакали бы гонцы, заголосили бы расставленные на пути дозорные. Ни один человек не шевельнулся.

Бесстрастная серая ширь, застывшая тишина.

Под глазами хана залегли синие круги, взгляд отяжелел, лицо налилось угрюмой печалью. Глаза его блуждали с предмета на предмет, их не замечая. Абулхаир почувствовал: кольчуга терпения, так долго поддерживавшая его надежды, стала расходиться...

Да и как было не иссякнуть терпению? Перед ним прошли чередой дни, когда грянула весть о том, что из Петербурга едет царский посол. На шумном и многоголосом совете все давали обещание встретить за два-три дня пути золотоплечего вельможу, да с тысячной свитой из джигитов от каждого рода. Абулхаир после этого совета долго ходил счастливый, полный светлых ожиданий. Ждал дня, когда пошлет старшего сына с самыми лучшими джигитами, на самых красивых и быстрых конях встречать почетного гостя.

Однако картина, которая цвела, сияла и на совете, и в его воображении, блекла и блекла с каждым днем. Крепко огорчили его предводители родов, не прислав в условленный день джигитов. Еще крепче – когда прислали лишь половину обещанных всадников... Теперь мучают тем, что не кажут глаз сами...

Долго еще будет неподвижно торчать часовой на дозорном холме? Наступит ли день, когда он сорвет с головы шапку и широко ею замашет! Опасается хан, что встречать посла надменной белой царицы ему придется в жалком одиночестве.

Какого результата можно ждать от переговоров, если не усадить в ряд влиятельных людей степи с выпяченной грудью, с расправленными плечами? Без подобающих случаю торжественных церемоний? Подумает и решит посол: вот, ехал на переговоры с ханом, а встретил жалкого, что конь без гривы и хвоста, одинокого степняка...

Едва Абулхаир представил себе это, как у него в бессилиии опускались, тускнели глаза, он становился ниже ростом, уже в плечах, будто земля под ним прогибалась, чтобы поглотить... Сердце ныло, щемило, на душе была горькая пустота. Земля, по которой он ступал всегда

уверенно и твердо, становилась похожей на необъезженного коня: не будешь осторожным и осмотрительным – обязательно сбросит...

«Земля, земля... Видно, пока она не примет меня в свои объятия, мне так и суждено будет томиться, метаться, изнывать. Всю оставшуюся жизнь, о аллах! Сегодня у меня такое чувство, будто я и не жду такого гостя из дальней страны. А словно жду я своего конца – а до него остались считанные дни. Кажется, сделай я один шаг, всего лишь один, и сразу же отломится, упадет последний кусочек недолгого, похожего на сон, бытия. И швырнет меня из привычной жизни в бездну небытия... С давних пор изводившая меня дума, попытка двигаться вперед – хоть из последних сил, но вперед! – бескрайнее море надежд и мечтаний, которые я возлагал на день завтрашний, на приезд посланцев России – все это прервется, превратится в ничто, станет бессмысленным...

Бессмысленным! Целая жизнь – зря, без результата, без смысла! Куда ни погляжу – всюду наталкиваюсь на бесполезность, бессмысленность затеянного, взлелеянного мною... Что есть там, в этой разукрашенной для приема русского посла белой юрте, кроме пустоты, могильного молчания?.. Стоит в глубине позолоченный трон... Зачем он, если не будет рядом с тобой, ханом, лучших, именитых людей степи, если не окружают они тебя послушной толпой? Где народ, который следил бы за каждым движением бровей твоих? Где провинившиеся, которые у твоих ног ждут, какое наказание назначишь им ты? Где преданные друзья, которые удовлетворяли бы твои желания, исполняли бы твою волю, поднимали бы до небес твой дух? Где подарки и награды, которыми ты одарял бы своих подданных и гостей? Где твои единомышленники, которые были бы с тобою сердцем и помыслами, одобряли твои начинания и замыслы шумным и дружным: «О, баракельды!..» Единомышленники – самое высокое свидетельство и подтверждение власти, сосредоточенной в твоих руках... А если... если у меня их нет – значит, нет у меня и реальной власти, и счастья нет, и не имеют силы и влияния мои слова и приказы! Не имеют и в этом суть, в этом – правда!

Моя пестро разукрашенная ханская ставка пуста, как старый мазар. Она больше походит на юрту старой девы, которую никак не могут спихнуть замуж, чем на ставку правителя народа.

Калтай Мухамеджанов, Ануар Алимжанов, Аскар Сулейменов, Абиш Кекильбаев. 1963 г.

Главный редактор «Казахфильма» А. Кекильбаев, режиссер Байтен Омаров, композитор Нургиса Тлендиев, актриса Дарига Тлендиева, кинодраматург Аким Тарази и Сапар Сулейменов на съемках фильма «Кулагер». 1973 г.

Академик Манаш Козыбаев и Абиш Кекильбаев в поездке по местам сражений Анракайской битвы. 1997 г.

Немецкая писательница Кристина Линкс и Абиш Кекильбаев.

Тахави Ахтанов, Габит Мусрепов, Морис Симашко, Абиш Кекильбаев у Дома творчества писателей. Алматы. 1984 г.

Литературовед Кабибулла Сыдыков и Абиш Кекильбаев на встрече с читателями. 1985 г.

Егор Проскурин и Абиш Кекильбаев. 1986 г.

Фариза Унгарсынова и Абиш Кекильбаев. 1995 г.

9. Писатели, народные депутаты Казахстана - Камал Смаилов, Абиш Кекильбаев, Нурлан Оразалин, Алтыншаш Джаганова, Ануар Алимжанов, Балгабек Кыдырбекулы, Шерхан Муртаза, Кадыр Мурзалиев, Калдарбек Найманбаев.

Среди читателей. 1995 г.

Абдижамил Нурпеисов и Абиш Кекильбаев среди читателей. г. Актау. 1999 г.

На презентации романа «Конец легенды», переведенном на венгерский язык. Будапешт. 1999 г.

В кругу семьи.

Значение хана измеряется поклонением и вниманием его подданных. Считается, что я хан и держу в руках повод народа. А есть ли в моих руках этот повод? Есть ли вообще народ, подвластный мне? Нету! Был бы, так на ярких дорогих коврах, обычно хранящихся в тюках и нишах, сидели бы лучшие люди! Совещались бы со мной, ханом, как лучше встретить, какой почет оказать ожидаемому гостю!.. Откуда только такое терпение у казахов? У казахов, которые всегда приезжают загодя, даже о простой свадьбе прослышав – не то что о прибытии посла? Поистине поразительные терпение и выдержка объявились вдруг у народа, которые не были присущи ему с тех пор, как был создан мир.

Неужто же на бескрайних наших просторах не осталось людей? Одни лишь неподвижные пологие могильные холмики остались?.. Хоть бы кто-нибудь, хоть какой-то случайный путник показался бы с любой стороны! Нет! Нет никого, пусто...

Даже у непосед моего собственного аула, которые обычно снуют безостановочно, и у тех будто ноги отнялись. Много ли мне прибавится славы и уважения, если я живу в таком вот ауле, хотя и едет сюда высокий гость? Какая там слава, уважение? Честь? Позор один! Злопыхатели, наверное, ждут не дождутся моего позорного, черного часа. Так и чудится мне, что там, за маревом, скрываются мои смертельные враги. Стоят наготове – мечтают набросить мне на шею волосяной аркан и затянуть петлю.

Воздух, густой и душный, – он как яд. Кажется, вдохнешь поглубже, – тут же упадешь замертво. Подобное состояние я уже, кажется, пережил однажды. Однажды ли? Каждый день испытываю муки... Но однажды я испытал именно такое вот тягостное, удручающее состояние. И тогда я, помнится, тоже не находил смысла в жизни, радости в этом светлом мире. И когда я отчаялся было вовсе, вдруг приподнялась пелена тьмы и блеснул лучик надежды. И в погоне за этим едва видимым лучиком я и дожил до сегодняшнего дня... Неужели я тогда ошибся: и этот лучик, и эта цель тоже обман? Все муки мои душевные, и ночи бессонные – пустая затея, напрасная трата сил? Неужели жизнь прожита напрасно?!»

Абулхаир редко вспоминал ту весну: на него как лютой зверь навалилась тоска. Боялся поднимать из глубин сердца сокровенную боль, берeditь незаживающую рану...

Однажды он не мог разобраться в себе, постигнуть, откуда, почему эта беспросветная, безнадежная тоска? Радости, конечно, тоже неоткуда было взяться в весенние дни — унылые, гнетущие, полные невзгод...

Нет и не может быть ничего мудрее природы, размышлял он позже. Она словно загодя, за два года вперед почувствовала приближение великих бед, которые выпадут на долю казахов. Два года подряд зима стояла жуткая, голодная. Два года подряд черная стужа января слизывала тонкую пленку снега, выпадавшего в начале зимы. Два года подряд на землю не выпадало ничего, кроме слез из снега. Они, эти жалкие снежные крохи, едва-едва доставали людям до лодыжек.

Земля была сухая и твердая, словно брошенная на солнце и забытая кем-то старая овечья шкура. Раз такая зима, где уж тут удасться весне и лету? Над растрескавшейся от жажды землей пронеслась пыльная буря. С востока дул красный ветер; казалось, весь песок и всю пыль, что были в степи, швырял он охапками в людей. Потом поднялись неистовые ноябрьские бури. А зимой с севера опять наступала лютая стужа. Разве способно что-то родиться на такырах, изъеденных ветрами? Земля лежала, блестела, как ступня верблюда, — пустая и мертвая.

Лишь аульные собаки да степные хищники, питавшиеся падалью, чувствовали себя всю зиму привольно. От тучных отар во многих аулах остались лишь аккуратно сложенные кучками шкурки.

Вторая зима, словно сажей, покрыла страшной бедой казахскую степь. Опроставшиеся овцы будто в голодных волков превратились. Увидят юрты, бросаются к ним и жуют кошму из шерсти и циновки из тростника. Увидят людей — бросаются к ним и жуют полы их халатов. Даже за собаками бегали, пытались схватить их зубами за хвост. Овцы преследовали собак, и те стали злиться на забывших об осторожности овец, рычать, иной раз даже бросались на них и кусали, хотя прежде никогда их не трогали. Овцы же знали одно: вцеплялись в собачью шерсть как клещи и не отпускали... Смирные, тихие создания, в обычные времена даже под нож ложившиеся без звука, перестали робеть перед оскаленной пастью верблюдов. И перед копытами коней не робели тоже. Лишь было бы кому вцепиться в шерсть или в хвост... Не один ягненок, не успев раскрыть глаза, принял смерть от зубов соб-

ственной матери... «Господи, неужто и эдакие страсти могут быть?» – от испуга хватались за головы люди.

Было чему ужасаться, было от чего прийти в отчаяние. Земля, люди, скотина потеряли свой обычный облик. Одни лишь собаки были в теле, бегали вокруг аулов, собирались стаями, обнюхивали друг друга... Верно когда-то предрекал старый Матэ: «Перед тем как должно отвернуться от мужа счастье, начинает беситься его жена. Перед тем как счастье должно отвернуться от страны, начинают беситься ее псы... Пусть все пропадет, только бы казахи сберегли своих мужей и скакунов!»

В прежние, сытые времена в казахских аулах, едва начинался расплод скота, варили рыжее молозиво, готовили сыр и творог, целыми котлами кипятили молоко... Теперь варить было нечего – одну лишь воду.

В каждой юрте плакали голопузые запаршивевшие ребяташки. В каждой юрте растерянные женщины ругали всевышнего, не знали, чем накормить, как утешить детей, кого винить во всех бедах. Блеяли вразнобой овцы на пастбище, поворачивали головы в сторону аула, глядели в сторону людей. Протяжно, горестно кричали верблюды.

Когда Абулхаир слышал все эти звуки, все эти крики и проклятия, ему хотелось бежать без оглядки, так бежать, как от заклятого врага не побежал бы...

Куда убежишь от горя, от скорбных мыслей? Эх, судьба проклятая! Был бы в его руках общий казахский трон, разве допустил бы он страну до такого падения и несчастья?! После первой же страшной, лютой зимы посадил бы мужчин на коней и сказал бы им: «Один раз родились – один раз и умрем!» Повел бы их за собой – ударил бы с тыла по джунгарам, сцепившимся в схватке с китайцами. Или внезапно напал бы на калмыков. Не случилось почти такого, чтобы казахи отправились сами на битву и проиграли. Все их поражения случались, когда жили они безмятежно, когда на них нежданно наскочивал враг.

...И на Аягузе, если бы не попрятались они в норах и в укреплениях, то и там не дали бы себя одолеть.

«Пригнать бы от джунгар, занятых войной с китайцами, хоть часть их табунов, пасущихся на тучных, зеленых пастбищах Семиречья! Я накормил бы свежим мясом, поддержал истощенных голодом людей!.. Ладно, не хватит у нас решимости двинуться на джунгар, но сил на Бухару и Хиву должно хватить! Хивинцы и бухарцы сеют хлеб,

погреба их полны припасами. Они к тому же совсем обнаглели, отбирают верблюдов, одежду у казахов, когда казахи едут на базары, а потом еще с гиканьем и хохотом разгоняют обобранных людей, гоняются за ними, сытые, на откормленных конях! Их-то можно проучить!..

Соседние ханства, выжидавшие после смерти Тауке, оживились! Еще бы! Болат в Туркестане занят лишь тем, что тянет руку к дастархану, да на перинах пушистых нежится. Ничего не добившись набегам на калмыков и попытками сблизиться с русскими, умер Кайып. Не в походе умер, а в своей постели, в желтой, как выжженная степь, тоске.

Смерть его вызвала много разных толков, уж очень неожиданной она была. Одни утверждали, что его отравил младший брат Самеке, чтобы завладеть властью в Среднем жузе. Другие подозревали Болату, главного хана, третьи намекали на меня, хотя я-то находился в ту пору далеко от Кайыпа. Если где-то что-то случается, то почему-то винят во всем меня! Много сплетен и слухов ходило – обрадовались наши сплетники. Им только была бы пища...»

Абулхаир с Кайыпом стали сватами. Есть у казахов традиция: подружатся джигит с джигитом – обмениваются конями, подружатся влиятельный человек с влиятельным человеком – они роднятся, женят детей или близких родственников... Согласно этой традиции, Кайып женил своего сына Батыра на младшей двоюродной сестре Абулхаира.

Одному аллаху известно, что замышлял этим шагом Кайып, а хан радовался тому, что в родстве с ним оказался молодой султан, имеющий права на Средний жуз... Давно они породнились... Однако не видно, чтобы Батыр добился этого когда-нибудь... В степи выделился среди остальных стремительный Самеке. На тех же просторах мечется, рыщет Абулмамбет. Тесно в нашей степи и Бараку, и Кучуку, рвут и мечут, зарятся на власть. Они, эти четверо, не отдадут Батыру так просто повод Среднего жуза. Правду сказать – сам Батыр способен лишь чваниться да грудь выпячивать – в этом он пошел в отца.

Абулхаир перевез Батыра к себе в Младший жуз и поставил правителем улуса, в который входили шесть родов шекты. Под его собственной властью были некоторые аулы Среднего жуза, но он счел за благо именно к ним не подпускать потомка Жадика – Батыра. У Абулха-

ира были на то свои причины. Один за другим подрастали его дети. Если со временем он поставит кого-нибудь из сыновей правителем улуса, где роды малы числом, да богаты скотом, то, кто знает, в нужный момент потомки Усеке, возможно, смогут взять в руки Средний жуз... А Батыру лучше быть при нем. Он как бы связывает Абулхаира с племенами Среднего жуза.

И еще... Батыр может пригодиться ему в другом, самом главном. В Старшем жузе правит его родной брат Жолбарыс, в Младшем – он, Абулхаир. Поставив рядом со своей юрты сына Кайыпа, Абулхаир обретает надежду и права на Средний жуз! Конечно, это пока лишь замысел, однако... Делить шкуру неубитого медведя – занятие вроде бы несерьезное, а как оно повернется: вдруг – все это серьезно?!

Абулхаир никому не открывал этой своей самой заветной мечты, сам он старался не очень-то предаваться мечтаниям. В смутные, тяжкие времена у него других забот хватало, зачем зря растравлять себе душу, изводить тем, что пока неосуществимо! Но он знал, что отказаться от этой мечты его может заставить только смерть. А пока – терпение, еще раз терпение!

Ему важно не сделать ни единого неосторожного, неверного движения. Пусть вместо него что-то сделает Батыр. Так как самому Батыру ничего в голову не приходило – жидковат он, глуповат, – Абулхаир все решил за него, решил дать ему возможность проявить себя. Выделил Батыру самых отчаянных джигитов из рода шекты и послал в набег... Пусть привезут хлеб из хивинских погребов, пусть пригонят народу хивинских овец. Батыру необходимо позаботиться о своем умирающем с голоду улусе. Батыр заслужит не одну лишь благодарность детей и женщин. Когда придет час, его действия окупятся с лихвой. Казахи живут по правилу: «Если пал твой скот, поделюсь с тобой мясом, если умерла твоя жена, поделюсь добром на похороны». Долг платежом красен... Разве в сытую пору забудется вкус съеденного в голод куска? Когда люди оправятся, придут в себя после жутких испытаний этих лет, когда отары и табуны их нагуляют жир – каждая четверть туши, съеденная ими сейчас, превратится для Батыра в целую тушу, каждая обглоданная кость – в барашка и ягненка. К тому же по степи разойдется молва о его мужестве и заботе о народе: другие же сидели опустив руки, а он сумел добыть из пасти льва пищу для

голодных! Увидят казахи Среднего жуза, что поступили глупо и неосмотрительно, упустив такого султана, как Батыр: подобно тигру рыскал в поисках добычи в логове врага, в то время как другие султаны пролеживали бока в своих белых юртах! Абулхаиру только одно и нужно – чтобы авторитет потомков Жадика падал в глазах народа. А слава Батыра затмевала бы их славу. А это – в свою очередь – вызовет зависть у султанов. Где зависть, там и раздоры между жадиковским семенем...

Даже слепые увидят: среди всех степных правителей самый мудрый, дальновидный – Абулхаир, который послал своего зятя в набег ради блага людей. Он выше всех ханов и султанов – на целую голову выше! За ним и с ним не пропадешь... Увидят и, глядишь, потеплеет у них на душе. А потянутся они к нему душой и сердцем, уж он не даст казахам жить в распрях, в неуверенности за будущее.

Он не будет таким, как Болат – властитель всех трех жузов. От Болата – ни врагам страха, ни народу пользы. Абулхаир покажет всем, что в груди его бьется сердце мужчины, а в руках его сила и мощь! Не протянется долго эта призрачная мирная жизнь. Враги просто присматриваются к новому казахскому хану Болату. Казахи это терпят, но вот будут ли терпеть калмыки и джунгары?..

Абулхаир часто удивлялся, что джунгары до сих пор – за двенадцать-то лет! – не пронюхали: после Тауке на троне оказался безвольный, слабый правитель, о котором не идет ни доброй, ни худой славы.

Верно гласит пословица: явится урод – и вода пропадет... Словно мало мучений и горя выпало на долю казахов, так еще две зимы подряд – джут, два лета – засуха. Народ валится с ног, как сухой камыш, – еще бы, две зимы без мяса, два лета без молока!..

Конечно же, понимал Абулхаир, врагам обо всем известно, они выжидают, почему-то выжидают. Но почему? Должен же контайджи сообразить: хан не может больше медлить, он не имеет права оставлять казахов валяться полумертвыми в их юртах! Он прикажет седлать коней! Контайджи сам кочевник, уж кому-кому, а ему-то известно: кочевники садятся на коней или когда их пьянит собственная сила, или когда нет у них иного способа добыть себе пропитание, кроме как вырвать силой долю у богатого и сытого. Хищный голодный поток ринется, ясное дело, на самого сытого и богатого. Барымтачей

все равно ждет смерть – им терять нечего! – и они решат: пусть наша гибель будет связана с надеждой что-то вырвать, чем-то поживиться! А кто нынче самые богатые и сытые? Джунгары! Конечно, казахи могут напасть и на оседлых, на городских. Могут поживиться хлебом, тряпьем из лавок, прикрыть им голые плечи жен и голые зады ребятишек... Могут прожить на похлебке несколько дней. Да только разве она нужна казахам? Им подавай баранов, им подавай лошадей, крупы которых едва не лопаются от жиру; толстые и упругие казы, светлое, сытное курдючное сало. Если зимой в его зубах не застревает мясо, а летом не настывает на нёбе жир, казах предается земле... Вся жизнь казаха в скоте. Истощился скот – истощился народ. Потерял скот – потерял жизнь...

Наверное, контайджи потому и выжидает, что знает: казахи совсем ослабели. Сломить их будет легко. И хищно поглядывает в их сторону...

Появись джунгары сейчас, они легко захватят изголодавшиеся аулы. Сейчас к тому же идет окот, а казахи в эту пору что сидящая на яйцах птица. Кружится, кружится над гнездом, но его не оставляет. Так и казахи – не в их привычках покидать зимнее пастбище. Они теперь находятся рядом со своими овцами. Налетит враг, всех уничтожит поодиночке.

«О аллах! Откуда у меня такие страшные мысли? Пусть ветер не подслушает и не донесет до кровожадного контайджи проклятые эти мысли!» – Абулхаир прошептал молитву, повторил еще раз, а когда начал в третий, чуть не задохнулся от неожиданности: на черную гриву холма взлетел всадник. Он мчался, неистово погоняя коня. Случилось что-то недоброе! Может, беда с отрядом Батыра, отправившегося в Хиву? Судя по шапке, всадник не из людей Младшего жуза... Что он там кричит? Какой мерзкий голос! Такой же, как у гонца, принесшего весть о кончине Тауке-хана... Несчастье с Болатом?

Если бы кто-то погиб или умер, вестник переваливался бы с одного лошадиного бока на другой, бился головой о луку седла, царапал лицо и рвал волосы. Этот сидит прямо как кол. Но не умолкает ни на минуту. Неужели что-то затеяли джунгары?

– Вра-а-а-г! Вра-а-а-а-г! Вра-а-а-а-г напа-а-а-ал!

О аллах! Свершилось то, чего он больше всего боялся, чего с ужасом ждал.

Абулхаир выбежал из юрты, сжав в руке камчу, словно намеревался полоснуть ею гонца.

Хан взлетел на коня, отдал распоряжения. Послали гонцов за находившимися в походе Батыром и Бактыбаем, отправили гонцов в Каракумы к Букенбаю и в Кызылкумы к Есету. Помчались вестовые в разные концы, к другим баям. Наступила еще одна смутная, тяжелая пора в казахской степи. Днем на каждой гряде, на каждом холме застывали дозорные в черных одеждах, на вороных конях. Из конца в конец степи носились на вороных конях вестовые в черных одеждах.

Ночью на каждой гряде, на каждом холме горели костры, вознося к небу пламя и дым. Словно скользившие во тьме метеоры, пылали факелы в руках гонцов.

Будто вся земля горела, будто все небо пылало...

За три дня собралось войско и двинулось в сторону Каратау. Находившаяся теперь в руках врага гора словно вопрошала издалека казахских воинов, печально вглядываясь в них: «Когда же, когда вы освободите меня?»

Войско Младшего жуза вскоре вышло к западным отрогам неказистой горы, напоминавшей круп усталой лошади. Джигиты повернули коней к перевалу Сугундык. Перевал этот выводил к Сыганаку.

Ущелье пребывало в мрачном молчании. Со времен Аз-Жанибека и Керея оно поглощало и поглощало своим ненасытным чревом жизни, множество жизней.

С утесов с грохотом покатались камни – это убегали, прятались архары, потревоженные в их заповедной тишине, и таившиеся в зарослях прошлогодней куги кабаны. Защебетали, словно обрадовались чему-то, птицы; кукушки на ветках с любопытством вытягивали шейки. Вдоль тропинки, змеившейся по ущелью, пробивалась трава, источая запах свежести и жизни. Здесь еще царил мир...

Абулхаир, Букенбай, Есет и Батыр находились в глубоком раздумье. Враг движется со стороны Балхаша, значит, прежде всего джунгары сомнут, поглотят аулы Среднего и Старшего жузов. Потом скорее всего обогнут утес Кошкар-Ата и направятся на Туркестан. Нужно ждать, когда они разделят свое войско. Одни отправятся через тот же Кошкар-Ата, вдоль Арыси через Бадам – на юг. Другие минуют зеленое плоскогорье Кусеге, ударят по Баба-Ате и Сузаку и быстро продвинутся на юго-запад...

Да, недолго будет царить мир и тишина в Сугундыке! Не сегодня-завтра крики джунгар, что воронье карканье, разбудят эти скалы, нарушат их сон... Этот перевал нельзя оставлять без присмотра, здесь должны спрятаться воины. Но как, выжидая, подстерегая врага здесь, можно выдержать, вытерпеть, не схватиться уже сегодня с врагом, с мучителями детей, женщин и стариков. Как?.. По неволе пришлось разделить войско. Часть джигитов закрепится на скалах и нападет на джунгар, когда они войдут в Сугундык. Часть пойдет вперед, навстречу врагу.

Укрывшись легкой дымкой, Каратау дремал. Пребывающим в своей тысячелетней дреме горам некуда было спешить. А люди суетились, сами спешили как на пожар и торопили, понукали своих коней.

Абулхаир обратил внимание, что Тайлан оторвался от войска, умчался вперед. Весь день был он очень бледен, на его смуглом, обожженном солнцем лице, казалось, не осталось ни кровинки. Всей душой рвался Тайлан к своему аулу, расположенному около плоскогорья Кусеге. Жаждал взглянуть, увидеть перешагнувшего за восьмой десяток отца, любимого сына, красавицу Патшаим.

Тайлан готов был лететь к ним птицей, а у Абулхаира отчего-то похолодело, сжалось сердце, его пронзила щемящая жалость к другу. Он подумал: только бы стояла на исконном своем месте, у северного склона Каратау, юрта знаменитого на все три жуза бия Матэ и уважаемого всеми казахами батыра Тайлана! Только бы стояла целой и невредимой! Только бы аллах сохранил, уберег ее!..

Подъехал молодой джигит. Он был взволнован.

– Показалась пыль! Густая пыль! – прокричал он.

Абулхаир бросил взгляд вперед – там, все разрастаясь и разрастаясь, поднималась мутная пелена пыли. Она будто намеревалась соединить собою землю и небо. Неужели эта на глазах сгущающаяся пыль и есть та самая великая беда, которую казахи со страхом ждали много лет, гадая, нагрянет она в этом году или в следующем... Вот она и объявилась – беда, горе народное! Вот и приближается как тысячеголовый дракон, все пожирающий, все сметающий на своем пути!

Люди хмурились, молчали, выжидаяще поглядывали на Абулхаира: что он скажет, что сделает?.. Что он может сказать? Какое значение может это иметь теперь? Думать и действовать надо было раньше! Не доводить стра-

ну до такого состояния! Привыкли ходить на длинном аркане и в просторных путях, не привыкли действовать умно и широко! Вот и гибнут теперь – и еще сколько погибнет! Казахи! Все слезы и вздохи теперь напрасны! Поздно! Остается одно: до последней капли крови биться с врагом. Так биться, чтобы прихватить с собой на тот свет хотя бы одного врага!

Абулхаир обратился к батырам:

– Добьемся ли мы чего-нибудь путного, если завяжем битву здесь? Совсем голая, открытая местность... Не лучше ли отступить к Сугундыку?

Батыры согласно закивали.

Пробравшись ложбинами и оврагами, прибыли остальные дозорные, сообщая, что джунгары приближаются.

Джигиты укрепились, затаились в укромных местах за скалами и кустарниками. Большое войско исчезло будто растворилось – среди густых зарослей и каменных глыб. В ущелье воцарилась тишина... Закуковала в зарослях кукушка. Греясь на солнышке, завели свои песни птицы. Лишь горные орлы парили высоко-высоко, и было в их полете напряжение, ожидание чего-то недоброго.

В горах стояли свежие, молодые, будоражащие запахи. На склонах распустились кусты челига, можжевельника. Справа и слева от бежавшего по дну ущелья ручья пробилась, как пушок на подбородке юнца, травка.казалось, она бежала рядом с ручьем, вслед за ним, наслаждаясь веселой и забавной игрой. Еще чуть-чуть, и жизнь – ликующая весенняя жизнь – готова была вступить в полную силу.

Нежные весенние ароматы и ласковое весеннее солнце словно проникли в Абулхаира, наполнили его собою, влили в тело его и душу какую-то бесовскую силу. Хотелось лечь, броситься на эту зелень, на пробудившуюся к жизни землю, и кататься по ней. Хотелось взобраться на шершавую скалу и, натянув лук, стрелять в зверей, птиц, затаившихся среди скал и зарослей, – от полноты расправших его сил и радости. Хотелось дышать полной грудью, дышать жадно, прополоскать легкие густой горной прохладой и запеть во весь голос. Так запеть, чтобы слышали твою песню девушки из белоснежных юрт, которые скоро, будто белые цветы, расцветут у подножий гор. Хотелось, подставив грудь лучам солнца, глядеть и глядеть в небесную голубизну, пока не уснешь, укутанный их теплом...

Забытый за дни похода сон отыскал Абулхаира и смежил его веки. Тело Абулхаира охватила истома, и он задремал. Однако минуты отдыха были короткими. Тревожно закричали, подали условный знак дозорные. Сна в глазах Абулхаира как не бывало.

В ущелье начала входить джунгарская рать. Джунгары словно всасывались в этот каменный мешок, они постепенно растягивались в тонкую и длинную цепь. Встревоженные тишиной, они озирались по сторонам. Джунгары продвигались, поднимались вверх, их приземистые, привычные к горам кони легко карабкались по склонам. Вскоре враги были на расстоянии вытянутой руки от сидевших в засаде казахов.

Вокруг тихо, ни звука, но кони начали беспокойно пофыркивать. Джунгары насторожились и стали посылать стрелы в заросли и расщелины, дабы проверить, нет ли там казахов. Стрелы со звоном ударялись о камни, исчезали в кустарниках. Однако оттуда никто не выскакивал, никто не издавал ни звука. Застывшая на миг тяжелая рать тронулась дальше.

Когда враги осыпали стрелами склоны гор, сердце Абулхаира сжалось от острой, пронзительной боли. Он знал: сейчас, в этот самый момент, не один джигит молча уходит из жизни. Верны слову его воины, верны джигиты! Выполняют приказ: «Пока все джунгарское войско не войдет в ущелье, пока его передовые отряды не упрутся в тупик – не стрелять, не издавать ни звука!»

Один за одним гибнут джигиты, боясь застонать от боли и тем открыть врагу тайну. Прощайте же, воины!.. Все вы – гордые души, не склонившие головы перед врагом... В обычные мирные дни каждому из вас – в знак уважения – подавай по бараньей голове на блюде, по одному коню и по халату в подношение... Кичливые, смешные! Теперь, пронзенные стрелами, расстаются с жизнью безмолвно, мужественно.

Джунгарские воины не жалели стрел, пускали их в каждый подозрительный кустик или укрытие. Чем глуше тишина, длительнее безмолвие, тем больше они тревожились.

Знамена из конского волоса приблизились к Абулхаиру почти вплотную. Теперь уже со всех сторон врагов окружали скалы – бесстрастные, суровые. Кое-где они расступались, открывая маленькие каменные площадки, кое-где, словно бодливые козлы, упирались одна в дру-

гую. Журчала вода в ручье, катились из-под лошадиных копыт мелкие камешки. Вражеский передовой отряд уперся в последний рукав перевала, ведущего на Сыганак. Последний отряд вошел в устье ущелья.

«Нужно подождать, потерпеть еще совсем немного! уговаривал себя Абулхаир. – Пусть джунгары с облегчением вздохнут: «Уф, опасность миновала!» Пусть расслабятся, забудут об осторожности, станут беспечными. Во все времена, сколько кочуют здесь народы, это хищное ущелье не отпускало людей, не испив их крови. Сегодня опять будет ему пища. Да пусть во веки веков кровь эта будет только вражеской!»

Сверху раздался условный знак – крик козодоя. Джунгары подняли головы, посмотрели наверх. Тысячи стрел пронзили их, тысячи стрел вонзились в коней, словно каждый куст и каждый камень проклятого ущелья извергал стрелы.

Джунгары растерялись. Никого не видно, а стрелы сыплются сверху, со всех сторон, валят воинов одного за другим. Пока они пытались понять, кто и откуда стреляет, из своих укрытий на джунгар налетели всадники и стали рубить их мечами и колоть копьями... Те, кому удалось вырваться на простор, схватились с казаками в рукопашной. Оказавшиеся же в теснине не могли сдвинуться с места, развернуться и в бессильной ярости пускали стрелы в небо. В тщетном стремлении вырваться из каменной западни враги начали мять, давить друг друга. Ряды джунгар редели.

Со всех сторон неслись крики, проклятья и стоны. Как подкошенные падали люди. Освободившиеся от всадников кони из последних сил карабкались вверх по склонам, с грохотом катились на дно ущелья, сраженные стрелами. Вой, крики, вопли еще живых сливались воедино с ржанием коней, со стуком, грохотом падавших мертвых тел, образуя жуткую, дикую музыку. Словно камни ожили на груди Каратау и стали метаться, биться, кричать, визжать, проклинать, скрипеть зубами. Словно все и вся, что было на земле и на небе, сцепилось, сошлось в смертельной схватке. И только безучастное смешливое солнце с любопытством заглядывало в ущелье, на скрестивших мечи людей.

Вражеские отряды в панике бросились из теснины, но путь им преградил большой отряд конников Младшего

жуза. Дух джунгар был сломлен, дух казахов поднялся. Тучи стрел, как тучи комаров, все летели и летели в джунгар, доставая их повсюду – и на скалах, и на тропках, и в кустах, и на дне ущелья.

Мужество и сплоченность джигитов превзошли все ожидания Абулхаира. Ни одного неверного, ошибочного движения не сделали они, ни одного просчета не совершили. Стрелки открыли стрельбу в самый нужный момент. Всадники из засады появились точно в положенный срок. Вход в ущелье и выход из него были закрыты минута в минуту. Громоздкое войско врага билось теперь на глазах его батыров, как щука, угодившая в сеть. Теперь джунгарам отсюда живыми не выбраться!

Абулхаир всмотрелся вниз, на дно ущелья, где еще кипел бой. Глаза его выхватили среди всех Тайлана. Он действовал отважно, стремительно. Откуда-то донесся рокочущий голос Букенбая. Чуть поодаль, позади себя, Абулхаир обнаружил Мырзатая на белом коне, с белым ханским знаменем в руках. Он крутился в седле и кричал то одному, то другому:

– Эх, раззява, кто же нападает справа? Ах, чтоб твою невесту... Во, во, вонзай в подмышку! Молодец! Эй, не зевай, сзади, сзади заходит один! У тебя глаза на лице или на заднице? Внимательнее, внимательнее, будь начеку! Не плошай, слышишь?!

Знамена родов развевались победно, по всему было видно: скоро битве конец...

Налетела тьма воронов. Они кружились над воинами, каркали, словно говоря: «Дайте теперь поживиться нам! Сколько мертвых! Вам победа – нам отрада и пища!»

Абулхаира охватили странные, противоречивые чувства. Он был воодушевлен победой, ликовал, торжествовал. И в то же время все внутри у него дрожало, будто предвещало какое-то несчастье. Поражение врага утолило его гнев и жажду мщения. Но руки его дрожали.

Перевалило за полдень. Тени на дне ущелья стали длиннее. Битва еще продолжалась. Солнце склонилось к закату. Утихли крики людей, лязг мечей...

«Где же основное, главное джунгарское войско?» – впервые задал себе вопрос Абулхаир. – Наверное, сделало большой крюк и вышло где-то на юге. Мы же, судя по всему, расквитались лишь с небольшой его частью. Той, что грабила Сузак!»

У Абулхаира непроизвольно сжались кулаки:

– Где их все начальники? Не допросили?

Был какой-то молодой тайши! Убит стрелой!

– Где он?

– Тело в ущелье, а голова – вот!

Султан Батыр бросил к ногам хана голову. У тайши было округлое темя, открытый лоб, приятное лицо, из тех, что с первого взгляда вызывают симпатию. Под прямым с узкими крыльями носом начали пробиваться усики. Доброе лицо – без следов гнева, злобы или мести... Кого-то он напоминал Абулхаиру, даже чуб и тот... О аллах!

– Где наш Нурали? – после паузы спросил хриплым голосом хан.

– Я здесь, отец! – откликнулся сзади сын. Мальчик лет двенадцати с округлым теменем и открытым лбом, над которым торчал чуб, подъехал ближе к отцу. Абулхаир бросил на него быстрый, испуганный взгляд, но ничего не сказал.

– Что будем делать с этим? – осведомился Батыр буднично, показывая на голову.

– Выбрось!

Когда хан усаживался в седло, султан Батыр все еще вертел в руках свой трофей. Потом швырнул в пропасть.

Кроваво-красное солнце застряло между двумя острыми вершинами, словно желая проститься с чем-то для него дорогим, что навеки исчезло из жизни там, на дне ущелья.

Абулхаир в тревоге посмотрел на багровый солнечный круг. Но теперь он будто игриво ему улыбнулся. «Как красная сука, лижущая кровь!» – передернулся Абулхаир. – Солнцу, получается, тоже безразлично, что творится на земле. Кровь течет, яд изрыгается, люди гибнут, мухи дохнут – ему все одно. Неужели ему безразлично, что этот мир не знает мира и покоя? А смута, грохот, смерть вызывают у него только любопытство – вон как пялится!»

Хан тихонько тронул коня. За ним из черного ущелья, укрытого черными тенями, двинулась, как туча, рать.

Абулхаир прибыл с войском в Сузак. Кони спотыкались о мертвые тела, остатки порушенных лачуг и опрокинутые юрты. В воздухе разносился протяжный собачий вой...

Хан добрался до Шолаккурмана. И здесь джунгары все сровняли с землей...

И над Баба-Атой нависла зловещая тишина, и здесь враг не оставил ничего целым, кроме деревца, к веткам которого были привязаны пестрые разноцветные тряпочки. словно напуганные щемящим зрелищем запустения, за холмами тоскливо выли волки.

Как только войско Абулхаира покинуло Баба-Ату, Тайлан поскакал вперед. Никто из джигитов не решился догнать его и вместе с ним добраться до его дома...

На рассвете Абулхаир и его воины приблизились к плоскогорью Кусеге. Вид знакомых мест взволновал Абулхаира. Его захлестнула горячая волна любви. Как много связано у него с одинокой юртой на краю обширного плоскогорья, которую он посетил впервые еще совсем зеленым юнцом в тот день, когда вышел у них с Тайланом спор из-за архара... Погнавшись за лисой – то ли во сне, то ли наяву – он снова очутился около этого очага – дорога привела или судьба... Перед глазами Абулхаира возник Матэ, сидящий на торе скрестив ноги и потягивающим чай. Патшаим, которая разливает чай, отставив в сторону мизинчик. Трепетала душа Абулхаира, задрожали губы.

Абулхаир соскочил с коня и пошел пешком. Все последовали его примеру.

Абулхаир взял с собой предводителей родов и батыров, и они направились к пригорку, где еще совсем недавно стояла юрта.

Абулхаир с трудом передвигал ставшие вдруг пудовыми ноги. Чем ближе подходил он к этой темно-серой куче, тем бешенее колотилось его сердце, тем больнее оно ныло. Абулхаир только сейчас понял, как дорога была ему эта одинокая юрта в безлюдной степи и люди, обитавшие в ней.

От юрты осталась зола и обуглившиеся куски остова. Абулхаир осторожно разворошил золу копьем, замирая от мысли, что вместе с юртой сгорели люди. Нет, к счастью, нет... Лицо Тайлана было сведено судорогой, губы шевелились: видно, благодарил всевышнего за то, что три самых близких для него в этом брэнном мире человека живы, хотя и терпят муки. Живы...

Тайлан окинул печальным взором родные, поруганные места. Зазеленели посевы. Уж не один год Матэ находил особую отраду в работе на земле. Степняки всегда гово-

рили о Матэ с особой гордостью и почтением. Однажды, рассказывали они, Матэ осерчал на биев, это случилось во время большого совета. Не прислушались бии к его наставлениям, к его словам, а был Матэ тогда главным бием. Осерчал и покинул совет. Накинул на плечи чекмень, сел на верблюда и, оттолкнув тех, кто пытался остановить его, уехал. Погрузил ночью свой скарб и откочевал, исчез. Утром люди проснулись, а от юрты Матэ лишь след остался. Стали они строить догадки, куда мог перебраться Матэ? В Хорезм – ведь его предки из каракалпаков? К родственникам жены – она из племени кипчаков? Может, в Бухару – решил стать святым?..

Пока люди спорили, Матэ добрался до северных отрогов Каратау и поселился там возле родника. Его жена, болезненная и слабая женщина, умерла вскоре от одиночества и тоски. Два из трех его верблюдов подохли, не сумели привыкнуть к чужому, незнакомому пастбищу. Старик остался на белом свете с единственным сыном да с одним дромадером.

Редко встретишь в степи человека, который не был бы наслышан о Матэ-батыре и его подвигах, беспримерной храбрости и удали.

Однажды, казахи передавали из уст в уста, Матэ в одиночку напал на большой джунгарский отряд, окруживший беспечного хана Жангира, и отбил, освободил его. Сам же бежать не успел, попал в плен.

Узнав о его отчаянной храбрости, контайджи призвал Матэ к себе:

– Если ты назовешь три самые сладкие вещи на свете, я подарю тебе свободу!

– Что может быть слаще жены, если она любима тобой и красива? Что может быть слаще сына, ею рожденного? Что может быть слаще смерти, если ни разу в жизни не осрамил свое доброе имя?.. Я изведаль все эти сладости, теперь могу умереть спокойно! – отвечивал Матэ.

Контайджи отпустил его на свободу и в знак признания вины подарил ему чапан...

Матэ носил самую что ни на есть простую, невзрачную одежду, объясняя, что любая ценная вещь будет петлей для его острого языка и помехой для его чистого сердца. Не копил добро, не делал поблажек сородичам, говорил правду в глаза, за что и был прозван Неистовым Правдолюбцем... Был щедрым человеком: все, что полу-

чал за распутывание сложных тяжб, раздавал неимущим и калекам.

Когда-то – тогда Матэ уже не был бием – он отправился помянуть усопшего сверстника. По дороге ему повстречалась старая женщина.

– Слыхала я от людей: один благодетель находится на небе, другой, Матэ, – на земле. Если ты и вправду Матэ, облагодетельствуй меня! – обратилась она к Матэ.

Он отдал ей единственного верблюда, сам продолжил путь пешком...

Матэ обрабатывал землю, выращивал хлеб и овощи. Бродил по горам и ущельям, охотился – добывал мясо. Так и поставил на ноги Тайлана.

Абулхаир знал, кажется, все подробности и мелочи жизни этой семьи. Знал и любил, дорожил ими как самыми заветными воспоминаниями.

Тайлан подрос и сказал как-то Матэ:

– Отец, мои ровесники сели на коней. У меня коня нет. Может, мне поймать и приручить дикого кулана?

– Сынок, много раз я слышал от людей «спасибо», – улыбнулся Матэ. – Наверное, дела, за которые люди говорили мне «спасибо», не дадут тебе ходить пешком!

В один из дней Тайлан был на охоте и увидел в горах караван. Предводитель каравана подъехал на своем коне к юноше и поинтересовался:

– Ты чей будешь, сынок?

Тайлан не скрыл, ответил. Тогда незнакомец спешился и отдал Тайлану повод коня.

Ему приглянулся красавец конь, но он никак не мог решиться принять такой щедрый дар от случайного путника. Он принялся отнекиваться, а хозяин скакуна все протягивал ему повод и протягивал:

– Джигит, бери, не отказывайся! И горе, и счастье к человеку приходят вот так вот, нежданно! Не обижай меня. Одна только просьба у меня к тебе – передай поклон отцу!

Тайлан сел на коня и поинтересовался:

– От кого же передать поклон отцу?

Незнакомец усмехнулся и – в ответ:

– От красного бычка!

Увидев сына на грациозном скакуне, Матэ только и вымолвил:

– Поздравляю с конем, сынок!

Вечером перед сном Тайлан поведал ему чудесную историю, которая с ним приключилась. Матэ добродушно рассмеялся. Потом открыл сыну историю незнакомца.

Тот в детстве, оказывается, украл красного годовалого бычка, которого один бай гнал вместе со скотом на базар. Когда уже начали вынимать из котла мясо, искавший пропажу бай вместе со слугами нагрязнул в дом вора. Бай вывалил мясо в золу, схватил за косы мать мальчика и избил ее. Мальчика привел за ухо к Матэ-бию. Тот выслушал бая и рассудил так: «Ты не сумел углядеть за своим бычком и потому он совершил доброе дело: попал в котел к голодным людям. Бычка твоего мог и волк уволочь... За то, что из-за такой малости ты побеспокоил меня, прервав мой обед, отдашь мне одну дойную верблюдицу. За то, что посмел таскать за волосы женщину, — тебя ведь тоже родила женщина — заплатишь ей как повинную пять кобылиц. За то, что, еще не выслушав решение бия по этому делу, избил мальчика, присовокупишь десять овец...

Скряга-жалобщик убрался восвояси, понеся убыток. Мальчик заробел, стеснялся принимать при честном народе этакое богатство. Матэ заметил это, успокоил его:

— Пусть растут и умножаются десять твоих овец, верблюдица и пять кобылиц!..

Выходит, повезло когда-то незнакомцу нежданно-негаданно и он не забыл своего благодетеля.

— За поклон спасибо, пусть и сам будет здоров! — заключил свой рассказ Матэ и заснул сном праведника.

Пришел день, и Матэ ни с того ни с сего любопытствовал:

— Почему ты, сынок, на базар не съездишь?

— А что мне там делать? — вытаращил глаза от удивления Тайлан.

— Отправляйся на своем чубаром, возвращайся на своем чубаром — больше тебе ничего делать не надобно! — загадочно напутствовал его Матэ.

Тайлан поехал на базар в Туркестан. Неподалеку от базара его окликнул человек средних лет. Тайлан, видимо, привлек его внимание своей одеждой из шкур.

— Счастливого тебе пути, сынок!

— Спасибо, аксакал! — вежливо ответил Тайлан.

— Чей же ты будешь? — последовал вопрос. Тайлан назвал. — Подожди меня здесь, дорогой ты мой! Нет

нужды лезть тебе в базарную толчею. Во-о-он сколько там народу, шум, гам. У меня припасен гостинец для твоего отца!

Вскоре аксакал вернулся с полным мешком за спиной, приторочил его к седлу Тайлана.

– Как же я объясню отцу, аксакал, от кого гостинец? – совсем опешил Тайлан.

– Э-э-э, дорогой, разве мало на свете людей, которым твой отец сделал добро? Я один из них, – похлопал его по ноге мужчина. – Отправляйся домой с богом и миром в душе!

Вернулся Тайлан домой, открыл мешок, а он полон всякого добра, дорогих одежд... Так расстался Тайлан с одеждой из шкур.

Позже, когда Тайлан и Абулхаир уже стали неразлучными друзьями, Матэ раздумчиво произнес однажды:

– Конь у тебя справлен, сынок, одежда справлена, друг есть. Чего недостает джигиту, а?

– Отец, где же мы возьмем на калым девять голов скота трех видов да сорок коней?! – изумился парень.

– Не зря существует поговорка, не зря! – глаза Матэ заблестели лукаво и добродушно. – «Сын для отца – пять лет загадка, отец же для сына – всю жизнь». Ты, я вижу, недостаточно ценишь своего отца! Не до конца во мне разобрался! – Матэ покачал с улыбкой головой. – Если твой отец – Матэ, а друг – Абулхаир, зачем тебе калым? Садись на коня, пригласи с собой в дорогу Абулхаира и останавливайся у любого дома, достойного принять султана. Дальше все увидишь сам!

– В чей бы аул поехать, отец, как по-вашему?

– Свой почет, имя отца, честь друга бросать у порога худого дома не следует! Ты рос и жил как единственный сын одинокого старика. Пусть аул твоего тестя будет многолюдным. Зачем гнать коня далеко? Поезжай на Борлдай, в аул Жомарта! – ответил Матэ.

Он назвал известный своим богатством аул Жомарта – как тут было Тайлану не потерять дар речи. Но если отец велит – делать нечего! Тайлан пригласил Абулхаира, и они вдвоем отправились к Жомарту.

Аул находился на пути к знаменитым базарам Сайрама, но бай не знал, куда девать ему скот – столько его было!..

Он радушно принял гостей из Младшего жуза: один из них – тюре, а другой – сын Матэ, батыр! Не дав джигитам ступить на землю, аулчане сняли их прямо с коней,

поставили им белую юрту. День гостили юноши, два гостили. На третий день, когда они через слугу дали понять, что собираются уезжать, к ним пожаловал Жомарт.

— Вы особенно почетные гости. Обычно у таких гостей о цели приезда спрашивают в момент приезда, а не в момент отъезда. Однако, догадываясь о вашей цели, я не стал признавать ее сразу, хотел, чтобы вы погостили спокойно и без стеснения...— Жомарт помолчал немножко, вскинул голову и осведомился: — Итак, когда Матэке намерен забрать свою сноху?

Так появилась в ауле Патшаим. Жомарт выполнил их пожелание, даже не дав им вымолвить слова. Друзья вернулись к Матэ; они еще не знали, какая именно из дочерей Жомарта станет хозяйкой в бедной юрте Матэ и Тайлана...

И вот теперь нет здесь Патшаим. Где, где же она? Тайлан ходил взад и вперед, кружил около родного пепелища, около разрушенного своего очага. Он наткнулся на черепок от блюда, когда-то его держала в своих руках Патшаим! Целыми остались кизяк, его недавно собирала Патшаим, окрашенные хной три альчика, ими играл сын, да, видно, здесь и бросил. «Вот и все, что осталось от вчерашней, такой счастливой, похожей на сказку жизни моего друга!» — чуть не плакал Абулхаир.

Тайлан как подкошенный опустился на колени. Он ударил кулаками по куче пепла. Точно горе, которое Тайлан держал в себе, а теперь выпустил, серый пепел поднялся фонтаном и запорошил ему лицо. Невесомый этот серый след вчерашней мирной, сегодняшней поруганной жизни прилип к Тайлану. «Где же ты пропадал, почему не сохранил дом свой, почему не уберег очаг свой?» — беззвучно взывал он к батыру.

Мороз побежал по спине Абулхаира. Это он виноват, что оторвал верного друга от семьи, не отпускал от себя так долго. Как горько раскаивался он теперь в этом!..

Впервые в жизни Абулхаиру открылась истина — простая и сложная, как сама жизнь. Любой человек по-настоящему счастлив только у родного очага, в те короткие часы и дни, что проводит он в отчем доме. Любой джигит, если он даже способен горы для людей своротить, если сделал в этом мире много добрых дел, оставил доброе имя, добрую память о себе, если совершил подвиги во имя страны своей, народа своего — все равно счастлив

лишь около родного очага, рядом со своими любимыми и близкими. Около них, рядом с ними оценивает он все содеянное или свершенное им в жизни. «Я не дал своему лучшему, единственному другу насладиться простыми человеческими радостями. В поход ли отправлялся, на дальнюю охоту, в долгий путь ли – всегда через гонца вызывал я Тайлана. И он всегда являлся по первому же моему зову. Оставлял тепло очага, наслаждение и нежность, которые дарила ему красавица Патшаим, любовь отца, лепет ребенка, горячие ручонки, обнимающие его шею... О аллах, прости меня!» – чуть не зарыдал Абулхаир.

Не вытерев лицо от пепла, Тайлан направился, пошатываясь, к полю. Подошел к лопате, которая была воткнута на самом краешке поля. Постоял, прижав к груди черепок лопаты, и вдруг вздрогнул: неподалеку лежали чьи-то тела. Подбежал ближе и увидел: валяются пять джунгар с рассеченными затылками, над ними кружатся зеленые мухи. Один мертвой хваткой вцепился в ногу отца! Матэ лежал, уткнувшись лицом в землю. Джунгары убили старика, вонзив ему между лопатками копье. Кетмень валялся чуть в сторонке. Старый батыр защищался до последнего. Земля вокруг вся была взрыхлена. Джунгары приняли смерть от его кетменя.

Тайлан рухнул около отца на колени, перевернул его на спину. Лицо Матэ было спокойно, безмятежно. На бороде запеклось несколько капель крови. Открытые безжизненные глаза были устремлены на Тайлана. Умиротворенное лицо не таило обиды – казалось, приди сюда перед самой кончиной Матэ, он и тогда сказал бы: «Ох, дорогие мои, сколько раз я говорил вам: смерти никому не миновать...»

Абулхаир прикрыл веки старого бия. Матэ не раз говорил и другое... На большом совете, с которого он ушел в гневе и обиде на степных правителей, он бросил им: «Не избежать обиды, если мы живем вразброд, не заботясь о будущем!» Обосновавшись в безлюдном месте, копаясь в земле, чего никогда не делали его предки, Матэ говорил всем и каждому: пришло время, настала пора крепко задуматься казахам о том, как быть им дальше? Гривы коней да горбы верблюдов не спасут их ныне: такие грянут беды и перемены, что самый быстрый конь не унесет от них....

Когда скончался Тауке, Матэ, единственный, спросил:

«Казахи, о чем вы плачете? О том, что не найдется хозяйина для трона, или о том, что не найдется хозяйина для страны!» А когда Болата избрали на трон и люди собрались на ханталапай, он предсказал: «Когда на трон восходит умный хан, народ уводит его скот, сам обирает хана. Когда же восходит неумелый и неумный хан, грабежу подвергается его народ, у людей уводят скот. Я знаю Болата с малых его лет. Ни разу не видел, чтобы он взошел на холм, задрал полы, подставил лицо ветру и справил нужду, – вечно прятался по оврагам! Робок он и вял! Радости вам с ним не будет!»

И нынешней весной он говорил людям: «Берегите, казахи, мужей и скакунов!» Однако разве кто-нибудь принял во внимание его слова? Вот и результат: разгромили казахов у их же собственных очагов. И каждый при этом винит не себя – других! И Абулхаир тоже винил во всем Болата, дрыхнувшего в своем дворце в Туркестане и днем, и ночью. Отвечать надо самому, винить только себя! Ведь советы и наставления Матэ предназначались прежде всего для него, Абулхаира... Внял ли он им, а также его мудрости и опыту в полной мере? Увы, нет!

«До сих пор я не могу решиться на большее, чем отойти в сторонку! Отойти и тяжело вздыхать, горько сетовать наедине с собой на незавидную мою долю!.. Да, скрипел зубами, а на решительные действия, на борьбу духу не хватало. Все высчитывал, взвешивал, выжидал.

Когда-то Матэ учил меня: пусть поводырем твоим будет рыжая лиса. Я же истолковывал его слова, как мне было сподручнее и выгоднее: лисья хитрость это-де умение прятаться под каждым кустом! И пока я прятался, рыжая лиса оборотилась красной сукой, лижущей кровь!

Давно, очень давно я не встречал свою лису-судьбу... С тех пор, пожалуй, как пил чай в юрте Матэ, его подавала нам Патшаим, улыбаясь улыбкой рыжей лисы... Вчера повстречал ее на перевале Сугундык. На этот раз она превратилась в заходящее солнце. Прямо напротив меня лакала с шумом из реки кровавой, наполнившей собой ущелье. Проклятая лиса подняла острую морду, свесила язык, глянула на меня и помахала презрительно длинным хвостом... Одному аллаху известно, какими бедствиями грозит это народу и степи нашей, какие несчастья предвещает!

Однако могут ли быть несчастья и горе страшнее тех, что я вижу со вчерашнего дня?..

Матэ лежит так, будто слышит, чувствует, как я корю себя, о чем думаю и говорю. Плотны закрыты глаза аксакала, словно он смущен тем, что не может помочь мне, помочь, как прежде!»

Тайлан и Абулхаир долго оставались у тела Матэ. Неотрывно в безутешной скорби вглядывались они в морщинистое, доброе лицо... Поднялись, вырыли могилу и предали земле погибшего в праведной борьбе с врагами старого батыра. Насыпали могильный холмик. В изголовье воткнули кетмень, с которым Матэ не расставался до последнего вздоха. Сверху положили стрелу с медным наконечником – острием на восток, в знак того, что человек, который решит мстить за покойного, должен искать врага на востоке.

Воины опустились на колени лицом к Мекке, кто-то прочитал заупокойную молитву. Люди уже сели на коней, а Абулхаир все стоял возле могилы дорогого человека. Человека, который был для него не только несгибаемым, неистовым правдолюбом, как для великого множества степняков. Был образцом, единственным его учителем и наставником, совестью... Теперь он остался один, совсем один. Прежде Абулхаир плыл по необъятному океану жизни – среди дум, забот, целей и замыслов, – не упуская из виду Матэ. Аксакал был его парусом в этом океане, был для него огоньком во мраке. Упрямый, стойкий, всегда вселявший веру и надежду... Нет больше Матэ. А он остался один в утлой лодчонке, среди переменчивого, стремительного потока жизни. Каждый день меняется направление ветра, каждый день по-иному катятся волны... Отныне он должен все додумывать и решать сам, сам верить или не верить людям, собственным замыслам, сообразуясь лишь с собственным сердцем и разумом, с собственным не таким уж большим опытом!.. Вот когда оно наступает – настоящее одиночество! Отныне его спутником и поводырем будет память о Матэ, советы его, шагнувшего в небытие... Мудрые высказывания, советы и изречения Матэ с годами станут еще весомее, еще необходимее ему и другим казахам тоже...

Когда они виделись в последний раз. Матэ изрек: «Самые смелые, умные и энергичные джигиты всех казахских родов должны стремиться вперед. К благу всеобщему это было бы... Если же такие джигиты будут проявлять

малодушие, излишне скромничать, то свяжут по рукам и ногам и свое счастье, и счастье всего народа... Стремление на почетное место способных, но слепых душой пройдох – не радость, а беда... К несчастью нашему, среди казахов достойным недостает упорства, а недостойным – скромности...»

Теперь Абулхаир понял смысл этих слов, намеков, в них заключенный. Это был совет ему, хану... Нет, больше он не станет прятаться в тени! Любую преграду одолеет, любую стену прошибет, чего бы это ему ни стоило.

Абулхаир последним отъехал от могилы Матэ. Он видел, что Тайлан снова подошел к пепелищу. Нагнулся, поднял железную ступу, поковырял ею золу. Что-то звякнуло – железная сковорода, а на ней лепешка, слегка надкушенная. Наверное, Патшаим надкусила! Может, она жива! Тайлан сунул хлеб за пазуху и сел на коня!

Потом... Потом начались дни и годы, которые народ назвал годами великого бедствия.

Абулхаир и его соратники месяцами не слезали с коней. Сражения и битвы длились неделями. Казахи то побеждали, то терпели поражения, но, даже побеждая, не добивались перемен к лучшему в своей судьбе...

Джунгары всегда заставляли казахов врасплох. В одно ясное апрельское утро джунгары напали на аул Садыра Жомарта, раскинувшийся привольно у реки Боролдай возле горы Большая Тура. Аулчане спали сладким сном.

Первой увидела врага старушка, вышедшая по нужде, но за врага не приняла. Она решила, что какой-то юноша украдкой возвращается на рассвете домой с игрищ.

– Ах ты бессовестный, что же это ты творишь? – запрочитала старушка. – Ты что, ослеп или ячмень у тебя на глазу вскочил, не видишь, куда прешься, а?

Но «бессовестный» бежал прямо к ней, будто и не слышал ее ругани. Старуха бросилась к юртам, громко вопя: «Ойбай! Ойбай!». На ее крик выскочили люди и увидели, что враги огибают аул с трех сторон.

– Ойбай! Враг! Враг! – закричали аулчане. – О горе, враг напал!

В ауле не оказалось ни одного коня: все были на пастбище. Началось истребление людей. Не разобравшись толком со сна, что произошло, Жомарт выбежал из белой восьмистворчатой юрты в исподнем, прихватив, правда, копье и саблю. Обезумевшие люди устремились в

ущелье. Разве спасешься в узком, темном ущелье? Перед аулчанами как из-под земли выростали все новые и новые убийцы.

К полудню все мужчины мирного аула были убиты.

Джунгары согнали в кучку женщин и детей, оставшихся в живых, а сами уселись в тенечке поесть. Насытившись и отдохнув после кровавой работы, джунгары стали отбирать себе пленников. Тайши распорядился:

– Самых красивых девушек и баб – в сторону! Сирот и вдов еще будет предостаточно! Из детей заберем с собой только отпрысков известных казахских батыров, если таковые здесь имеются!

Не тронули, оставили десять девушек и молодых, пять мальчиков. Остальных уничтожили – стрел не жалели, выпускали их в людей, словно комаров.

В тот же день были разорены и уничтожены аул батыра Бурте из рода найманов и несколько других аулов.

Бедствие захватывало, подминало под себя все новые и новые аулы. Были разрушены три города на севере от Каратау. Огнем и мечом прошелся враг по аулам вдоль Боролдая, Бадама, Кошкар-Аты и Арыси.

Казахи сражались отчаянно, жизнью не щадили, но врага остановить не могли. Гибли в тесных ущельях и возле узких речных бродов – под Иканом, Туркестаном, Карнаком, Шорнаком, Саураном и Жулеком.

Наверное, это и был конец света, о котором в давние времена твердили мудрецы и пророки. Степь была усеяна трупами. Куда-то бредут босые, оборванные люди – беженцы. Скот и все добро брошены или отобраны врагами. Потерявшие друг друга родные и близкие, порушенные семьи. Пепелища и разор всюду, куда ни бросишь взгляд.

Смерть, смерть и муки – унижения, голода, бесприютности.

Племена Старшего и Среднего жузов кое-как добрались до Бухары. Утопая по самые лодыжки в пыли, аргыны и кипчаки Среднего жуза вышли к берегам Тургая. Многочисленные кочевья Младшего жуза трижды обошли Сауран, продрались сквозь колючки Кызылкумов и потянулись к хивинским низинам.

Увидев этих несчастных, лица, одежда которых были покрыты толстым слоем пыли, можно было подумать, что люди и вправду сначала были созданы из глины... Скажи этим бедолагам лечь и глотать песок, они, кажется, лягут и будут глотать – голод...

На растениях не осталось ягод и семян, потом не осталось растений и трав. У каждого водоема ютились обесиленные люди и кипятили в кувшинах траву, делали отвары. Горький чагыр – и тот считался пищей. Корням алги и жаужумыра радовались, как белой кукурузе. Толокно из зерен дикого проса готовили только для ханов и султанов, чернь о такой еде и помышлять не смела.

Бородатые мужчины заводили свары, свалку, когда находили дикую редьку, дикую морковь – кусок – или дикий картофель – мондалак. Каждый норовил первым схватить то, что могло служить пищей... Еще вчера величавые седобородые аксакалы торопливо очищали от земли дикую морковь. Если кто-нибудь отыскивал что-нибудь съедобное, то тут же налетали люди и кричали: «Убирайся отсюда! Это мое! Я первый увидел! Проваливай!» На такырах взрослые мужчины вынимали из ножен кинжалы и как шальные бросались к «волчьей лодыжке», корни которой глубоко уходят в землю. Стоило кому-нибудь заметить шмыгнувшего в норку зверька, тотчас же пускали в норку дым, глядели во все глаза, следили, откуда зверек выскочит. Растолстевшие по весне псы ослабли теперь так, что не были способны даже лаять. Завидев человека, они из последних сил уносили от него ноги. Все звери куда-то попрятались, чтобы не оказаться на пути этих двуногих прожорливых существ, которые отлавливали и с жадностью поедали все, что только попало на глаза.

Степняки поневоле узнали, что змеиное мясо дает жирный и наваристый бульон, от туберкулеза хорошо лечит барсучье сало, а от воспаления легких – бульон из змеи, нарывы же можно свести, приложив к ним горячее собачье мясо. Горькая наука...

Каких только страстей не узнали и не творили люди в те годы! Бывали моменты – после каждого привала кочевья аксакалам приходилось считать младенцев в колыбелях. Тогда же родилась и пословица: «Ячмень и пшеница – пища, золото и серебро – всего лишь металл».

Оставив мертвых в безводных пустынях, живые добрались до Хивы. Поначалу хивинцы как могли помогали беженцам, претерпевшим столько бед и несчастий. Но где набраться милостыни не для десятка, не для сотни, а для тысяч и тысяч нищих. Поток их не иссякал. Хивинцы стали от них прятаться, хорониться за глинобитными ду-

валами... Беженцы принялись грабить базары, разорять посевы и бахчи. Скот на пастбищах стал исчезать на глазах у их владельцев. Жители Хивы перестали выпускать из дворов даже ишаков.

Бежавшие от захватчиков-джунгар казахи сами превратились в захватчиков и грабителей. Хивинцы не могли допустить, чтобы над ними средь бела дня кто-то стал учинять разбой и разор. Кривая сабля оседлавших коней хивинских джигитов срезала голову не одного казаха. Между хивинцами и казахами пробежала черная кошка.

Пересказать все несчастья, беды и позор тех лет – невозможно! Лучше и не вспоминать... Абулхаир всегда, и спустя многие годы, содрогался при воспоминаниях о годах великого бедствия. Лишь об одном не может он не вспоминать – о гибели Матэ, мудрого Матэ, который лежал перед ним как живой, в величавом и спокойном раздумьи; о собственных мыслях и переживаниях над дорогой могилой.

«Если умные и энергичные джигиты проявят малодушие, излишнюю скромность, то свяжут по рукам и ногам и свое счастье, и счастье своего народа...» «В наше время народ сможет повести за собой не тигр, не волк, а лиса... То, что рыжая лиса превратилась в жучков-паучков, а потом снова обернулась лисой, наверное, означает надежду на будущее...» Слова Матэ жили в сердце Абулхаира, придавали ему силы в минуты отчаяния и печали, когда у него опускались руки и он не знал, что же делать, как и куда вести народ.

«Неужто и в самом деле народ, именуемый казахами, так и сгинет, разбредется навсегда, не найдя своего места на родной его земле? Не обрета и не сложив своей истории? Не поняв своего предназначения и не создав будущего, которое, как знать, могло бы быть и великим? – одолевали Абулхаира невеселые мысли. – Неужели казахи никогда больше не избавятся от бессилия и собственного безволия? А доля казахов – послушно идти туда, куда велит им нацеленное в затылок острие копья? Делать то, что прикажут враги? Неужто же казахи навсегда перестали быть хозяевами своей судьбы и будут катиться, что перекати-поле, гонимые бурями и ветрами, будут покорно и терпеливо сносить чужие тумаки?..

Нет, должен наступить день, когда народ воспрянет, покажет свою мощь, расправит плечи, разыграет в нем

гордый, боевой дух предков и он примет единственно правильное решение – быть достойным его славных дедов и отцов!.. Наступит день, когда они избавятся от позорных прозвищ да кличек: «засаленный треух», «туземец», «нищий», «бродяга», «баран, идущий за бараном» и снова обретет свое подлинное уважаемое имя «казах» и почтительное обращение к себе.

Сможет ли мой народ выдюжить, не дать растолочь себя зубами злобных, словно стая волков, джунгар, жить с другими народами как равный на необъятной земле, которая кормит и греет даже червей и муравьев.

Должен собраться с силами и духом народ, терпящий жестокие лишения, страшное лихо! Должен вспомнить о том, что он народ. Ведь недаром же я когда-то собственными глазами видел, как куча, кишущая жуками и пауками, снова оборотилась лисой! Невозможно такое, чтобы сгнули с лица земли, пропали казахи! Настал мой час – смело выйти вперед! Если люди считают, что я выше, умнее и достойнее равных мне по роду, по крови тюрк, то я обязан показать себя народу! Если осталась у меня хоть капля мужества – самое время оседлать решительность, как скакуна, и действовать!»

Однако, стоило Абулхаиру прийти к такому заключению, как дьявольский какой-то голос начал нашептывать ему: «Ну хорошо, оседлаешь ты свою решительность, а что же дальше? Хивинцы стараются изгнать, выжить казахов из своих пределов, в глаза попрекают. Будучи в силе, на коне, казахи и то не смогли покорить ханства, пребывавшие в довольстве и сытости. Немалая польза и выгода, оказывается, в том, что в иных ханствах есть оседлые люди, дехкане, с утра до вечера колдующие на земле над посевами. Сыты подданные, одеты, обуты.

Эх, если бы удалось когда-нибудь снова встать на ноги, непременно набросил бы одну полу своего ханского халата на прохладные плоскогорья Сарыарки, а другую – на мутные воды Амударьи и Сырдарьи. Тогда не придется нам, как теперь, стоять с протянутыми ладонями перед теми, кто печет в тандыре хлеб. Не придется томиться, изводить себя мукой, отдавая дряхлым старикам за мешок ячменя выращенных в холе и неге дочерей.

Но это все мечты, все это, возможно, и осуществится в далеком будущем. А что же делать теперь, как поступить сейчас? Одно ясно: казахам необходимо найти мес-

то, где они могли бы наконец придержать и расседлать коней. И это место – здесь...»

Однажды в жаркий полдень примчался на взмыленном коне гонец Есета из рода тама. Истерзанное бедами сердце Абулхаира чуть не разорвалось: вдруг новое несчастье? В аулах, где жили племена адай, тама, табын, у самих не было покоя, но и другим они не давали покоя тоже. Они осели на землях между башкирами, туркменами и калмыками и все время проводили в стычках и взаимных набегах... Мало ли еще какая беда может нагрянуть в беспокойное то время, когда до обеда кричишь: «Алакай!»¹, а после обеда – «Ойбай!»².

О аллах, неужели на этот раз гонец несет радость? Дай бог ему здоровья, издали кричит: «Суюнши! Суюнши!»³

– Что за радость у вас?

– Жена батыра родила сына!

– Пусть малыш будет сильным и здоровым!

Судя по тому, что прискакавший издалека гонец никак не может собрать губы, расплывшиеся в широкой улыбке, новоявленный отец от счастья швыряет шапку в небо. Значит, нельзя не поехать на той⁴, никак нельзя!

– Кому еще батыр послал радостную весть?

– Букенбаю, Батыру, Тулебаю, Байсау, Сырлыбаю, Шолану, Есенкулу, Даулыбаю, Сабытаю! – перечислял, захлебываясь от восторга, гонец. – Владыка-хан, не буду докучать вам, называя всех: лучшим людям послал, всем, кто считает себя опорой Жанарыса...

Абулхаир взял с собой свиту и направился на западное побережье Арала в аул Есета. Июльская жара уже была позади, но август еще не вступил полностью в свои права, поэтому зной держался летний. Отряд Абулхаира взобрался на вершину сопки, похожей на одиноко пасущегося в степи верблюда. Где-то вдалеке показалась пыль. Она разрасталась, будто хвост диковинного зверя. Всадники мчались на запад, как стадо бегущих куланов.

– И куда это они несутся как оглашенные!

– Да, видать, очень торопятся! Небось важные дела...

¹ Алакай – возглас ликования.

² Ойбай – возглас.

³ Суюнши – подарок за радостную весть.

⁴ Той – празднество.

Когда свита хана спустилась с сопки и всадники заметили ее, они полетели еще стремительнее.

– Узнайте, что за люди, – приказал хан.

– Джигиты Абулхаира стали нахлестывать коней. Они давали всадникам знаки, что они-де мирные путники и не опасны для них. Но те не остановились и мчались как безумные.

Джигиты вернулись и доложили хану:

– Не дали догнать себя. Мы кричали им: «Стойте, поговорить надо! Мы не причиним вам зла!» Но они не остановились!

– Как выглядят?

– Трудно было разглядеть. На поводках ведут свободных коней, все кони темной масти, может в поту, потому и кажутся темными. Судя по всему, люди эти издалека!

– Отрядом не назовешь, немного их вроде. Но гонят, го-о-о-няют!

– Стало быть, послы или гонцы.

– Если посольство, где караван с подарками? Где большая свита?

Абулхаир ехал молча, прислушиваясь к разговору своих людей, вглядываясь в удаляющуюся пыль.

– Ладно, Есет нас заждался! – произнес он затем. – Не будем терять время!

К вечеру показался аул Есета на мысу, глубоко вдававшемся в Арал. В прошлом году Батыр совершил набег на Карагантуп и захватил пятнадцатилетнюю дочь туркменского бека... Это она родила Есету сына.

Укутав красавицу Жумабиби в выдровую шубу, батыр Есет швырял в пылающий огонь куски сала, хлопал в ладоши и приговаривал с восторгом:

– Лопнуло брюхо белой верблюдицы! Лопнуло брюхо белой верблюдицы, привалило счастье, привалило мне счастье!

Стали подъезжать гости со всех сторон... Потомки Жанарыса пировали в ауле два дня. Сначала был совершен обряд наречения младенца. Ему дали имя Куланды, потому что во время беременности мать тянуло на мясо кулана и потому еще, что мыс, где он родился, назывался Куланды.

Разделив с хозяином его радость, гости невольно, сами не заметив как, перешли к тому, что наболело. Повели разговоры о жизни в степи, несчастьях, которые мыкает

народ, о событиях и новостях, которые каждый считал своим долгом поведать собранию.

Стремительных всадников видели все, кто ехал к Есету. Джигитам Букенбая удалось перехватить их. Оказалось, что это люди калмыцкого хана Аюке и что среди них находился Саган Манжи, которого хан обычно использовал как посла в делах серьезных и важных...

Не зря носится здесь Саган Манжи в эти тревожные времена, не зря, решили в один голос гости Есета. За этим что-то кроется. Но что? Лучшие люди степи ломали головы, не находя отгадки и этой загадке. У каждого были свои, зыбкие, неясные соображения на этот счет, но все держали их при себе, решив прежде всего вызнать, что думает Абулхаир.

– Сыбан Раптан и Аюке – что два пса, связанные одним ремнем. Если один рычит, другой может полеживать спокойно, – протянул неуверенно Букенбай и выжидательно уставился на Абулхайра.

Абулхаир сидел с непроницаемым видом. Потом, словно говоря о чем-то повседневном, наскучившем, бросил равнодушно:

– Может быть, так оно и есть...

Есет взорвался:

– Ну, ладно, наполучали мы тумачков от джунгар... Чего надо теперь этим воробьям-калмыкам? Давно не пробовали казахской камчи, видать, и зачесались у них зады!

Все улыбнулись вяло, будто отдавая повинность...

– С калмыками могут справиться наши дети, даже они! – подался вперед всегда сдержанный, основательный Есенкул. – Что же это мы, а?

– Да, хватит, довольно нам топтаться в белой пыли Хивы! Сколько можно глотать ее? Надо что-то предпринимать! – разгорячился Батыр, поднял камчу с инкрустированной серебром ручкой.

– Дня через три надо послать лазутчика в какой-нибудь калмыцкий аул. Может, узнаем новости, – спокойно произнес Абулхаир...

Во время собрания в ауле Есета никто не бросал в середину круга плетъ, не было и споров. Неотвратимо и дружно все пришли к выводу: «Необходимо покончить с разобщенностью, хватит жить каждому по себе. Вон до чего дошли! Пора объединяться! Хоть мышей всем вместе ловить для пропитания, но не тянуть больше руки за подаянием».

И хотя никто, ни один человек не высказал этого вслух, но каждый про себя решил: «Не позднее нынешней осени налетим ураганом на калмыков. И скот отберем и усядемся на берегах Яика и Жема! Там будут наши пастбища – вместо тех, что отнял у нас проклятый контайджи!»

Абулхаир остался доволен этим коротким советом за скромным дастарханом смутной поры. Все ждут именно от него, убедился он, поступков и действий. Все на него смотрят с надеждой и ожиданием: «Что посоветуешь? Как следует нам жить дальше?» Не с упреком, не с завистью смотрят, а словно бы признавая его вожаком, словно бы взывая к нему: «Веди нас! Мы верим в тебя! Испытаем судьбу еще раз!» И от братского этого собрания, от братской этой беседы – без лишних слов, будто на домашнем совете, совете людей, близких, одинаково думающих и чувствующих, Абулхаир вдруг воспрянул духом, почувствовал забытую уверенность и легкость на сердце. Исчезло напряжение, которое держало его, как кольчуга, нескончаемые долгие месяцы. Стали ослабевать путы крепкого аркана, которым, казалось, были стянуты его ноги...

Нет, перед ним не появилась проторенная дорога! Но мелькнула тропинка, которая, похоже, выведет его из тупика. И эта едва заметная, едва различимая, словно на белесом такыре, тропка-ниточка зажгла в душе Абулхаира, отравленной горечью, отчаянием и гневом, слабый огонек, лучик надежды.

Боясь невзначай погасить этот слабый огонек, потерять из виду лучик надежды, Абулхаир принялся обдумывать обстановку в степи с крайней осмотрительностью и тщанием.

Итак, в степи показался посол Аюке – Саган Манжи. В молодости Абулхаир внимательно присматривался к Аюке, ибо пытался уже тогда обезопасить свой улус от набегов башкир и туркмен. Их через свои владения пропускали калмыки. Абулхаир всегда стремился жить и править самостоятельно, не прибегая к помощи большого дворца в Туркестане. Он знал Сагана Манжи, который на казахском языке говорил, как на своем родном. Крутолобый, лысый, со вздернутым носом, с длинными усами, внешность несуразная. И все же люди тянулись к нему: он привлекал их своими умными речами и особым красноречием. Говорил он так, что, казалось, пенки снимал с постных слов. Словно ухватистая женщина, у которой

голова заболит, если она не прихватит где-нибудь хоть обрывок нитки. Саган Манжи никогда не возвращался к Аюке с пустыми руками. Он отправлялся в путь не для того, чтобы «пойти и узнать», его призванием было «пойти и сделать».

Что же делал Саган Манжи у контайджи? Те, кто хорошо знал натуру и привычки Аюке-хана, говаривали: «Если Аюке послал куда-то Сагана Манжи – за этим кроется что-то важное. Если отправил в путь Манли Кашку за этим кроется какой-то скандал». Все побаивались этих пронырливых, как борзые, послов калмыцкого хана.

На чьи же плечи на этот раз тяжким грузом ляжет то, что принес недавно в клубах пыли Саган Манжи? На плечи казахов, зажатых между калмыками и джунгарами! А больше всех – на плечи подвластных Абулхаиру племен.

Если беда исходила от джунгар – ее терпели все казахи. Если от калмыков и туркмен – несчастья валились на Младший жуз. Возможно опьянев от захвата Туркестана, Сыбан Раптан уговаривает западных своих сородичей: «Вы чего лежите-полеживаете? Почему не давите с правого бока, когда я давлю с левого? Пусть у этих сопливых казахов почки вылезут через глотку!» Если это так, значит, казахов ждут новые испытания, новые беды. Нельзя терять время. Нельзя и задевать подряд всех соседей, иначе они сомнут казахов. Пока следует умиротворить задиристых соседей – всех, кроме калмыков. Враждовать сейчас можно только с ними...

Хватит поднимать пыль, топчась на землях Хивы и Каракалпакии, нужно выбираться на простор. Лучше всего – к Едилю и Яику. Если сейчас схватиться с калмыками, башкиры и туркмены на время приутихнут, будут выжидать. Другого выхода нет: надо в сторону Жема, Сагыза и Илека двинуть три племени – не меньше, – потом заслониться от джунгар шестью родами шекты и племенным объединением Жетыру. А уж тогда и продвигаться вперед. От башкир и туркмен обезопаситься джигитами под предводительством Есенкула, Назара, Сабытая, Букенбая, вместе же с Есетом напасть на калмыцкие улусы. Остудить заодно горячие головы, предупредить, чтобы не тянули руку к Саму и к подножью Мугоджар – иначе лишатся и рук, и голов...

Но пока рано еще воевать с калмыками. Прежде надо вызнать, о чем договорились контайджи и Аюке-хан.

В любом случае надо вперед послать каракалпаков. Казахи не жалуют их за то, что они тоже пасут скот, хивинцы не жалуют за то, что они тоже пахут землю. Сами каракалпаки только и твердят: «Доколе нам терпеть нападки со всех сторон? Надо откочевывать к горе Кап, пробираться к ней!» Пусть откочевывают, пусть пробираются... Станут требовать, чтобы пропустили калмыки и русские их через свои земли, те им намнут бока: не привыкли они никого пускать, даже зверя и птицу, не то что целый народ! А мы посмотрим, как оно там будет. Нам полезно подождать, понаблюдать...

Абулхаир не слезал с коня. Объехал вокруг все Аральское море. Не пропустил ни одного влиятельного человека, даже из небольших родов, из тех, что забрасывали сети в Сырдарью и Амударью, пахали и сеяли на жалких клочках земли, среди солончаков и колючек. Настойчиво советовал, внушал им, как им жить, как следует поступить вернее и лучше. Не жалел слов, увещевая:

– Вы только пораскиньте мозгами! Вы же не привязаны, подобно нам, пуповиной к Алатау, Кокшетау, Каратау. Это мы с трех сторон окружены исконными нашими землями! Да и то, пока мы кочевали, враг отнял у нас все, что хотел, все смел на своем пути!.. Вас всего-то горстка: вам собратиться и сняться с места ничего не стоит. Чего вы сидите, мыкаетесь в этом аду? Все равно ведь вы покинули отчую землю на берегах Сырдарьи. К руслу Амударьи вас ни за что не допустят сытые и надменные хивинцы. Зря только пропадете. Снесите от одних подзатыльники от других тумаки. Почему бы вам не перебраться через Яик и Едиль и не осесть около горы Кап? Там, рассказывают люди, раскинулись нетронутые обширные степи с обильными травами. Народ там обитает вроде вас – мирный. Снялись бы вы отсюда, и мы смогли бы потрепать калмыков, вон они как устроились – вплоть до самого Темира. Если мы промедлим, опоздаем сегодня поколотить калмыков, они завтра снюхаются с джунгарами! И вы, и мы окажемся между двух огней!

Абулхаир немало постарался, чтобы берега Жема и Яика покой покинул. То к ним прибывают кочевья каракалпаков и требуют: «Дайте нам пройти! Мы отправляемся к горе Кап!» То барымтачи из казахов и каракалпаков угоняют калмыцкие табуны.

Из набегов казахи возвращались с добычей для голод-

ных, отощавших людей. Приносили они и новости – пищу для размышлений своим лучшим людям, которые томились в неизвестности о том, что происходит вокруг. Топот копыт и вой ветра, конечно, слушать можно, можно гадать – кто, куда, отчего да почему? Однако новости, известия из степи и о степи куда как надежнее и важнее.

Абулхаиру и его соратникам стало доподлинно известно, что калмыцкие тайши вдруг приутихли. Еще недавно кричали, ликовали, кидали в небо шапки оттого, что джунгарское войско продвигается так неудержимо еще один прыжок, и они переберутся за Арал...

Постепенно открылась им и загадка посольства Сагана Манжи.

Аюке-хан радовался, бил себя по ляжкам, да вот пришло время и ему прослезиться. Получил Аюке от контайджи поклон и такие слова: «Следующей весной, с божьей помощью, будем кочевать по берегам Едиля и Яика. Если хочешь, чтобы наша тесная дружба не дала трещину, отдай двух своих дочерей или двух сестер в жены моим сыновьям или братьям. Весной, сразу после таяния снегов, женихи придут в ваш аул повидать невест».

Аюке тут же решил отправить Сыбану Раптану дочь своего старшего сына. Собрал приданое, гонял за ним своих людей в Астрахань, Казань, в Москву, изрядно потратился. Об этом узнали другие калмыцкие тайши однако они не обрадовались, подобно Аюке, не расцвели от счастья. Напротив – у многих хмуро сдвинулись брови. Тайши Досан, располагавшийся со своей ордой на западном берегу Яика, сразу поскакал к хану, да как поскакал – будто ему жгли углями пятки! Досан нашептал Аюке:

– Если завтра сюда нахлынут джунгары, нам, калмыкам, станет тесно на наших пастбищах! Отдав Сыбану Раптану дочь вашего сына, вы не избавитесь от контайджи, не откупитесь от него. Если сойдутся вместе два калмыцких народа – мы, белые калмыки, и джунгары, черные калмыки, Сыбан Раптан не захочет делить власть. Зачем ему рядом второй правитель? Тучные пастбища Поволжья разожгли жадность у контайджи. Я вас предупредил, не говорите потом, что я молчал!

Как ни был стар и неумен Аюке, но тут он смекнул, что дело и правда нечисто. Три года подряд Сыбан Раптан обещал ему золотые горы: «Я пойду войной на казахов и каркалпаков, ты же налетишь на них с тыла. Победим

их — кому же тогда быть хозяевами этого края, как не нам с тобой! Между Алтаем и Едилем будете жить и процветать лишь вы, торгоуты, и мы, джунгары! Мы вернем себе обширные территории, некогда завоеванные Чингисханом. Мы с тобой снова поднимем к небесам увядшую славу бесстрашных монголов!»

Эти слова тешили Аюке, ласкали слух. Добравшись до Каратау, контайджи вдруг резко изменил свои речи. В них появились повелительные нотки — и как только он сам не сообразил сразу — «отдай дочерей... после таяния снегов женихи придут в ваш аул повидать невест... буду кочевать там-то и там-то...» А как же он, хан Аюке? Где кочевать ему? Ведь он, Аюке, является вассалом русского царя — не джунгарского контайджи! Аюке считал себя равным контайджи и надеялся на то, что тот считает так же... Но послание, которое привез Саган Манжи, имело подоплекой совсем уж обидные вещи: «Ты, старик, не очень-то рассчитывай на меня! Не жди многого! Будьешь мне сватом, будешь моим вассалом — это, пожалуйста! Но иди за мной на поводу и не суетись, не рыпайся!..»

Аюке знал, что о нем говорят люди: «Следуя за русским царем по горам и долам, выучился хан многому дурному. Жажду утоляет буйной шипучей водой, которую делает какой-то чудной западный народ. Напившись же этим зельем, становится странным, будто его околдовали...» Может, после шампанского он и бывает как в тумане, но он не научился еще понимать намеки, особенно столь грубые и явные. Белый шов на черной ткани, а не намеки...

Поразмыслив над словами Досана и контайджи, Аюке почувствовал себя так, словно его с головы до ног окатили ледяной водой. Быстро выветрилась из его головы глупая мечта: «Буду самым знаменитым, самым счастливым правителем между Едилем и Алтаем, ибо буду одновременно другом белого царя и джунгарского контайджи!» Понял наконец, почему так тянулся к нему Сыбан Раптан, почему так обхаживал его не один год... «Небось уже видит, злодей, как сгоняет с наших пастбищ моих породистых верблюдиц и ахалтекинских аргамаков и пускает в сочные, душистые травы своих низкопородных верблюдов и приземистых, как ослы, коней! Он ведь уничтожил всех своих братьев, чтобы забрать в железный свой кулак повод всех джунгар!..»

Аюке осенило: мечтая стать самым прославленным под луной, он на старости лет чуть не стал самым жалким! ...Когда-то Аюке-хан надменно заявил Абулхаиру, чтобы тот стал его подданным – и это в ответ на предложение жить мирно, по-соседски! «Посмотрим, – злорадствовал Абулхаир, – как теперь понравится ему наглость контайджи! Небось начнет теперь метаться, как волк в капкане. Начнет рассылать послов во все стороны! Одного уже погнал в Астрахань, недалек день, когда и к нам явится его посол».

Когда Абулхаиру донесли, что к нему от Аюке выехал посол, он с двадцатитысячным войском из казахов и каракалпаков стал лагерем на северном берегу реки Темир.

Калмыцкий посол похолодел, увидев усыпавшее темно-серую возвышенность войско. Когда же он предстал перед суровым и гордым ханом в окружении угрюмых, мрачных батыров, он чуть не лишился дара речи.

Он старался как можно мягче и тоньше передать Абулхаиру послание своего повелителя, но брови Абулхаира сходились на переносице все больше и больше, лицо стало совсем грозным. Ловкий, немало повидавший на своем веку посол шарил вокруг глазами в надежде, что кто-нибудь да кивнет, одобрит хоть одно его слово... Однако тщетно: казахи были точно каменные.

Когда посол кончил говорить, Абулхаир взглянул на окружавших его людей. Как по команде они повернулись к хану. На этот раз Есет опередил Букенбая: у него всегда язык чесался, когда разговор касался джунгар:

– Аюке, стало быть, предлагает нам жить в мире.

Ему тоже, оказывается, мир понадобился!

– Да! – угодливо поддакнул посол.

– Тогда почему же он не шлет посла к джунгарам, а шлет – к нам? Пусть попробует склонить контайджи к миру! Разве мы идем на вас войной?

– Кому же понять нас, как не вам? Ведь мы с давних пор соседи, наш скот, можно сказать, спит в одной кошаре. Контайджи ведь на краю земли... – залепетал было посол, но Абулхаир поднял руку:

– Хватит! Кто такой Аюке, чтобы его слушался контайджи? Если позволить контайджи, он завтра же отсечет секирой голову вашему хану и швырнет ее в Едиль. Он бы так и поступил, не будь голова Аюке под мышкой у белого царя. Не получится у нас с Аюке разговора о

мире! Если мы и будем говорить о перемирии, то лишь с самим контайджи. И время для такого разговора придет. Казахов нынче не джунгары победили, а джут и засуха одолели. Не будет, наверное, аллах всегда суров к казахам, смилостивится. Настанет час, и казахи соберутся с силами да тряхнут былой мощью. Аюке же мы намерены сказать следующее: если он хочет, чтобы осталась целой его стервятничья голова, чтобы не тронули ее казахские мечи, пусть освободит берега Яика и Жема. Его прадед Хо-Урлик не привез с Тарбагатая, навьючив на верблюжонка, Едиль и Яик... И за воду есть спрос! И тот, кто имеет право на спрос, – явился! Так и передай своему хану: явился!

Посол улыбнулся то ли жалостливо, то ли насмешливо: – Совершить насилие над Аюке можно, но ведь за ним стоит белый царь...

Абулхаир рассердился:

– Царь, понимающий по-калмыцки, поймет и по-казахски! Ну а если не захочет – поговорим на языке мечей! – отрезал Абулхаир.

Разговор был окончен. Вслед за ханом поднялись его люди. Послу не оставалось ничего другого, как последовать их примеру.

На обратном пути в аул Аюке-хана посол будоражил калмыцкие улусы тревожной вестью: «Быть беде! Враги готовятся на нас напасть!»

Опять первым учуял опасность тайши Досан. Он погнал к Аюке всадника с известием: «Доржи, сын Назара, собрал пятитысячное войско и заявил, что будет защищать только свой улус, а до других ему, говорит, дела нет! Пришлите мне ради всевышнего войско!»

Казахи следили за каждым движением Аюке.

Джигиты между тем совершили удачный набег на улус тайши Лекбая... В Темирской степи в стычках с калмыками особенно неистовствовал батыр Есет. Не раз крушили врагов в этих же местах его предки Карадун, Жубаныш, Суюнши, Бегис, Кугис и Тама. Здесь его предок Суюнши один одолел огромное войско и тем вошел в историю и стал легендарным.

Есет и сам когда-то прославился как батыр в этой самой Темирской степи. О том, как это произошло, любили слушать и вспоминать не только другие казахи, но и сам Есет.

В юности он был нескладехой... Однажды на аул напали враги. Есету было тогда семнадцать лет. Он спал в юрте, подстелив под себя толстые одеяла и укрывшись теплыми одеялами. Враги подумали на Есета, что это лежит какой-то дряхлый старец или старуха, и не тронули его. Всех мужчин они заковали в кандалы, девушек и молодых связали по рукам-ногам и увезли.

Есет проснулся за полдень, открыл глаза и увидел жену старшего брата, обливающуюся горючими слезами. «И мать еще радовалась, когда родила тебя на свет! – запричитала золовка. – Не зря ее тянуло, когда носила тебя по сердцем, на змеиное мясо... Враги аул разграбили, а ты все дрыхнешь!»

Есет выскочил из юрты, но не обнаружил поблизости ни одного коня. «И коней враг угнал, и людей! Ни одной лошади не оставил, кроме хромой кобылы!» – выла женщина. Есет оседлал хромую кобылу и помчался вслед за врагами. Разогревшаяся в беге кобыла полетела как птица. Есет настиг врагов на закате. Их было много, но они почему-то оставили свою добычу и бросились врассыпную. Юноша удивился, не мог сообразить почему...

Есет имел привычку ложиться спать голым – подштанники из суровой, жесткой ткани мешали ему. В суматохе Есет так и вскочил на коня в чем мать родила. Позже он ругал жену брата: «То-то эта бесстыжая опускала глаза, не смотрела на меня, словно со свекром разговаривала!» Корил ее, что не намекнула ему о неприглядном его виде... Друзья утешали Есета: «Не будь ты голым, не прискачи ты нагишом на белой кобыле, враги не приняли бы тебя за шайтана».

Воротясь домой с пустыми руками, калмыки рассказывали ужасы: «Ехали мы, груженные несметной добычей из богатого аула. Вдруг окружили нас огромные черные люди, а может, дьяволы – и все на белых конях!»

Люди шутили: «Да, наш Есет обладает волшебной силой. Он мерещится врагам за тысячу».

При имени Есета – что правда, то правда – калмыки с берегов Яика и Жема дрожали от страха. Не зря существует народная мудрость: «Никогда не победишь пса, который искусал тебя, будучи щенком!»

...В одной из стычек на просторах Темирской степи на правом фланге дрался Есет, а на левом – его брат Карабас – батыр и силач. Правое крыло поредело быстро, на

левом врагов оставалось густо, что шерсти в клубке. Есет все успевал – и яростно крушить врагов, и упрекать старшего брата:

– Что ты, Карабас, возишься, как баба? Что с тобой? Уж не тьма ли застила твои глаза?

Сверстники Карабаса потом подтрунивали над ним: «Что ты, как баба, возишься? Уж не тьма ли застила твои глаза?» Плечистый, тяжелый и добродушный Карабас не сердился, не обращал на шутки внимания. Звонко откупоривал табакерку, шумно втягивал в нос насыбай, гулко чихал и посмеивался: «Да ну его, крикуна!»

Победа в Темирской степи приободрила казахов. Успокоился и Абулхаир. Но калмыцким улусам покоя не давал.

Каракалпаки тоже не сидели молча, оглушали яицких казаков криками: «Пропустите нас в родные наши пределы! Мы хотим перебраться на гору Кап!..» Не только на нервах играли своими воплями, но топтали русские бахчи, увозили с собой иной раз какого-нибудь рыбака-одиночку или охотника.

«Сейчас белый царь, возможно, и не обратит внимания на казахов, гонимых джунгарами, – надеялся Абулхаир, – не станет серьезно со мной разговаривать, сколько бы послов я к нему ни слал. Единственный способ привлечь к себе внимание российских правителей – это не давать калмыкам покоя, а ушам яицких казаков – тишины. И тогда – не к аллаху же обращаться калмыкам и казакам за помощью – помчатся они к белому самодержцу. Один раз он промолчит, другой раз смолчит, а потом не выдержит... Прикатит в один прекрасный день от него бородатый посол: «Здрасьте!..» Здрасьте так здрастьте! Абулхаиру только и нужно это «здрасьте!»...

Разгорелась ссора между калмыками, потасовки из-за пастбищ, из-за безопасных стоянок для аулов и кочевий. «Хоть бы эти тайши совсем между собой передрались! Вон как сцепились, словно псы! Привыкли к беспечной и сытой жизни, избаловались, вот и грызутся теперь, почувяв опасность» – наблюдал Абулхаир из своего улуса за тем, что творится у калмыков. Возвратив себе берега Илека, Ори, Каргалы, Карабутака и Иргиза, он отодвинулся на север.

Неурядицы и волнения на берегах Яика действительно заставили встревожиться царскую столицу. К Абулхаиру, который к тому времени стал единым правителем казахов Младшего жуза и каракалпаков, прибыл посол.

Абулхаир принял его у каракалпаков. Не снимавший с головы чалмы, не выпускавший из рук Корана и постоянно твердивший «алла», башкирский мулла Максут Юнусоглы был человеком проницательным. Он без слов понял тайные мысли Абулхаира.

– И-и-и-и! ах-ха-ах! Если так будет продолжаться и впредь, то вы, казахи, пропадете в этом мире. Пока не поздно, примите русское подданство. Поглядите на таких же, как вы, кочевников, – башкир и калмыков! Кто их трогает всерьез, кто смеет угрожать по-настоящему? Сильна Россия, ох сильна! Надежно ее покровительство! – так и журчал мулла.

Он разгадал тайное желание Абулхаира. Да, настал час!.. Вместо того чтобы строить на песке замки, мечтать о совместной войне против джунгар, надо сказать русским прямо и определенно: «Примите нас в подданство, под свое крыло. Пошлите на врага, пойдём на врага. Скажете сидеть тихо, будем сидеть тихо! Лишь бы жить нам в мире! Лишь бы не давали нас в обиду!»

На этот раз Абулхаир не стал держать совета даже с ближайшими биями Младшего жуза. Неизвестно еще, как они воспримут предложение посла и его собственные замыслы. Потому-то Абулхаир решил за благо встретиться с послом не в своем улусе, а у каракалпаков... Отправил вместе с этим хитрым муллой, с этим чистоплюем, с утра до вечера пылинки с себя сдувавшим, охорашивавшимся, словно кошка, Койбагара, сына Кубека.

Казахские аулы жили в ожидании чего-то, прислушивались, приглядывались. Узнавали о каждом шаге Абулхаира, толковали каждый его поступок, каждое слово. Хан не спрятался в тяжкую пору, как другие тюре, в белой юрте, а действовал. Лишил покоя калмыков, разрушил тесную дружбу между черными и светлыми калмыками, заставил царских правителей снова обернуться на казахов... Все его действия растопили намерзший на сердцах людей лед отчаяния и безверия; пусть чуть-чуть, подобно февральскому солнцу, но все же согрели, приободрили народ.

Абулхаир завязал и поддерживал отношения со всеми соседними народами, кроме джунгар. Из любого общения умел извлечь выгоду. Согнав башкир с берега Илека и Иргиза, он тем не менее даже среди них нашел союзников. Если часть каракалпаков враждовала с казахами, то другая беспрекословно подчинялась ему, признавала сво-

им правителем. В смутное время по совету Абулхаира казахи и каракалпаки дважды отправляли посольство к царю. Он же, Абулхаир, перессорил калмыцких тайши. Может, конечно, он и прибирал себе кое-что, принадлежавшее другим, но зла старался не творить, не делать ничего, что вызвало бы проклятья на головы казахов.

...Вернувшись к берегам Иргиза, Абулхаир не изменил своему правилу – старался держаться в тени, передав Букенбаю свое право объявить сбор всех трех жузов. Забили барабаны, заиграли трубы. Степняки – народ, который познается не в радости, а в горе. Шумливые, несговорчивые, обидчивые в дни мира и покоя, теперь они выказывали единодушие и сплоченность. Собранная в единый кулак казахская рать схватилась с джунгарами в местечке Карасиыр, там, где сходились реки Буланты и Буленты. Джунгары не хотели довольствоваться окрестностями Каратау тесно им показались на захваченных землях, и они направились к Сарыарке.

В степи под каждым кустом остались головы джунгар.

Казахи воспрянули духом. В тот же год, в конце лета, они двинули своих коней против калмыков к берегам Едидя. Хотели проучить Лобжи, сына Доржи Назара, за то, что тот не давал житья казахам на Яике.

Вначале удача сопутствовала казахам: они быстро перетряхнули аулы задиристого Лобжи. Но однажды, когда они переправлялись через Яик со своей громоздкой добычей – скотом, рабами, всяким добром, – сзади показалось большое войско.

Тактикой казахов было внезапно налететь на врагов, смять, сокрушить и скрыться, исчезнуть. У калмыков тактика была иная: не нападать на казахов, ловких в рукопашном бою, умевших сбивать всадников с седла даже камчой, а догонять и крушить их, когда они отягощены добычей.

Перед казахами была водная преграда – Яик. Им не оставалось ничего другого, как спешиться, загнать в укрытие скот и рыть укрепления.

«Казахи – в укреплениях, значит, они неопасны!» – обрадовались калмыки и пошли в атаку с трех сторон. Их было в десять раз больше, они четыре дня осаждали казахов, но одолеть их не смогли. Были вынуждены поднять белый флаг и просить о перемирии. Казахи с радостью встретили это известие.

На переговорах обе стороны условились: не воевать

друг с другом до той поры, пока мальчик, родившийся в этот день, не сможет сесть на коня, взять в руки лук и отправиться в поход.

Калмыки раскинули шатры. На самом берегу Яика постелили белую кошму. На нее вступили и опустились на колени калмыки – Церен Дондук, Доржи Назар, Дундук Омбо, Калдан и Дунжин – и казахи – Абулхаир, Самеке, Есим и Барак. Между ними положили аркан, сплетенный из белого и черного волоса, толщиной с запястье. За один конец аркана взялся калмыцкий батыр, за другой казахский батыр, и оба натянули его изо всех сил. Лама с пестрым покрывалом на плечах и мулла в белой чалме вывели из шатра калмыцкого батыра. На руках у него был запеленутый младенец. Мулла и лама прочитали каждый свою молитву, а отец младенца взмахнул мечом и надрезал аркан.

Старейшины и вожаки обеих сторон на радостях стали обниматься, по традиции ударяясь грудью о грудь.

Калмыки устроили пир в честь того, что между двумя соседними народами наступил мир.

Из этого похода казахи вернулись без добычи, да с добрыми вестями. Установлен мир с калмыками, которые могли бы схватить казахов за полу, коли джунгары потянулись бы к их вороту! Появилась наконец возможность сосредоточить все силы против джунгар. Соглашение это разорвало полосатый аркан вражды между казахами и калмыками. Оно же туго натянуло аркан вражды между калмыками и джунгарами.

Успех людская молва по справедливости приписывала Абулхаиру. Однако сам он пребывал в нелегких раздумьях. Младший жуз возвратил себе обширные степи между Илеком и Тургаем, прочно встал на ноги, хотя и был еще лишен прежних своих угодий в Кызылкумах и на берегах Сырдарьи. Все роды Среднего жуза, кроме конратов, закрепились на Сарыарке. Однако Старший жуз все еще находился в зависимости от джунгар. В их руках оставалось двадцать городов и Каратау.

Докатившись до Сыганака и Туркестана, джунгарская лавина, похоже, остановилась. Три года неудержимо катилась она, все сметая на своем пути, теперь остановилась. Почему? И калмыки тоже загадали загадку: почему они разрубили аркан вражды с казахами, которые оказались на берегу Яика в отчаянном положении? Пришли к

доброму согласию с ними? Право же, было над чем поломать голову Абулхаиру!

На Сарыарке между соседними улусами начались скачки гонцов. Наведывались даже гонцы из Старшего жуза, находившегося под игом джунгар. Они приносили важные сообщения: «Кончилась власть грозного Сыбана Раптана... Временное соглашение с китайцами, судя по всему, не протянется долго... В данный момент джунгары не в состоянии выставить против казахов более тридцати тысяч воинов...»

И правда, китайцы вскоре нарушили соглашение о мире. Не прошло и года, как воссел на трон Галдан Церен, — снова начались у джунгар раздоры с китайцами.

Настал подходящий момент выступить против джунгар. Взбудораженные казахские улусы гудели, как пчелы в улье. С тех пор как казахские земли захватили джунгары, только Абулхаир поднимал народ на борьбу с ними. За кем же последуют казахи теперь, как не за ним, Абулхаиром. Если кто-то и оседлает теперь коня решимости, то только он. Такие разговоры доходили до ушей Абулхаира. Вели их не султаны и бии, а батыры и простой народ. Но кто же сможет отважиться перечить батырам во времена великого бедствия?..

И все же и на этот раз Абулхаир остался верен себе: с одной стороны, он решил не отказываться, если люди предложат ему возглавить казахское войско, а с другой — не спешить соглашаться...

Кто бы из батыров — участников двух последних битв — ни наведывался к нему, каждому он старался втолковать, что действовать надо только наверняка, то есть всем народом, а стало быть, и авторитет, и власть у главного сардара должны быть не меньшими, чем у главного хана.

Батыры всех трех казахских жузов созвали народ на большой совет к югу от Каратау, на гору Ордабасы.

На этом совете степняки не раскидывали белоснежных юрт, не брали они с собой и стройных девушек и разряженных молодок. Ораторы не состязались в красноречии, не мерялись силами борцы. Украшенные совиными перьями звонкие домбры остались висеть на привычных своих местах в юртах. Неподходящее было время для веселья и празднеств: половина страны находилась в лапах кровожадных джунгар.

На совет прибыли мужчины Младшего и Среднего жу-

зов, способные сидеть на коне, держать в руках оружие. Прибыли те роды Старшего жуза, которые не попали под пяту джунгар.

Все явились во всеоружии, каждый привел на поводу трех-четырех запасных коней, навьючив на них походное снаряжение. Совет на Ордабасы скорее напоминал военный сбор. Сюда стекались не мирные аулы со своими чадами и домочадцами, а войска со знаменами.

...Буйно цвела степь. За два года – Змеи и Лошади – на земле, казалось, ничего не осталось, вымерло все, истощилась она, оскудела навсегда. Но теплый год Обезьяны и солнечный год Курицы оживили наголодавшуюся, помертвевшую степь. Она будто упивалась восторгом возвращения к жизни. Перевалы покрылись зелеными коврами, ложбины и холмы усыпали красные и желтые тюльпаны. По всем овражкам звонко журчали ручейки, по ущельям весело неслись быстрые речки.

Ордабасы источала ароматы цветов и трав, пела разноголосыми и ликующими птицами, звенела ручьями. На севере плескались Арысь и Буген. Далеко на востоке рябили вершинами Алатау. Тянула ввысь макушку любопытная гора Казыкурт: «Что за рать, Ордабасы, собралась на твоих склонах?..» Печально синел Каратау...

Отряды разбивали лагерь по улусам и родам. Пока все они подходили, подтягивались, день-другой люди погостевали друг у друга.

В день, когда начался совет, все до единого сели на коней и поднялись на гору, на самую ее вершину. На вершине они сделали возвышение в два человеческих роста и воткнули в него знамя казахов. Возле знамени уселись Болат, Абулхаир, Абулмамбет и Самеке. Чуть ниже расположилась верховная казахская знать еще ниже устроились предводители родов и батыры. На обширных склонах Ордабасы разместились вооруженные простолюдины.

Люди, кони, оружие, знамена – все, казалось, было сотворено здесь давным-давно, изначально, а не привнесено извне. Настал миг истинного слияния, единства между людьми и природой. Будто бы люди объявились, поднялись из самых недр горы. А гора, принявшая сегодня у себя мощь, мудрость и мужество целого народа, выросла, вознеслась сама из недр необъятной этой степи.

Степь надежды свои и слух обратила к этому совету.

Ощущая всем существом, всем сердцем это единение,

эту слитность и цельность, когда одно рождается, истекает из другого и неразрывно находится и живет рядом, вместе, Абулхаир почувствовал, как к его глазам подступают горячие, отрадные слезы. Никакой враг, подумал он, не решится, да и не сможет нарушить единство людей, собравшихся на Ордабасы. Ни у кого не хватит смелости тронуть народ, грозно изготовившийся к бою. К битве за честь и свободу.

Волновался не один Абулхаир — все были взволнованы. Долго не мог овладеть собой, начать вступительное слово Казыбек. Поднаторевший на таких больших сборах, известный, опытный, славившийся своим красноречием оратор, он все прочищал горло, прокашливался, но начать речь не мог...

Казахи не отрывали взоров от своего знамени, которое реяло на ветру, подобно могучему, расправившему крылья орлу. Стосковались казахи по своему гордому, высоко вознесенному знамени.

Казыбек наконец заговорил и люди обратили к нему свои сердца. Он призвал воинов беречь и хранить сплоченность, которая одна лишь способна помочь казахам одолеть врага. Пожелал успеха великому походу, который по воле народа начинается завтра же.

Воины дружно загудели: «Иншалла! Да поможет нам бог!»

Казыбека за его звонкие и складные речи прозвали в пародии гусиноголосым. И на сей раз, вдохновившись, он решил подтвердить свое прозвище. В ярких выражениях, в цветистых оборотах он донес до собрания важное сообщение. Лучшие люди степи, те, в чьих руках находятся повода каждого рода, каждого племени и каждого жуза, те, кто денно и ночью печется об интересах и благе народном, пришли к единому мнению: для небывалого, решающего похода необходимо выбрать главного сардара, который держал бы в своих руках военную власть всех трех жузов.

Целая чаща выросла над головами воинов они подняли вверх свои копья, закричали: «Правильно! Правильно!»

У Абулхаира перехватило дыхание, запылали щеки. Он не слышал, что Казыбек говорил дальше, что кричали, что возглашали люди. Он видел только, что знамена родов и племен взметнулись к самому небу, видел взволнованные, разгоряченные лица.

С огромной кошмой в руках вышли батыры – предводители родовых дружин. Абулхаира под руки подхватили аргынец Жанибек и табынец Букенбай, подвели к кошме.

Птица счастья Семург могуче вознесла его к небу, потом опустила к ликующему войску, опять вознесла, опять опустила. А люди что-то кричали, смеялись, улыбались...

Потом толпа расступилась, и кошма плавно легла на землю. Люди разрезали на кусочки белую красавицу-кошму, кошму счастья Абулхаира.

– Абулхаир Мухамбет казы бахадур-хан!

– Абулхаир Мухамбет казы бахадур-хан!

Да, какие это были годы! Взбудоражили, разворотили казахи джунгар, что волки овец! Джунгары бежали под натиском казахского войска, неудержимого, смелого, умелого, бежали вплоть до Балхаша. Опомнившись, обнаружив, что они сметены с привольных просторов, джунгары вновь стали объединяться, собираться, сгущаться, словно овечья шерсть в весеннюю пору. Джунгары решили дать бой казахскому войску.

Казахи укрепились в заливе Алаколь на озере Балхаш, возле горы Хан. Они укрыли половину своих воинов в узком ущелье, намереваясь сначала заманить туда джунгар, а потом налететь на них с тылу другой половиной войска. Притаившись в расщелинах горы, казахские воины следили за каждым движением джунгар...

У врагов был свой план: они намеревались вывести казахов к густым зарослям на берегу Или и там расстрелять их из своих пушек. Однако казахи разгадали этот план и сорвали его. Тогда джунгары решили действовать иначе: выбить казахов из гор и, когда они станут отступать, осыпать их смертоносными чугунными ядрами.

Джунгарское войско устремилось в ущелье, пустив впереди верблюдов с навьюченными на них пушками.

Казахи начали медленно и осторожно отходить, впуская, втягивая врагов в теснину. Они отступали кошачьим шагом, отступали... и вдруг оказались у джунгар за спиной. Тяжелое джунгарское войско одним флангом уперлось в озеро, другим – в гору. Оно не могло развернуться и было вынуждено принять бой. Верблюды с пушками ушли далеко вперед. Находившиеся сзади джунгары и рады были бы осыпать казахов ядрами, но их собственные отряды уже густо смешались с вражескими.

Завязалась рукопашная. Войска бились до заката сол-

нца. С наступлением сумерек казахи скрылись в горах, прихватив с собой отбитые джунгарские пушки. Ночью, под прикрытием темноты, казахи выбрались на равнину и сгруппировались там по отрядам. Теперь их задачей было выманить врага на открытое пространство.

Солнце на следующее утро взошло кроваво-красное, осветило все вокруг зловещим светом. Земля была полита кровью, усеяна человеческими, лошадиными трупами.

Однако теперь, наученные горьким опытом, джунгары были очень осторожны и не поддавались легким наскокам казахских всадников, пытавшихся вытеснить их с гор на равнину. Оба войска – одно на равнине, другое – в горах – затаились, выжидали, когда зайдет солнце.

В шатре Абулхаира собрались на совет батыры. После долгих споров они порешили и на следующий день оставаться на том же месте и не двигаться. Они были уверены, что враг не выдержит, прекратит сопротивление и пришлет послов для переговоров. У джунгар не было иного выхода: пушки свои потеряли и казахов упустили, сами же оказались зажатыми в тупике...

С самого утра нещадно палило солнце, будто в предвкушении жаркого боя. Зной набирал силу, становился невыносимым. Казахские воины и их кони мучились от жары, томились жаждой: им негде было укрыться. Вокруг степь – вырыть на виду у противника колодец не удастся, до пресной воды не добраться...

Джунгары поняли, в каком трудном положении оказались казахи, но даже не шевельнулись.

– А что им, проклятым! Сидят себе в горах, в тенечке! У них и прохлада, и вода! Эх-хе-хе, кто это удумал петлять по-лисьи, когда надо было биться не сходя с места!.. Не зря говорится: у хитрости корни короткие!.. На этой жаре нас сразит не враг, а жажда!

Услышав ропот среди воинов, батыры поспешили в шатер Абулхаира. Лица у всех были суровые, брови насупленные. Особенно хмурился Абулмамбет, который, напав позавчера на врагов с тыла, действовал смело и нокаутировал их немало.

И уложили-то мы их видимо-невидимо! Неужто эти джунгары плодятся за ночь как мухи! – произнес Абулмамбет с недоумением и обидой. – Захватили их огнедышащие пушки. И что же? Может, нам ударить по врагу, не играть в прятки?

Абулхаир хранил молчание. Он понимал, в кого направлено острие этих слов, обвел батыров взглядом, призывая их высказаться.

Батыры чувствовали, что два султана ведут скрытый спор, и не решились в него вмешиваться. Абулхаир заметил, что Барак, чтобы скрыть улыбку, сунул за щеку щепотку насыбая. Молчание затянулось, и Барак первым нарушил его:

– Джунгары только того и ждут, когда мы нападём на них. Их в несколько раз больше нас. Только людей зря погубим.

Лицо Абулхаира словно покрылось ледяной коркой, ни один мускул на нем не дрогнул.

– Если бы мы погибли, кто сегодня драл бы здесь горло в спорах? – с трудом разлепил он губы. – Потому и сидим здесь целые и невредимые, что не сложили свои умные головы.

Те, кто в любых обстоятельствах умели ловко сродниться с землей, всегда и ко всему приспособиться, притихли. Те же, кто был посмелее и позадиристее, подняли головы, уставились на Абулхаира: «Что он такое несет!» Глаза Барака распахнулись так широко, словно кто-то подложил под его веки яйца жаворонка. Опасаясь, что Барак вспылит, покажет Абулхаиру зубы, а возможно втайне желая разжечь между ними ссору, Болат расправил плечи и спросил у Барака с вызовом:

– Что ты предлагаешь?

– Откуда мне знать? И мне ли здесь предлагать что-либо? У нас для этого есть главный сардар. Может, он предложит нам что-нибудь? Ведь это он применил доселе никому не известную тактику боя... – Барак был задет за живое, обижен на Абулхаира, голос его прозвучал хрипло, словно в горле у него застрял шершавый камень.

Зашевелился Батыр, который обычно не оставлял без пристрастного внимания слова или поступки султана Барака – не любил он его. Батыр был доволен, что Абулхаир при всех одернул этого задиру: «Всегда сует свой нос куда не следует. Будто мир без него рухнет. Хорошо его отбрил Абулхаир, поделом ему!» Батыр покосился на хана. Абулхаир похудел, глаза его ввалились, скулы заострились, и султану Батыру стало жаль своего родственника, который оказался в трудном положении, один среди озлобленных людей. «Какой он выдержанный, сильный, буд-

то из кремня! И колкости ему нипочем! – подавил Батыр сочувственный вздох. – Обидно, наверное, когда тебя несправедливо корят твои же собратья. Но он не сдаётся и сам не упускает момента, чтобы укунить за самое больное место. Нужно иметь острые клыки, чтобы заткнуть глотку Бараку! Уж он не знает удержу в словах... Почему все-таки Абулхаир не говорит, что у него на уме? Обидно, наверное, тоже задела слова Барака... Надо мне вмешаться, иначе эти пройдохи оскорбят Абулхаира! Вставлю-ка я словечко, только бы мне сохранять спокойствие, а то я тоже леплю все что на ум придет!»

Батыр прокашлялся:

– По мне, так я бы налетел на джунгар с той стороны, откуда они пришли, пробился бы сквозь их войско и вышел к Алаколю. А джунгары пусть хоть зимовать остаются на этой горе!

Кто-то фыркнул. Обиженный Батыр поджал губы, повел настороженным взглядом и вдруг увидел, что у Абулхаира трясутся плечи. Глаза Батыра враз потемнели, узкие ноздри раздулись. «Ох, угораздило же меня фыркнуть... Ведь Батыр из тех людей, что обижаются из-за пустяков. Теперь мой родственник займёт на меня зуб!» – спохватился Абулхаир.

– Хочешь, чтобы с нами произошло то же, что позавчера – с джунгарами? – спросил он ровно, спокойно.

Красивое, пухлое лицо Батыра потемнело, как сажа на дне котла. Хан понял, что его смешок, и его слова задела за живое Батыра.

Спятели мы, что ли, – лезть в западню, в которую попал враг? – выпалил Самеке.

– Почему это? – Барак выплюнул очередную порцию насыбая. – Надо нам разделиться: одни, как предложил Батыр, пробьются на Алаколь, остальные поднажмут с другой стороны... Враг долго не продержится, если атаковать его с двух сторон.

Люди оживились, раздались одобрительные возгласы.

– Взять-то верх над врагом, может, и возьмем, да кровью при этом изойдем! – буркнул Абулхаир.

– Ну и ну! Разве бывает война без крови?

Абулхаир резко и нервно дернул плечом. Лицо его стало суровым.

– Коли бы мы не жалели крови, то эта битва давно бы кончилась... Однако пораскиньте мозгами. До самого сер-

дца земель, захваченных джунгарами, мы пока не дошли. Что пользы в том, что разгромим врага здесь, если мы при этом обескровим войско? Все мужчины, способные воевать, находятся здесь. Ну, потеряем большую часть войска тут, а кто будет сражаться дальше?

– И что же ты предлагаешь нам? – нетерпеливо, с вызовом перебил его Барак.

Будто не заметив его дерзости, Абулхаир не стал вступать в спор с Бараком. Поглядел молча на темневшие на севере горы и вздохнул:

– Каждый из укрепившихся в горах джунгар погибнет, унеся с собой три-четыре наших воина. Неужто ты считаешь, что нас впятеро больше, чем джунгар? К тому же враг научился на собственных ошибках, стал умнее, хитрее. Джунгары всегда умели воевать упершись спинами в горы, укрывшись в ложбинах и оврагах. Они родились в горах, выросли среди камней, потому и воевать здесь им сподручнее. Мы же побеждали джунгар только на равнинах.

– Не ты ли сам отдал эти укрытия и расщелины джунгарам? – перебил его Барак.

– Отдал, правильно! Нарочно отдал.

– Если так, чего же нам спорить?! Теперь, может, нарочно отдать джунгарским лучникам казахских мужчин, которых ты якобы бережешь как зеницу ока! То-то они обрадуются таким мишеням! Или еще проще, можешь спалить всех нас под солнцем! Мы в твоей воле! Только грех за все это будет на тебе! И не морочь нам больше голову!

В глазах Абулхаира мгновенно вспыхнули и погасли злые искорки. Военачальники начали потихоньку перешептываться, а Барак вскочил с места, вышел из юрты и громко высморкался.

Абулхаиру доставило удовольствие, что Барак потерял над собой контроль. Он помолчал, а потом вполголоса заговорил:

– Если я что-то понимаю в этой жизни, так это то, что у казахов нет секретов, которые были бы неизвестны джунгарам. У джунгар же имеется много секретов, неизвестных казахам... Если мы по давней нашей привычке помчимся сломя голову на врага, то противник одолеет нас непременно... Давайте попытаемся обмануть джунгар, запутать их. Сейчас они спят себе спокойно, довольные, что завтра-послезавтра проткнут всех нас до одного своими стрелами, когда мы нападём на них.

– Верно, так оно и будет! – не вытерпел и подал реплику Самеке.

– Верно-то оно верно... Только... есть ли у нас с вами нужда в этой горе, а?

– Ага, так стало быть... – зашептали батыры, начиная догадываться, куда клонит Абулхаир.

– Стало быть... мы выведем их на открытую равнину! – досказал свою мысль Абулхаир.

– Что же мы кричать им будем: «Давайте выходите!» Так они нас и послушаются! – вздернул нос Барак.

Как ни в чем не бывало Абулхаир ответил:

– А мы выманим их хитростью.

Наступила мертвая тишина. Убедившись, что ему удалось заинтересовать батыров, Абулхаир стал разъяснять им свой план:

– Как только созвездие Плеяды склонится к горизонту, мы отсюда снимемся. Пусть на рассвете враги обнаружат нашу стоянку пустой, а горизонт в пыли, поднятой нашими задними рядами.

Батыры не сводили с Абулхаира недоверчивых взглядов, но лица их уже просветлели, они начали понимать замысел Абулхаира.

– Ну и что? Что тогда?

– Тогда... Не останутся же джунгары охранять в горах дух предков. Они двинутся в путь.

– Э-э-а! – махнул рукой Абулмамбет. – Скажут: «Бог с ними, с казаками», – и отправятся восвояси. Мы же вернемся домой, ковыряя в носах пальцами.

– Я думаю, ты вышел из возраста, когда ковыряют в носу? – поддел его Абулхаир.

– Что, джунгарам жить, что ли, надоело, чтобы гнаться за отступающими казаками? Вернутся к себе. А вот что мы скажем, как мы объясним своим, что ни с чем вернулись?

– Скажем, что разгромили врага.

– Разве не ты сам заявил, что надо уносить отсюда ноги! – воскликнул Самеке.

Барак и Абулмамбет ехидно улынулись: то ли над Абулхаиром потешались, то ли над Самеке.

– Унесем ноги, чтобы победить – не быть побежденными! Уйдем сюда, отступим с одной-единственной целью – чтобы уничтожить врага. Зарубите себе на носу, запомните: этой ночью мы не побежим, этой ночью мы начнем новый поход на врага.

– А как же быть с врагом, засевшим на той горе?

– А зачем нам с ними что-то делать? Пусть сидят там, пусть смотрят, как мы среди бела дня, на их глазах, разгромим джунгарские аулы на берегах Или! Нам этого только и надо!

И тут все заговорили разом:

– Конечно, не останутся... Погонятся за нами, погонятся как псы!

– Пусть гоняются! Выведем их на простор, где нет гор, остановимся, развернемся и снова – в бой.

– Да-а-а, мы знали, что врага можно бить, догоняя его! Теперь узнали, что можно бить его и отступая! Да-а, поистине много в мире удивительного! – перекрыл шум гулкой бас Букенбая.

Повеселевшие джигиты ответили ему дружным смехом. Напряженными и насупленными оставались лишь четыре-пять султанов. «Будут схватки с врагами, но будут схватки и между своими!» – невольно притихли люди.

...На другое утро ошеломленные джунгары обнаружили брошенные стоянки там, где вчера теснилось огромное войско. Они погнались дозорных на все холмы. «Что стряслось с казаками? Почему они ушли так внезапно, среди ночи?» – недоумевали, спрашивали друг друга джунгары, до боли в глазах всматриваясь во все стороны.

– Ойбай, посмотрите-ка на восток! – закричал вдруг один из дозорных.

Под восходящим солнцем, сливаясь с небом, поднималась пыль... Казахи перехитрили их! Заперли в ущелье, а сами отправились грабить, разорять их аулы на берегу Или! Какое сопротивление в состоянии оказать казакам жители аулов, все мужчины которых остались здесь загнанными в это проклятое ущелье! Всех до одного перебьют, пройдутся по джунгарским аулам.

Барабаны забили тревогу, запели заунывно трубы, джунгары оседлали коней и понеслись вслед за казаками, держа направление на густую пыль.

Абулхаир представлял себе, что творилось там, на горе, оставленной ими ночью. Он скакал не впереди войска, как обычно, а в самом его конце. Едва покажется на горизонте пыль, как джигиты замедлят свой быстрый бег и повернутся назад, лицом к противнику. Задние отряды превратятся в передовые сотни. Вчерашний спор наполнил Абулхаира решимостью сражаться сегодня в самой

гуще боя, держать его под неослабным контролем: не ровен час, обидчивые и надменные султаны, потерпевшие вчера поражение, могут выкинуть все что угодно...

На душе у Абулхаира было тревожно: удастся его необычный замысел или нет? Он скакал то на левый, то на правый фланг своего многотысячного войска. Джигиты двигались ходко и быстро, лица их были светлы, почти веселы. Вчерашние мучения и жажда были забыты: воины ждали сражения со своими кровными врагами.

– Показа-а-ли-и-ись! – слышался голос дозорного.

Воины перешли на шаг, остановились, развернулись.

Абулхаир разделил войско на три части, расположив их таким образом, чтобы джунгары попали в кольцо. Чтобы они не разгадали его замысел, Абулхаир послал отряд во главе с Батыром навстречу джунгарам.

– Ну, удачи вам! – сказал Абулхаир.

– С богом! – прогремело в ответ.

Джунгары схватились с отрядом Батыра.

За завесой, в клубах пыли было невозможно разглядеть, как идет битва. Только слышался лязг металла, ржание коней и крики и стоны умирающих. Исчезло ярко сверкавшее на небе солнце. И на всем белом свете наступило царство пыли...

Потерявшие всадников испуганные кони выбирались из этого царства пыли с окровавленными гривами и хвостами, уносились куда-то в степь... Уносились без оглядки, не веря тому, что освободились, вырвались из этой жути, кровавого людского месива. Люди, которым они служили верой и правдой, вонзали в их бока железные стремяна, ломали им хребты, дробили кости...

Битва становилась все яростнее. Люди падали на землю, кричали истошными голосами, калечились, спотыкались о мертвые тела, попадали под копыта коней! Сколько людей было затоптано копытами коней!

Абулхаир смотрел на битву со странным отчуждением: будто не имел к ней никакого отношения. Он не понимал, во что превратилась битва, которую он столь отчетливо рисовал в своем воображении. Страшное дыхание боя и смерти коснулось его лица и его сердца... Одному аллаху под силу разобраться в этом месиве, в том, кто несет большие потери – джунгары или казахи.

Направить бой в определенное русло, придать ему систему и порядок было невозможно, он превратился в бой-

ню. Война – та же стихия: стоит ей начаться, как она начинает полыхать огнем, попавшим на сухую траву.

Каким бы дальновидным военачальником или храбрым батыром ты ни был, невозможно упорядочить беспорядочное, найти смысл в бессмысленном. Там, где рекой льется кровь, нет места для разума... Люди были опьянены боем, запахом крови, их не мог теперь остановить даже страх смерти. Не было здесь людей – казахов, джунгар, – были вырвавшиеся на волю из железных клеток хищные и жестокие звери. Что им ни скажи, что ни прикажи – ничего не услышат, ничего не поймут.

Накал схватки спал после полудня. Пыль стала редеть на глазах. «Значит, – сделал вывод Абулхаир, – поредели с обеих сторон ряды воинов. Если продолжить бой, потери будут еще большими и победа будет добыта чересчур тяжелой ценой... Джунгары точно обезумели, видно, живыми решили не сдаваться!.. Что же предпринять? Как рассеять их войско? Вон как джунгары сгрудились, стоят плечом к плечу. Эта отчаянная и бесстрашная кучка, похоже, смущает наших джигитов. Мечи их взлетают неуверенно, хотя джигиты и не отступают, упрямо бросаются вперед. Обгоняют один другого, спешат, словно мотыльки, летящие на огонь... Падают джигиты на землю, словно бабочки с обгоревшими крыльями. А джунгары воспрянули духом, обрели уверенность...»

Абулхаир начал отчаиваться, его сердце будто рвали острыми клыками голодные псы. «Господи, неужели и на этот раз ускользнет от нас победа? Ведь она уже показала нам свою макушку!.. Господи, помоги! – молил он всевышнего. – Иначе меня ждет крах, полный крах».

От этого сражения Абулхаир ждал победы, настоящей победы! Он надеялся, что джунгары запросят пощады, которой не запросили они на Аягузе... Если бы сбылась его мечта, кто бы тогда отважился хоть словечко сказать против него, отомстившего джунгарам за все унижения и обиды? Победа эта, возможно, дала бы ему не только боевое знамя казахов, но и принесла бы общий для всех жузов позолоченный трон и золотую корону. Но победа застряла где-то на середине пути к чему, и таяла, и пятилась назад под натиском людей, попавших живыми на волосяной мостик ада.

«О аллах, неужели я так ничего и не придумаю?» Разум словно бы отказал Абулхаиру. Его разум, который

обычно раскладывал по полочкам, разделявал все трудности на свете, как мясник баранью тушу. Да, затупился у мясника нож, опустились руки, потерял он свою ловкость и навыки!

Абулхаира захлестнул горький как яд гнев. «Неужели нет выхода?» — метались мысли. Он крепко смежил веки. Перед глазами пошли, завертелись красные, синие, желтые круги, блестящие точки. Сплелись в какой-то колдовской пляске, круговерти, а из круговерти этой что-то отделилось и стало надвигаться на него, надвигаться... «Лиса... Собака... Нет, лиса... которая привиделась мне, когда я ехал в аул к незабвенному Матэ-бию... Сейчас лиса скулит, лижет мне ноги, вьется вокруг, поджав хвост... Когда-то смотрела в глаза, оскалившись в странной ухмылке. — Что с ней? Глаза ее помутнели, валится на бок, не в силах удержаться на лапах... О аллах! Что это сомной? Откуда шум, топот, заполняющий всю землю?.. Словно кто-то гонит по степи куланов... Куланы, куланы, ров... Ах, вот оно!»

Абулхаира вдруг осенило! Совсем как в тот раз — ров, неудержимо летят вперед куланы навстречу своей гибели. Его отряды похожи на куланов, мчавшихся навстречу собственной гибели. «Джигиты вот-вот полягут на поле брани как скошенная трава. Неужто они не понимают этого? Почему не кинутся, словно бы в панике, в бегство? Джунгары тотчас же бросятся вдогонку, и каменная их, плечом к плечу, стена рухнет. Всевышний, спасибо тебе, что ты надоумил меня, подсказал мне решение, выход из смертельных тисков!.. Спасение. Скорее, скорее передать приказ, но через кого?.. Через Барака? Но это поднимет его, и так надменного, высокомерного, на высоту, с которой он завтра же будет плевать на мою ханскую юрту! Через Батыра? Возомнит, что я извиняюсь за вчерашний свой смешок и слова на совете. Самеке и Абулмамбет не лучше Барака...»

На ум Абулхаиру пришел султан Абулмансур. Да, этот, пожалуй, подойдет. Учтивый, скромный. Когда другие дерут горло, надрываются в спорах, он держится в сторонке, помалкивает. Вчера никому не кивнул, не поддакнул, не сделал тайного знака: я-де на твоей стороне. Девятнадцать лет юноше, а как сдержан, как владеет собой! Абулмансур чем-то напоминал хану его самого в молодости: так же таился от людей, так же охранял ото всех

свою независимость. Никому не позволял лезть себе в душу... И показал себя смельчаком еще на Буланты. Косил врагов, как сено, был в самой гуще боя. И сейчас он во главе отряда, действует толково... Вместе с тем от этого смелого юноши веет стужей, лютой, как шипенье змеи... Наверно, поэтому Абулхаир и не спешил приблизить Абулмансура к себе. Однако наладить отношения с многообещающим, выделяющимся среди остальных юношей не повредит и ему! Сейчас самый подходящий момент.

А что, если потомки Жадика уже успели влить в уши Абулмансура яд? Успели оклеветать Абулхаира? Обиделись они вчера крепко, опять проснулась в них былая зависть... Однако, даже попав в сети интриг, юный султан, наверное, не забудет доверия и доброты главного сардара.

– Эй, Мырзатай, где ты? Куда подевался этот пустомеля? – спросил Абулхаир, недовольный его отсутствием. – Не он ли машет там руками, показывает куда-то? Эй, Мырзатай, где же ты?

– Я здесь, алдияр!

Но это был не Мырзатай, это был человек из отряда Барака, он неслышно подъехал на вороном коне. «Что ему тут нужно? – подумал Абулхаир. – Наверное, Барак дослал: узнай, мол, что посоветует сардар в такой отчаянный момент. Ну, ему-то я ничего не посоветую!»

– Эй, Мырзатай, куда ты подевался?

– Я здесь, алдияр! – Мырзатай приблизился к нему и глазами показал на гонцов, которых прислали к Абулхаиру все батыры. Они стояли неподалеку.

– Что же это происходит, что же это случилось с казахами? – обратился Абулхаир к окружающим. – Почему они сгрудились, как куланы, которых гонят в засаду? Есть ли у них соображение? Езжай, Мырзатай, скажи Абулмансуру, чтоб бил джунгар прямо по центру, а потом пусть сразу же поворачивает назад. Джунгары погонятся за ним. А как только разожмет джунгарский кулак, наши джигиты догадаются, как действовать, что дальше предпринимать!

– Слушаюсь, алдияр! – заорал Мырзатай и хлестнул коня камчой.

– О, какое мудрое решение, аллияр! Иначе бы нам их не одолеть! Теперь мы вырвемся, разобьем, – зашумели, заулыбались гонцы.

Абулхаир выскочил из их толпы и застыл на открытом месте.

Отряду Абулмансура удалось пробить брешь в джунгарских рядах. Пытаясь взять в клещи отступавший казахский отряд, джунгары разомкнули свои ряды и рассыпались, точно горох. Их знамя теперь реяло одиноко в руках воина, оставшегося без всякого прикрытия.

Битва разгорелась с новой силой. Теперь ее хозяевами стали казахи. Один за другим валялись с коней джунгары, издавая истошные вопли. Казахи почувствовали приближение победы, уши сардара ласкали боевые кличи разных отрядов, Абулхаир не сразу заметил слугу Болат, склонившегося перед ним в низком поклоне.

– Высокородный таксыр! Высокородный таксыр! – тщето взывал к нему слуга главного хана.

Но Абулхаир ничего не слышал и не видел, кроме битвы. Он ликовал! Он торжествовал! Он улыбался! Глаза слуги чуть не вылезли из орбит: кому еще довелось видеть, как улыбается Абулхаир-султан? Это – все равно, что увидеть, как распускаются цветы на железе!

Однако когда же еще смеяться, когда торжествовать Абулхаиру, если не сегодня? Как его джигиты крушат врага! Есть ли счастье более высокое, чем пьянеть от сознания, что твою волю выполняют люди, народ! Несколько слов, тобой произнесенных, превращаются в потоки вражеской крови! Это благодаря твоим мыслям и планам, которые из ночи в ночь томили, мучили тебя, летят теперь головы с плеч джунгар. Твоя заветная цель приносит счастье одним и несчастье другим! О аллах, с таким послушным народом он горы своротит! Разобьет любого захватчика, изгонит его прочь с родной земли!..

«Если бы только народ этот всегда был под моей властью! Нет в мире выше чуда и мощи выше, чем державная власть, которая никому не дает ослушаться меня, перечить мне!.. Что же это – сон или явь, это чудное упоение властью?.. Или плод воображения?.. Но не дитя же я, чтобы так глубоко погрузиться в мечты... Правда... Правда!.. Явь!»

Абулхаир огляделся вокруг, ища подтверждения тому, что он не грезит, а находится в реальном мире.

Джунгары были уничтожены почти все. Но это что за мелодия доносится до его ушей, знакомая мелодия? Со всем знакомая. Слышанная уже. Когда же и где? Это зву-

ки, звуки, страшнее которых нет, кажется, ничего, заполняли землю в те годы, когда народ покидал Каратау. Казахские кочевья снимались с насиженных гнезд своих, и вот так же рыдали и стонали люди, наполняя печалью и горем небо, землю, воду, степи и горы. Их плачу вторили, вплетались в него стоны верблюжат, мычанье телят, блеяние ягнят, ржание жеребят – всех осиротевших, всех потерявших своих матерей!.. Боже, что тогда творилось на их земле! С воплями и причитаниями царапали себе лица вдовы, рвали волосы девушки, потерявшие отцов и братьев, заходились в плаче младенцы в колыбелях, тряслись от рыданий, бессилья и унижения плечи мужчин, сидевших на конях, с низко опущенными головами. Рыли лапами землю псы и выли, подняв морды к небу... Все это сливалось в единую мелодию, от которой вставали дыбом волосы даже у людей с каменными сердцами и железными нервами. Мелодию годов великого бедствия.

Смешавшиеся воедино крики, вопли, стоны, визги как будто вернули Абулхаира в те времена. «Но почему же не встают теперь дыбом волосы, почему не разрывается сердце?.. Здоровенные мужчины голосят, и плачут, и колотят себя по голове. Закованные в металл, обвешанные оружием, они не перестали быть людьми... Но никто из казахов не может считать, не считает их людьми. Сколько горя и бед принесли они... Неужели джунгары не понимают этого? Почему они воют как собаки?..

Рыдают как бабы, рвут на себе волосы! Потеряли всякую надежду на победу и на жизнь... Кто пожалеет воющего пса и плачущего врага?!

О аллах! До какого великого дня удалось дожить! Были бы здесь сейчас несчастные вдовы и матери, выплакавшие все слезы по дорогим своим мужьям и сыновьям! Были бы сейчас здесь луноликие сестры – они целовали бы не только вышедших из гущи боя воинов, но и ноги их коней, окровавленные по самые лодыжки!

Радуйтесь, казахи, радуйтесь! Пришло время, настал час вашего отмщения! Все, живые и мертвые, радуйтесь!

Смотрите же, ликуйте! Дарует ли нам судьба еще одну такую же победу? Наслушайтесь, насладитесь псиным воем кровавых врагов наших! Народ мой, радуйся, радуйся же и торжествуй! Это твой день, народ мой, твой день!..

...Почему опять закружился мир, завертелись передо мной земля и небо? Кто скачет, кто несется ко мне? Дав-

няя рыжая лиса или недавно привидевшаяся мне красная гончая? Приближается, бросается мне под ноги, лижет их! Это, наверное, и есть мое счастье!..

Всяк по-своему толкует о счастье: это и звезда в небе, и птица, парящая в поднебесье... Какая там птица!.. Какая там звезда!.. Счастье – оно вот так вот бросается тебе под ноги и лижет их. Поэтому, наверное, мы его часто и не замечаем!.. Не уходи от меня, мое счастье, не исчезай! Лижи, лижи мне ноги!.. О аллах! Не сошел ли я, Абулхаир, с ума?

Почему умолкла горестная мелодия? Где, где жаркая битва? Почему кто-то резко хватает моего коня за повод? Кто посмел?..»

Абулхаир очнулся от радостных мыслей и увидел, что слуга Болата стоит рядом. «Что до сих пор делает здесь лизоблюд Болата? Что он говорит, кричит ему прямо в ухо! Что он такое несет? «Хан умирает!» Какой хан? Тауке давно умер! «Стрела попала!..» В кого попала стрела? Победили-то мы? А куда же подевались джунгары? Ага, спасаются бегством! Ничего, ничего, догоним!»

– Чего тебе? – резко, через плечо бросил Абулхаир слуге.

– Алдияр, хана Болата ранило стрелой!

Абулхаир все еще улыбался, был не в состоянии осмыслить новость. Что сказал этот человек?

Абулхаир огляделся: он в одиночестве стоял на маленьком холмике. Рядом – груды мертвых тел, красная от крови земля. Никто не догонял, не добивал удиравших джунгар.

Он яростно огрел коня и поскакал за джунгарами. К Абулхаиру присоединились Букенбай и Есет – только они двое. Остальные не сдвинулись с места. Почему? Почему?

Они скакали долго. Наконец с Абулхаиром поравнялся Букенбай.

– Алдияр, в тылу у нас небольшое войско. Впереди джунгарский улус. Как бы не случилось чего-нибудь худого... Вернемся! Болат-хан ранен, говорят – смертельно. С ним остались все, нам тоже нужно вернуться.

«...О-о-о-о! Упустили, не захватили вражеское знамя! Всех следовало уничтожить, всех... Победа наша оказалась неполной!» – подсадовал Абулхаир.

Когда они возвратились, Абулмамбет уже увез Болата в Туркестан. Наскоро распрощавшись, Барак и Кучук помчались в свои улусы.

Оставшиеся с Абулхаиром воины Младшего жуза с грустью всматривались, запоминали недавнее поле брани, потом тронули коней.

– Так и стоит в ушах вой этих джунгар! – выпалил Батыр.

– Страшная была битва... Все казахи, наверное, слышали вражеские вопли и стоны. Теперь народ прозовет это место «полем воплей и плача» – Аныракай, – тихо сказал Букенбай.

* * *

Абулхаир никак не мог забыть это сражение, отрешиться от него – ходил рассеянный, будто потерял сам себя... Равнина, мертвые тела, рыдающие, стонущие, бегущие без оглядки джунгары...

Эти воспоминания не наполняли его радостью, не утешали в великой его печали.

Абулхаир знал: ныне, едва лишь встретятся два казаха – сразу же заговорят об Аныракае.

Разговоры эти не трогали его, будто и не касались его, будто его вовсе не было там, в долине Аныракай.

Временами ему казалось, что сражения и победы не было вообще. Может, совет на Ордабасы – тоже плод его воображения. И это мучило его более, чем сплетни, толки и досужие вымыслы людей. Если бы в действительности было, происходило то грандиозное сражение, то и последствия его были бы не столь запутанными, смазанными. Если бы и вправду было такое важное, решающее собрание, как совет на Ордабасы, то не остались бы его решения забытыми и незавершенными.

Мысли об этом не покидали Абулхаира, посещали его как непрошенные гости по сорок раз на дню. Он не находил ответа на эти вопросы: «Было или не было?.. Неужто же все это мои пустые, глупые фантазии? Или сон?.. Нет, правда! Правда! И сражение, и совет были всего три-четыре месяца назад, как я могу сомневаться? Стоит только спросить у друзей, чтобы убедиться... А еще лучше – у врагов, которые пускают в ход клевету, оговор – любое оружие, только бы уничтожить, унижить меня в глаза людей!.. Абулмамбет ни одного бия не пропускает, даже самого захудалого, и нашептывает, нашептывает: «Абулхаиру было наплевать, когда умирал властелин золотого трона, сын Тауке! Он чуть не лопнул от злости из-за того, что спаслась какая-то горсточка джунгар!..»

Барак ездит из одного аула в другой и трезвонит: «Абулхаир хочет, как всегда, присвоить победу себе. Если бы не находчивость Абулмансура в решающий момент, сражение могло бы кончиться, ох-хо-хо, печально, да, да, прямо-таки позорно!» И другие султаны каждый день собирают в своем шатре батыров и держат с ними совет. О чем? Не о том же, в самом деле, взять себе еще одну жену или нет? О чем-то куда более серьезном... Скорее всего о том, как еще крепче, еще сильнее рассчитаться с джунгарами. Но почему они держат совет без него, главного сардара?

«Что бы мои недоброжелатели ни говорили, на Аныракае мы победили только благодаря моему замыслу и моей воле. И мы добились бы еще большей славы, если бы не мои соперники! Зависть их гложет, зависть и боязнь, что слава и власть моя поднимутся слишком высоко. Однако остальные казахи... Неужели спустя всего несколько месяцев они предали забвению победу, которой ждали так долго – и все же дождались?! Непостижимо! Невозможно!.. Ох, возможно, еще как возможно! Что я, только сегодня узнал собратьев своих?.. Не добились бы победы на Аныракае, весь позор и вину взвалили бы на меня. Разнеслась бы молва, словно пожар: «Если Абулхаир сделал бы не так да не эдак, то тогда мы были бы на щите!»

Аллах миловал! Случилась победа! Мне воздают честь и хвалу простые люди, чей клич «Алаш», а ждать того же от верхушки, чей клич «Архары» – напрасные мечты!.. Надо же было случиться такому, чтобы какая-то стрела угодила в размазню Болата! А для врагов моих это удачный повод не дать мне продвинуться дальше, достичь цели – полной победы. Полной! «Как можно продолжать сражение, когда хан умирает! Победа и так за нами!» – зашумели, обрадовались они... Даже в такой решающий момент они ни за что не последуют за тобой. Завтра, когда встанет вопрос о том, кто должен будет занять трон, он станет слишком опасным соперником – главный сардар, разгромивший войско джунгар и их улусы! Они воспользовались неожиданной смертью Болата, которого ничуть им не было жаль, чтобы сорвать мои планы, не пропустить меня вперед... Вроде бы никто не сделал мне явного зла, но... Абулмамбет в оправдание твердит: «Как же мы могли вести сражение, когда умирал главный хан?» Другие объясняют: «Разве мы могли оставаться на месте

брани, когда умирал хан, когда в трауре был Абулмамбет!»

Мое сердце обливается кровью. Они же радуются, злорадствуют. Им только того и надо. Чтобы я не достиг своего, чтобы победа осталась незавершенной, не моей...

Немало времени прошло после смерти Болата. Почему же притихли высокородные тюркеры? Обычно они начинали готовить белую кошму для нового хана, едва кончались сорок дней после смерти предыдущего правителя. Они тоже оправдываются: «Не время сейчас казахам выбирать главного хана, ибо не собрались еще вместе все три жуза, не все освободились от джунгарского ига!» Главный хан необходим казахам как воздух, нужен именно теперь, сейчас. Хан, который объединил бы всех их, зажег их сердца, повел за собой, – половина народа томится, половина земель находится под пятой врага.

Каждый из тех, чей клич «Архар», зарится на ханский престол. Но все они, без исключения, боятся увидеть на троне меня. «Хвала аллаху, – смиренно провозглашают они, – каждый из нас владеет улусом, будем пока довольствоваться этим». Про себя же злорадствуют: «Пусть кишки, которые не перепадут мне, варятся вместе с дерьмом!» Молят всевышнего: «Пусть счастье, которое не достанется мне, никому не достанется!»

Абулхаира душила обида. Он никак не мог решить для себя: как ему быть, как действовать дальше?

Абулхаир поселился на полуострове Каратюбек, вблизи русской границы...

Полуостров Каратюбек был, словно крепость, неприступен для врагов. Его с разных сторон окружали плоскогорье Челкар-Нура, широкое русло Тургая, три озера: Соркуль, Кульжарма, Буранчи и упиравшееся в голый такыр озеро Шумиш. Абулхаир намеревался провести здесь осень и зиму. Для скота и табунов – вдоволь сочной травы и воды. Люди не останутся без дичи: на озерах полным-полно дичи, и зверья разного водится на побережье достаточно.

С первыми лучами солнца Абулхаир вместе с Мырзатаем и с кем-нибудь из слуг отправлялся на охоту. Его спутники никак не могли насладиться привольем и охотой, сколько бы дичи и зверья они ни настреляли. Зверь же, которого преследовал Абулхаир, был не на воле, был в его душе. Его не могли настичь ни стрела, ни ловчая

птица, ни быстроногая борзая. Пока его спутники, возбужденные и радостные, подсчитывали добычу, Абулхайр сидел в стороне отрешенный, задумчивый. Он пытался собрать воедино мысли, рассыпанные, как просо. Он никак не мог постичь чего-то чрезвычайно для себя важного. Он словно утратил цель и веру. Ему было страшно даже подумать, что он никогда не заслужит чести и славы, сколько бы подвигов для казахов ни совершил, сколько бы гор для них ни своротил... Он так и останется в их глазах прежде всего сыном простолюдинки...

...У него была только одна возможность переупрямить этих упрямых ослов, доказать им, что он человек, которым нельзя пренебрегать даже самым родовитым и кичливым тюре! И еще надо найти сильного покровителя, чтобы он мог сполна осуществить давно им задуманное. Выбор не так уж велик: либо Россия, либо Джунгария... Много ли чести будет, если он обратится к джунгарам. Выгоднее пойти на поклон к русскому царю. Заявить открыто и прямо: «Примите под свое крыло, возьмите в свое подданство!..» – тогда, наверное, не выпроводят, похлопав по плечу. И до русских, наверное, дошла весть, что казахи не слабый и безвольный народ, что не хотят они жить под пятой у джунгар. Не оглохли же там, в Омске, Уфе, Астрахани! Слышали не раз его имя – имя человека, который вел за собой народ, который не раз побеждал коварных джунгар!

Пока что нет хозяина золотого казахского трона, правителя всех трех жузов. Но он будет, будет же когда-нибудь! Кто среди казахских султанов может сравниться с ним по влиянию в степи, у кого в руках военная власть? Как-никак он был избран главным сардаром всех жузов! Почему бы ему в таком случае не вступить в переговоры не просто от имени своего улуса, но и от имени всех казахов? В этом случае русские будут разговаривать с ним куда охотнее. Джунгары, известное дело, ненадежны и коварны. Как завтра они поведут себя? За ними простирается Китай... Зная это, русские вряд ли оттолкнут казахов. Это им невыгодно. Царя Петра нет более в живых, вместо него теперь правит женщина. Быть может, она поймет нужды казахов и... А признает Россия его главным ханом, казахи, ясное дело, не посмеют перечить, тем более, что сами же выбрали его главным сардаром...

Если царица примет его прошение, то ему придется

решать другую, не менее трудную задачу. Как отнесутся ко всему этому казахи? Быть союзниками – это еще куда ни шло. А быть подданными?! Найдутся такие, которые будут противиться: «В то время как мы утопаем в крови, лишь бы не оказаться под джунгарами, зачем нам самим проситься под власть русских?» На это у него есть ответ: «Если мы окажемся под джунгарами, а все к тому идет, то вскоре увидим оскаленные морды шуршитов. Ведь сказано в священной книге: «Перед концом света нахлынет тьма-тьмущая шуршитов». Не лошадь же нас в голову лягнула, не желаем же мы в самом деле приблизить светопреставление!.. Даже продолжая воевать против джунгар, мы все равно половину народа нашего обречем на страдания и слезы, а то и на гибель.

Что же касается русских... Им, русским, от нас ничего не нужно; ни скота нашего, ни пастбищ наших. Будут они себе сеять хлеб, ловить в пограничных реках рыбу, которую не только мы сами не едим, но и собаки наши не хотят есть... Русские не станут посягать на курук в наших руках и на наш трон. Нет им дела до наших степей и пустынь. Они будут довольствоваться нашей покорностью.

В годы великого бедствия джунгары показали, на что они способны. А многочисленные шуршиты превзойдут их в жестокости и свирепости. Их государство – этот муравейник – поглотило потомков нашего чингизида Кубилая – а ведь они были правителями этой страны. Их заставили забыть родной язык, религию, традиции, родину. Они и нам заявят, эдак хитренько и ласково, попади мы под их пята: «У вас волосы черные, и у нас волосы черные, у вас глаза узкие, и у нас глаза узкие, давайте станем одним народом!..» Что же нам – сидеть и ждать, когда этот дракон явится сюда и поглотит нас?

Во времена, когда сильный властвует над слабым, большой над маленьким, нам не обойтись без сильного покровителя. Доказательство тому – судьба калмыков и башкир. Их никто не трогает и не рвет на части. Доколе же нам, казахам, мыкаться, испытывать свою горькую судьбу! Что же делать, как решить эту задачу? Задачу всего народа, всего нашего будущего?..

Прежде всего надо попытаться осторожненько прощупать тех, чье слово имеет вес среди казахов. Что они скажут, как отреагируют? Правильнее и разумнее всего начать с Букенбая. Мы с ним родня.» Сейчас Абулхаир

нуждался в дельном совете и не мог обойтись без Букенбая. К тому же под его властью находились семь многочисленных племен, готовых по первому его слову броситься, куда он прикажет... Привлечь на свою сторону Букенбая – значит привлечь и Есета. Заручиться их поддержкой – быть как за каменной стеной. Но если они скривят рот, то что говорить об остальных. Хотя вряд ли. Букенбай обосновался сейчас ближе всех к русской границе. Уфимские купцы – табуны им нужны или отары овец – скачут к Букенбаю. У него надежные связи с российскими базарами и знакомых среди башкирской знати достаточно. По примеру Букенбая многие казахи стреляют по берегам Илека, Каргалы, Каинды, Иргиза кабанов и обменивают их на русское зерно... Кто же еще поддержит его план, как не Букенбай, первым отведавший русского хлеба? Нужно поторопиться, скорее поговорить с Букенбаем!.. Но что-то давненько Абулхаир не получал вестей из его аула. Надо спросить у Бопай.

– Никто не заезжал из аула Букенбая?

– Нет... Не обиделся бы он...

– За что?

– Мы прежде навевывались к нему, всякий раз поздравляли – и с тем, что сынок его единственный, у бога вымоленный, сидеть начал, и с тем, что ходить начал. В этом году ни разу не навестили.

– Сколько же теперь Тленши?

– Четыре годика.

– Вот и повод съездить к Букенбаю! Букенбай устроит той в честь того, что сынок сядет на коня.

– Конечно, устроит, как же иначе?

Взяв с собой Бопай и свиту во главе с Мырзатаем, Абулхаир отправился к Букенбаю. Рядом трусил покрытый ковром жеребенок.

С наступлением осени Букенбай оставлял берега Иргиза и откочевывал ближе к пескам, на Жабысай. Он обрадовался Абулхаиру несказанно. Забыв об обычной своей величавости, старшая сестра хана Куттыбике выбежала к нему с плачем. Куттыбике заметно сдала после смерти мужа, Кара-батыра, добродушного, сильного и огромного, как черный атан.

Весь аул табынцев оживился с приездом хана. Ко всем влиятельным людям семи племен, а также к Есету и Кудайназару послали гонцов.

Тленши был баловнем семьи. Когда ему сообщили о

приезде Абулхаира, мальчик влетел в юрту и уже через минуту сидел на его плечах.

– Что ты делаешь, негодник? Слезай сейчас же! – прикрикнул на сына Букенбай.

– Не слезу! Пока не подарит мне камчу, не слезу! – расшалился Тленши.

– Пути всевышнего неисповедимы. Я-то всегда верил, что никому из казахов или калмыков не дам сесть себе на шею, и вот... Уселся-таки этот маленький табынец! – засмеялся Абулхаир. – Будь по-твоему, сорванец, будь по-твоему: когда-нибудь станешь батыром еще отчаяннее и храбрее отца, – мягко, с улыбкой добавил Абулхаир.

– Нет, я не хочу быть батыром! Я мясником буду! – ответил Тленши.

– Мясником? Это почему же ты так решил? – развеселился хан.

– Потому что... Если я стану мясником, тогда каждый день я буду есть потрошки, уж больно они вкусные! – бойко ответил озорник.

Все засмеялись.

– Недаром мы молили всех святых, чтобы родился сын! Пусть сбудется твое желание! – с нежностью глядя на Тленши, улыбнулась его бабушка Куттыбике.

Сжав в руке плеть хана с золоченой рукояткой, мальчик помчался собирать байгазы – подарок за новинку.

...У Букенбая было несколько жен, они рожали ему одного ребенка за другим, да вот беда – все дети умирали. Все, кроме Тленши. Когда приблизился срок разрешиться от бремени, жена сказала Букенбаю, что хочет родить у своих сородичей – шумекеев...

Букенбай согласился, а сам отправился в набег. На обратном пути, в Каракумах, из-за бархана навстречу ему выскочил какой-то оборванец.

– Батыр Букенбай, не поменяешь ли добычу, взятую у врага, на мою суму? – Нищий преградил батыру дорогу. К ним тотчас подскакал Есет. Увидев жилистую, красную, что ветка таволги, руку незнакомца на гриве коня Букенбая, Есет почувствовал вдруг, что сердце его дрогнуло от доброго предчувствия. Разве решится простой смертный так схватиться за повод коня самого Букенбая – знаменитого батыра, почитаемого всеми казахами?!

– Буке, сколько раз лишались мы добычи! Пусть достанется бедному человеку! А он помолится за тебя, гля-

дишь, аллах и услышит его молитву! – обратился Есет к своему другу и родственнику.

– Возьми, незнакомец! Бери все! Добыча – твоя! – Букенбай повернулся к своим джигитам. – Отдайте мою долю этому человеку. Всю! – Букенбай собрался было тронуться, однако нищий не сдвинулся с места.

– Батыр, я не милостыню у тебя прошу, а торгуюсь с тобой. Ты дал мне коней, которых я погоню перед собой, но дай мне и коня, на которого я сяду сам. Привяжи к моему седлу корджун, дай мне оружие. А то, не ровен час, выскочит какой-нибудь разбойник из-за холма да отнимет у меня твой щедрый дар! Пожалуй мне коня, на котором ты сидишь, привяжи корджун, который принадлежит тебе, отдай все оружие, что висит на тебе.

Батыр исполнил просьбу нищего, и тот вскочил на коня.

– Единственное богатство нищего в этом мире его сума. Не побрезгуй моим достоянием, прими мою старую суму. Ты отдал мне часть своего добра, я же отдаю тебе все, чем владею. То, что находится в моей суме, обрадует тебя больше, чем твоя вчерашняя добыча! Держи ее осторожно, не урони, не ударь ненароком, не уколи колючкой. Не заглядывай в нее, пока не доедешь во-о-он до того высокого бархана. Когда же заглянешь – тебе захочется поскорее добраться до дома и устроить великий пир. Пусть моим байгазы на твоём пиру будет добыча, которую ты мне щедро пожаловал, – возьми ее обратно. Я был нищий с потрепанной сумой. Дав мне коня и оружие, ты сделал меня человеком. Говорят, пища джигита и волка – в дороге. Добро себе я добуду теперь сам. Прощай! – нищий огрел коня плетью и скрылся.

Батыр заспешил к высокому бархану. Добрался до него, открыл суму, заглянул и... о, счастье! Посапывая носиком, в ней, словно в ханской юрте, лежал младенец. Несказанно обрадованные Букенбай и Есет объявили джигитам: «Завтра, по возвращении, будет великий той!»

Сердце Букенбая чуть не выскочило из груди от счастья. Однако, вернувшись домой, он обнаружил, что юрта его пуста, жены еще нет. Батыр послал гонца к ее сородичам. Тот застал женщину в слезах и горе:

– Как покажусь я на глаза батыру, о позор мне! Мой пухленький, мой сладкий младенец, которым я мечтала осчастливить батыра, умер, не прожив и недели!

...Никто не знал, какого рода и племени Тленши. Но похожи они были с Букенбаем как две капли воды. Одни

мудрецы объясняли это так: «Э-э-э, Букенбай встретил не простого смертного. Навстречу ему под видом нищего вышел сам святой Хызыр Ильяс. Другие говорили иначе: «Жена Букенбая уехала рожать в родной свой аул неспроста. Подальше решила быть от сглаза. И там какой-то святой посоветовал ей отдать новорожденного нищему бродяге: «То, что дает Хызыр, недоступно для дурного языка. То, что держит нищий, – недоступно для дурного глаза. Но тайну эту он наказал ей не раскрывать ни одному человеку на свете. Даже мужу, с которым она делит ложе!» Где тут правда, где тут вымысел – никто не ведал, но то, что Букенбай готов броситься в огонь и в воду ради Тленши, – знали все. И все, кто уважал Букенбая, во всем потакали Тленши.

Мальчику сегодня исполнилось четыре года, и Букенбай впервые посадит своего любимца на коня. Тленши сожмет ногами бока породистого двухлетки, которого пожаловал ему сам хан Абулхаир. Букенбай и Абулхаир во время тоя подшучивали друг над другом.

– О аллах, оказывается, и тюре может расщедриться! – говорил батыр.

– Когда уверен, что копыта вернутся, ведя за собою еще и другие копыта, почему бы не расщедриться! – отвечал ему хан.

Два дня гостил Абулхаир в ауле Букенбая. Совещался с влиятельными людьми, приглашенными на той. Все поглядывали на хана, прикидывали про себя: «Не зря он сюда приехал. Наверное, опять намеревается отправиться в поход, но куда и когда?» Однако Абулхаир ни словом не обмолвился о походе.

Через два дня Букенбай и Есет отправились проводить хана. Свита поотстала, три всадника отъехали вперед и повели разговор наедине.

Абулхаир начал издали, осторожно, но Букенбай сразу же смекнул, в чем дело, и решительно изрек:

– Да, нам хоть под горой, а затишья искать нужно!

Есет согласно кивнул. Хан заговорил откровеннее:

– Если мы не дадим белому царю клятву, что принимаем подданство, он и разговаривать с нами не станет! Зачем ему союз с нами? – веско, с нажимом произнес Абулхаир.

– Ну, а эти, башкиры и калмыки, они – подданные русского царя или союзники? Как они сами думают? – после долгого раздумья разомкнул уста Букенбай.

– Подданные они, подданные!

– Ну, так не умирают же эти калмыки и башкиры! Чуть тронешь их, за них белый царь вступается, грозным криком одергивает, – Букенбай оживился.

– Аюке даже солдат просит у русского губернатора, если кто-то совершает набег на его земли, – добавил Есет.

Абулхаир вздохнул с облегчением: оба батыра все поняли и поддержали его. Потом перевел взгляд с одного на другого и спросил:

– А что скажет народ? Сумеем убедить?

Букенбай и Есет, отрицательно покачали головами.

– Может, вам разумнее поступить так: на совете аксакалов получить разрешение направить в Россию послов с предложением о союзе, а послу секретно поручить договориться о подданстве?

На том и порешили, ибо поступить иначе было нельзя...

Букенбай съездил к знакомым башкирам, потолковал с ними. Те донесли замысел казахов до уфимских правителей. На следующий год, весной, в ставке Абулхаира собрались представители всех родов Младшего жуза и соседних родов: уаков, кереев, кипчаков, аргынов.

Все пришли к единому мнению: «Если мы будем воевать с джунгарами в одиночку, войне той конца не будет. Надо просить помощи у русских, искать союза с ними». С этим и разъехались.

Той же весной к Абулхаиру пожаловал башкир Алдарбай и увез с собой в Уфу казахское посольство.

* * *

Теперь русское посольство следует из Уфы в орду Абулхаир-хана.

В тайну по-прежнему посвящены только трое – Абулхаир-хан, Букенбай и Есет. Абулхаира мучает и то, что тайна эта существует, и то, что предводители родов непрерывно ездят друг к другу, держат советы, но к нему, словно сговорившись, даже глаз не кажут. Ни один не объявляется, хотя всем известно, что в ставке хана раскинули белую юрту для приема русского посольства.

Абулхаир все глаза проглядел в ожидании: едут или не едут, показались или не показались посланцы великой и огромной страны... Уже восемь дней прошло, как выехал навстречу им его сын Нурали. Наверное, недолго уже осталось ждать, теперь уже недолго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИСПЫТАНИЕ

*У джигита в поисках удачи
на душе хранится и уловка.
Из эпоса «Кобланды-батыр»*

Голая, словно подбородок юнца, ровная как доска, степная ширь начала мало-помалу оживать, преображаясь то в заросшие полынью, житняком и серебристым ковылем бугристые пески, то в сплошь покрытые прутняком, типчаком да верблюжьими колючками твердые глинистые равнины. Синие горы, маячившие впереди и томившие караван своей недосыгаемостью, далекой тайной, теперь были совсем близко. Они выстраивались то справа, то слева от дороги, будто стражи, которые добровольно вызвались охранять караван. Вблизи они утрачивали свою загадочность – обыкновенные, разбросанные поодаль друг от друга сопки. У подножий сопок не росло деревьев и кустарников, не шмыгали звери, не взлетали испуганные шумом птицы: не было никаких признаков жизни.

Сопки застыли в мертвой неподвижности. Одни багровели бурыми скалами, на которых точно бы запеклась кровь, много крови! Другие темнели, тускнели цветом пепла: словно сказочные великаны потрудились – выгребли пепел по рассыпанном в степи аулам и сложили его в эти горы-кучи. На путников, выросших в России, среди веселых лесов и душистых ласковых лугов, эти горы навевали тоску и страх, чувство одиночества и заброшенности в бескрайнем, незнакомом мире.

Отрадой для души и для глаз была лишь река Иргиз. Она показывалась людям, сверкая своими серебристыми водами, исчезала, опять появлялась. Люди оживали, радовались, стряхивали с себя тоскливую, унылую дрему. Раздавался смех, гулко гремели выстрелы.

Посольство приблизилось к излучине Иргиза. К карете Тевкелева приблизился один из казахов, сопровождающих караван, и сообщил:

– Скоро будет брод, около него нас должен встретить ханзада. Стрелять больше нельзя.

Казаки быстро зачехлили ружья. Тевкелев обрядился в парадную форму. Он с волнением ждал минуты, когда увидит впереди отряд в тысячу всадников, о котором всю дорогу толковал ему Суиндык-батыр. Тевкелев до боли в

глазах всматривался в сторону, откуда должны были появиться всадники, но ничего так и не увидел.

Он не стал гадать, почему до сих пор нет отряда. Сосредоточился на мыслях о предстоящей встрече с теми, ради кого он и его посольство прибыли сюда. Ответственный, важнейший момент! Посол прикрыл глаза, мысленно перевел на татарский язык слова официального заявления, которое ему надлежало произнести перед казахским ханом Абулхаиром и его ближайшим окружением. Он, посол державы Российской, доведет до казахов, к которым послан по воле императрицы, заявление, важность которого потом оценит история.

Караван приблизился к броду и начал перебираться на другой берег Иргиза. Тевкелев осторожно оглядывался по сторонам в ожидании ханского сына. На вершине холма, прямо против брода, появились всадники. Их было совсем мало. «Всего-то?..» – подумал Тевкелев, но тут из-за холма показалось много-много островерхих шапок. Однако в отряде, прикинул Тевкелев, было не более двухсот-трехсот человек.

Он был разочарован, почувствовал сразу и усталость, накопившуюся за время долгого и тяжелого пути, и боль в пояснице, и сосущую сердце тревогу. Тевкелев попытался взять себя в руки, справиться с душевным смятением. Сжал кулаки, стиснул зубы, выпрямился. Устремил взгляд на казахов, двигавшихся ему навстречу. В голове молнией мелькнули слова инструкции: «На переговорах ты должен держаться с достоинством и гордостью, подобающими славе ее величества императрицы... В любых, самых тяжелых обстоятельствах, должен сохранять спокойствие и выдержку, быть вежливым».

«Должно быть, юноша, едущий впереди всех, и есть сын Абулхаира, – догадался Тевкелев. – Улыбается... Остальные едут, чуть поотстав от ханзады, все надменны и суровы. Все, кроме ханзады».

Когда до посольской кареты оставалось шагов двадцать, ханзада сошел с коня. Его примеру последовали остальные. «И на этом спасибо! – Тевкелев почувствовал облегчение. – Наши-то небось во все глаза глядят, наблюдают за тем, что и как все произойдет. Думают небось про себя: «Ничего себе страна, куда снарядила царица-матушка посла и нас, грешных! Конец света – да и только!» Что бы я стал делать, если бы ханзада подска-

кал к карете как случайный путник? Слава богу, вроде бы умеют вести себя подобающим образом.

Однако самому мне не по чину будет выскакивать из кареты навстречу казахам. Ханзада – представитель кочевого народа, желающего принять российское подданство. Я же – посол могущественной империи. Пусть подойдут поближе». Когда расстояние между ним и ханзадой сократилось до пяти шагов, Тевкелев приказал остановить карету. Он решил, что самым правильным будет не обниматься с юным султаном, не обмениваться с ним рукопожатием, а ограничиться похлопыванием его по плечу.

– Надеюсь, что главный хан Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хан казы бахадур, а также подвластный ему народ и войско, достопочтенные предводители родов бии и батыры – все пребывают в добром здравии и благополучии? – возвысил голос Тевкелев, чтобы его услышали ханзада и его свита.

– Слава аллаху, великий хан и подвластный ему народ находятся в добром здравии! А теперь я хотел бы сказать вам, высокочтимый посол царицы Анны Иоанновны, мудрой повелительницы великой и могучей России: добро пожаловать в нашу страну! Мы рады вам, господин Кутлук Мамбет! – Нурали произнес слова приветствия с достоинством и серьезностью.

– Благодарствую! – ответил Тевкелев с чувством. – И да поможет нам бог!

– Великий хан – мой отец – наказал мне: «Поезжай навстречу к нашему гостю и сам его сопровождай. Путь он проделал долгий и дальний, в незнакомых местах всегда и ям, и рытвин больше. Наверное, наш дорогой гость притомился...»

– Еще раз благодарствую! Далеко ли отсюда орда?

– Мы покинули ее четыре дня назад.

Тевкелев пригласил ханзаду к себе в карету. Юноша замялся, и посол спохватился, что не поздоровался с предводителями родов, – их было человек тридцать, – стоявшими за спиною султана.

Взгляд Тевкелева упал на мрачного полного человека, словно отлитого из чугуна. Казалось, от него исходили угрюмость и недовольство: насупленные брови, раздутые ноздри мясистого носа, выпяченные толстые губы, тяжелые кулаки. Взгляд был устремлен вдаль, мимо посла...

Позади него выстроились в ряд люди в куньих шапках – лица были замкнуты и неприветливы.

Тевкелев наклонил голову в знак приветствия, несколько раз кивнул. Предводители родов слегка растерялись, стали коситься друг на друга, не зная, как ответить русскому послу.

Тевкелев направился к карете. Бии и батыры разделились на две группы, заняв места по правую и левую сторону от каравана. В молчании тронулись в путь вдоль берега Иргиза.

На третий день показался холм Мантюбе – он уместился среди песков, точно горб прилегшего отдохнуть верблюда. Вокруг Мантюбе раскинулись белоснежные юрты, возле них толпились люди и пристально вглядывались в медленно приближавшийся караван.

За две версты до аула караван встретили люди на белых конях и повели его за собой к южному склону. Там, чуть поодаль от других, стояли четыре нарядные юрты. Рядом с юртами замерли рослые, как на подбор, стройные джигиты. Каждый держал за края скрученные трубами ковры.

Карета остановилась, и джигиты тотчас же развернули, раскатали ковры, заигравшие радужным многоцветьем. Конец одного из ковров уперся в порог юрты, другой конец оказался как раз у дверцы кареты.

Два джигита подхватили посла под локти и понесли его к юрте, чем вызвали у его свиты крайнее изумление и любопытство. Тевкелев только тогда заметил, что Мантюбе с юга примыкает к долине со множеством прозрачных как слеза озер, будто бы у некоей небесной девы рассыпались в эту зыбкую степь бриллиантовые бусы. Среди озер, на узком перешейке, продолговатом, как коровий язык, отдельно расположился еще один аул, чьи юрты красотой и чистотой резко выделялись среди остальных. И там около каждой юрты толпились любопытные. В стороне, отдельно, держалась группа разодетых в парчу и шелк, важных и торжественных казахов. Они тоже не могли, как ни старались, скрыть любопытства и волнения: шушукались, переглядывались, тянули шеи, чтобы лучше рассмотреть этих чужих, незнакомых людей из другого рода-племени, из загадочной, неведомой страны, где все другое – и вера, и обычаи, и уклад, и природа. Посла препроводили в самую большую и красивую юрту. Она

вся была застелена дорогими, ворсистыми коврами, а с ее остова и купола свисали яркие, пестрые кисти.

«Оказывается, казахи, уделяют больше внимания убранству своих жилищ, чем калмыки, – отметил Тевкелев про себя. – У них и уютнее и наряднее».

Вскоре к послу пришел ханзада в сопровождении нескольких джигитов. Один из них тотчас же принялся взбивать кумыс в огромной сабе.

Держа чашу на раскрытых ладонях, Нурали поднес ее Тевкелеву:

– Выпейте, кумыс утолит вашу жажду и снимет усталость!

Тевкелев осторожно поднес чашу к губам, сделал глоток. Напиток был приятен на вкус. Он допил чашу до дна, почувствовал освежающую прохладу во всем теле. «И кумыс у них тоже отличается от калмыцкого», – Тевкелев провел языком по нёбу.

– Эта юрта предназначена вам. Отдыхайте. Не беспокойтесь. Мы потом сами известим вас обо всем! – У Нурали была достойная, вежливая манера обращения, которая понравилась Тевкелеву. Молодой султан поднялся, откланялся и вышел.

«Господи, неужели наконец – тишина и покой?» – Тевкелев с наслаждением растянулся на перине и лежал не двигаясь несколько минут. Потом приподнялся и взглянул через открытую дверь в простирившуюся за нею даль.

Тевкелев увидел ханзаду, который в окружении предводителей родов направлялся к аулу, расположенному среди озер. «Похоже на то, что величественная белая юрта, возвышающаяся в центре аула, и есть ханская ставка... Какое отменное место, однако, они выбрали! Озера, простор – красота!» – с удовлетворением подумал Тевкелев.

...Он не заметил, как уснул. Сколько длился его сон, он не знал, только пробудился оттого, что кто-то рядом негромко, но настойчиво покашливал. Это был башкир Таймас.

– Господин посол, хан говорит, чтобы мы сдали ваш скот пастухам, под их охрану. Как бы, мол, лихие люди не увели его...

Тевкелев согласно кивнул и не стал долго раздумывать о том, что за лихие люди могут тут объявиться. Однако сон его был нарушен. Он стал прислушиваться к тому, что делалось снаружи. Там кипела жизнь, раздавались

бодрые голоса, громкий топот. Судя по всему, солдаты ставили шатры, разгружали телеги, таскали поклажу...

В тот день никто из ханской юрты не явился к Тевкелеву, только вечером принесли джигиты подносы с едой.

Когда на землю спустилась ночь, Тевкелев выбрался из юрты. Ему хотелось подышать воздухом, ощутить себя частицей этого неоглядного простора, этой земли, где ему предстояло отныне находиться и вершить дела во имя царицы и России.

Ночь была на диво светлой. Днем Мантюбе, покрытый зарослями чагира, казался темным. Сейчас, при лунном свете, холм посветлел. Дозорный на его вершине был похож на мраморное изваяние.

Тевкелев огляделся – возле каждой юрты ярко полыхали костры. Около огней мелькали фигуры женщин и детей. «Боже, какая первозданная красота! – Тевкелев задохнулся от восторга. – И огни словно ожерелье из драгоценных камней – горят, слепят глаза!»

Озера вдали отражались в лунном свете расплавленным свинцом. На самом ближнем озере, на берегу которого расположилась ханская орда, весело играла рыба. Брызги вспыхивали, словно искры, словно осколки луны, которые она, забавляясь, пригорошнями сыпала на озерную гладь... В озерном камыше пели лягушки, стрекотали цикады... Сладко дремал камыш под охраной безветренной ночи, но вот он заколыхался, зашевелился: кто-то, взбудораженный красотой ночи, поднял там возню... Зараженные звуками неугомонной, бурлящей в полноводных озерах жизни, фыркали лошади. У коновязи, ржали жеребята, где-то за юртами постанывали верблюжата. Им отзывались, успокаивая, верблюдицы: «Дитя мое, не тревожься, я рядом...»

Тевкелев стоял потрясенный этой красотой, замороженный этими звуками. Как же ему были дороги и понятны – и эта красота, и эта тишина, и эта лунная ночь, и ее звуки, и ее жизнь, и ее радости. Кажется, живи и наслаждайся беспредельным этим миром и тишиной, которые созданы для доброты и спокойствия. Так откуда же берутся среди этой первозданной красоты грозно оцетинившиеся копья, обиды, споры, притеснения? Откуда и зачем зло и насилие, отравляющие существование не только самих смертных, которые исповедуют их и сеют, но и разрушают удивительный этот мир. Мир, со-

зданный с такой любовью и вдохновением великим Творцом!

Все живое – и на земле, и на небесах – кажется, должно возносить благодарственную молитву за эту красоту, за эту дивную лунную ночь. А люди? Что же все-таки думают, что чувствуют сейчас люди? Среди голосов и звуков, наполняющих ночь, не слышно лишь голосов людей.

Почему приумолкли обитатели этого большого аула, почему все они словно бы насторожились? Опасливо вслушиваются, всматриваются в нас, чужаков, прибывших с края света: «Незнакомые люди, незнакомый язык, незнакомое обличье...» Конечно, мы для них – чужаки, странные, непонятные и, возможно, опасные. Казахский этот аул – точка на земле – обычно, наверное, шумный, полный суеты, забот, радости и печали, затих, притаился, будто стремясь спрятаться от чужих глаз.

Тевкелев ворочался в постели всю ночь, но так и не смог заснуть: мешали чрезмерная усталость, неизвестность, волнение, потрясение, испытанное от волшебства ночи.

Вместе с первыми лучами солнца в юртах проснулись женщины. Одна за другой высыпали на воздух, взяли кожаные ведра, подоили верблюдиц, разожгли очаги – за клубился дым, засверкали огни. Молодые женщины кружились возле своих юрт и очагов как бабочки.

Тевкелев с восторгом наблюдал за ними.

Немного погодя из юрт вышли старики. Взяв в руки медные кумганы, аксакалы не спеша направились подальше от юрт, за аул.

Никто не торопился, никто не бежал. Невозможно было представить, что в этом неспешном и тихом существовании есть место для распрей, тем более – для ненависти. Неужто эти неторопливые, величавые, спокойные люди способны броситься на кого-нибудь с кинжалом в руке, схватить кого-то за грудки, подставить ножку... «На первый взгляд, они смиреннее овечек!» – Тевкелев покачал головой, задумался.

Медлительность и спокойствие, спокойствие и медлительность. Будто кто-то заколдовал всех обитателей аула, задал им один ритм, который не учащается, но и не ослабевает, подчиняя людей своим законам и правилам. И этот неизменный ритм, это плавное движение, будто заворожившие аулчан, заворожили и Тевкелева. Он не мог

оторвать глаз от аула, с обостренным вниманием охватывал, кажется, все, что там происходило...

Какой-то мужчина, собираясь в дорогу, раз сорок входил и выходил из юрты – и все-таки что-то забыл. Уже отъехал было, но вернулся, остановился около дома, позвал жену. Из дверей выплыла женщина в просторном длинном платье, протянула ему шакшу – табакерку. Мужчина постучал шакшой о луку седла, насыпал в ладонь насыбай, положил его под язык и только после этого отправился в путь.

Чтобы как-то стряхнуть эту монотонность, Тевкелев крепко зажмурился, резко встряхнул головой. Он скрылся в своей юрте.

Он не знал, что ждет его сегодня. Это вызывало у него досаду. Тевкелеву не лежалось, не сиделось, на него начинали напозать скука и недовольство собственной бездеятельностью. Из ханской ставки пока никто не появлялся. Около нее, заметил посол, сегодня было пусто – не то что вчера. Лошадей у коновязи поубавилось.

Тевкелев приблизился к железному сундуку, установленному на правой половине его жилища. Вынул из кармана ключ, четыре раза со звоном повернул его в замке, открыл сундук и вынул два кожаных футляра. Открыл футляр из черной кожи, вынул из него свернутую трубочкой бумагу.

Тевкелев надел очки и принялся внимательно изучать ее. В который уже раз! То была инструкция Коллегии иностранных дел о том, как послу вести переговоры в диком киргиз-кайсацком краю. Завершали инструкцию размашистая подпись российского канцлера графа Головкина и мелкий и витиеватый росчерк пера вице-канцлера Остермана.

В инструкции той все было расписано и учтено вплоть до мелочей, кроме разве того, как следует чихать и кашлять на чужбине. Она была читана-перечитана послом множество раз, вызубрена наизусть. И Тевкелев уже действовал согласно ее указаниям.

Он уже расспросил казахских послов, которые сопровождали его в пути, почему Абулхаир-хан решился на такой шаг, как просьба о принятии подданства российского. Как отнеслись к этому шагу другие казахские правители. Казахи повторяли ему снова и снова то же, что твердили и в Петербурге: «Абулхаир-хан – самый влия-

тельный, самый авторитетный у казахов хан. Он печется о спасении своего народа, хочет защитить народ от истребления захватчиками. Это дело он обговорил с предводителями всех казахских родов и племен».

Теперь, согласно инструкции, Тевкелев должен встретиться с ханом наедине, уточнить его предложения, наметить пункты для переговоров и условия договора, которые хан в основных чертах уже высказал в письме к царице и передал на словах через своих послов.

Только после такой встречи он имеет право при всем народе торжественно прошествовать в ханскую ставку и держать там речь как посланец великой и могучей России. И в этой речи он должен сказать, что державная императрица своими глазами прочитала письмо хана, своими ушами внимала заверениям и словам, переданным ей через Куттымбета Коштаева и Сейткула Кудайкулова. И что она выражает согласие взять под крыло Российской империи хана Абулхаира с подвластным ему улусом, о чем и посылает со своим послом господином Тевкелевым грамоту Абулхаир-хану, султанам и предводителям родов, казахскому народу и войску...

Потом он сообщит хану и всему собравшемуся народу, что великая государыня не оставит без своего высокого покровительства и защиты новых своих подданных – казахского хана, султанов, биев, воинов, народ – и требует лишь, чтобы они всегда были верны своему слову и служили ей верой и правдой. И в том они должны дать клятву и присягу на Коране, а также заверения, что они добровольно идут на этот шаг. Посол обязан напомнить казахам, что подобную присягу России принесли хан Аюке, другие калмыцкие тайши и предводители башкирских родов. Подчеркнуть далее, что Россия никогда не оставяла и впредь не будет оставлять без внимания просьбы и нужды народов, находящихся в ее подданстве.

Потом он возгласит, что великая государыня-царица посылает дары, которые он будет иметь честь вручить после церемонии принятия присяги – каждому в соответствии с заслугами перед народом, с его знатностью и именем.

И лишь когда самая важная часть церемонии будет закончена – присяга получена, дары розданы – послу вменялось объявить казахам, что подвластные России народы, например, башкиры, платят ей налог и поставля-

ют заложников из знатных семей. Если хан и его приближенные воспримут эти условия спокойно и одобрительно, они должны будут дать в том письменное подтверждение. Если же эти пункты договора вызовут у них возражения, то настаивать на них послу не рекомендовалось.

В Коллегии не исключали, что у Абулхаир-хана будут условия и соображения, которые он, по тем или иным причинам, не считал возможным передать через своих послов. Тевкелев обязан был выслушать, обдумать и внести в договор, разумеется, если они будут приемлемыми.

После подписания договора придет черед подсказать хану, что следует послать в Россию новое казахское посольство с сообщением о том, что Абулхаир-хан и его народ добровольно приняли русское подданство. После чего обе стороны должны освободить и вернуть домой пленных.

Были у Тевкелева поручения, которые ему надлежало держать ото всех в строжайшей тайне. По пути в казахские степи и обратно он должен был примечать, запоминать и потом заносить на бумагу все то важное, что попадется ему на глаза. Особое внимание, вменялось послу, обратить на то, каковы там земли, водные запасы и природные особенности, есть ли полезные ископаемые, какие имеются крепости и города для обороны от врагов. Сколько улусов и каковы отношения между ними, сколько пастбищ и скота у Абулхаира и его ближайших сподвижников, кто из них истинно верен хану, а кто — в скрытой оппозиции? Кто из других степных воротил пользуется в степи наибольшим влиянием? Какие хан собирает налоги и подати со своих подданных, с кем казахи торгуют, что покупают, что продают, какие ремесла у них развиты? Где они добывают оружие и какое предпочитают в деле, есть ли у них пушки и порох? С какими странами и народами граничат, ладят или не ладят с соседями, есть ли из степи прямые дороги в города России, и если есть, то в каком они состоянии? Обычаи, привычки, традиции и законы казахов — их Тевкелев также обязан был пристально изучить и доложить о них по возвращении.

Среди тех, кто ехал вместе с ним, находились два человека задачей которых было тайно составить карту казахских земель, а также вести наблюдения по всем пунктам, интересующим Коллегию.

Тевкелев имел строгие и определенные указания относительно освобождения русских людей, томившихся в плену на чужбине.

И когда посол выполнит все, что ему было предписано, он может со спокойной совестью возвращаться в Петербург представить Коллегии письменный отчет о своей миссии, о финансовых издержках, а также расписки казахов в получении царских даров...

Все в инструкции известно Тевкелеву – все до последней буковки и запятой! Тысячу раз читано, изучено, принято к сведению. Но как не освежить ее в памяти – в день, который может стать великим для казахов, ответственным для него, посла, и важным для России? К тому же... к тому же он не удивится, если в его свите есть человек, которому инструкция знакома так же досконально, как и ему самому, и которому поручено глаз не спускать с этого полуправославного, полумусульманина... Не мешало бы докопаться, узнать, кто он, этот соглядатай... Но всему свой час.

Однако почему до сих пор хранит молчание ханская ставка? Сегодня хан не прислал даже пиши, его люди пригнали посольский скот на убой да кумыс. Так-то вот, лучший во всей Российской империи знаток восточных мурза Кутлук Мамбет Мамашев! Поломай-ка голову, попробуй разгадать поведение казахского хана! Четыре белоснежные юрты в бесценных коврах, мягкие одеяла, двадцать овец, сабы с вкуснейшим кумысом в твоём распоряжении, свобода – ходи, гуляй, разговаривай, с кем пожелаешь! И молчание – тишина, ни какого шевеления в ханской ставке. Вот и весь почет и внимание, которые пока оказывает тебе главный хан казахского народа! Даже обходительный ханзада куда-то исчез.

Неужто казахские послы нашептали хану нечто такое, что понудило его отказаться от первоначальных намерений? Невероятно! Когда он, Тевкелев, уже находился в Уфе, Абулхаир прислал ему через своего тестя Суиндыка письмо. В нем содержались торжественные поздравления Анне Иоанновне в связи с ее восшествием на престол и заверения в том, что он готов не только сам принять русское подданство, но и способствовать тому, чтобы другие казахские ханы последовали его примеру. И что уже сделал для этого кое-что. «Моим словам вняли хан Бухары Абулпеиз, хан Хивы – мой брат Жолбарыс, а

также известный среди казахов Акбатыр-бек. На нашу сторону склоняется и Барак-хан, владевший когда-то городами Ташкент, Сайрам и Туркестан...» – сообщал Абулхаир в том письме. И обещал встретить русское посольство с распростертыми объятиями.

Да-а, вот тебе, Тевкелев, и «распростертые объятия»!..

Он с великой бережностью извлек из сундука два драгоценных документа: то были грамоты государыни императрицы. Они были перевязаны атласными лентами и вложены одна в зеленый, другая – в пурпурный сафьяновые чехлы.

Обе грамоты были датированы девятнадцатым февралем 1731 года. Обе были адресованы хану Киргиз-кайсацкой орды Абулхаиру. На обеих красовалась собственноручная подпись ее величества императрицы.

Содержание грамот было различно. Грамота, которая покоилась в зеленом сафьяне, была короткой. В ней царица извещала Абулхаира о том, что готова внять его просьбе, переданной ей через послов Куттымбета Коштаева и Сейткула Кудайкулова. С этого дня будет считать своими подданными его самого, подвластную ему Киргиз-кайсацкую орду и войско. В знак этого посылает к хану своего посла Тевкелева. Требует, чтобы любое пожелание, высказанное ее послом от высочайшего имени, неукоснительно выполнялось, а также – чтобы он имел возможность вернуться в Петербург без препятствий и в добром здравии. Как свидетельство своего высочайшего благоволения государыня императрица посылает хану шубу с позументами, шапку, саблю, дорогое сукно и другие перечисленные в списке дары.

Грамота в пурпурном сафьяне была более длинной и подробной. В ней были перечислены «пожелания» императрицы. Четыре из них были предложены самим Абулхаиром и переданы его послами устно.

Во-первых, казахи должны дать обязательство быть верными царице, служить ей верой и правдой, аккуратно платить и в срок. Во-вторых, казахи не должны терпеть обид и притеснений со стороны других подвластных России народов, но и сами обязуются не чинить им обид и притеснений. В-третьих, в случае, если на казахов будет совершено нападение другими государствами и народами, они будут просить помощи, защиты и покровительства у России и получать их. В-четвертых, казахи должны

вернуть башкирам и другим подвластным России народам пленных, в свою очередь имеют право получить у них своих соотечественников, захваченных в плен.

Принимая условия казахского хана, царица в свою очередь выдвигала собственные условия. Она требовала, во-первых, чтобы казахское войско, как и войска башкир, калмыков и других народов России, в случае необходимости было готово – по ее приказу или приказу наследника русского престола – встать на защиту интересов великой России. Чтобы казахи, во-вторых, не причиняли зла народам, подвластным России. Чтобы, в-третьих, обеспечивали охрану и безопасность русским купцам и торговым караванам, оберегали их от разбоя и грабежей...

Какую из этих грамот зачитать перед ханом и предводителями родов, должен решить сам посол Тевкелев, сообразуясь с обстановкой.

Но эта тишина... словно целый народ сговорился хранить молчание... Это начинало не на шутку тревожить Тевкелева, хотя он, повидавший на своем веку немало стран и народов, поднаторевший в переговорах, спорах и разрешения конфликтов, не был склонен легко впасть в панику.

Он ждал, что кто-нибудь объявится и пригласит его к хану или, в крайнем случае, принесет от него весть. Однако ждал он напрасно...

В душе Тевкелева постепенно стало зарождаться подозрение: спокойная, тихая жизнь в ханской ставке вокруг нее не отражает положения, которое существует в казахских улусах. И хотя в этих мирных аулах, что раскинулись здесь, стоит тишина, спокойствие это обманчиво...

Он стал приглядываться к окружающей обстановке более внимательно и заметил бесшумное движение и подозрительную езду каких-то людей. Среди тесно поставленных юрт он обнаружил немало всадников. Они спешили на окраине аула, заходили в юрты, но долго там не задерживались. Некоторые и вовсе не сходили с коней: поговорят о чем-то и отъезжают неслышным сторожким шагом. Зачем эти люди здесь, с чем они уезжают, исчезая в голубом мареве? Загадка не простая.

Лишь ханская ставка словно вымерла, около нее было пусто; настораживающе пусто...

Тевкелев мучился в догадках и неведении. Как ни старались башкирские баи из его свиты хоть что-то вызнать у казахов, но ничего не добились.

Миновали сутки, как русское посольство прибыло на эту непонятную, странную землю. Кажется, не произошло ничего такого, что должно было бы заставить Тевкелева насторожиться. Однако тишина эта его и беспокоила. И все же послу нужны факты, а не случайные наблюдения, которые могут ничего и не значить, и уж тем более — не эмоции!

Он долго размышлял, потом склонился над своим дневником и записал:

«Пятого октября прибыли в местечко Мантюбе на берегу реки Иргиз. Получив об этом весть, Абулхаир-хан поручил встретить русское посольство за две версты от ставки... Юрта для посла находится неподалеку от ханской. Абулхаир-хан велел своим людям взять в целях сохранности коней и верблюдов из русского каравана — всего 200 коней и 12 верблюдов».

«Что бы еще написать?» — прикидывал Тевкелев, но так и не нашел ничего примечательного. Вздохнул и спрятал дневник в железный сундук.

До захода солнца Тевкелев лежал на одеялах, разглядывал и считал свисавшие с шанырака разноцветные плетеные кисточки.

В полночь в его юрту воровато, как кошка, проскользнул человек и зашептал:

— Господин посол, меня послал к вам хан. Он велел передать: «Нам необходимо встретиться сегодня же ночью. Тайно, потому что предводители родов следят за мной, не хотят, чтобы я увиделся и говорил с послом наедине». До тех пор настырничают бии, пока им не будет объявлена царская воля и не будет зачитано царское послание. «Мы, — сказал хан, — должны встретиться так, чтобы об этом не узнала ни одна душа!» Вот оно какое дело! Что мне передать хану?

Тевкелев счел разумным сначала отправить вместе с ночным посетителем к хану Таймаса и Юмаша. Таймасу он доверял полностью, полагался на его ум и выдержку. Юмаш был быстр, ловок, плутоват, знал три языка, хотя разобратся, кто он — татарин, башкир или русский — никто не мог.

Вскоре перед Тевкелевым вырос как из-под земли Юмаш. Он запыхался и был возбужден:

— Господин посол, вам следует переодеться вот в эту одежду. Хан поджидает вас за аулом, в зарослях тама-

риска. Он предупредил: надо быть осторожным, очень осторожным!

Тевкелев нацепил на себя рваный чапан, большой трехух и вышел вслед за Юмашем.

Весело и ярко светила луна. Она словно приветствовала путников, желала помочь им не потерять тропинку, не сбиться с дороги. Юмаш уверенно вел посла среди зарослей чия и тамариска, петляя и меняя направление. Вдруг совсем рядом застрекотала цикада, и Юмаш пошел прямо на этот звук: оказывается, это был условный сигнал, подал его Таймас.

Тевкелев увидел человека. Его фигура казалась в лунном свете совсем белой. «Господи, привидение, а не человек!» – мелькнуло в голове Тевкелева.

Хан и посол поздоровались, раскрыв друг другу объятия. Постояли так молча, потом сели на расстеленный коврик. Таймас и Юмаш исчезли, будто растворились в ночи.

– Как добрались до нас? Здоровы ли, не измучены дальней дорогой? Не испытали непредвиденных трудностей или неприятностей нежданных? – начал беседу хан.

– Бог миловал! Здоровы ли, благополучны ли вы? Не испытываете ли вы какие-нибудь трудности или неприятности? – осведомился в свою очередь Тевкелев.

– Я пребываю в неизвестности и неуверенности относительно того, как оно пройдет, наше дело, – сразу же признался хан, – потому я решил поговорить с вами наедине. Прежде чем пригласить вас завтра на совет предводителей родов. – Абулхаир умолк, словно бы давая послу время осознать его слова и подготовиться к тому, что он собирался сообщить ему еще. – Они считали, что я «Отправил в Петербург Сейткула и Куттымбета с единственной целью – просить войско для войны с джунгарами. Узнав, что к нам направляется русское посольство, они насторожились. Стали следить за каждым моим шагом и вздохом... – Хан опять умолк, подбирая наиболее подходящие слова для открытия горькой и неожиданной правды. – Когда бии увидели, что вы прибыли вместе с казаками, с военными людьми при оружии, они явились ко мне, поставили условие: – «Встретиться и говорить с послом ты можешь только в нашем присутствии!» Они настроены очень враждебно... Говорить сейчас о том, что мы готовы принять русское подданство, следует с край-

ней осмотрительностью... Если вообще стоит об этом говорить...

Тевкелев чуть не задохнулся. К его горлу подкатил тяжелый, будто из камня, комок. Он искал слова, которые могли бы выразить его состояние — негодование, возмущение, обиду, и не находил их. Душа его, недавно ликовавшая, точно покрылась ледяной коркой. Тевкелев впился горящим, гневным взглядом в бледное и непроницаемое лицо хана.

Абулхаир понимал, что чувствует в данную минуту царский посол, и спокойно, бесстрастно процедил сквозь зубы:

— Не надо отчаиваться. Есть надежда.

— Как же вы осмелились снарядить своих послов в Россию? С такими заверениями! Ведь вам-то было известно, что предводители родов не поддерживают ваши планы? — голос Тевкелева звучал с еле сдерживаемой яростью.

Хан оставался невозмутимым:

— Господин Кутлук Мамбет, не расстраивайтесь. Не гневайтесь понапрасну. Нас теперь двое в одной упряжке — вы и я. Двоим легче, — неожиданно он улыбнулся. — Что толку обвинять и упрекать задним числом... Полезнее, по-моему, пораскинуть мозгами да прикинуть, как нам вернее и правильнее всего действовать в создавшейся обстановке. — Абулхаир запнулся, будто натолкнулся на препятствие, потом продолжал: — Но коли уж вы спросили, «как я осмелился», что ж отвечу. Попробую объяснить... У меня не было иного выхода. Никакого другого, кроме этого. Наши предки еще недавно жили на склонах Каратау, владели в правили Ташкентом, Сайрамом и Туркестаном. Теперь эти земли находятся под пятою контайджи. На захваченных врагом землях остались мои родные. Мне пришлось перекочевать в эту голую степь. Народ, который вынудили покинуть отчие края, сам начинает приносить беды другим народам. Я оказался в ссоре и вражде с бухарцами, башкирами, калмыками. Сейчас, правда, с трудом удалось нам смягчить Бухару и Хиву, кое-как наладили с ними отношения. Остальные по-прежнему настроены против нас враждебно, я имею в виду башкир на Урале и калмыков на Едиде. Калмыцкие тайши — люди непостоянные, ненадежные: сегодня говорят одно, завтра — другое, найти с ними общий язык трудно. Башкиры упорствуют: без соизволения на то русских царей они не

пойдут на соглашение с нами. – Абулхаир подавил вздох, досадуя, что приходится объяснять истины очевидные, но для него большие. – Что, по-вашему, должен был я предпринять?.. Русское подданство дает мне возможность помириться с башкирами и калмыками и сосредоточить все силы на борьбе с джунгарами. К тому же я убедился, что русские не дают в обиду своих подданных.

– Что ж, согласен, в ваших рассуждениях есть резон. Мне неясно другое: как вы намереваетесь осуществить свои замыслы, если им будут противиться ваши бии? Ведь они, насколько я понял, не были поставлены в известность именно потому, что вы знаете, как они отнесутся к идее подданства?.. – Тевкелев уже овладел собой, но не мог представить себе, на что рассчитывает Абулхаирхан.

Абулхаир насмешливо хмыкнул:

– Простите меня, господин посол, но вы не знаете казахов. У нас есть поговорка: «Норов коня знает его хозяин». Если мы будем действовать с вами в согласии, то вы сами убедитесь, что мой замысел не столь уж безнадетен...

– Как же все-таки? – прервал хана Тевкелев, желая получить конкретное разъяснение.

– Строптивых коней приручают не силой, а хитростью. Силой не подчинишь себе и шакала, хитростью же можно взнуздать даже льва... Народ наш сейчас подобен льву: встретит слабого – прикончит, столкнется с сильным – сам погибнет. Нас со всех сторон окружили сильные враги. Сколько я думал-передумал... И пришел к выводу: чтобы выжить, необходимо установить мир и согласие с самым сильным и надежным соседом. Это лучше, чем исчезновение с лица земли, не так ли? – обратился хан к Тевкелеву. – Пусть люди говорят и думают обо мне что хотят, я уверен, что выбрал единственно правильный путь – как для себя, так и для всего народа, за который я считаю себя в ответе.

– Думаю, однако, что сделать это будет нелегко, – начал было Тевкелев, и хан горячо поддержал его, не дав высказаться.

– Верно. Потому-то, господин посол, я и пригласил, вас на совет. Нам следует вместе придумать нечто такое, что заставило бы строптивых поддержать нас. В одиночку бороться трудно, ох как трудно. Нас двое. Если мы

будем действовать вместе, надеюсь, все образуется и мы своего добьемся.

Тевкелев хранил молчание, хмурился.

– У нас в народе говорят, – продолжал Абулхаир, – что добрым словом даже змею можно выманить из норы.

Казахи очень ценят такт, уважение и внимание к себе. Нельзя сразу требовать, чтобы они приняли присягу. Это отпугнет их. Сначала надо оказать внимание каждому бию. Если вам, господин посол, удастся привлечь на свою сторону нашу знать, то народ пойдет за вами. Главное препятствие – это бии.

– Ваши послы и в Петербурге и в Уфе заверяли нас, что решение о принятии вами подданства обсуждено на общем совете и потому трудностей с этим не возникнет... – По тону Тевкелева можно было догадаться, что он уязвлен и возмущен. – Однако здесь я узнаю совсем другое.

Хан, к его изумлению, вдруг рассмеялся и сказал:

– Я же во всем вам признался, только что открыл все как на духу! Поймите же меня наконец: если бы я только заикнулся перед биями о подданстве, они не согласились бы послать в Россию послов, ни за что не согласились бы! А не заверь я Россию в готовности принять подданство, царица не отправила бы за тридевять земель свое посольство и вас, посла... Не прибудь сюда посольство!.. Разве я смогу без вас убедить народ, людей? Теперь вы здесь. И у меня появилась хоть маленькая, да надежда – достичь желаемой цели. – Абулхаир говорил с полной убежденностью в своей правоте и праве на подобный поступок – такой и никакой иной.

Тевкелев с каким-то новым пристальным интересом вглядывался в хана, будто пытался проникнуть в тайное тайных этого необычного, неожиданного человека. Абулхаир замкнулся, словно было ему безразлично, что подумает о нем, как поймет его русский посол.

– А как вы намерены поступить, если народ все же не поддержит вас? Не пойдет за вами? – Мускулы на лице Абулхаира затвердели еще больше. Не дождавшись ответа, Тевкелев спросил: – Если наша попытка не увенчается успехом, не причинят ли ваши люди вреда мне и посольству русской царицы? Сможете ли вы оказать нам помощь и содействие в случае... осложнений?

Абулхаир вяло усмехнулся, словно был разочарован вопросом посла:

– Если мы сумеем задобрить наших биев подарками и обхождением, они не причинят вам никакого вреда. И принять подданство русской императрицы согласятся. Все, повторяю, зависит от того, как мы поведем себя.

Когда вы собираетесь получить от меня грамоту государыни императрицы? – спросил Тевкелев.

– Я извещу вас об этом чуть позже. Я наблюдаю теперь за некоторыми нашими биями. Хочу разобраться, чем они дышат. – Хан легко поднялся с места, пожал Тевкелеву руку и исчез в зарослях тамариска, бросив на ходу Юмашу: – Проводи меня!

Луна и звезды побледнели, готовые вот-вот раствориться в небесной выси. Приближался рассвет, а с ним – новые заботы и волнения.

«Теперь мне ясно, почему сюда столько людей понаехало. Теперь-то, наверное, все и начнется! – рассуждал Тевкелев.

Утром и в самом деле началась суматоха. Не вернулся Юмаш. Его не было до самого полудня, и это всполошило все русское посольство. Юмаш появился лишь после полудня, когда тревога Тевкелева и его людей достигла предела.

Юмаш поведал, что по дороге в ставку посла его перехватили какие-то люди и, связав по рукам и ногам, куда-то потащили. Он оказался в юрте, в которой было полным-полно людей, в основном аксакалов. Они были суровы и враждебны и учинили ему допрос.

– Что ты делал среди ночи на дороге?

– Шел на ханскую кухню.

– И что же ты там оставил? Зачем поперся туда?

– Захотелось мяса.

– А что, у вас жрать нечего?

– Есть, еда у нас есть, да уж больно захотелось мне свежего молодого мяса, давно, аж с самого дома, не ел свежего мяса...

Бии не верили, качали головами, шептались, хмурились.

– Эй, ты, здесь нет дураков, которые поверили бы твоим лживым словам! Ты, видать, принимаешь нас за простачков! – прикрикнул на Юмаша краснолицый мужчина. – Говори правду, иначе головой поплатишься, бродяга! Если не скажешь правду, бросим во-о-он в то озеро, никто о тебе и не спохватится... Где шатался, с кем встречался, отвечай.

Юмаш упрямо твердил о кухне и свежем мясе. Аксакалы кивнули трем джигитам, и те окружили его, поигрывая плетьюми. Один ткнул Юмаша рукояткой в затылок:

– Хватит врать да изворачиваться! Это ты ведь свел своего посла и нашего хана!

Юмаш однако, не испугался и повысил даже голос:

– Ну что ж, вы можете убить меня, но только поторопитесь! Я сказал правду. Не видел я ни посла, ни хана, они, наверное, спят по ночам, как оно и положено людям. Мне ничего неизвестно, ничего не знаю. Знаю только, что я не пес какой-нибудь, а такой же мусульманин, как и вы. Предупреждаю: как бы не пришлось вам пожалеть об этом! Русские вам не башкиры или калмыки, с которыми вы то деретесь, то милуетесь. Если вы хоть пальцем тронете меня или кого другого, то горько расклетесь потом. Зачем вы сами накликаете беду на ваши головы, чиня надо мною насилие?

Некоторые аксакалы обозлились еще больше, некоторые – попритихли. Краснолицый казах выступил вперед и грубо оборвал Юмаша:

– Довольно болтать, заткнись! Мы тоже кое-что смекаем. Если они такие сильные и неустрашимые, как ты тут нам их расписываешь, почему же они не потребовали платы за кровь, когда их разгромили вместе с Даулеткереем, а? Может, твою царицу кто за руки держит, не дает ей одолеть Хиву?

– Уж больно ты задирист! Царица никого не пощадит как раз после того, что учинила Хива. Попробуй только тронуть меня, хоть волосок уронить с моей головы, храбрец! – Юмаш распалялся все больше.

Восседавший на торе смуглый мужчина с густой бородой поднял руку, призывая всех к тишине:

– Мы отпустим тебя, но передай своему хозяину: если он встретится с ханом за нашими спинами – им обоим несдобровать. Твой посол должен всех нас, слышишь, всех поставить в известность, с чем он сюда пожаловал.

По его знаку Юмаша развязали...

Ночью, после свидания с Абулхаир-ханом, Тевкелев возвратился к себе с двойственным чувством. С одной стороны, доводы и рассуждения хана были и логичны, и убедительны, и дальновидны. С другой... Быть может, хан затеял все это, чтобы получить богатые дары от России? Или просто запугивает его, с тем чтобы превратить в

свое послушное орудие, заставить делать то, что ему, хану, выгодно?.. Тевкелев боялся быть обманутым этим хитрым, умным, необычным человеком.

Теперь, после рассказа Юмаша, Тевкелев убедился, что хан с ним не лукавил. Судя по тому, что бии смеют запретить хану встретиться с послом, враги они поистине серьезные... Ну а если допустить, что Абулхаир находится в сговоре с биями и они вместе плетут какую-то коварную интригу? Эта мысль показалась Тевкелеву не такой уж невероятной, и он решил ждать событий, наблюдать и анализировать. «Да, крепкий орешек этот Абулхаир! Сдержанный, словно выточенный из мрамора. Крепкий! Бледный, холодный. Суровый и непонятный, будто за семью печатями... Такого не запугаешь. А вдруг он был со мной искренним?»

Аул притаился в ожидании событий. Притаилось в ожидании событий русское посольство...

Со всех сторон к аулу потянулись всадники. Они не прятались и не таились, открыто, по пять-шесть человек входили в юрты. Около ханской ставки народу было совсем мало, но люди Абулхаира не спускали глаз с аула.

Тевкелев тоже получал сведения обо всем, что творилось вокруг, ломал голову над тем, что услышал ночью от Абулхаира, и все больше и больше склонялся к тому, что тот говорил ему правду.

Большая группа всадников направилась из аула к ханской юрте. Они сошли около нее с коней; никто из ханских слуг не помог им, как обычно, не суетился; никто из ханской свиты не обнаружил радости.

Таймас приблизился к послу и произнес тихо и выразительно:

– Как бы всадники не затеяли чего худого. Уж что-то больно тихо. Я полагаю, господин посол, вам лучше не выходить из юрты, а людям нашим надо сказать, чтобы не торчали на виду, как бородавки на лице. Подождем, потерпим...

Вскоре к Тевкелеву явились посланцы хана. Они были возбуждены и напуганы.

– Господин посол, – обратился один из них к Тевкелеву, – хан просил вас передать биям подарки. Без промедления! События принимают опасный оборот. Лучше откупиться подарками...

– Пока не получу клятву в верности России, не дам ничего, ни одному человеку! – разъярился Тевкелев.

Казахи с удивлением воззрились на него и поспешно удалялись.

После полудня прибежал еще один человек от хана. Он был хмур и суров.

— Господин посол, хан направил меня к вам с поручением, — чеканил он каждое слово. — Хан передает вам: «Бии могут расправиться с нами обоими, если вы не передадите им то, что им предназначается! Пока мы целы и головы наши на месте, — говорит хан, — надо спасаться от этих злодеев! Надо их умаслить, иначе им ничего не докажешь!..»

— Пока не присягнут, ничего не получают! Так и передайте всем от моего имени! — повысил голос разгневанный и в то же время испуганный Тевкелев.

Споры у хана затянулись: люди не расходились.

К Тевкелеву пожаловал новый человек:

— Меня, господин посол, послали к вам бии. Они просят вас явиться к ним, имея при себе грамоту русской повелительницы.

— Хорошо, ступай и скажи: сейчас буду! — ответил он, а сам подумал: «Ну и ну! Грамота царицы им понадобилась! Выходит, я был прав, упорствуя!»

Тевкелев в сопровождении свиты пошел на собрание казахских биев. По дороге его встретили два ханских нукера, а возле ставки поджидали два бия, которые и препроводили его в юрту.

Внутри было сумрачно. Бии уселись, образовав тесный круг. В юрте воцарилась настороженная тишина. Абулхаир и еще два человека поднялись навстречу послу, и Тевкелев вручил хану грамоту царицы. Абулхаир приложил ее ко лбу и бережно положил перед собой. Подвинулся и освободил для посла место слева от себя.

Тевкелев начал свою речь:

— Абулхаир-хан, ты прислал к ее величеству императрице Анне Иоанновне своих послов Куттымбета Коштаева и Сейткула Кудайкулова. Они передали царице великой России твое послание. В нем содержалось прошение о том, чтобы императрица приняла подвластный тебе народ в подданство России. Были также высказаны заверения в том, что вы, казахи, желаете жить в мире и дружбе с народами, входящими в состав Российской империи. Ее величество императрица Анна Иоанновна явила милость тебе, Абулхаир-хан, всем киргиз-кайсацким биям, народу

и войску и великодушно согласилась признать вас своими подданными. Она соизволила направить меня к вам с грамотой и поручила мне выразить уверенность, что вы будете верны присяге и долгу, будете честно служить ей. Государыня-императрица, со своей стороны, дает обещание не оставлять вас без защиты и милостей. Я прибыл сюда, чтобы из ваших уст услышать подтверждение намерения стать подданными России и ее величества императрицы, а также получить в том удостоверение в письменном виде.

Тевкелев решил не вдаваться в подробности, чтобы не распалять биев еще больше. Они выслушали его, храня мрачное молчание. Бий, который находился справа от Абулхаира, произнес с едва сдерживаемой яростью:

– Господин посол, вы пока можете вернуться к себе. Мы пригласим вас позже.

Тевкелев удалился с высоко поднятой головой. В юрте сразу же поднялись шум и крики.

– Ну-у-у, началось! Теперь сканда-а-ал разразится!.. Свалка начнется! – почесал за ухом Таймас. – Надо ноги уносить отсюда!

Он был прав: едва Тевкелев покинул собрание, там приступили к дележу добра, оставленного послом. Они вытряхнули его в середину круга и накинулись на него, словно голодные волки. В ход шли локти, кулаки и камчи... Вырывая друг у друга подарки, бии кричали, что нельзя выпускать из степи посла живым!.. Все привезенное добро, до последней тряпки, надо поделить меж собой!

Разгоряченные алчностью, бии грозились убить всех башкирских биев, сопровождавших русское посольство, всех русских, кем бы они ни были – купцами, солдатами или слугами.

«Об этом башкирским биям донес их лазутчик, затесавшийся среди ханской прислуги. Они поспешили прийти к послу и поставить его обо всем в известность.

– С самого начала показалось мне странным, что казахи безо всяких согласились принять подданство... Они ведь известные скандалисты! – начал вслух размышлять Алдарбай.

– Однако, дорогой ага, вы же сами когда-то привели их послов в Уфу! Если у вас были подозрения, почему же не выяснили все как положено, не проверили? – с недоумением воскликнул Таймас.

– Э-э-э, если даже Абулхаиру не под силу справиться со своими подданными, чего ты хочешь от дорогого аги! Попробуй-ка, пойми их! Что за народ? – попробовал предотвратить ссору Акмулла.

Словно осуждая своих товарищей за суесловие, батыр Шима обвел их суровым взглядом из-под лохматых бровей.

– Что толку оглядываться сейчас назад? Так ведь и шею сломать можно! Давайте лучше думать, как быть! – обратился к баям Беккожа.

Рябой Отжаш ударил рукояткой камчи но колену и выпалил:

– Верно! Надо что-то делать! Кто знает, что они там надумают!

– Твое мнение, Таймас? Ты вроде знаешь казахов, не раз бывал у них с посольствами? – вставил слово Оразай.

Однако Таймаса опередил обычно спокойный и сдержанный Кидрияс Муллакаев:

– Если кто и может остановить скандал, пресечь смуту, так это Букенбай. Он и его зять и друг Есет – самые богатые и самые влиятельные люди в степи. Если мы сумеем привлечь их на свою сторону, то они смогут убедить людей принять подданство. Если же Букенбай и Есет откажутся, то положение наше, считайте, безнадежно!

– Как нам связаться с Букенбаем? Где отыскать его? – Тевкелев с надеждой ухватился за предложение Муллакаева.

– Они давние друзья с Таймасом! Таймас его отыщет и привезет сюда! – воскликнул Кидрияс.

Через два дня Таймас вернулся с Букенбаем. Когда Букенбай уселся на торе в посольской юрте, она вдруг показалась Тевкелеву не такой уж просторной: никогда прежде ему не приходилось встречать такого огромного человека.

– Батыр, по дороге, я уверен, вы обо всем узнали от Таймаса. Я прибыл сюда по велению моей императрицы и по приглашению Абулхаир-хана. Прибыл, чтобы принять присягу от подвластного хану народа в верности России. – Тевкелев развел руками. – Но здесь застал, неожиданно для себя, раздоры и смуту. Мы оказались в трудном положении. Никто не собирается силой тащить казахов под власть русской короны. Они сами начали это дело! Первыми повели разговор об этом... Теперь же они

ведут разговоры совсем иного рода – о том, например, что поднимут руку на меня, русского посла, на башкирских баев, на всех русских. Русская царица сама никого не трогает, но и не щадит тех, кто причиняет зло ее народу. Если казахи решатся на черное дело и убьют нас, сюда придут пограничные отряды казаков, а также войска башкир и калмыков. Прольется кровь. Зачем она?.. Если казахи не хотят принимать русское подданство, если намерения их изменились, пусть заявят мне об этом открыто и отпустят нас с миром.

Букенбай посмотрел прямо в глаза Тевкелеву:

– А как белый царь посчитался с хивинцами, которые уложили столько русских? – сказал он то ли с упреком, то ли с сомнением.

– Хивинцы действовали как звери. Ни один народ, ни одна религия не разрешает и не одобряет убийство посла. Зло в конце концов оборачивается против тех, кто учинил зверство! – Тевкелеву был неприятен этот разговор, но избегать его он не считал нужным. – Наш царь вел войну с северными странами, когда от предательской руки пал посол Бекович-Черкасский. Хивинский хан калялся, просил у России прощения за эту кровь. К тому же вскоре на хивинском престоле оказался другой правитель. Учитывая все это, царь простил Хиву. В первый и последний раз простил. Никогда больше Россия не пощадит страну, посягнувшую на жизнь ее посла.

Букенбай кивнул головой, точно одобряя слова посла и давая понять, что он удовлетворен.

– Батыр, я слышан о том, что вы самый влиятельный человек в казахской степи. Даже хан ничего не предпринимает без вашего согласия и совета. Сдается мне, настал момент употребить ваше влияние на народ казахский. Государыня императрица не забудет сделанного вами добра. Подайте нам руку помощи в трудную минуту! Мы отблагодарим вас по заслугам, от всего сердца. Царица явила щедрость свою, снабдила подарками для таких благородных людей, как вы!

Букенбай пропустил мимо ушей последние слова Тевкелева и только спросил коротко и сурово:

– Чего они от вас требуют?

– То-то и оно, что мне ничего неизвестно, со мной они не говорили. Но меж собой кричат, грозятся: убьем русского посла, разделим царское добро, всех посольских – русских и башкир – прикончим!

Букенбай подумал и спокойно сказал:

– Не горюйте раньше срока! Я сам с ними потолкую! Не думаю, что они причинят вам вред.

Тевкелев поднялся одновременно с Букенбаем:

– Да вознаградит вас бог за ваши слова! А мне бы хотелось отблагодарить вас за поддержку и доброе сердце.

Букенбай резко вскинул голову, нахмурился:

– Не трудитесь! Я не стану служить ради подношений и подарков! – Он решительно шагнул за порог.

«Уж не обидел ли я его неволью?» – всполошился Тевкелев.

Сердце подсказывало Тевкелеву, что на Букенбая можно положиться. Однако он решил все-таки и сам принять меры и срочно отправил в Уфу с письмом к воеводе пять дворян, пять казахов и сотню башкир.

Едва отъехали его посланцы, как Букенбай принес Тевкелеву весть о том, что на завтра намечен сбор биев и что на этот сбор будет приглашен посол.

– Вы должны держаться смело! Говорить веско и решительно. Наш народ больше прислушивается к людям дерзким и отчаянным, нежели к людям вежливым и сладкоречивым. Ни о чем не беспокойтесь! Знайте, я буду рядом!

На следующий день бии и вправду пригласили посла в ханскую ставку.

Едва переступив порог, Тевкелев почувал: добра не жди! Яростны были лица биев, злобно блистали их глаза. Тевкелев уверенно прошел на торь. Бии, будто их душили нетерпение и злоба, бросали ему тяжелые, словно камни, слова:

– Ты зачем пришел в нашу страну?

– Кто тебя звал сюда?

– Чего тебе здесь надо?

– Убирайся, пока цел!

Тевкелев сохранял невозмутимость, будто эти крики не имели к нему никакого отношения. Потом тихо, но решительно, так, чтобы его слышали все, сказал:

– Я прибыл сюда по вашей просьбе. По вашей... Никто не вынуждал вас отправлять послов в Россию. Об остальном вы можете узнать у Куттымбета и Сейткула. Они знают, какие требования предъявляет русская корона к своим подданным.

Тогда перекинулись бии на Абулхаира, на него обратили свой гнев:

– Разве есть у нас закон предков, по которому хан принимал бы решения, не посоветовавшись с предводителями родов? Разве кто-нибудь произносил хоть словечко о подданстве? Срывалось оно с чьих-нибудь уст? Ты что, не знаешь, какому наказанию подвергается хан, нарушающий традиции и законы предков?

Бледное лицо Абулхаира совсем побелело. Он широко открыл обычно полуприкрытые веками глаза: в них была лютая, как лезвие меча, стужа.

– Ладно, хватит горло драть! – властно прикрикнул он на биев. – Когда наступает час испытаний, приходит беда, вы все бросаетесь ко мне, что дети малые, просите: «Ты хан, спасай, веди нас, а мы как один – за тобой!..» А поступить, как оно и подобает мне, по-хански, так каждый из вас норовит схватить меня за полу чапана, схватить – и не пускать! Сразу память у вас отшибает, забываете, что я хан! Но у меня память хорошая, я помню, что я хан! Не забывайте и вы об этом! Я обязан заботиться, думать о моем народе. Даже малому ребенку ясно: если у коня есть хозяин, то конь и напоен, и накомлен, и вымыт, коли испачкался в грязи, и в ненастье и холод накрыт попоной... А дикие кони в степи, у которых нет хозяина, – какова их доля? Человек их увидит – спешит подстрелить, зверь заметит – набрасывается и задирает. Наше положение – что у диких косяков. Мы такие же неприкаянные и беззащитные, так же носимся в поисках пропитания и покоя по степи. Как нам не думать, не искать хозяина, который не оставил бы нас в беде, не дал бы умереть с голода и холода? Я нашел такого хозяина. Это русская царица. Она вняла моей просьбе и прислала своего посла. Я свой долг перед народом выполнил, моя совесть чиста. Хотите, как наши соседи, жить в мире и спокойствии, иметь крышу над головой, теплую попону в стужу, корм в бескормицу – так давайте вслед за мной присягу на верность России. Если предпочитаете носиться, как и раньше, по степи, гонимые и битые, развевая хвосты по ветру, – что же, будем жить по-старому. За один бок будут рвать нас волки, за другой – шакалы. Можете убить меня: лучше лежать в сырой земле, чем грызться по-звериному.

Бии как по команде, повернулись к русскому послу, ошарашенные речью Абулхаира.

— Мы поручали хану отправить послов, это верно! Но они должны были вести переговоры лишь о союзе с русскими. О подданстве не должно было идти и речи! Это затея хана! Он признался в этом во всеуслышанье! При всех! И ты с ним заодно, это нам тоже ясно! Ты притащился сюда не только как посол, но как лазутчик, как соглядатай неверных! Чтобы все о нас вызнать, вынюхать! Как же мы можем выпустить тебя живым?

По спине Тевкелева побежали мурашки. Он отыскал взглядом Букенбая и понял, что тот кипит от возмущения. Тевкелев решил не отступать, показать характер.

— Если память мне не изменяет, у вас есть мудрая пословица: «Аяз-би, знай свою силу, муравей, знай свою дорогу». Не могу не подивиться тому, что вы, укоряя хана за забвение традиций предков, сами предаете забвению мудрость ваших предков... Вы, я вижу, не знаете или притворяетесь, что не знаете, какова она — русская держава. Россия не нуждается в случайных союзниках. Неужто вы и в самом деле считаете, что такое могущественное государство, перед которым трепещет весь мир, заинтересована в союзе с вами? Зачем вы царице? Вы — кочевой, никому не ведомый народ, живущий в дикой степи? Наша государыня не станет давать пустых обещаний о мире и союзе с вами — и тем обесценивать свою золотую корону! Ей нет необходимости бояться да опасаться вас. Что вы можете сделать великой России? А она, Россия, и подвластные ей народы — соседи ваши — могут разделаться с вами в одно мгновение! Взгляните на вещи трезво: вы со всех сторон окружены — калмыками, башкирами, нашими казаками, сибирскими городами... А джунгары, ваши лютые враги?.. Чего вы носы задираете, чего зря кипятитесь, силенок-то у вас не осталось совсем! Нет их! Не хотите принимать русское подданство — дело ваше, никто умолять вас о том не будет! Не заноситесь чересчур, не советую! — Тевкелев намеренно упрощал, огрублял свою речь, желая, чтобы его поняли эти злобные крикуны. — У нас и без вас хватает союзников. И подданных тоже хватает. Народы — не чета вам — за счастье почитают находиться под милостивой опекой великой России! Грузинский царь, калмыцкий хан, монгольский хан, калпакский хай, удельные князья: кабардинский, ку-

мыцкий, терской, барабинский, аксайский... Не пытайтесь сравнить себя с этими правителями и их народами!.. Если вы одумаетесь и решите принять подданство – известите меня об этом! Не желаете – отпустите меня без задержек и осложнений!

Как ни странно, Тевкелев совсем успокоился, страх куда-то исчез, и он с интересом стал наблюдать за собравшимися, ждать, как они прореагируют на его слова.

Взбудораженные бии опять зашумели, но уже потише, менее уверенно.

– Что же мы, так и будем слушать хулу?

– Что он тут болтает, неужто угрожает нам? – раздались возмущенные голоса, но их перекрыл голос Букенбая:

– Ладно, довольно чесать языками! Это говорю я вам! Меня никто из вас не посмеет упрекнуть в том, что я отлеживался под одеялами, когда на нашу землю приходила беда! – Букенбай обвел собрание тяжелым взглядом. – Если вам и не к кому придраться, если вы и не можете кого упрекнуть, так это, наверное, меня! – Букенбай сжал свои железные кулаки. – Братья, если придет лихая пора, я и впредь готов драться с любым врагом. Однако давайте-ка вспомним: в обычаях наших предков нет такого, чтобы не прислушиваться к здравому смыслу только потому, что язык без костей. Нет такого глупого обычая! Неужели мы не в силах понять, что пришло время жить иначе? Хватит нашим кочевьям бегать по прихоти врага, кочевать по прихоти тучи! Наступило время подумать о нашем завтрашнем дне. Вспомните, как мы жили все это время и как живем сейчас. Нас обложили со всех сторон враги. Если так будет продолжаться и дальше, то в один печальный час растерзают нас. Сегодня, когда решается наша судьба, а вверяю свою жизнь Абулхаиру, потому что верю ему сейчас так же, как верил, когда Абулхаир дрался с нашим кровным врагом – джунгарами. Абулхаир-хан выбрал единственно правильный путь: в такое лихое время лучше иметь сильного и надежного друга, чем быть покоренным коварным врагом. Поэтому я вместе со своим улусом принимаю подданство русской царицы и готов дать клятву на Коране – священной книге. Те, кто согласен со мной, пусть выйдут сюда и дают клятву. Первым принести клятву должен Абулхаир-хан.

В юрте, где только что кипели страсти, наступила тишина.

Абулхаир вышел на середину с Кораном в руках. Он поднес его ко лбу и торжественно произнес:

– Перед аллахом подтверждаю то, что сказал русской царице. Слово мое – закон, обещание мое неизменно! – Хан снял с шеи круглую серебряную печать, поплевал на нее и решительно стукнул по грамоте, переданной ему Тевкелевым.

Букенбай, Есет, Кудайназар и еще двадцать семь баев из Младшего и Среднего жузов последовали его примеру. Остальные наблюдали за этой церемонией, стиснув зубы.

Тевкелев принимал присягу и подносил царские дары тем, кто поклялся в верности русскому престолу.

Потом все сели на коней и покинули ханскую ставку. Всадники словно закрыли собой горизонт. Они удалялись медленно, опустив головы, двигались тесными рядами. «О боже, такие способны на все! Как бы нам не распрощаться с жизнью в этой неприятной земле!» – Тевкелев испуганно перекрестился.

Большой аул обезлюдел, притаился, замер, как дом, из которого вынести мертвеца.

Медленной чередой прошли четыре дня. На рассвете пятого дня примчался ханский слуга Байбек Аглук и, соскочив с коня, выпалил:

– Господин посол! Беда! Ряды недовольной знати растут! Бии запугивают людей, перетягивают их на свою сторону угрозами! Против нас настраивают. Хан велел сказать: надо что-то предпринимать. В первую очередь необходимо задобрить кое-кого подарками. Они, противники наши, передал хан, пусть действуют угрозами, а мы – дарами и лаской! Пусть, передал хан, посол пришлет шестьдесят аршин сукна, пятьдесят аршин красного ситца, двадцать шкурок выдры, сорок шкурок ондатры, двадцать красных кож, пять кусков парчи, пять шкур лисиц, три куска китайского шелка...

Тевкелев отправил Райбека обратно к хану, но без даров.

На третий день после этого к вечеру появился Букенбай. Он, как мог, утешал Тевкелева.

– Не обращай ты внимания на этих крикунов! Покричат, побрыкаются и успокоятся!

Тевкелев поблагодарил Букенбая, обещал особо доложить о нем ее величеству императрице.

Уехал Букенбай и словно унес с собой тишину и остатки покоя.

Средь белого дня прискакали какие-то всадники и стали с гиканьем хлестать камчами по груженным посольским телегам. А ночью налетели опять, носились, не давая никому уснуть: наутро русские недосчитались нескольких коней.

И так изо дня в день.

Спустя несколько дней Байбек принес совсем тревожные вести от хана: «Бии совсем озверели. Утихомирить их можно лишь богатыми дарами. Если промедлим, быть беде! За подарки перед великой царицей я сам отвечу».

Тевкелев приказал спешно отсчитать и передать хану все, что он требовал. Обстановка не сулила ничего хорошего... Он решил, что надо больше прислушиваться к советам хана.

Между тем люди Абулхаира поймали двух неизвестных джигитов, когда те пытались угнать посольских коней. Хан распорядился заковать джигитов в кандалы. Оказалось, что они из рода жаппас. Бий Баймурат решил бросить клич, собрать войско и разгромить ставку хана и посла.

К Тевкелеву прибыл сам Абулхаир и, не тратя времени на традиционные приветствия, прямо с порога осведомился:

– Слышали, господин посол, новость? Что будем делать?

– Как далеко находится сейчас Букенбай? – ответил Тевкелев вопросом на вопрос.

– Отсюда не менее трех дней пути.

– Нужно срочно послать к нему гонца.

– Отправить-то мы отправим... Только успеет ли гонец?

Хан послал к Букенбаю человека и велел перевезти русское посольство поближе к его ставке. Однако это распоряжение выполнить не успели.

Едва сгустились сумерки, аул на Мантюбе покрыла густая пыль. То был Баймурат со своими людьми: всадников было видимо-невидимо.

Тевкелев собрал русских и башкир:

– Наступил час испытания. Не посрамям чести матуш-

ки-царицы и России. Не дадимся злодеям живыми. Казаки и башкиры окружили юрту посла тесным кольцом. Все они были при оружии — кто с винтовкой, кто с саблей или копьем. Всадники приближались с оглушительным шумом, с громкими криками. Баймурат носился от ханской юрты к посольской как бешеный, изрыгая проклятья и угрозы:

— Если вы не вернете нам наших джигитов и не дадите плату за их наказание — пощады не ждите! Срок вам — до полуночи. Сокрушу все, спалю все дотла! Твоего посла, Абулхаир, утащу с арканом на шее! Ответ перед русской царицей придется держать тебе, Абулхаир! Тебе, а не мне!

Только перевалило за полночь, как джигиты Баймурата набросили на юрту Тевкелева волосяные арканы и стали раскачивать ее. Юрта заскрипела, сдвинулась с места. И тут подоспел посланец Абулхаира.

— Стойте! Стойте! Батыр, твои джигиты освобождены! — возгласил он.

— То-то же! Испугались, в штаны наделали! — сквозь зубы процедил Баймурат. Его войско торжествующе загготало... Утром русские недосчитались еще пятнадцати коней: видимо, Баймурат посчитал их платой за своих джигитов, подвергшихся унижению.

Посольство перебралось поближе к ханской ставке. Тайком от всех Тевкелев отправил гонцов в Уфу. Дни сменялись днями. Наступил ноябрь. Третьего числа вихрем налетели какие-то всадники и осыпали стрелами юрты, в которых жили русские и башкиры. Солдаты открыли стрельбу. Один из разбойников кулем свалился с коня. Остальные подхватили его и с воем, причитаниями и плачем ускакали прочь. Однако не забыли прихватить с собой семнадцать коней и трех верблюдов...

Через два дня после этого к стоянке Абулхаира прикочевал вместе со своим улусом Букенбай.

Букенбай вместе со своим двоюродным братом Кудайназаром пришел к Тевкелеву. Посол и батыр встретились как старые друзья.

— Не бойся! Теперь я рядом, уж как-нибудь защищу тебя и твоих людей. Пусть только сунутся! — Букенбай погрозил своим громадным кулаком кому-то незримому.

Растроганный Тевкелев обнял Букенбая.

Он и все посольские почувствовали себя увереннее. Тевкелева опять потянуло на простор, он стал чаще вы-

ходить, гулять в окрестностях, подниматься на караульный холм.

Степь изменилась, будто приуныла. Холмы, надутые, как бока сытого ягненка, пожелтели. Еще недавно серебрившиеся под лучами солнца озера потемнели. В густых прибрежных камышах все замолкло: обитатели их, видно, скрылись куда-то, унесли с собой веселую возню и бодрые радостные звуки. Потянулись на юг птичьи стаи.

Потемнели, впитав осеннюю влагу, белоснежные кошмы на юртах. Тевкелев любил наблюдать, как хлопотали женщины, готовясь к зиме. Руки их так и мелькали, плетя циновки, раскатывая на их поверхности пышную шерсть, уминая ее, смачивая, опять катая, сваливая, – и все это, чтобы получить войлок. Потом неутомимые руки снова мяли, уплотняли, скручивали войлок, чтобы он превратился в плотную теплую кошму.

Природа и обитатели аулов готовились к зиме... К чему готовить себя и своих людей ему, Тевкелеву?

Никто больше не изъявлял желания принять присягу на верность России. Может быть, размышлял Тевкелев, самым лучшим было бы сесть на оставшихся коней и под покровом ночи двинуться в обратный путь? Однако пропустят ли их через степь? Сомнительно! Если предположить, что им удастся ускользнуть от разбойников, то что ждет его дома? Только не распростертые объятия. Какие-уж там распростертые объятия, если он, посол, не справлялся со своей миссией?..

Как бы эта негостеприимная степь не оказалась моим последним пристанищем! – тяжело вздыхал Тевкелев. – Как бы не кончились здесь мои дни, не оборвалась здесь моя жизнь, полная скитаний, лишений и тревог! Меня и моих подчиненных вполне может постигнуть участь Бековича-Черкасского. У того хоть было огромное, хорошо оснащенное войско. Сгинем тут, и никто не найдет следов наших! Не упустит, боюсь, этот упрямый, отчаянный народ добычу – перережут нас как баранов, а добро царское поделают между собой...»

Тевкелев чувствовал себя одиноким, всеми покинутым, никому не нужным здесь, на самом краю света... Он мучился оттого, что не было ни вестей, ни помощи из Уфы, его одолевали мысли о том, дошли ли его люди, донесли ли правду до своих о бедственном положении посольства? Наверное, там, на родине, что-то предпримут, что-

бы их спасти. А пока вся надежда была на Букенбая. Отозвался, прикочевал со своим улусом сюда! Загадки задает степь... Почему этот батыр идет наперекор своим соплеменникам? Почему готов защищать чужаков?.. Непонятный, чудной, странный народ...

Нашлись люди, принявшие русское подданство, их мало, но они есть, и никто не смог заткнуть им рот или запретить поступить по-своему. Ведь присягнули же тридцать человек, не испугались, не озирались со страхом по сторонам!

«Недаром гласит народная мудрость: много ям и рытвин в незнакомом месте. Не похожи казахи ни на один другой народ, с которыми сводила меня судьба. Надменные и наивные, грубые и добрые, жестокие и равнодушные. Ругаются, поднимают голос на самого хана! Пожалуй, здесь у хана ничего нет, кроме титула и, наверное, богатства. Нет подлинной власти... Чуть что — он гонит гонцов к Букенбаю. Чем же определяется здесь влияние и власть? Скорее всего реальной силой и богатством. Интересно, сколько в степи людей, подобных Букенбаю? Неспроста Абулхаир твердит мне: «Удастся задобрить влиятельных людей — остальные сами пойдут за ними». Неужели казахи так жадны до чужого добра? Или просто любят похвастаться друг перед другом подарками как символами почета и уважения, им оказываемого?»

Однажды к Тевкелсву неожиданно прибыли Абулхаирхан, Букенбай и Кудайназар. Они были на этот раз не одни — с ними еще трое незнакомых мужчин, похожих друг на друга как две капли воды: все большеглазые, с мясистыми носами. Того, что выглядел постарше, звали Кара-батыр, имена остальных не задержались в памяти Тевкелева.

Посол угостил их русским обедом, и, судя по всему, он им очень понравился. Букенбай жевал со вкусом сдобный хлеб, испеченный по особому рецепту с сахаром и перцем, и приговаривая:

— Ох-хо-хо! Эти русские, оказывается, тоже кое-что умеют...— И при этом добродушно похохатывал.

Когда же принесли кипящий самовар, Абулхаир не выдержал и попросил посла:

— Будете, господин Тевкелев, уезжать на родину, оставьте нам эту штуку на память. Мы будем бережно хранить ее и вас вспоминать.

Гости пили чай с наслаждением. И чем больше стаканов они выпивали, тем заметнее светлели их лица, тем разговорчивее и добрее они становились.

Тевкелев был несказанно доволен.

Беседу начал Букенбай, чувствовавший себя у посла своим человеком:

– Вы, господин посол, извините нас за беспокойство, которое вам причинили. Казахи как дети, не разберутся толком что к чему, что хорошо, а что плохо: шумят, скандалят... Потом каются, не знают, как загладить вину.

Букенбай, видно, опасался того, что русский гость составит себе превратное представление о его сородичах, которых он хоть и клял, и ругал, но любил преданно.

– Все это происходит оттого, что живем мы не как другие народы: каждый сам себе хозяин на своем холме, – включился в беседу Абулхаир. – Вот и привыкли обо всем судить сами. Однако не стоит нам раньше времени отчаиваться. Надо терпеливо ждать и действовать осмотрительно, без спешки. Не надо скупиться на сладкие речи, жалеть ласковых взглядов. – Абулхаир сделал большой глоток чаю.

– Мы всегда будем рядом с тобой, господин Тевкелев! Поддержим и словом, и делом! – подхватил нить беседы Букенбай. – Завтра строптивцы превратятся в овечек, сами за тобой побредут, вот увидишь! Мы и пришли к тебе затем, чтобы сказать это!

– Спасибо вам, – ответил посол. – Если еще кто-то захочет стать нашими подданными, я никому не откажу, даже самым строптивым. – Он улыбнулся. – Никто не будет обойден добротой и милостью нашей государыни. Ну а коли есть такие, кто не имеет желания оказаться под покровительством России, что ж, на то их добрая воля! Ни за кем не стану бегать «с развевающимися полами», так, кажется, любите говорить вы казахи? – еще шире улыбнулся Тевкелев.

Абулхаир заговорил снова:

– Я действовал, господин Мамбет, из самых добрых побуждений. В надежде, что посольство ваше принесет моему народу благо. О том не жалею. Даже если все от меня отвернутся, я не изменю своего решения и не усомнюсь в правоте своего дела. Стою и буду стоять на том даже под угрозой смерти! – Абулхаир произнес эти сло-

ва тихо, но с такой убежденностью и решимостью, что у Тевкелева от полноты чувств перехватило дыхание.

Он стремительно встал, со звоном открыл сундук и вытащил оттуда соболью шубу, соболью шапку и саблю редкостной работы.

— Позвольте вручить вам это за вашу службу и за вашу верность! — торжественно обратился Тевкелев к Абулхаиру.

Хан накинул себе на плечи шубу, надел шапку, прицепил саблю:

— Да пусть льются лучи аллаха на ее величество царицу!

Казахи один за другим поздравили хана.

Гости тепло распрощались и ушли довольные и гордые.

Однако вскоре Букенбай возвратился.

— Мы поговорили сегодня откровенно, как оно и положено друзьям. Не стоит упорствовать с упрямыми, не стоит! С безумными, которые не ведают, что творят, надо быть умными, иначе проиграем мы, а не они. Надо лаской повернуть их к себе лицом. Если же и это не поможет, будем думать, как нам быть дальше! — заключил Букенбай и еще раз попрощался с послом.

Проводив Букенбая, Тевкелев задумался: «Да, не скоро познаешь все тонкости и загадки, связанные с этими степняками! Характер народа действительно необходимо знать и понимать. Без этого можно таких ошибок наделать, что ой-ой-ой!»

В ту ночь Тевкелев спал спокойно.

Абулхаир же ворочался с боку на бок, никак не мог заснуть. Щедрые дары русской царицы висят на самом видном и почетном месте — на торе, — но никто не придет полюбоваться ими. Месяц уже миновал, как прибыло к нему русское посольство, которого он так ждал и с которым связывал столько надежд. Однако сердце его ни разу не задрожало, не затрепетало от радости. Лишь горечь и обида переполняли его.

Бии и батыры делают что хотят. Султан Батыр, его зять, его ближайший родственник, только тем и занят, что восстанавливает всех против него. И все потому, что он одержим злой обидой на Тевкелева: русский посол, видите ли, при встрече, вместо того чтобы открыть ему объятия, как сыну хана Кайыпа, имевшего когда-то связи

с русскими, ограничился легким, небрежным кивком! Промах русского посла Батыр приписал коварству Абулхаира!

И пошло, и поехало!.. Учинили ему, хану, чуть ли не допрос по поводу того, зачем прибыло русское посольство! Запретили ему, хану, увидеться и поговорить с послом наедине. Поставили ему условие, чтобы все разговоры он вел с послом лишь в присутствии биев... Начали чинить разбой, дело чуть не дошло до насилия. А дошло бы, так всю вину свалили бы потом на него же! В душе каждого его противника затаилась черная зависть: почему это русский посол остановился в ауле Абулхаира, а не в его ауле! И все они, начиная с Батыра, спят и видят, чтобы напуганный разбоем и угрозами русский посол бежал бы из его аула искать защиты и спасения у других. А они, бии, потом сделают вид, что спасли посла от верной смерти, и тем заслужат милость и благодеяния русской царицы!

Посол... Тевкелев тоже не сразу его понял, не слушал, когда это было особенно важно и необходимо. Не знает он степь и ее законы, хоть и бывал не раз у разных, степных народов. Не сразу почувствовал, что у казахов свои привычки!.. Трясся над каждой тряпкой, вместо того чтобы одарить и тем самым задобрить биев. Не ведал о хитросплетениях отношений между биями, не знал обычаев и традиций, был чересчур несговорчив. Вот и наделал ошибок! Его промахи теперь тоже оборачиваются против хана.

«Почему я такой невезучий?! – метался по юрте Абулхаир. – Почему судьба столь несправедлива ко мне?.. Опасность над русским посольством не миновала. Кто может обещать, что не появится вновь разъяренная толпа и не поднимет руку на посла и на меня тоже?.. Вроде бы теперь я и посол лучше поняли друг друга, но все-таки... Боюсь, что мы с ним еще чужие. Вот Букенбай поладил с ним быстро и легко. Меня же все время что-то сдерживает, что-то мешает быть с ним до конца откровенным. А хотелось бы найти в нем опору и понимание!»

На следующий день Абулхаир опять неожиданно пожаловал в посольскую юрту. Вел разговор незначащий, сделал паузу и вдруг спросил:

– Господин Тевкелев! Если события повернутся против нас и народ не пойдет за мной, возьмет великая госуда-

рыня меня под свое покровительство? Защитит от ярости людей, готовых убить меня? Даст мне войско, чтобы я подчинил их силой, если не смогу покорить словом? Могу я рассчитывать на то, что моя семья получит милостивое покровительство... — Голос хана дрогнул.

Недоброе предчувствие кольнуло Тевкелева: «Плохи наши дела, значит. Мы, стало быть, по-прежнему ходим голыми ногами по горячим углям...» Он пристально, долго вглядывался в лицо Абулхаира, потом произнес:

— Разумеется, можете! Царица не оставит вас на произвол судьбы. Как и любого другого своего подданного, доказавшего верность ей. Она окажет покровительство и вам, и вашим детям. Я имею специальный наказ от нашей государыни: «Если у хана будут какие-то свои, особые, условия пусть не стесняется, ставит!» Что до военной помощи, то она может быть в любое время оказана каждому из правителей, принявшему русское подданство.

Бледные щеки Абулхаира порозовели, и глаза озарились внутренним светом:

— Жизнь положу за белую царицу! Со мной... Мне не страшно умереть! Лишь бы дети не пострадали!

«Теперь мне ясно — хан потерял надежду на успешный исход дела. Окончательно потерял. Уж не получил ли он днем какие-то неблагоприятные вести? — размышлял Тевкелев. — Что же будет с посольством, со мной?» Для него этот разговор был неожиданным и потому особенно неприятным. Рушились надежды на благоприятный исход его миссии.

Абулхаир наблюдал за послом, отчетливо представляя себе ход его мыслей: «А вдруг его тревога и растерянность пойдут мне на пользу? Будет больше слушаться меня, полагаться на мои советы? Надо уметь из всего извлекать пользу — на то я и хан!»

Утром ханский аул начал сниматься с насиженного места. На рослых черных дромадеров и поджарых рыжих атанов стали навьючивать разный скарб.

Тевкелев был удивлен этими поспешными сборами.

Слуга Абулхаира известил посла:

— Хан сказал, чтобы ваши люди валили юрты и грузили вещи.

Кочевье, как стая перелетных птиц, взяло направление на юг, удаляясь все дальше и дальше от прежнего своего становья, места, где не сбылись надежды людей, где их постигло немало разочарований и тревог...

Караван двигался между холмами, на верху которых масляно темнели заросли черного чигиря и пологны, а у подножий густели кустарники. Попадались колодцы с плетеными из саксаула срубками. Однако караван останавливался возле них ненадолго: люди вытягивали из холодных колодезных глубин бадьи с водой, поили верблюдов и снова отправлялись в путь.

Хан с небольшим отрядом ехал в стороне от всех. Когда всадники приближались к зарослям, три-четыре джигита принимались бить в бубны. Из чащоб выскакивали испуганные звери, и тут начиналось раздолье для охотников: свистели стрелы, хлопали крыльями ловчие птицы. Все оживлялось, радостно улыбалось и шумело.

Равнодушными к этому оживлению оставались только Абулхаир и Тевкелев. Каждый был поглощен своими заботами и думами.

Тевкелева раздражали тяготы пути, однообразие и унылость степи. Однако больше всего его мучила какая-то безграничная печаль и безнадежность. Хотелось закрыть глаза и ничего не видеть – этот унылый, постылый мир, этот караван, эти пески без конца и края. Тевкелеву казалось, что степь высосала из него все соки, лишила душевных и физических сил, а возможно, и будущего. Что ждет его за теми вон холмами – должны же они когда-нибудь кончиться! Есть же, наверное, какая-то жизнь за ними? Или ничего нет, не осталось на свете ничего, кроме этого почти нереального мира? Будет ли когда-либо достигнута цель, ради которой он оказался здесь? Превратился непонятно в кого... Что ни велит ему хан – он все послушно выполняет. Куда он сейчас плетется вместе с кочевьем, зачем? Хан держится отчужденно в сторонке, не считая даже нужным объяснить это послу. И он – вопреки здравому смыслу – подчиняется воле этого сурового, хмурого человека, как бы отгородившегося от всего остального мира. И если не будет он, посол великой России, держаться за хана, опираться на него – а другой опоры нет, – погибнет и дело, и люди, и он сам. Умен и хитер Абулхаир! Знай себе помалкивает... О боже, зачем потащились они невесть в какую даль, будто бы есть какая-то разница: и там пески, и здесь пески, и там разбойный народ, и здесь, и всюду в этой проклятой стороне!..

Тевкелев был в полной растерянности, не знал – злиться ему, негодовать, страшиться, обижаться? Он начал даже

подозревать хана, в самых черных замыслах. Там, на прежнем стойбище, хоть и было много врагов, но было и множество всякого люда: народ кругом, то одни наезжали в посольство, то другие. Случись с ним что, люди бы по крайней мере знали об этом, были бы свидетелями. А кто увидит, кто услышит, если произойдет самое страшное здесь, среди барханов? Уфа теперь далеко. Впереди – Хива.

Что, если хан решил превратить его в заложника или пленника? Пойди, разберись, что на душе у этого непроницаемого человека. Удалось же ему обмануть и русских, и своих биев – вызвать целое посольство из Петербурга! «Отвезет теперь в Хиву вместе со всеми, да в придачу с телегами, полными добра, да и продаст там! Примет подданство Персии, Афганистана или Индии. Какая ему, в сущности, разница, чьим быть подданным?

Мысли эти словно подталкивали Тевкелева к пропасти. Тевкелев потерял надежду, что тряска по пескам и ухабам когда-нибудь кончится. Перед его глазами маячили тонкие, сухие ноги верблюдов, потные крупы лошадей, в ушах стоял резкий звон, который время от времени извлекали из бубнов джигиты – любители охоты. Хан, всадники, солдаты, башкиры, казахские женщины и дети... Весь мир, казалось, сосредоточился для него в этих разрозненных картинах. Тевкелев пытался представить себе Уфу, воеводу Бутурлина, Петербург, огромную залу Сената, склонившегося над картами Кириллова, закутанного в теплый платок Остермана – ничего не получалось! Пытался вызвать из памяти, как вышагивал по палубе корабля царь Петр, но и это ему не удалось. Не получалось, не получалось! Будто никогда он не был в России, будто вообще не было ее, не могло быть на одной планете с этими страшными и бескрайними песками, скрытыми корявыми, уродливыми кустами саксаула, темными зарослями чигиря...

– Эй, братцы, что это там синеет вдали? Гляньте-ка в-о-о-о-н туда! – донеслось до Тевкелева.

– Море, ей-богу, море!

– Хватит врать! Откуда в этой песчаной дыре – море?

– Наверное, мираж!..

Тевкелев разомкнул веки вгляделся – и неподалеку в самом деле плескалось море. Он закрыл глаза и снова открыл: море! Море! Волнуется под холодным осенним ветром, белеют гребешки на поверхности. Тевкелев глу-

боко вдохнул знакомый, любимый, такой родной запах моря. А вон и стремительные чайки – вонзаются в волны и взлетают вверх, – легкие, белые, прекрасные!

Тевкелева вдруг охватила радость, он повеселел. Куда-то исчезли раздражение и уныние, ему уже не мешали крики и гиканье джигитов, помчавшихся куда-то вслед за ловчими птицами.

Неожиданно из-за белесого утеса высыпала группа всадников – не менее сотни, отметил про себя Тевкелев, – и устремились прямо к нему.

– Ойбой, господин посол, скачите скорее к обозам! Если они схватят нас, всем нам – гибель! – заволновались башкиры из его свиты.

Тевкелев вскочил на коня и, охраняемый казаками и башкирами, поскакал назад.

Незнакомые всадники стали преследовать его, яростно нахлестывая коней, но им преградили путь солдаты. К солдатам поспешили на помощь увлекшиеся было охотой казахи. Поняв, что им придется туго, разбойники подхватили Таймаса, бросили поперек седла и умчались прочь.

Взбудораженное, испуганное кочевье вскоре достигло желанного места. Оно остановилось на полуострове, вонзавшемся в море.

Посольство расположилось на расстоянии голоса от ханской ставки.

На следующее утро полуостров окутала белесая пелена тумана. Туман становился все гуще и гуще и постепенно превратился в холодную нудную изморось.

Настроение Тевкелева и его людей было под стать мерзкой, гнетущей душу погоде. Все они были напуганы: если так, будут увозить, бросать поперек седла всех по очереди, что же останется от посольства? Кто на них напал? Почему хан молчит как каменный, не посылает никого на поиски Таймаса?

У Тевкелева голова шла кругом. Он старался найти ответы на бесчисленные вопросы, но все больше и больше запутывался. Только-только он начинает, казалось, выбраться из тупика, только обнаружит след, который приведет его к сути, тут как тут еще одна загадка, еще один клубок завязывается. Все, над чем он только что бился, ломал голову, превращается в бессмыслицу, в пустые, напрасные потуги отыскать истину!

С Абулхаиром они виделись редко.

Порою невзначай сказанное ханом слово рождало у Тевкелева надежду. Потом непонятное поведение того же Абулхаира гасило эту надежду.

Бывало, что хан не только по несколько дней не появлялся сам, но и не давал о себе знать. Послу не оставалось ничего другого, как прозябать и томиться в бездействии и тревоге.

Однажды Тевкелева навестил родственник хана султан Нияз. «Жди новых загадок, – сказал себе Тевкелев. – Ничего! Одной загадкой больше, одной меньше, какая в сущности разница?..»

Султан Нияз ничем не походил на Абулхаира – ни лицом, ни повадками, ни речью. Был он рябой, очень смуглый, какой-то весь расслабленный, несолидный, легкомысленный. И хотя он происходил из тюрке, люди относились к нему пренебрежительно: «Э-э-э, что толковать об этом Ниязе? Пустобрех!» Этот султан, ходила людская молва, только на то и годился, чтобы болтать языком да мотаться без дела по аулам...

Нияз просунул голову в юрту, протянул лениво: «Ассалаумагалекум». Дождавшись приглашения, неловко протиснулся в дверь. Не снимая обуви, прошел на торь. Сначала снял вислоухую шапку, затем синюю бархатную тюбетейку, которая была под шапкой. Провел ладонью по лицу и голове.

– Ну, как ваши дела, здоровье, господин посол? – обратился он наконец к Тевкелеву.

– Как обычно. Без перемен, – сдержанно промолвил Тевкелев.

– А я знаю, кто были те разбойники. Джигиты Сырлыбая из рода шекты. Да-а-а... В одной из ночных перестрелок погиб племянник Сырлыбая. Вот его люди и уволокли Таймаса. Как плату за племянника Сырлыбая. Того и гляди, опять явятся! За добром, которое хранится в вашем обозе. Это уж как пить дать явятся! Да и правду сказать, люди нынче совсем пообносились, поистрепалась их одежонка. Пути на базар отрезаны, караваны мимо не проходят, раньше-то ходили, людям было чем поживиться! Да-а-а! Что же им остается делать? Надо ведь как-то прикрыть срам, хоть женам да детям, ох-хо-хо! Потому и налетят опять, ох налетят!

– Всем известно, как можно честным путем получить это самое добро. Почему не явится, как положено людям порядочным?

– Ха-ха-ха, – непринужденно рассмеялся султан. – Да разве времена наши приспособлены для порядочных. К тому же вы не знаете наших! Ведь многие сейчас бесятся от зависти, почему-де посол явился в аул Абулхаира, а не к ним пожаловал? Пожалуй вы к самым что ни на есть горлопанам да скандалистам, они были бы ниже травы, тише воды. Ходили бы перед вами согнув спины, склонив головы. Поднимали бы плети, размахивали бы ими, надрывались: «Почему не принимаете подданство белой царицы, когда я принял?» Все беды наши от зависти, поверьте мне. – Нияз вытащил из кармана табакерку, заложил за губу насыбай и продолжал, шепелявя: – Этот Сырлыбай не один. Он лишь кончик черной палки, той самой, которую суют под полог Абулхаира. Рукоять палки пока не показалась, но, ясное дело, покажется. Тайное станет явным. – Нияз сделал выразительный вздох. Он ждал, что ответит ему, как отреагирует на его слова посол.

Теакелев хранил молчание. Он уже раскусил эту здешнюю хитрую манеру вести разговор. Скажут что-нибудь, намекнут на что-то и ждут, что ты ответишь. И хоть Нияз слывет недотепой, а тоже пытается вызнать, что да как...

– Ойбой, – так и не дождавшись от посла ни слова, начал медленно подниматься с места Нияз. – Если буду тут рассиживаться, пожалуй, не успею засветло добраться до аула, в который направляюсь.

– Куда же вы собрались?

– А, туда, – сделал неопределенный жест рукой султан Нияз. – Нужно узнать, чьи аулы будут нынче зимовать здесь, в Малых Барсуках.

– А где аул Сырлыбая?

– Они, наверное, где-то там, – опять неопределенно махнул рукой Нияз. – Барханы Кызылкумов нынче в чужих руках. Младший жуз зимует в Каракумах и здесь, в Малых Барсуках. Однако маловато радости в этой округе, маловато: с одной стороны – туркмены, с другой – калмыки.

– Стало быть, вы заедете и в аул Сырлыбая?

Можно и заехать, отчего не заехать, коли появится дело.

– Не узнаете, что с нашим Таймасом?

– Коли надо, почему бы не узнать?

– Сколько людей у Сырлыбая, тех, которые представляют для вас реальную угрозу? Что бий намерен делать? Любопытно было бы узнать, да вот только как? Трудная, очень трудная задача.

– А почему?.. И это тоже можно...

– Да, да, вам это по силам, уважаемый султан! Именно так! Счастливого пути!

Нескладный, длинный Нияз лениво направился к выходу. Тевкелев остановил его у самого порога:

– Султан, я, кажется, ничего еще не набрасывал вам на плечи. Погодите-ка. – Тевкелев протянул Ниязу кусок синего сукна. – Сшейте из него чапан, отменный получится чапан... А будем живы – главный подарок еще впереди! После трудов и дорог ваших неутомимых. Вы много ездите, видите много разных людей. Как они, любопытно мне, относятся к России, к царице нашей?

– Ну, что вы, господин посол! Я и без этого, без подношений всяких желаю, чтобы наш путь был усеян цветами! Если дело Абулхаира увенчается успехом, то и мне будет хорошо! – По улыбающемуся лицу султана побежали морщинки. – Слыхивал не раз, что русское сукно и крепко, и не выцветает, не то что бухарские тряпки: оденешь сегодня новенькую ткань, сияет, как девичья шейка, а завтра выцветает, как бабий подол.

– Счастливого пути, султан!

– Ну, будь здоров, мурза!

«Кстати, хорошо получилось!» – улыбался Тевкелев, записывая в журнал расходов: «Султану Ниязу пожаловано сукно на 12 рублей 05 копеек...»

На другой день Абулхаир, Букенбай, Есет и Кудайназар долго совещались с послом, как лучше вызволить Таймаса. Решили действовать спокойно, без шума и угроз. Отправить к похитителям решили Кудайназара.

Однако это совещание не успокоило Тевкелева. Он понял: казахи, которые приняли подданство, настроены чересчур мирно, не склонны к активным действиям. Те же, кто разбой и насилие возводят в правило, не сидят сложа руки. Наверное, так уж суждено народу – вести неравные битвы, погибать... и тратить силы и время на пустые споры о своей свободе и независимости, сдобривая их ссылками на заветы предков... Если кто-нибудь не набросит на них жесткую петлю – сами казахи вряд ли покорятся! Будут мотаться, скитаться по своим пескам,

что стадо без хозяина. Окажутся на острие копья и все равно гордость и строптивость свою будут выказывать! Не миновать им чьего-нибудь волосяного аркана. Захлестнет им шею...

Тевкелева поражала слепота казахов, непонимание или нежелание понять, что все эти церемонии императрицы с ними – до поры до времени. Что им дается шанс стать российскими подданными добровольно. Держава Российская зарится на индийское золото, и это многое определяет в ее политике. Если казахи станут препятствием на пути к осуществлению ее планов, царица не станет умолять их присягнуть ей в верности. Россия заговорит на языке пушек. «Может, я сделал ошибку, во всем уступая им? – укорял себя Тевкелев. – Не умеют они ценить поклонов. Почему колеблется Абулхаир? Не нападет на того же Сырлыбая? Если завтра, не приведи господи, что-нибудь случится с Таймасом, русское посольство должно будет разорвать всякие отношения с казахами! А казахи?... Они могут в ответ на это потребовать, чтобы все наше посольство было уничтожено! И Абулхаир-хан будет вынужден подчиниться вышедшим из повиновения биям!»

Тевкелев жил в крайнем напряжении. Ему всюду чудилась опасность, он не находил себе места, метался как затравленный зверь. Но только наедине с собой. На людях он держался спокойно, проявляя завидную выдержку. Давалась она ему нелегко, очень нелегко...

Появился наконец султан Нияз. Он улыбался во весь рот.

– Как идут дела ваши, как здоровье? – спросил он.

– Какие у меня дела? Вам, думаю, виднее было в вашей поездке, какие у нас дела? – лукаво прищурился посол.

– С тех пор как я покинул аул, у меня минуты свободной не было, ох-хо-хо-хо! Давненько не баловался я табачком, – начал вздыхать и охать Нияз, словно это и была самая важная новость. Он насыпал табак на ладонь, мелко раскрошил его, сунул в рот. Зажмурился от удовольствия. – Нынче, куда ни глянь, под каждым кустом стоит аул. Все Малые Барсуки заполонили аулы! Восемь лет назад, когда нас истребляли джунгары, мы не видели не то что овец, тени их не видели даже! А сейчас в каждой ложбине – тучные отары. Тьфу, тьфу, тьфу, не сглазить бы – ну прямо тьма-тьмущая овец... Нынешняя зима

будет в год Коровы, так кажется? Корова – она ведь скотина добрая, спокойная, стало быть, у нас в степи овец еще прибавится. Ох, славно, ах, хорошо!..

Тевкелев проклинал разговорчивого султана: «Да пропади ты пропадом со своими овцами! Кто тебя о них спрашивал...»

Нияз резко переменял тему разговора, будто подслушал мысли Тевкелева.

– Кстати, господин посол, я побывал в ауле Сырлыбая, узнал кое-что. Бедняга Таймас еле-еле дышит, не знаю, поднимется ли теперь когда-нибудь на ноги. Бьют его пять-шесть раз в день, кормят отбросами из собачьей миски; вырывают волосы с головы и тела, вроде бы, говорят, рыжий волос помогает от сглаза, а Таймас-то рыжий... Кто-то пустил слух, что этот пес – так его называют в ауле Сырлыбая – не прошел у муллы обряд обрезания. И что же над ним учинили? Раздели донага! К счастью, Таймас побывал в руках муллы, поэтому пока оставили его в живых.

Нияз смаковал свой рассказ, будто историю из «Тысячи и одной ночи». Тевкелева пробирала дрожь. Султан Нияз между тем вступил в другую колею: похоже, от его глаз ничего не укрывалось. «Может, он не такой уж размазня? – мелькнуло в голове у Тевкелева.

– С татаринном, грозят, мы рассчитаемся по-своему. Его глазами накормим мух? Кожу с него сдерем с живого, глаза выколем, язык отрежем и отошлем с солдатами царице-бабе с письмом. Так в полный голос и заявляют, «Добро разграбим, свиту оберем до последней нитки и все поделим между собой!» Да-а-а, их сейчас, врагов наших, очень много. Потому они такие смелые: соберемся, мол, с силами, разобьем начисто башкир, нечего им самим к нам шастать да послов всяких возить. Но больше всех зол Сырлыбай, он мне так и сказал: передай своему родственнику Абулхаиру, – чтобы образумился, да поскорее, а не то поздно будет. Пусть отступится от этого чужака, не то простится с головой!

Выложив новости, Нияз наконец убрался. Когда он живописал страшные картины, лицо его не дрогнуло ни разу, а глаза блестели так, словно он рассказывал увлекательную сказку.

В ту ночь Тевкелев не сомкнул глаз, стараясь разобраться, где правда, а где вымысел в рассказе Нияза. Сво-

им людям он решил пока ничего не сообщать, чтобы не будоражить их.

На закате следующего дня к нему прискакали Байбек и еще четыре всадника от хана. Байбек, как обычно, залезил, засылал его вопросами:

– Господин посол, в здравии ли вы, в целости ли ваш скот? – На лице у этого человека всегда улыбка, спина всегда полусогнута. – Опять будете гневаться на меня, господин посол, опять, знаю, не согласитесь, но хан приказал мне, и мое дело выполнить приказ... Пусть господин посол без промедления передаст мне все свое добро.

Сердце Тевкелева екнуло: «Все идет так, как я и предполагал». Он вызвал к себе на совет башкирских баев Кокаша, Алдарбая, Кадрияса и Юмаша.

Услышав новость, башкиры насторожились:

– Это же разбой!

– Может, хан теперь сам собирается учинить над нами насилие?

– Нет, нельзя отдавать наше добро! Без него мы никому тут не будем нужны! С нами перестанут совсем считаться!

– Не отдадим! Не отберет же хан все силой, не решится! А поднимет на нас руку, мы ведь тоже драться умеем!

– Сколько можно терпеть от них, проявлять покорность?!

– Если хан не знает, куда девать свою силу, почему он не применит ее против своих разбойников? Почему не усмирит их?

Тевкелев понимал: нельзя ссориться с ханом, нельзя рвать с ним отношения. До добра это не доведет. Надо ждать, тянуть время. Надо вызвать сюда Букенбая и посоветоваться с ним.

– Нет, ссориться с ханом не в наших интересах, без его поддержки нам с вами не миновать беды. Мы совсем одни, и мы оторваны от родины... Надо ответить хану, что настоящее время его просьбу выполнить не представляется возможным, а сами попытаемся повлиять на хана через Букенбая.

Слуги вернулись к Абулхаиру с пустыми руками, он рассердился и опять погнался к Тевкелеву с такими словами:

– Я не собираюсь латать его тряпками стены моей юрты! Две телеги с русским добром не дают покоя нашим

ртам. Эти смутьяны очень опасны, и не успокоятся, пока не получат своего. Не дадим сами – отберут силой, никого не пожалеют, убьют и посла, и меня, и все наше окружение... Жизнь дороже любых тряпок. Будем живы, все у нас будет.

Упираться дальше не было смысла. Тевкелев отдал людям хана два сундука, два тюка в придачу кое-что из своей собственной одежды. Дрожащей рукой вывел в журнале: «19 ноября хану Абулхаиру передано подарков на восемьсот восемьдесят семь рублей пятнадцать копеек».

Ночь прошла тревожно. Ни один человек не спал. Каков уж тут сон, когда такие дела творятся. «Теперь, – шептали люди, – скорее всего следует ждать чего-то ужасного. Или истребит всех нас сам, или пошлет гонцов к своим противникам. Доживем ли до следующего утра?»

Люди писали домой прощальные письма, не надеясь что они вернуться в родные места. Тевкелев ломал голову, как бы утром кому-нибудь устроить побег из ставки, подать весть о себе в Уфу.

Обойдя утром весь свой стан, Тевкелев убедился, что он как стоял, так и стоит, все до единого живы-здоровы.

«Уж не приснился ли мне страшный сон? – потряс головой посол. – Однако кто сказал, что эти бандиты придут не днем, а ночью? Таймаса они тоже похитили среди бела дня. Какая им разница – день или ночь? Может быть, они решили рассчитаться только со мной? Какой смысл им убивать остальных? Остальных они могут продать в рабство... Зачем им громить все посольство? Завладев сундуками и тюками, они могут разделаться со мной каким-нибудь более хитрым способом, без свидетелей. Вызвать, например, через слугу к хану, а там...»

Тевкелев как и воду глядел: к нему в юрту шмыгнул Байбек и склонился перед Тевкелевым в поклоне:

– Здравствуйте, господин посол! – заискивающе произнес он. – Как ваши дела, в добром ли вы здравии? На месте ли ваш скот?

– На месте, приятель, на месте! Все здоровы! – с улыбкой ответил Тевкелев. Он решил встретить смерть с улыбкой.

– Вас приглашает к себе хан.

– погоди немного! Сейчас отправимся! – Тевкелев слегка помедлил, потом пошел к башкирским биям.

Видно, лицо у него было такое, что заставило их насторожиться.

– Хан прислал за мной, – произнес Тевкелев, еле сдерживая дрожь в голосе.

– Что опять понадобилось этому псу? Вчера нас ограбил, сегодня...

– Не ходите! Не к добру это! Не может этот злодей звать вас с добрыми намерениями!

– Мы вас не пустим! Защитим! Что бы ни случилось, будем с вами! Встретим беду вместе!

На глазах Тевкелева блеснули слезы: никогда в жизни он не слышал более дорогих слов.

– Нет, я пойду, обязан пойти. Зачем ему убивать меня среди бела дня? – голос его окреп, звучал уверенно, хотя сам он не очень-то верил тому, что говорил. – Ослушаться в данной ситуации – значит обидеть или обрадовать...

Башкиры вышли вслед за послом и неотрывно глядели, как он удалялся.

На этот раз Байбек провел Тевкелева мимо огромной ханской юрты, остановился около круглобокой юрты старшей жены Абулхаира.

– Добро пожаловать, господин посол! Проходите на торь, прошу вас! – Абулхаир поднялся, подал Тевкелеву руку, сам сел только после Тевкелева. Абулхаир и его жена приветливо улыбались. – Как спали?

– Неплохо. Слава богу, сплю хорошо.

– А я сегодня поднялся весь разбитый... Наверно, постель была неудобная, – улыбнулся хан загадочно. – Прошу вас, угощайтесь! Я люблю чай, приправленный гвоздикой, корицей и талшином. Если не понравится – не стесняйтесь, скажите, вам нальют из другого чайника. Но сначала отведайте из моего.

– С удовольствием попробую, спасибо. Я не прочь узнать то, что мне неизвестно...

– Прекрасно сказано! Русские, я слышал, тоже любят чай.

– Что верно, то верно. Мы любим побаловаться чайком.

– Но ведь у вас не жарко, жажда вас мучить не может.

– А мы пьем чай, чтобы согреться! – Тевкелев поднес пиалу ко рту, сделал маленький, осторожный глоток. Чай имел своеобразный, но очень приятный вкус: кисловатый, острый, он ласкал небо.

Как ни были напряжены нервы Тевкелева, он не мог не заметить, что что-то томит хана, что тот хочет что-то сказать, но не решается.

– Как у вас с едой? Еще не кончились припасы? – осведомился Абулхаир заботливо.

– Благодарствую. Пока есть все необходимое.

– Недели через две пошлю людей в Хиву. Надо пополнить запасы, хлеба свежего у вас, наверное, уже нет.

– Есть, не утруждайте себя беспокойством.

Абулхаир сидел, скрестив ноги, и с видимым удовольствием потягивал чай.

– Господин посол, может, вам неудобно сидеть? – протянул он Тевкелеву мягкую подушку.

– Благодарствую.

– Вы обиделись на меня за вчерашнее? – спросил Абулхаир с несвойственной ему застенчивостью.

– Почему вы так решили? – губы Тевкелева тронула легкая улыбка.

– Потому скорее всего, что раньше сколько я ни просил вас... о том же, вы не слушались, отправляли моих слуг и джигитов ни с чем...

– Я всегда был прижимист. Так, по крайней мере, утверждает моя жена, – шутливо ответил Тевкелев.

– Ох-хо-хо, жена, видно, что-то заметила за вами... – засмеялся Абулхаир. – Мы тоже кое-что заметили... – Он лукаво посмотрел на Тевкелева. – Я решил, забыв о стыде, взять ваши вещи себе, вернее, для наших с вами целей. Так оно, уверяю вас, будет лучше и удобнее: зачем каждый раз, когда понадобится кого-нибудь одарить, посылать к вам человека? К тому же я лучше знаю, кому следует, а кому не следует сунуть тряпку, – в голосе хана прозвучала ирония, – пришлось вот поступить таким странным способом... Мы с вами тащим общую ношу. Какая разница, кто преподнесет им подарок? В степи всем известно, что моя байбише не присвоит себе материю, не будет шить из нее наряды, – шуткой закончил этот разговор Абулхаир.

Тевкелев от души рассмеялся.

Подали чаши с мясом.

– Господии Тевкелев, я заметил, что вы не очень-то жалуете жирное мясо, – обратился хан к гостю. – В вашей чаше, по-моему, многовато жирных кусков, они больше подойдут мне, степняку. Давайте обменяемся чашами.

«От него, наверное, не ускользнуло, что я чего-то опасуюсь, – упрекнул себя Тевкелев. – Надо следить за собой, не распускаться...»

Когда обильный дастархан был убран, джигиты полили гостю и хозяевам на руки воду из медных кумганов. Вслед за этим слуги внесли саба – продолговатый бочонок из дуба, блестящую желтую чашу и несколько чаш поменьше. Потупясь, неслышно вошла молодая женщина в белом платье. Присев возле бочонка, она наполнила кумысом большую чашу и принялась помешивать в ней ковшем. По юрте поплыл аппетитный, уже хорошо знакомый послу запах кумыса.

Вдруг успокоившееся было сердце Тевкелева тоскливо сжалось. «Неужели сейчас?» – будто кто-то ударил его по голове, перед глазами поплыли радужные круги. Слуга с поклоном поднес ему чашу.

Открылась дверь, и в юрту вошли старик с белой бородой и юноша. Старик держал в руках инструмент, похожий на скрипку, юноша бережно прижимал к груди домбру.

Хан поднял свою чашу и сказал:

– Отведаем кумыса, утолим жажду.

Зазвучала печальная и красивая мелодия. Никогда прежде Тевкелев не слышал такой музыки. Она теснила грудь, вызывала слезы... Тевкелев вдруг осознал, что он слышит похоронную мелодию! В ужасе он огляделся вокруг. Хан, его жена, молодая женщина, слуги у порога – все сидели словно замороженные музыкой, отгороженные ею, кажется, от всего мира. Только она владела ими безраздельно. Тевкелев задержал взгляд на молодухе: закусив пухлую губку, она чуть не плакала. Музыка тому причиной, или, может быть, сознание, что здесь, сейчас должно произойти злодейство?

Старый музыкант исторгал из кобыза пронзительные и прекрасные звуки с бесстрастным видом, будто спал, будто не он вовсе держал всех в своей власти...

Он несколько раз провел по струнам, сплетенным из конского волоса, смычком, несколько раз ударил по ним большим пальцем, и затем наступила тишина.

– Это Койсары, – вымолвил хан. Аксакал поклонился почетному гостю, прижав к груди правую руку. Абулхаир кивнул старику в знак благодарности и заговорил снова: – Он сыграл кюй, который у нас называют мелодией Коркыта, – хан глубоко-глубоко вздохнул. – В давние времена жил святой человек по имени Коркыт. Его могила находится на берегу Сырдарьи. Когда с реки дует ветер, одинокая могила издает звуки, похожие на рыдания. Как

эта мелодия... В старости Коркыт — пусть память о нем будет священна! — чуть не весь свет белый изъездил в надежде спастись от смерти. Но куда он ни приезжал, всюду натыкался на людей, которые рыли могилу. «Эй, кто вы такие?» — спрашивал он у них. «Могильщики!» — отвечали ему. «Что вы делаете?» — «Готовим могилу какому-то Коркыту!» Тогда старец расстался с надеждой убежать от смерти и окончательно убедился в том, как неумолимо и беспощадно время. В глубокой печали он выдолбил из сосны кобыз, обил его верблюжьей шкурой, приладил струны из конского волоса и наиграл мелодию, которую мы только что слышали. — Хан помолчал, вздохнул и присовокупил: — Когда мы, казахи, наталкиваемся на какое-нибудь препятствие, которое нельзя преодолеть, или попадается нам дело, которое не можем решить, мы говорим: «Куда ни пойдешь — всюду могила Коркыта...» И то правда, разве убежишь от смерти? Она является без предупреждения... Пейте же кумыс, господин Тевкелев.

— Изумительная музыка, прекрасная легенда! — произнес с чувством Тевкелев, а самого била внутренняя дрожь: «Неужели сейчас? Только бы не показать, не обнаружить, как мне страшно!»

— Тут юноша заиграл на домбре. Его мелодия была веселая, озорная, она словно для того и предназначалась, чтобы изгнать из души студеную печаль. Она лилась как весенний ливень, омывая душу свежестью и бодростью, наполняя силами и желанием жить, жить! Видеть этот прекрасный мир, любоваться на него каждый день, каждый час... И вот уже сердце Тевкелева будто тронула живая роса, плечи его распрямились, улыбка тронула губы.

А юный музыкант весь отдался ритмам и звукам, которые рождались под его пальцами. На лбу выступили капельки пота, на щеках заиграл румянец, карие глаза заблестели ярко, задорно! Стремительный, как убегающий кулан, кюй кончился.

— Ой, молодец! Молодец! — не сдержал восхищения хан.

— Спасибо! Спасибо! — с глубоким чувством промолвил гость.

Хан сам проводил Тевкелева.

Все посольство высыпало из юрт — люди стояли нахохлившиеся, мрачные. Увидев, что посол и хан проща-

ются, улыбаясь друг другу, они тоже заулыбались, заговорили разом, успокоенные, обрадованные.

Тевкелев вернулся к своим бодрый и довольный.

* * *

Абулхаир испытывал великое облегчение.

Поначалу, когда он приглашал к себе посла, он хотел просто сгладить дурное впечатление, которое могло возникнуть у Тевкелева: все-таки забрал у него немало добра! Понимал хан и то, как тяжело послу, оказавшемуся вдали от дома, от семьи.

Однако Абулхаир радовался и по другой, более важной причине: ему, пожалуй, удалось запугать русского посла, заставить его чувствовать себя зависимым от него. Похоже, что посол был счастлив, что выбрался от него целым и невредимым.

«Стало быть, сейчас русский посол боится меня больше всех. С другой стороны, именно я способен больше всех и осчастливить его. Посол, чувствуя свою зависимость, и держаться будет поскромнее, и поменьше кичиться перед биями. Глядишь, и этим больше расположит к себе людей... К тому же не захочет, в случае чего, последовать за теми, кто будет ему нашептывать: «Оставьте вы этого хана! Идите под нашу защиту! Хан не только с народом своим управиться не способен, он и безопасность вашу обеспечить не может!»

Да-а-а, ладно все получилось, ладно! И добро при мне, и посол при мне, и Кудайназар должен вот-вот объявиться из аула шектинцев: вдруг ему удастся уговорить их и они освободят Таймаса?.. Теперь, слава аллаху, посол будет мне доверять не меньше, чем Букенбаю. Странно все-таки: опытный вроде бы человек – посол русской царицы, а никак не смекнет, что у нас с Букенбаем нет секретов друг от друга. Доверчивый и спесивый, гордый и наивный!.. Ну, а не станет доверять, то бояться станет. И чем больше будет бояться меня, тем сильнее потянется к Букенбаю и Кудайназару. Значит, наше решение сняться с прежнего места и безо всяких лишних слов и объяснений перебраться сюда, в глушь, себя оправдывает... Да, посол теперь наполовину наш пленник, деваться ему некуда! И чем больше он сблизится с Букенбаем и Кудайназаром, тем в большую зависимость от нас попадет!

Теперь... теперь не подвела бы удача! Лишь бы Кудайназар чего-нибудь добился от шектинцев! Если Таймас будет вызволен, я избавлюсь от мучительного чувства неловкости перед русским посольством, покажу, что я все же обладаю властью. Это будет удар для враждебно настроенных против меня биев».

...Наконец-то всевышний явил Абулхаиру свою милость! Кудайназар вернулся быстро, да не один, а с тридцатью аксакалами во главе с бием Даумбаем. Абулхаир был счастлив не меньше, чем когда-то на Аныракае после блистательной своей победы! Однако перед гостями никак этого не обнаружил, оставался непроницаемым и сдержанным.

Даумбай поглаживал огромной пятерней бороду и, будто прося прощения, бубнил смущенно о том, как долго они сомневались, долго меж собой советовались, тянули с ответом послу великой белой царицы... По всему было видно, что Даумбаю перед послом неловко признаваться в этом. И еще... томит его неизвестность, то, как оно, подданство это, еще обернется в будущем...

— Да, куда тут денешься? В тяжелые живем времена! Нельзя обойтись без надежного укрытия, иначе погибнешь, как овца в джут! — Бий и вздыхал, и охал, и кряхтел, но речь продолжал: — Ничего не добьются наши племена, если станут искать лучшую долю всяк себе! Подумали мы и решили: положиться, Абулхаир, на тебя! Решай сам, с кем нам быть, у кого искать защиты и покровительства... Тебе виднее, а мы последуем твоему примеру. Так что мы пришли сказать: теперь ты в ответе за наши беды и радости, а мы идем за тобой!

Абулхаир отвернулся, чтобы скрыть нечаянные слезы, подступившие комком к горлу. Чтобы не выдать волнения, он долго молчал. Потом обратился к Даумбаю:

— Спасибо, Даке. Вы всегда поступаете мудро, как и положено аксакалу. Недаром в народе говорят: даже яд пей со своим племенем! — Абулхаир обращался к бию, но не только к нему, и это понимали все, кто его слушал. — Мы живем во времена, когда нас ждет гибель, если мы не объединимся. Мы ищем спасения, мы ищем верную дорогу не для себя, а для всего народа нашего! Нас не хотят признавать, отворачиваются от нас, и не только сильные. Поэтому-то мы никак не можем освободить братьев наших, которые уже два года томятся на чужби-

не. Разобщенность наша – враг наш! Станем подданными России – освободим джигитов наших, семьи наши! Есть они и в краях, подвластных русской царице, здесь мы решим дело без жертв и споров. Мы привыкли кричать: «Мы свободные, мы вольные!» Но ведь и нищий, который ходит по аулам с протянутой рукой, тоже считает себя свободным. Но подумайте, какой смысл в такой свободе, если нищий не ведает, в каком овраге отдаст богу душу?.. А между тем – куда ни глянешь – повсюду живут народы под защитой более сильных. И ведут они себя как задиристые мальчишки, которые сами отбирают у других альчики и сами же при этом грозят: «Не троньте нас, а не то пожалуемся старшему брату!»... Лишь нам не на кого положиться. Долго ли мы будем такими вот «свободными и вольными»? Свобода эта стала бельмом на глазу у алчных врагов. Умнее будет найти нам надежное пристанище. – Абулхаир остановился, оглядел всех требовательным взором. – Если хотите взвалить на меня бремя ответственности за возможные беды, что же, на то воля всевышнего. Я могу лишь добавить, – Абулхаир прокашлялся, – что ваши родные и дети получат свободу, как только русский посол вернется в Уфу. Башкиры отпустят наших тотчас же.

– О, спасибо, спасибо, утешил! Мы только о том и мечтаем, чтобы увидеть целыми и невредимыми наших родных! – оживились люди.

Абулхаир поднялся с места, расправил плечи и сказал:

– А вот эти подарки белая царица прислала для лучших людей степи. Таких, как вы. Знала, что доброта ее не будет забыта. – Хан оделил каждого материей на один чекмень. – Теперь Кудайназар отведет вас к послу. Пусть он из ваших уст все это услышит.

Веселые голоса биев, которые доносились снаружи до Абулхаира, ласкали его слух.

Тевкелев встретил биев с расprostертыми объятиями. Получив их подписи, он пригласил их на следующий день отобедать.

На другой день они пожаловали в гости к послу вместе с Абулхаиром, Букенбаем и Кудайназаром.

В юрте был расстелен огромный дастархан. Чего только не было на нем! Горками лежали редкие для степняков лакомства – хрустящие татарские лепешки и хлебцы, испеченные на молоке, сливках и сахаре, аппетитные рус-

ские баранки, сладкие леденцы. Стояли деревянные чаши с янтарным башкирским медом. Когда принесли на ярком расписном подносе блестящую, словно лед, головку сахара, круглую, большую, как курдюк жирного барашка, гости так и ахнули от удивления и восторга.

Словно задавшись целью поразить казахов, русские тащили и ставили на стол разные удивительные яства: сладости, сушеные фрукты, соленую и вяленую рыбу, пастилу из фруктов...

Потом все учуяли запах, который ласкал ноздри, как ароматы райского сада. Этот запах взбудрил казахов еще больше, ибо многим из них уже был знаком.

— Господи, да никак это запах чая? — обрадовался кто-то. — Ну и ну!

— И чего только нет у этих русских! — вторил другой восторженный голос.

Абулхаир не скрывал улыбки, поглядывал на сородичей. Он как бы говорил, им своим взглядом и улыбкой: «Ну, видите теперь? То-то же!»

Тевкелев тоже не скрывал своей радости и угощал, потчевал дорогих гостей. Хан бросал на него выразительные взгляды, которые посол расшифровывал для себя так: «Вот они какие! Я же говорил тебе, а ты упрямылся!»

Абулхаир мысленно благодарил аллаха и умолял не оставлять его, помочь ему, дать ему силы довести дело до конца. Хан знал: сидевшие здесь бии преувеличат, превратят в легенду то, что сейчас видят, слышат, пьют, едят. Если бы русский посол давно открыл свои сундуки, многие замасленные треухи пришли бы дать присягу!

Баи несказанно были довольны угощением и обхождением посла. Даумбай на прощание долго-долго с чувством тряс его руку:

— О Таймаса не печалься, не горюй! Вернемся, потолкуем хорошенько с Сырлыбаем. Должен послушаться нас, освободить твоего джигита, — и веско добавил: — Заставим.

Тевкелев наконец ощутил под ногами твердую почву. Повеселел, приободрился. Понял, что эти тридцать биев — лишь начало. За ними придут другие.

Начало!.. Первые ласточки!..

Посол собрал на совет башкир и обратился к ним:

— Вы знаете язык. Поезжайте по окрестным аулам,

присмотритесь, прислушайтесь внимательно, что делается вокруг, о чем народ толкует.

Сергей Костюков, нескладный русоволосый парень, пристал к Юмашу как репей: возьми да возьми с собой!

Юмаш отнекивался: не хотел обременять себя, да и подвергать опасности долговязого увальня тоже не хотел. К тому же боялся, что Сергей изведет его вопросами – отчего да почему? Всем морочит голову неумным своим любопытством. Не зная, как от него отделаться, Юмаш решил зайти к послу. Однако неотступно следовавший за ним Костюков и тут от него не отстал.

И прямо с порога заговорил:

– Алексей Иванович, мне некуда себя девать, нечего делать. Я томлюсь от безделья. Я же прибыл в эти края, чтобы все о них узнать, чтобы изучить, какие они – казахи? Их нравы, обычаи... А вы меня никуда не пускаете!

Тевкелев от неожиданности немного растерялся. Его тронула горячность, с какой Костюков упрекал его.

– Русским лучше нос не высовывать. Пока что. Береженого бог бережет! Вспомни, как среди белого дня умыкнули Таймаса.

– Казахи держат Таймаса из-за джигита, которого мы убили! Нечаянно, но убили! Никому больше с тех пор мы не причинили зла. А в случае чего, если потребуют они с меня плату за смерть, я напомню им о смерти моего деда. Он погиб по их вине. Они сразу и прикусят языки.

– Я слышал, что покойный твой дед попался из-за своей любви все записывать... Смотри, будь осторожен! Как бы и тебя не постигла участь твоего деда!..

– Я готов дать вам расписку в том, что вы не несете за меня ответственность... Только отпустите с Юмашем!..

«Да, парень знает, что хочет, упорный, – с удовольствием отметил про себя Тевкелев. – Недаром рос и воспитывался в среде русских ученых, которые окружали когда-то тобольского правителя... Интересный парень! Какой только крови в нем не намешано: шведская, польская, русская...»

– Так и быть! Ступай, отпускаю тебя вместе с Юмашем. Вместе, понял?

– Пошли! – сердито буркнул Костюкову Юмаш. На подходе к чащобам Борсыка среди пологих барханов они увидели одинокий аул.

Русые волосы Костюкова были спрятаны под лохма-

той лисьей шапкой, на нем была казахская желтая шуба. Его теперь трудно было принять за русского. И все же Юмаш и Сергей въехали в аул с опаской.

У крайней юрты Юмаш подал голос:

— Есть тут кто-нибудь? Есть с кем перемолвиться словом?

— Дверь открыта, кто бы ты ни был, входи! — слышался в ответ ворчливый голос.

Юмаш и Костюков спешили, привязали коней и ступили через порог. В юрте было темно и дымно.

— Проходите на торь, — донесся до них тот же голос.

— Чей это аул? — поинтересовался Юмаш.

— Тулебая-шепелявого из рода маскаров.

— А сами вы кто будете? — не отставал Юмаш.

— Я-то? Я не коренной житель аула, пришлый я. Ювелир, зовут меня Зердебаем, — теперь в голосе чувствовалась улыбка.

— Что же вы делаете в этом ауле, чем занимаетесь? — продолжал расспросы Юмаш.

— Хозяйство мое — вот оно, эти черные мехи. Нет у меня ни овец, ни лошадей, так что пасти и гонять на водопой некого. Найду место, где рукам моим не дают бездельничать, там и останавливаюсь на время. В нынешнем году один бий держал у себя все лето, потому что готовил дочь к свадьбе. А увидел мои изделия Тулебай-шепелявый, перевез к себе. К его дочери, оказывается, посватался батыр, вот и намерен бай летом сыграть свадьбу. Попросил меня помочь подготовить девушке приданое. Теперь ведь не те времена, когда можно свободно ездить на базары Хивы, Бухары и Сайрама, чтобы купить шелк, парчу, украшения... Сейчас даже самым богатым людям приходится обращаться к таким вот ремесленникам, как я. Бай сказал мне, чтобы я сделал для его дочери и браслеты, и серьги, и ожерелья из серебра и золота. Потому-то вот я и дымлю здесь... Подойдите сюда, поближе, — пригласил ювелир молодых людей.

Костюков не отрывал взгляда от ювелира, от мехов, от вспыхивавших и тускневших угольев, от ковшика, в котором плавилось серебро, от небольшой, с лошадиную лодыжку, наковальни и маленького молотка... Все вбирал в себя взгляд, все охватывал с жадным и неподдельным интересом.

Где-то вдалеке слышался гвалт, крики и топот бегущих людей.

– Что там приключилось? – обеспокоенно осведомился Юмаш у ювелира.

– В прошлом году старший сын Тулебая отправился на базар в Уфу. Его схватили башкиры, обвинили в том, что он когда-то совершал на них набеги. Парень и сейчас еще томится у них в плену. Жена его была на сносях. Пришла ей пора рожать, но уже пять дней мучается, бедняжка, а разродиться никак не может. Местные знахари оказались бессильными помочь ей. В это самое время в ауле прослышали, что к султану Батыру приехал ученый человек, лекарь. Люди толкуют всяк по-своему: одни утверждают, что он из Бухары, другие – что из Хивы, а третьи – что из Герата. Больных заговаривает, обрезание делает, по книгам гадает... В общем, люди уверены, что он настоящий чудотворец! – Видно, лекарь и его чудеса вызывали у ювелира жгучий интерес, ничуть не меньший, чем у остальных аулчан. – Все больные и страждущие так и валят к нему. Но он, рассказывают люди, ни на шаг не отлучается из дома султана Батыра. Три дня подряд Тулебай посылал за ним гонцов, но ничего не добился. И что любопытно, многих он даже осматривать не берет, говорит: «Что-то в тебе сидит нечистое, кто-то тебя подзуживает на неуютное богу дело. То ли джинн, то ли гяур. Может, был недавно сотрапезником какого-нибудь иноверца или подошва твоих сапог коснулись его следа? Хворь твоя не от аллаха...» Вот так-то! Особенно строг и непримирим святой к тем, кто приезжает сюда из ближних аулов: «Вами овладевает зло и дьявол, опасность грозит людям, скоту, табунам и отарам, будете пребывать в покое и сытости, но и они не будут продолжаться вечно. Туманов будет много, болезней, лихорадки, напастей всяких...»

Люди его умоляют: «Ойбай, светлейший, неужто же дадите нам погибнуть, неужто нет у вас заклинаний от зла, снадобий и лекарств от болезней?! А он им в ответ: «Ваши беды есть и будут от нечистой силы, виною им отступники от святой нашей веры! В опасности не только вы, но и я! И не помогут нам ни жертвоприношения, ни лекарства, ни заклинания! Тут помочь может лишь одно: увидите неверного – убивайте его. Потом изжарьте его кости, растолките их в порошок, смешайте с его кровью и выпейте – это единственное снадобье. Если что и поможет, то лишь это!» От Тулебая-шепелявого святой тоже

отвернулся: «Неподалеку от твоего аула находится дьявол!» Но Тулебай так слезно упрашивал его, что святой сжалился все-таки и вот пожаловал!

Юмаш насторожился, а Костюков больше был заинтересован, чем напуган рассказом ювелира. Сергей начал тормозить своего спутника, словно торопил его пойти и взглянуть на все происходящее собственными глазами.

– Зердеке, тогда и мы сбегает, посмотрим на святого! – сказал Юмаш.

– Сходите, сходите, я бы сам к вам присоединился, да человеку, у которого раздуты мехи и плавится серебро, нельзя отлучаться надолго, – ответил им ювелир.

Вокруг юрт Тулебая, расположенных за аулом, толпилось множество людей. Юмаш и Костюков затесались между ними.

Юрта, где находилась роженица, тряслась так, будто в нее запустили сотню коров и заставили их бодать рогами стены. Затаив дыхание смотрела толпа на юрту, в которую недавно вошел святой.

Рябой мужчина, спутник святого, не закрывал рта, прямо-таки захлебывался:

– Вчера святой, после того как отбыл посланец вашего бая, долго не мог успокоиться – то вскочит с места, то сядет, то опять вскочит. До вечера метался, бормотал что-то, потом всю ночь, аж до самого рассвета, творил молитву и заклинания. А сегодня утром и говорит: «Около женщины, той роженицы, находится поблизости дьявол, злой дух, с каким никогда прежде мне не приходилось встречаться! Волосы у него светлые, глаза голубые, вроде бы на вид и спокоен, а руки и ноги людям вяжет! Мои добрые духи всю ночь шептали мне, остерегали: не ездить туда, опасно? Но как не поехать? Не сидится мне что-то спокойно, будто кто-то так и толкает, так и подзуживает: поезжай! Будь, что будет – отправлюсь в пасть к дьяволу!..» Да-да-да, прямо так и сказал мне святой. Только мы отъехали чуть от дома, святой как закричит, обратив свой лик к Мекке: «Ох, надо вернуться, надо! Чует мое сердце беду, уж и не знаю, не ведаю, останусь ли живым!» – А сам плачет, слезами обливается: «Есть у меня два духа-хранителя. Один всегда сопровождает меня, находясь по бравую руку, его имя Албет. Он никогда не отступался от меня, он всегда был рядом. Слева от меня – дух по имени Албат. Он сильнее Албета, но и строже,

и упрямее, обидчивее. Чуть ослушаешься его, тотчас же улетает с кличем: «Чу, Каракуйрык!» И теперь он меня покинул, унесся прочь. Хорошо, что хоть Албет остался со мной».

Всю дорогу святой обливался слезами и потом печалился: «Это дьявол закрыл своим пакостным мизинцем выход младенцу. Ох, не знаю, боюсь, справится ли с ним мой добрый Албет?..»

Из юрты неслись крики, вопли, рычание святого. Женского голоса слышно не было.

– Ох, бедняжка, дьявол ее не отпускает! Скрутил – звука издать не может! – охали, жалели роженицу старухи.

И вдруг из юрты выскочил человек. Лицо его блестело от пота, чалма в беспорядке, халат распахнут... Как подкошенный упал он на землю. Посох отлетел в сторону, кинжал с костяной рукояткой выпал у него из рук и с размаху воткнулся в песок совсем рядом с лицом святого.

Толпа в ужасе отпрянула. Святой лежал, колотил по земле кулаками.

– Албат! Албат! – вопил он, что было мочи, а потом стал жевать песок.

Люди схватились за ворота, зашептали молитвы. Святой сорвал с головы и отшвырнул прочь размотавшуюся чалму. На макушке осталась тубетейка, обвешанная косточками каких-то мелких тварей. Затем нащупал рукой кончик чалмы и начал наматывать ее на голову. Сделает моток и бормочет: «Этим, нетерпение, я связал твои руки-ноги... Этим, зависть, а этим, похоть, я тебя связал... А теперь, корыстолюбие, тебя...»

Костюков считал: святой обернул материю вокруг своей головы шестьдесят раз.

Потом святой сел, поправил чапан, снял пояс и семь раз завязывал и развязывал его, приговаривая: «Этим режу путь самоуверенности и открываю путь добродетели, этим закрываю путь гневу и даю путь терпению, этим преграждаю путь скупости и безбожию, этим освобождаю путь щедрости и набожности...»

Человек, только что походивший на безумца или дервиша, превратился в одно мгновение в благообразного святого.

Он снял с шеи четки из джидовых косточек и стал пальцами перебирать их, нашептывая себе под нос.

– А святой-то, слышал я, и мулла отменный! Знает все девяносто девять имен аллаха! – донесся до Костюкова восторженный шепот какого-то аксакала.

Между тем святой сидел тихо и неподвижно, будто задремал. Лишь слегка дрожали длинные ресницы и беззвучно шевелились губы. Когда он перебрал все косточки на четках, то стал едва заметно покачиваться из стороны в сторону и вдруг как завопит:

- Иа ил аллах ил аллах!
- Иа ил алла ил алла! – вразнобой подхватила толпа.
- Иа аллах! – загремел голос святого.
- Иа алла! – послушно повторила, будто отара овец проблеяла, толпа.
- Иа ху! – протяжно затянул он.
- Иа ху! – понеслось следом.
- Иа хак! – воззвал он, обратив взор к небесам.
- Иа хак! – вторил ему хор голосов.
- Иа хай! – грозно вытаращил глаза святой.
- Иа хай! – склонили люди головы.
- Иа каюм! – начал озираться по сторонам святой.
- Иа каюм! – замороженно пропела толпа.
- Иа каххар! – выкликнул он.
- Иа каххар! – прижали люди руки к груди.

Святой начал вдруг подниматься, вращать глазами. Шея его задвигалась с невероятной быстротой. Тело затряслось, задрожало мелкой дрожью, руки то вздымались вверх, то опускались на колени. Глаза его были вытаращены и, казалось, готовы были пронзить каждого взглядом...

Святой закружился в диком танце. Он весь ходил ходуном – его тело, голова, руки, ноги, чалма, одежда... Толпе чудилось, что это не святой кружится в стремительном, вихре, а земля и небо, и степь, и юрта с роженицей, и они сами. Святой вращался, вертелся как веретено, не зная устали, не ведая головокружения. Начала опять разматываться его чалма, ложиться на землю послушной змеей. Щелкнула застежка на поясе, и святой упал на землю. Он вынул из песка кинжал и поднес его к самым глазам. Стальное лезвие под его взглядом сначала почернело, потом посинело, стало краснеть, будто его держали над огнем. Когда оно должно было вот-вот расплавиться, святой издал мощное «пфу», плюнул на него, и лезвие зашипело.

Он поднес лезвие к чапану, и чапан задымился; запахло гарью. Он стал лизать его. Каждый раз, когда он касался лезвия, языком, толпа издавала громкое «ах!» Святой схватил кинжал зубами и вдруг прыгнул на шанырак юрты. Вынул кинжал изо рта, взял его в руки и стал делать движения, будто точил лезвие о солнце. Он издавал какие-то бессмысленные вопли, заклинания, потом опять пустился в пляс. Войлок под его ногами слетал, соскальзывал с остова юрты на землю. Скоро от бело-снежной юрты остался один лишь деревянный остов, окрашенный в красный цвет.

Взору всех предстала женщина, которая повисла на столбе, к которому была привязана за руки. Она по-прежнему молчала.

– Албат! Албат! – начал звать святой. – Албат! – надрывался он в крике.

Потом он сделал огромный прыжок и очутился в середине толпы, схватил за руку Юмаша и потащил его за собой.

Обомлевший Юмаш покорно следовал за ним и через мгновение оказался перед роженицей. Святой резким взмахом кинжала ударил Юмаша по затылку, и его голова начала медленно клониться вниз.

Роженица испустила пронзительный крик, и в тот же миг раздался писк младенца. Голова Юмаша, кажется, уже готовая скатиться на землю, снова будто приросла к позвоночнику. Она опять держалась на плечах Юмаша прямо и гордо.

Святой ловко вскочил на коня и, размахивая кинжалом, погнался за кем-то только ему одному видимым.

И звал, громко звал:

– Дорогой мой Албат, мой дорогой Албат! Я твой раб, Албат!

Толпу будто расколдовали. Женщины кинулись к молодой матери, несколько человек помчались с радостной вестью к юрте Тулебая, многие окружили Юмаша.

– Господи, ты живой?

– А с чего бы мне быть мертвым? – выставил грудь колесом Юмаш.

– Что ты почувствовал, когда он рубанул тебя кинжалом?

– Эй, парень, больно было?

– Отсекал он тебе голову или нет?

– Помнишь что или память отшибло, чего молчишь? – неслись со всех сторон нетерпеливые вопросы.

– Помню, помню! И голова, и память у меня в порядке! Он сначала глянул на меня, не по-доброму, с неприязнью глянул, потом ударил ребром ладони – не кинжалом, конечно, вы что, спятили в самом деле? Да, да ребром ладони. Мне было больно, ох и больно! Я склонил голову, и тут в ноздри мне шибануло потом, у-у-ух, до чего противно! Потом, помню, раздался женский крик, потом детский плач. Вот и все. Шея до сих пор болит, что правда, то правда!

Люди стали расходиться, разочарованные, даже обиженные рассказом Юмаша. Они не знали, верить парню или нет.

Юмаш и Костюков без промедления вернулись в свое становье. Рассказ их произвел на все посольство большое и тяжелое впечатление. Казаки, башкиры, хан Абулхаир и посол Тевкелев заставляли Юмаша и Костюкова рассказывать и пересказывать все, чему они были свидетелями.

Посол и хан насторожились. Абулхаиру теперь стала ясна подоплека новости, которую незадолго до этого принес ему Нияз. По степи пополз слух: надо, мол, выцедить кровь из этого посла неверных, да к тому же еще отступника от святой мусульманской веры... Бродяга этот скорее всего из Хивы, прикинул Абулхаир, ибо его поведение больше всего напоминает «чудеса», которые дервиши ордена бекташ вытворяют на глазах у простаков. Если так, значит, послал сюда этого проходимца хивинский хан.

«По своей воле действует хан или нет? Ведь он одобрил мои замыслы и планы, сам был не прочь примкнуть ко мне? Скорее всего по воле инаков – предводителей родов в Хивинском ханстве, инаки там самые влиятельные люди, они смещают и назначают ханов... Но и самые отпетые негодяи! Это они разрушают все мои планы! Как они только разгадывают их, чутье у них прямо собачье! Расстраивают любую мою хитрость!..»

После того как военные отравили в Хиве хана Шергазы – убийцу русского посла, Абулхаиру удалось посадить на хивинский трон своего младшего брата Мамайя. Мечтал Абулхаир держать Хиву под своим влиянием. Не повезло! Когда Мамай ехал на пятничный намаз – лошадь сбросила его, а он убился насмерть. Случайность то была

или нет, узнать не удалось. С помощью интриг и уловок Абулхаир сделал хивинским ханом Батыра, своего зятя. Батыр через полгода понял, что он не угоден Хиве, и, опасаясь за свою жизнь, тайком, ночью, бежал из города.

Когда хивинцы в поисках человека благородных кровей для своего престола опять пожаловали к казахам, Абулхаир послал к ним Жолбарыса, дочь которого была сосватана им для его второго сына.

Судя по всему, инаки и гулямы¹ начали прибираться к рукам и его свата Жолбарыса. Они боятся, что русские могут объявиться у них. Знают: если русские остановили нынче своих коней в казахской степи, то завтра они окажутся в Хиве. И тогда за все рассчитаются с убийцами – наступит расплата за содеянное над русскими людьми злодеяние. Где уж тут им радоваться желанию казахского хала принять русское подданство! Хотят теперь окунуть в кровь руки казахов, чтобы не только собственные их руки были замараны кровью... Вот нашли себе орудие – султана Батыра. Слепое орудие и послушную игрушку.

«Батыр... Батыр... Что движет им? Неужто у него снова разгорелись глаза на хивинский трон, с которого он когда-то бежал трусливо, по-воровски? А возможно, не хивинцы вовсе натравливают на меня Батыра, а сам он науськивает их?..»

Видно, Батыр догадался, почему я так стремительно снялся с места и перекочевал на Арал. Не хочет, ох как не хочет Батыр моего возвращения. Того, чтобы я был в глазах русской царицы единственным вершителем политики. Не желает, чтобы я подтолкнул принять подданство еще и каракалпаков, и хивинцев. Вот он и мутит воду, с него станется! Стращает хивинцев: «Русские идут отомстить вам за пролитую вами кровь!» Хивинцы решили избавиться от русского посла казахскими руками, потому и будоражат народ с помощью разных пройдох...

Надо помешать Батыру, разрушить его коварные замыслы – во что бы то ни стало! Нельзя сидеть сложа руки. Надо действовать!..

Батыр ни разу не высказывался прямо – за он или против того, чтобы просить покровительства России.

¹ Гулямы – офицеры личной гвардии властителей на Востоке.

Необходимо прежде всего прощупать его. Для этого надо как-то хитро подступиться к нему... Честолюбив Батыр сверх всякой меры, очень тщеславен и самолюбив... Значит, нужно передать ему: русский посол интересуется, где же сын знаменитого хана Кайыпа, который имел самые добрые отношения с русскими, что же с ним такое, почему его не видно... Примчится Батыр как миленький, непременно примчится. И тем поставит себя в неловкое положение перед своими же союзничками... А не захочет приехать, заартачится – стало быть, обнаружит свое истинное лицо перед русской царицей.

Если Батыр даст присягу, это будет вода на мою мельницу! Глядишь, и Младший жуз тогда дрогнет: «Что нам терять, все ведь идут искать защиты и покровительства у России?» А там и потомки Жадика из Среднего жуза придут.

Надо, пожалуй, собрать мне еще разок моих единомышленников на совет. Да, и еще томит меня печаль о Таймасае... Долго нет вестей от бия Даумбая. Как там, увенчались успехом или нет его переговоры с Сырлыбаем?»

Абулхаир послал джигитов к Букенбаю, Есету, Кудайназару и другим биям.

Собравшись, они после долгих споров решили отправить к султану Батыру Букенбая и Нурали, как только хивинский шарлатан покинет его дом.

Так и сделали. Приехали к Батыру и сказали ему:

– Мы к тебе, султан, прибыли не просто так, а чтобы развеять недоразумение, исправить оплошность, которую допустили нечаянно, безо всякого умысла. Русский посол, наш гость, что ни день, интересуется тобой, все дознается, почему ты до сих пор не показался ему. Мы признались ему: «Ойбай, наша вина, ведь султан встречал вас!» Он на нас обиделся: «Почему же вы не познакомили нас?» Господин посол изо дня в день твердит: «Пусть приедет, хочу повидаться, познакомиться!»

Нахмуренный лоб Батыра разгладился, глаза заблестели. Однако он изо всех сил старался казаться безразличным к подобной чести.

– Зачем русскому послу Батыр, коли не был нужен Кайып? Сами, наверное, ему подсказали!

– Да как можно! – воскликнул Букенбай. – Посол не на нас одних в обиде, но и на тебя тоже, султан. Он все

недоумевают: потомок знатного рода, который не раз оказывал гостеприимство русским послам, ни разу не явился к нему?.. Если ты не пожелаешь поехать, не знаю уж, что он и подумает, – продолжал Букенбай. – Судя по его заявлениям, только ты и Абулхаир и есть те люди, к которым русский посол направился, на чью поддержку рассчитывал.

Султан долго размышлял, потом решил:

– Ладно, хотя и у нас есть обиды на этого господина, но эти обиды свои я выложу ему сам!..

Батыр повел речь прямо с порога, без обиняков:

– Мы полагали, что белая царица не пошлет послом к такому большому народу, как наш, человека, который не знает наших обычаев и правил. Или, может, вас сбили с пути истинного какие-то шайтаны?.. Наши, местные, а?.. Я слышал, что вы раздариваете подарки всякой черни, набрасываете им на плечи чапаны, суετε гостинцы... – Батыр распалялся все сильнее. – Я долго ждал, что вы если не меня самого уважите, а я ведь один из двух, кто держит бразды правления в Младшем жузе, то хоть уважите память моего отца Кайыпа! Он ведь дружил с русскими, переписку вел с Петром Великим! Надеюсь, что пригласите меня, окажете внимание, почет... Но долго что-то не проявлял господин Тевкелев интереса к моему аулу. Потому я сам сюда пожаловал.

Тевкелев посмотрел на Батыра с высокомерным недоумением и ледяным тоном ответил ему:

– Султан, наверное, только господь бог знает и ведает все правила и обычаи. Кто из смертных сравнится с ним?.. Я же хорошо усвоил, по крайней мере, одно общее для всех правило: воспитанные, сведущие в правилах, обычаях и этикетах люди сами приезжают к нам, сами приглашают на свой торь, уважая во мне, ничтожном, представителя могущественной русской короны. Вы не последовали примеру людей воспитанных. Я нахожусь здесь уже несколько месяцев. Вот я и решил: наверное, неспроста не кажет глаз благородный султан Батыр! Неспроста! Самому к нему ехать – боюсь унижить этим свою венценосную царицу. Сюда позвать и подарок вручить – не унижу ли этим высокородного султана! Ждал я, ждал и раздал скромные дары тем, кто явился раньше...

Растерялся Батыр, не знал, что ответить: не помогли ему ни предки, ни их духи, ни знатность.

– Может, у других народов так оно и есть. У нас же свои правила, у нас все по-иному. Гость заботится и заранее думает и человеку, к которому едет. Гость готовит подарки! – продолжал напирать Батыр, не замечая, что этим он обнаруживает перед всеми дурной характер и глупость.

Посол не мог скрыть иронической усмешки. Букенбай и Нурали в смущении почесывали затылки.

– У нашей императрицы хватит и подношений, и милостей разных для всех, кто ее чтит. Однако я знал, что дорога предстоит длинная, зима на носу, потому не мог я захватить подарков так много, как хотелось бы. – Тевкелев подошел к своему сундуку.

Батыр даже не взглянул на кусок добротной ткани, который бросил перед ним посол. Тевкелев бросил еще один. Султан взял подарки и заговорил опять:

– Мы слышали, для байбише в ханской ставке вы привезли платье из белой парчи, какую носит сама царица. Если байбише – жена тюре, то наша жена – дочь тюре. Почему же здесь нет причитающейся ей доли?

Посол не ограничился парчой для жены Батыра, но и поднес кусок сукна тончайшей выработки султану Нурали. Ханзада поблагодарил Тевкелева почтительным поклоном головы...

Встреча закончилась тем, что оба султана подписали царскую грамоту, приняли присягу на верность России! Батыр дал обещание ежегодно платить налог – тысячу лисиц и тысячу корсаков. Нурали со своей стороны обязался поставлять императрице в год тысячу лисиц...

Весть о том, что Батыр, – один из тех, на кого в степи оглядывались многие, – сам навел русского посла, да еще принял русское подданство, разлетелась по степи. Крепко задумались предводители тех родов, которые не желали склонять голову перед Россией, которые еще вчера были настроены враждебно против замысла Абулхаира. В тяжелое положение они попали! Как им теперь быть, куда деваться, если сам султан Батыр дал клятву?

Для Тевкелева было загадкой, почему султан Батыр так долго не являлся к нему. Не меньшей загадкой было и то, что он явился и еще поставил свою печать под грамотой. Чего он добивался, почему медлил, упрямылся?

Как ни бился Тевкелев над этими загадками, так и не нашел к ним ключа: «Чудной народ, ох чудной!»

Тевкелев подсчитал подписи – теперь их было около семидесяти. Но можно ли верить им? Сегодня они одни, завтра – совсем другие... Какие же они на самом деле?

Спустя три дня после нежданного визита Батыра произошло еще одно незаурядное событие. Тевкелев поначалу глазам своим не поверил. К его юрте подъезжали десять всадников во главе с Даумбаем. Они не торопились. Мирно переговаривались между собой. И среди них был Таймас!

Таймас, увидев своих, заулыбался во весь рот.

Один из всадников привлек к себе общее внимание. Был он огромен как гора. На нем был необыкновенно пушистый лисий тымак, необыкновенно пышная волчья шуба. Обветренное пухлое лицо было похоже на темный бархат. Когда он спешился, его конь оказался едва ли не по грудь ему! Великан!

Тевкелев сдержанно поздоровался. Пригласил всех в юрту. Сам сел на почетном месте.

Даумбай одного за другим представил гостей. Тевкелев поблагодарил их за то, что они освободили Таймаса. Каждого одарил синим сукном.

Огромный темнолицый детина – это был Сырлыбай – воскликнул:

– Эй, Даумбай! Посоветуй этому ногайцу поглубже засунуть руку в сундук. Там нет скорпиона, никто его не ужалит!.. У меня не отшибло память, я не забыл, что его людишки три недели назад убили моего племянника! У нас один закон: кровь за кровь! Я решил было этого самого молодца, что теперь совсем потерял голову от счастья, в день сороковин отвести к траурному очагу и без лишних слов полоснуть его ножом по горлу. Вы умоляли меня, уговаривали, внушали, что нельзя подводить мне весь народ! А надо проявить милость! Я вас послушался: как-никак мы родичи! И что же видят мои глаза? – возвысил голос чуть ли не до крика Сырлыбай. – Выходит, плата за мою доброту и мое великодушие – эта тряпка? Я пролил из почерневшего от гнева сердца моего половину крови своей, простил разбойника, а что же я наблюдаю здесь? С какими глазами вернусь я завтра в свой аул, если не будет на моих плечах чапана? Или же все вы тут не сородичи мои, а заклятые враги? Зачем ты затащил меня сюда, Даумбай? Или держал какую тайную обиду на меня и теперь вот решил отплатить мне, предать позору? Если не можешь заставить этих, – он кивнул на Тевкелева, – слушаться себя, зачем берешься посредничать?

Тевкелев вынул из сундука еще один кусок сукна для Сырлыбая. Лицо вздорного великана смягчилось:

– О аллах, это же я отдам тем, кто ждет меня, глядя на дорогу. Ну, а мне самому? Не отправляться же отсюда с пустыми руками? – И вдруг Сырлыбай ткнул пальцем прямо в посла. – Давай мне такую же одежду, как на тебе! Мне она нравится, вон как блестит, переливается! А синие тряпки у тебя все получают – и те, кто не терял племянников, просто за «ассаламалейкум»...

Тевкелев молча снял украшенный серебром пояс и бросил его к ногам бия. Стянул ярко-красный суконный чекмень и, встряхнув за плечи, положил поверх пояса. Затем снял бархатный бешмет.

– Ну вот, давно бы так! – заулыбался Сырлыбай. Лицо его засияло, будто смазанное маслом. Он совсем размяк и заговорил тихо, спокойно, будто не он только что кричал: – Вот я и говорю: если сделал добро, так должно быть тебе и вознаграждение за это. Если я не приеду в аул в дорогих одеждах, любой будет смеяться мне в лицо! Прохода давать мне не будут язвительными речами да укоризненными взглядами!

Неизвестно, сколько разглагольствовал бы еще бий, но открылась дверь и в посольскую юрту вошли несколько человек:

– Ассалаумагалейкум! – вразнобой, но бодро приветствовали они Тевкелева и его гостей.

Это были казахские аксакалы и карасакалы во главе с Абулхаиром и еще один человек, который отличался от них своей одеждой и обликом. Потеснились, уступая место вновь пришедшим. Поздоровались, узнали, что Абулхаир-хан привел посла калмыцкого тайши. Посол следовал к хану Самеке, в Средний жуз, но узнав, что поблизости находится ставка русского посла, решил навестить его.

Казахи обрадовались калмыку. После обычных вопросов и обмена приветствиями они приступили к расспросам, суть которых была одна: что же такого хорошего получают калмыки от русских царей и России? И есть ли вообще какой прок от подданства?

Посол показал себя во всей красе: был в своих ответах уверен и убедителен. Казахам поразило, что его слова, его доводы совпали с тем, о чем много раз говорили Абулхаир и Букенбай. Сдались под конец, сникли даже

те, кто поначалу пытался смутить калмыка, ставил ему ловушки, подковыривал, всячески выказывал недоверие. Обвисли насмешливые усы, погасли ехидные взгляды...

Напоследок калмыцкий посол сказал:

– Вы можете верить или не верить мне. Но подумайте сами: дали бы другие народы малочисленным калмыкам обитать на зеленых пышных лугах, пить воду из двух полноводных рек? С одной стороны – черкесы и ногайцы, с другой – башкиры, казахи, туркмены!..

Нечего было возразить биям на это! Они задумались, приумолкли. Оставаясь внешне бесстрастными, Тевкелев и Абулхаир в душе торжествовали.

Казахские бии молча покинули юрту, молча сели на коней, молча разъехались.

Тевкелев долго смотрел вслед удалявшимся всадникам и, недоумевая и изумляясь, размышлял: «Неужели же этот горластый Сырлыбай держал у себя Таймаса из-за каких-то тряпок? Или же он не решился расправиться с человеком белой царицы по какой-то иной, более веской причине? Сначала умыкнул его среди бела дня, потом, хоть и после уговоров, но привез сам. Что же это – умысел или безрассудство? Хитрость или безответственность? И если бы подобным образом вел себя только один человек, а то ведь многие так делают, непонятно! Что, если казахам вообще нет дела до меня самого и моего посольства, а движут ими совсем иные причины? Не хотят, например, подчиняться Абулхаиру, хотят, напротив, нанести урон его авторитету и власти?.. Как бы то ни было, казахская верхушка уже не артачится как прежде, какой бы вздор ни несли здесь Батыр или Сырлыбай. Нет, нет, не зря они являлись сюда. Не просто за подачками. Что-то за всем этим кроется, что-то таится...

Дела наши идут не так уж плохо! Очень кстати явился сюда этот калмык. Его слова окажут на казахов большее воздействие, чем слова мои или Абулхаира. Завтра же будут передаваться из уст в уста... Хорошо! А каков молодец! Как ловко и убедительно калмык доказывал свое, как умело отбивал атаки недоброжелателей. И самое главное – это то, что в словах и доводах его была правда. Потому-то и был посол так убедителен!»

Калмык заночевал у Тевкелева. Они проговорили всю ночь.

Теперь Тевкелев был готов к разговору, понимал, что ему надо вызнать, до чего докопаться, и потому задавал гостю вопросы точные и конкретные.

Тевкелев узнал от калмыка, что окружение Абулхаира поредело неспроста, а в результате козней и интриг султанов, особенно из рода Жадика. Зависть гложет их, страшная зависть к умному, незаурядному хану и военачальнику... Они спят и видят, как бы им переманить на свою сторону султана Батыра, живущего в улусе Абулхаира и к тому же находящегося с ним в близком родстве. Уповают султаны на длительную вражду между родами Абулхаира и Батыра, которая должна, по их расчетам, перевесить и родство, и близкое соседство...

«Да, в этой глухой и голой степи бьется невидимый глазу пульс, в Петербурге называющийся политикой!.. — понял Тевкелев.

Он начал понимать, почему он оказался здесь, на восточном побережье Аральского моря. Замысел хана открылся перед ним во всей его простоте и сложности. Если дело обернется худо, намекнул ему калмык, Абулхаиру легче вернуть русского посла на родину не через Уфу, а через улусы Букенбая и Есета: они кочуют совсем близко от калмыков...

— Этот хан привык все взвешивать, предусматривать заранее. Потому остальные султаны так и ненавидят, и боятся его. Хитрый и дальновидный человек, — с этими словами калмыцкий посол распрощался с Тевкелевым. Миновала первая половина декабря. Земля, раскисшая от долгих и нудных дождей, застыла под студенными ветрами.

Обитатели ханского аула насыпали вокруг юрт высокие земляные валы. Глядя на них, то же самое сделали и русские, и башкиры из посольства. Казахи с утра до вечера пребывали в суете и оживлении: забивали верблюдов и жеребят, смолили бараньи туши, обрабатывали шкуры. Байбише принаряжались и усаживались на спины верблюдов, застеленные мягкими потниками. Женщины отправлялись в гости к родственникам, прихватив с собой подарки и часть зимнего убоя. К ханскому аулу то и дело подъезжали люди, вели на поводу жеребят, тащили туши баранов и овец.

Хан величаво сидел на торе в лисьей шубе и всем, и каждому говорил:

– Нынче у нас есть почетный гость. Не оставьте и его без согума¹.

В русское посольство стали наезжать гости с овцами и жеребятами. В эти радостные, праздничные дни, когда гостевание становится основным содержанием жизни любого аула, Абулхаира не покидали думы и заботы. Он думал не о тушах и других дарах, что везли и несли казахи в его аул, а о событиях, которые уже миновали или происходили в степи неслышно и невидимо.

Казахи, простой народ, уже не были так враждебно настроены. Это так. Не появлялись больше «святые», что баламутили темных людей по наущению темных душ. Но Батыр никаких сигналов или знаков о себе не подавал. Его жена, каждый год в это самое время присылавшая сыбагы Абулхаиру и остальным родственникам, нынче такого уважения пока не проявляла. Почему? Видно, посещение Букенбая и Нурали и то, что за этим последовало, далось Батыру не просто. Только теперь он, похоже, понял, в какой капкан угодил: сам явился к русскому послу, дал присягу.

Надменный и глупый Батыр, с одной стороны, породил недоверие у своих сторонников, с другой – желание последовать его примеру! Вызвал насмешки у своих врагов и недоброжелателей... Теперь и калмыцкий посол распространит в Среднем жузе новость о том, что султан Батыр принял русское подданство.

Абулхаир под любым предлогом посылал гонцов к аральцам, каракалпакам, хивинцам, во все уголки степи отправлял своих людей под видом путников, потерявших своих верблюдов и коней, посылал с одной и той же вестью: султан Батыр добровольно дал присягу русской короне. Пусть остальные соображают, прикидывают, взвешивают, как им теперь следует поступать...

Абулхаир был озабочен также тем, чтобы в глазах Тевкелева, а стало быть, и русской царицы, он сам и его старания выглядели должным образом. Хорошо, если будут прибывать все новые и новые главы родов и племен, однако плохо будет, если они будут направлять свои стопы прямо к Тевкелеву, минуя его, Абулхаира. А такое вполне может случиться: его враги уже спохватились, начали понимать выгоду и неизбежность подданства... Но

¹Согум – заготовка мяса на зиму.

враги его поставили себе цель – во всем и всегда унижать, игнорировать Абулхаира. Для них теперь важнее всего предстать в глазах русского посла людьми, которые самостоятельно, независимо от Абулхаира приняли мудрое решение. Вдруг русская царица предпочтет иметь дело с сильными тюркскими из рода Жадика?..

Надо опередить события и послать им такое известие, которое еще больше оттолкнуло бы их от русских...

А вот что касается каракалпаков, то их следует подтолкнуть под русское крыло таким образом, чтобы господин посол стал свидетелем его, Абулхаира, великих заслуг перед русским тронном... Потом и жадиковские потомки будут вынуждены вслед за Младшим жузом, Батыром, каракалпаками принять подданство.

С каракалпаками тоже все было не так просто. Они были разделены на две враждующие половины, одна из которых находилась под его полным влиянием, вторая же не хотела его признавать. Но если склонить к этому делу одну, вторая в конце концов примкнет, не захочет остаться в стороне от почета и подарков! Ох, уж эта человеческая натура! Душу из себя каждый готов вынуть, чтобы только похвалиться перед другим: «Тебя господин Мамбет одарил чапаном из бархата, а меня – из парчи! Куда тебе до меня!»

Однако следует предупредить каракалпаков, чтобы они ни соглашались сразу на все условия русских. Никто не должен выглядеть в глазах русских более ревностным и преданным, чем он, Абулхаир.

Послу нужно тоже внушить, чтобы он не требовал от каракалпаков принятия всех условий, главное – чтобы они согласились стать подданными. Только бы Тевкелев послушался. Должен послушаться – спеси в нем поубавилось, трезвее взвешивает обстановку, лучше понимает что к чему. К тому же ему невыгодно возвращаться к своей царице с полупустыми руками, так что хочет он того или нет, а слушаться ему придется!

Абулхаир послал Мырзатая в аул Кара-батыра с наказом, чтобы тот пригласил русского посла к себе в гости, а то ни одной юрты, кроме ханской, он еще не видел.

Вскоре Тевкелев и Абулхаир были приглашены на угощение к Кара-батыру. И за сладким чаем Абулхаир обронил как бы мимоходом:

– До меня дошли слухи, что вот-вот придет посол от

каракалпаков. Но они считают для себя затруднительным платить ясак и давать заложников.

Тевкелев насторожился, и хан добавил:

– Не думаю, что они будут долго упорствовать. Примут подданство, а там, куда им деваться...

Русский посол промолчал, будто пропустил слова хана мимо ушей.

Спустя пять дней в аул Абулхаира прискакали всадники в лохматых черных шапках. Это были послы каракалпакского хана Кайыпа и их главного пира¹ Мурата-шейха Сеита-ходжи. Они привезли с собой письмо. В том письме было написано:

«Благородному и светлейшему послу Ее императорского величества господину Мамбету. Мы, хан каракалпаков Кайып-хан и главный пир Мурат-шейх, услышали о том, что казахские ханы и султаны приняли подданство России. Шлем послов и выражаем желание стать подвластными подданными государыни императрицы».

Отправляя послов, и хан, и пир повелели им: «Советуйтесь с Абулхаиром, во всем слушайтесь хана! Без его согласия не делайте ни шага. Условия, которые принял он, примем и мы».

И каракалпаки стали советовать...

– Мы приняли присягу первыми и не все условия изучили должным образом, погорячились. Мы жалеем, например, что дали согласие платить налог и поставлять заложников, – сказал им Абулхаир. – Вам лучше заранее осведомиться об условиях. Не спешите давать присягу, повремените, попросите на раздумье денек-другой.

Каракалпаки поступили в точности, как наставлял их Абулхаир. Узнали условия, попросили время на размышления и советы.

Ночью, тайком от русского посла, наведались к Абулхаиру.

– Завтра дайте согласие на подданство, но от остальных пунктов отказывайтесь.

Каракалпаки и на этот раз поступили так, как продиктовал им хан.

И опять явились к нему за инструкциями.

– Завтра сделайте то же самое. Согласится посол –

¹ Пир - духовное лицо.

хорошо, не согласится – попросите еще денек отсрочки, а потом, если он упрется, – соглашайтесь на все условия!

Тевкелев не стал настаивать и уламывать каракалпачков, принял у них присягу, одарил подарками.

Абулхаир был доволен. Был доволен и Тевкелев: еще один трудный шаг сделан! Шаг, который повлечет за собой и другие шаги... «Это главное! А не то, что хан Абулхаир ведет какую-то закулисную игру, шепчется по ночам с каракалпачскими послами, не исключено, что и подзуживает их! Разумеется, Абулхаир помог привести их к присяге, но не удивляюсь, если этот великий хитрец отговорил их принять все наши условия! Да бог с ним! Мы делаем большую политику, а частности сейчас не так уж и существенны...» – Тевкелеву помогали рассуждать так не только интуиция и опыт. Башкиры из его посольства сумели сблизиться с ханской челядью, как ложка с маслом, и многое знали, многое слышали.

Теперь у него, Тевкелева, уже не пустая сума! Можно без стыда предстать перед матушкой царицей. Абулхаир, султан Нурали, султан Батыр, каракалпачский хан Кайып, многие бии. Да, сума не пустая!...

Уехали каракалпачки, и Абулхаир вместе с Букенбаем предложили Тевкелеву направить послов – казахских и русского – к хану Самеке в Средний жуз. Пусть и он определяется – пришла пора.

Тевкелев оценил их предложение и послал от себя Таймаса и еще двух башкир, набив их коржуны разным добром. Чего там только не было – и шелк, и парча, и сукно, и выдра, и куница, и кожа, и шубы...

Букенбай остался на ночь в юрте Тевкелева. Они мирно беседовали, сидя около горящих углей, насыпанных в железное корытце. В отсветах огня лицо Букенбая показалось послу усталым и осунувшимся. Но батыр был таким же благожелательными как и прежде, охотно поддерживал беседы, как всегда, просвещал своего русского друга:

– Наш народ, господин Мамбет, следует делить на три орды: Старший, Средний и Младший жузы. Старший жуз сейчас находится далеко, у самой Бухары. Им правит хан по имени Жолбарыс, он родной брат хана Абулхаира. У нашего хана есть еще три брата: Нияз, Мамай и Кылык – Мухамбет. Ох, совсем сдурел – Мамай уже нет в живых. Погиб, будучи ханом Хивы... Три других брата не правят

никакими улусами. В руках потомков Усеке власть над Старшим и Младшим жузами... Потомки Жадика властвуют в Среднем жузе. По количеству людей и по богатству он является самой богатой и многочисленной казахской ордой. Там заправляют два хана – Самеке и Кучук и два султана – Барак и Абулмамбет. Батыр, которого ты знаешь, тоже из рода Жадика, но его племя находится в Младшем жузе неподалеку отсюда. – Тевкелев видел, что Букенбаю доставляет истинное удовольствие вводить его в хитросплетения казахской генеалогии, открывать путаницу родов, племен, улусов и орд, совершенно непонятную непосвященному человеку. – В прежние времена казахские султаны владели Ташкентом, Сайрамом и Туркестаном и получали налоги с тамошних земледельцев. Нужду в хлебе и одежде степняки восполняли в этих городах. Теперь они в руках джунгарского контайджи.

Раньше казахи не были разбросаны, как сейчас, а зимовали и летовали все вместе. Два раза и год собирались на большие советы, на них съезжались все три орды, да-а-а... Вот было времечко: раздолье, гостевание, радость... Если говорить по правде, сейчас у нас нет связи со Старшим жузом, уж очень он далеко! А вот Средний и Младший жузы продолжают собираться на свои советы, да только, ясное дело, теперь они проходят не так весело. – Букенбай тяжело вздохнул, задумался, покачал головой. – И еще распри... распри между султанами, особенно после битвы при Аныракае. Конечно, люди двух этих жузов и сейчас дружат меж собой: праздники и поминки проводят вместе... Прежде как было? Если у джигита, к примеру, родственники матери были из Старшего жуза, то родственники жены были из Среднего жуза. Мы нарочно опутывали себя узами родства. Теперь не так. И это очень плохо, ибо нарушается привычный порядок вещей... Народ слабеет, теряя родственные связи и узы.

Воспользовавшись паузой, Тевкелев задал давно томивший его вопрос:

– А взимает ли хан какие-нибудь поборы с самих казахов? Есть у вас налоги?

– Если не считать ханского налога, который взимается при решении споров, сыбаги – в зимнее время, когда идет убой скота, лау – при выезде куда-либо в поход и угощения для гостя, то у нас нет налогов. Никаких ежегодных поборов за каждый дым или там за каждую жи-

вую душу – нет. Потому-то у нас в степи каждый сам себе голова! Каждый – хозяин, каждый – господин своего – пусть даже небольшого – добра и семейства. Вот и развелось у нас столько неслухов: чуть что – откочевывают подальше, да еще при этом приговаривают: «Что мне твое ханство, на кой черт мне твоя власть!»

– Сколько же сейчас всего казахов, хотя бы приблизительно?

– Наверное, не больше восьмидесяти тысяч дымов.

– Абулхаир считается у вас главным ханом. Но ведь его улус, – Тевкелев замялся, – маловат... для главного хана...

Глаза Букенбая сверкнули.

– Прежде главный наш хан сидел в Туркестане на золотом троне. Он проводил совет всех трех жузов, его слово было решающим, когда обсуждалось положение и дела всех казахов! После Тауке у нас не было и нет хана более авторитетного, чем Абулхаир. Его называли ханом еще при Тауке. Ни один из тех, кто называется у нас ханом и султаном, не имеет перед народом столько заслуг, сколько Абулхаир. Он участвовал во многих решающих битвах с джунгарами и побеждал. Бил и джунгар, и калмыков. Два года назад народ провозгласил его своим главным сардаром, поднял на белой кошме. – Букенбай закрыл глаза, воскрешая в памяти те славные дни. – Так что войско находится в его власти. Ну, а тюре да ханы... – он досадливо поморщился, махнул рукой. – Раздоры и вражда из-за трона есть, наверное, у любого народа. Есть и среди казахов. У Абулхаира много завистников. Злобствуют они, ненавидят его. Мутят против него народ, народ у нас доверчивый, сами имели возможность убедиться! – Букенбай сокрушенно вздохнул. – Строптивый у нас народ, вот и шарахается, что конь необъезженный, при слове «подданный». Да только иного пути у нас нет... – Букенбай бросил на Тевкелева пронизательный взгляд, словно отгадал тайные его мысли и сомнения. – Если завтра придет час мстить кровному нашему врагу – джунгарам, мы опять вручим боевое наше знамя Абулхаиру – и никому другому!

Тевкелев запоминал каждое слово Букенбая, неотрывно следил за выражением его лица: Букенбай всей душой был за Абулхаира.

– Батыр, а в каком родстве находитесь вы с Абулхаиром? – неожиданно переменил он тему разговора.

– Абулхаир сын старшего брата моей матери Куттыбике. По отцовской линии мы с ним совсем чужие, но по матери – очень близкие родственники, ибо рождены от дочери и сына одного человека.

Тевкелев пытался разобраться в родственных отношениях, которые принялся со вкусом описывать, перечислять ему Букенбай. Переспрашивать, и тем самым прерывать нить рассказа, Тевкелев не решился. Да не такими уж и важными представлялись ему подробности и детали того, кто кем кому приходится, по какой линии тот или иной родственник. Он понял главное: этот разрозненный, разбросанный по степи народ объединяет не власть ханов или тюре, а родственные связи, понятие, что ведут все они свое начало от одного отца и одной матери. Объединяет кровь, родственные привязанности и любовь. И, пожалуй, чувство долга перед родственниками и родом. Абулхаир, судя по всему, намерен для достижения своей цели использовать не только волосяной аркан власти, но и шелковую нить родства. Перед мысленным взором Тевкелева возникло холодное, непроницаемое лицо, пронзительный взгляд и нахмуренные брови хана. За всем этим скрываются бурлящие в глубине его души страсти. В дневнике Тевкелев сделал запись всего, что узнал из рассказов Букенбая.

Тевкелева навестил Абулхаир и без долгих вступлений посвятил его в свой план послать Нурали к хану Хивы с предложением принять русское подданство. Был у него еще один замысел – пропускать в Россию через свой улус караваны Бухары и Хивы.

Тевкелев смекнул: Абулхаир не прочь, оказывается, прибрать к рукам не только казахские улусы, но и соседние ханства! Если в его руках окажутся караванные пути Бухары и Хивы, со временем он может вступить в белые дворцы этих ханств и занять их троны. Не исключено, что Абулхаир замыслил подчинить своей власти эти народы, запугивая их гневом русской царицы. Подчинить, а потом держать в страхе джунгар.

«Далеко, однако, простираются замыслы правителя маленького улуса, вынужденного в настоящее время спасаться на забытом богом и людьми клочке земли, полуостровке размером с ладонь!

На лице хана нет и тени смущения, неловкости или колебания. Весь собран в кулак... Такой, можно не со-

мневаться, осуществит все, что задумал! Отчаянный человек!.. Если царица возьмет его под свое милостивое покровительство, он завтра же острием меча загонит под себя строптивых казахов, покорит Бухару и Хиву, ныне не подпускающих их к своим базарам. А потом – схватит за шиворот джунгар, займет территорию между Яиком и Алтаем. Станет одним из самых крупных правителей в России... Да, да, и Россия, и единство казахов, и поражение джунгар, и развитие торговли – все это необходимо ему для осуществления честолюбивых замыслов.

Какая смелость, предвидение и расчет! Лишь на первый взгляд может показаться безрассудным строить такие планы, сидя на голом такыре... Планы эти реальны, да и во всем облике этого стройного, сильного человека с умным и волевым лицом нет ни капли безрассудства или наивности... Если к хитрым и дальновидным замыслам восточного правителя присоединится грохот русских пушек, все они вполне осуществимы!

Однако как посмотрит на все это царский двор, если разгадает конечную цель Абулхаир-хана? Императрица не любит иметь под боком другого сильного правителя. Она, конечно же, не одобрит подобные притязания. И вообще – останься ты, дорогой мой султан, таким, какой ты есть, не обретешь ты большой милости русской царицы, нет, не обретешь! Она не жалует гордых, умных и честолюбивых подданных. Она предпочитает им послушных, покорно выполняющих ее волю, ломающих перед ней шапку в низком поклоне...

У вас говорят: головы двух баранов в одном котле не поместятся! А это как раз то, что надо нам. Но об этом тебе пока лучше не знать. Мне ты нужен таким, именно таким! Хитрым и сильным, наводящим страх на соперников, приводящим к присяге все новых и новых биев. Мне же нельзя лить воду на твой пламень, но нельзя этот пламень и раздувать... Пока я слегка видоизменю твои замыслы, направлю их в нужное русло. А потом уж сам, голубчик, разбирайся с царицей, выясняй, кто из вас умнее и могущественнее!..»

По пути из Уфы Тевкелев заприметил одно местечко – небольшой полуостровок у слияния Яика и Ори. Еще тогда у него родилась мысль, которую он тщательно скрывал от всех – и более всего от башкир! Прознают – прирежут, не поглядят на то, что ты посол!

– Вести торговлю через казахские степи сейчас очень рискованно, – сказал Тевкелев. – Какой купец, если у него голова, а не кочан капусты на плечах, рискнет появляться с товарами там, где хозяйничают разбойники и грабители? Вам и купцам от такого глупого риска тоже не будет ни прибыли, ни чести... Народ надо приучить прежде к порядку, подчинить его, если потребуется, – Тевкелев сделал красноречивую, выразительную паузу и почувствовал, что заинтриговал хана. – По дороге к вам я заметил одно очень удачное место для крепости. Попросите ее величество императрицу построить у слияния Яика и Ори город-крепость. Там и вам найдется уголок, – с улыбкой склонился посол в сторону хана. – Будет у вас возможность, если понадобится, где и перезимовать и лето провести. И держать при себе нужных вам людей – биев и других влиятельных лиц из различных родов и племен. Имей вы такую хитрость, никто не выйдет у вас из повиновения. А возникнет, не дай бог, какая опасность, налетит на вас какая угроза, заботу о вас возьмет на себя русский гарнизон... Тогда можно будет торговлю развивать, звать купцов в эти края!

Абулхаир встрепенулся – куда только подевались его суровость и сдержанность:

– Вы, господин посол, сказали вслух то, о чем я долго думал! Наверное, не все бии будут противиться этому. Во всяком случае – будем надеяться, ведь без надежды, говорят у нас, – один шайтан обретается... Однако вернемся к тому, с чем я к вам пришел: мой сын Нурали готов в дорогу. Пусть отправляется в Хиву!

Они расстались довольные друг другом. Абулхаиру казалось, что он получил возможность приблизиться к своей заветной цели. Тевкелев же получил согласие на то, на что не рассчитывала даже Коллегия иностранных дел!.. Ханзада выехал в Хиву, а через пять дней, под вечер, к Тевкелеву пожаловал Букенбай. Был он хмур и озабочен, долго молчал.

– Ох, господин Мамбет, безмозглые эти людишки совсем лишили меня сна и покоя, – начал жаловаться Букенбай. – Когда над ними нависает опасность, они тут как тут: «Батыр, как нам быть, как поступить?» Едва установится спокойствие, опять носы свои воротят! Сейчас и вовсе ошалели! Не дают к гриве своей прикоснуться! Устал я убеждать их, спорить, уламывать... Решил жить

сам по себе, так оно будет спокойнее. Пусть они хоть на головах ходят... Давно хотел поинтересоваться: если я совсем от них отделаюсь, чтобы стать русским подданным, найдет ли ее величество царица для меня, вернее для моего скота, какое-нибудь пастбище на берегу Яика?

Букенбай запинаясь, смущался – не привык просить.

Тевкелев начал догадываться, почему Букенбай всегда стремился ему услужить и помочь. Но... но почему он не высказал свое желание раньше или позже, почему именно сегодня?

– По возвращении в Петербург я доложу о вашем прощении нашей государыне, – ответил посол внушительно. Прикинув что-то в уме, добавил: – Я твердо уверен, что она высоко оценит вашу помощь и поддержку.

Букенбай сразу повеселел:

– Если наши крикуны не образумятся, если глупые людишки не перестанут вставать на дыбы и артачиться, я за пару лет мог бы подчинить всю казахскую орду России. Если, конечно, царица помогла бы мне башкирами и яицкими казаками...

– Очень ценная мысль! – не сдержался Тевкелев. – Если бы царица слышала ваши слова, она очень бы одобрила их!..

Опять пришла пора ломать Тевкелеву голову над тем, почему сначала так раскис всегда спокойный в себе батыр. Или пришли худые вести от послов, отправленных в Средний жуз? Или какой-нибудь скандал приключился? Почему потом так быстро успокоился и повеселел? В чем причина?

Вскоре вернулись послы от хана Самеке. Коней своих они гнали безжалостно, месячный путь одолели за десять дней. Таймас доложил Тевкелеву, как разворачивались события в ставке хана Самеке. После того как он, Таймас, обратился к хану со словами приветствия от имени русского посла и с извинениями, что сам посол не смог известить высокородного хана, Самеке ответил:

– Благодарю, у меня нет никаких обид на господина посла. Я бы мог и сам поехать и поприветствовать почтенного посланца русской царицы. Обида моя – на Абулхаир-хана, который затеял столь важное дело, ни с кем не посоветовавшись, тайком, по-воровски. И обида моя – велика, потому я и не отправился сам, хотя желал бы повидать русского посла... А еще думаю я, господин Тай-

мас, что посол не смог к нам сюда пожаловать не из-за зимы и трудностей пути, а из-за того, что потерял всех своих коней и остался пешим! Да и то сказать: разве будет ладиться дело, начатое столь недостойным образом? Пожалуй к нам в степь посольство по приглашению всего народа, все было бы по-иному. А теперь... теперь никто даже не может гарантировать безопасность как господину Мамбету, так и его людям...

– Пугал Самеке меня, стращал, – рассказывал Таймас, – а потом вдруг и говорит: «Ясное дело, Абулхаир более уважаем и почитаем, чем мы все вместе взятые. Но не ради него, а из глубокого почтения к русской владычице я все-таки дам клятву на верность России. Не посчитайте, что я выполняю волю Абулхаира, как бы не так! Это мое собственное, искреннее стремление и желание! Взял и приложил хан Самеке печать. Дал расписку в том, что ежегодно будет посылать в Петербург две тысячи лисиц, тысячу корсаков. Вот только заложников, сказал, давать не сможет. На другой день хан Самеке вызвал меня к себе и вручил письмо на имя государыни императрицы. На словах просил передать вам, господин посол, следующее: «В мае на совет соберется весь Средний жуз. На совет съедутся лучшие люди всех родов. Приглашаем принять в нем участие господина Тевкелева. Однако я не буду бездействовать до мая. Переговорю, потолкую с биями по делу, интересующему посла великой царицы великой России».

Таймас сообщил также, что хан Самеке, султаны Барак и Абулмамбет и еще какой-то влиятельный батыр по имени Жанибек собираются идти походом на контайджи, имея шеститысячное войско.

Доклад Таймаса скорее обрадовал Тевкелева, чем огорчил: в конце концов, присяга еще одного влиятельного султана у него в кармане.

Абулхаира вести о Самеке насторожили. И потому, что Самеке, похоже, находится в курсе всего, что происходит тут, осведомлен обо всем так, будто сам здесь находится. И потому, что убедился: за всеми распрями и разбоями чувствуется рука потомков Жадика. Очень встревожила Абулхаира готовность, с которой Самеке согласился принять подданство. Что, если все это лишь уловка? Желание усыпить их бдительность? Самеке, возможно, решил временно отделаться от Тевкелева, но продолжать

науськивать народ против русского посольства. Намек, что опасность для них еще существует, — неспроста. Им теперь легче будет изворачиваться: «Мы дали присягу. К расправам и несчастьям разным в Младшем жузе никакого отношения не имеем!» Сами же будут потирать от удовольствия руки, злорадствовать, что навредили хану. Они что-то задумали! Абулхаира томили недобрые предчувствия. И они сбылись. Прибыли из шектинских аулов бии и заявили Абулхаиру:

— У нас есть разговор к русскому послу. Позови его.

— Позвать посла недолго, он никуда не денется. Сначала мне поведайте, какое у вас к нему дело. Может быть, я смогу быть вам полезным, — почуяв неладное, ответил Абулхаир.

Красивый, холеный бий Жантума покраснел от досады и гнева и произнес с вызовом:

— Абулхаир, в прошлом году, в эту самую пору, ты послал в город Тобол нашего Бекболата с четырьмя спутниками. От них нет ни слуху ни духу. Мы ждали терпеливо, ждали в надежде, что ты побеспокоишься о них сам, без нашего напоминания. Однако и ты, и этот твой посол, молчите, словно воды в рот набрали. Вот мы и приехали узнать о судьбе джигитов у посла, или кто он там...

Позвали посла. Тевкелев понял, что в ханской юрте сгустились тучи, но не те, что сулят грозу. Он-то ждал неприятных, даже страшных вестей, а вместо них, слава богу, услышал претензии, которые высосаны из пальца.

— Нам известно, что есть среди русских такие, что по возвращении домой ругают нас, казахов, обливают грязью. — Лицо Жантумы побагровело, глаза налились кровью. — Чтобы набить себе цену перед своей царицей, они плетут всякие небылицы: «Ох-хо-хо, каких только мук мы не испытали у этих диких степняков. Нас там и грабили, и истязали, и оскорбляли, и под стражей держали!» Уж скоро три месяца, как вы здесь, однако живы и здоровы и все у вас цело. Ваши правители верят клевете и оговорам и в отместку хватают ни в чем не повинных людей. Хватают и оставляют у себя как пленников или заложников. Где наш посол Бекболат? О нем ничего не известно вот уже год! Мы не знаем даже — жив ли он. Хотим узнать о его судьбе!

Тевкелев одного за другим оглядел насупленных, гневных людей и заговорил решительно и твердо:

– В России никогда не имели места такие недостойные поступки, как надругательство или ущемление достоинства послов. Никогда не грабили их имущества, не угрожали им! Подобные безответственные действия невозможны у нас. Не будет их и впредь. За это я могу поручиться. Причина того, почему посол Бекболат до сих пор не вернулся, мне неизвестна. Более того – я даже не слышал о казахском после, судьба которого вас волнует. Однако думаю: за его долгим отсутствием что-то кроется. Может быть, вы совершаете набеги на земли и территории, подвластные России? Угоняете скот, вводите людей?.. Если так, то это веская причина для наших ответных действий. Если смотреть правде в глаза, то виноваты вы сами! – доводы Тевкелева звучали убедительно. Бий выглядели несколько растерянными. – Русские правители не станут трогать мирных соседей без причины... О Бекболате не беспокойтесь. Русское правительство не смотрит на заложников как на пленников. Мы не заставляем заложников работать, не применяем к ним ни малейшего насилия. Живут они в нормальных условиях. Обещаю вам по возвращении домой добиться освобождения Бекболата, если, конечно, он взят в качестве заложника.

Недовольный тем, что люди его притихли и прумолкли, Жантума бесцеремонно прервал посла:

– У вас там в плену томится еще Шамабет, сын мурзы Шама. Сможете и его освободить?

– Сначала я должен узнать, почему он взят в плен. Получат или не получат пленные свободу – зависит от вас. Примете подданство великой императрицы русской, возвратите русских людей, которые были насильно уведены вами в ваши улусы, Россия вернет ваших людей.

– Э-э-э, это похоже на сказку! Кто же отпустит своих рабов без выкупа? Мы привыкли получать и давать выкуп! – не унимался бий.

Тевкелев пожал плечами и собрался было ответить, но Абулхаир опередил его:

– Я полагаю, господин посол, что у них нет больше к вам претензий.

Когда казахи остались одни, Абулхаир обратился к своим посетителям:

– Вы собственными ушами слышали ответы господина Мамбета. Если вы и вправду желаете, чтобы наши плен-

ные вернулись из России живыми и невредимыми, ни один волос не должен упасть с головы этих... – Абулхаир показал головой за порог.

Бии отъехали от ханской ставки в угрюмом молчании. Сердце Абулхаира вдруг заныло: «Ох неспроста они пожаловали! Они ищут, к чему бы придраться. Сейчас им это не удалось, а завтра? Что будет завтра?..»

Тевкелев открыл дневник, чтобы внести в него только что состоявшийся разговор и свои впечатления от него. И невольно стал листать дневник – страница за страницей. Да, сложные события, запутанные пути-дороги, упрямый народ!.. И все же, несмотря на все препятствия и препоны, сделано уже немало, год 1731-й не был бесплодным!

И тут Тевкелев осознал, что до конца года осталось всего лишь два дня! Два! И что новый 1732 год посольство русской царицы встретит в загадочной, заснеженной казахской степи. Вдали от родной стороны...

Посольская и ханская ставки расположились в двух ложбинах, покрытых корявыми кустами и колючками. А за ними – холмы, холмы и застывшее море.

Русские и башкиры чувствовали себя неуютно в этих тесных котловинах. Чтобы развеяться, сбросить с себя томившую их печаль и скуку, они взбирались на холмы, всматривались в горизонт, будто ждали оттуда света и радости.

Неутомимые Зиновьев и Писарев и осенью, и зимой возились с какими-то приборами, брали на пробу почву и воду. Что-то писали, чертили, заносили в журналы. Едва показывался кто-нибудь чужой, они прятали свои приборы в мешки и делали вид, что рубят кусты, заготавливают топливо. Посольский люд обычно ходил за ними по пятам и помогал им: все развлечение, возможность отвлечься от грустных и тревожных дум.

Голые заснеженные просторы томили душу. Пронзительный ветер гнал рябую поземку, мгновенно заметал следы. Будто земля эта изначально была непримирима ко всякому следу, твердости и постоянству. Там, где вчера еще высился большой сугроб, сегодня чернели пески. Там, где такыр звенел под ногами, – горбился сугроб... Где степь, где море? Не разберешь: все сияло белизной. И скользили, ползли, извивались тысячи белых змей, желая обогнать одна другую.

Тевкелеву приходило порой на ум, что он и его люди – точно моряки, потерпевшие крушение. Выбросило их в середину безграничного океана, прибило к необитаемому острову. И хотелось бы снова выйти в море и плыть дальше, к родному берегу, да корабль разнесло в щепки... Только по солнцу, которое каждое утро восходит и каждый вечер заходит в одном и том же месте, можно сосчитать, сколько однообразных, томительных дней прошло, протекло здесь, вдали от людей и привычной жизни. Другой, совсем другой жизни... С утра до вечера с отчаянием, тоской и надеждой смотрели они на это равнодушное бесстрастное солнце. Степняки эти не менее опасны, чем неведомые моря и океаны. Едва сделаешь неверный шаг, едва оступишься – поминай как звали...

Нет, не видно паруса надежды в этом чужом океане, как ни вглядывайся в горизонт! О боже, что ждет его и людей, за которых он, посол, тоже в ответе! Они осунулись, истомились за три месяца. Обросли бородами, побносились. Но терпеливы, как терпеливы! Тевкелев позвал Таймаса: вот кто никогда не унывал, всегда был готов к действию.

«Завтра Новый год! Нет для русского человека высшего наслаждения, чем сидеть в новогоднюю ночь около пушистой елки и вдыхать запах хвои. – Тевкелев зажмурился, будто бы уже испытывал это наслаждение. – Подумай, как получше провести новогодний праздник, чтобы поднять дух наших солдат. А то все носы повесили, приуныли без праздников-то!»

Юмаша снарядили в ближний аул, к Есету, за кониной и бараниной. Таймас принялся пересчитывать наличные припасы и посуду. Сохранилось два бочонка самогона и несколько бутылок французского шампанского, их Тевкелев выпросил у уфимского воеводы на случай, если миссия его будет удачной. Что ж, если не было повода угостить шампанским казахских воротил – сгодится для своих!

Верно гласит народная мудрость: «Один лишь шайтан живет без надежды!»

Солдаты прочесали окрестные холмы и отыскивали саксаул в рост человека. Распороли несколько шапок, вынули из них вату и посыпали голые ветки «снежком». Старые железяки и деревяшки из утвари сгодились на игрушки. Дедом Морозом обрядили бородача Цапаева. Чтобы ук-

рыть его усы и бороду ватой, пришлось распотрошить тюфяк. У непоседливого казака белые усы и борода облетали несколько раз – не мог он без того, чтобы не понюхать табачку, а понюхав, чихал от души...

Никто не соглашался быть Снегурочкой. Согласился после долгих отнекиваний и препирательств Костюков. На него еле-еле напялили одолженное у аульских женщин длинное белое платье и белый платок. Парень прекратился в мишень для беззлых шуточек: уж очень смешно он выглядел, забавно и несуразно.

– Если эдакой невесте да не найти двух мужей, чтоб один к губам льнул, а другой к коленям, она никогда не сможет, бедняжечка, зачать! – Господь воистину сделал подарок острослову Цапаеву и людям, которые от души хохотали, глядя на Костюкова.

Люди из ханского аула и из аула Есета приехали посмотреть на русский праздник, весть о котором облетела окрестности. Они удивлялись безудержному веселью и непрерывному хохоту этих чудных русских. Больше всего изумила их щедрость бородатого старика в белой одежде с большим мешком за плечами. Каждому, кто подходил к нему и называл имена оставшихся дома детей, он горстями сыпал пиленый сахар, пряники и еще какие-то диковинные сладости.

Куда только подевалась суровость непонятных, странных пришельцев из России! А как легко, будто кумыс, пьют они вонючую белую жидкость – хоть бы поморщились! Опрокинут в себя стакан, понюхают кулак и только после этого бросают в рот какое-нибудь свое лакомство.

В полночь поднялся посол Тевкелев и провозгласил:

– Вот и Новый год наступил! С богом! Да пошлет он нам всем здоровья, счастья и успехов во имя России и царицы-матушки.

Все повскакивали со своих мест. Огромные мужики, к удивлению казахов, стали обниматься и целоваться, тискать друг друга, стучать лапищами по плечам и спинам друг друга, что-то быстро и взволнованно говорить.

Потом взяли в руки бутылки с серебряными головками, открутили на них какие-то железяки: раздались выстрелы. Казахи зажали ладонями уши, а русским все нипочем – шумят, тянут стаканы, пьют пенящееся буйное вино, хохочут. Поднесли напиток и казахам, но никто из них не отважился его попробовать.

Сам посол обратился к султану Ниязу, протянув ему полный стакан:

– Пусть Новый год всем нам принесет только удачу!

– Попробуем и мы новогодней русской похлебки! – не выдержал Нияз. Сделал несколько глотков. Поперхнулся, закашлялся, сморщился, передернулся...

Русские добродушно засмеялись, а казахи встревожились:

– Что случилось, султан?

– Ничего не случилось, чего всполошились? Это только на первый взгляд похоже на водицу, а как в рот возьмешь, знаете как обжигает! Будто всыпал туда горсть клопов.

Теперь уже до колик смеялись все – и русские, и башкиры, и казахи...

Миновала первая половина января. В дневнике Тевкелева появилась коротенькая, на полстранички, запись: «Пятого января 1732 года послал с Аральского моря почту в Петербург с уфимским дворянином Кириллом Барабанщиковым и Кыдриясом Маллакаевым. Вместе с ними отправились казахские послы с письмами от хана Абулхаира, хана Самеке, султана Батыра, каракалпакского хана Кайыпа, а также с письмами нескольких каракалпакских предводителей родов и религиозных лиц».

Больше не произошло ничего такого, из-за чего стоило бы марать бумагу.

Ударили морозы, выпал свежий снег. Земля приоделась в новый наряд, помолодела. Абулхаир пригласил Тевкелева поохотиться по нетронутому снежку на лис. Тевкелев отказался, памятуя о похищении Таймаса. Решил довольствоваться единственным своим развлечением – прогулками да размышлениями на досуге.

Он представлял себе, как счастливы были Барабанщиков и Маллакаев возможности вырваться из этой глуши, из этого плена без оков!.. С ними ушли письма на родину. Солдаты, как и сам Тевкелев, писали их – радовались и печалились. Вроде бы поговорили со своими любимыми и близкими, да вот только ничего не услышали в ответ!.. Скажи им сейчас: идите пешком домой – все пошли бы! Невзирая на стужу, зиму и долгую опасную дорогу... Но кто же скажет такое? Кто даст им ступить хоть на шаг из этой степи?!

Тевкелев про себя делил казахов на «ханскую партию»

и «партию противников». Последняя давно не давала о себе знать, затаилась. И ему думалось порой: «Уж лучше бы они кричали, спорили, шумели, чем такое вот не предвещающее добра молчание, такая опасная тишина».

Однажды поздним вечером к ханской юрте подскакал всадник.

– С кем можно перемолвиться словом? – прозвучал голос бия Балтабека. Бий явился в неурочный час, значит, привез важные новости.

– Слезай с коня, заходи в дом!

Запыхавшийся Балтабек сообщил, что противники Абулхаира собрали огромное войско и хотят совершить набег на хана и посольство. Среди заправил был и Жантума, недавно скандаливший в ханской юрте...

– Вон оно что! – только и сказал Абулхаир, услышав это известие. «Увы, я был прав в своих опасениях: потомки Жадика хотят крепко припугнуть русского посла, может быть, расправиться с его людьми, а вину и ответственность за все взвалить на меня».

Он тут же погнал джигитов к Есету, Букенбаю и батыру Мойнаку, кочевавшим поблизости от его становья.

Мойнак тотчас же явился к хану.

– Батыр, у тебя, насколько мне известно, есть близкий родственник в ауле Жантумы. Хорошо бы тебе навестить его, – то ли приказал, то ли попросил Абулхаир.

Хан опять потерял покой и сон. По сорок раз в день ездил он к Тевкелеву, но серьезных разговоров не затевал: опасался еще больше всполошить и без того встревоженного посла.

А сам мучительно думал, как предотвратить опасность. Круговерть мыслей постоянно замыкалась на Батыре. Долго ли они еще будут играть в прятки, таиться друг от друга? Может, сказать ему без обиняков: «Мы оба присягнули царице. Посол России – наш общий гость, мы несем за него ответственность оба. Надругательство над ним не принесет нам ничего, кроме позора. Прекрати угрозы и безобразия, которые исходят от подвластных тебе людей!» Крикливые люди обычно бывают трусливы, пугаются, отступают, если повесить на них голос. Батыр из их породы, глядишь, опомнится. Хан решил послать к Батыру надежного человека.

Через три дня к хану на взмыленном коне примчался посланец от его тестя – Суюндык-батыра.

– Чтобы дать ему время слегка отдышаться и прийти в себя от бешеной скачки, хан пошутил:

– Эй, сверстник, не джинны ли тебя гнали?

Но гонец не принял шутки и зачастил, спеша передать то, с чем его послал Суюндык:

– Вчера к нам забрел – притворился, что ищет пропавшего верблюда, – один знакомый батыра Суюндыка... Сообщил, что эти разбойники из рода шекты поплевывают в ладони, потирают их и бахвалятся: завтра-де они нагрянут сюда, к вам, с войском, порешат хана и посла. А байбише вашу привяжут за волосы к конскому хвосту и... и превратят ее тело в тушу для кокпара. Ни перед чем, говорят, не остановимся!.. Уж больно разошлись, шумят на всю округу.

Абулхаир решил немедленно связаться с ханом Батыром.

«И над Бопай нависла опасность! – с замиранием сердца вздыхал Абулхаир. – Прослышали мерзавцы, что она послала письмо императрице Анне Иоанновне. И молила в том письме не оставить нас без ее монаршей милости и покровительства. «Много у нас нынче стало врагов, все желают нам зла. Но, уповая на вас, мы не испытываем страха», – признавалась Бопай императрице. Однако как им это стало известно? Кто же им доносит?..» – недоумевал хан.

В один ненастный, студеный день хан и посол наконец дождались тех, кого ждали с таким нетерпением и надеждой. Прибыли Букенбай и Есет с войском. Гонцы Абулхаира отыскали обоих у каракалпаков, где они совершили благородную миссию: склонили каракалпаков освободить башкир, захваченных в плен в разное время.

Прошел день, каждый час которого тянулся как год. Враги не появились: прослышали, наверное, что к Абулхаиру подоспело сильное подкрепление.

Однако то, что Абулхаир узнал от человека, посланного им к Батыру, сбило его с толку. Батыр, как оказалось, находился с полуторатысячным войском в Карагантупе – отправился в набег на туркмен! Среди лютой-то зимы! Такого еще не случалось у казахов! Они испокон веков совершали набеги в мае или ранней осенью, но не зимой! Весной и осенью через туркменские пески шли караваны из Индии и Ирана в Астрахань и Казань и обратно. Но какой же добычей могли джигиты Батыра поживиться теперь, в самый разгар зимы?

– Не зря этот плут скрылся, ох, неспроста! – убежденно повторял Есет.

– Я думаю так: Батыр настроил своих на какую-то пакость, а сам отправился на край земли. Будет доказывать потом, что он ни при чем, – сокрушался Букенбай.

Абулхаир был согласен и с тем, и с другим, но отделялся молчанием.

Прошла еще одна неделя. Противники не показывались, зато начали подтягиваться друзья и единомышленники Абулхаира. Напряжение чуть спало.

Спокойствие однако длилось недолго. Абулхаиру донесли, что войско противников увеличивается с каждым днем и что враги планируют убить посла, взять в рабство его людей, а башкир, которые добираются к нему от каракалпаков наказать так, чтобы другим неповадно было связываться с неверными.

Абулхаир отдал джигитам приказ быть в боевой готовности, усилил караулы, послал лазутчиков по разным аулам...

«Почему враги пока лишь грозят расправой, но не нападают? Почему они хотят разгромить только русское посольство, а меня как будто не замечают?» – спрашивал он себя, стараясь проникнуть в замыслы своих врагов. Хан понял, что недооценил ум, хитрость и изощренное коварство Батыра... Когда тот пустил слух о том, что надо убить и хана вместе с его байбише, он хотел разжечь в народе ненависть к нему, Абулхаиру... Теперь же он хочет породить недоверие и настороженность у посла. Посеял смуту и уехал за тридевять земель...

«Однако, может быть, все эти хитроумные замыслы исходят не от Батыра, а кто-то использует его в своих целях? Например, те же потомки Жадика? – Одолевали сомнения хана. – О аллах, все они одинаковы, и ждать добра ни от кого из них не приходится!»

Спустя несколько дней Абулхаиру стало известно, что предводители враждебно настроенных родов собирались на совет и долго спорили о том, как быть с царским послом. Мнения разделились. Одни рассуждали так: «Посла хорошо принимают многие казахи. Немало биев уже дали присягу на верность России: это сулит мир и покой. Если мы в этих условиях поднимем руку на посла, что скажут нам люди, когда мы соберемся в мае на наш большой совет? Не обвинят ли нас в том, что мы разжигаем

огонь вражды между казаками и русскими?» Другие не соглашались с этими голосами, настаивали на своем: «Этот Мамбет – лазутчик. Его нельзя отпускать живым! Его надо схватить и убить!»

Дни общей тревоги и ожиданий сблизили Абулхаира и Тевкелева. Они были почти неразлучны. Однажды их беседа была прервана внезапным появлением Акши – сына Баби, одного из самых яростных врагов хана. Вместе с ним в юрту вошли шесть рослых джигитов. Пошли смиренные, тихие, скромно присели рядышком с ханом.

Застигнутый врасплох хан не знал, что и подумать; Тевкелев тоже растерялся.

Хан повелительно спросил:

– В чем дело? Что привело вас?

– Меня послал отец! Мы изменили свои намерения. Распустили войско, отправили людей по аулам! – смиренно сказал Акша. – Отец просил меня передать приглашение тебе, хан, и послу перекочевать к нам. Зачем вам прятаться в этом тесном закутке?

Самые злые враги, самые давние противники протягивали им руку! С чего бы это? Или на них так подействовал недавний совет биев? Или решили прекратить угрозы и прибегнуть к хитрости?

Хан сказал джигитам, что решение он объявит им несколько позже.

Абулхаир созвал свой совет. Все сошлись во мнении, что это ловушка. Условились, что ответ посланцам Баби даст Букенбай, а хан будет молчать: пусть поломают головы, о чем на самом деле думает сам хан...

Букенбай выдержал паузу и обратился к Акше:

– Если хан, хочет откочевать к вам, на то его воля. Он мне не подвластен. Но отпустить посла царского я не могу! Не хочу потом держать за него ответ перед народом! До мая он будет рядом со мной. А вот в мае сам привезу его на общее наше собрание. Если же найдутся горячие головы, которые замыслили увезти его силой, пусть знают: я буду биться до последней капли крови!

С этим Акша и уехал.

Вскоре до посольского становья добрались сто шестьдесят башкирских семей, освобожденных из каракалпакского плена. Посольство превратилось в огромный аул. Случись теперь что-нибудь, у русского посла наберется не менее трехсот всадников! Разгладился лоб Тевкелева, перестали хмуриться брови, на лице заиграла улыбка.

В начале февраля прибыл Оразак-батыр, влиятельный каракалпакский бий. Он спросил Тевкелева напрямик:

– На берегу Арала, в двух днях пути от Хивы, находится орда хана Сатемира. Он давно враждует с Хивой. Хочу уговорить народ орды попроситься под крыло России. Как на это посмотрит ваша царица?

Ответом ему были четыре аршина сукна и одна чернобурая лиса!

Едва Оразак уехал, как к Тевкелеву пожаловали еще несколько каракалпакских биев во главе с бием Суюндуком. Посол встретил их по всем законам русского гостеприимства, присовокупил их подписи под грамотой к другим, осыпал подарками. Побывали у него и другие бии, так что неистощимый сундук постепенно пустел...

Как зима ни лютовала, но и она незаметно прошла. Февраль стоял мягкий и теплый. Солнце истончило, продырявило снег, над землей поднялись густые туманы.

Казахи не любят такой густой туман. Хорошо, если погода удержится теплая, а если не удержится? Плохо придется тогда от резкой перемены скоту. Неустойчивая погода пагубно сказывается на отарах и табунах, отощавших за зиму... Не верят скотоводы в теплый февраль, ждут от него, наученные горьким опытом, всяческих неприятностей. Недаром есть пословица: «Если февраль хорош, будет молоко, если плох – будет джут!»

Абулхаир, как и все казахи, тоже был скотоводом. А скотовод не может жить, не заботясь о табунах и отарах. Не вывести скот на новые пастбища – это все равно, что остаться с пустыми руками и дырявым карманом. Приспела пора выбираться из этой ложбины на простор!

«Да, нынче к опасностям переменчивой погоды добавилась опасность со стороны непостоянного народа... Мои враги, что ни день, меняют свои решения, планы и повадки: то открыто враждуют, то мирятся, то ластятся, то угрожают. Хитрят, строят козни – верить им нельзя. Не тот человек Баби, чтобы легко и быстро менять свою ненависть на дружбу. Упрям Баби и злопамятен. Уж если вцепится во что, не оторвешь его так просто. Не простит он гибель своего родственника Байкары, убитого нами в ночной драке. Будет требовать плату за Байкару». Абулхаир решил, что в этих условиях лучше всего вместе с Букенбаем и Есетом тронуться на новое кочевье тремя улусами. В феврале они покинули Аральское море.

Караван двигался в сплошном тумане. Тевкелев не мог понять, как находят казахи путь, как ориентируются в непроницаемой мгле. Наконец остановились. Едва поставили юрты, как заморосил дождь. Все вокруг затихло, люди улеглись спать, измученные сборами, дорогой и страхом. Тевкелев закутался в кавказскую бурку, однако и она не спасала его от холода и озноба. Посла одолевала тревога и почти физическое ощущение притаившейся где-то поблизости опасности.

На Каратупе с трех сторон их окружало море, а на западе широко разлегся многолюдный улус Есета. Здесь их окружала опасность, одна лишь опасность, распахнувшая свою холодную пасть. Тевкелев чувствовал себя так, будто его раздели донага и поставили под дулами винтовок со взведенными курками. Как ни старался он успокоиться, обрести уверенность и ясность мысли, ему это не удавалось. Шум дождя начинал вдруг казаться ему цокотом копыт, все приближающимся и приближающимся к юрте. Вот со всех сторон берут ее в кольцо! Тевкелев поднимал голову, садился на постели и вслушивался в ночь. Нет, это шумел дождь, это монотонно шлепали капли, создавая заунывную тоскливую мелодию. Мелодию, которая изводила душу, вызывала в воображении страшные картины гибели, смерти.

Только-только Тевкелев задремал – раздался крик козодоя. У него волосы зашевелились на голове от ужаса: он знал, что крик козодоя кочевники связывают с грядущим несчастьем и потому не любят его...

На рассвете дождь прекратился, и Тевкелев вышел из юрты, кутаясь в бурку. Тишина. Безлюдье. Серые дюны взирали на становье с мрачным любопытством. «О господи, да где же мы, куда нас занесло?! – в отчаянии простонал Тевкелев. – Да есть ли где-то дом у меня, мой родной и единственный дом?!» И будто в утешение ему широкая поверхность высокого холма начала розоветь, потом покраснела, и вскоре из-за него показалось солнце. Как Тевкелев обрадовался ему!

Тевкелев заметил, что из своей юрты выбрался наружу Юмаш. Когда-то Юмаш бежал от солдатчины, скрывался долгое время у казахов. По-казахски говорил свободно. Быстро сходилась с людьми, любил бывать среди казахов, ездил с ними на охоту. Пройдоха, настоящий пройдоха, который нравился всем. Быстрый, сноровистый и любоз-

нательный, Юмаш узнавал новости первым. Куда бы посланец ни посылал его, сколько бы тот ни пропадал – возвращался всегда с важными, полезными сведениями.

– Съезди-ка, Юмаш, в окрестные аулы. Но не вздумай отрываться от ставки далеко и надолго. Знаешь обстановку... Узнай, только осторожно, что делается... – Тевкелев еще не успел кончить фразу, а Юмаш уже сидел на коне. «Ночью он коня оседлал, что ли! – с улыбкой покачал головой посланец. – Молодец!..»

Юмаш привез интересные новости:

– На востоке от нас неподалеку находится аул. Там еще вчера знали, где мы остановились. Люди говорят, что в эти места явился еще один «святой», только этот из Бухары и шаманством не балуется. Чалму носит огромную, наверное такую же, как тот жулик из Хивы. – Юмаш перевел дыхание и продолжил: – Обходит бухарец дома влиятельных людей, все подряд, ни одного не пропускает и всюду говорит: «Не вздумайте упустить живым посла кафира! Упустите – накличете на свои головы беду. Он лазутчик, а никакой не посланец. Завтра приведет сюда к вам большое войско с пушками – он разведает все ваши дороги, и неверные завоюют ваши земли, а вас сделают рабами! Вспомните хивинцев – как отважно и беспощадно расправились они с русскими! Русские ничего не смогут сделать вам! Без того лазутчика русские и не сунутся сюда. Не слушайте Абулхаира и Букенбая. Сами же после богоугодного возмездия неверному переключитесь в сторону Бадахшана. Если вы выпустите ногайца отсюда живым, вас проклянут все мусульмане! Проклянут и не пустят на свои земли и пастбища не только вас, но и ваш скот! И помните – мы не верим и вы не должны верить Абулхаиру. Человек, замахнувшийся на законы божьи, предавший веру, – это человек, добровольно отринувший свой трон и свое счастье!» – Юмаш умолк и внимательно поглядел на посла, словно бы желал проникнуть в его мысли.

– Давно пожаловал этот златоуст? – с ехидцей спросил Тевкелев.

– Недавно.

– Ну и что казахи, как реагируют на его проповеди?

– По-разному! Одни остаются равнодушны, пропускают мимо ушей. Другие возмущаются ханом, кричат, что он уводит людей со святого мусульманского пути.

В полдень Абулхаир принес Тевкелеву плохое известие. Из Хивы вернулся Нурали и признался, что еле-еле выбрался живым из этого проклятого города. Хивинский хан брызгал слюной, кричал:

– Может, нам собраться да разгромить наголову этого негодяя Абулхаира вместе с его любимцем-послом?

Тевкелев не придавал особого значения тому, что рассказал ему Юмаш, но сообщение хана его сильно огорчило. Значит, врагов у Абулхаира больше, чем он предполагал. А его враги, его недоброжелатели – это и враги России.

Посол заметил, как Абулхаир похудел, как почернел лицом. Большие глаза стали огромными и горели лихорадочным сухим блеском. Если бы не темные как смоль волосы и не яркие молодые губы, можно было бы подумать, что хан куда старше своих сорока лет.

Вести, привезенные сыном, глубоко ранили его. Вызвали гнев, с которым он не в силах был совладать. Гнев же – плохой советчик в делах... Вон как сжал камчу – аж кулак побелел, кажется, разожми его Абулхаир, и камча рассыплется на кусочки.

«Близок мне стал этот суровый и немногословный человек. Очень близок. И чувствуешь это особенно сильно в такие минуты. Что нас так тесно сблизило? Нависшая над нами общая опасность... Один топор навис над нашими головами, один аркан вот-вот захлестнет наши шеи. Теперь во всем мире у меня, пожалуй, нет человека ближе. Судьба нас соединила...» Тевкелев решил пощадить, не сыпать соль на рану Абулхаира. Он произнес будто мимоходом:

– Объявился неподалеку еще один и «святой», пытается мутить народ. Хоть он и неопасен, нужно на всякий случай послать наших людей в аулы, пусть внушают народу, чтобы не поддавался этому брехуну.

Хан молча кивнул и с усилием, опершись на камчу, поднялся. Увидев, какую глубокую вмятину оставила ханская камча на ковре, Тевкелев почувствовал по-настоящему, какая опасность нависла над ним и Абулхаиром.

Пять дней окружала их мертвая тишина – давила, вынимала душу, лишала сил. На шестой день под покровом ночи в аул пробрались Кара-батыр и Баимбет-батыр и предупредили хана, что бии Баби и Жантума вместе с еще несколькими влиятельными людьми сажает на коней всех подряд. Сородичи Баби кричат: «Отомстим за Бай-

кару! Заставим найти человека, который прошлой осенью лишил жизни нашего джигита, прольем его кровь, или пусть неверные заплатят нам за кровь!»

В орде хана разгорелся горячий спор. Абулхаир настаивал на том, чтобы посол заплатил кун за кровь, ибо только так можно отделаться от крикунов, имеющих оружие в руках...

Тевкелев возражал, не соглашался:

— Я не намерен швырять деньги из-за какого-то разбойника. Поступить, как вы советуете, — значит признать себя виновными. Если я признаю за нами вину здесь, где царит анархия, где не признают никаких законов, то надо мной и посольством нависнут страшные беды, финал может быть трагическим!

Они так и не пришли к единому мнению.

Большое войско во главе с Баби и Жантумой подошло к посольскому стану. Бии отрядили к Тевкелеву двух человек, которые потребовали:

— Или пусть нам положат поперек седла башкира, который лишил жизни нашего Байкару, или, согласно обычаям наших предков, платите кун за кровь: сто коней, один щит, одну вдову, одну кольчугу, одно ружье, одного верблюда! Или то, или другое! Иначе быть кровопролитию.

Ответ Тевкелева был твердым и решительным:

— Вина за события прошлой осени лежит на казахах. Вы напали на посольство! Вы угнали у нас семнадцать коней и трех верблюдов. Вы стреляли нам в спину. Ни один народ не имеет закона, который лишал бы его права на защиту, на оборону. Мы вынуждены были стрелять в целях защиты. Если Байкара пошел на преступление сам, вина лежит на нем. Если же послал его кто-то другой, пусть тот платит кун. Для меня Байкара разбойник и вор, напавший темной ночью на мирных людей. Я не намерен отдавать своих подчиненных в обмен на грабителя. Ваши требования и поведение я расцениваю как насилие и наглость. Наша императрица не потерпит насилия, не простит наглости!

Нетерпеливо поджидавшее своих посланцев войско, узнав ответ Тевкелева, окружило посольство.

Началась осада.

Кончалось топливо, иссякали запасы воды. Положение становилось невыносимым, но люди мужественно терпели все лишения.

Терпения не хватило у казахов. Войску надоело стоять неподвижно на одном месте. Двадцать первого марта, в полночь, они налетели на башкир, освобожденных каракалпаками. Битва, напоминавшая скорее драку, длилась до рассвета. К утру подоспели джигиты Букенбая – всадники Баби убрались восвояси, прихватив у башкир сорок шесть коней. Сами же оставили после боя троих тяжело-раненых.

Эти трое раненых расстроили Тевкелева больше всего: если они, не дай бог, распрощаются с жизнью, к спору из-за Байкары добавятся новые осложнения. Вражда разгорится еще пуще. Пока они живы, надо швырнуть им подачку за Байкару. Хотя очень не хочется. Ох как не хочется...

Стороны пришли к согласию. Сторговались, сошлись на трехстах сорока рублях пятидесяти копейках... Противная сторона вернула башкирам тридцать пять коней, оставив себе одиннадцать. Тевкелев вздохнул с облегчением.

Когда люди Баби убрались, забрав своих раненых джигитов с глаз долой, Тевкелев отправился к Абулхаиру. Вошел к нему в юрту, опустился на ворсистый, мягкий ковер, ласкавший взгляд и тело. Сказал с нервным смешком:

– Уф, вроде бы пронесло. Слава богу, избавились на время!

Абулхаир улыбнулся ослепительной молодой улыбкой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СХВАТКА

*К колючке, растущей на обрыве,
тянется верблюд, которому
надоела жизнь.*

Из казахской народной поэзии

Войско султана Батыра, поспешно отправившееся в январе в поход, в начале марта вернулось в родные края.

Воины, которые полтора месяца не слезали с коней, не знали, в чем же заключались цель и смысл этого похода, терпели все его невзгоды. Знали о том лишь двое: на небе — аллах, на земле — султан Батыр.

Султан был доволен походом, хотя не привез с собой тугих тюков, набитых добычей, не пригнал тучных косяков или табунов. Он, похоже, на это и не рассчитывал...

Зато другие рассчитывали на добычу. Но, понимая, что в неурочную пору, да и в захудалых краях, добычи не будет, стали шушукаться и роптать, как только отправились в поход.

Особенно кипятился Бактыбай — батыр из рода шекты. Он был отчаянным джигитом, не боялся ни огня, ни воды, умел сносить любые лишения походной жизни. Однако с пустыми руками возвращаться из набегов не привык.

«Каждый год обираем до нитки этих нищих туркмен из Карагана. Они уж поистине нищие: одну ладонь с мольбой тянут к Хиве, другую — к русским. Что толку от них, какая прибыль? Куда выгоднее было бы напасть на калмыков! Табунов у них видимо-невидимо, да к тому же вскормленных на вольготных, травянистых берегах Яика и Эмбы!» — недоумевал, злился Бактыбай.

Султан Батыр пропускал все разговоры и шепотки мимо ушей. Покачивался мерно на длинном рыжем жеребце и, казалось, был в своих думах далеко-далеко.

Всадники переваливали один голый бархан за другим, натыкались иной раз на следы стоявших когда-то здесь юрт. Однако следы все были старые. Головы джигитов опускались все ниже. Бактыбай совсем потерял надежду на добычу, стал мрачнее тучи.

Войско вступило в Устюрт. Его до жути пустая поверхность угнетала даже привычных к степной равнине ка-

захов. Но, к счастью, все имеет конец: бесконечный, как небо, плоский, как доска, Устюрт тоже имел пределы. Воины султана Батыра и не заметили, как вдруг очутились перед пропастью. Кажется, сделай еще один шаг – и камнем полетишь в бездну.

Внизу белела меловая крутизна, по ее склону змейкой вилась едва заметная тропка, которую в народе прозвали спуском Маната.

Оказавшись на краю пропасти, всадники стали оглядываться назад, всматриваться вперед. Позади простиралась безбрежная, нескончаемая земля, по которой бежала поземка – коварная, таящая в себе какую-то загадочную силу и опасность земля. Перед ними огромной чашей лежала необъятная котловина. И как в чаше, которую протягивают сватам, перемешаны куски курдюка и печени, так и в этой котловине расположились вперемешку дугообразные меловые гряды и кряжистые песчаные холмы, а между ними блестели, как круги жира, солончаки. Над ней колыхались клочья тумана. Они напоминали обрывки шерсти, унесенные ветром-шалуном из слабых рук старухи, вертевшей веретено. Между острыми, как клыки матерого волка, вершинами бежала тонкая дорожка, спешила к невидимому пока, но обосновавшемуся где-то там, вдали, морю.

Всадники до рези в глазах всматривались в котловину. У маленьких, вытекавших из ущелий родничков лепились неказистые мазанки туркмен. Обычно туркмены зимой и летом ставили на сопках караулы. Если кто-нибудь показывался вдали, караулы подавали знак, махали шапками. Аулы тотчас прятали скот в ущельях, люди скрывались в горах...

Передовые отряды султанского войска стали осторожно спускаться по узенькой тропке. Бактыбай повернулся лицом к своему отряду, и все двести пятьдесят джигитов сразу же натянули поводья, замедлили шаг своих коней. Когда войско Батыра оказалось внизу и миновало несколько холмов, Бактыбай вместе со своим отрядом развернулся и поскакал прочь.

Султан Батыр смекнул, что упустил джигитов. Посылать теперь за ними вдогонку бесполезно – не догонишь. Да и Бактыбай наверняка заупрямится – не вернется. Он, конечно, напрямик двинулся на ближайшие калмыцкие улусы за табунами и другим добром. Допустить, чтобы

он вернулся домой с богатой добычей, нельзя! Никак нельзя!

Батыр кликнул двух джигитов и приказал им отправиться к тайши Лобжи, чтобы предупредить его о надвигающейся опасности. Сам же повел войско вперед.

Казахи прочесали все туркменские аулы, расположенные на их пути по обе стороны долгой извилистой гряды Каратау, ни один не пропустили! Но нигде не услышал султан вести, которую он так жаждал услышать. Туркмены твердили одно и то же: «Пусть лопнут наши глаза, если мы хоть один караван видели с прошлого года!»

Заставив кровавыми слезами плакать все туркменские аулы, что попадались им, казахи вышли к полуострову Карагантуп, который клином вдавался в море. И здесь люди Батыра переворошили все углы, все тюки и сундуки индийских, персидских, афганских и азербайджанских купцов. Они оставались зимовать в этом месте до нового сезона, до прибытия по весне русских кораблей. Допросили самих купцов, однако и от них ничего не узнали.

Султан Батыр, который с первого дня похода горел каким-то тайным, поддерживавшим его огнем, поник. Он так долго надеялся, так страстно жаждал, чтобы в сердце его растаял лед, которым его сковал надменный посол русской царицы... И выходит — все напрасно...

С тех пор как умер его отец — Кайып-хан, Батыр не расставался с Абулхаиром, выполнял любое его желание. Ехал, куда хан посылал его, совершал набеги на тех, на кого он указывал. Абулхаир, однако, никогда не обращался с ним как с неравным. Не вмешивался в дела родов, подвластных Батыру.

За это потомки Жадика ненавидели Абулхаира еще больше. Как же иначе? Он увел сына Кайыпа от них. Увел, как одинокого кулана, заставив покинуть родные пастбища — Батыр чутко уловил это, но виду не показывал, был доволен, что кичливые его родичи выходят из себя.

У него был к ним свой счет. Это они, потомки Жадика, помешали его отцу занять трон после смерти Тауке. Это они отстранились от отца, когда он задумал дело всей своей жизни — союз с белым царем и войну с джунгарами. Даже в смерти отца Батыр подозревал их, проклятых...

Когда отец терпел притеснения и обиды от своих вы-

сокородных близких, Абулхаир первым протянул ему руку помощи. Первым одобрил планы и замыслы отца. Абулхаир и его самого поддержал после кончины отца, породнился с ним. Ни разу не то что не унизил, голоса на него не повысил, напротив, стремился возвысить, прославить его.

Бросив его в тяжкую минуту, те же родичи стали за глаза всячески костерить и поносить его. Даже по имени не называли Батыра, именовали не иначе как «подголосок Абулхаира», «голоштанник, вылизывающий собачьи миски у потомков Усеке»... Не только оскорбляли – старались вбить клин между Батыром и Абулхаиром, посеять раздоры и вражду. Какие только не пускали черные слухи и грязные сплетни.

Ничто, однако, им не помогло – Абулхаир и Батыр оставались жить в мире и взаимном уважении. Оба радовались, что злобствуют их враги...

Потомки Жадика уже начали терять надежду поссорить их, натравить друг на друга. Однако нежданно-негаданно вмешался всевышний.

Батыр никогда не забудет этот день.

– Главным сардаром казахского войска объявляю Абулхаир-хана Мухамбета казы бахадур! – отчетливо и звонко провозгласил Казыбек, и весь собравшийся на Ордабасы народ заполнил окрестности ликующими криками.

У Батыра пересохло в горле. Он не мог разомкнуть уста. Крепко сжал зубы, ошарашенно озирался по сторонам. А казахи словно потеряли голову от радости и восторга, тянули вверх руки, копья, сабли, кричали, вопили, смеялись и все повторяли одно и то же:

– Абулхаир-хан Мухамбет казы бахадур!

– Абулхаир-хан Мухамбет казы бахадур!

– Абулхаир-хан Мухамбет казы бахадур!

Батыру на какой-то миг представилось, что даже солнце вдруг обрело дар речи и тоже загремело:

– Абулхаир-хан Мухамбет казы бахадур!

Он хотел присоединить и свой голос к ликующим крикам, но не мог выдавить из себя ни звука. Покосился на Болат-хана: тот пытался сделать вид, что радуется вместе со всеми, но его губы еле шевелились, а глаза и плечи были безвольно опущены. Поник весь – жалкий, потерянный... Батыр отыскал глазами Самеке. Самеке оскалил зубы – не поймешь, одобряет толпу или насмехается

над нею... Батыр принялся шарить глазами дальше, а Барак и Абулмамбет, оказывается, давно следят за ним самим! Заметили, что он оглушен, растерян, и переглядываются с хитрой, скользкой усмешкой.

Он поспешно, словно его обожгли, повернулся к Абулхаиру.

Абулхаир весь подался вперед, высоко вздернул подбородок, лицо белое как полотно, а глаза... глаза как у орла, который заметил добычу. Не видит, казалось, хан народа, выкрикивающего его имя, скал, горных склонов, а видит лишь солнце, сияющее в небесной сини.

Никогда прежде не находил Батыр в Абулхаире изъянов, все его восхищало в этом человеке, все — фигура, лицо, движения, поступки, характер. Сегодня же он не находил, не в состоянии был найти в нем ничего, что могло бы вызвать подобное ликование у народа. Неужто же люди ослепли, потеряли способность видеть? Ведь этот гордый и сдержанный в дни унижений, обид, оскорблений и мук человек сегодня, в час своего великого торжества, растерял свою хваленую твердость и сдержанность! Не может совладать с собой, совсем, похоже, лишился рассудка от счастья!

Весь он, Абулхаир-хан, с головы до пят стал вдруг Батыру ненавистен до дрожи. «О аллах, хан-то, любимец народа, совсем спятил!» — подумал Батыр со злым, неведомым ему ранее чувством.

Это была зависть, вспыхнувшая, словно сухая трава в знойную летнюю пору. Не знал тогда Батыр, что это чувство поселится в нем навсегда, будет тлеть в нем как чадающий фитиль вражды и ненависти к Абулхаиру. Батыр осознал все это позже. Однако Абулхаир потерял в его глазах весь свой блеск и величие в один миг, в миг своего торжества. И блеск, и величие для Батыра превратились сразу и безвозвратно в недостатки и пороки.

Выдержка и суровость, бесстрастность в разговорах с друзьями и врагами, умение вытянуть из каждого все, что только тот может сообщить, да еще с таким видом, будто все они истцы, а он, Абулхаир, судья с глазами и устами, не ведающими улыбки, — все это не сдержанность, спокойствие и мудрость, как воспринималось раньше. Нет, гордыня, страшная гордыня, надменность, пренебрежение, даже презрение к людям, доходящие у Абулхаира до того, что никого, кроме себя самого, не считает он за человека!

Наверное, думал Батыр, поэтому очень многие люди так люто ненавидят Абулхаира! Как же можно за это не ненавидеть?

С того дня все и началось... Раньше любой недобрый слушок об Абулхаире, любое недоброе слово он готов был принимать за клевету и оговор. Теперь Батыр с нетерпением и радостью примечал все, что только свидетельствовало или хотя бы намекало на то, что преуспевающий потомок Усеке не так уж идеален и непогрешим, что и он не без изъяна. Батыр ждал любой промашки или ошибки Абулхаира. Не хотел, чтобы представлял он перед людьми героем, который ничего не боится, все на свете предвидит, все может одолеть...

Батыр часто мысленно возвращался к битве при Аныракае. Вспоминал Абулхаира в те дни: его лицо, мрачные взгляды, которые он бросал на султанов и сардаров, когда те переступали порог его шатра – шатра главного сардара – на военный совет. Абулхаир слушал всех с холодным, равнодушным видом, будто бы пренебрегал тем, что они говорили, предлагали...

У Батыра тогда опять змеей зашевелилась в душе зависть, и он с горячей, обжигающей неприязнью думал, что хан чересчур возгордился. Абулхаир ловко поставил на место вездесущего наглеца Барака, этому Батыр, конечно, был рад. Но не ожидал Батыр, что и его постигнет та же участь. Абулхаир и его безжалостно положил на лопатки перед врагами, которые и так шептались постоянно, что он, Батыр, слепое орудие в руках Абулхаира.

Вот когда змея в его груди издала злобное шипение и превратилась в тяжелую, как свинец, лютую ненависть. Неизбывную до последних дней жизни ненависть...

На следующий день после того проклятого военного совета Батыр дрался как лев! Заслужил восхищенные взгляды Абулхаира и других султанов и батыров. Он словно доказывал каждым своим ударом, каждым взмахом своей сабли, что он не смиренный верблюжонок, с которого легко можно состричь шерсть!..

В тот день Батыр почувствовал, что не сможет больше жить под тенью Абулхаира. Понял, что единственный способ уязвить этого гордеца и песком засыпать глотки сплетникам-сородичам, заставить их прикусить языки – держать самому свой повод, стать хозяином в своем улусе.

После Аныракайской битвы Батыр затаился у себя в ауле, не подавал Абулхаиру вестей о себе. А тот будто бы и не заметил его отсутствия, не обеспокоился его молчанием.

Когда до Батыра дошла новость, что хан снарядил в Россию послов, да не просто так, а с какой-то очень важной миссией, чуть ли не с предложением о союзе, султан решил, что в этой обстановке ему лучше всего держаться от Абулхаира подальше. Многие тогда недоумевали, сомневались, прикидывали в уме: «Русские цари отвергли и Тауке, и Кайыпа. Станут ли они внимать какому-то Абулхаиру?»

Батыр надеялся, что на этот раз Абулхаир упрется лбом в стену. Авторитет его разольется перед народом, словно айран из чаши, на которую нечаянно наступили. А после этого, глядишь, Абулхаиру придется расстаться с должностью главного сардара. И с возможностью занять пустующий после смерти Болата трон...

Многие казахские бии с нетерпением ждали момента, когда Абулхаир споткнется, а то и сломает себе шею!

И вдруг по степи вихрем пронеслась весть: к Абулхаиру едет русский посол!

Два дня Батыр не мог есть, все истязал себя мыслью: «Вот уж поистине, если счастье привалит, так привалит. Оно, счастье, как распутная баба: ему все одно, к кому липнуть».

Батыр извелся, похудел, потерял сон и покой. Абулхаир теперь возгордится, вознесется еще выше. А уж если русская царица пойдет не только на союз с казахами, а примет казахов в подданство, то, ясное дело, отдаст всю степь во власть Абулхаиру. И золотой трон казахов тоже ему достанется! Свершится то, чего больше всего опасались все тюрре после смерти Болата! Недаром они молчали о пустующем троне, троне без владыки, так долго: Абулхаир, куда ни кинь, был самым достойным тюрре.

Если бы казахские улусы объединились и выбрали главного хана, то он имел бы право вести переговоры с послом русской царицы. Но когда у казахов было меж собой согласие? Каждый из тюрре мечтает о троне! И никто не согласится уступить его другому, тем более — Абулхаиру! И ему, Батыру, не уступят, хотя он сын Кайыпа! Все беды от зависти ко всем и каждому! От вечных разногласий и распрей, которые так ненавистны Абулхаиру.

Когда стало известно, что царский посол добрался до Уфы, потомки Жадика зачастили в аул Батыра. Приезжали тайком, уезжали тоже тайком. Каждый желал знать, что думает сын хана Кайыпа о столь непомерном возвышении потомка Усеке, об этом выскочке Абулхаире, перешагнувшем, не считаясь с ними, через их головы. Батыр увиливал от прямых и определенных ответов, он понял, что все пока считают за благо затаиться и выжидать.

Батыр решил затаиться, посмотреть, чем кончится затея хана.

Однажды к нему неожиданно нагрянул султан Нияз. Оказалось, его послал Абулхаир и велел передать следующее: «Неужели сын Кайыпа, человека, который состоял в переписке с царем Петром, не выедет встречать русского посла?»

Батыр глубоко задумался: неспроста прислал хан к нему Нияза. Зачем ему просто так делить честь и славу с кем бы то ни было? Видно, в царском дворце не забыли Кайыпа, и Абулхаир знает, что его спросят: «Есть ли среди вашего окружения потомок Кайыпа?»

Если это так, вряд ли сам Абулхаир питает к Батыру горячую любовь! Зачем же ему тогда упираться? Если русских не интересуется больше никто из потомков Жадика, кроме него, Батыра, зачем ему прятать свою удачливую голову в тени? Умнее всего взять с собой свиту из лучших людей подвластных ему родов и вместе с молодым султаном Нурали отправиться навстречу русскому послу... Чем, однако, все обернулось?! Оскорблением со стороны какого-то ногайца! Выкрест проклятый поздоровался как положено с одним лишь сынком Абулхаира! Остальных едва удостоил кивком.

Батыру казалось, что он не подал виду, как он уязвлен, какую боль и обиду ощутил, будто кто шилом пронзил ему сердце. Но разве скроешь что-нибудь от своих ближних, от тех, кто следит за каждым твоим вздохом.

Едва они отъехали от ханской ставки, как один из биев подсыпал соли на его рану:

– Воистину, мудра поговорка: если будешь сватом пса, то наешься на его тое дерьма. Этот посол даже не заметил нас, будто мы пыль какая-то на сапогах Абулхаира!

Он угадал, что было на душе у всех биев и родовитых баев и батыров, которыми так неосмотрительно пренебрег русский посол.

Они добрались до Майтюбе мрачными и насупленными, словно после похорон. Решили, что не позволят хану встречаться с посланцем России и вести с ним переговоры наедине. Пусть ногаец не воображает, что они, лучшие люди степи, псы какие-нибудь безродные.

Абулхаира их требование застало врасплох. Он не нашел сразу достойного ответа, и это еще больше подхлестнуло обиженных, разозленных биев.

— Я и на том свете не забуду, как поступил с нами этот презренный ногаец! — кипятился Баймурат, готовый последнего коня отдать ради того, чтобы только повздорить да поспорить. — Заметил одного сопляка Нурали. Этот наглец не ведает, куда и к кому он пожаловал. Небось привык там у себя вилять задом перед своей царицей-бабой. Мы ему покажем, кто здесь правит народом!

— Верно говоришь, Баймурат, верно! Сделаем все, чтобы этот паршивый гордец лишился сна и покоя! Уж мы с ним посчитаемся за пренебрежение...

— Верно-то оно, конечно, верно, да дело не в ногайце. Виной всему Абулхаир.

— Ясно, он! Мог бы через своих послов уведомить русских о наших обычаях.

— Да вы что? Разве ему выгодно сообщать своим союзникам, что казахами правят бии, а не хан?

— Никак не выгодно! Царица тогда не захотела бы иметь с ним дела!

— Пусть этот ногаец на своей шкуре убедится, у кого власть в руках — у нас или у Абулхаира.

— За ними нужен глаз да глаз. Свет не встречал другого такого плута, как Абулхаир. Он хоть муравьем проползет, а что-нибудь придумает! Надо следить за ним в оба!

— Ну, тут уж на меня положитесь! Я постараюсь! — выпятил грудь Баймурат. — Если он даже в комара превратится, я не дам им встретиться. Не позволю!

О Баймурате шла слава как о человеке, который, едва услышав о враге, мчится ему навстречу, забыв надеть кольчугу. Как о человеке, который ради спора может отставить в сторону чашку, наполненную нежным жирным мясом. Баймурат всегда выполнял свое слово, даже оброненное им неосторожно. Он и вправду не давал людям хана сделать шага в стане посла... Поскольку Баймурат сам напрашивался на скандал с Абулхаиром, Батыр и его окружение решили:

– Подождем. Поглядим, чего добьется этот забияка. Зачем нам вмешиваться, когда скандал вспыхнул в близких к хану аулах? Нам выгоднее слегка подзуживать этих гупцов, чтобы не остывали...

Баймурат развернулся, разошелся вовсю! И если бы ему не вернули двух джигитов, попавших в руки хана, он, пожалуй, увез бы, перекинув через седло, и самого царского посла! Довольный тем, что нагнал страху и на хана, и на посла, Баймурат убрался на время восвояси.

Бии стали ломать голову, что бы еще такое придумать, чтобы встряхнуть, как овечью шкуру, посольство и ханскую ставку. Им помог случай.

Как-то бий Жалтыр повстречал на дороге джигита Байкару, который возвращался с охоты на зайцев. Байкара был горяч и вспыльчив, больше всего на свете любил он быстрых коней и гончих собак.

– Байкара, не заезжал ли ты в ханский аул? – будто невзначай поинтересовался коварный Жалтыр.

– А чего я там не видел?

– Там гостит посол из России.

– Я-то здесь при чем? Очень я нужен тому послу! Мое дело ставить капканы да ловить зверье, а не с послами разговаривать, – отмахнулся от бия Байкара, а потом добавил с улыбкой:

– Посол-то, наверное, не юноша, чтобы вместе со мной скрипеть дверями юрт, где есть пригожие девушки?

– Ох, видел бы ты, на каких конях пожаловала свита посольская!

Байкара тотчас же оживился.

А бий Жалтыр продолжал:

– Настоящие карабахские кони! Прямо-таки султаны среди коней! По сравнению с теми конями текинцы, на которых мы молимся, просто хвосты волосяные!

Байкара так и вцепился в повод бия.

– Как бы их добыть, а?

Бий усмехнулся в усы:

– А чего их добывать? Бесплатный скот, его угоняет каждый, кому не лень! Возьми с собой джигитов, крепких да удалых, окружите посольство, они там все трусливы, что твои зайцы, и действуйте. Даже Баймурат и тот в одну ночь угнал двадцать скакунов... Не поторопишься, боюсь, люди ворсинки не оставят тебе от коней.

Услышав на другой день о том, что Байкару убили в ночной перестрелке, Жалтыр поспешил к Батыру:

— К хвосту Абулхаира очень кстати прилепился дымящийся кизяк. Сырлыбай и Баби теперь возьмутся за Абулхаира, не простят ему смерти сородича-джигита. Как хан и посол будут спасать свои шкуры?!

Через неделю стало известно, что аул Абулхаира снялся со своего становья и откочевал. Султан Батыр тут же поднял и свои аулы. Он следовал за Абулхаиром по пятам, отставая от него не больше чем на два перевала. Когда же Сырлыбай умыкнул башкира из русского посольства, Батыр, не желая вмешиваться в чужие распри, поотстал и обосновался в песках Барсуки. Однако в народе ходила молва, что к похищению башкира султан Батыр тоже приложил руку.

Похоже, в это поверили соседние улусы и даже Хива и Бухара. Каждую неделю посылали к нему лазутчиков и убеждали его: «Не принимай подданства российского! Выступай против!» Потомки Жадика тоже один за другим гнали к нему своих гонцов и тоже нашептывали: «Надо до смерти запугать посла, чтобы он покинул орду Абулхаира!»

Султан Батыр скрывал ото всех, что у него на уме. Никто не догадывался, что он был взбудоражен, взволнован. Он чувствовал, что попал в сети.

Ему иной раз хотелось сесть на коня и уехать подальше от всех этих интриг и тревог. Но уехать или, больше того, послушаться шептунов — значило бы показать себя строптивцем в глазах русской царицы. Резко отмахнуться, отвадить ночных посетителей? В народе росла слава о нем, и Батыр боялся лишиться ее так же внезапно и быстро, как она родилась.

Он осторожничал, выжидая, у него на то были причины. Благодарение аллаху, наладились его отношения с потомками Жадика. С ним стали считаться и соседние ханства. Как бы ни заносились Абулхаир и посол, куда они денутся без его помощи и поддержки? Зачем ему, султану Батыру, вмешиваться в ход событий? В степи каждый день что-нибудь случается. События рождаются и лопаются, как пузыри на поверхности кипящего котла.

Батыр, на первый взгляд, целиком отстранился от всех интриг и склок, не участвовал в сговорах против Абулхаира. Но он действовал исподтишка, используя для этого своих людей. Распускал с их помощью по аулам слухи и сплетни, мутил воду, натравливал роды и биев на Абул-

хаира, подсказывал, как больнее всего уязвить хана, как навредить русскому послу. Это Батыр через своих приспешников подбил Сырлыбая напасть на русский караван и похитить Таймаса. Через верных людей он направлял действия Сырлыбая и других биев в их схватке с ханом.

Но однажды произошло то, чего Батыр никак не ожидал: к нему пожаловали Нурали и Букенбай с приглашением к послу. Он принял приглашение – как не поехать?

К тому же он был в душе польщен, что сам посол императрицы российской вспомнил о нем! Когда же он понял, что пригласил его не посол, а хан, когда он убедился, что прием ему был оказан холодный, пустил в народе слухок, что хан и посол унизились до того, что пригласили его почтительно к себе. Однако слух слухом, а присягу ему пришлось дать.

До него, Батыра, все новости доходили очень быстро. Дошли вести о том, что Сырлыбай вернул Таймаса в посольство. Что русское посольство иные бии навещают по доброй воле, с целями, угодными Абулхаиру. Но сколько еще было противников хана, готовых уничтожить и хана и посла! Эти люди сделали свою ставку на него, сына Кайыпа. Обратившись за помощью к чужому народу, иноверцам, Абулхаир почти утратил власть и лишился влияния.

Бии и султаны затеяли свою игру, и Батыр в этой игре стал главной фигурой. Переменчивое, капризное счастье вновь заглянуло в опустевшую угрюмую юрту покойного Кайыпхана. И сын Кайыпа надеялся: может, здесь оно и останется? Знатный, издавна известный род Жадика как будто бы получил реальную возможность вновь обрести былую славу и былое величие, утраченное со смертью пречистого Тауке-хана.

У Батыра сыскалось вдруг множество друзей и советчиков. Они как могли туманили Батыру голову похвалами и лестью. Но в то же время держали его за полы, призывали к спокойствию, не давали шага сделать самостоятельно.

Как гром среди ясного неба было для Батыра известие о том, что русское подданство принял даже такой могущественный султан, как Самеке. Батыр был в отчаянии. Однако румянец вскоре опять заиграл на его побледневших щеках. К нему прискакал гонец от Самеке и передал слова султана: «Я сделал это для отвода глаз, чтобы не

вызывать понапрасну гнев русской царицы. Надежды наши не потеряны, будем и дальше действовать вместе, дружно. Нам теперь ни в коем случае нельзя отпускать посла живым! За любую опасность, нависшую над его головой, за любую беду, с ним случившуюся, отныне в ответе будет Абулхаир. А мы теперь вне подозрений. Мы будем чисты перед царицей, что бы ни случилось с ее послом!»

В самом деле, вздохнул с облегчением Батыр, присяга с его подписью и подписью Самеке отправлена почтой в Россию, а следовательно, руки у них развязаны. Остается лишь умело натравливать отчаянный люд на ставки посла и хана. Надо сделать так, чтобы посол убедился: единственная возможность остаться в живых – отречься от Абулхаира, искать защиты и покровительства у потомков Жадика! Вот тогда-то Абулхаир и останется в дураках. Народ отвернется от него как от мошенника, возомнившего о себе бог знает что!

Батыр был почти уверен: если события пойдут так, как его сторонники задумали, – трон достанется ему. Золотой трон главного хана! То, о чем еще недавно он не посмел бы даже мечтать, казалось, приобретало теперь близкую реальность.

Однажды у коновязи Батыра остановилось несколько всадников. Усы их заледенели, лица были красные, обветренные. Это были калмыки с берега Эмбы, и послал их к султану тайши Лобжи, известный в степи своей строптивостью и задиристостью. Он вел непрерывную, изнурительную борьбу с кланом Аюке и считал Батыра своим союзником. Лобжи прислал весть о том, что из Астрахани выступил русский караван и держит тот караван путь на Бухару и Хиву. Возглавляет караван военный вельможа. Не исключено, сообщил тайши, что едет он с целью склонить Бухару и Хиву к тому, чтобы принять русское подданство. Караван должен завернуть к Абулхаиру и забрать с собой господина Тевкелева. Может быть, до царицы дошли слухи о тяжелом положении ее посла в казахской степи?

Если это и в самом деле так, все его мечты превратятся в прах. Нельзя допустить сюда караван! Но как? Дойди они до цели, глядишь, в Бухаре или Хиве отыщется какой-нибудь свой Абулхаир. Это – во-первых, а во-вторых, если Тевкелев доберется до России целым и невредимым, уж он там, в Петербурге, порасскажет о

своём пребывании в казахской степи, уж он там распишет, каков есть султан Батыр, сын Кайыпа... Нужно, чтобы караван этот постигла участь неудачливых караванов – мало ли их время от времени бесследно исчезает в степи.

Известие о караване и свои мысли и намерения относительно него Батыр держал от всех в строжайшей тайне.

Он рассчитал так: встретив русский караван, войско не упустит его, польстится на богатую добычу и разграбит. А уж замарав руки, пойдет с ним на любое дело... Так Батыр оказался в своем странном, удивившем многих зимнем походе.

Однако туркмены ничего не слышали о караване. Потеряв надежду на склонах Каратау, впавший в отчаяние и тоску, султан Батыр направился к Эмбе...

Как-то Батыр заметил движущиеся вдалеке черные точки: словно коршуны взлетали и махали крыльями. Сердце его ёкнуло. Значит, там стоят на карауле люди, увидели их и теперь машут шапками, дают знак опасности своим людям...

Когда войско Батыра обогнуло гору Айрақты, перед ним оказался большой аул.

Жители аула ко всему привыкли, к любым напастям и набегам притерпелись, однако теперь были в растерянности: никогда прежде враги не наведывались к ним зимой, как тут было не растеряться?

Женщины и дети попрятались, забились в юрты, старики вышли навстречу всадникам. Они дрожали от страха и холода, но старались держаться с достоинством. Согбенные, жилистые, но еще крепкие, как карагачи, старики собрались первыми принять на себя все удары и беды.

– Господи, да никак это Менлибай-бек? – раздался вдруг из окружения Батыра недоумевающий голос Таниберды.

Таниберды и Менлибай бросились друг к другу, обнялись. Казахи тотчас же опустили копья. Из юрт высыпали люди.

– Эй, объясните, в чем дело! – повелительно прикрикнул на стариков султан Батыр.

– Это же бек туркменского рода бозаши! Я встретился с ним давным-давно, в Хорезме в годы великого бедствия. Менлибай подал мне в трудную минуту руку помо-

щи. Стал моим тамыром по трапезе... Один из десяти сыновей бека, Хаким, находится, оказывается, сейчас на территории, подвластной Хиве! – захлебываясь от радости, сообщил всем Таниберды.

– Ну что ж, хорошо! Спроси у своего тамыра, не проходил ли здесь русский караван на Хиву?

Менлибай знал о караване, который искал Батыр! И не просто знал! Церен Дондук просил именно его повести этот караван в Хиву и Бухару, да вот скрутил старика ревматизм и он отправил вместо себя сына Кыдыра. Ничего не подозревая, бек назвал маршрут, по которому должен был двигаться караван.

У Батыра засияли глаза: наконец-то долгожданная удача! Наконец-то!

Он обнаружил караван среди огромных барханов. И среди русских – Бактыбая с его отрядом!

– Как дела? С добычей возвращаетесь? – осведомился с ехидцей Бактыбай.

– А ты сам? – ответили ему сразу несколько нетерпеливых голосов.

– Вы что, ослепли? – широко, торжествующе заулыбался Бактыбай.

В караване оказалось пятьсот верблюдов, до отказа нагруженных разным добром, сотня длинноногих аргамаков.

Воины Бактыбая рассказали, что они обнаружили караван по следам на песке. Им пришлось связать туркмен, потому что они никак не хотели отдавать на разграбление караван, порученный им беком, отдавать в плен русских. Туркмены готовы были драться, да русский вельможа не велел. «Не будем зря проливать кровь! – сказал он. – В крайнем случае откупимся!» Бактыбай решил не трогать русских и туркмен до тех пор, пока не появится Батыр, – он был уверен, что рано или поздно султан появится здесь. Пусть тогда и приказывает, что делать с добром и с людьми.

Воины Батыра завидев упавшую с неба добычу, не верили своим глазам. Джигиты щупали руками вьюки, мешки и возбужденно, жадно спрашивали друг у друга:

– Что бы там могло быть такого?

– А сколько всего! Повезло так повезло!

Они поплевывали на ладони в предвкушении даровых рабов и добра.

Батыр увидел среди казаков в лохматых шапках и белых тулупах рослого человека с острым, пронзительным взглядом. «Это, наверное, и есть тот самый вельможа, – подумал Батыр. – Казаков много, схватись они с Бактыбаем, он бы их не одолел. Значит, калмыки сказали правду! Кто станет слушать тех, кто пролил кровь на пути своем! Не будут внимать их словам Хива и Бухара, если они разгромят казахов. Однако и мне лучше с этими русскими не знакомиться. Зачем мне представать в их глазах разбойником, встретившимся им в степи в недобрый час? Пусть лучше Таниберды сам ведет все переговоры и с караваном и с Бактыбаем. Ясное дело, разумнее всего было бы поступить так: оставить каравану половину верблюдов с грузами, а самих отпустить восвояси. Куда они поедут наполовину пустыми? В Хиву и Бухару не поедут, а в казахские улусы их не пустят...

Однако Бактыбай поднял шум из-за добра. Разве мог он упустить всю добычу? Он и слушать не желал Таниберды. Орал во все горло: «Вам жаль отдать мне такое богатство – пятьсот верблюдов, сто коней, сто туркмен да пятьдесят русских! Никогда не поверю, чтобы вы вдруг стали такими жалостливыми к неверным!»

Русские и туркмены с удивлением взирали на двух яростно спорящих казахов. И если один из них еще как-то сохранял выдержку, хотя и говорил громко, то другой уже принялся размахивать камчой.

Батыр не вмешивался в спор. Послал широкоплечего, спокойного Абагая унять спорщиков:

– Скажи Бактыбаю, чтобы прекратил базарить. Хватит с него добычи и в полкаравана. Остальных надо отпустить, да и самим пора трогаться в путь. Намекни, что у меня есть на то причины...

Однако и Абагаю не удалось успокоить разгневанного Бактыбая. Пришлось все-таки самому султану вмешиваться. Он приблизился вплотную к Бактыбаю и процедил сквозь зубы:

– Хватит, прекрати!

Волоча по земле длинный кнут, Бактыбай подошел к туркменам и вдруг завизжал, будто его резали:

– Дьявол с ними, их, может, и отпущу, но вот этого щенка ни за что!

Он рвался к стройному джигиту с синяками и кровоподтеками по всему лицу.

– Или увезу этого как своего раба, или горло ему перережу!

Джигит оказался сыном бека Менлибая. Измученный, как и его попутчики, десятью днями плена, он понял, что все беды они терпят из-за надменного, крикливого Бактыбая. Он вытащил нож и собрался бросить его в спину врага, но ему помешали. Связали и беспощадно избили...

Тут уж выдержка оставила Таниберды. Он подскочил к Бактыбаю и загородил собой юношу. Бактыбай не унимался, напирал на Таниберды. Пришлось опять вмешаться султану Батыру:

– Ладно, пусть Бактыбай пока забирает парня себе. Но пусть только попробует хоть пальцем тронуть его!

На другой день Таниберды обменял сына своего друга на причитавшихся ему двадцать верблюдов с грузом. Он решил отвезти юношу в свой аул, подлечить, а потом возвратить отцу.

Когда проклятый караван повернул назад, Батыр вздохнул с облегчением. Разграбление каравана на совести Бактыбая. Батыр выступил в роли спасителя. Ведь это он спас караван от разбойника Бактыбая. Слух об этом надо будет пустить по степи.

Джигиты султана были счастливы, шумели, каждый хвастал своей добычей. Больше других суетился Сагалбай, всем подряд показывал продолговатый черный футляр, в котором находился какой-то блестящий предмет. Однако, что это такое и для чего он, никто не знал. Сгорая от любопытства, Сагалбай решил обратиться к самому султану, показать ему загадочную вещь. Батыр долго в нее вглядывался, потом изрек:

– Я слышал, русские едят пищу, протыкая ее железом. Это штуковина, видать, и есть та самая...

«Вот что значит тюре! Все знает! – восхитился в душе счастливый обладатель редкостной вещи. – И правда, на два жала насаживается мясо, удобно! Воспитанный человек, наверное, нанизывает еду на одно острие, а жадный – сразу на два! – Сагалбаю не терпелось добраться поскорее до дому и попробовать свое приобретение в деле. – Наверное, сподручно будет выхватывать из котла баранью ножку!»

Войско вышло к пескам Барсуков. Батыр пытался представить себе, что творится сейчас в улусах. Живы ли хан и посол? Или...

Наступил наконец день, когда они подъехали к месту, где находились ханский аул и посольство. «Что там кричит Бактыбай, гордо восседающий на коне впереди своей добычи – пятидесяти верблюдов? Изрыгает угрозы и проклятия русскому послу? Неужто он... О аллах, выходит, посол еще жив? Значит, и Баби ничего не сделал? Простил русским гибель джигита из его рода? Чудеса! О ужас! Послу теперь станет известно, что они ограбили русский караван! Нельзя, нельзя допустить этого! Я сам должен обо всем рассказать ногойцу, представить события так, что если бы не я то караван был бы уничтожен! Пришлось-де откупиться от Бактыбая добром! Нет, лучше сначала послать к ним Абагая, пусть он сообщит им об этом, а потом уж настанет моя очередь ехать к послу». Батыр подозвал к себе Абагая.

* * *

Зима под напором весны наконец отступила. Их схватка терзала степь целый месяц и снегопадами, и холодными дождями, и песчаными бурями.

Степь успокоилась, вздохнула с облегчением. Начали пробиваться первые травы. Дни стали теплее, позеленели холмы, напоминавшие до этого старые кошмы. Около юрт заблеяли только-только появившиеся на свет ягнята.

С утра до вечера казахские аулы пребывали в суете и заботах. Начался окот, и люди были заняты новорожденными, не державшимися на ногах жеребятами и верблюжатами, не обсохшими еще ягнятами и козлятами...

Две недели никто не беспокоил русское посольство. И лишь в конце месяца мимо него промчались какие-то всадники с кучей добра, выкрикивая угрозы:

– Ну, погоди, посол, недолго осталось тебе жить!

Не прошло и часа, как в посольство прибыл незнакомый путник в лисьей шапке и волчьей шубе. Назвался Абагаем.

Абагай поведал им историю о том, как султан Батыр, возвращаясь из похода, спас русский караван от разбойника Бактыбая...

Абагай удалился так же поспешно, как и явился.

Тевкелев обдумал все, что рассказал ему казах, и решил: султан Батыр недаром бьет себя в грудь, выставляя себя спасителем русских. Что-то не похож он на спаси-

теля. Важно, что он вернулся из своего странного похода и что теперь легче будет следить за ним.

На следующий день в юрту к Тевкелеву пожаловали гости. Были среди них Абулхаир, Букенбай и Батыр, ступавший как-то робко и неуверенно.

Первым заговорил Абулхаир, который утратил свое спокойствие и на этот раз даже не пытался скрыть негодования.

— Ограблен русский караван. Нарушена наша клятва русской императрице. Впору хоть сквозь землю провалиться! — выпалил он отрывисто. — Не зря в народе бытует мудрость: один катышок навоза может испортить целый бурдюк масла. Из-за какого-то негодяя с алчным сердцем и ненасытными глазами все мы обречены на справедливый гнев ее величества царицы! — каждое свое слово Абулхаир произносил так, словно выстреливал им в своих врагов — напористо, зло, со скрытой угрозой.

Букенбай сидел с опущенной головой, пряча глаза от стыда. Все косились на Батыра.

Тевкелев был доволен: значит, они побаиваются русской императрицы, сознают, что может наступить расплата, неминуемая и жестокая. Что ж, это хорошо, когда кто-то чувствует свою вину и ответственность за нее. Но сейчас лучше не пугать их. Надо слегка успокоить их.

— Великая государыня наша милостива. Она не наказывает невиновных. И на этот раз она повелит прежде всего выявить истинных виновников, а потом уж станет чинить над ними суд. Я, и вы это знаете, хан, никогда не сомневался в вашей честности и преданности. Не тревожьтесь понапрасну! — обратился Тевкелев к Абулхаиру.

Хан поднес к груди правую руку и молча, скрывая волнение, поклонился. Тут Батыр попытался было раскрыть рот, но его опередил Букенбай:

— О аллах! Каким бы отчаянным разбойником ни был Бактыбай, он все равно не осмелился бы напасть со своим небольшим отрядом на султана с двухтысячным войском! Чепуха это, никогда не поверю! Скажи лучше прямо, Батыр, что не очень-то ты стремился остановить Бактыбая.

Батыр принялся клясться и божиться, что не виноват, и действовал он из самых что ни на есть благородных

побуждений, и если бы не он... Султан чуть не бил себя в грудь и все говорил, говорил, повторяя одно и то же:

– Если я взял хоть ломаный грош из этого каравана, пусть пропадет все мое добро! Все до нитки! Я же... ведь я же...

Казахи по-прежнему слушали Батыра с суровыми лицами.

Тевкелев почел за благо вмешаться и попытался в обтекаемых выражениях успокоить Батыра.

– Господин посол, я только тогда смогу быть спокоен, когда вы сообщите государыне-царице, что я не таю в своем сердце ни капли зла, – голос Батыра звучал умоляюще. – Казахи дошли до крайности – они лишились всех базаров и потому готовы польститься на любую тряпку. В таком положении они ни за что не согласятся упустить добычу, которую, можно сказать, сам бог послал им. Народ наш привык к барымте, это у него в крови. Когда все казахи примут российское подданство, многое изменится. Степняки наши со временем привыкнут к порядку. – Батыр старался еще больше смягчить Тевкелева и разжалобить Абулхаира и Букенбая.

– Хорошо, хорошо, султан, я так и доложу государыне! – произнес Тевкелев с легким раздражением, давая понять, что с этим покончено.

Казахи вздохнули с облегчением и, возбужденные и радостные, заговорили все разом:

– Есть, господин посол, у нашего народа праздник, которого ждет с одинаковым нетерпением и богатый и бедный. Курбан-айт называется. Завтра канун праздника – шек, а послезавтра – айт. Приглашаем вас, пожалуйста, разделите с нами наш праздник!

– Кстати, – кивнул с лукавой улыбкой в сторону Букенбая хан, – жена батыра родила ему еще одного сына. Он собирается отметить великую свою радость одновременно с айтом.

Посол вручил Букенбаю подарки для его жены и сына.

* * *

И вправду у казахов нет праздника более радостного, чем айт.

Жители разных аулов ездят друг к другу, чтобы поздравить, наряжаются в самые лучшие свои одежды, садятся на самых быстрых коней и мощных верблюдов.

Даже самый бедный из бедняков может в этот день открывать без опаски двери сорока домов. Да что там может – должен! Его всюду приветят. Каждая юрта выставляет напоказ самые ценные и дорогие свои вещи. На торе водружают вешалку, а на ней развешивают самую красивую одежду и самые ценные меха. Люди извлекают из тюков и сундуков самые заветные, самые любимые вещи и раскладывают их на всеобщее обозрение. С раннего утра до поздней ночи у каждой юрты кипят котлы и люди ходят друг к другу в гости, угощаются, пируют. В народе считается: если котел твой не будет полным в айт, достаток твой пойдет на убыль. Если вещи твои не увидят чужие глаза, они могут пропасть, сгинуть без пользы.

Тевкелев и другие люди из посольства побывали в нескольких аулах. Нагостились, насмотрелись и наслушались всего столько, что долго находились под впечатлением увиденного.

А казахи все вздыхали, все сетовали, что нынешний айт – уже не тот, что раньше. Какими айты были в прежние времена, когда они обитали у Каратау! В те счастливые для казахов времена степь превращалась в разноцветное волнующееся море – такими нарядными были мужчины и женщины, направляющиеся на праздник. На каждом песчаном гребне белизной сияли юрты, за которыми было тесно от коней, всюду горели костры, от котлов разносились соблазнительные запахи. А вешалки ставились даже между юртами. И чего не было на тех вешалках! Дорогие ковры, одежда из шелка, бархата, сукна и ярких ситцев, шубы и шапки из соболя, енота, ондатры, куницы, лисы... За аулами устраивали качели – алтыбакан для молодежи, и степь наполнялась веселым смехом, звонкими песнями. Аксакалы делились воспоминаниями, шумели, молодели на глазах.

«Это теперь, – говорили Тевкелеву казахи, – мы прячемся, пригибаем головы среди барханов. А в былые времена мы стремились повыше забраться, на холмы, чтобы нас издалека можно было заметить. Заметить и пожаловать к нам в гости. Аулы с аулами, роды с родами, улусы с улусами соперничали в эти дни в убранстве и торжественности. Ораторы состязались в красноречии, борцы в силе и ловкости, острословы в остроумии и шутках. Никто не глядел, не допытывался, кто из какого жуза –

все были в день айта братьями. Становились роднее родных. А какие песни звучали на празднике! Какие песни! Лаская слух, задорные мелодии Старшего жуза сливались, сплетались с задушевыми мелодиями Среднего жуза. В этот сладостный напев врывались горькие, печальные и яростные напевы сказителей из Младшего жуза, и пылавшие радостным румянцем лица слушателей тускнели, глаза начинали гореть гневной силой».

А когда казахи садились за единый, общий праздничный дастархан, расстилавшийся для всех трех жузов, казалось, что они все сыновья одной матери. Разведи их, разметай их судьба по сторонам, сразу, казалось, утрачат они свою гордую силу, сияющую красоту, торжественное великолепие. Да-а-а, сыновья одной матери, братья... И если они, казалось, покинут друг друга, разлучатся, поссорятся, тот, кто вчера на миру был щедрым, с открытой и широкой душой человеком, превратится в робкого и безвольного человека, а ловкий и находчивый краснобай, из слов вязавший узлы и кружева, – в надоедливый болтуна, попусту томящего свои челюсти. Храбрый и отважный джигит обернется скандалистом, задирающим в пустой злобе всех подряд...

«Разве нынче айт настоящий, каким ему положено быть? – вздыхали аксакалы. – Казахи хороши, когда в битве их знамена – знамена трех жузов – реют рядом, когда с байги приходят вместе три скакуна, когда за дастарханом собираются певцы, музыканты и острословы всей земли казахской! Нынешний айт лишь по названию айт! Эх, – вздыхали старики еще печальнее и горестнее, – вернутся ли, настанут ли когда-нибудь опять времена единства, братства и благоденствия нашего?»

Однако, как ни расписывали казахи прелести прежних своих айтов, как ни умаляли достоинства настоящих, русским и башкирам все равно было интересно побывать на любимом празднике степняков. Они на все смотрели с жадным любопытством, как на диковинку.

Громче и охотнее всех выражал свой восторг Сергей Костюков. В какую бы юрту ни вошел, из какой бы ни вышел, он не переставал восхищаться:

– Господи, вы видели, какое великолепие, какое богатство красок! Прямо-таки буйство красок! Как любят, оказывается, эти кочевники красоту, как ее чувствуют!

От Сергея ни на шаг не отставал Сидор Цапаев, толь-

ко он, будучи потомком не ученых, а крестьян, выражал свои чувства иначе:

– Нету у этих чудаков разума, право слово, нету! Каждый оборванец украшает, видите ли, луку седла серебром! Каждый напяливает на голову лисью или кунью шапку! Даже ремни для порток украшают серебром, надо же, а? Небось не понимают, дурни этакие, что седла под ними, камча в руках, пояса да шапки подороже стоят, чем они сами!

... Славно, что был айт и что русские и башкиры из посольства побывали на празднике во многих аулах! Казахские аулы тоже стали понемножку привыкать к иноземцам, узнали многих из них. Обходительного, неторопливого Сергея Костюкова они наградили прозвищем Рыжий Верблюжонок, плутоватого, стремительного Юмаша назвали Гончим Псом, а коротконового, с круглым брюшком Цапаева удостоили клички Песчаник. А уж коли казахи дали кому прозвища и клички, стало быть, признали за своего.

* * *

Вскоре после айта Юмаш принес Тевкелеву известие: разграбленный русский караван послала сюда сама императрица. Люди султана Батыра специально его выследили и ограбили, чтобы караван не дошел до этих мест, не мог встретиться с русским посольством. Заинтриговала Тевкелева и новость Цапаева.

– Вчера я ходил в ханскую орду, к слугам, попросить табачку, – неторопливо докладывал казак послу. – И что же я там увидел, в каморке для слуг? Девушку с толстыми светлыми косами, такими, какие у наших русских девушек бывают! Не успел я рот открыть, словом с ней перемолвиться, как в каморку пуль влетел ханский туленгут. «В дом, где нет мужчины, входить нельзя. Запомни это! Иначе беду на себя накличешь», – рявкнул он – и хватить девушку за руку! Вот так-то!

– Это известие стоит того, чтобы о нем подумать, – изумленно заметил Тевкелев. – Зря там не появляйтесь, не дразните гусей, но присматривайтесь, нет ли где в казахских аулах русских пленных. Постарайтесь быть внимательным! Однако действовать надо с особой осторожностью. С особой! – подчеркнул он.

Вскоре из Уфы во главе с Маулетом Илимбетовым прискакали семеро посланцев – воеводы. Илимбетов передал

послу письмо от Коллегии иностранных дел. Там была инструкция – встретиться с полковником артиллерии Гарбером, вместе с ним и его караваном отправиться в Хиву и Бухару для ведения переговоров о принятии этими ханствами российского подданства.

Информация Юмаша оказалась, увы, точной. Где теперь полковник Гарбер с его подчиненными, что с ними? Инструкция Коллегии иностранных дел осталась невыполненной, не успев даже попасть в руки посла. А сам он не только лишен всякой возможности встретиться с Гарбером и его караваном, но и выбраться отсюда.

Выходит, сетования и уверения султана Батыра и впрямь были фальшивыми. Недаром казахи не верили султану, спорили с ним, а главное, давали ясно понять послу, что не верят клятвам и слезным объяснениям Батыра...

«Откуда в этом человеке столько хитрости и коварства? – размышлял Тевкелев. – Послушать его речи – надменный, пустой человек. Вглядишься в лицо – тупица, до которого медленно доходит все, что ему толкуешь. Вялый, медлительный, будто спит на ходу. И нате вам – такое коварство и хитрость! Вся эта история с его походом и якобы непокорным и вздорным Бактыбаем – сплошной обман. Кстати, это, наверное, он грозил мне, проезжая мимо. А эти угрозы? Что в них – действительно вздорность глупца, задиристость недалекого человека или злоба? Направленная, нарочно вызванная злоба? И ненависть? И что они сулят нам в будущем, чем обернутся? Не зря приезжал сюда султан Батыр. Хотел создать впечатление, что он – друг и сторонник наш. Он в курсе всех дел. Более того, он их направляет. И, конечно, он заранее знал о русском караване, возможно, знал даже до того, как наши выступили в путь. Узнать обо всем он не мог через каких-то своих осведомителей из туркмен или калмыков. Свой поход на туркмен среди зимней стужи Батыр затеял, чтобы перехватить наш караван. Хотел перехитрить всех на свете, был уверен, что замысел его останется тайной, не поддастся расшифровке. Теперь-то все открылось, стало явным, как шов на одеяле, стеганном неряшливой бабой! Только замысел свой султан, увы, осуществил!

Угрозы, запугивание... Не исключено, что они бьют по двум целям сразу – в меня и в Абулхаира. Ибо моя гибель прежде всего ударит по Абулхаиру и его великому

делу. Припоминаю теперь – Букенбай как-то в разговоре со мной сказал: «Батыр хочет стать ханом вместо Абулхаира!» Какой путь, кроме кровавого, доступен Батыру, чтобы стать ханом? Никакого! Потому он может решиться на самые крайние меры».

На следующий день после приезда уфимских посланцев у Тевкелева появились хан, батыр Букенбай и большая группа биев.

Поздоровались и сразу же спросили:

– С чем прибыли, с какими новостями гости из Уфы? Есть известия от наших послов, отправившихся в Россию?

Букенбай так и впился в лицо посла взглядом. Тевкелев знал, что один из казахских послов Бакай приходится родным братом жене Букенбая. «Наверное, беспокоится о нем!» – отметил про себя Тевкелев и произнес спокойно и уверенно:

– Послы ваши добрались благополучно. Под опекой русской императрицы им печалиться не придется.

– Хорошо, если так, – пробормотал Букенбай, хмурое лицо его не просветлело.

Тевкелев удивился и покосился на Абулхаира.

– Мы слышали, что снова произошло столкновение между казахами и башкирами, – то ли спросил, то ли сообщил хан.

– Напали казахи на башкир, которые охотились, отобрали добычу, ранили около двадцати человек, увели коней. Может быть, есть и убитые. Пленников взяли, – ответил Тевкелев.

– Нехорошее дело, нечистое! – удрученно покачал головой Абулхаир. – Но до общего съезда казахов в мае мы ничего не сможем предпринять. Все, что мы сейчас можем, – это поставить условие биям Среднего жуза, чтобы они утихомирили своих людей и возместили башкирам потери.

Посол обвел взглядом казахов. Все они были мрачны.

– Господин посол, – обратился к нему Букенбай. – Случай с русским караваном нас печалит, поверьте нам. Сделанного, однако, не воротишь. Связываться сейчас с разбойниками, требовать от них, чтобы они вернули награбленное, не время. Не будет от этого толку. Народ живет в страхе, находится на перепутье. Ему время нужно, привыкнуть еще надо... Нам выгоднее, чтобы на нашу сторону перешли те, кто пока от нас бежит.

– Разве мы с вами не решили это еще в прошлый раз? Зачем беспокоиться понапрасну? – Тевкелев искрение недоумевал по поводу этих тревог и опасений казахов. – Русские не принимают поспешных мер без выяснения всех обстоятельств дела. И на этот раз не отступят от своего правила.

У казахов просветлели лица. У всех, кроме хана и Бу-кенбая. Оставшись один, Тевкелев пытался разгадать причину подавленности и мрачности своих ближайших соратников. Может быть, они знают что-нибудь о планах противной стороны?

* * *

После айта Костюков стал особенно часто захаживать а гости к Зердебаю – мастеру на все руки. Абулхаир собирался сыграть свадьбу одной из своих сестер и потому среди других кузнецов, ювелиров, разных умельцев пригласил в свой аул и Зердебая.

Четырехстворчатая юрта Зердебая стояла неподалеку от посольства, в стороне от юрт остальных мастеров. Зердебай, словно испуганный, нахохлившийся воробей, находился все время в юрте. Обставил Зердебай своими сундуками и полками многие юрты баев, украсил своими поделками наряды многих девушек и женщин, но свою юрту обставить ему никак не удавалось. Зердебаю и скот доставался за работу, и иное добро, да только жена его Жаныл была плохой хозяйкой. Все у нее проходило мимо рук, уплывало сквозь пальцы.

Жаныл обычно сидела возле своей ободранной жалкой юрты, теребила шерсть, мыла кожу, но куда потом деваются и шерсть эта, и кожа – никому не известно. Кошмы на юрте рваные, торь пустой, тонкий коврик на полу всегда сморщен, как лоб сварливой женщины.

Зердебай раздувал мехи, дымил саксаулом, стучал молоточками. Костюков смотрел на ювелира, на его проворные руки, ловкие пальцы. Вынимал бумагу и что-то писал или рисовал. Время от времени оба восторженно цокали языками. Русский парень поражался мастерству смуглого рябого казаха, который, задыхаясь от дыма, творил вещи поразительной красоты. Ювелир изумлялся закорючкам, которые так легко и быстро выводил своей волшебной тоненькой палочной нескладный скромный джигит с добрыми светлыми глазами. Когда же Сергей

нарисовал на бумаге браслет, Зердебай и вовсе онемел от изумления.

Зердебая удивляло и то, как русский джигит прост в обхождении. Не важничает, не задирает нос, как это принято у казахов, а ведь он приехал из неведомых краев, из могущественного царства! А уж любознателен! Не стесняется спрашивать, не боится обнаружить, что чего-то не знает. И как растет саксаул, и как казахи шьют шубы из меха разных зверей, и как удаётся ему, Зердебаю, так тонко вить серебряную нить – все ему интересно.

Беседовали они часами, иной раз до позднего вечера. Как только они понимали друг друга? Рыжий Верблюжонок изъяснялся на какой-то причудливой смеси разных языков. Где не хватало слов, там друзья прибегали к помощи мимики и жестов.

Зердебай в душе гордился, что к нему как к уважаемому человеку приходил этот Рыжий Верблюжонок. Только он один так и приходил. Каждый полдень появлялся, и мастер откладывал в сторону молоток и с улыбкой здоровался со своим молодым приятелем. Сергей всегда прощался с улыбкой. Станный парень, он каждый день протягивал Зердебаю руку, словно тот был какой-то хаджи, совершивший путешествие в Мекку...

Наступил май. Ягнята и козлята подросли, окрепли.

В песках становилось жарко. Возле юрт начали мечтать о просторе, о летних пастбищах, стали готовиться в путь.

Пестрое длинное кочевье ханского аула на этот раз изменило свой обычный маршрут. На этот раз оно обогнуло южные отроги Мугоджар и направилось на север. Абулхаир не от хорошей жизни не поехал на свое обычное летовье, где для людей было много зеленых рощ, а для скота – лугов и воды. Потомки Жадика сплотились против него и вредили ему, как только могли. Враги действовали, как гласит народная мудрость, словно обнаглевший корсак, который роет нору даже ухом.

Они никого не пропускали в Уфу или из Уфы. Посольские не могли шагу ступить в другие аулы – только в ханский. Нападали предательски на башкир и на державших сторону хана калмыков.

Вот когда Тевкелев убедился, что торжественные клятвы Батыра и Самеке ничего не стоят. Они решили, судя по всему, перейти к открытой борьбе.

Почему они решили так и именно в этот момент, что давало им уверенность и возможность действовать именно таким образом?

Тевкелев и Абулхаир были осведомлены о том, что в народе ходит много разных слухов. Кто-то намеренно распространял их. Особенно упорно шептались о том, что казахское посольство, которое возглавил родственник Букенбая батыр Бакай, терпит в России сплошные неудачи. Зачем русской царице глупый лепет этих «послов», на которых по пути в Россию дважды нападали свои же единокровные братья – казахи?

Прошла даже молва, что послов схватили и посадили за решетку как заложников и будут держать до тех пор, пока казахи не вернут русское посольство. Русская царица терпелива, но на этот раз, прослышав про разбой, учиненный Бактыбаем, она не вытерпит.

Слухи пугали, будоражили людей, не давали им жить в покое.

Как-то Букенбай привел в юрту Абулхаир-хана незнакомого человека. Хан хорошо изучил Букенбая и мог даже по походке судить о его настроении. На этот раз батыр пришел в плохом настроении – значит, принес недобрые вести.

Букенбай кивком показал своему спутнику, чтобы тот сел, и тот тяжело плюхнулся справа от хана. Абулхаир понял, что незнакомец – калмык, и, судя по одежде, из знатных, скорее всего посол. Однако какой-то странный посол. Обычно калмыцкие послы держались надменно, важно. Этот же будто бы оробел, прятал глаза.

– Говори, с чем явился? – властно, словно рабу, приказал Букенбай.

Калмык вынул из-за пазухи бумагу и протянул ее Абулхаиру с таким видом, словно бумага эта жгла ему руку. И сразу же забубнил монотонно и уныло:

– Зовут меня Мунке. Меня послали к вам два тайши – Доржи и Лобжи, отец и сын то есть. Между ними и Церен Дондуком возникли разногласия, которые переросли во вражду. Церен Дондук попросил у русской царицы войско, и она направила ему двадцать тысяч солдат. Однако калмыки разбили войско наголову. Теперь отец и сын тайши Доржи и Лобжи решили начать войну с Россией. Они хотят видеть вас, Абулхаир-хан, своим союзником в этой войне.

Абулхаир-хан был готов услышать все что угодно, только не это. Он знал о давней вражде Доржи и Аюке, но, оказывается, и с сыном Аюке – Цереном Дондуком – они живут как кошка с собакой. И решили свою ненависть к Церену Дондуку перенести на русских...

– Разве будет русское кочевье удачливым, если его возглавляет баба! – вдруг, не моргнув глазом, выпалил калмык. – Где уж ей? Петр Великий относился справедливо ко всем калмыцким улусам. Эта же длинноволосая никого не признает, никого не уважает, кроме ханских отпрысков. – Калмык обиженно хлюпнул носом. – До небес восхваляем русские пушки и другое оружие, восхищаемся, какие у России солдаты. А они, на поверку выходят, перед калмыками и казаками все равно что мальчишки, которые впервые сели на жеребят! – Посол расправил плечи, поднял голову. – Если мы объединимся с вами, то все слабости этой самой царицы сразу же обнаружатся!.. Если вы, великий хан, примете предложение тайши Лобжи, он сразу же отдаст вам в жены свою дочь, богатого приданого не пожалеет. Он готовит также дары батырам Букенбаю и Есету – каждому по двести коней и сто верблюдов. Вот так, с тем я к вам и приехал. Зачем вам оглядываться на царицу, зачем иметь с ней дело теперь? – калмык сделал ударение на последнем слове. – Наверное, вам самим известно, что произошло с вашими послами?

Абулхаир не проронил ни слова. Слуга увел Мунке в другую юрту.

Хан и Букенбай переглянулись, помолчали. Последние дни Букенбай совсем приуныл, опустил голову. В какой бы аул он ни приехал, всюду неслись в спину ехидные шепотки да злобные насмешки: «Он-то, бедняга, ради этого посла русской царицы бросал, бывало, трапезу, скакал сломя голову по его первому зову! Хорошо же повелительница кафи́ров отплатила ему! Заточила в темницу единственного брата жены! А жена-то у Букенбая, вот несчастная, совсем разболелась, ох-хо-хо! Напала на нее какая-то припадочная болезнь, чуть что – теряет сознание! Да, есть на Букенбае вина! Это он заложил голову Бакая, если что случится, жизнь Бакая на его совести будет!»

Букенбай молчал, словно воды в рот набрал. Видя его насупленные брови, скорбно опущенные губы, Абулхаир

и сам почти начинал верить людским пересудам. Почему не поверить? Все может быть!

Что повезло с собой казахское посольство белой царице, кроме испещренной подписями и печатями бумажки? Слова, пустые обещания, лживые заверения и клятвы. Если бы императрица не беспокоилась за судьбу своего посла и своих людей, разве послала бы она по зиме этот злополучный караван? А что случилось с ним? О господи, что же тут удивляться, если она заточила в темницу казахских послов! Хотя ни хану, ни тем более Букенбаю от этих размышлений было не легче... Они превратились в мишени для насмешек. Подвластный им народ почти весь разбежался в разные стороны. Одни совсем отчаялись, отвернулись от них, другие выжидают, чем это все кончится.

Есть от чего отчаяться. На что может решиться в гневе женщина, восседающая на троне в великой стране? Кто их, баб, разберет? Недаром говорят о них: волос длинен, да разум короток... И влияние потомков Аюке на калмыков слабеет с каждым днем. Если русское войско разбито, то слава русской императрицы померкнет в глазах казахов.

Все учили эти матерые волки – Доржи и Лобжи. Решили взвалить на хана еще одну непомерную тяжесть. «Последуешь за нами, присоединишься к нам – будешь в чести и у казахов и у калмыков!» – вот что своими действиями хотели они сказать хану. И они по-своему правы. Если он сейчас потянется копьём к русской границе, тех, кто одобрит и поддержит хана, будет куда больше, чем тех, кто осудит. Сбегутся быстро, соберутся вокруг него, начнут шуметь, во всю глотку славить да восхвалять! Ставка ханская наполнится людьми. Не то что теперь – стоит пустая, словно жилище какого-нибудь вора.

Да, есть о чем задуматься. Есть из-за чего печалиться, страдать Букенбаю. Аллах подлил масла в ханский угасающий светильник – впереди забрезжила надежда вернуть былую славу, былой почет. Как тут не ломать голову?

«Предположим, я переметнусь на сторону калмыков. Народ мой скажет: «Барекельды!» Калмыцкий тайши отдаст мне свою юную дочь, пригонит тучные стада, ну а потом? Долго ли продлится счастье, купленное такой ценой? Кто может сказать, что завтра же не налетит на нас с востока джунгарский контайджи? Не придет отомстить

нам русское войско? Ведь я стану тем разнесчастливым, который собственными руками подкинул дрова в два костра, между которыми и без того жарится бедный мой народ! Да-а-а, эдак можно зажечь адское пламя!..

Как долго, к тому же, продлится, сохранится единство моего непостоянного народа? Окажись я клятвопреступником перед русскими, он сегодня соберется вокруг меня, а завтра покинет, как уже не раз было, хотя бы после битвы на Аныракае. И снова будут кипеть злобой и завистью потомки Жадика, и главного трона мне не видать как своих ушей. Не заняв же главный трон, я не добьюсь ничего. Не будет мне счастья и покоя никогда! Если, кто и может наделить меня подлинной властью, вознести на трон, так это белая царица. Только она!

Изменить планы и решения, то есть изменить русским, значило бы отказаться от того, что я всегда считал смыслом своей жизни. И я на это не пойду! Иначе — позор на все времена перед собой, перед народом, перед русскими!

А что, если калмыков подговорили мои враги, взяли и подослали ко мне с этим предложением? Так, пожалуй, скорее всего и есть. Их цель — опозорить меня перед всеми — русскими, калмыками, казаками, выставить меня предателем. Очернить в глазах императрицы. Завтра же поскачут к ней, примкни я сейчас к отцу с сыночком. Путь к трону и счастьем лежит через Россию, а мои враги готовы на любую подлость и преступление, чтобы только плюхнуться своими погаными задами на главный трон казахов! Враги — потомки Жадика — знают это так же хорошо, как и я. Потому Самеке и стелился травой, когда к нему явился человек от посла. Потому по первому же зову русского посла, как послушный ягненок, прискакал сюда Батыр.

Нет, уж если я взялся за полу Тевкелева, то не должен выпускать ее из рук! Гибнуть — так вместе, воскресать — тоже вместе! Первым делом следует разоблачить предателей Доржи и Лобжи, отдать Тевкелеву их послание. Интересно, как он воспримет его? Русская царица окончательно уверится в моей преданности».

* * *

Когда Сергей Костюков оказывался в ханском ауле, то попевал всюду: доят женщины скот — он уже там, ткнут

на самодельных станках – он тоже рядом. Сбивает какая-нибудь старуха масло – он вместе с ребятами примачивается неподалеку. И там, где толкут просо, и там, где плетут циновки, – всюду неутомимый, любопытный Сергей.

– У казахских женщин подолы просторные, как шестистворчатые юрты. Смотри, войдешь как-нибудь и заблудишься! – подсмеивались над ним товарищи.

Сергей пропускал мимо ушей их беззлобные, а иной раз и соленые шутки и что ни день отправлялся в аул.

Как-то он встретил на дороге стайку мальчишек верхом на жеребятах. Дети привыкли к Сергею, не дичились его и, как обычно, заметив его, поскакали ему навстречу:

– Рыжий Верблюжонок! Рыжий Верблюжонок. Ур-р-р-а! – кричали они оглушительно и радостно.

Один из мальчиков отдал Сергею повод своего жеребенка, а сам примостился сзади. Мальчишки показывали руками в сторону гор и галдели: «Едем! Едем туда!»

Они оказались в ущелье, склоны которого были покрыты густыми зарослями кустарника. Приглядевшись, Костюков увидел, что это кусты ежевики и смородины и что все они усыпаны ягодами! Мальчишки оставили жеребят на зеленом лугу и начали прочесывать кусты, набивать рот спелой душистой ягодой. Сергей последовал их примеру и с жадностью набросился на сладкие спелые ягоды. Они будто звали, дразнили его, сами просились в рот – блестящие черные и ярко-красные ягоды. Ягоды его детства! Он клал и клал их в рот одну за другой, целыми горстями! Настал момент, когда Сергей почувствовал: все, больше он не в состоянии проглотить ни одной! Тогда он решил собрать ягоды для товарищей. Снял рубаху, завязал рукава узлом и начал бросать их в свой доморощенный мешок. «Ох, и обрадуется охочий до сладкого Цапаев, – подумал с улыбкой Сергей. – Правда, он и до всяких глупостей и шуточек охоч, да уж ладно!»

Солнце достигло зенита, стало очень жарко. Сергей решил отдохнуть, прилег в тенечке под кустом. Воздух был напоен ароматами трав, цветов, ягод, свежей зелени. Заливались птицы – самозабвенно выводили свои звонкие нежные песни. Блаженство, да и только! Красота! Будто дома в детстве, притомился после сбора ягод и примостился где-нибудь в тени. Всюду в мире – одно

небо над людьми, одна земля под ногами, одно солнце светит. И дети всюду одинаковые, когда собирают ягоды, забывают обо всем на свете, набивают себе полные рты, пачкают соком лица. Их отцы и братья? Босоногий в лохматом тымаке казах, живущий в голой степи, или лапотник в рваном зипуне на родной стороншке — чем они друг от друга особо отличаются? Казахи наивнее и, пожалуй, осторожнее с незнакомцами, с чужаками. Но и они тоже, стоит им убедиться, что у тебя в мыслях нет ничего дурного, тотчас же открывают душу. Цапаев, тот их всех считает злодеями, врагами, все они только и ждут, как бы обмануть тебя да оставить с носом! Часто приходится ему спорить с Цапаевым, уж чересчур он подозрительный. А Сидор всегда отвечал Сергею: «Ты — желторотый юнец и ничего еще не смыслишь в жизни и в людях».

«А по мне, — усмехнулся Костюков, — это он, Цапаев, ничего не смыслит в жизни и в людях. Чем, например, эти смуглые, голоногие ребятишки, собирающие ягоды на склонах Мугоджар, отличаются от сорванцов, которые делают то же самое на склонах Уральских гор? И те и другие — лохматы, вихрасты, и у тех, и у других под носами мокро, а в головах ветер гуляет».

Костюков не заметил, как уснул. Открыл глаза, когда солнце уже склонялось к горизонту, тени удлиннились, исчезли дневные звуки, кругом было тихо.

Сергей огляделся по сторонам, покричал ребят. Никто не отозвался. «Ну что ж, придется самому отсюда выбираться, искать дорогу», — подумал он. На лужайке, где они оставили утром коней, тут я там виднелся свежий навоз, но коней не было. Дети, видно, решили, что он уже отправился домой или, заигравшись, забыли о нем.

Сергей шагал широким шагом и с наслаждением вдыхал запах пахучих трав. Вдруг где-то совсем рядом слышался тонкий звук — что-то звякнуло. Он вздрогнул, остановился. У родника сидел человек. Он низко склонился к воде, будто всматривался в нее.

Костюков осторожно приблизился и встал у человека за спиной. Но тот даже не обернулся. Заинтригованный тем, что же такое рассматривает незнакомец в воде, Сергей сам наклонился над ее зеркальной поверхностью. Оттуда на него глянуло яркое, как вишенка, лицо девушки. Заметив отражение в воде, девушка резко подняла голову. Он

узнал дочь Зердебая, которую видел всего однажды в доме ювелира.

Девушка в смятении вскочила, хотела бежать, но, осознав, что перед нею Костюков, остановилась. К побледневшему лицу прилила кровь. Окинув взглядом Сергея, одежда которого была в репьях и пятнах от ягод, она невольно улыбнулась. Испугавшись своей улыбки, она поспешно повязала голову платком и протянула руку за мешком. Но Костюков опередил ее и схватил мешок первым – он был наполнен кизяком. Парень хотел бросить мешок себе на плечо, но девушка решительно вырвала его и зашагала торопливо прочь. Сергей растерялся, застыл на месте. «Какая она красивая! Как скромна и пуглива!» – полной грудью вздохнул он.

Фыркнул конь. Поодаль на вороном коне с длинной гривой возвышался всадник. Он покачал с осуждением головой.

* * *

Выслушав новости от Абулхаира, Тевкелев сорвался с места и заметался по юрте. «Вот кто подзуживал Батыра, вот кто сообщил ему о караване Гарбера! Шакалы! Шакалы, которые хотят свою ненависть к Церену Дондуку обратить в ненависть казахов к России! – бились мысли в голове Тевкелева. – Господи, и ложь-то какую наивную и в то же время наглую сочинили: двадцать тысяч русских солдат наголову разбиты силами двух взбесившихся тайши! Что их палки против пули. Хотя чем наглее ложь, тем больше люди ей верят. Народ прост, его легко обмануть, обвести вокруг пальца. Он поверит в любую чушь. Надо развеять эти слухи, разоблачить ложь, иначе мы можем поплатиться, и крепко!»

Тевкелев спрятал письмо в карман, решив, что его обязательно надо будет отослать царице.

– Россия – это золотой столб, который не упадет, не вздрогнет, даже если земля задрожит. Калмыки – это перекасти-поле: куда дунешь, туда и полетят! – губы посла дрожали, он никак не мог справиться с гневом. – Их могут разбить не только русские, но и яицкие казаки и башкиры... Я так полагаю: оба тайши не смогли объединить своих людей против Церена Дондука для борьбы. Вот отец с сыночком и решили: почему бы не загрести

жар чужими руками? Однако императрица быстро призовет их к порядку! – голос Тевкелева зазвенел. – Покажет им кузькину мать! Небо покажется им с овчинку, – добавил он, чтобы быть понятым. – Она окажет поддержку Церену Дондуку, верному своей клятве. Спасибо, что вы сочли нужным поставить меня в известность о замыслах Лобжи и Доржи, что письмо показали! – Посол отвесил легкий поклон.

На Абулхаира глубоко подействовал искренний гнев и негодование Тевкелева. Если бы он не кипятился вот так, пожалуй впервые за время их знакомства потеряв власть над собой, если бы он притворился невозмутимым и спокойным, Абулхаир принял бы это за обыкновенную хитрость и попытку скрыть свой страх. Хан понял очень ясно и отчетливо: Доржи и Лобжи либо безумцы, либо жертвы чьих-то интриг!

– Господин посол, мы не поверили ни одному их слову. Если бы поверили, письмо это вряд ли сейчас лежало бы у вас в кармане, – произнес с улыбкой Абулхаир.

– Этих бахвалов следует проучить отменно. Послов – Мунке и иже с ним – привязать к крупам коней и тотчас отправить к уфимскому воеводе! – холодный взгляд Тевкелева обжег сердце Абулхаира.

Он помолчал, подумал и решил, что поступить так круто нельзя. Это было бы неосмотрительно и опасно.

– Господин Мамбет! Кто знает, что скрывается за этим письмом? – осторожно вымолвил он. – Может быть, врагам нужны наши слишком решительные действия? Как повод для какого-нибудь нового злодеяния? Сдается мне, вам полезнее проявить осмотрительность и хитрость. Немного потянуть, подождать, задержать посла у себя. Самим же попытаться разгадать замысел наших врагов. Поступим мы сейчас круто с калмыцкими послами, нас осудят даже свои, те бии, что на нашей стороне. Странный они народ, всегда колеблются. Когда государыня-царица узнает обо всем, она сама найдет способ наказать злодеев! – Абулхаир выдержал паузу и тихо добавил: – Во мне не сомневайтесь. Ничто не может заставить меня изменить клятве, даже юная дочь тайши! – смягчил он с улыбкой торжественность своих слов. – Зачем мне попусту то и дело клясться вам? Наступит время, когда вы сможете спокойно вернуться в вашу страну. Я отправлю с вами сына Ерали. Как заложника.

Тевкелев положил руки на плечи Абулхаира и произнес с глубоким, неподдельным чувством:

– Спасибо. Благодарю вас, спасибо! – голос его дрогнул.

* * *

Подоспела середина мая.

Ветки кустов, казалось, покрылись пухом, но это был не пух, а шерсть линяющего скота. Наступила пора стрижки овец. Мужчины повязывали головы платками, закатывали рукава, со скрежетом точили ножницы, отлавливали овец, связывали им ноги.

В самом ханском ауле овец не стригли, чтобы запах пота не беспокоил, не мешал хану и его байбише. Скот из аула сгоняли в безлюдное место, там и стригли. Вечерами стригали возвращались на конях в аул, а сторожить горы шерсти оставались Итжемес и русская девушка Мариам.

Они обитали в темной лачуге. «Уж дал бог, так дал, не поскупился!» – каждый раз приговаривал Итжемес, когда люди исчезали с глаз и он оставался вдвоем с Мариам. И каждый раз Мариам улыбалась ему в ответ.

Два месяца прошло, как бог послал Итжемесу счастье. В тот день, когда в ауле праздновали айт, Итжемесу сообщили:

– Тебя вызывает туленгут Байбек!

Байбек был зол:

– Эй, ты, слушай внимательно и выполняй в точности! Сейчас сам сядешь на лошадь, а на поводу поведешь черного атана. Последуешь вот за этим длинным. – Байбек небрежно кивнул в сторону слуги, который привел Итжемеса. – Будешь действовать по его команде. К человеку, который сидит на черном атане, не приближаться! Ослушаешься – твоя дурная башка будет валяться в золе! Всё – отправляйся!

Они двинулись в путь под покровом ночи: длинный слуга на коне, Итжемес на дохлой лошаденке, закутанный в черное человек на верблюде.

На рассвете они достигли темной котловины, заросшей жузгеном и саксаулом. Когда всадники продрались сквозь заросли, перед ними открылась небольшая полянка с бугорком в центре. Длинный дал знак спешиваться и

начал отвязывал тюки. Они падали на землю с гулким стуком.

– Ну, чего рот разинул, помоги! – грубо прикрикнул длинный на Итжемеса, и они вдвоем отнесли мешки в землянку – бугорок тот и был землянкой.

В ней был очаг, единственное окно – из натянутого бурдюка, весь потолок в паутине.

Незнакомец в черном одеянии стоял поодаль, боясь шелохнуться. Спустя некоторое время длинный поднял с травы атана, взял в руки повод от куцехвостой лошаденки, на которой всю ночь трясся Итжемес. На прощание сказал:

– Ни на шаг не удаляйтесь от этого места! До тех пор, пока я не вернусь. Об остальном знаешь от Байбека. Ну, бывайте здоровы!

Огромный атан зашагал за конями вразвалочку. Два чужих друг другу человека остались на тихой, окруженной зарослями полянке.

Итжемес принес хворосту для очага, принялся разбирать мешки. В них оказалась, к его великому удивлению, женская одежда, чекмень из верблюжьей шерсти, штаны из шкур, поношенные сапоги. Итжемес приуныл: «Туленгут, наверное, держит нас за кротов, которые питаются шкурами!» Но тут его руки нащупали две бараньих туши и мешочки с рисом и ячменем.

Напевая себе под нос, повеселевший парень отправился за дровами. В кустах наткнулся на бадью и корыто, укрытые сушняком. А неподалеку обнаружил колодец.

Итжемес натаскал дров, поставил на огонь котел, сварил похлебку. Он и незнакомец молча поели. После еды Итжемес провел по лицу ладонями. Его спутник ладони не раскрыл.

Потом Итжемес долго вышагивал по полянке, не решаясь войти в землянку, и все спрашивал себя: почему он здесь, что его ждет, почему этого незнакомца отправили в такую глушь? «Что проку, – решил он в конце концов, – мучиться в догадках и сомнениях? Чему быть – того не миновать. Аллах небось не оставит меня, придет на помощь, как приходил не раз».

Огонь в очаге погас, лишь вспыхивали временами ярко-красные угли. Его спутник примостился на возвышении, которое скорее всего заменяло здесь торь. Итжемес в своей жизни не проходил дальше порога, по привычке

постелил себе у самой двери, хотя места в землянке было достаточно. Укрылся халатом и, прошептав: «О аллах, защити и помилуй!» – закрыл глаза.

Он проснулся на рассвете и вышел, потягиваясь, наружу. Показавшиеся ему вечером темными и страшными, кусты оказались светлыми и приветливыми. Омытые росой листья блестели. На краю котловины краснело солнце, будто кто-то бросил на ветку саксаула яркую шаль и забыл ее. Итжемес попытался определить, в какой стороне находится их аул, но не смог.

Утренняя свежесть взбудрила джигита, сон как рукой сняло. «Кто же все-таки мой спутник? Лег на торе – стало быть, посчастливее да познатнее меня. Хотя это не трудно, – горько усмехнулся Итжемес. – Ясное дело, меня послали с ним, чтобы я служил ему, готовил, убирал... А вдруг и он провинился в чем и потому его и спровадили сюда?»

– Биссмилля! – подбодрил сам себя Итжемес и шагнул в землянку.

Он покосился на торь. По подушке разметались золотистые косы! О господи! Это женщина! Женщина, о аллах! Как ошпаренный, Итжемес выскочил наружу, побежал, спотыкаясь, к колодцу. Лишь в полдень отважился он вернуться обратно. Подходя к землянке, он увидел, что из трубы вьется дымок.

Они прожили в землянке вдали от людей больше месяца. Поначалу Итжемес стеснялся, глаз не смел поднять, не заговаривал с женщиной, тем более что признал в ней русскую девушку из юрты ханши. Думал, что она не поймет его, откуда ей знать казахский язык?

Однажды ночью он никак не мог уснуть, ему все казалось, что девушка ворочается и стонет на своей постели. Сердце его заколотилось, как зайчонок: «Неужели знак мне подает? Господи, зачем ей жалкий батрак? Видать, я последнего разума лишился! Но какие у нее глаза! Как сияют! Что, если встать и подойти к ней? – мелькнула шальная мысль. – Ой, что это я? Вдруг она вынет нож да пырнет? И права будет – не лезь всяк с ласками!»

Начались для Итжемеса бессонные ночи. Может быть, потому, что все смелее и пристальнее стал вглядываться в ее лицо. Как-то девушка стирала белье. Итжемес хотел, но не мог, не мог оторвать взгляд от ее груди, колыхавшихся в такт движениям рук. Девушка откинула рукой прилипшие к влажному лбу волосы и спросила:

– Чего уставился?

Она говорила по-казахски, как настоящая казашка! Итжемес ничего не ответил, только рассмеялся от радости.

Ночью он не раз поднимал голову с подушки и все вглядывался в притаившийся на торе комочек. Затем отважился и потихоньку приблизился к торю, пошарил в темноте. Его рука нащупала круглое бедро. Итжемес почувствовал ожог в сердце. Девушка лежала к нему спиной и притворялась, что спит. Но он-то чувствовал, что она не спит, напряглась вся! Он лег рядом и положил руку ей на плечо, погладил, прижался, приник к ней всем телом.

– Ой, что вытворяет этот безродный? – прошептала она, высвободила плечо из-под его руки, но легла на спину...

На следующий день Итжемес проснулся в полдень. Рядом с ним было пусто. Его постель у двери выглядела сиротливо.

– О аллах, спасибо тебе за все! Спасибо за счастье, которое ты мне дал!

Так Итжемес и Мариам пришли к согласию.

Мариам не знала, откуда она родом. Ее родителей захватили в плен казахи и привезли в эти края, когда она еще не родилась. Отца потом продали в рабство, а беременную мать отвезли в подарок ханскому аулу.

Мать звали Марией, она была слаба здоровьем, все кашляла. Пока дочка была маленькой, Мария еще цеплялась за жизнь. Мечтала увидеть ее первые шаги. Ждала, когда малышка научится различать землю, небо, птиц, животных, станет хоть что-то понимать в жизни, а главное, запомнит, в какой стороне находится ее родина, чтобы потом когда-нибудь дойти до нее, передать поклон от матери. Обо всем этом Мариам узнала от добрых казахских женщин, которые жалели и уважали ее мать... Она, Мария, была гордой в свободолобивой. Никак не могла свыкнуться с неволей. Когда мимо аула проезжали светловолосые синеглазые путники, она рвалась к ним, порывалась поговорить, повидаться с ними. Да разве в ханском ауле позволят какой-то рабыне делать то, что ей хочется! Когда приближался русский караван, ее запирали где-нибудь подальше. Бедняжка мучилась до самой смерти. Она умерла девять лет назад, едва дочке исполнилось восемь.

Мариам забыла русский язык. Боялась светловолосых синеглазых русских, как и все остальные женщины аула, пряталась в юрте для ханских рабынь, стоило показаться кому-нибудь из них. Она очень напугалась в день айта, когда ее нечаянно увидел русский мужчина. Он показался Мариам огромным и страшным...

Она оказалась вдали от всех, вдвоем с человеком, над которым потешался весь аул. Мариам всегда жалела его, видела, что всяк, кому не лень, цепляется к нему, обижает. Считала почему-то его пленником, человеком из чужих краев. Оказалось – не пленник, такой же казах, как и все остальные в ханском ауле. Такой, да не такой! Очень смешной и робкий. Две недели молчал, словно ее не было рядом, боялся глаза на нее поднять. Примащивался у порога в полной темноте, когда она уже укладывалась в постель. Утром спозаранку уходил из землянки чуть ли не на весь день. Кто бы подумал, что батрак может оказаться таким вежливым и уважительным. Правда, байбише Бопай всегда была очень и очень сурова с рабами и рабынями. Если замечала, что они пересмеиваются у котлов, без лишних разговоров хватала за волосы и трясла. Потому они и боялись подходить друг к другу, боялись словом перемолвиться, старались быть тихими и неслышными, как бесплотные тени...

Первым уловил момент, когда груди Мариам округлялись, а тело стало наливать, проклятый туленгут Байбек. Все батраки и рабы из ханской ставки страшились этого человека с огромным крючковатым носом, красными глазами и нависшими, широкими, как крылья беркута, бровями. Он всегда был мрачен, груб и зол.

Однажды Мариам собирала в овраге кизяк. Откуда-то, словно призрак, возник возле нее Байбек, подхватил на руки вместе с мешком и потащил в кусты. Сделав свое черное дело, он удалился, мурлыкая под нос веселую песенку.

Мариам лежала в кустах, ощущая боль во всем теле, ошеломленно глядя в небо, не понимая до конца, что с ней произошло. Она долго лежала, потом с трудом встала и подняла расплющенный мешок с кизяком. Словно жалея, что труд ее пропал даром и кизяк погублен, а на самом деле осознав наконец, какое страшное насилие было совершено над ней, Мариам опустилась на колени, закрыла лицо руками и зарыдала. Она плакала, сотрясаясь всем телом, но слезы не приносили ей облегчения.

С тех пор пролетел год. По ночам Мариам преследовал отвратительный, омерзительный запах Байбека. Ее всю переворачивало от этого запаха, но он никак не исчезал из ее памяти. Она содрогалась от брезгливости и ненависти. Не давал он ей покоя и здесь, в землянке, будто бы перекочевал сюда вместе с нею.

Первые ночи она не спала, пугалась каждого шороха. Она с ужасом ждала, что этот запах ударит ей в ноздри, погубит... Но парень, свернувшийся в комок, как сиротливый ягненок на постели у порога, лежал по ночам не шелохнувшись. Мариам не верила своему счастью, поражалась, боялась и ждала. Какие-то смутные желания, дремавшие в ней до сих пор, какое-то неизвестное прежде волнение начали просыпаться в ней. Она стала подглядывать по ночам за Итжемесом и все изумлялась: кто бы мог подумать, что бывают и такие мужчины. Лежит неподвижно, не шелохнется, будто нет поблизости женщины. Она-то считала, что все они развратные и наглые и только и ждут момента, чтобы совершить над женщиной насилие. Может, он просто боится Байбека? Но если тот — мужчина, разве этот — не мужчина? Почему боится гнева и злобы ненавистного туленгута?

Но ей было нужно, чтобы Байбек злился и ревновал! Сама она не в силах была отомстить ему. Отомстить за нее может мужчина. Этот, что находится тут, с ней рядом. Почему же он медлит? Неужто не понимает, что завтра у них могут отнять свободу, которой они пользуются здесь.

Мариам ждала мучительно и нетерпеливо, совсем уж отчаялась и потеряла надежду, когда однажды ночью Итжемес приблизился к ней и обнял ее. Стена между ними с того самого мгновения была сокрушена навсегда.

Спустя месяц к ним наведалься длинный слуга, который их сюда привез. Он с ухмылкой поглядывал на Мариам и на Итжемеса, хитро щурил глаза. Когда Итжемес вышел за водой, он нагнулся к уху Мариам и прошептал:

— Сияешь как луна... Отчего бы это? Да-а-а, огорчится туленгут, расстроится... Пока мы обнимаем сухопарых да тощих баб в ауле, этому недотепе бог послал ласкать бабу, белую как яичко...

Обычно Мариам заливалась краской от одного только мужского взгляда. Сейчас даже бровью не повела, ничуть не смутилась, лишь усмехнулась в ответ. В душу жестоко-

го насильника-туленгута, знала она, теперь попадет адский огонь. И пусть душа его сгорит от зависти, как сало на сковородке!

Вскоре в их землянку примчался Байбек. Взглянул на Мариам и замер. Долго стоял, вперив в нее взгляд, в котором были и смятение, и злоба, и что-то похожее на восторг и удивление... Потом сделал Итжемесу знак выйти вслед за собой.

Через некоторое время послышался удаляющийся стук копыт. Итжемес не появлялся и Мариам вышла наружу. Итжемес лежал на земле, лоб и щеки у него были в крови: след туленгутовой камчи. Мариам захлестнула жалость, глаза ее наполнились слезами. Итжемес вдруг улыбнулся ей, робко и ласково коснулся ее ладони.

Каким был тот день для Итжемеса, известно ему одному. Но Мариам была переполнена радостью: это был день ее торжества. Под ногами у нее оказалась грудь надменного и жестокого наглеца, который желал попить всех и каждого, хотя сам обретался у чужого порога. Это был день, когда остыл ее гнев, исчезла жажда мести, жалившая сердце как скорпион.

День, когда она поняла: Итжемес ей дорог.

Спустя неделю-другую Мариам начало подташнивать, она не могла глядеть на пищу. Итжемес места себе не находил, видя, что она крошки в рот не берет, мается от головокружения и слабости. Он суетился, искал хоть что-нибудь, что помогло бы Мариам. Все заросли обшарил, но напрасно: дикие степные звери еще не вернулись из южных сторон, а целебные травы не успели вырасти.

Как-то в сумерки опять появился длинный. На этот раз он привел с собой коня и верблюда. Остался на ночь, а утром обыскался – никак не мог найти свой кожаный пояс. Итжемес решил помочь ему и обнаружил пояс под подушкой Мариам. От пояса осталась половина... Мариам не знала, куда от стыда глаза девать. Длинный достал из табакерки насыбай, подложил под язык и загадочно промычал:

– М-м-м...

Навьючив нехитрую свою поклажу на коня и верблюда, они отправились в путь. Длинный привез Итжемеса и Мариам к месту, где ханский аул собирался стричь овец.

– Непохоже, чтобы эту русскую подпустили теперь близко к аулу, пока там находится посольство. Так что

куковать вам тут долго, – сказал длинный слуга Итжеме-су. – Она, твоя-то, неспроста грызет сыромять. Наверное, понесла. Жди, через пару месяцев вздуется у нее живот. Тебе тогда никакой топор усы не отрубит, а? Возгордишься, наверное, до небес?

* * *

Калмыцкий посол Мунке и его люди уже полмесяца томились в ауле хана Абулхаира. Совсем извелись в ожидании ответа на письмо тайши. Доржи и Лобжи затихли, притаились в своем улусе в ожидании того, что предпримет Абулхаир. В стане противников хана было тихо.

В последние дни мая на горизонте показались всадники – их было не менее сорока. Они не свернули в ханский аул, а сразу направились к послу.

Опытный глаз аулчан распознал в них аргынов – об этом говорили посадка всадников в седле, то, как они держали камчи. Хану донесли, что проехавшие мимо всадники – шакшаки из рода аргынов, шакшаки, которых прозвали смирными. Однако в последнее время их трудно было назвать смирными. Чем грознее шла слава об их предводителе Жанибеке, тем важнее и смелее стали держаться мужчины из аула Жанибека.

У Абулхаира в глазах потемнело. Что же это такое? Его аул всегда общался с шакшаками. Летом, когда Абулхаир перекочевывал на берег Сырдарьи, шакшаки выезжали ему навстречу с кумысом и молодыми ягнятами. Если же их кочевье проходило мимо ханского аула, шакшаки еще издали слезали с коней и в знак уважения шли пешком.

Сейчас эти зазнайки будто не хотят знать ханский аул! Проезжают мимо, даже не взглянув в его сторону! Где же уважение, которое испокон веков существует между родами, кочующими по соседству? Почему они ведут себя так вызывающе? Жанибек, правда, еще не высказал своего отношения к делу Абулхаира. Судя по тому, как гордо шакшаки проехали мимо, он не склонен его поддерживать... Что же тогда Жанибеку понадобилась у посла? Или хочет подчеркнуть, что отныне хан для них – никто. Могут не заметить, пренебречь, оскорбить, вот так вот проехав мимо ханского аула!

Абулхаир сцепил пальцы рук так, что они побелели. Мырзатай молча поднялся, словно прочитал его мысли.

Раздался топот коня, поскакавшего в сторону посольства.

«О аллах, что же это такое? – хан задыхался, словно ему накинули на горло волосяной аркан. – Если Жанибек встал на сторону Самеке и других моих врагов, это означает только одно – мое влияние, моя власть подходят к концу. Враги открыто пренебрегают мной и Букенбаем! Чует мое сердце, теперь их главная цель – переманить посла в улус Жанибека. Теперь все зависит от господина Мамбета. Как он поведет себя? Если он поддастся на уговоры потомков Жадика, то наткнется на нож, едва покинет пределы моего улуса! Мне уже терять нечего!

А кровавый тот нож будут вынуждены принять на себя мои враги! Будь что будет! Нет больше сил моих ждать, надеяться, уповать на что-то. Всё, не могу больше, не могу – сколько можно?! Нет, не видать моим врагам ни милостей русской царицы, ни трона, нет! Пусть на них падет кара, пусть их постигнет участь, которую они уготовили для меня! Я ни перед чем не остановлюсь, чтобы помешать им! Весь свет переверну, но потомки Жадика торжествовать и праздновать славу не будут!»

Вместе с этими страшными мыслями, вместе с бурей в душе, как ни странно, к Абулхаиру пришло успокоение.

* * *

Улеглась пыль, поднятая сорока всадниками из Среднего жуза. Куда-то исчезли русские и башкиры, сновавшие по одинокой тропе между посольством и ханской юртой. И лишь Костюков, как обычно, шагал по ней в полдень к аулу, а в сумерках – домой.

Сергей заходил теперь к Зердебаю в надежде увидеть не только его самого. Едва переступив порог, он начинал потихоньку озираться по сторонам – вдруг покажется красавица Торгын? Если он видел ее, то не в силах был сдержать улыбки, скрыть радость. Торгын привыкла к нему, перестала дичиться. Сердце подсказывало ей, что этот нескладный парень не сделает ей зла. Как-то Сергей подарил ей зеркало и расческу. Девушка стала прихорашиваться, часто в него заглядывать. Раньше она выглядела такой же неряхой, как и ее мать, а теперь... Едва освободившись от домашней работы, Торгын рылась в материнском сундуке и, доставая то одну тряпицу, то другую, ловко прилаживала их на себе. И двигаться, ходить стала

иначе – будто постоянно ощущала на себе чей-то взгляд. Приятный для нее взгляд.

Торгын похорошела, расцвела как чудесный, редкостный цветок. Когда ее огромные лучистые глаза останавливались на ком-нибудь, у того сладко замирало сердце. Сергей прямо-таки немел, взирая на ее красоту.

Стал чаще захаживать в лачугу Зердебая ханский пес Байбек, появлялся под любым предлогом: то ханша Бопай послала, то родственница или родственник самого Абулхаира. Каждый раз, когда в его доме показывался этот неприятный, страшный человек, у Зердебая холодели руки и ноги...

* * *

Посланец Среднего жуза шакшак Букенбай сообщил Тевкелеву, что традиционный сбор казахских биев ввиду особых обстоятельств не состоится. Казахи ожидают нападения со стороны калмыков, пояснил он, а потому каждый улус должен быть в состоянии боевой готовности, чтобы отразить нападение. Сообщил также, что приехал пригласить Тевкелева перебраться в Средний жуз, где ему и его людям будет спокойнее и безопаснее.

Тевкелев насторожился, но, чтобы скрыть это, выразил поначалу удивление, что его гость тоже зовется Букенбаем, как и знаменитый во всей степи батыр и его близкий друг.

Гость ответил ему:

– Не удивляйтесь. У нас много людей с таким именем. Например, даже среди аргынов, у канжигалинцев, тоже есть известный человек по имени Букенбай.

Тевкелев улыбнулся и после небольшой паузы произнес:

– Посольство осталось, откровенно говоря, почти без коней и верблюдов. Так что нам не на чем перекочевывать в столь дальние края. Но, – добавил он с невинным видом, – если бии из Среднего жуза сами пожелают сюда, чтобы присягнуть на верность России, я встречу их с распростертыми объятиями...

Они разговорились. Тевкелев узнал, что гонцы от Лобжи и Доржи наведались и в Средний жуз и там тоже сманивают людей в поход против Церен Дондука и русских. Тевкелев объяснил шакшаку Букенбаю всю нелепость поведения калмыцких тайши, нагнал на него страху за по-

следствия, которые неотвратимо на них, казахов, обрушатся, если только они поддадутся уговорам калмыков.

Взвесив все, что сказал ему русский посол, шакшак Букенбай отправил нескольких своих джигитов в Средний жуз с наказом: «Не слушайте калмыков! Пользы не будет – один вред!» Сам же остался у посла погостить, после чего не спеша отбыл назад.

Вскоре события начали разворачиваться одно за другим. Тевкелев едва успевал заносить их в свой дневник.

К Тевкелеву прибыл посланец сибирских башкир с жалобами на казахов, что те прямо-таки одолели их барымтой. Ему также наказали, чтобы он узнал, в каком положении находится сам посол? Если казахи так нагло ведут себя, может, они и посла превратили в пленника, терпящего унижения и невзгоды?

Наезжали посланцы от его врагов и к Абулхаиру. Угрожали ему разными карами, если не отдаст им в руки русского посла.

В июне хану стало известно, что его враги затевают набеги на калмыков, чтобы тоже настроить против него.

Посоветовавшись с Букенбаем и Абулхаиром, Тевкелев со всеми возможными предосторожностями отправил через Уфу письмо предателей тайши государыне-императрице.

В конце июня прибыл Улан-ходжа – главный пир верхних каракалпаков. Он выразил готовность принять российское подданство и отправиться с соответствующей миссией в Петербург. Сказал прямо и откровенно, что он представляет народ бедный, малочисленный – их-то всего тридцать пять тысяч дымов. Нет у них городов, пашут землю, сеют зерно...

Немногие оставшиеся верными Абулхаиру люди привозили сведения о том, что во враждебном стане идет возня и что там собираются вновь грабить и разорять башкир. Разве останутся равнодушными к этому башкиры? Тоже ведь начнут в отместку угонять скот...

Девятого июля из Уфы возвратился мырза Кудайназар, благополучно проводивший туда башкир, вызволенных некогда из каракалпакского плена. По дороге домой он останавливался в разных аулах и со смаком повествовал там людям о том, как хорошо и уважительно встретил его уфимский воевода Кошелев, как щедро одарил его. С восторгом рассказывал, каков есть город Уфа и сколько

там всяких диковин и какое у русских сильное войско. Ясное дело, что слова его одних радовали – таких было мало, других повергали в страх и уныние.

В июле же Абулхаир получил тревожную весть о том, что тридцатитысячное войско джунгар готовится к походу на казахов. А в августе – о том, что между джунгарами и казахами была битва. Казахи ее проиграли, понеся большие потери. Людская молва, правда, охотно увеличивала потери.

Невидимые, тайно расставленные силки стягивались все туже и туже. Сношения с Уфой прекратились, стали невозможными: на пути непроницаемой и враждебной стеной выросли не поддерживающие хана роды Младшего и Среднего жузов.

Тевкелев расстался с мыслью привести к присяге еще кого-то из казахов. Он стал подумывать о том, как унести ноги из этой взбесившейся злобной степи. Сначала следует позаботиться о своей свите, обо всем посольстве, исхитриться и отправить их в Уфу. Самому же спастись бегством в последнюю очередь, может быть, в одиночку. «Тайно, темной ночью, боже, как преступнику какому-нибудь!» – с отчаянием вздыхал он.

Угроза его жизни стала реальной. Тевкелев чувствовал это всем своим существом...

Вместе с летом ушли и путники, и вестники, прекратилось какое-бы то ни было движение в сторону ханского аула и посольства.

Над угрюмой степью простерлось свинцовое небо. Ее поглотила тишина. Царило полное безлюдье, будто все вымерли, исчезли с этой земли.

Однажды в юрту посла влетел пулей радостный Юмаш: – Господин посол, там, там, с севера движутся два всадника!

В соседних юртах слышались оживленные голоса: боже, подумал Тевкелев, как люди истомились от неведения и одиночества!

Гости важно прошествовали в ханскую юрту, попили не торопясь кумыса, переглянулись, и один из них изрек холодно и твердо:

– Вчера собирались предводители родов. Они постановили не отпускать отсюда никого из русских и башкир. Когда придет пора, они отбудут вместе с господином послом.

С тем и уехали.

Тишина, которая томила людей, которую они проклинали, показалась им теперь раем.

* * *

Единственный человек в посольстве оставался безмятежным и не изменил своих привычек. Это был Сергей Костюков. Каждый полдень шел он по тропинке к ханскому аулу.

А ауле из-под полога каждой юрты выглядывали испуганные люди. Но и здесь был человек, который казался спокойным, кто с утра до ночи занимался своим делом – сам и кузнец, сам и ювелир, сам и мастер по дереву. Зердебай знал, что в каждом доме люди приглушенно переговариваются, со страхом обсуждают, что же ждет их завтра. Чем кончится эта наводящая ужас тишина. Зердебай старался помалкивать, не участвовать в этих разговорах. Его поддерживало сознание, что он необходим людям, и всегда, даже если с неба стеной повалит снег или потоп обрушится на землю, будет им нужен.

Зердебай волновался лишь, если в урочный час не показывался Рыжий Верблюжонок – очень он привязался к парню. А увидит его на своем пороге – улыбнется и, довольный, продолжает свою работу.

Сергей стал молчаливее, сосредоточеннее, меньше задавал вопросов, зато часто бросал взгляд на дверь, будто ждал кого-то. Хмурился, когда, скрипнув створками дверей, появлялся туленгут Байбек. Байбек вел себя как-то странно, точно человек, потерявший верблюда и явившийся к тому, кого он подозревает в краже: ничего не говорил, не спрашивал, а только зыркал вокруг глазищами. Чуть посидев, бесшумно исчезал.

Мастер Зердебай суровел, весь напрягался, когда появлялся этот серпоносый проходимец; вздыхал облегченно, когда тот уходил. Знал Зердебай, чего хочет эта скотина: крутить мозги девкам да молодкам из бедных семей – привычное занятие для ханских прихвостней...

Торгын стала редко показываться на глаза не только туленгуту, но и отцу. Все прихорашивалась, наряжалась! «Вчера еще была ребенком, а нынче не расстаётся с зеркалом. Эх, время-то летит, и дочка взрослой стала, невестой, – вздыхал Зердебай. – Лицом дочка пошла в мать – та тоже в молодости была красавицей – да вот, во что

превратилась, ох-хо-хо-хо... Характером в меня, сдержанная, не умеет сидеть сложа руки. Вода и топливо в доме на ее плечах. И за скотом она ухаживает, отгоняет на пастбище и пригоняет – всё она. Кизяк собирает и саксаул – торба всегда у нее на плече. За целый день ни разу не присядет, дома почти не бывает – всё в хлопотах. Росла подвижным ребенком, выросла славным человеком. Если не считать того, что аллах сделал ее немой, нет у нее недостатков!» Каждый раз, когда Зердебай смотрел на свою единственную дочь, его охватывала неизъяснимая печаль. Чтобы дочь не почувствовала этого, он улыбался ей и продолжал стучать-постукивать своим молоточком.

Рыжий Верблюжонок каждый вечер ждал возвращения Торгын. Едва завидев, хватался за бумагу и перо, начинал рисовать. На бумаге все яснее и яснее проступало прекрасное лицо Торгын. «Какие они молодые, забавные! Глянут друг на друга, кровь у обоих к лицу так и приливает! Какие оба чистые, честные, наивные!» – умилялся Зердебай.

Однажды Сергей так и не дождался Торгын. Грустно попрощался с Зердебаем и отправился домой. По пути все оглядывался, не покажется ли девушка с мешком за спиной. Ноги у него сами повернули назад и повели неизвестно куда.

Вывели в степь, к глубокому оврагу, на дне которого веяло сыростью. Наверное, промелькнула в голове Сергея мысль, здесь где-то поблизости есть родник. Путь ему преградил огромный валун. Сергей обогнул его и очутился на крошечной полянке, обрамленной со всех сторон зарослями чия... Послышался легкий треск, как будто бы овцы бродили в кустах. «Может быть, удача мне благоприятствует? Может, здесь пасется скотина Зердебая?» – затрепетало у Сергея сердце. Фыркнул конь, слегка звякнула уздечка. Костюков спрятался за ближайший куст и стал всматриваться – не покажется ли кто. Он увидел лошадь с длинной гривой и длинным хвостом. Ноги ее были опутаны, уздечка не снята, седло на месте.

Костюков удивился и немного растерялся: как ему лучше поступить – дальше идти или возвращаться? Он собирался повернуть назад, но тут прямо напротив раздвинулся куст и оттуда вышли мужчина в светлом чекмене и женщина в длинном платье. Они двигались обнявшись, тесно

прижавшись друг к другу. Потом мужчина распутал лошади ноги и поцеловал на прощанье свою спутницу. Женщина молча помахала ему рукой.

Костюков дождался, когда они отойдут подальше, скроются из глаз. Он был смущен и вместе с тем заинтригован: кто они, этот мужчина и эта женщина? Что они делали здесь, почему встретились вдали от людей, тайно? Он вернулся к своим, когда солнце уже садилось. Не вытерпел и перед сном поведал обо всем Цапаеву. Сидор раскатиисто загоготал:

– Господи, разве не ясно, чем занимаются баба и мужик, оставшись вдвоем в безлюдном овраге или в шалахе? Неужто тебе невдомек, парень, а? Вот уж воистину – святая простота!

Задетый этими словами, Сергей со смехом отвернулся от Цапаева, поклявшись себе никогда ни о чем ему больше не рассказывать.

Пожалуй, сентябрь оказался самым невыносимым для Тевкелева месяцем. Воистину в сентябре посол чувствовал себя волком, попавшим в капкан: вой – не вой, никто не поможет.

В посольство путь был отрезан от всего белого света. Для людей, его составлявших, это было существование, а не жизнь, сплошные мытарства, как у собаки, проглотившей иголку...

Люди томились, ожидая возвращения на родину. Только о том и говорили, только о том и мечтали, чтобы целыми и невредимыми унести ноги домой.

За весь месяц Тевкелева посетили лишь послы Церена Дондука. От них он узнал, что Доржи все-таки развязал войну с Цереном Дондуком – посадил весь свой улус на коней и совершал набеги и вылазки. Зажженный Доржи пожар перекинулся и на казахские степи. В каждом ауле, подчиненном султану Батыру, были оседланы все кони. Казахи никогда просто так среди бела дня не седлают коней: стали все чаще совершать набеги на русские поселения по берегам Тобола и Яика...

В октябре до хана и посла дошла еще одна плохая новость: к казахам явился некий Булек – посол Доржи и Лобжи. Булек не уставая твердил казахам: «Если у вас осталась хоть капля разума, не слушайте Абулхаира и Букенбая! Убейте их, а заодно и Есета! Чего боитесь? На что надеетесь? Может, уповаете на то, что белая царица

одарит вас как своих подданных благами? Зря уповаете! К подвластным ей калмыкам она что-то не больно щедра! И вообще возвышает один лишь единственный род потомков Аюке, а остальных за людей не считает, заставляет всех обливаться кровавыми слезами! Вас ждет та же участь! Абулхаиру, Букенбаю и Есету она нальет масла в рот, а вот вас как миленьких без штанов на лед посадит. Упрет вам в грудь штыки, тогда поймете: нынешние-то денечки были золотыми! Они покажутся вам недостижимой мечтой, да только поздно будет! Присоединяйтесь к нам к нашей войне против царицы! Вместе мы большего добьемся. Мы обещаем вернуть вам всех ваших пленных! Давайте забудем все прежние обиды и недоразумения!»

Казахи ни слова не пропустили мимо ушей, задумались. Нашлись горячие головы, которые требовали немедленно подкрепить калмыков двадцатитысячным войском.

Все следили за малейшим движением русского посла и Абулхаира, никого к ним не подпускали, никого от них не выпускали. Султан Нияз утверждал, что ханский аул со всех сторон окружен всадниками и многие среди них – из улуса Барака. Это было похоже на правду.

Султан Батыр вел хитрую игру. Он породнился с Бараком – выдал свою дочь за его сына. Стал таким образом родственником хана Младшего жуза и султана Среднего жуза, двух семей, точивших зубы друг на друга. Он будет находить опору то в одной, то в другой семье, смотря по обстоятельствам. Использовать их, процветать...

Тевкелев понял, что медлить больше нельзя, настал момент послать уфимскому воеводе сигнал бедствия. Тайно, ночью Таймас свел его с казахским купцом Жаубасаром Хасболатовым. Тевкелев коротко изложил Жаубасару обстановку, вынул из нагрудного кармана старый молитвенник.

– Отвези господину Кошелеву. На последней странице книги я написал все что нужно.

Купец угодил прямо на дозорных, но, к счастью, кое-как откупился. На прощание один из них пригрозил:

– Попадешься еще раз – прибью как козьявку!

Октябрь выдался солнечный и теплый. Степь воспрянула после иссушающей жары, стала будто просторней и как-то мягче. Яркие блестящие на солнце опутанные осен-

ней паутиной росные травы. Настало время осенней стрижки овец. Однако занимались этим лишь старики и женщины. Все мужики и молодые парни на конях день и ночь поднимали пыль между аулами, тряслись в седлах – ждали чего-то.

От этой беспрестанной, бестолковой езды юрты в аулах покрылись пылью. Эта бессмысленная езда многих раздражала. Но только не султана Батыра.

Чем больше джигитов вооружалось, чем больше становилось их, готовых по первому его слову ринуться туда, куда он укажет, тем радостнее было у него на душе. Они подтягивались к его аулу. Споры, хохот, топот знакомых и незнакомых людей ласкали Батыру слух. По его приказу слуга считал, сколько собралось джигитов, – их было уже сорок тысяч. Другой слуга разглядывал клейма на конях и докладывал, какие роды присоединились к султану Батыру.

Ряды сторонников Абулхаир-хана сильно редели...

Старая, доставшаяся Батыру от отца орда стала в последние месяцы намного краше. Мастера-каракалпаки из низовий Сырдарьи сделали для султанской юрты новенькие темно-красные решетчатые кереге. Гибкие, как стройные девушки, острые как кинжалы унины составляли прочный остов юрты. Сама она была нарядно убрана. И чего в ней только не было! Даров от соседей – бухарского и хивинского ханов было тоже достаточно. Льстецы пели Батыру сладкие речи: «Ханская юрта, по сравнению с вашей, что лачуга сироты!»

Батыр редко допускал людей в свою юрту, принимал гостей и важных путников в другой юрте. Раньше, в тяжелые времена, он готов был выскочить навстречу каждому человеку. Ныне он взял за правило держать прибывших к нему в томительном ожидании...

Два или три дня под боком у султана изнывали от безделья и нетерпения джигиты из улуса Барака. Батыру было известно, зачем они пожаловали, потому он и заставлял их ждать. Нелегкое дело. Решить его надо с умом...

Весной у него с Бараком зародился коварный замысел. Барак прислал к нему человека, который должен был стоять пружиной этого замысла, молодого джигита редкой красоты. Глядя на этого джигита, дивясь его красоте, Батыр невольно думал: «Был бы он моим сыном! Какой открытый, чистый лоб, прямой нос, сияющие глаза!» Сул-

тан держал джигита чуть не взаперти, отдельно от всех. Вызывал, когда было нужно, сам давал ему поручения. О том, чем джигит занят, что делает, знали только двое – Батыр и Барак.

«Барак... Барак... Вот у кого всегда выглядывает из груди красный червь злобы! Я бы сам до такого не додумался! Ни за что не додумался! Необычное дело, любого может в дрожь вогнать. Однако, если я не решусь сейчас, птица моего счастья может вспорхнуть и улететь. Обидно будет, ох как обидно! Заветная цель-то уже видна. Разбредутся опять казахи, останусь я один. Попробуй-ка собери их опять вокруг себя! Да-а-а, счастье и удача проходящи и мимолетны, как нежность молоденькой девушки, подол которой даже ветер не задирает. С другой стороны, рисковать, идти на такое с закрытыми глазами тоже нельзя. И позор, который мы хотим обрушить на чужие головы, может пасть на наши собственные...»

После долгих колебаний и размышлений Батыр пришел наконец к решению.

Нет, не отпустит он посла Тевкелева целым и невредимым обратно в Россию.

Нет, он не допустит того, чтобы потомок Усеке – Абулхаир-хан прыгнул выше его собственной головы.

А потому пусть свершится это грозное дело, а по существу – преступление. Преступление? А может – дело святое, богоугодное? Оно поможет ему приобрести могущество и навсегда отвратить народ от Абулхаира. Поможет разрушить замысел этого честолюбца с помощью русской царицы стать главным ханом, возвыситься над всеми казахами.

Батыр порой путал, где его собственные мысли и доводы в пользу их с Баракком плана, а где – самого Барака. Тот одолевал его посланиями, лил в уши одно и то же: надо, надо, надо решиться! А он-то, Батыр, раньше считал Барака пустым крикуном с луженой глоткой, колотящим себя в грудь по поводу и без повода. Теперь убедился: это плут с сорока мешками разных хитростей... Сначала явился с предложением породниться, поженить детей. При этом все приговаривал:

– Долго ли ты будешь зависеть от потомков Усеке? Народная мудрость гласит, не забывай: на каждую из семи частей тела джигиту нужно по одной женщине! Дай своему сыну и в других родах полакомиться. Посмотришь тогда, сможет ли Абулхаир кичиться перед тобой!

Барак, который долгое время не называл его иначе как приبلудным щенком рода Усеке, теперь льнул к нему, льстил. А когда свадьба была сыграна, то по всей степи хвастался так, будто на него, султана Барака, свалилась манна небесная...

Потом не давал ему покоя со своим новым замыслом. Письмами засыпал. И теперь вот опять в гостевой юрте томятся от скуки и нетерпения три джигита, прибывшие от Барака с новым письмом. Барак предусмотрел все вплоть до мелочей, чтобы действовать наверняка.

Все вроде бы сходилось в их плане. Пожалуй, даже чересчур ловко сходилось!

Султан позвал слугу:

– Мне нужен наш гость – тот самый юноша! Неслышными шагами вошел джигит в светлом чекмене из верблюжьей шерсти. Поднеся правую руку к груди, застыл в поклоне. «Он слишком красив для мужчины. Слишком. Ни одного изъяна. Но девушки, те, конечно, теряют рассудок от таких красавчиков! Где Барак выискал его?»

– Выполнил поручение? – коротко осведомился Батыр. Юноша утвердительно кивнул головой.

– Сколько раз встречались?

У джигита словно вдруг пересохло в горле, и он прохрипел:

– Четыре раза. – Щеки его покрылись густым румянцем.

– Ступай!

Джигит выскользнул из юрты.

«Четыре раза... И каждый раз, наверное, не коренья выкапывал в овраге!» – оскалил зубы Батыр.

* * *

С каждым днем из степи уходило ласковое тепло. Небо стало лохматым, будто его порвали в клочья лютые псы. Над головами людей неслись темные тучи, словно кто-то гнал тысячи коней с развевающимися гривами. На землю падали первые снежинки – падали и тут же таяли. Снежинки точно знали, что исчезнут, растают, но все равно падали, будто вынуждены были бежать в смятении с неба на землю.

На земле металась люди, словно каждого вот-вот сметет, снесет наводнением. Рос, увеличивался клубок новостей, от которых одни дрожали, а другие ликовали.

Из Уфы к Тевкелеву прибыли башкир Касым Топаров и десять купцов. В каком виде они были! Избитые, ободранные! На землях Младшего жуза какие-то люди в вывернутых наизнанку шубах, с измазанными сажей лицами напали на них, ограбили, учинили расправу. Через десять дней три вестника привезли хану письмо от Церена Дондука. Он сообщал о распрях между калмыцкими тайши, но призывал Абулхаира не придавать им особого значения, потому что поблизости находится генерал Борятинский с огромным войском.

Однако это письмо не могло успокоить ни хана, ни посла — уж очень далеко от них были генерал Борятинский с его войском и калмыцкие тайши. Новости же, которые поступали из разных уголков казахской степи, заставляли не сегодня-завтра ждать беды, может быть, даже смерти.

Ханская орда и посольство словно бы превратилось в два островка посреди могучей реки, по которой начался ледоход. Неизвестно, когда именно этот ледоход поглотит островки, но ясно, что рано или поздно поглотит!

Сын хана Нурали потерпел поражение в походе против Хивы... На севере тысяча вооруженных башкир совершила опустошительный набег на Средний жуз.

Известие о действиях башкир было особенно тяжелым для хана и посла. Вот уж правда: если враг хватается за ворот, волк хватается за полу! Тевкелев и Абулханр догадывались, что набег был учинен умышленно, чья-то предательская рука нарочно толкнула башкир на безрассудство.

Оба понимали: самого страшного можно ждать каждый час, если не каждую минуту...

Хан постарел, осунулся, у него под глазами набрякли тяжелые мешки, лицо заострилось.

В один из дней он пришел к Тевкелеву и сказал:

— Сегодня на рассвете ко мне как безумные влетели несколько знатных людей и заявили: «Не вздумай выпускать отсюда Тевкелева!» Не захотели отведать моего хлеба, умчались тотчас обратно! Так-то вот! — Абулхаир не скрывал своей боли.

Тевкелев понял, что у них, наверное, есть какой-то веский предлог для расправы. Пришел час испытаний. Час, когда в один миг ломается стекло, не ломавшееся тысячу лет. Что делать? Что предпринять?

Они сидели и молчали, желая успокоить друг друга, но не находили слов для утешения.

– Необходимо что-то предпринять! – прервал молчание Абулхаир. – Первым делом надо послать гонца к Букенбаю. Если здесь объявятся джигиты, у которых кровь потемнела от жажды мести, их ничто не остановит. Никого не пожалеют, все и всех сметут со своего пути... Нам понадобится подмога... И еще, считаю, любим, возможным и невозможным, способом вас нужно вернуть на родину, – хан замолчал, прикрыв в изнеможении глаза. – Мой народ совсем меня доконал, нет у меня больше сил держать его в узде! – вдруг вырвалось у Абулхаира. – Доложите русской императрице: я стыжусь того, что не смог оказать ее послу почета, достойного вашей великой страны. Пусть милостивая государыня-императрица не гневается на меня за то, что я верный и несчастный ее слуга, не смог убедить народ в правильности избранного мною пути. И все же я не хочу терять надежду! С помощью России и ее величества я приведу к цели мой народ. – Абулхаир нахмурился. – Следует сурово наказать биев, которые плетут козни, чинят расправы. Их нужно убрать отсюда, выслать в самые далекие места необъятной России. Первым – султана Батыра...

У Тевкелева сердце обливалось кровью, когда он слушал хана. Движимый острой жалостью, он ответил:

– Если мне удастся добраться до родных пределов, я обо всем доложу точно и... особо отмечу вашу верность, честность и желание служить России. А народ, он поймет вас, я уверен, поддержит со временем.

– Если бы ее величество вняла мольбам нашим и поставила крепость у реки Ор! Это помогло бы мне в моих замыслах. Прежде всего – сломить упорство и сопротивление моих врагов. А тогда, ручаюсь, я смогу повести народ за собой. – Абулхаир судорожно вздохнул и продолжал более спокойно и уверенно. – Я считаю своим долгом отправить к царице вместе с вами моего сына Ерали и султана Нияза. Обязуюсь ежегодно посылать великой государыне в качестве заложника одного из моих сыновей. Как иначе я могу доказать ей свою преданность и верность? Есть у меня к вам просьба: не задерживайте надолго моего Ерали и султана Нияза. Иначе в народе опять пойдет злая молва. – Абулхаир, поколебавшись, все-таки добавил: – Не сочтите мой совет за нескром-

ность, господин Тевкелев, но, я думаю, вам было бы хорошо взять с собой также кого-либо из сыновей или братьев предводителей родов, поддерживающих нас. Таких, как например, Букенбая. Оно надежнее будет, а клятва их вернее. Всех надо держать крепко за пуповину, чтобы не забывали своих обязательств.

Беседа Абулхаира и Тевкелева походила на беседу людей, потерпевших жестокую обиду и теперь вынужденных утешать друг друга.

Когда Абулхаир возвращался в свой аул, он увидел возле лачуги Зердебая пять оседланных лошадей. Его сердце сжалось от недоброго предчувствия.

Слуги доложили хану, что к мастеру Зердебаю пожаловали сваты из улуса Барака и что он и его жена безумно этому рады.

* * *

Букенбай снял с головы огромную шапку и рукоятью камчи почесал за ухом:

— Правильно, разумно! Вам надо выбираться отсюда! — одобрил он планы хана и посла. — Я тоже дам вам от себя человека — двоюродного брата Кудайназара. Он проводит посольство до Уфы. Но во избежание сплетен верните его обратно.

Тевкелев кивнул в знак согласия и произнес:

— Вот что еще, батыр. Доверяю вам посланцев Церена Дондука. Доставьте их в улус. Важно, чтобы они прибыли туда невредимыми...

Букенбай собрался в дорогу, но тут на севере показалась черная точка. Она приближалась, увеличивалась. Вскоре можно было уже разобрать, что это человек, который ведет на поводу верблюда. Почему он еле-еле плетется, с трудом переставляет ноги, а не садится на верблюда?

Самые нетерпеливые сели на коней и помчались человеку навстречу.

Черный верблюд с рваной ноздрей опустился на живот неподалеку от юрты посла. На его спине были два человека, оба в крови. Пеший джигит упал, весь обмякнув, и только безмолвно показывал рукой на тех двоих.

С трудом развязали узлы аркана, которыми двое были связаны друг с другом и привязаны к верблуду. Их унесли в юрту, а джигита подхватили под руку и повели к

послу. Помогли переодеться, умыться. Еле отняли у бедняги кумган с водой – так он был измучен жаждой.

Джигита звали Бораш. Его направил к Тевкелеву полковник Кошелев с письмом. Вместе с Борашем он распорядился снарядить двух джигитов, они прибыли в Уфу от хана Букенбая два месяца назад.

В пути их окружили около восьмидесяти всадников – башкир. Они были раздосадованы и обозлены, что их набег на Средний жуз оказался неудачным. Башкиры не тронули Бораша как посланца воеводы Кошелева, но зато всю отыгрались на казахах – живого места на них не оставили. Били кнутами, наконечниками копий, ногами. Потом связали их и, сунув повод от верблюда в руки потрясенного Бораша, скрылись.

Хан и посол приказали своим людям хранить эту новость в строжайшей тайне до тех пор, пока русские и башкиры не покинут здешних мест. Раненых велели держать под охраной, чтобы ни один чужой глаз их не увидел.

* * *

Посольство тайком стало готовиться в путь. Не дремали, собирались потихоньку люди Абулхаира и Букенбая, которые должны были сопровождать Тевкелева. В юрте Зердебая тоже суетились, но эта суета была на виду у всех, вызывая любопытство обитателей этого аула.

Уже неделю не раздавался привычный стук молоточка Зердебая. У него были другие заботы: впереди свадьба единственной дочери. Его жена тоже преобразилась, ходила аккуратная и причесанная. Перерыла все эти годы не открывавшиеся сундуки и тюки, извлекла все самое нарядное – украшала дочку и себя тоже не забывала.

У Зердебая прибавилось родни. В соседних аулах отыскались вдруг родственники, понаехали, поставили свои юрты по-соседству с жалкой, прокопченной юртой мастера. Около Зердебая все время крутились мужчины, готовили скот к убою, сабы с кумысом. Вокруг жены Зердебая вились женщины, украшали юрты, разбирали какие-то вещи, шили что-то. Около дома Зердебая стоял, нарастая с каждым днем, гул оживленных голосов. У конюязи все прибавлялось и прибавлялось лошадей.

У Абулхаир-хана вся эта возня вызывала какие-то неясные, смутные подозрения. Ему казалось, что мужчины,

которые точат ножи, режут скот, помешивают в котлах, в то же время неотрывно следят за ханской юртой и посольством, высматривают, наблюдают, что там делается. А потом докладывают обо всем всадникам, которые скачут в разные стороны вроде бы за посудой, ковриками и циновками, необходимыми для свадебного пира мелочами...

Абулхаир подсылал в эту суматошную, веселую круговерть своих людей. Но, едва завидев их, все умолкали.

Сергей Костюков тоже стремился к дому Зердебая. Но, кроме ювелира и Торгын, никому не было дела до него. Морщились, отворачивались от него, бурчали себе под нос: «И откуда принесло сюда этого нескладного длинного малого? Зачем он тут?» Зердебай, у которого забот полон рот, кивнет ему с доброй улыбкой и опять хлопочет. Очень счастлив был мастер, что единственное убогое дитя нашло завидную судьбу, а он со старухой обрел новых родственников, которые в такой момент неожиданно-негаданно протянули ему руку помощи.

У Торгын тоже было много забот. То одна женге зовет ее примерить платье, то другая покличет выбрать украшения.

Сергей Костюков рассказывал своим товарищам:

– Зердебай места себе не находит от радости. Торгын еще прекраснее стала, сияет как звездочка... Даже ее матушка преобразилась, прямо красавица... Да, да, интересно проходят у казахов дни перед свадьбой, все вместе хлопочут, помогают друг другу!

Цапаев остужал его восторги:

– Ты, Сергей, я вижу, потерял надежду на дочку и начал заглядываться на мать?

* * *

Стих отчаянный топот копыт, но Абулхаир все не мог успокоиться, прийти в себя. Так и стоял у порога своей юрты на пронизывающей до костей ноябрьской стуже. Он и не ощущал ее, и без этого у него все внутри дрожало, как сухая, увядшая накануне зимы трава.

Густая пыль, которую подняли копыта трехсот лошадей, казалось, достигла неба, смешалась с ним. Покрыла толстым слоем сердце Абулхаира. Перед его глазами маячили мрачные, ожесточенные лица биев. В ушах звучали угрозы. Никто из них не кричал, не орал, не бил камчой

по земле, как случалось в обычных спорах. Говорили сквозь зубы, тихо и сурово. Каждое слово точно было отлито из свинца. Потому, наверное, они казались Абулхаиру особенно зловещими...

К Абулхаиру неожиданно нагрянули бии и аксакалы во главе с Танирберды. Услышав, что ханские слуги начали точить ножи, чтобы резать для угощения скот, Танирберды мрачно процедил:

– Скажите вашим джигитам, пусть не беспокоятся. Мы ненадолго... И не в гости... Вызовите сюда этого ногайца. Нам надо сказать ему кое-что.

Абулхаир послал к Тевкелеву Мырзатая. У них уже давно было условлено: если хан пошлет к послу Байбека, а тот – Юмаша, значит, ситуация не опасная. Если же Абулхаир пошлет в посольский стан Мырзатая, а Тевкелев – Таймаса, стало быть, дело худо.

Пришел Таймас, и бии зашумели:

– Где твой ногаец? Почему сам не явился? Таймас спокойно уселся, хмыкнул выразительно и ответил:

– Господин посол ее величества русской императрицы поручил мне, башкирскому бию Таймасу Шаимову, выслушать казахских биев и узнать, нет ли у них каких-нибудь просьб и жалоб? – Таймас подбоченился, всем своим видом как бы говоря: «Что вам, меня мало, что ли? Кто вы такие, вы, рваные халаты, лохматые тымаки? Достойны ли вы сидеть рядом с послом Российской державы?»

– Мы не с просьбами и жалобами пришли. С требованием явились, желаем высказать их послу в присутствии хана! – повысил голос Танирберды.

Таймас не испугался, тоже придал своему голосу си лы:

– Где предъявлять требования хану – дело ваше. А ваши требования к послу изложите-ка мне. Воля господина Тевкелева решать, кому выслушивать вас...

Бии оскорбились, но поняли, что у них нет иного выхода, как изложить то, с чем они приехали, этому самодовольному, наглому, задиристому башкирскому бию.

Танирберды пошарил своими выпученными, в красных прожилках глазами по лицам остальных биев и начал:

– Мы здесь, чтобы протестовать против разбоя, чинимого подданными России башкирами над казахами. Этим летом они совершили несколько набегов на улусы Среднего жуза. В последний раз наши братья из Среднего жуза потеряли по их вине сорок мужей убитыми! Сто

человек угнаны в плен. О добре разном и говорить не приходится... – Танирберды покраснел, набычился. – Мы не можем позволить русскому послу покинуть нашу степь в тот момент, когда наши соотечественники пребывают в неутешном горе, когда они пылают в огне гнева и горя. Посол должен оставаться здесь как заложник до тех пор, пока башкиры не возместят все потери нашим братьям. Пусть вернут пленных и заплатят кун за убитых...

Таймас прищурился и воскликнул:

– Кто же именно ставит нам эти требования?

– Мы, бии родов Младшего жуза.

– Мы, однако, не слышали, чтобы башкиры нападали на улусы Младшего жуза. Или, может, мы не осведомлены? Тем родам, которые добровольно приняли русское подданство, не нанесено никакого ущерба или урона. Ведь так? Ну, а за покой и благоденствие улусов Самеке посол ответственности не несет. Они не являются подданными Российской империи. На каком основании хотите вы сделать его заложником? Это беззаконие! И вы, как подписавшие присягу на верность России, будете нести перед царицей ответственность за любое насилие или даже неуважение к ее послу. Ваше поведение мы будем – в соответствии с нашими законами – расценивать как предательство...

Бии затаили дыхание. Кисточка на камче бия Танирберды мелко задрожала.

– Что же, русская царица, выходит, может заставить нас отречься от наших соплеменников? – пробормотал батыр Бахтыбай.

– Вот именно, вот именно! – пришли в движение, заволновались остальные. – Неужто же мы ради прихоти царицы должны отказаться от наших единокровных братьев? Они попали в беду, и мы не можем наблюдать безучастно, как они, бедняги, страдают!

– Это что же получается? Голова одного посла стоит дороже, чем сорок мертвых и сто пленных казахов?

– Остальным мы препятствовать не будем, пусть себе убираются! Но посла оставим заложником. Ради того, чтобы белая царица пресекла разбой башкир!

Таймас дал выговориться всем и при этом наблюдал за каждым. Не все были настроены враждебно, многие приехали сюда, чтобы посмотреть, как поведут себя обе стороны.

– Лично я без господина посла и полшага отсюда не сделаю. Другие башкиры, уверен, поступят так же! – заявил Таймас. – Вместе приехали, вместе и уедем! – Он сделал паузу и в полной тишине продолжал: – Вы тут подавали голоса, что мы заставляем вас отказаться от ваших соплеменников. Если вы так дорожите родством, то и собратья ваши из улусов Самеке тоже небось дорожат... Почему вы не внушили им, чтобы они жили мирно, не трогали, не задевали страну, подданство которой они приняли? Кто начал барымту – ваши кровные братья или башкиры? То-то же! Сколько всего они натворили против русского государства? Против нас, грешных, пожаловавших сюда с самыми мирными целями? Кто совсем недавно ограбил русский караван? Кто кому причинил больше зла? Ваши братья расплачиваются теперь за свои грехи! Если хотите избежать кары русской царицы и смягчить ее гнев, не задерживайте ее посла! Предупреждаю вас!

– Мы не имеем возможности вернуть на родину посла! – раздался из толпы робковатый голос. – Как мы можем отпустить его без даров и подношений?

Боясь рассмеяться над этой явной отговоркой, Таймас ответил:

– Лучшие дары и подношения – это ваша честность и преданность. Верность слову.

В разговор ввязался Бактыбай:

– Как же его отпустить? Вы там все вашей царице распишете, она с нами расправится, как волчица с ягнятами...

Таймас всем телом повернулся к нему:

– Не перестанете задираться – держитесь! Императрица вам не бабушка по матери, чтобы гладить по головке каждого строптивного задиру. Она не то что уши, головы отсечет за ваши «шалости»!

– Эй ты, не пугай нас, не больно-то мы испугались. Тебе что за дело до наших голов?

– Ты, башкир, поосторожнее, поосторожнее! Выбери слова! Ишь, как распетушился этот евнух!

– Щелкает нас по лбу каждым своим словом, будто бы он любимец самой белой царицы!

– Если всякий, кто начал есть русский хлеб раньше, чем мы, будет на нас покрикивать, то нам уж точно житья не будет под русскими!

Призывая всех к порядку и молчанию, Танирберды поднял вверх камчу.

– Мы сказали, что хотели сказать. Услышали, что хотел сказать нам посол. Все... Теперь у нас будет разговор с ханом Абулхаиром. Но и тебе полезно будет посидеть здесь, – бросил он на Таймаса взгляд исподлобья. – Хан, мы предупреждаем тебя: пока башкиры не возместят Среднему жузу потери, ты не дашь послу и шагу ступить. Если ослушаешься, то пеняй на себя!

Абулхаир даже бровью не повел.

– Не распускай хвост, Танирберды! – властно оборвал он бия. – Убери свой скорпионий хвост, который тебе долго удавалось прятать в подштанниках. Передай тем, кто тебя, знатного бия, использовал в своих целях и послал сюда: клятва русской царице останется неизменной. Для меня клятва есть клятва. Я не имею привычки, как иные, сегодня превращаться в хвост кобылы, а завтра в хвост верблюда. Сегодня ваши брови грозно нахмурены, но я подожду – хочу посмотреть, как вы будете выглядеть завтра, – хан провел ладонью по усам, распрямил плечи. – Я тоже не ищу смерти. Потому и не возьму на себя грех за чужие подлости. Хотите сделать посла заложником – что ж... Но ответ будете держать сами. Для меня посол – почетный гость, и я отправлю его на родину по первому же его слову. Более того, пошлю с ним своего сына Ерали. Если вы вырежете меня со всей моей семьей, со всеми моими домочадцами, не радуйтесь попусту, не считайте, что спроса за это с вас не будет! Просчитаетесь! Не думайте, что безнаказанным окажется и легкомыслие ваше – вчера клялись, а сегодня отреклись! Подумайте, крепко подумайте, прежде чем творить глупости. – Абулхаир легко поднялся с места, давая понять, что считает разговор оконченным.

Бии сели на коней и, не простившись, уехали.

Абулхаир знал – опасность и ненависть достигли зенита. Но он находился в состоянии какого-то странного возбуждения, когда, кажется, ничто не страшно, ничто не способно испугать... Набег? Полный разгром и уничтожение его аула? Его близких? Посольства? Это еще неизвестно, решатся ли они на разбой.

Хан не заметил, как удалился от аула. И увидел вдруг всадников на гребне высокого холма. Возбуждение прошло, он почувствовал, что дрожит. То была не дрожь гнева, сожаления или страха. Абулхаир почувствовал опустошенность и горечь. Наверное, те же чувства испыты-

вает годами прикованный к постели, безнадежно больной человек, когда наступает его смертный час: знал, что не жилец на этом свете, и все же лелеял надежду...

Абулхаир испытал самые отчаянные муки, но такой, как сейчас, казалось ему, он не испытывал никогда. Словно ступал голыми ступнями по горячим углям – нигде не было ни пяди живой земли, прохладной и родной... Северный ветер обдавал его страшным, будто из тандыра, жаром...

«Что же это, что же это такое? За что? За что?» – вопрошал Абулхаир всевышнего и ровную, голую степь. И этот вопрос как гвоздь засел в голове, мучил, не давал покоя...

На гребне было десять всадников. «Не войско, слава аллаху! Однако выглядят они довольно зловеще на своих вороных конях. Двинулись к юрте Зердебая. Э-э, так это и есть, видимо, жених, будущий зять. Странно все это, не по-людски как-то! Такой поздний час выбрать для первой встречи с невестой!» – Абулхаир пытался и никак не мог уловить связи между этими событиями. Но она была!

* * *

Аул, выдающий девушку замуж, всегда выглядит оживленно и празднично.

Люди в ханском ауле устали от тревог и страха. И поэтому они были рады тою, возможности хоть немного отвлечься, сосредоточиться на событии счастливом.

Все взоры аулчан были в юрте Зердебая. Разговоры велись только о предстоящей свадьбе и о том, какая удача привалила ювелиру и его дочке.

Женщины судачили не переставая.

– Зять-то, зять-то будущий, оказывается, родня самому султану Бараку.

– О аллах! У всякого, кто правит улусом, всегда найдется родня. Каждый не прочь похвалиться, что он сват или брат султана или бия... Пес и тот брешет без устали, что его мать из одного гнезда с сукой, что обитает при доме мырзы!

– Если жених такой высокородный, что понуждает его жениться на глухонемой?

– Говорят, они обручены еще с колыбели. Кто знал, что она будет глухонемой? Младенцы все на одно лицо...

– Значит, и калым был уплачен?

– Это никому не известно...

– Наверное, брак этот сулит какую-то выгоду Бараку. Он без расчета ничего не делает, даже пальцем не пошевелит.

– Чего говорить о женихе? Что, по-вашему, Торгын единственная у него будет? Эта – немая, а другие жены будут разговорчивыми.

– Даром что немая, а так ведь красавица писаная, перирайская...

– А жених? Интересно, какой он? Часто красавицы нарываются на сопливых да мокрогубых...

– Э-э-э, для этой бедняжки любой жених будет хорош!

– Потому, ясное дело, Зердебай и ног под собой от радости не чувствует. И то сказать, как же ему не радоваться?

Люди все теснее и теснее обступали юрту, где принимали жениха. Женщины чуть ли не вовнутрь готовы были влезть, мешали, путались под ногами джигитов, обслуживавших гостей.

Родственники Зердебая, поначалу державшиеся скромно, теперь стали покрикивать на любопытных:

– Эй, баба, посторонись, а не то оболью сурпой твой подол.

– Эй ты, трещотка, не мешай, не стой на пути, я ведь могу насыпать тебе за пазуху углей из очага!

Никто не обижался на грубоватые шутки: зрелище дороже любых окриков. К тому же джигитам и правда нелегко приходилось: носились от очагов в юрты и обратно как ошалелые. Зеваки пропускали их, освобождая дорогу.

– Который же из приезжих женихом будет, а? – вытягивали они шеи.

На торе сидят вроде бы все молодые, кроме одного, который с темной бородой.

– Может, вон тот, с толстой шеей?

– Уж больно страшен он для жениха. Глаза горят, как у бодливого быка.

Не-е-е-т, похоже, вон тот вон красавчик с длинными ресницами. Держится скромно, вежливо. Хорош, хорош, под стать нашей Торгын.

Сергей Костюков тоже пытался угадать, кому же достанется такое сокровище, как Торгын. Также высматривал жениха. Аулчане оттеснили Сергея от юрты, и он побрел в печали по тропинке в посольство.

Толпа не редела и на следующий день. Изю всех юрт

лились звуки домбры, густые голоса джигитов и серебристые голоса девушек и молодых выводили песни. До вечера не утихала музыка, смех и шутки.

С наступлением темноты люди разошлись по домам. Праздничные юрты опустели. Лишь звонкий смех молодых раздавался время от времени да легкий стук их каблучков, когда они перебежали из одной юрты в другую, что-то на ходу говоря друг другу.

Наступал самый заветный и главный момент – ночь сокровенной первой встречи жениха и невесты. Если они придутся друг другу по сердцу, смешливые молодки среди ночи побегут просить суюнши у матери невесты. После этого начнется самое интересное. Соберутся все женщины, девушки и юноши и совершат обряд обирания жениха. Все, что им понравится, с него снимут или отберут. На следующий день пойдет пир горой – большой свадебный той для всех. Потому ждут, затаясь, все аулчане, когда же перевалит за полночь, когда раздается крик «Суюнши! Суюнши!»

Длинна осенняя ночь. Долго приходится ждать, ворочаться в постели.

– Эх, будь проклят твой отец! – прорезал тишину отчаянный вопль. – Подсунул мне вместо лепешки надкушенный баурсак! Опоганили меня, наплевали в душу!

Это был позор. Неслыханный позор. Аул притих, притаился в ожидании чего-то недоброго.

А причитания неслись, нарастали, все более походили на бычий рев.

– В землю живым вогнала! Чтоб ты в могиле редела!

О-о-о, моя погубленная надежда! О-о-о-о-о, какая расплата за мою давнюю верность!

Жених причитал, будто убивался по умершему отцу. Он произносил слова четко, отдельно, чтобы все их слышали! В гробовой тишине его голос был слышен неправдоподобно ясно, и оттого казалось особенно жутким то, что произошло.

С ним сплелся еще один голос, голос человека, смертельно раненного в самое сердце:

– Проклятье! О аллах, за что ты покарал меня так жестоко? Чем я не угодил тебе? – рыдал Зердебай.

Вслед за этим полетели по степи дикие испуганные возгласы:

– Ойбай, ойбай! Держите его! Держите! Убьет ведь, зарубит!

– Пустите, пустите меня! Я ее убью и себя порешу! Пусти-и-и-ите! Ну, бесстыжая, ну же!

Мужчины держали Зердебая, не пускали его в юрту, где находились его дочь и ее жених.

Вопли, крики, рыдания, плач не прекращались до утра. Ни один человек в ауле не сомкнул глаз.

С восходом солнца жених и его свита покинули опозоренный аул.

Они ускакали, даже не оглянувшись. Но почему-то они не были похожи на людей, которые страдают от позора, а, напротив, казалось, были рады чему-то, словно испытывали удовлетворение. Абулхаира обожгла страшная догадка.

Родные кое-как успокоили Зердебая. Он лежал лицом к стенке, отвернувшись от всего мира. Слово – великий исцелитель, и чем больше добрых слов выльется на горькую, застывшую, словно черный камень, душу, тем легче ей становится. Родственники не жалели слов, в глазах мастера показались слезы и потекли, потекли безудержно по щекам, принося какое-то облегчение.

Они порешили найти злодея, растоптавшего ангельскую душу. Заставить его признать свою вину и жениться на бедняжке. Все родичи Зердебая дали клятву найти виновника.

На закате они покинули ханский аул. Миновал день, тяжелый, как обрушившаяся на плечи гора. Прошел и второй. На третий день ранним утром около юрты хана сошли с коней тридцать всадников. Нерешительно, опустив головы и плечи, перешагнули ее порог.

Речь повел Конысбай. Сын покойного Айтеке-бия. Того самого Айтеке, который его, Абулхаира, когда-то заметил и благословил. В движениях и словах бия Конысбая были особая внушительность и весомость. Стало быть, догадался хан, гости приехали по очень серьезному делу.

– Алдияр, мы явились не с благой вестью. Явились, чтобы отвратить страшное событие, которое нависло и над вами и над нами. В несчастье дочери Зердебая люди обвиняют русское посольство. Какой-то русский парень часто навевался в юрту Зердебая, люди видели это много раз. Корят и тебя за то, что позволил кафиру поднять подол нашей девушки, не пресек, как положено мусульманину, это безобразие. Мы решили предупредить тебя по-братски. – Конысбай говорил медленно, напевно, будто

вторил тихому напеву домбры. – Пришли дать тебе совет. Есть три способа избавиться от небывалого позора. Первый – ты всенародно покаешься: «Я встретил посольство с чистым сердцем, чистым дастарханом, но кафиры есть кафиры!» И казнишь парня. Остальных отправишь домой. Второй – всенародно отречешься от русского посольства, поклянешься, что ничего не ведал об этом преступлении неверных. И отдашь их на суд разгневанному народу. Третий – дашь клятву, что этот самый парень ни в чем не виноват. На красной насыпи, на святыне нашей, где покоится прах предков, дашь клятву.

Конысбай умолк. Абулхаир прочистил горло и произнес хриплым, сдавленным голосом:

– Ни Зердебаю, ни его дочери, готов поклясться, я никогда не желал зла.

– У нас и мысли такой не было! – раздалось ему в ответ.

– Утверждать, что бедного слепого мотылька толкнули в огонь русские, не могу. И они – живые души, хоть и не мусульмане. Не хочу брать на себя грех, не будучи убежденным в их вине!

– Ясное дело, убедиться нужно!

– Не готов я сейчас и к клятве на могиле предков.

– Не торопись, подумай, взвесь. Потом сообщишь нам свое решение. Но помни: клясться будешь ханством своим, скотом своим и жизнью своей. Условия клятвы суровы и беспощадны! Нарушить их – значит вызвать гнев духов наших святых предков. – Конысбай перевел дыхание, помолчал и, поглядев прямо в лицо Абулхаиру, сказал:

– Помни, клясться тебе придется ханской короной – раз, любимым скакуном – два, несовершеннолетним сыном самого уважаемого и почитаемого народом человека... Горе, невыносимая потеря, которые будут мучить не только тебя, но и весь народ. Однако знай, своими детьми, а также детьми Букенбая и Есета ты клясться не имеешь права... Думай, крепко думай!

Сочувственно вздыхая, бросая на хана жалостливые взгляды, тридцать биев один за другим покинули юрту Абулхаира.

Почему они так тихо, так неслышно закрыли дверь, почему были так сдержанны – ведь оскорблены духи предков! Опозорен целый род! Не колотили кулаками и кам-

чами по земле, не обвиняли его в том, что он запятнал, замарал самое святое! Стали такими добрыми и всепрощающими. Почему, ойбай, почему, почему?! Абулхаир сам начал бить кулаками по ковру, на котором сидел.

Известно, почему! Кто унижен сейчас более, чем он, кто несчастнее его? Ни один степняк не станет вести себя надменно и крикливо с человеком, и без того несчастным и униженным! Зачем добивать и без того убитого горем, повергнутого в прах человека? Если хочешь заслужить, получить милость у казахов, будь таким вот несчастным. Они завидуют, кривятся, косятся лишь на человека, который хоть чуточку богаче и знатнее остальных. Зато как всепрощающи, как милостивы, когда дело касается поверженных и сломленных. И эти его гости были мягкими, как шелк, так как отныне он в их глазах – последний человек. Никто и ничто. Не утихомирить, не успокоить духов предков или смыть пятно позора с целого племени им важно. Им куда важнее повалить хана Абулхаира в грязь, замарать его! Навсегда оставить его в этой грязи! Потому они и поставили три условия... Условия, каждое из которых по своим последствиям может быть для него, Абухаир-хана, поистине ужасным...

Прикажешь казнить Сартайлака – оборвешь отношения с русским государством, отдашь с таким непомерным трудом налаженное дело какому-нибудь пройдохе из рода Жадика... Отречешься от русского посольства – тем более! Тотчас же найдутся «сердобольные», которые возьмут Тевкелева и его людей под свою защиту и поспешат доложить об этом царице. Принесешь клятву... Как он может поручиться за мужчин, столько времени живущих без женщин? Немая девушка не может назвать своего обидчика. «Сдается мне, его надо искать среди своих. Странная свадьба... За всем этим я чувствую руку Батыра и Барака. Но как это доказать? А не пойман – не вор. Пусть они, враги мои, возьмут мою жизнь! Все одно – позор навечно покроет мое имя в памяти людской! И как я вообще могу взять на себя вину за смерть безгрешного ребенка? Своего или, особенно, чужого?»

Да, он сейчас как волк, перед которым поставили три капкана и сказали: «Выбирай любой! А клыки мы тебе выьем сами». Но волк есть волк, у него забота только о себе, он не ведает заботы о потомках. Оказавшись в подобном тупике, перед капканами, он способен ринуться,

мотнуться на черный соил. А он, хан? Человек? Имеет ли он право уйти в сырую землю опозоренным, оставить на проклятье людское своих потомков? К тому же его враги и соперники могут подбить на какое-нибудь новое преступление пугливый, задиристый и несчастный народ. Вспыльчивы степняки, горячи и неразумны...

Нет, он должен, обязан до дна испить горькую свою чашу. До конца...

«Два первых условия следует отвергнуть сразу же. Остается третье. Стальной капкан с тремя челюстями, способными лишить меня трона, богатства и жизни. Хватит ли решимости и мужества?»

И все же надо, надо рисковать. Поговорить прежде с послом, с Сартайлаком? О аллах, и зачем парень каждый день таскался к Зердебаю, почему Тевкелев не запрещал? Увалень проклятый, натворил дел, заварил кашу. Хотя он, наверное, не виноват. Кто-то другой тут замешан.

Пусть я брошу в очаг клятвы на красной насыпи корону с головы, своего скакуна, предположим, брошу. Но где найти ребенка, за которого болел бы душой весь народ? Где? Потомки Букенбая, Есета и мои не годятся. Годится кто-то их достойный. Кто же это может быть?

О-о-о! Он, конечно, он! Они имели в виду его, именно его! И мне он дорог, и народу! Еще как дорог! Никого в этих местах нет дороже и любимее его! ... О аллах, на какое злодейство, на какую жестокость способны эти псы!...

Судьба, оказывается, всесильна. Все сошлось на этом мальчике! Над его тоненькой шейкой судьба занесла свой меч!»

Мог ли он в самом страшном сне увидеть, что все беды суетного его народа, который не знал никогда просвета, потерял надежды на будущее, соберутся воедино и опустятся на милую головенку мальчика? Увы, беспощадный, запутанный узел, который так и не смогли распутать правители противоборствующих сторон, не смогли развязать велеречивые краснобаи и острословы всех жузов, уперся в горло невинного, беспечно спящего в теплых объятиях родителей ребенка.

Абулхаир содрогнулся. Он в неоплатном долгу перед этой семьей. Сколько раз они выручали его! Сколько раз опирался он на мощь и силу их рук! Он всегда мечтал отплатить ей добром! Теперь, выходит, добро должно

оборотиться черным насилием... Господи, он-то утешал себя: если кто и будет перед ним в долгу всю жизнь, так этот мальчик. Мальчик, спасенный им, ханом. Но аллах, видно, решил иначе, счел его недостойным сделать хоть одно ощутимо доброе дело.

Да, да, конечно же, эти тридцать изуверов и те, кто стоит за их спинами, рассчитали все заранее. Укусили за самое уязвимое место. Придумали для него изощренную пытку! Под угрозой смерти оказалось единственное в семье дитя! Как гнилой нарыв жаждут удалить, вырвать из сердца народного имя батыра Абулхаира, мудрого, правдивого, неподкупного Абулхаира, как его называли казахи! Хотят отнять у него надежды на будущее и опору – воспоминания о былом, о прошлом, когда звезда его сияла высоко и ярко.

О аллах, как отчетливо встает в памяти все, что связано с этим ребенком! Будто только вчера происходило...

Это было в год, когда Абулхаир вел кровавые сражения с джунгарами неподалеку от Каратау. Все овраги и вся равнина, насколько глаз хватало, были усеяны телами павших казахов и джунгар. Кругом – разрушенные очаги, сожженные юрты, воющие псы и мертвые или раненые люди и кони.

Следовавшие за Абулхаиром воины обливались кровавыми слезами – сколько полегло близких, родных и товарищей, которые только что сражались рядом с ними. А они бросают их, не имея возможности даже предать их земле...

Отряды выехали на окутанную мглой равнину. И тут кто-то показал рукой вперед. Все силились разглядеть что-то движущееся вдали, словно призрак. Помчались вперед и обнаружили длинный караван. Его сопровождал большой отряд джунгар с копьями наизготовку.

Переполненные жаждой мести казахи с грозными криками набросились на врага. Замелькали мечи, зазвенели сабли, захрипели раненые. Противники, казалось, решили презреть не только опасность, но и саму смерть.

Это была схватка ослепленных гневом, опьяненных кровью людей. В них все больше разгоралось возбуждение – яростное, ослепляющее, заставляющее забыть обо всех чувствах на свете, кроме желания колоть, резать, кромсать, уничтожать, крошить, убивать.

Казахи начали теснить джунгар. Джунгары уложили

на землю навьюченных верблюдов и спрятались за ними. По команде Абулхаира джигиты стали целиться в глаза неповоротливых животных. Верблюды брыкались, кричали, бились о землю, разбрызгивая во все стороны пену. Джунгары запутывались в поводьях и не могли больше разить стрелами нападавших казахов.

Джунгары поспешно вытащили из сундуков, навьюченных на верблюдов, какие-то свертки и обратились в бегство. Абулхаир погнался за ними вслед вместе с небольшим отрядом.

Под джунгарами кони были сытыми и свежими. Утомленным многодневными скачками коням казахов никак не удавалось догнать их. Тогда джигиты Абулхаира взялись за луки. Кони падали на лету, ломали себе шеи. Однако джунгары не выпускали свертки из рук, прижимали их к груди, и казахи догадались: по ним стрелять нельзя. Несколько джунгар подбежали к реке и бросили свертки прямо в ее волны.

Абулхаир увлекся погоней за всадником на красивом белом коне. Потеряв надежду уйти от погони, джунгарин вместе с конем бросился в бурную весеннюю реку. Абулхаир – за ним. Добравшись до берега, джунгарин вдруг обернулся и взмахнул саблей. Абулхаир почувствовал, что у него онемело правое плечо. Не обращая внимания на боль, он левой рукой достал кривой нож и метнул его в спину врага. Тот вместе с конем плюхнулся в пенистый поток.

И тут хан неожиданно вылетел из седла. Студеная вода дошла ему до самого горла, накрыла его с головой, но Абулхаир вынырнул, удержался на поверхности. Огляделся. Прямо перед собой увидел голову своего скакуна, а неподалеку плыл белый красавец-конь, оставшийся без хозяина. Между ними покачивался на волнах сверток. Абулхаир протянул руку, схватил его, зажал под мышкой и повернул своего коня к берегу. Скользя по суглинку, конь с трудом выбрался на сушу. Джигиты подхватили хана под руки. И тут раздался громкий плач младенца.

– Ойбай, да это ребенок!

– О аллах, несчастное дитя, ему-то за что страдания?

– Вырвали у смерти из самой пасти!

Хан поскакал к месту битвы. Однако бой уже кончился, враги бежали.

В караване оказалось много пленных казахов. Они с

рыданиями обнимали ноги своих спасителей. Они рассказали, что этот караван не единственный, джунгары чуть ли не каждый день отправляют в свои земли по десять караванов с пленными и добычей. Угнали самых красивых девушек. Угнали лучших мастеров из Туркестана, Саурана и Карнака. Сегодня везли в сундуках малых детей – отпрысков знатных казахских семей...

Когда спасенного младенца развернули, Абулхаир признал в смугленьком малыше сына Тайлана. Сердце его дрогнуло, на глаза навернулись слезы. О аллах, Туяк, малышечка! Абулхаир прижал его к груди. Туяк, которому он обрезал пуповину и дал имя!

Хан видел, как был счастлив Матэ, когда этот ребенок появился на свет... Матэ... Его тело они вчера предали земле возле лысого хребта Кусеге. Если бы аксакал узнал, что ходит по земле его Туяк, то был бы счастлив и спокоен, наверное, и на том свете!

На всю жизнь запомнил Абулхаир, как Матэ преобразился и помолодел, когда родился внук. Разгладились морщинки на лбу. Стал разговорчив и весел. Забыл о своей нелюдимости, принимал приглашения на той.

Во время одного празднества в ауле Жомарта какой-то степной богач, снедаемый завистью из-за того, что Матэ сидит на почетном месте, сказал:

– Удивляюсь и зачем этому несчастному бродяге, ковыряющемуся в земле, стерегущему звериные норы, являться на той? Кем он себя считает? Какой родней гордится? Или, может, у него есть тучные табуны? Чего пожаловал сюда?

Старый Матэ ответил ему. Да так, что его слова стоустая молва разнесла по всей степи.

– Если тебе интересно узнать, беден я или богат, то не скрою – я беден. Настолько беден, что передвигаюсь и кочую на одном-единственном верблюде. Ты спрашиваешь, щедр я или скуп: я отдал единственного своего верблюда тому, кто нуждался в нем больше, чем я... Отважен ли я? Когда враги окружили хана Тауке, я поднял его знамя и был впереди всех, потому враги и захватили меня в плен. Однако я победил, покорил врагов своим красноречием и тем спасся от смерти... Что у меня есть? У моего единственного сына родился наследник. Я сват бая Жомарта, табуны которого не помещаются в степи... Подумай, можно ли быть бедным, но щедрым, если я отдал

обездоленному своего единственного верблюда? Что может быть лучше мудрости и красноречия, если они спасли меня от смерти? Я женил своего единственного сына на дочери Жомарта, ласкаю внука с пухлыми щечками – есть ли богатство больше, чем это? Я и батыр, и бай, и бий... Почему же я должен стыдиться и не показываться на тое? Ну-ка, объясни мне, несчастный пастух, надменность которого рождена полными кошарами да густой похлебкой! Где уж тебе мечтать о месте на торе – в моем-то присутствии?..

Тысячу раз спасибо всевышнему, что он вывел Абулхаира на тот караван! Тысячу раз слава всевышнему, что остался в живых этот комочек – отпрыск, нежная частичка семьи, которая составляет гордость всех казахов...

Маленький Туяк остался без родителей. Его мать угнали джунгары. Отец бросился на ее поиски. Абулхаир взял мальчика в свой дом.

Прошел год, второй – вестей от Патшаим и Тайлана не было.

Однажды к кочевью Букенбая присоединились мужчина и женщина. У них была на двоих одна лошадь. Когда люди присмотрелись к ним, то кочевье загудело как улей:

– Ой, да ведь это Тайлан! Ты ли это, Тайлан?

– Кто с ним – Патшаим?

– Нет, не она!

– Живой, живой. Тайлан уцелел – и то хорошо!

Все сбежались к Тайлану, здоровались с батыром со слезами на глазах. Он стоял молча, прямой, с седыми висками, с горестными морщинами на лбу. Люди продолжали гомонить: «Благородный ты наш, защита наша!»

Они не обижались на его мрачность и холодность:

– Как же может быть иначе? Сколько горя хлебнул человек!

– Чего только не повидал, не испытал после смерти Матэ и потери Патшаим!

– О аллах! Почему же мы не требуем у него суюнши?

– Жив, жив твой Туяк!

Окаменевшее лицо Тайлана разгладилось, порозовело. Он улыбнулся недоверчиво – вдруг ошибка, вдруг ему послышалось!

– Жив твой сынок, у хана Абулхаира, под его крылом живет! – твердили ему люди.

Тайлан покачнулся. Женщина – его спутница – не отводила повлажневших, засиявших глаз от батыра.

Тайлан тут же помчался в ханский аул. Влетел в юрту Абулхаира, застыл, уткнувшись лицом в плечо своего курдаса.

Туяк с любопытством наблюдал за незнакомцем, который бросал на него осторожные, испуганные, какие-то странные взгляды. Мальчику было невдомек, почему этот дядя не берет его на руки, как это делает Абулхаир и все, кто здесь появляются...

У Абулхаира Тайлан прожил больше месяца. Мальчик стал привыкать к нему. А потом так привязался, что ни на шаг не отходил от него.

Постепенно, не сразу, Тайлан отмяк душой и поведал Абулхаиру, как жил два этих года. С того самого момента, как они потеряли друг друга.

Тайлан решил пробраться в джунгарские улусы. Днем он таился, прятался, ехал ночами. И все время терзался мыслями, как ему дальше жить – без отца, сына и Патшайма. Поддерживала его лишь жажда мести. Он думал о мщении за поруганную свою жизнь, за погибших близких, самых дорогих на земле людей.

Два года Тайлан провел в горном ущелье, неподалеку от дороги, по которой часто двигались джунгарские караваны. Он нападал на них, наводил на джунгар ужас, беспощадно расправлялся с ними. Однако сердце его не успокаивалось, душа не насыщалась, требовала новых и новых жертв.

Живя в одиночестве, занимаясь разбоем и убийством джунгар, Тайлан одичал за два года. Гнев как пламя жег его, пожирал, но никак не отпускал. Когда Тайлан появлялся на скале в лохмотьях, обросший, с безумными горящими глазами, люди думали, что перед ними джинн.

Так бы и продолжал Тайлан ненавидеть и мстить, скитаться в горах, спать на камнях, питаться дичью, если бы не один случай.

Тайлан напоил коня и собирался уже повернуть к своему жилищу, как заметил всадников. Притаившись за скалой, он ждал, когда они проедут мимо. В ту пору он уже не нападал, не пугал всех подряд, выбирал таких, чьи кони ступали важно, кто держался в седле чересчур гордо.

Эти шесть всадников не показались ему таковыми. Они остановились и спешили у родника, смеясь чему-то. Сняли с коня связанного по рукам и ногам человека. Усе-

лись возле родника, вытащили из корджунов еду, поели. До Тайлана донесся давно забытый запах домашней пищи, приготовленной в чугунном казане. Он судорожно сглотнул слюну.

Между тем мужчины шумели все громче, начали спорить, потом ссориться. Потянули друг к другу руки, стали хватать друг друга за грудки. Тайлан не мог понять, из-за чего разгорается ссора. Видел лишь, что безучастным ко всему остается связанный человек. К этому человеку устремлялись спорщики, но каждый не пускал другого, тянул, оттаскивал назад. Один из мужчин полоснул кинжалом по веревкам, но на него набросились остальные. Началась потасовка.

Самый хитрый воспользовался этим, подскочил к пленнику, дернул за одежду. Она порвалась с треском. Тело обнажилось – это была женщина. Она в ужасе прикрыла руками обнажившуюся грудь. Две тугие косы выскользнули из-под платка.

Мужчины крушили друг друга кулаками. Еще миг – и тот, кто разорвал на женщине платье, набросился на нее, опрокинул навзничь.

Тайлан не мог оставаться безучастным.

Он неслышными прыжками приблизился к потерявшим человеческий облик людям, вынул саблю и с громким криком врезался в середину. Вскоре трое были убиты, трое стонали, получив тяжелые раны.

Девушка бросилась к краю скалы.

– Стой! Стой! – закричал Тайлан, объятый ужасом. – Сто-о-ой!

Словно подстегнутая его криком, девушка побежала еще быстрее. Тайлан вытащил из колчана стрелу и прицелился ей в ногу. Она бессильно опустилась на землю. Тайлан подбежал, схватил ее на руки. Она вся дрожала. Девушка билась в его руках, царапалась, умоляла:

– Убей меня! Не хочу жить! Все, все пропало! Убей меня!

Потом потеряла сознание.

Она была казашкой. Тайлан укрыл ее чекменем и понес к роднику. Промыл рану, наложил пахучий лист нар-поза, перевязал.

После этого он не мог жить по-прежнему.

Он боялся оставить девушку одну: несколько раз она пыталась наложить на себя руки. Полтора месяца Тайлан

никуда не выходил, сидел в каменной пещере. Они словом не перемолвились за все это время. Лишь каждый раз, когда он перевязывал ей рану, девушка стонала: «Не надо! Оставь! Не приближайся!»

Рана зажила, они перебрались в другое место. Девушка постепенно привыкла к Тайлану и перестала дичиться.

Он стал отлучаться на охоту. Она встречала его без слов, они молча ели, молча ложились спать, каждый в своем углу.

Приближалась осень. Тайлан забеспокоился. Оставаться на зиму в этих пустынных местах было нельзя. И он понял: нужно добираться до людей, двигаться в путь, пока еще не занесло дороги, пока не наступили холода.

Покуда Тайлан был один, ему никто не был нужен. Он старался вообще не вспоминать людей и прежнее свое счастье. Память об отце, сыне и жене жалила его как скорпион – безжалостно, почти смертельно. Стоило появиться рядом с ним человеку, как ему стали необходимы и народ, и родина. Вот как оно, оказывается, бывает.

Однажды они наткнулись на кочевье Букенбая...

Тайлан решил, что будет, как и отец, возделывать землю. Поселится где-нибудь подальше, у речки или родника, засеет небольшой клочок земли и будет на нем возиться, хозяйничать. Вырастит Туяка, как растит, пескует своего птенца ласточка, обучая его тому, что ему нужно знать, чтобы жить и летать.

У Тайлана была единственная мечта – увидеть, как сын сам оседлает коня, как станет достойным человеком.

Абулхаир всегда выслушивал своего курдаса внимательно и чутко, боясь обидеть ненароком каким-нибудь неосторожным словом.

И все-таки однажды спросил его:

– А что ты собираешься делать с этой женщиной?

– Не знаю, – растерялся Тайлан.

– Надо бы знать, – и после паузы добавил: – Хоть бельишко тебе и сыну постирает.

Они поселились втроем в безлюдном месте на западном склоне Шерубай Нура. Мальчик стал называть женщину мамой, полюбил ее.

Тайлан и женщина почти не разговаривали. Так, перекидывались иногда словами. Он многие ночи лежал без сна, не зная, радоваться или печалиться, что Туяк так льнет к чужой женщине. Как-то ночью Тайлан потянулся

погладить головенку Туяка. Рука его наткнулась на теплое запястье женщины. Его первым порывом было отдернуть руку, но он не хотел ранить сердце женщины, забывшей ради мальчика все на свете – о себе тоже. Не отодвинул, не убрал руку.

В ту ночь не сомкнули глаз оба. О чем думала женщина? Тайлан же горевал о своем коротком как миг счастье. Жива ли его единственная любовь – Патшаим?

Он явственно видел ее сияющие глаза, озорную лукавую улыбку. Весь белый свет померк для него... Туяк перевернулся на другой бок, еще теснее прижался к женщине.

Она высвободила свою горячую как огонь руку и заботливо поправила на мальчике одеяло.

«О аллах, спасибо тебе, что хоть сына мне оставил! Теперь у меня нет обиды на тебя!» – повторял и повторял про себя Тайлан в ту ночь.

Так, без слов нашли, поняли друг друга, стали одной семьей три человека. Объединил их, сблизил, став смыслом жизни, Туяк, мальчик с чубчиком.

... Как же может он, Абулхаир, навлечь беду на Туяка, однажды выпрошенного у всевышнего?!

Пришел момент испытать в последний раз свое счастье. Обрести его или лишиться навсегда!

Может статься, что очень скоро его надежды будут развеяны по ветру, шею его захлестнет волосяной аркан.

Привязанное к лошади тело его будет волочиться, биться по земле... Его глаза в последний, смертный час увидят степь. Степь, где он жил, сражался с врагами, любил и ненавидел... Навеки угаснет его имя. Никто не помянет его добрым словом, никто! Будет забыто всё, что сделал он для этих беспамятных людей, – его победы, его справедливость, дар предвидения, муки во имя их же будущего...

Уста, которые расточали ему когда-то похвалу, будут изрыгать хулу. Хулу за то, что он старался сделать для людей, для безопасности, сохранения целого народа. Ради нею, прежде всего, он обрек себя на мучения, на неизведанный в веках путь. Хотел повести его за собой как по единственно спасительному пути. Были до него правители, которые хотели бы поступить так же, да не смогли, не решились! И в благодарность за все – унижения и горе!

Угроза, опасность смерти для него и для невинного ребенка! Молния смерти должна обрушиться, сжечь деревце, начавшее тянуться к солнцу!

Нет, никогда! Прочь мысли об этом, прочь! Если даже проклянут всю его семью, он не станет клясться сыном Тайлана. Что бы ни задумали эти шакалы, пусть рвут на части его одного!

Абулхаир уединился, пребывал в одиночестве, никого к себе не вызывал, никого до себя не допускал. Близкие не решались беспокоить его. Их пугало его лицо – потерянное, равнодушное, никого и ничего не видящие глаза.

Не решался никто задать ему самый главный вопрос: что ответишь биям и народу?

В отчаянии Бопай послала Мырзатая к Букенбаю.

Батыр тоже был в смятении. До него дошли слухи об условиях, поставленных биями перед Абулхаиром.

И что враги хана настроены непримиримо и разжигают страсти разговорами: «Этот злодей-хан бросил в объятия кафира дочь человека, уж такого смиренного, что у овцы былинки не отнимет! В позоре не виноват ни Зердебай, ни его дочь! Виноват Абулхаир – вероотступник и предатель! Ни перед чем он не остановится, принесет в жертву сына своего друга Тайлана. Вот увидите – принесет!»

Даже те аулы, которые раньше колебались, не принимали раньше сторону врагов хана, теперь привязывали своих коней у коновязи султана Батыра. Были выбраны двадцать пять биев из племен Младшего жуза, которые должны чинить суд над Абулхаиром, решить его судьбу...

На одном совете у Батыра разгорелся жаркий спор: как следует поступить с Букенбаем и Есетом? «Ну, обойдемся мы сурово с Абулхаиром, с ним все ясно. Человек, который питается объедками кафиров, – не человек. А что делать с Букенбаем и Есетом? Они ведь тоже тянули к ним руки за подачками? Правда, скорее по недомыслию. И все же они тоже заслуживают наказания!» – утверждали одни. Какой-то влиятельный бий ответил: «Если мы избавимся от колдуна, зачем нам трогать тех, кого он околдовал? Зачем поднимать над ними карающий меч?»

Букенбаю было ясно – это хитрость, уловка, чтобы отвратить его и Есета от Абулхаира, переманить на свою сторону. О Тайлане на том сборище вели такие речи: «Конечно, Тайлан никогда не согласится рисковать жиз-

нюю своего единственного сына. Зачем ему это? Он вообще может в любой момент тайно скрыться... Ему известны все тропинки, все горные ущелья – убежит, никто его не найдет... Да и то сказать, сколько страдал, сколько маялся, бедняга! Живет ради сына. С женщиной, которая пришла с ним, – всем известно – он не живет как мужчина. Верен своей незабвенной Патшаим!»

В доме Букенбая царило глубокое уныние. Его мать жила в постоянном страхе, с утра до вечера причитала: «Ой, что же будет? Что будет?» Совсем пала духом, дено и ночью слыша о заговорах и кознях против Абулхайра и Букенбая. Всклакивала среди ночи, кричала: «Ойбай, дом, дом Абулхайра в огне! Почему сидите на месте, не спешите на помощь?» Целыми днями твердила: «Были вести из ханского аула, живы ли там?..»

После долгих раздумий и колебаний Букенбай и Есет решили отправиться к Тайлану. Абулхайру они решили ничего не сообщать.

Тайлан был рад неожиданно нагрянувшим гостям. Как в давние времена, друзья не спеша обменялись вопросами о житье-бытье, не спеша отведали угощения. Когда пришла пора прощаться, Букенбай сказал, что им надо бы вместе с хозяином сходить на сопку. Самые секретные, самые заветные разговоры обычно велись на сопках, которым не было числа в казахской степи.

Тайлан и без того уже догадался, что Букенбай и Есет приехали к нему неспроста. К тому же накануне он видел сон – Туяк на белом коне взбирается на высокую гору – и счел этот сон добрым предзнаменованием...

Однако друзья были печальны. «Может, они привезли худую весть о Патшаим?» – мелькнула у Тайлана мысль. Но зачем ради этого приезжать двоим, зачем уединяться на сопке. Юрта для этого – самое подходящее место. Может, какое-нибудь особенное дело? Но какое может быть дело к нему, живущему в полном уединении? Собираются позвать в поход? Для этого есть гонцы. Не оставит он теперь своего Туяка, ни за что не оставит! И сынок его не отпустит – ни на шаг от него не отстает, сейчас вот тоже увязался за ними...

Они поднялись на сопку. Присели. Туяк примостился в середине.

Говорил Букенбай, говорил долго.

Сначала Тайлан не мог понять, какое отношение имеет

посольство далекой России к дочери Зердебая? Какая тут связь и как могут люди столь несправедливо обвинять русского джигита? Почему честь жениха так дорога султанам? А главное – почему эти события так сильно беспокоят Абулхаира? Мало ли он пережил их на своем веку?

Когда Тайлан услышал имя Туяка, он вздрогнул, испуганно вскинул глаза на батыров. Оба были мрачнее тучи.

– Помочь, – сказал Букенбай, – может только Туяк. Для мальчика это опасно, смертельно опасно! О аллах!

– Если веришь в справедливость и мудрость духов предков, – продолжал батыр, – отпусти с нами Туяка. Доверь нам его. Конечно, неволить тебя мы не можем. Однако подумай: подстрекаемые потомками Жадика люди словно взбесились. Жаждут крови Абулхаира, хотят с ним расправиться!

Тайлан слушал Букенбая, а перед глазами одна картина сменяла другую. Растерянный Абулхаир никак не решается отрезать пуповину... По воле всевышнего выхватывает мальчика из белых пенистых волн... Он, Тайлан, готов проститься с жизнью, землей, людьми, а все тот же Абулхаир возвращает его к теплу людскому, к теплу сородичей и друзей. Возвращает, потому что два года холил и лелеял, растил его сына как своего собственного. Тайлан чуть сознания не лишился, когда увидел мальчишку с чубчиком, с круглыми любопытными глазенками – сидит себе между Абулхаиром и Бопай как полновластный хозяин... Судьба накрепко связала Абулхаира и Туяка. Связала навечно.

Пришел час испытания для Абулхаира, час, когда должно решиться – жить Абулхаиру или не жить. Отступить от Абулхаира – его спасителя, спасителя его сына? Этот позор он не примет на свою голову!

Недаром гласит народная мудрость: храни честь пуще глаза. Не найдет счастья джигит, который обманет ожидания народа, доверие друзей...

Не увидит Туяк светлых дней, если Тайлан отступится от друга в час испытания. Пусть оба – Абулхаир и Туяк – положатся на всевышнего, вверятся судьбе. Если духи предков и аллах будут милостивы и добры к ним, тогда бессильна будет злоба людская. Если бы все дела на земле вершились по воле людей с черными сердцами, то не было бы и рода людского – он бы давно сгинул. А земля стоит до сих пор, дышит, живет – значит, есть на земле правда.

– Сейчас заберете? – вырвалось со стоном у Таилана.

– Да, – ответили Букенбай и Есет, и на их лицах появился отблеск надежды.

Больше Тайлан не проронил ни слова. Оседлал сыну подаренного Абулхаиром коня. Посадил в седло. Коснулся ладонью плеча сына и прошептал:

– Ну, с богом! Счастливого пути!

Молчала ничего не понимавшая женщина. Пока не перевалили за далекий гребень, Туяк то и дело оглядывался назад. Когда они перевалили за холм, мальчик в последний раз оглянулся назад. До самого ханского аула он не проронил ни слова.

Батыры были поражены выдержкой и благородством ребенка – ни слезинки, ни вздоха, ни вопроса.

* * *

Абулхаир увидел сон. Он вместе с большим отрядом гнал куланов по обширной равнине. Как ни старался он завернуть их в сторону, куланы мчались прямо ко рву перед красной насыпью. Он злился на куланов, которые мчались прямо к своей гибели. Потом он вдруг обнаружил, что превратился из преследователя в преследуемого. Бешеный топот раздается сзади, несметные косяки куланов гонятся за ним по пятам. И откуда только взялась у этих тварей смелость? Обычно они пускаются в бегство, едва завидев одинокого всадника. Эти же преследуют его, хотят свалить его в ров, вырытый по его приказу. Копыта так и рвут землю... А у него вдруг появился длинный хвост, длинная грива. О аллах, он сам превратился в кулана. Сам возглавляет несущийся в безумной скачке поток! Только бы его не растоптали, только бы не растоптали! Он сделал мощный прыжок через ров, а преследовавшая его лавина валилась, валилась в ров... Он оглянулся: никакого рва.

Земля будто бы сошлась в том месте, где был хищный ров. Нет куланов, словно всех их поглотила земля или их не было вовсе. Он один. Ни хвоста, ни гривы...

Абулхаир проснулся. Он встал бодрый, полный сил. Когда аулчане совершили пятый намаз, в юрту к хану вошли Букенбай и Есет. С ними был Туяк. Мальчик подбежал к хану, опустился на колени, потянулся к нему. Абулхаир, побледневший как мел, прижал к груди голову Туяка. Плечи его затряслись, он закричал: «Нет!

Нет!» – и упал навзничь... С Абулхаиром случился нервный припадок.

К нему поспешил Мухамбет-ходжа. Возле юрты толпились люди. Батыры послали в аул султана Батыра вестника с сообщением: «Хан готов дать клятву».

Этот бугорок был похож на грудь юной стеснительной девушки, которая входила в пору первого цветения. Люди называли его Кызыл уюк – «Красная насыпь». Бугорок и правда имел красноватый оттенок – то ли от красных камней, то ли от обломков старого ржавого оружия, а может, из-за глины, становившейся после дождя темной, как кровь.

С давних времен народ почитал этот невзрачный бугорок святым. Направляясь к нему, люди издали сходили с коней и читали на нем молитвы. Просили: «Помоги... Сохрани... Помилуй!..»

О красной насыпи ходило много легенд. Одна утверждала, что здесь похоронен знаменитый батыр, предок нынешних ногойцев. Другая связывала ее со временем, когда в этих местах обитали семь народов – прародителей казахов. Третья говорила, что когда-то эту насыпь называли Даурен биик – «Вершина счастья». Если враг дойдет до нее и возьмет из нее хоть горсточку земли, то счастье навсегда покинет обитателей здешних мест. Дать отсюда горсть земли врагу – все равно что позволить псу кровного врага осквернить могилу предков или бросить невинную девушку на поругание какому-нибудь иноземному насильнику.

Много легенд рассказывали об этом бугорке, но всегда связывали с ним счастье народа, честь девушки, мудрость правителей...

На красной насыпи жил старый беркут. Люди считали, что он был ловчей птицей некогда погибшего здесь бахадура, а ржавые обломки – это оружие бахадура, белые кости – кости его тулпара. Степняки верили: пока здесь обитает беркут, ничто и никто не сможет осквернить духов неведомых предков, находящихся в глубинах этой насыпи. Если же духи разгневаются, пестрый беркут улетит, навсегда покинет эти края.

Пока беркут – хозяин бескрайней степи – охраняет красную насыпь, счастье не покинет народ. Главное – не обидеть его...

Если случалась беда, люди тянулись к красной насыпи.

Выпадала радость – опять же спешили сюда, устраивали поблизости той. Решали здесь самые запутанные споры, подозревавшиеся в страшных преступлениях люди давали на насыпи клятву в своей невиновности. Люди верили, что если кто-то даст ложную клятву, то вскоре он умрет. На многих таких бросался беркут и убивал ударом клюва. Да, не жди добра, клятвопреступник, а также человек, на которого поставлена ложная клятва! Поэтому как бы ни враждовали, как бы ни ошибались в своих действиях и поступках люди, они не спешили давать клятву на красной насыпи, не спешили и от других требовать того же...

Враги потребовали ее от Абулхаира и с нетерпением ждали, как он поведет себя. С трепетом ждал этого дня и простой люд...

Одни до слез жалели Туяка. Другие опасались бед, которые обрушатся на всю степь за грех, в который их втянули бии. Третьи верили, что хан причастен к преступлению, к совершенному над Торгын надругательству. Кто-то пытался оправдать хана за то, что он послал к белой царице посольство. Кто-то гневно упрекал его за это и за то, что он окружил себя проклятыми русскими, нянькался с ними...

Пыль улеглась – все собрались, расположились около красной насыпи.

Вперед вышел Мухамбет-ходжа с Кораном в руках. На бугорок в направлении кублы¹ бросили аркан длиной в сорок саженей. На одном конце поставили Туяка. Он сидел на вороном коне, одетый во все черное. На другом – Абулхаира. В одной руке он держал шитую золотом корону, в другой повод своего боевого коня.

Люди воззрились на ходжу глазами, полными ужаса. Ходжа заговорил замогильным голосом, будто обращался не к этой многолюдной толпе, а к самому всевышнему:

– Уа, раб божий Абулхаир Абдулла-оглы... – имя и титулы хана, которые еще вчера струились из уст людских, сегодня промелькнули быстро, точно хвост какой-нибудь безродной собаки. – Твой народ обвиняет тебя в смертных грехах, в том, что ты забыл нашу веру и наши традиции, поддался колдовству и влиянию неверных, ос-

¹ Казахи кублой считали юго-западное направление, где находится Мекка

корбил живых, разгневал духов предков – отдал на поругание кафиру, злодею чужого рода и племени невинную девушку. Тем самым ты совершил неслыханное преступление, которое заслуживает самой жестокой кары, вплоть до смерти. Что ты сможешь сказать в ответ?

Хан опустился на колени, прижал руки к груди и торжественно произнес:

– Ложь, ложь, ложь!

Мухамбет-ходжа обвел взглядом толпу, словно бы вопрошая каждого: «Слышали, все слышали?»

Ответом ему была тишина. Замерли, затаили дыхание, кажется и люди, и кони.

– Согласен ли ты поклясться на Коране? Согласен ли ты поклясться счастьем своим, достоянием своим и жизнью своей? Готов ли ты предстать перед судом духов наших предков?

– Согласен, согласен, согласен! – отчетливо и громко произнес хан.

– Раб божий Абулхаир Абдулла-оглы клянется в том, что его обвиняют несправедливо, что на него возведена напраслина! Уа, аллах, и живые святые, и мертвые духи, вы все видите и слышите! Сейчас он коснется лбом священной нашей книги, сейчас поставит корону свою, чтобы подтвердить правдивость своих слов!

Абулхаир положил свою корону:

– Я чист, я чист! – хан сделал паузу и повторил: – Совесть моя чиста!

Ни земля на бугорке, ни корона его не дрогнули. Три бия подняли корону.

Ходжа возвысил голос снова:

– Уа, всевышний, святые живые и мертвые духи! Смотрите и слушайте! Теперь раб божий Абулхаир Абдулла-оглы даст клятву на имущество и достояние своей семьи.

На самую середину аркана поставили боевого коня. Хан положил руку на Коран и вымолвил:

– Невиновен, невиновен, невиновен!

Конь стоял безмятежно, ни один мускул не дрогнул на его крупе. Даже ветер и тот не шевельнул его гриву или хвост.

Из-за спины Мухамбета-ходжи вышли три бия и увели коня.

Люди задвигались, заволновались, а голос ходжи дрогнул:

– Уа, аллах! Уа, мертвые духи, живые святые! Слушайте и смотрите! Смотрите и слушайте! Сейчас Абулхаир Абдулла-оглы будет клясться жизнью Туяка Тайлана-оглы – несовершеннолетнего сына Тайлана Матэ-оглы.

Мальчика на вороном коне поставили над арканом.

Ходжа медленно, словно с опаской, приблизился к хану. Абулхаир взял из его рук Коран и трижды приложился к нему лбом. Сказал, задыхаясь, хрипло:

– Невиновен, невиновен, невиновен!

Аркан казался всем огромной страшной змеей, которая вот-вот может шевельнуться, изогнуться в смертельном движении. На лбу у хана заблестели бусинки пота.

На небе не появилось ни облачка. Беркут спокойно и величаво парил в вышине. Мальчик неподвижно сидел на коне.

– Раб божий Абулхаир Абдулла-оглы сказал правду. О аллах! Живые святые и мертвые духи, вы не подали ни единого знака, который изобличил бы его во лжи. Я признаю и свидетельствую: на Абулхаира Абдулла-оглы была возведена напраслина.

Хан вдруг обмяк и пошатнулся. Букенбай и Есет помогли ему подняться с колен.

Три бия перерезали аркан пополам и, покрутив им над головами хана, Туяка и коня, отшвырнули в сторону.

Мухамбет-ходжа поднял руку:

– Бии приняли такое решение: если хан окажется невиновным, в ответе должны быть потерявшая честь Торгын – дочь Зердебая Ерена-оглы, а также он сам, ее отец. Теперь слово за истцом Сулеем Кушикбаем-оглы. Пусть он сам выносит свой приговор и делает выбор: получить обратно калым в придачу с повинной; взять в жены опозоренную невесту и держать своей рабыней; лишить ее жизни! Никто не имеет права вмешиваться и давать ему советы.

Толпа снова притихла. На чистом небе вдруг появились пегие облака. С севера подул студеный ветер. Заклубилась пыль. Что это значило: переменчивость осенней погоды или же знаменовало гнев духов, услышавших имя истинно виновной?

Неподалеку от султана Батыра находились тридцать всадников на вороных конях. Это были сородичи жениха. Они окружали крупного человека на длинногривом и длиннохвостом коне. Он широко открыл рот и прогудел:

– Лишить жизни! Смерть!

– Если тебе нужна жизнь – бери! – тихо, почти шепотом произнес ходжи.

Вывели Торгын, поставили перед толпой. Ее лицо было вымазано золой, волосы на лбу были обрезаны.

В страшном напряжении люди глядели на рослого всадника на вороном коне. Может, хоть в рабыни возьмет ее, сжалится в последний момент?

Полуживую от страха и стыда девушку подвели к огромному детине, толчком поставили на колени. Волосы рассыпались по плечам, закрыли ей лицо. Торгын затряслась от плача.

Мужчины в толпе стиснули зубы, им было жаль бедняжку, было стыдно отдавать ее на бессмысленную расправу. Но духов предков они боялись еще больше. Боялись нарушить древние обычаи.

Абулхаир, все еще во власти пережитого, ошарашенно глядел на девушку. Она стояла на коленях, как только что стоял он сам. Лишь теперь он понял, как жалок он был. И стал он твердить про себя одно и то же: «Благодарение, благодарение! Спасибо тебе, господи, спасибо!»

Никто не отрывал взгляда от массивного, словно отлитого из чугуна, всадника на вороном коне. Окружившие его мужчины подталкивали его: «Чего же ты медлишь? Чего ждешь?!» Он подал знак людям, державшим на поводу двух черных жеребят. Они были дикими, необъезженными, упирались, брыкались... Вперед выступили два человека с арканами в руках. Это были те самые арканы, которые только что составляли единый аркан – аркан смерти. Толпа ахнула.

«Боже, он предназначался для меня! И дикие эти кони – тоже!» – чуть не завопил Абулхаир.

Джигиты ловкими движениями рук завязали петли в середине и на концах аркана. Отдали его своему вожаку. Приблизились к необъезженным жеребяткам.

Крупный мужчина показал аркан Мухамбет-ходже, биям, султану Батыру и его свите, потом, в последнюю очередь, всему остальному люду. Стремительно, привычно угрюмый детина накинул петлю на шею Торгын. Два джигита с меньшей сноровкой и быстротой накинули петли на шеи жеребят. Ударили их слегка по крупам. Коня мгновенно сняли с места и бросились в разные стороны.

Среди людей началась паника. Они бежали так, будто под ними разверзлась земля. И вдруг все услышали отчаянный вопль: «Отец! Отец!» Торгын в смертный свой час обрела речь, заговорила!

Торгын, уносимая дикими конями, исчезала с глаз людских. Из жизни.

В гробовом молчании, низко опустив головы, люди сели на коней. Они уезжали поодиночке или маленькими группками, стремясь поскорее покинуть проклятое место – место кровавой, нечеловеческой расправы, чтобы не видеть друг друга.

Толпа вокруг султана Батыра рассеялась, поредела...

Лишь Абулхаир хотел встать, но не смог, будто его ноги приросли к земле. Он поднял глаза вверх, и вдруг ему почудилось, что у солнца появились лапы, а само оно превратилось в красную лисицу. Хищно высунув язык, она гонится за окровавленным, истерзанным телом...

На другой день Абулхаир-хан заставил выйти себя из юрты лишь к полудню. Там, где стояла юрта Зердебая, темнел голый, будто плешь, круг. Родственники ночью увезли обезумевшего от горя Зердебая в неизвестном направлении.

Абулхаир набросил на плечи легкий чапан и отправился к Тевкелеву. У того сидели Букенбай и Есет. Посол судорожно прижал к себе хана и заговорил сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Он так был потрясен событиями, что совсем утратил сдержанность, вернее, не считал нужным в такую минуту притворяться спокойным и бесстрастным. Понимая душевное состояние хана, Букенбая и Есета, он всем сердцем сочувствовал им.

Когда волнение немного схлынуло, Тевкелев осторожно осведомился:

– Как вы оцениваете сложившуюся обстановку? Как нам было бы умнее всего поступить?

– Как поступить? – хан был задумчив, но решителен. – Вчера наши недруги были повержены наземь! Сегодня... сегодня они еще не опомнились, не успеют прийти в себя и завтра. Но потом, опасаясь, снова возьмутся за старое, будут выискивать новый предлог для подлостей разных. Лучше всего поэтому вам отсюда уехать. Быстро... Неспроста вчера этому мерзавцу понадобилась жизнь, а не калым. Неспроста! Неутомимые эти подстрекатели – потомки Жадика разнесут по всему свету слухи о позоре

дочери Зердебая. И о расправе над ней. Но обвинят опять нас: «Вот какое несчастье случилось в ханском ауле с бедняжкой и чистым, хорошим человеком Зердебаем! Да, что-то там не так, в ханском ауле, если аллах разгневался». — Абулхаир улыбнулся вымученной улыбкой. — Пока вы доберетесь до русской границы, а это сейчас самое главное, мы тут что-нибудь придумаем!

Посол и оба батыра согласились с ханом.

* * *

Посольство снялось с места ночью. Юрты оставили потихоньку, чтобы люди не сразу сообразили, что русские покинули ханский аул. Пока хватятся, донесут об этом Самеке и Бараку, посольство успеет достичь своих пределов. Султан Батыр пока неопасен, после вчерашнего поражения он ничего предпринять не может: силенок не хватит...

К вершине Найзакескена первыми подоспели отряды Есета и Букенбая. Вскоре к ним присоединились бии родов, сочувствующих Абулхаиру.

Когда показались посольство и всадники во главе с Абулхаиром, им навстречу высыпало множество людей. Трагедия, разыгравшаяся около Красной насыпи, многим открыла глаза.

На закате бии пригласили Тевкелева на лужайку, окруженную молодым березняком, и расстелили перед ним белый дастархан. Поднесли послу голову белой с рыжими подпалинами овцы. Пожелали благополучной дороги.

Когда угощение подошло к концу и дастархан был убран, посол и хан отошли в сторону.

— Господин посол, лелею слабую надежду, что вы покидаете нас без злобы в сердце, — заговорил Абулхаир. — За время, что мы провели вместе, случалось всякое — и доброе и плохое. И хотя плохого было больше, хорошего было тоже немало. Знайте, что я всегда сохраню верность своему делу и присяге, данной России. Сообщите об этом императрице. Мы стыдимся и страдаем от того, что провожаем столь уважаемого посла, как вы, с пустыми руками. Смутные времена связывают руки щедрости. Надеюсь, что это не последняя наша встреча. Верю всей душой, мы с вами будем вспоминать друг друга как братья. Желать друг другу удачи как люди, оказавшиеся когда-то вместе в уютной лодчонке посреди бурной реки. Такое

не забывается. – На глазах Абулхаира блеснули слезы, он смутился и продолжал дрогнувшим голосом: – Мне бы хотелось, чтобы вы не вдавались в ваших докладах в подробности о дурном, что наблюдали здесь, в степи, а поступили бы наоборот – хорошее увеличили, а худое – преуменьшили, – губы хана тронула грустная улыбка. – Зачем зря тревожить государыню? Не считайте, что казахи все до единого необузданны, жестоки и строптивы. Знаете, я уверен, что сегодня они иные, чем вчера. Не прошло для них бесследно время, что вы здесь были! Мысли и планы наши они теперь обязательно будут переваривать в своих упрямых головах. Да, в народе всяких хватает – и рыжих, и пегих... Не следует обижаться на весь народ из-за нескольких смутьянов, в настоящую пору могущественных и влиятельных. Народ казахский, наступит срок, всё поймет. Оценит заботу о себе, крыло, которое взяло его под свою защиту, охранило от бурь и непогоды. – Хан судорожно вздохнул, пытаюсь справиться с волнением. – Что бы мне ни довелось испытать, клятву свою я сдержу и, думаю, другие тоже сдержат!

Тевкелев с чувством пожал обе руки хана:

– Ваша верность ее величеству императрице, ваша служба и преданность – без страха и упрека – моему посольству, они, наверное, не только богу видны, но и людям тоже! Я согласен с каждым вашим словом. Разделяю ваши мысли.

– Сына посылаю с надеждой на вас, господин Мамбет. Присматривайте за ним. Боюсь вот только, не покажется ли его одежда чересчур убогой для дворца.

– Не беспокойтесь, не печальтесь ни о сыне, ни о его наряде, – слегка улыбнулся Тевкелев, – я все улажу, все... Не опускайте рук, не отчаивайтесь, если будут трудности и нападки со стороны недругов, а они, разумеется, будут – и трудности, и попытки навредить вам. Не исключено и насилие... И все же – не сдавайтесь! Я обещаю особенно высоко оценить перед царицей вашу службу. Оставайтесь таким же стойким, ради бога, оставайтесь!

Когда хан и посол попрощались, к Тевкелеву подошел Букенбай с биями.

– Ну, господин Мамбет, пусть на вашем пути родятся светлые дни!

Бии подхватили его слова:

– Мы – народ легкомысленный, что есть, то есть! Ме-

чемся по нашей неоглядной степи, глупости горазды делать. Забудьте наши ошибки. Не держите на нас зла. Не плюйте в душу всего народа из-за нескольких дураков.

– И вы не поминайте нас лихом. Об искренних побуждениях и насущных нуждах ваших я доложу государыне императрице со всей правдивостью и точностью. Вы же не поддавайтесь подстрекательствам. Пусть ушей нашей царицы никогда не касаются тревожные вести из ваших краев. – Тевкелев выразительно поглядел на каждого.

– Клятва – закон. Как можно отречься от слов, произнесенных с Кораном в руках? Давайте будем взаимно верны обещаниям! Только бы царица избавила нас от набегов и посягательств джунгар, больше нам ничего не нужно! – Бии говорили громко, стараясь, чтобы посол услышал их.

Тевкелев потонул в объятиях Букенбая.

– Верните из Уфы Кудайназара! – шепнул батыр на прощание.

Сын хана – Ерали сидел на рыжем коне с белой звездочкой на лбу. Он был бледен, волновался, все поправлял рукояткой плети шапку, сползавшую ему на глаза, и неотрывно глядел на отца.

– Ну, сынок, пусть каждый шаг твой будет усыпан цветами! – улыбнулся Абулхаир и поправил в колчане сына красную стрелу – знак его ханского происхождения.

Ерали через силу ответил отцу улыбкой.

Абулхаир и все, кто был рядом с ним, долго стояли и глядели всадникам вслед. Когда они скрылись из виду, хан тронул коня.

Абулхаир ехал молча. Его спутники тоже притихли. Все словно погрузилось в глубины бездонных раздумий. О чем все они думали? О чем молчали? Что сомкнуло им уста – разговорчивым казахам, которые обычно говорят без устали, оказавшись попутчиками?..

Абулхаир думал тяжелую думу о своей доле, о своей несчастной судьбе: все у него идет шиворот-навыворот. Его победы вроде бы и не победы. Радости – не радости. Сегодня, если разобраться, счастливый день. По-доброму завершено дело, которое целый год загоняло его душу в кончики ногтей. Осуществил то, чего добивался. Замыслы врагов порушил. Аллах указал ему путь, и он прошел его, несмотря на все западни и капканы. Даже духи предков поддерживали его, взяли его сторону... Однако

почему его спутники так мрачны, словно получили известие о смерти отцов?.. Осуждают его? По ведь никто, ни один человек не принуждал их являться на проводы русского посла. Многие из них прибыли, потому что навсегда разочаровались в султана Батыре и решили принять его сторону, Абулхаира... Только что галдели, лебезили перед русским послом, говорили наперебой. Почему замолчали, будто им набили рты песком?.. Набычились, замкнулись, точно пересчитывали волоски на гривах своих коней. Задумались. О чем? Понимают ли они, что не к кому им обращаться за помощью, не к кому больше идти, кроме России? Нужно искать защиты и поддержки у великой страны. Имеют ли они право считать его виновным в том, что он искал и нашел силу, которая способна остановить разъяренного льва, у которого казахи чуть не оказались в пасти?.. Теперь пусть себе думают. Дело сделано! Все равно повод казахов перешел в руки русской царицы, и теперь нужно молить всевышнего, чтобы она поступала с ними по справедливости. Защищала их. «О аллах, может, я напрасно злюсь на них, негодую? Ведь и они в этот самый момент, возможно, рассуждают про себя о том же, что и я... Мы вручили собственными руками свой повод русской царице, побрели за ней с покорностью покалеченного верблюда... Но куда она поведет нас – в пустыню? К озеру с чистой водой? Ведь она исповедует другую веру, говорит на другом языке, имеет другое обличье, иной цвет кожи... Кто ведает, за кого она нас считает, за рабов своих или подопечных, которым нужна ее добрая и сильная рука?..

Был бы сейчас рядом Тайлан! Он бы и погадать мсг – ему стоит лишь бросить взгляд на паутину на траве, на листочки полыни, на звезды или марево на горизонте... И когда предсказания его сулят удачу, на душе становится легко и ясно. Надежда есть надежда! Надежду нельзя подержать в руке, попробовать на зуб, но лишь предположение, мысль о том, что впереди ждет тебя что-то доброе, заставляет тебя радоваться, как ребенка!..

Середина декабря, а погода стоит мягкая и теплая, как вымя дойной кобылицы, совсем нет ветра... Ох, было бы это к добру. Может, это знак, что дела наши пойдут более гладко и спокойно? И аллах увидел наконец, что несчастный наш народ каждый день проливает озера слез? Поверил, что я – хан Абулхаир, испытываю столько горя

и мук не ради своего счастья? Разве не о своей стране и о своем народе все мои думы? О аллах, будь справедлив! Малый народ что девушка на выданье! Его судьба горька, если он не возьмется за чью-нибудь руку...

Звезды нынче высыпали густо. Вот светит Полярная звезда, а вон – Большая Медведица, Белый Конь, Серый Конь... Что же это за бледное созвездие сияет впереди меж ушей моего скакуна? О-о, ведь это же Плеяды! Нет, наверное, звезд бледнее и мельче их. Но в ночном небе их замечаешь сразу же, хотя кругом столько ярких звезд! В чем тут разгадка? В том, наверное, что Плеяды загораются и гаснут вместе. Даже звездам доступно понимание, что чем меньше, чем бледнее они, тем теснее должны сплотиться! Быть ближе друг к другу, и тогда другие их заметят, и видны они будут... Люди определяют по созвездию Плеяды, каким будет лето – дождливым или засушливым, какой зима – мягкой или суровой. Эти звездочки словно раньше других узнают обо всем на свете. И этом мире, где все причиняют зло друг другу, малым народам лучше было бы уподобиться Плеядам. Тогда они смогут выжить в этом неустойчивом, грозном мире, научатся предугадывать заранее бури и ураганы, приспособившись к ним. Необходимо лишь быть теснее и ближе друг другу, не допускать разброда!..

И в народе нашем всегда считалось доброй приметой, если в пути перед тобой оказывались Плеяды! Недаром люди говорят: «Если хочешь обрести надежду, найди на небе созвездие Плеяды!» Я нашел, увидел! Нет большего счастья, чем надежда на будущее, на счастье!..

У меня теперь появилась надежда. Кончатся беды. Ерали мой тоже отправился в первый свой дальний путь с добрыми надеждами.

Есть теперь у меня надежда, вопреки всему – есть! О аллах, не погаси ее! Пусть светит луч надежды и мне, и моему многострадальному народу. Убери, о всевышний, с нашей дороги темные, непроницаемые тверди, о которые мы ударяемся, расшибаемся до крови...»

Весь путь Абулхаир-хан повторял про себя с волнением: «О создатель! Слава тебе, слава! Благодарю тебя за надежду! Хоть за надежду – благодарю, благодарю!»

СТАТЬЯ

А. ИЗЮМСКИЙ

ПОСТИГАЯ СОБЫТИЯ БЫЛЫХ ВРЕМЕН...

Иной подход к событиям тех далеких лет ощущается в романе А. Кекильбаева «Плеяды – созвездие надежды». К счастью, он представляет собой серьезное литературное произведение, автор которого, обращаясь к истории, старается ее осмыслить, а не упростить.

Стремясь к постижению исторических событий былых времен, А. Кекильбаев изучил большой документальный материал, который добросовестно использовал в романе без ущерба для художественной ткани произведения. Не пытаюсь подгонять былое под конъюнктуру XX века, писатель не искажает внешнеполитическую ситуацию, сложившуюся вокруг казахских земель, не пытается выдавать воинственных соседей-джунгар за орудие очередного богдыхана. Напротив, в их участвовавших набегах автор видит стремление заполучить экономическую базу для борьбы с маньчжурской династией Китая: «Кто посмеет угрожать джунгарам, если они к тому же возьмут в свои руки шелковый повод караванов, следующих через казахскую степь на базары Бухары, Самарканда, Хивы, Шаша и Сайрама. Тогда монголы и страны, некогда бывшие под их пятой, выступят в едином строю против маньчжур».

Писатель попытался в романе показать сложность соседских отношений казахов и русских, их дружеские контакты и серьезные ссоры. Он не скрывает ни казахских набегов на русских поселенцев, ни захватов последними

земель у казахов: «Их (русских. – А. И.) становилось все больше и больше, и откуда они только брались? Поначалу они были смиреннее овцы. Но шло время, и русские стали выкидывать разные штучки... Вспахали землю, развели какие-то грядки и, чуть что, стали хвататься за ружья и кричать: «Не топчите наши посева, не трогайте наши грядки». Камчи казахской не боялись, кривые сабли с поясов, не снимали, а страшные ружья были всегда при них – за плечами. Стало казахам не до смеха. Перестали потешаться, наблюдали издали и чесали в затылках: «Надо же, копошатся как муравьи, так их, растак!..» Поняли наконец, что и на божью землю есть, оказывается, спрос! Начали хорохориться, задирать русские поселения...»

Справедливости ради следует сказать, что в начале XVIII века захваты переселенцами казахских земель еще не могли быть частыми. Тем не менее описанные ситуации исторической правде не противоречат. В романе действуют разные русские, и их отношение к соседнему народу, его чуждым и незнакомым обычаям, культуре и религии тоже различно. Если, к примеру, казак Цапаев с высокомерным пренебрежением смотрит на все непривычное и неведомое в казахской степи, то его товарищ, Костюков, старается понять чужой народ, его традиции. «Русские люди, побывавшие когда-то в степи, оставляли о казахах рассказы и суждения противоречивые и путанные, – отмечает писатель. – Одни считали их смелыми и отважными, другие – трусливыми. Одни писали, что казахи искренние и правдивые, другие же, наоборот, ругали за лживость...»

Хотя в книге А. Кекильбаева обилие персонажей, основное внимание автора сфокусировано на двух фигурах – казахском хане Абулхаире и русском после Тевкелеве. Это вполне оправдано структурой романа, основные события которого связаны с пребыванием у казахов посольства, направленного царицей Анной Иоанновной для переговоров о переходе в русское подданство. Временами автор словно бы любуется своими героями, и если определенная идеализация Абулхаира, наделенного чертами мудрого правителя и первого поединщика на поле битвы, все же не выходит за границы, допускаемые художественным вымыслом, то некоторые сцены, связанные с русским послом, вряд ли можно считать удачными. Такие, как приписанные Тевкелеву мысли: «Так откуда же

берутся среди этой первозданной красоты грозно ощевившиеся копья, обиды, споры, притеснения? Откуда и зачем зло и насилие, отравляющие существование не только самих смертных, которые исповедуют их и сеют, но и разрушают удивительный этот мир». Такая сентиментальность отдает фальшью, если вспомнить, что реальный Тевкелев во время подавления башкирского восстания (спустя четыре года после завершения дипломатической миссии) уничтожил десятки деревень и свыше ста пленных.

Впрочем, такие сценки, у А. Кекильбаева исключение, и они противоречат очевидной установке автора – показать Тевкелева не просто «русским послом», а представителем могущественной феодально-крепостнической империи, руководствующимся принципами выгоды, а не морали. Если казахи стремятся к соглашению с Россией, надеясь на ее помощь против джунгарских набегов, то русское правительство не прочь использовать ситуацию, на пользу только себе. «Как и все взбалмошные дамы, госпожа Выгода непостоянна в своих привязанностях, – цинично размышляет Тевкелев. – Когда контайджи (джунгарский правитель. – А. И.), предложил России вместе выступить против китайцев, она отказалась, сообразуясь с соображениями политики... По этой же самой причине Россия не поддавалась науськиваниям китайцев против джунгар. Напрасно старались китайцы. Для большой державы куда выгоднее иметь много малых соседей, чем одного, равного ей. В этой игре Джунгарское ханство для России – козырь, а казахские ханства – разменные монеты».

Не только Тевкелев понимает смысл русской политики на Востоке. Ясен ее характер и хану Абулхаиру, более всего заинтересованному в помощи царского правительства: «Чтобы повернуть назад шуршитов (китайцев. – А. И.), царю нужны безудержные джунгары. Чтобы сдерживать джунгар, которые не могут жить спокойно, не пуская в ход копья, ему выгодно под рукой иметь казахов... Выходит, царю выгоднее, чтобы три народа – шуршиты, джунгары и казахи – враждовали, грызлись между собой. Белый царь не станет вмешиваться, удерживать всех нас от схваток и вражды... Если каждый из этих народов обратится к нему за помощью и поддержкой, он не обидит никого, всем надаст пустых обещаний, выпроводит с миром...»

По привычным штампам А. Кекильбаев мог бы упрос-

тить историческую ситуацию, заслонить реальные сложности рассуждениями о братской помощи России казахам. Этого он избежал. Русское правительство, как показано в романе, готово принять казахов в подданство, но отнюдь не связывая себя при этом никакими обязательствами: «Сколько ни присылали казахские ханы послов, сколько ни просили помощи, русские отделялись теплым приемом и ласковыми проводами. Ибо они рассчитали точно: казахам все одно деваться некуда, искать спасения не у кого, кроме как у России, поэтому нужно дожидаться полной их покорности».

Не в пример авторам, которые (конечно же, из самых «интернационалистских» побуждений) изображают миссию Тевкелева как триумфальный поход, приветствуемый всеми от мала до велика, А. Кекильбаев показывает запутанность политической ситуации того времени. Если сам Абулхаир готов присягнуть русской царице, то многие султаны и бии отнюдь не стремятся к такой зависимости («Быть союзниками – это еще куда ни шло. А быть подданными?!»). На первых порах Абулхаир вынужден даже скрывать от приближенных характер переговоров, говорить с ними о союзе и помощи, а не о присоединении к России. Разворачивается дипломатическая игра, в которой русскому послу предстоит привлечь на свою сторону или хотя бы нейтрализовать немало противников. И вновь, хорошо понимая неизбежность случившегося, автор умело вскрывает его подоплеку. Да, русский посол действует мирным путем и, пожалуй, не слишком кривит душой, убеждая людей, что покорность императрице в их собственных интересах. И тут же следует четкая оценка ситуации: «Тевкелева поражала слепота казахов, непонимание или нежелание понять, что все эти церемонии императрицы с ними – до поры до времени. Что им дается шанс стать российскими подданными добровольно. Держава Российская зарится на индийское золото, и это многое определяет в ее политике. Если казахи станут препятствием на пути к осуществлению ее планов, царица не станет умолять их присягнуть ей в верности. Россия заговорит на языке пушек...»

Как известно, до пушек в то время не дошло – большинство казахских правителей присягнуло добровольно, превратившись (хотя поначалу и номинально) в русских подданных. Но автор не забегают вперед и не показывает

того, что было уже после отъезда Тевкелева. Роман кончается тяжкими раздумьями хана Абулхаира. Уже добившись поставленной цели, хан не находит покоя, не чувствует уверенности в будущем: «Мы вручили собственными руками свой повод русской царице, побрели за ней с покорностью покалеченного верблюда... Но куда она поведет нас – в пустыню? К колодцу с чистой водой?.. Кто ведает, за кого она нас считает, за рабов своих или подопечных, которым нужна ее добрая и сильная рука?..» У казахского народа, подчеркивает автор, не может быть уверенности, что с присягой царице в степь придет лучшая жизнь. И все же у него появляется надежда на будущее. Эта мысль отражена даже в названии книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Плеяды – созвездие надежды». Роман опубликован в журнале «Жулдыз». Издан на казахском языке издательством «Жазушы» в 1981 и 1999 гг., на русском языке – издательством «Жалын» в 1987 г.

А.Изюмский. «Постигая события былых времен...». Из статьи «Отечественная история в литературном зазеркалье». «Вопросы литературы», 1989 г., № 9.

СОДЕРЖАНИЕ

Роман

Плеяды – созвездие надежды (*перевод В. Панкиной*)

Часть первая. Тупик	5
Часть вторая. Посольство	187
Часть третья. Испытание	295
Часть четвертая. Схватка	394

Статья

А. Изюмский. «Постигая события былых времен...» .	489
Примечания	494

АБИШ КЕКИЛЬБАЕВ

3 том

Редактор *О. Бреусова*

Дизайнер *Б. Серикбай*

Технические редакторы: *А. Тлеукеева, Л. Линькова*

Набор и верстка *Г. Кудинова*

ИБ № 6052

Сдано в набор 14.05.2001 г. Подписано в печать 14.06.2001 г. Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Гарнитура «Мысль». Бумага офсетная. Усл. п.л. 26,04+0,5 вкл. Усл. кр. отт. 26,88+0,5 вкл. Уч. изд. л. 28,95+0,30 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 139.

Республика Казахстан. Издательство «Жазушы»
480009, г. Алматы, пр. Абая, 143

Издательский дом «Кітап», 480009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93. Тел.: 42-36-31, 42-07-90.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика.

